This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

624

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТИДЕСЯТЫЙ).

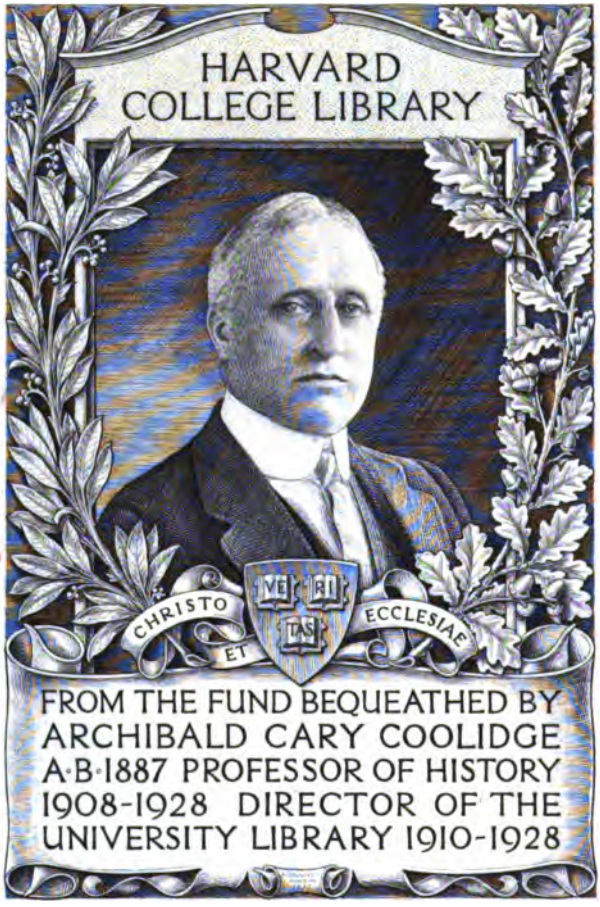
1905.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій пр., 136.
1905.

Digitized by Google

P Slav 611.20



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

295 2

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТИДЕСЯТЫЙ).

ФЕВРАЛЬ.

1905.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

Digitized by Google

P Slav 611...

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND

Digitized by Google

Святыни.

Глава третья.

I [1]).

Канцелярія центральнаго департамента отчетнаго вѣдомства была въ полномъ составѣ и дѣйствовала усердно. Майское солнце смотрѣло въ окна и забрасывало комнату широкими свѣтлыми пятнами, въ открытую балконную дверь врывалось тепло въ сопровожденіи трескучаго уличнаго гама, а молодые люди сидѣли за столами и работали. Дѣлопроизводитель перваго разряда баронъ Пульке, сухощаво-остзейской наружности, составлялъ краткую выписку изъ протокола особаго совѣщанія по вопросу о развитіи шелководства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ его до сихъ поръ не было: дѣлопроизводитель второго разряда Равеніусъ трудился надъ послѣднею корректурою отчета и отъ избытка усердія ерошилъ себѣ волосы, до того свѣтлые, что они производили впечатлѣніе вермишели; надъ обработкою справки по морскому законодательству возился Стумеску, старшій помощникъ дѣлопроизводителя, чье румынское происхожденіе совершенно заслонялось грузинскою наружностью и немного еврейскимъ произношеніемъ, а младшій помощникъ дѣлопроизводителя, Рузбицкій, готовилъ докладъ объ узаконеніяхъ, до забайкальскаго казачьяго войска относящихся. Причисленные безъ содержанія, длинный Степановъ и толстый Павловъ, „считывали“ цѣлую кипу корректурныхъ листовъ.

Часы пробили три.

— Поѣздъ стоитъ пять минутъ!—пронзительно крикнулъ Степановъ, который успѣлъ ошалѣть отъ продолжительной

1) См. «Русск. Вѣстн.», январь 1905 г.

Digitized by Google

считки,—господа, вотъ уже два часа, какъ мы не разгибаемъ спины. Требую перемирія.

Всѣ согласились, что необходимо хоть немного отдохнуть. Баронъ позвонилъ и потребовалъ чая. Степановъ, потягивалсь, спросилъ:

— Благородные юноши, кому изъ васъ извѣстно, какого числа разсматривается въ Государственномъ Совѣтѣ дѣло о воинской повинности въ Финляндіи?

Стумеску отвѣтилъ:

— Пятнадцатаго. А что?

— Да пора наконецъ приняться за этихъ...

Тутъ онъ осѣкся, потому что Павловъ ткнулъ его въ бокъ и кивнулъ на Равеніуса. Неловко. молъ, при немъ нападать на финляндцевъ. Но предупрежденіе запоздало. Равеніусъ сердито посмотрѣлъ на Степанова и сказалъ:

— Съ нашей стороны не культурно радоваться, когда кого нибудь утѣсняютъ. У финляндцевъ имѣются свои особыя права... Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія...

— Ничего вамъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія не давали, все это вы врете!—перебилъ Степановъ,—сеймъ въ Борго былъ совѣщательнымъ собраніемъ, форма правленія и актъ соединенія и безопасности за вами не утверждены. Вамъ кое что обѣщали, да ничего не дали. Мнѣ вотъ давно обѣщали должность помощника дѣлопроизводителя, да вотъ не даютъ, и я не требую же, чтобы казначей выплачивалъ мнѣ содержаніе по этой должности... А почему, скажите мнѣ, во время нашего афганскаго столкновенія съ англичанами финляндскія газеты объявили, что, въ случаѣ войны, финляндскія войска будутъ нейтральны? Это лояльность, по вашему? Слава Богу, что вамъ никакихъ особыхъ правъ не дали, а то бы пришлось съ вами расправляться, какъ съ поляками.

Павловъ наступилъ Степанову на ногу, но Рузбицкій уже вскочилъ.

— Прошу оставить нападки на поляковъ.

— Да это чортъ знаетъ что!—возмутился Степановъ,—если я задѣну нѣмцевъ, такъ обидится баронъ, а Стумеску оскорбится за всѣхъ остальныхъ инородцевъ, до цыганъ включительно. Лучше заручусь я согласіемъ Павлова и начну бранить русскихъ.

Онъ произнесъ эти слова такъ забавно, что всѣ засмѣялись, кромѣ Рузбицкаго, старавшагося выразить на своемъ блѣдномъ, тонкогубомъ лицѣ какъ можно больше презрѣнія.

Digitized by Google

Въ качествѣ старшаго по должности, Пульке счелъ нужнымъ высказать свое завершающее мнѣніе:

— Нехорошо, что вы нападаете на тѣхъ, которые не русскаго происхожденія. Среди нихъ имѣются такіе же слуги Россіи, какъ и вы.

— Да развѣ я съ этимъ спорю! Еще какіе бываютъ молодцы!— подхватилъ Степановъ,—каждая война даетъ намъ героевъ и съ нерусскими фамиліями. Но я думаю, что при Тотлебенѣ и Кауфманѣ можно было брапить нѣмцевъ. Я не требую отъ Равеніуса, чтобы онъ обладалъ русскими чувствами Барклая-де-Толли, но, если наше правительство сочло наконецъ нужнымъ положить предѣлъ измышленіямъ послѣдователей Спренгтпортена, то Равеніусъ долженъ сказать, на чьей онъ сторонѣ. А то выходитъ неловко: получаетъ содержаніе отъ Россіи, а самъ чортъ знаетъ что несетъ.

— Что-жъ, по вашему, я ради присвоеннаго мнѣ содержанія долженъ отказаться отъ своихъ убѣжденій?—презрительно спросилъ Равеніусъ.

— А каковы были ваши убѣжденія въ тотъ день, когда вы, ради полученія должности, присягали?

Дѣло опять портилось.

Вмѣшался Рузбицкій.

— Очевидно, господинъ Степановъ желаетъ подслужиться къ вице-директору Клочину, редактору издателю знаменитыхъ „Святынь“.

Поднялся шумъ. Баронъ, Стумеску и Равеніусъ не допускали, чтобы о Клочинѣ дурно отзывались. Они не раздѣляютъ его взглядовъ, но цѣнятъ въ немъ мужество. Это они высказали, но не сказали самаго главнаго, а именно, что начальникомъ центральнаго департамента отчетнаго вѣдомства, а слѣдовательно вершителемъ судьбы Клочина, состоитъ баронъ Унтенъ-Верде.

Рузбицкій язвительно добавилъ:

— Господину Степанову очень желательно занять поскорѣе штатную должность.

Степановъ даже не обидѣлся, до того подобное утвержденіе показалось ему безсмысленнымъ.

— А ясновельможный говоритъ чепуху. Если бы я стремился сдѣлать карьеру, то сталъ бы высказывать космополитическія мысли. Поймите, господа, что быть русскимъ не выгодно.

Въ это время вошелъ Клочинъ, возвращаясь съ доклада.

Digitized by Google

Подъ локтемъ онъ держалъ кипу синихъ папокъ. Видъ у него былъ озабоченный, нервный.

— Отъ меня сейчасъ получите новую порцію работы,— сказалъ онъ своимъ молодымъ сослуживцамъ, — дѣти мои, это будетъ спѣшно и, можетъ быть, задержитъ васъ лишній часъ на службѣ.

— Хорошо, Василій Владиміровичъ, хорошо... Мы постараемся, будьте покойны!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

Изъ шести чиновъ канцеляріи четверо были инородцы и относились къ его общественной дѣятельности враждебно, но обаяніе его дружескаго обращенія съ подчиненными было таково, что личное чувство превозмогало политическую рознь.

— Я черезъ нѣсколько минутъ вышлю вамъ дѣла,—быстро проговорилъ онъ и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Едва онъ вышелъ, Рузбицкій захотѣлъ было возражать Степанову, но баронъ Пульке плавнымъ движеніемъ руки показалъ, что теперь будетъ говорить онъ.

— Я знаю, почему быть русскимъ не выгодно. Это происходитъ отъ того, что русскіе любятъ сами про себя разсказывать дурное. У нихъ очень мало разумнаго патріотизма и поэтому жиды направляютъ ихъ туда, куда имъ только бываетъ угодно.

— Вѣрно!—гулкимъ басомъ одобрилъ толстый Павловъ, до того ни слова не проронившій. Степановъ не возражалъ.

Рузбицкій фыркнулъ.

— Ну, Клочинъ, надо полагать, вполнѣ достаточно патріотъ, черезъ мѣру.

Баронъ постучалъ пальцемъ по столу.

— Все равно. Онъ честный рыцарь. Еще скажу: я двѣнадцать лѣтъ служу здѣсь, у меня перебывало восемь вице-директоровъ, но такого милаго еще не было.

Эти слова привели Степанова въ восторгъ.

— Такъ! Такъ! Вѣрно! Клочинъ молодецъ. Я еще не слышалъ, чтобы онъ кому-нибудь сдѣлалъ выговоръ, а казалось бы, поводовъ къ тому не мало. Знаете что, благородные юноши, я замѣтилъ, что нѣтъ хуже несчастія, какъ имѣть начальника изъ либераловъ. Прежде всего, либералы отчаянные карьеристы и только о томъ мечтаютъ, какъ бы поскорѣе сорвать слѣдующій чинъ. Какъ только либералъ получаетъ шитый мундиръ, онъ сейчасъ же въ немъ снимается и спѣшитъ разослать свою фотографическую карточку провинціальнымъ пріятелямъ, съ приложеніемъ письма, въ которомъ презрительно отзывается о пра-

Digitized by Google

вительствѣ. А затѣмъ главная отличительная черта либераловъ заключается въ томъ, что они грубятъ своимъ подчиненнымъ.

— Довольно мы отдыхали, пора работать,—сказалъ баронъ.

II.

Клочинъ слышалъ слова Степанова: „быть русскимъ невыгодно". Въ настоящую минуту онъ лучше, чѣмъ когда-либо, понималъ, что это слова правдивыя. Степановское изреченіе какъ бы сводило къ тремъ словамъ тѣ мысли, съ которыми онъ вышелъ изъ кабинета барона Унтенъ-Верде.

Онъ сѣлъ за столъ, намѣреваясь пересмотрѣть бумаги, вынесенныя съ доклада, но не могъ заниматься. Его волновало озлобленіе.

— Все изъ-за „Святынь",—прошепталъ онъ,—все изъ-за моего романа „Чужіе".

Ему стало казаться, что все пропало, что его заѣдятъ. Но сила духа тотчасъ же къ нему вернулась. На его энергичномъ лицѣ обозначилась рѣшимость. Привычнымъ движеніемъ расправивъ черные усы, онъ принялся обдумывать свое положеніе. Необходимо обдумать теперь, чтобы придти домой къ женѣ съ тѣмъ или инымъ опредѣленнымъ рѣшеніемъ. Она будетъ поражена, но не скажетъ: „сдавайся".

Все изъ-за „Святынь". Годъ назадъ, въ маѣ, онъ окончательно рѣшилъ, что будетъ издавать этотъ журналъ. Раньше, чѣмъ остановиться на такомъ рѣшеніи, онъ долго колебался. Староградскій сблизился съ нимъ, втерся въ домъ, проявилъ себя въ совершенно новомъ свѣтѣ. Клочинъ прежде считалъ Павла Ардальоновича легкомысленнымъ журналистомъ и даже скорѣе юдофильствующимъ. Но вдругъ въ немъ совершилась перемѣна. Отъ его эфектной статьи „Будемъ іудофобами", повысившей сразу розничную продажу „Петрограда", пошла какъ бы новая полоса. Въ теченіе двухъ—трехъ мѣсяцевъ по четыре раза въ недѣлю Староградскій выступалъ съ содержательными замѣтками, проникнутыми націонализмомъ и написанными съ тѣмъ самовосхваленіемъ, которое наивному читателю нравится. Раза два Павелъ Ардальоновичъ словно сорвался съ тона, выпустилъ какія то соображенія „на оба конца", и можно было подумать, что онъ выпускаетъ такія статьи, чтобы удержать около себя и тѣхъ, кто не сочувствуетъ опредѣленнымъ взглядамъ. Однако

Digitized by Google

общій тонъ былъ несомнѣнно хорошъ. Это и помогло сближенію Староградскаго съ Василіемъ Владиміровичемъ. И все время Староградскій уговаривалъ: „издавайте журналъ, это необходимо, вы соберете ту публику, у которой теперь журнала нѣтъ. Если у васъ нѣтъ денегъ, я могу вамъ предложить десятокъ, другой тысячъ... типографія окажетъ кредитъ, бумажная фабрика тоже".

Лидія Ивановна, жена Клочина, сперва хмурилась немного, а потомъ увлеклась мыслью о журналѣ... „Надо же, чтобы ты больше не былъ одинъ. Собери своихъ, которые по-русски мыслятъ. Спаси тѣхъ, кого голодъ и желаніе быстраго успѣха загоняютъ во враждебный лагерь... Времени нѣтъ? Время ты всегда найдешь"... Онъ слушалъ и возражалъ, но мысль о журналѣ постепенно превратилась для него въ мысль о неустранимой потребности.

Послѣ посѣщеній Павла Ардальоновича, у Василія Владиміровича происходили долгія съ женою обсужденія занимавшаго ихъ вопроса. Онъ указалъ было, что по службѣ встрѣтятся препятствія: навѣрно не разрѣшатъ. Не подавать же въ отставку. Было бы обидно! Еще одинъ служебный шагъ впередъ и онъ получитъ возможность вліять на дѣло непосредственно, его личный взглядъ пріобрѣтетъ значеніе. Въ настоящей должности онъ только отчасти можетъ иногда задержать космополитическое теченіе, все шире и шире захватывающее среду тѣхъ лицъ, которыя получаютъ деньги, чины и ордена въ поощреніе ихъ дѣятельности на пользу родины. На это жена ему отвѣтила, что препятствія по службѣ можно устранить, если сослаться на бывшіе примѣры. Она назвала трехъ чиновниковъ, которымъ въ разное время дозволено было заниматься редактированіемъ журналовъ. Разумѣется, уходить со службы нельзя. Надо дойти до того мѣста, отуда голосъ будетъ слышенъ.

Василій Владиміровичъ вынужденъ былъ признать, что Лидія Ивановна права.

— А деньги?—спросилъ онъ.

Деньги? Ни у кого не слѣдуетъ брать. Не надо. У нихъ своихъ лежитъ сорокъ тысячъ, наслѣдственныхъ. Берегли ихъ на дѣтей, а теперь уже видно, что дѣтей не будетъ. Куда же беречь такую сумму! Если пропадетъ, не бѣда. Да не пропадетъ. Какой-нибудь годъ протерпѣть, а тамъ подписчикъ появится, выручитъ. Слишкомъ сильно то направленіе, космополитическое? Неправда, это сила поддѣльная. Разбродники захватили нѣсколько журналовъ и сбздали себѣ публику искусственно. Читателей они пріучили къ тому образу мы-

Digitized by Google

слей, который имѣетъ цѣлью разрушить человѣка, и многихъ писателей заставили къ нимъ приноровиться. Надо заговорить иначе, открыто и смѣло. Придетъ время, прислушаются, поймутъ.

— Наконецъ, пойдутъ на твое имя,—сказала Лидія Ивановна съ глубокимъ убѣжденіемъ.

Вотъ этого убѣжденія Клочинъ не раздѣлялъ. Публика его мало знаетъ. Повѣсти его расходятся въ кругу лицъ, случайно о немъ услышавшихъ. Печать его замалчиваетъ, его имя вычеркивается изо всѣхъ отчетовъ. Развѣ она не замѣчала сама? А Лидія Ивановна стала объяснять, что писателя Клочина считаютъ порядочнымъ человѣкомъ даже тѣ, которые не читали его произведеній. Нельзя сидѣть сложа руки. Коль скоро опасность растетъ, надо идти въ бой, дабы къ концу жизни имѣть право сказать, что свое дѣло сдѣлалъ.

Трудно будетъ, по службѣ много работы? Очень просто, потому что онъ работаетъ за другихъ. И спасибо за то не скажутъ. Вотъ, другой вице-директоръ, Леонтьевскій, аккуратно пребываетъ на службѣ отъ часу до пяти, не засиживается, раньше времени въ департаментъ не отправляется, на домъ работы не беретъ. Если такъ поступать, время найдется.

И случилось то, чего Клочину хотѣлось: жена его убѣдила. Начались послѣ того переговоры со Старограднскимъ. По правдѣ сказать, начавъ журналъ, Василій Владиміровичъ и не подумалъ бы обратиться къ Павлу Ардальоновичу. Но неловко было обходить того, который подалъ первую мысль. Даже заглавіе было предложено имъ же, Старограднскимъ.

Переговоры съ Павломъ Ардальоновичемъ едва сразу не оборвались. Старограднскій настаивалъ на томъ, чтобы его приняли въ долю расходовъ, предлагалъ пятнадцать тысячъ, горячился, обѣщалъ достать еще, когда эти деньги выйдутъ. Клочинъ былъ очень удивленъ, ибо зналъ, что Павлу Ардальоновичу неоткуда быть богатымъ, хотя, за послѣднее время, онъ и сталъ широко покучивать. За то удивился и журналистъ, когда ему Василій Владиміровичъ объявилъ о своемъ намѣреніи вложить въ дѣло сорокъ тысячъ своихъ денегъ. Послѣ этого свиданія Старограднскій пересталъ показываться и въ „Петроградѣ“ явилась замѣтка, не подписанная, но по слогу изобличающая его авторство, въ которой Клочинъ подвергался осмѣянію. Казалось, что удалось отъ него отдѣлаться. Не тутъ-то было. По прошествіи недѣли Павелъ Ардальоновичъ явился вновь, сочинилъ, что былъ въ отсутствіи, съ перваго же слова выругалъ автора замѣтки

Digitized by Google

подлецомъ. Снова бесѣды о „Святыняхъ“. Разговоръ о подборѣ сотрудниковъ занялъ вечера три. Староградскій предлагалъ все такихъ лицъ, у которыхъ прошлое было со странностями. Предлагалъ и навязывалъ, очевидно считая, что занимаетъ по отношенію къ „Святынямъ“ особое положеніе, едва ли не изобрѣлъ ихъ. Въ сущности, его слѣдовало сразу прогнать, но вѣдь если бы благовоспитанные люди всегда готовы были называть нахаловъ въ лицо нахалами, то нахаловъ бы и не было. Много времени потребовалось на то, чтобы устранить изъ его списка нѣкоторыхъ нежелательныхъ лицъ. А Мудролюбьева пришлось оставить, себѣ на горе.

— Брось!—говорила потомъ Лидія Ивановна,—я не понимаю, зачѣмъ ты совѣтуешься съ человѣкомъ, котораго нельзя уважать. Вотъ кого возьми...

И она называла имена даровитыхъ неудачниковъ, не нашедшихъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы пойти противъ искусственнаго теченія. По первому кличу они явятся, пріободрятся, начнутъ работать... Ершовъ, Антонинъ, Коренскій, другіе.

Наконецъ, къ маю мѣсяцу все оказалось готово. Сотрудники набраны, программа составлена, написана даже вступительная статья. Эта вступительная статья обсуждалась Клочинымъ съ Павломъ Ардальоновичемъ и съ Мудролюбьевымъ. При всѣхъ рѣзкихъ фразахъ Староградскій морщился и просилъ смягчить, а Мудролюбьевъ настойчиво требовалъ, чтобы вставлены были слѣдующія слова: „*Святыни* призваны служить лучшимъ стремленіямъ русскаго общества, призвать къ жизни коренныя его силы и озарить свѣтомъ яркаго сознанія его прошлое и его будущее“. Противъ такой вставки Василій Владиміровичъ возражалъ, справедливо находя, что она по туманности своей ровно ничего не означаетъ и что всякій будетъ толковать ее по своему. Возражалъ, но согласился. Отстаньте.

Оставалось заручиться разрѣшеніемъ начальства и подать прошеніе въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Первое оказалось гораздо менѣе сложнымъ, нежели воображалъ Клочинъ. Василій Владиміровичъ хорошо помнитъ свой разговоръ съ барономъ Унтенъ-Верде.

— Журналъ?

— Да, литературный.

— Литературный... онъ, конечно, будетъ и политическій. Вамъ, во всякомъ случаѣ, неловко касаться тѣхъ вопросовъ, которые разрабатываются въ департаментѣ... vous me comprenez?

Digitized by Google

— Помилуйте, у насъ почти всѣ вопросы разрабатываются... Но я самъ буду вести внутреннее обозрѣніе и ручаюсь вамъ, что не стану пользоваться матеріалами, извѣстными мнѣ лишь по службѣ.

— Ну, это еще бы не бѣда. Все, знаете, зависитъ отъ придаваемаго освѣщенія... le point de vue...

— Я же не дамъ освѣщенія ложнаго, разрушительнаго. Мои взгляды достаточно извѣстны, я полагаю.

Замялся баронъ. На его толстомъ лицѣ опредѣленно выразилось рѣшеніе отвѣтить отказомъ. Вдругъ онъ спросилъ:

— А кто будетъ у васъ писать?

Клочинъ назвалъ тѣхъ, которыми особенно дорожилъ. Унтенъ-Верде выслушалъ ихъ имена съ очевидною тоскою.

— Больше никто?

Для дополненія перечня, Василій Владиміровичъ упомянулъ Староградскаго и Мудролюбьева.

Баронъ оживился.

— Староградскій! Это замѣчательное перо, человѣкъ съ громадной эрудиціей и со свѣтлыми взглядами. По моему, ему и слѣдуетъ писать у васъ внутреннее обозрѣніе. Именно въ этомъ отношеніи надо вамъ имъ воспользоваться. Il vous tirera d'affaire.

Помолчалъ Унтенъ-Верде. Клочинъ смотрѣлъ на его шаровидный черепъ и думалъ: „много въ этомъ мячикѣ такого, что слѣдовало бы обнаружить".

— Знаете что,—объявилъ баронъ,—чѣмъ больше я соображаю, тѣмъ мнѣ яснѣе становится, что вамъ нельзя самому писать внутреннее обозрѣніе. Положительно нельзя. Это невозможно совмѣстить съ вашимъ служебнымъ положеніемъ. Я не могу согласиться. Но если вы поручите это дѣло Староградскому, вы обойдете затрудненіе и кромѣ того избавитесь отъ лишней работы. Вы для своего журнала будете писать беллетристику, но вѣдь романы вы пишете и теперь, sans que cela porte préjudice à vos travaux pour le département...

Хотѣлъ Василій Владиміровичъ отвѣтить, что Староградскому недостаточно довѣряетъ, но во время удержался. Нельзя же дать поводъ возраженію: „значитъ, вы берете сотрудниковъ, съ которыми вы не сговорились". Несомнѣнно, по недоразумѣнію или по непонятной причинѣ, ему Староградскаго навязываютъ; если онъ захочетъ оставить внутреннее обозрѣніе за собой, ему не разрѣшатъ издавать журналъ. Что-жъ, все сводится къ тому, чтобы внимательно читать рукописи Павла Ардальоновича.

Digitized by Google

— И такъ,—сказалъ Уптонъ-Верде,—при такихъ условіяхъ je ne vous refuse pas mon consentement.

Пришлось согласиться.

И ни слова о русскихъ воззрѣніяхъ Клочина, ни малѣйшаго намека на то, что публицистъ долженъ быть безпристрастенъ (другими словами—равнодушенъ и безличенъ), ничего такого. Заготовленные „отпоры“ пропали даромъ. Между тѣмъ, Василій Владиміровичъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что его романъ „Прохожіе“ заставилъ насторожиться космополитовъ, къ разряду которыхъ принадлежитъ баронъ.

Въ октябрѣ появились первыя объявленія, давшія только одиннадцать подписчиковъ, несмотря на то, что Староградскій помѣстилъ въ „Петроградѣ“ широковѣщательную статью, при чемъ привелъ Мудролюбьевское изреченіе о томъ, что „*Святыни* призваны служить лучшимъ стремленіямъ“ и т. д. Становилось жутко. Но слѣдующія объявленія, выпущенныя въ ноябрѣ, съ указаніемъ на то, что съ первой книжки начнется печатаніе романа Клочина „Чужіе“, сразу принесли пользу. Отозвалась провинція, по преимуществу дальняя, окраинная. Къ Рождеству было девятьсотъ подписчиковъ. Слѣдовательно, можно было разсчитывать на тысячу восемьсотъ, а для того, чтобы свести концы съ концами, нужно было имѣть подписчиковъ три тысячи. На такую цифру Василій Владиміровичъ, когда принимался мечтать объ успѣхѣ, расчитывалъ только со второго года. Но мечты его оправдались раньше: Первая книжка произвела прекрасное впечатлѣніе, и уже съ февраля стало ясно, что три тысячи экземпляровъ придется разсылать еще въ первомъ году.

— Видишь, я говорила!—радовалась Лидія Ивановна,—ты долженъ гордиться такимъ сочувствіемъ.

Она взяла на себя обязанности секретаря редакціи, читала письма, шутливо „докладывала“ о нихъ мужу, испрашивала „резолюціи“ и отвѣчала. Получались иногда глубоко-трогательныя письма, благодарственныя и пріободряющія. Но всѣ тѣ, которые благодарили, указывали, словно сговорившись, на мужество Клочина, на угрожающія ему опасности. Онъ удивлялся. Какое мужество? Какія опасности? И какъ примирить эти слова съ руганью тѣхъ анонимныхъ посланій, въ которыхъ ему разъясняютъ, что онъ придерживается такихъ-то взглядовъ ради карьеры!

Часто, впрочемъ, приходили письма и съ бранью по адресу Староградскаго. Одни писали: „остерегайтесь, это членъ масонской ложи, его жиды считаютъ своимъ“, другіе, напротивъ,

Digitized by Google

обвиняли Павла Ардальоновича въ томъ, что онъ продался гонителямъ еврейства. Кто-то прислалъ каррикатуру на Староградскаго, на оборотѣ начертавъ изъ „Евгенія Онѣгина“:

Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной...

Печать отнеслась къ новому изданію чрезвычайно холодно. „Свой“ лагерь обмолвился парою привѣтственныхъ строкъ, а газеты, состоящія въ области вліянія инородцевъ, поспѣшили заявить, что „Святыни“ возмутительный журналъ, направленный къ тому, чтобы вызвать на Руси междуплеменную вражду. Эти слова, съ точки зрѣнія ихъ авторовъ, не представляли собою ни ложнаго доноса, ни доноса вообще, и облетѣли почти всю провинціальную печать. Враги Клочина зашумѣли, чтобы имѣть поводъ утверждать, что шумъ поднятъ имъ и что его слѣдуетъ прикрыть. Этимъ шумомъ Василій Владиміровичъ въ началѣ даже немного смутился. Не воображалъ онъ, что его примутся обвинять въ человѣконенавистничествѣ. Въ особенности нападки обрушивались на статью Ершова „Основныя святыни русскаго народа“. Безъ всякихъ выписокъ и какихъ бы то ни было точныхъ обозначеній, о ней говорилось, что она нарушаетъ основной принципъ вѣротерпимости и оскорбляетъ благородную душу читателя. Между тѣмъ Ершовъ ограничился обдуманнымъ и спокойнымъ подборомъ историческихъ событій, выясняющихъ, что сила Руси зиждется на Православіи. Эту простую и нисколько не новую мысль онъ хорошо развилъ, освѣтилъ рядомъ характеристикъ нашихъ святителей. Сіе было признано гнуснымъ. Въ одномъ распространенномъ листкѣ поставленъ былъ вопросъ „не состоитъ г. Ершовъ въ родствѣ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, носящимъ голубой мундиръ?“ По поводу романа „Чужіе“, обрисовывающаго главные пути космополитическихъ теченій, высказывалось, что никогда еще Клочинъ такъ скучно не писалъ. О внутреннемъ обозрѣніи Староградскаго—ни слова, хотя составлено оно было довольно правильно.

Но сколько вражды поднялось кругомъ, здѣсь, въ Петербургѣ! Вражды улыбающейся, недоговоренной, прикрываемой рукопожатіями и увѣреніями дружбы. Среди сослуживцевъ онъ сталъ замѣчать недоброжелательность. Все то, что о немъ писалось въ газетахъ, издаваемыхъ израильтянами, повторялось здѣсь, но въ утонченномъ и смягченномъ видѣ, затруд-

Digitized by Google

няющемъ возраженія. Иные освѣдомлялись: „ну, что, какъ идетъ вашъ журналъ?“ и въ голосѣ ихъ къ этимъ простымъ словамъ примѣшивалась злоба, съ желаніемъ показаться насмѣшливымъ. Другіе подходили съ вопросомъ: „правда, что вашъ журналъ собираются закрыть?“... Третьи распускали слухъ, что въ „Святыняхъ“ появилась статья революціоннаго содержанія. Въ той части публики, которая ничего не читаетъ, установилось мнѣніе, что въ „Святыняхъ“ проповѣдываются инквизиціонныя идеи. А подписчикъ между тѣмъ шелъ, стихійно, упорно, вопреки стараніямъ двухсторонней клеветы.

Съ каждой книжкой клевета усиливалась. Болѣе всего разсердила четвертая книжка, вышедшая на дняхъ.

Изъ-за нея произошла маленькая непріятность еще до ея выхода. Составленное Староградскимъ внутреннее обозрѣніе было Клочинымъ въ корректурѣ уничтожено. Подъ предлогомъ выясненія финляндскаго вопроса, ставшаго очереднымъ, Павелъ Ардальоновичъ дѣлалъ сводку всѣхъ измышленій Мехелина и его послѣдователей, сопровождалъ эту сводку непозволительно слабыми возраженіями и доказывалъ, что, хотя „Форма правленія“ и была признана русскимъ правительствомъ дѣйствующею въ Финляндіи, однако правительство могло взять это признаніе назадъ. Такая постановка вопроса тѣмъ болѣе должна была возмутить Клочина, что онъ увидѣлъ въ ней черты хитраго пріема: подъ видомъ благочестія признать ложь за истину, а затѣмъ, въ другой разъ, отъ этого вымышленнаго признанія „Формы правленія“ пойти далѣе впередъ. Онъ выкинулъ статью и замѣнилъ ее другою, написанную Антонинымъ на ту же тему, но на основаніи правдивыхъ данныхъ, а Староградскаго попросилъ написать по другому вопросу. Тотъ заартачился было, но вдругъ подчинился, точно ему кто-то со стороны крикнулъ: „подчинись“. И далъ онъ одну изъ лучшихъ своихъ статей, блестящій трактатъ о причинахъ паденія сельскаго хозяйства въ центральныхъ губерніяхъ. Подозрѣвалъ Клочинъ, что тутъ не безъ плагіата, но рѣшился отдать статью въ наборъ, какъ вдругъ случайно попалась ему на службѣ объемистая записка министерства земледѣлія, отпечатанная для немногихъ. Всѣ соображенія Староградскаго оказались вынужденными изъ этой записки. Разумѣется, статья пойти не могла. Василій Владиміровичъ самъ написалъ внутреннее обозрѣніе, съ плеча, глубоко убѣжденный въ томъ, что пишетъ нѣчто неважное, необдуманное. Гдѣ тутъ обдумывать, когда пишешь спѣшно, чтобы закончить въ одну ночь, такъ какъ съ одной стороны ждетъ типографія, а

Digitized by Google

съ другой надо съ утра приступить къ неотложному служебному дѣлу!

Очень изумился онъ, когда всѣ заговорили объ этой статьѣ. Посыпались письма, хвалебныя и ругательныя. Ругательныхъ—больше. Заговорили и тѣ, которые обыкновенно не говорятъ о томъ, что напечатано. Между тѣмъ, Клочинъ написалъ, въ публицистической формѣ, то, что до сихъ поръ высказывалось имъ въ повѣстяхъ, но въ романѣ основная мысль иногда прикрывалась внѣшней стороной замысла, а тутъ все было сказано ясно. Въ той же книжкѣ помѣщено было окончаніе „Чужихъ". И получилось, что Клочинъ—внутренній обозрѣватель разъясняетъ Клочина-романиста. Оба они энергичными, убѣжденными словами говорили: русскіе люди, опомнитесь, перестаньте унижать себя непониманіемъ своихъ основныхъ задачъ, сплотитесь во имя спокойствія родины... не браните инородцевъ, а старайтесь быть лучшими людьми... не вѣрьте тѣмъ, которые съ заграничнаго голоса вамъ говорятъ, что вы прославитесь и заслужите всеобщее уваженіе, если отречетесь отъ самосознанія... они убѣждаютъ васъ въ томъ, что у васъ окажется „ангельскій, должно быть, голосокъ", если вы, вмѣсто: „спаси Господи, люди Твоя", затянете инородческую пѣсню. Не поддавайтесь, пойте свое, родное, полной грудью, и тогда только всѣ ихъ голоса присоединятся къ вашему хору"...

Сегодня, наконецъ, случилось то, что должно было случиться: выяснилось, что у барона терпѣніе изсякло.

Былъ у него Василій Владиміровичъ съ докладомъ. Сразу почувствовалъ онъ, что Унтенъ-Верде настроенъ враждебно, ищетъ къ чему бы придраться, старается уличить докладчика въ ошибкѣ. Тонъ прескверный, раздражительный, почти грубый.

Когда Клочинъ сталъ ему излагать, какой, по его мнѣнію, надлежитъ дать отзывъ по проекту закона о поземельномъ устройствѣ забайкальскихъ инородцевъ, баронъ его прервалъ:

— Надо написать, что съ нашей стороны никакихъ препятствій не встрѣчается.

— Но свѣдѣнія, полученныя нами вчера отъ генералъ-губернатора, указываютъ, что условія измѣнились и что...

Унтенъ-Верде не далъ договорить:

— Я уже посовѣтовался съ Иваномъ Андреевичемъ Леонтьевскимъ, и мы пришли къ другому заключенію.

Василій Владиміровичъ вздрогнулъ.

— Дѣло находится у меня, Иванъ Андреевичъ не могъ его изучить. И въ этомъ единственное оправданіе его неосновательнаго совѣта, тѣмъ болѣе для меня неожиданнаго, что онъ не

Digitized by Google

захотѣлъ путемъ переговоровъ со мною оградить себя отъ возможности впасть въ ошибку.

Это, конечно, былъ отвѣтъ обидный, но у Клочина было обыкновеніе никогда не оставаться въ долгу. Ссылка барона на Леонтьевскаго была въ служебномъ порядкѣ оскорбленіемъ.

Улыбнулся баронъ и опустилъ глаза Такъ поступалъ онъ всегда, когда собирался сказать что-нибудь очень нехорошее.

— Слѣдовательно, если бы Леонтьевскій былъ сотрудникомъ „Святынь", вы бы сдѣлали ему выговоръ. N'est ce pas?

А? Вотъ куда клонитъ! Недаромъ упоминаетъ о „Святыняхъ". Ну, дѣлать нечего, открывается перестрѣлка.

— У меня въ „Святыняхъ" принятъ порядокъ, при которомъ каждый долженъ дѣлать свое дѣло и не вмѣшивается въ дѣло другого, но выговоровъ сотрудникамъ я не объявляю, по той простой причинѣ, что они порядочные люди и не заслуживаютъ того, чтобы съ ними обращались, какъ съ мальчишками.

— Довольно объ этомъ,—сказалъ Унтенъ-Верде и потянулъ бакенбарды въ обѣ стороны, что было у него признакомъ внутренней злости,—я вамъ повторяю, что надо написать о неимѣніи съ нашей стороны препятствій. Я такъ рѣшилъ... voilà.

— Пусть такъ и будетъ. Вы же подпишете этотъ отзывъ,—спокойно отвѣтилъ Клочинъ и собрался уходить, такъ какъ докладъ былъ исчерпанъ.

— Нѣтъ, погодите немного, un petit instant,—попросилъ баронъ.

Василій Владиміровичъ снова сѣлъ.

Унтенъ-Верде посмотрѣлъ на него пристально, потомъ отвелъ свой взглядъ въ сторону и спросилъ:

— Вы не предполагаете въ этомъ году воспользоваться отпускомъ?

Это былъ совсѣмъ неожиданный вопросъ.

— Нѣтъ, не имѣю въ виду. Во-первыхъ я взялъ въ прошломъ году двухмѣсячный отпускъ, а во-вторыхъ у насъ въ теченіе лѣта ожидаются крупныя дѣла.

Отвѣчая такимъ образомъ, Клочинъ въ то же время думалъ: что-то готовится крайне непріятное.

— А вы бы все-таки взяли отпускъ, вамъ надо отдохнуть,—тономъ участливаго совѣта произнесъ баронъ.

„Ну, теперь ясно!"—сообразилъ Василій Владиміровичъ. Рѣшено меня выжить. Сперва разговоръ объ отпускѣ, а потомъ объ отставкѣ.

Digitized by Google

Онъ тотчасъ же внушилъ себѣ большое спокойствіе. Нельзя горячиться. Не надо сказать ни одного рѣзкаго слова. Слѣдуетъ даже притвориться непонятливымъ. Служба ему нужна, потому что онъ дѣйствительно служитъ родинѣ.

— Отдохнуть никогда не вредно,—согласился онъ,—послѣ отдыха лучше работается, но я буду жить въ Павловскѣ и отдыхать по вечерамъ.

Баронъ принялъ шутливый видъ.

— Вы, можетъ быть, опасаетесь, что мы безъ васъ не справимся съ работой? Vraiment?

„А! Все ближе къ цѣли".

— О, нѣтъ.

Клочину хотѣлось прибавить: „безъ меня вамъ даже будетъ легче", но это противорѣчило бы его рѣшенію быть непонятливымъ.

— Вы незамѣнимы во многомъ,—любезно сказалъ Унтенъ-Верде,—напримѣръ, какъ редакторъ „Святынь"...

„Не подамъ въ отставку! Не подамъ!"—мысленно кричалъ ему въ лицо Василій Владиміровичъ.

— Да, тамъ вы незамѣнимы. Никто, кромѣ васъ, не сумѣлъ бы написать романъ „Чужіе", который я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ. Но на службѣ не должно быть необходимыхъ людей. Не должно. Vous me comprenez?

„А я воображалъ, что только необходимые и нужны!"—подумалъ Клочинъ, сохраняя безжизненное выраженіе лица.

— Наконецъ,—завершилъ свою рѣчь баронъ,—я не предвижу для васъ никакого повышенія. Директоромъ канцеляріи вамъ же не быть. Нельзя быть директоромъ канцеляріи и редакторомъ. C'est impossible!

„Пока ты стоишь во главѣ центральнаго департамента, конечно!"—закончилъ его мысль Василій Владиміровичъ. Онъ понялъ, что пора перестать быть безмолвнымъ.

— Я не ради повышенія работаю,—сказалъ онъ очень ровнымъ голосомъ,—а во имя исполненія возложенныхъ на меня обязанностей. Я глубоко тронутъ участіемъ вашего превосходительства и тѣмъ, что вы, своими откровенными словами, даете мнѣ возможность отнынѣ доказать, что я работаю не ради своей личной пользы.

Онъ быстро удалился, дабы баронъ не успѣлъ опомниться.

Теперь, въ своемъ кабинетѣ, онъ можетъ обдумать положеніе и рѣшить, что ему дѣлать.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что баронъ Унтенъ-Верде хочетъ во что бы то ни стало добиться его отставки. Также

Digitized by Google

нельзя въ томъ сомнѣваться, что причина немилости лежитъ за предѣлами службы. Работу свою онъ исполняетъ хорошо, занимается больше и быстрѣе другихъ, ни въ малѣйшемъ упущеніи не грѣшенъ. Не нравится его литературная дѣятельность. Враги поняли, что наступило время съ этою дѣятельностью посчитаться. Всего пріятнѣе было бы имъ, чтобы „Святыни“ подверглись запрещенію. Но какъ же этого добиться, когда „Святыни“ служатъ тому, чему они, эти господа, на основаніи принесенной присяги, служить обязаны! Разсчитывать на оплошность трудно, коль скоро онъ внимательно читаетъ каждую строку раньше, нежели пустить ее въ печать. Запретить ему быть редакторомъ „Святынь“? Объ этомъ пойдутъ толки и неизвѣстно еще, что изъ этого выйдетъ. Гораздо проще иносказательно заявить: „если вы не откажетесь сами отъ редактированія журнала, вамъ ничего, кромѣ непріятностей не предстоитъ“... Вотъ почему по его работамъ совѣтуются съ Леонтьевскимъ, вотъ почему ему объясняютъ, что во всякую минуту готовы отказаться отъ его сотрудничества. Разсчетъ ясенъ. Они полагаютъ, что онъ либо испугается и откажется отъ журнала, либо озлится и выйдетъ въ отставку, а тогда всякій изъ нихъ обрѣтетъ возможность утверждать, что Клочинъ ушелъ „по непріятности“... сдѣлать на человѣкѣ пятно, а потомъ это пятно размазать. Нѣтъ, ни прекращать журнала, ни уходить въ отставку нельзя. Сдаваться,—значитъ признать, что русское дѣло безповоротно расхищено. Надо бороться. Но одной силою ничего не сдѣлаешь. Необходима и хитрость. Слѣдуетъ тянуть, избѣгать объясненій. Но сколько придется пережить гадостей! Они теперь радуются.

Кто „они“, Клочинъ не зналъ, но давно уже чуялъ существованіе неуловимой организаціи, протянувшей невидимыя нити по всѣмъ направленіямъ русскаго быта. Одно было ясно, эти „они“ никогда не помѣшали бездарному нѣмцу добиться благополучія или бывшему поднадзорному оказаться превосходительствомъ. Въ его воображеніи „они“ рисовались безпечною толпою безпринципныхъ и безполезныхъ, никому вреда не желающихъ, ласковыя слова произносящихъ, но ловко подставляющихъ ножку всякому, кто не сумѣетъ имъ убѣдительнымъ голосомъ сказать: „ich habe die Ehre, meine Herrn, um ihre Hilfe zu bitten“... Впрочемъ, все это можетъ быть совершенно напрасно рисовалось въ воображеніи Клочина.

Digitized by Google

III.

Отъ своихъ мыслей онъ былъ оторванъ появленіемъ главнаго журналиста Агафонова.

— Ваше превосходительство, можно получить бумаги?— спросилъ Агафоновъ, съ обычнымъ своимъ подобострастіемъ.

— Какъ!—вскрикнулъ Клочинъ,—я забылъ выслать!

Его огорчила разсѣянность, изъ-за которой его подчиненнымъ придется лишнее время сидѣть въ канцеляріи.

— Вотъ, получите. Все размѣчено, распорядитесь.

Старикъ Агафоновъ взялъ бумаги, но, вмѣсто того, чтобы уйти, подошелъ къ Василію Владиміровичу поближе.

— Ну, въ чемъ дѣло?—спросилъ тотъ, угадывая, что журналистъ собирается о чемъ-то просить.

— Ваше превосходительство, насчетъ Линера...

Линеръ былъ чиновникъ для письма, явно еврейскаго происхожденія, принятый на службу въ департаментъ по непосредственному указанію барона Унтенъ-Верде.

— Такъ что же?

— Онъ опять возбуждаетъ ходатайство о пособіи... сразу двойни родились... такъ я не знаю, давать ли. Разрѣшите ли просить за него?

— Почему же нѣтъ? Вы Линеромъ довольны? Я знаю только его почеркъ, нахожу его художникомъ по каллиграфической части.

— Я, ваше превосходительство, радъ бы дать, но не зналъ, какъ вы на это посмотрите, потому что вѣдь онъ... онъ изъ евреевъ.

„А, вотъ въ чемъ дѣло!“—подумалъ Клочинъ и, разсердившись, немного рѣзкимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Вы ошибаетесь, какъ относительно Линера, такъ и относительно меня. Линеръ не еврей. Онъ крещенъ. Слѣдовательно, онъ жидъ. А я вовсе не желаю, чтобы жиды голодали, нуждались и были несчастны. Мы одинаково должны помогать каждому. Подайте записку, а я съ особеннымъ удовольствіемъ поддержу ваше ходатайство. Можете идти.

Оставшись одинъ, Василій Владиміровичъ съ озлобленіемъ стукнулъ кулакомъ по столу. Вотъ они, успѣхи клеветы! О немъ составилось мнѣніе, что онъ готовъ желать зла инородцамъ, чуть ли не морить ихъ голодомъ. И, пожалуй, такъ думаетъ самъ Линеръ, несчастный, вынужденный на пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ содержать семью и обязанный при

Digitized by Google

этомъ сохранять спокойствіе духа, обезпечивающее непогрѣшимость его почерка.

— Да я развѣ противъ васъ что-нибудь имѣю, бѣдные Линеры!—прошепталъ онъ,—развѣ въ моихъ глазахъ каждый жидъ, нѣмецъ, полякъ, финляндецъ или армянинъ не такой же человѣкъ, какъ и я. Я врагъ тому инородцу, который поддѣлываетъ русскую мысль въ русской печати, который творитъ у насъ смуты на деньги, получаемыя изъ Лондона и Женевы, который, наконецъ, украсившись русскими знаками отличія, фыркаетъ на все русское. А болѣе всего я врагъ тѣмъ русскимъ, которые ради личныхъ выгодъ служатъ врагамъ Россіи.

Съ такимъ чувствомъ, точно онъ достаточно отругался, Клочинъ принялся за работу. Унтенъ-Верде разстроилъ, время потеряно, придется ночью нагонять. Но долго заниматься ему не удалось. Черезъ полчаса вошелъ курьеръ и доложилъ:

— Господинъ Мудролюбьевъ.

Первою мыслью Василія Владиміровича было распорядиться, чтобы господина Мудролюбьева попросили оставить его въ покоѣ. Потомъ онъ разсудилъ, что лучше отдѣлаться сразу.

— Просите.

Сергѣй Васильевичъ ввалился въ кабинетъ. Съ перваго же взгляда стало замѣтно, что онъ явился съ враждебными намѣреніями. Не то, чтобы онъ казался злымъ, но въ немъ сказывалась та уравновѣшанность наглости, которая достигалась имъ лишь путемъ надлежащаго раздраженія. Длинная борода его разметалась, а на широкой лысинѣ виднѣлись капли пота.

„Я еще не встрѣчалъ человѣка, который бы мнѣ былъ въ такой мѣрѣ противенъ,“—подумалъ Клочинъ.

— Сегодня въ первый разъ вижу васъ въ обстановкѣ вашего служебнаго величія,—пробасилъ Мудролюбьевъ, не поздоровавшись,—помѣщеньице недурненькое. Пріятно въ немъ сидѣть, да еще получать за это денежки. Большія удобства доставляетъ русскій народъ господамъ чиновникамъ.

Василія Владиміровича такая развязность разсердила.

— Къ сожалѣнію, русскій народъ не доставилъ мнѣ самаго цѣннаго удобства, а именно не оградилъ меня отъ вашего посѣщенія. Вамъ кажется извѣстно, что по дѣламъ редакціи я принимаю по воскресеньямъ отъ часу до шести, у себя на дому. Здѣсь я журнальными дѣлами не занимаюсь. Впрочемъ, садитесь и объясняйте, что вамъ нужно.

Грузно опустившись на стулъ, Сергѣй Васильевичъ фыркнулъ:

Digitized by Google

— Фу, какой сердитый!

Но тотчасъ же осѣкся, усмотрѣвъ во взглядѣ Клочина готовность закричать: „пошелъ вонъ“. Онъ присмирѣлъ и поспѣшилъ сказать:

— Я къ вамъ по порученію Павла Ардальоновича.

— Странно. Онъ довольно часто у меня бываетъ, чтобы не нуждаться въ посредникахъ. Въ чемъ дѣло?

— Собственно не по его порученію, а по дѣлу, его касающемуся. Я хочу знать, почему вы не помѣстили его внутренняго обозрѣнія.

— Очень просто, потому что оно никуда не годилось. Мнѣ нѣтъ надобности давать вамъ болѣе подробныя объясненія.

Мудролюбьевъ улыбнулся такою скверною улыбкой, что казалось, будто онъ не знаетъ большаго удовольствія, какъ внушать людямъ отвращеніе.

— Весьма удивительно,—съ хихиканьемъ произнесъ онъ,— весьма удивительно, что вы такъ безцеремонно обращаетесь съ тѣми, которые въ сущности создали вашъ журналъ и являются по справедливости авторами вашего успѣха.

— Что?!

— Совершенно такъ, а не иначе. Староградскій первый подалъ вамъ мысль о журналѣ, Староградскій же придумалъ для него заглавіе. А я сдѣлалъ еще больше, потому что я далъ вамъ формулу.

И, не давая себя перебить, Сергѣй Васильевичъ быстро процитировалъ: „*Святыни* призваны служить лучшимъ стремленіямъ русскаго общества, призвать къ жизни коренныя его силы и озарить свѣтомъ яркаго сознанія его прошлое и его будущее“...Развѣ это не формула? А?

Василій Владиміровичъ пересталъ сердиться. Ему было только смѣшно такое самохвальство.

— Послушайте, Сергѣй Васильевичъ, вы мнѣ позволите говорить съ вами совершенно откровенно.

— Безъ чиновничьихъ увертокъ?... Пожалуйста.

— Такъ вотъ, что я вамъ скажу... Я всегда находилъ, что между нашей семинарщиной и іезуитизмомъ очень много общаго. Да, тѣ семинаристы, которые идутъ во священники, это въ большинствѣ случаевъ избранные, убѣжденные, подчинившіеся логикѣ своей души. А семинаристъ, пошедшій по окончаніи курса не въ сторону алтаря, являетъ собою нѣчто ненормальное, лживое. Онъ отбросъ духовенства, подобно тому, какъ іезуиты отбросъ и перегной католичества. Для того,

Digitized by Google

чтобы пробить себѣ мірскую дорогу, онъ долженъ оболгать самого себя, оправдать себя ложью...

— Что-жъ, я былъ въ семинаріи!—перебилъ Мудролюбьевъ,—былъ и горжусь этимъ. Я не понимаю вашихъ ехидствъ. Надо бороться, а не ехидничать. Къ чему вы собственно клоните, хотѣлъ бы я однако уразумѣть...

— Клоню къ тому, что ваша формула, какъ вы ее называете, нѣчто въ высокой степени іезуитское. Я согласился вставить ее въ свою вступительную статью лишь потому, что въ концѣ этой статьи самъ опредѣленно высказалъ, что нашими святынями я называю Православіе, Самодержавіе и Народность. А сама по себѣ ваша пресловутая формула такова, что ее приметъ и всякій врагъ Россіи, потому что она ровно ничего не обозначаетъ... Вы бы могли съ такимъ же успѣхомъ предложить ее господину Струве, для „Освобожденія“.

— Небось чиновничья душа встрепенулась,—фыркнулъ Сергѣй Васильевичъ,—въ каждомъ чиновникѣ имѣется нѣчто жандармское.

Клочинъ улыбнулся.

— Пожалуйста, постарайтесь сказать мнѣ какую-нибудь основательную грубость, чтобы я разсердился и со злости нашелъ въ себѣ рѣшимость объявить вамъ, что больше ни одной вашей строки я въ „Святыняхъ“ не помѣщу.

Мудролюбьевъ всталъ, красный, разгнѣванный.

— Извольте-съ, не печатайте!—загудѣлъ онъ,—отъ этого не пропаду. Но знайте, что я завтра же во всѣхъ газетахъ напечатаю, что вы украли мою мысль и что ни одинъ порядочный человѣкъ не захочетъ у васъ сотрудничать.

Онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

„Хорошо бы избавиться и отъ Староградскаго!“—спокойно подумалъ Василій Владиміровичъ и вновь принялся за работу. Авось больше никто не помѣшаетъ.

IV.

Лидія Ивановна внимательно выслушала разсказъ мужа о его разговорѣ съ барономъ Унтенъ-Верде. Ея красивое лицо тридцатилѣтней блондинки приняло суровое выраженіе. Голубые глаза потемнѣли.

Когда онъ кончилъ, она спросила:

— Что же ты рѣшилъ?

Digitized by Google

— Не поддаваться. Ни отъ „Святынь“, ни отъ службы я не откажусь. И здѣсь и тамъ я имъ неудобенъ, слѣдовательно и здѣсь и тамъ долженъ остаться. Буду держаться до послѣдней крайности. Если станетъ не въ моготу, подамъ въ отставку, но только тогда, когда увижу, что они способны меня уволить безъ прошенія. Съ тѣхъ поръ, какъ начали выходить „Святыни“, они считаютъ меня объявившимъ имъ войну.

— Ты правъ. Какъ рѣшилъ, такъ и дѣлай. Я добавлю одно: хлопочи о переходѣ въ другое вѣдомство.

Эти слова немного озадачили Клочина.

— Легко сказать „хлопочи“. Вездѣ сидитъ какой-нибудь Унтенъ-Верде. И они знаютъ, что у меня нѣтъ тетушекъ.

— А ты обратись къ князю Юрію Всеволодовичу,—предложила Лидія Ивановна.

— Къ князю Юрію Всеволодовичу? Что ты! Ты знаешь, я никогда ни къ кому не обращался, не хотѣлъ пользоваться ничьей протекціей.

— И прекрасно дѣлалъ. Я увѣрена, что онъ тебя за это особенно уважаетъ. Онъ крестилъ твоего покойнаго отца, и всякій другой на твоемъ мѣстѣ воспользовался бы этимъ. Ты не приходилъ къ нему просить: „замолвите обо мнѣ слово моему начальству“, а баронъ Унтенъ-Верде и не подозрѣваетъ, что князь Юрій Всеволодовичъ тебя любитъ, а то бы никто не посмѣлъ тебя тронуть. Но теперь, когда врагъ на тебя ополчился, ты обязанъ пойти къ князю и отстаивать себя всячески. Отправляйся завтра утромъ къ нему и попроси, чтобы онъ помогъ тебѣ перейти въ другое вѣдомство.

— Онъ мнѣ отвѣтитъ, что я самъ во многомъ виноватъ. Помню, когда я ему разсказалъ о своемъ намѣреніи издавать „Святыни“, онъ меня предупредилъ: „будь остороженъ, не забывай, что съ волками жить — по-волчьи выть“, а я ему отвѣтилъ: „по моему мнѣнію, эта поговорка ошибочна и я ее передѣлалъ: съ волками жить—держать ружье“...

— И у него ты получишь самые надежные заряды для своего ружья!—весело закончила Лидія Ивановна.—Пойдешь?

— Что съ тобой подѣлаешь... конечно пойду.

Ему тоже стало весело. Онъ даже разсмѣялся, представляя себѣ, какъ будетъ досадовать Унтенъ-Верде, увидѣвъ, что его жертва отъ него благополучно ускользаетъ.

— Ты, Лида, у меня умная... А теперь идемъ обѣдать... у меня много работы.

Но не успѣли они перейти въ столовую, какъ раздался звонокъ и вслѣдъ за тѣмъ появился Старорадскій.

Digitized by Google

— Не ожидалъ, я еще не успѣлъ тебѣ разсказать о своей бесѣдѣ съ Мудролюбьевымъ,—шепнулъ Клочинъ женѣ и пошелъ навстрѣчу гостю.

— Надѣюсь, вы пожаловали къ намъ обѣдать?—спросилъ онъ Павла Ардальоновича, привѣтливо настроенный разговоромъ съ женою.

У Старограднскаго тоже была самая дружелюбная наружность.

— Если позволите, да. Лидія Ивановна, разрѣшите воспользоваться моимъ правомъ поцѣловать у васъ ручку. Давно я у васъ не былъ, Василій Владиміровичъ. Вы, можетъ быть, воображаете, что я на васъ въ претензіи за то, что вы не помѣстили моей статьи? Напротивъ, я самъ нахожу, что она... какъ бы выразиться...

— Слишкомъ похожа на работу чиновника министерства земледѣлія,—подсказалъ Василій Владиміровичъ.

Павелъ Ардальоновичъ не смутился.

— Вотъ именно. Я взялъ черезчуръ сухой тонъ.

А самъ подумалъ; „на этотъ разъ влопался, но попробуй сказать мнѣ это прямо, такъ увидишь, каково я вывернусь. Такъ или иначе, а я съ тобою справлюсь. Не позволю я Вюрцбергу надо мною издѣваться. Надоѣло".

За обѣдомъ онъ былъ очень милъ и держалъ себя совсѣмъ прилично. Впрочемъ, онъ зналъ, что Лидія Ивановна не допуститъ какого-либо поползновенія съ его стороны быть наглымъ. Онъ щеголялъ свѣтскою сдержанностью. Еще за супомъ онъ повѣдалъ, что былъ сегодня у Грайзе, у самого Грайзе. Это не произвело на его слушателей никакого впечатлѣнія. Лидія Ивановна замѣтила:

— Я думала, что Грайзе уѣхалъ...

Клочинъ спросилъ:

— Вы были у него по дѣлу, на пріемѣ?

— Да. Подумаешь тоже, завелъ себѣ пріемъ... давно ли самъ на пріемахъ торчалъ и бывалъ принятъ послѣднимъ! — съ мечтательно-снисходительной улыбкой проговорилъ Старограднскій,—еще десяти лѣтъ не прошло, какъ онъ управлялъ почтовою конторой, а теперь, того и гляди, попадетъ въ главноуправляющіе... Однако, человѣкъ умный и за прессою ухаживаетъ. Я заѣхалъ къ нему по той причинѣ, что онъ еще въ прошломъ году выражалъ желаніе со мною потолковать. Эти господа отлично понимаютъ значеніе общественнаго мнѣнія. Я ему сказалъ сегодня: „я не одобряю вашей политики, потому что ваши взгляды теоретичны, а жизнь, вырабатывая теоріи, имъ не подчиняется"...

Digitized by Google

„Каково съ апломбомъ ораторствуетъ!—любовался Клочинъ. Иной и повѣритъ".

Онъ переглянулся съ женой. У нея былъ нѣсколько обиженный видъ. Когда при ней лгали, она считала для себя это оскорбленіемъ.

Ихъ молчаніе было Староградскому непріятно, и онъ осудилъ себя за то, что не приберегъ этой темы для Миряевыхъ. Тамъ слушаютъ его съ восторгомъ, когда дядя Митя не мѣшаетъ. Всего досаднѣе то, что у Грайзе онъ дѣйствительно былъ и дѣйствительно сказалъ ему эту фразу... Правда, Грайзе ему на это отвѣтилъ: „наплевать мнѣ на ваше одобреніе".

Чтобы расположить въ свою пользу хозяевъ, въ особенности Лидію Ивановну, показавшуюся ему еще болѣе строгой, нежели обыкновенно, онъ принялся увѣрять, что нигдѣ не чувствуетъ себя такъ хорошо, какъ у нихъ.

— Вообще, нельзя не позавидовать людямъ, живущимъ такимъ уютнымъ гнѣздомъ.

— Кто же вамъ мѣшаетъ жениться!—спросила Лидія Ивановна, не знавшая, что Павелъ Ардальоновичъ женатъ, такъ какъ ему еще не довелось здѣсь разсказывать о своемъ семейномъ положеніи.

Съ грустнымъ видомъ онъ отвѣтилъ:

— Я уже не холостъ.

Провѣривъ, что обручальнаго кольца онъ не носитъ, она подумала, что Староградскій разошелся съ женой. Павелъ Ардальоновичъ и не попытался пустить снова въ ходъ свое измышленіе относительно того, будто Рогановы французскаго и герцогскаго происхожденія. Онъ зналъ, что тутъ не выгоритъ. Но сочинить что-нибудь было необходимо.

Онъ сказалъ:

— Она у меня несчастная, страдаетъ загадочнымъ нервнымъ разстройствомъ и содержится въ спеціальной лечебницѣ въ Берлинѣ. Это горе всей моей жизни. Вчера еще я получилъ отъ тамошняго доктора письмо. Боюсь, что она неизлѣчима. Берутъ большія деньги, а вылечить не могутъ.

Клочинъ и его жена не то, чтобы не повѣрили, но не рѣшились не вѣрить, съ такимъ чувствомъ, будто тутъ сказалось бы нежеланіе пожалѣть больную. Они выразили на лицахъ своихъ сочувствіе и, деликатности ради, заговорили о другомъ.

Староградскій, который ожидалъ, что его станутъ разспрашивать и что онъ, такимъ путемъ, обратитъ на себя пріятное вниманіе, остался недоволенъ. Онъ вообще былъ крайне неудо-

Digitized by Google

влетворенъ тѣмъ положеніемъ, какое ему удалось занять по отношенію къ Клочину и „Святынямъ“. Тѣмъ болѣе обидно, что Вюрцбергъ это предсказалъ. Когда Павелъ Ардальоновичъ ему сообщилъ, что Клочинъ отказывается отъ денегъ и, повидимому, обладаетъ достаточными средствами, чтобы начать дѣло, Леонъ Борисовичъ сказалъ: „ну, значитъ, то, чего мы хотѣли, оно не пойдетъ... тамъ, гдѣ не будетъ моихъ денегъ, тамъ не будетъ и вашего значенія“... Слѣдовало съ нимъ согласиться, а не упорствовать, не утверждать: „а все таки журналъ будетъ нашъ, я выживу Клочина, деньги его изсякнутъ“... Гдѣ имъ изсякнуть! Сразу успѣхъ. Положимъ, Вюрцбергъ очевидно приметъ мѣры и съ другой стороны. Онъ на что то намекалъ.

Со злостью, Павелъ Ардальоновичъ подумалъ: все фокусничаетъ, жидюга. Гораздо проще было бы дать мнѣ денегъ, чтобы я завелъ тѣ „Святыни“, какія ему угодны. Я бы не хуже Клочина сумѣлъ заманить читателей изъ лагеря консерваторовъ. Находитъ, мерзавецъ, что я не пользуюсь довѣріемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ прескверныя порученія. Не забыть бы устроить дѣло съ Желтильниковской статьей. На что Вюрцбергу Желтильниковъ?

Вспомнивъ о томъ, что придется имѣть съ Василіемъ Владиміровичемъ дѣловую бесѣду, Староградскій заставилъ себя быть очаровательнымъ, сообщилъ нѣсколько обидныхъ анекдотовъ про Аврикова, разсмѣшилъ даже Лидію Ивановну.

По окончаніи обѣда она сказала мужу:

— Перейди съ Павломъ Ардальоновичемъ въ кабинетъ. Я вамъ туда пошлю кофе.

Такъ они и сдѣлали. Въ кабинетѣ Староградскій развалился въ качалкѣ и закурилъ добрую хозяйскую сигару. Пріятное ощущеніе сытости послѣ вкуснаго стола подбодрило въ немъ самодовольство, и онъ рѣшилъ, что поведетъ разговоръ умно и энергично. По лицу Клочина, сидѣвшаго противъ него на диванѣ, онъ угадалъ, что у хозяина на душѣ не совсѣмъ ладно.

Принявъ участливый видъ, онъ спросилъ:

— У васъ вѣроятно непріятность? Точно вы разстроены...

— Нѣтъ, ничего,—хотѣлъ было отмахнуться Василій Владиміровичъ, но потребность высказаться одержала верхъ.—По службѣ у меня осложненія. Меня изводятъ, очевидно изъ-за „Святынь“... Съ каждымъ днемъ становится труднѣе.

„Значитъ, съ другой стороны до тебя добираются!“—подумалъ Староградскій. Ему доставила большое удовольствіе мысль о

Digitized by Google

томъ, что у Клочина явилось больное мѣсто. Показалось ему, что это даетъ ему преимущество надъ собесѣдникомъ.

Участливость стала у него немедленно смѣняться едва уловимою насмѣшливостью.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Не знаю еще, ни на чемъ не остановился. Надо позаботиться о переходѣ въ другое вѣдомство. Я еще обдумаю этотъ вопросъ.

Павелъ Ардальоновичъ усмѣхнулся.

— Въ другое вѣдомство? Все равно въ какое? Лишь бы было двадцатое число?

И поспѣшилъ прибавить:

— Это я только въ шутку. Но, если разсуждать серьезно, я нахожу, что нельзя примирить чиновничество съ живой дѣятельностью. Одно противорѣчить другому. Вы знаете мой взглядъ на чиновничество. Оно убиваетъ Россію. Вся бѣда въ бюрократическомъ строѣ.

Тутъ подали кофе. Когда горничная вышла, Василій Владиміровичъ отвѣтилъ:

— Россію можетъ убить только чужое чиновничество, а не русское. Укорять же служилыхъ людей двадцатымъ числомъ также безсмысленно, какъ осуждать напримѣръ васъ за то, что вы берете гонораръ за свою работу. Что же касается бюрократическаго строя, то онъ сказывается, не правда ли, въ обиліи чиновниковъ и въ томъ, что государственное дѣло поручается имъ? Я нахожу, что лишнихъ и неудовлетворительныхъ журналистовъ гораздо больше, чѣмъ лишнихъ и неудовлетворительныхъ чиновниковъ, потому что административная машина автоматично выкидываетъ за бортъ того, который не нуженъ, а если кто и удержится по кумовству, то кумовства и въ газетномъ мірѣ достаточно. Безполезный человѣкъ и здѣсь и тамъ одинаково вреденъ. Вы скажете, что слишкомъ мало предоставляется иниціативѣ мѣстныхъ силъ? Конечно. Я самъ мечтаю объ опредѣленной децентрализаціи и оживленіи мѣстной умственной дѣятельности. Я не знаю болѣе русской силы, чѣмъ земство, русской по происхожденію, смыслу и дѣйствительнымъ задачамъ, и на дѣйствительно русское земство, преданное родинѣ, я возлагаю большія надежды, а между тѣмъ, когда я въ прошломъ году поѣхалъ на отдыхъ въ одну изъ коренныхъ русскихъ губерній, я увидѣлъ, что всѣ должности, замѣщаемыя по представленіямъ земской управы, заняты поляками и жидами. А сама управа состоитъ изъ русскихъ людей. Слѣдовательно, не одна

Digitized by Google

бюрократія ошибается. Когда-то либерализмъ держался на благородныхъ принципахъ равенства всѣхъ передъ закономъ и распространенія просвѣщенія. Теперь же, когда эти принципы усвоены всѣми безъ исключенія, либерализмъ, повидимому, заключается въ томъ, чтобы отдавать себя въ чужія руки.

— А вашъ консерватизмъ говоритъ, что никакихъ реформъ не надо, что все благополучно и что на этомъ благополучіи зиждется „святыня"!—снисходительно засмѣялся Староградскій,— такими взглядами вы разгоните всѣхъ своихъ подписчиковъ.

Его забирало раздраженіе. Въ сущности никакіе взгляды не были ему дороги, но возраженія Клочина показались ему обидными, и онъ, который за полчаса до пріѣзда къ Клочинымъ едва уговорилъ Мудролюбьева обождать немного, не дѣлать еще скандала, чувствовалъ такой приливъ мелкихъ озлобленій, что готовъ былъ поругаться совсѣмъ. Свой отвѣтъ онъ пропзнесъ нарочито оскорбительнымъ тономъ, но еще не успѣлъ издать послѣдній звукъ, какъ вспомнилъ, что порученіе Вюрцберга еще не исполнено. Поэтому отповѣдь Василія Владиміровича онъ выслушалъ съ наружнымъ спокойствіемъ. А Клочинъ, начиная терять терпѣніе, ему дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Бываютъ обвиненія, на которыя только потому и слѣдуетъ обращать вниманіе, что они недобросовѣстны. Если бы мнѣ кто-нибудь съ полною искренностью сказалъ то, что вы сейчасъ сказали, я бы не сталъ ему возражать, ибо съ глупыми людьми разговаривать не стоитъ. Но вы сами знаете, что клевещете на меня. Вы стремитесь подкинуть мнѣ въ колоду крапленую карту, чтобы затѣмъ обвинить меня въ преступныхъ дѣйствіяхъ. И я радъ, что вы открыли свою игру. Я всегда считалъ, что вы не нашъ, но мнѣ нужно было, чтобы вы заявили это сами.

Староградскій возразилъ:

— Извольте... Вы кричите на меня... Это нехорошо. Я у васъ въ гостяхъ...

Клочинъ хотѣлъ ему отвѣтить: „такія личности, какъ вы, пользуются правомъ особой экстерриторіальности: подъ ними нѣтъ порядочнаго мѣста", но онъ опомнился и продолжалъ въ болѣе спокойномъ настроеніи:

— Никто изъ насъ не говоритъ, что не нужно ровно никакихъ реформъ. Такое заявленіе было бы государственною безграмотностью. Пока народъ живъ, пока государство живо, они переживаютъ безостановочную реформу, условія быта

Digitized by Google

совершенствуются не только житейскимъ, но и законодательнымъ путемъ. Государство, которое откажется отъ реформъ, тѣмъ самымъ лишится исторіи, замѣнитъ ее статистикой. Это мы всѣ понимаемъ. Однако реформы подсказываются жизнью даннаго народа и осуществляются людьми созидательнаго мышленія, а не анархистами, которые въ такой же мѣрѣ реформаторы, какъ пьяные негодяи, разбивающіе зеркала. Вамъ, господа реформаторы, только потому и хочется новаго, что вы надѣетесь отъ перемѣны добыть себѣ выгоду. Въ переживаемое нами время вы спекулируете на пониженіе настроенія. Вамъ нуженъ государственный крахъ, а вовсе не реформа. Вы отлично знаете, что Россія не нуждается въ томъ, что вы называете реформами. За вами идутъ тѣ, которыхъ вы отуманили громкими словами и которые, переставъ соображать, забыли, что наша родина сама себя сдѣлала великой и, какъ святыня, должна быть оберегаема отъ позора, покрывшаго страны, гдѣ во имя просвѣщенія отрекаются отъ Бога, во имя свободы отдаютъ себя въ руки жидамъ, во имя равенства отдаютъ себя въ рабство милліонерамъ. И когда вы всѣ кричите: „эволюція, эволюція нужна, эволюція!“—мнѣ ясно слышится прикартавленная къ этому слову буква р...

Тутъ Павелъ Ардальоновичъ попытался вставить слово, но Василій Владиміровичъ не далъ.

— Вы намъ навязываете фразу: „все благополучно, оставьте насъ въ покоѣ“... Да, я первый говорю, что вы должны оставить насъ въ покоѣ, потому что вы не о Россіи заботитесь, а о себѣ. Не можетъ быть у насъ благополучно, пока вы, господа, процвѣтаете. Я знаю, что многое требуетъ у насъ постепеннаго улучшенія, что крестьянинъ бѣденъ, что поле малоурожайно, дорога плоха, школа не національна, торговля уходитъ изъ русскихъ рукъ, а въ спискахъ лицъ, такъ или иначе преуспѣвающихъ, русскія фамиліи составляютъ меньшинство. Но также я знаю, что Русь идетъ къ укрѣпленію, сама себя выручитъ, мирнымъ трудомъ, во имя Христа и Царя. И вы это понимаете... Я не о васъ лично говорю, Павелъ Ардальоновичъ, а о цѣлой толпѣ, за которою стоитъ еще бо́льшая толпа неуловимыхъ, подговаривающихъ, подзадоривающихъ, подкупающихъ. Вамъ досадно, что ваши надежды не сбываются, и вы ищете случая ударить въ набатъ, подобно тѣмъ, которые въ театрѣ кричатъ „пожаръ“, чтобы въ суматохѣ стянуть чужую шубу. Вы упрекаете насъ въ ложномъ оптимизмѣ, потому что мы не согласны сплетничать на свою родину и на русскій народъ, а говоримъ русскимъ людямъ: „не унывайте, не под-

Digitized by Google

давайтесь обману, живы наши святыни и въ нихъ наша жизнь". Мы находимъ, что народы сильны вдохновеніемъ, вѣрою въ себя, надеждою на будущее, на то будущее, которое создано нашимъ прошлымъ, на родное будущее. А тѣ, которые васъ толкаютъ, до сихъ поръ вдохновляли только убійцъ и поджигателей. Сами же вы никого не вдохновите, по той простой причинѣ, что васъ самихъ ничто не вдохновляетъ. Вы тѣ уличные мальчишки, которые съ удовольствіемъ смотрятъ на то, какъ собака лаетъ на памятникъ Пушкина или пачкаетъ его подножіе.

— Вы очень горячитесь,—сказалъ Староградскій, съ твердымъ намѣреніемъ избѣжать ссоры и не упуская изъ виду, что въ „Святыняхъ" онъ можетъ, на худой конецъ, зарабатывать до трехъ тысячъ рублей въ годъ,—вы очень горячитесь и сами не замѣчаете, что спорите не со мною, а съ другими лицами, чьихъ мнѣній я, можетъ быть, и не раздѣляю. Я, просто, хотѣлъ вамъ указать на то, что всякій журналъ, даже преслѣдующій высокія цѣли, является коммерческимъ предпріятіемъ и долженъ вестись съ разсчетомъ на увеличеніе числа подписчиковъ. Вы не должны забывать, что инородцы, на которыхъ вы нападаете, составляютъ большинство нашей интеллигентной публики, по крайней мѣрѣ, значительную ея часть. Надо ихъ завоевать, а не раздражать праздными оскорбленіями.

— Мнѣ не подписчики нужны, а единомышленники, это разница,—объяснилъ Клочинъ, значительно успокоившись, — и я на инородцевъ не нападаю, или вѣрнѣе, веду борьбу лишь съ тѣми изъ нихъ, которые вредны. Я знаю, что ихъ въ такъ называемой интеллигенціи много, что они многое забрали въ свои руки. Ну, и пусть бы они благоденствовали. Противъ этого я ничего не имѣю. Смѣшно сердиться на нихъ за то, что они, въ порядкѣ борьбы за существованіе, умѣютъ устраиваться въ Россіи лучше, чѣмъ многіе русскіе люди. Но въ государственномъ смыслѣ не могутъ быть терпимы тѣ, которые отъ страны все получаютъ, а сами ей ничего не даютъ. За свое благополучіе они обязаны отвѣчать преданностью, честнымъ отношеніемъ къ тому строю, который ихъ охраняетъ. Тѣ изъ нихъ, которые отошли къ намъ по завоеванію, должны подчиниться пересилившей ихъ культурѣ, а другіе, явившіеся къ намъ по доброй волѣ, пусть честно исполняютъ обязанности добровольцевъ.

„Ну, дѣло налаживается", — подумалъ Павелъ Ардальоновичъ и проговорилъ:

Digitized by Google

— Пріятно мнѣ видѣть, что вы держитесь такого образа мыслей. Среди инородцевъ много порядочныхъ людей.

— Очень много. Я не знаю такой народности, которую можно было бы ненавидѣть, но любить могу только русскую. Въ этомъ вся моя политика.

— Чего же лучше... Да, кстати, у меня въ карманѣ имѣется статья, касающаяся такихъ инородцевъ, о которыхъ у насъ въ „Святыняхъ“ еще почти не говорилось.

Слова „у насъ въ *Святыняхъ*“ не особенно понравились Клочину. Ему вспомнилось изреченіе Мудролюбьева о томъ, что имъ со Староградскимъ принадлежатъ какія-то особыя по отношенію къ „Святынямъ“ права.

— Какая статья?—спросилъ онъ.—О какихъ инородцахъ?

— Объ армянахъ,—отвѣтилъ Павелъ Ардальоновичъ, вынимая изъ кармана конвертъ,—небольшая, листа на полтора.

Клочинъ поморщился.

— Хорошо, оставьте, я посмотрю. Я не зналъ, что вы знакомы съ армянскимъ вопросомъ. Вы бывали на Кавказѣ?

— Статья написана не мною,—пояснилъ Староградскій,—а человѣкомъ, хорошо знающимъ кавказскія условія. И долженъ васъ предупредить, что онъ не относится къ армянамъ враждебно... Впрочемъ, онъ мало касается національнаго вопроса, а скорѣе толкуетъ о промышленныхъ нуждахъ края.

„Значитъ, какая-нибудь плутократическая гнусность“! — разсудилъ Василій Владиміровичъ.—Кто авторъ?

— Желтильниковъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Захаръ Гераспмовичъ Желтильниковъ.

Раздраженіе вновь охватило Клочина.

— Превосходно! Армянинъ будетъ у меня писать о Кавказѣ! Удивительно хорошо! Послѣ этого шведу поручу работу о финляндскомъ законодательствѣ, а венгерца попрошу писать корреспонденціи изъ Босніи и Герцеговины. Да позвольте васъ спросить, Павелъ Ардальоновичъ, извѣстно-ли вамъ, что этотъ господинъ былъ прогнанъ со службы за рядъ гадостей и что ему воспрещено пребываніе на Кавказѣ?

Смущенный, Староградскій спряталъ конвертъ обратно въ карманъ.

— Я вижу,—со сдержанною злостью произнесъ онъ,—что вы сегодня раздражены и что мнѣ съ вами не столковаться. Я даже не знаю, возможно-ли мое дальнѣйшее сотрудничество въ „Святыняхъ“.

Онъ надѣялся, что Василій Владиміровичъ, хотя бы изъ вѣжливости, скажетъ что-нибудь о необходимости его сотруд-

Digitized by Google

ничества, и очень обозлился, когда услышалъ отвѣтъ Клочина:

— Очевидно, мы расходимся во взглядахъ.

Павелъ Ардальоновичъ всталъ, стараясь придать своей маленькой, вертлявой фигурѣ возможно больше внушительности.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—я прошу у васъ позволенія удалиться. Пути наши расходятся. Желаю вамъ не сбиваться съ дороги.

Онъ направился въ переднюю, рѣшивъ отвѣтить дерзостью на всякую попытку его удержать. Однако, попытки не было: Клочинъ безмолвно довелъ его до передней, самъ помогъ надѣть ему пальто и выпустилъ его на лѣстницу. Онъ чувствовалъ себя прекрасно, точно избавился отъ гнета. А Староградскій, вышедши изъ его квартиры, вполголоса отругался:

— Чортъ бы тебя дралъ! Ты меня попомнишь!

Василій Владиміровичъ пошелъ къ женѣ.

— Поздравь меня, Лида,—весело объявилъ онъ, — я избавился отъ Староградскаго.

Она озабоченно спросила:

— Вышло столкновеніе?

— Нѣтъ, разрывъ довольно безболѣзненный.

Выслушавъ подробно, что произошло, Лидія Ивановна отъ всей души перекрестилась.

— Слава Богу! Но этотъ годъ сближенія съ нимъ не сойдетъ намъ даромъ. Онъ намъ не проститъ, что мы его принимали, какъ порядочнаго человѣка. Отнынѣ въ „Петроградѣ“ будутъ на тебя нападать нещадно, на тебя и на „Святыни“.

— Пора привыкнуть!—засмѣялся Клочинъ.—Я иду заниматься. Не надо забывать, что отъ барона Унтенъ-Верде я не избавился. А если пришлютъ изъ типографіи корректуру...

— Я ее просмотрю, — перебила она,—довольно съ тебя на сегодня служебной работы.

V.

На слѣдующій день, въ одиннадцатомъ часу утра, Василій Владиміровичъ отправился къ князю Юрію Всеволодовичу.

Князь Юрій Всеволодовичъ Безлатный, послѣдній представитель древняго чисто русскаго рода, бывшій министромъ еще при Царѣ-Освободителѣ, уже много лѣтъ находился на покоѣ, но у него продолжали заискивать, за нимъ не переставали

Digitized by Google

ухаживать, потому что онъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, все значеніе которыхъ заключается въ занимаемой должности. Всякій, кто дорожилъ связями, искалъ случая стать ему лично извѣстнымъ. Всѣ утверждали, что онъ имѣетъ свободный доступъ туда, куда другіе сановники являются только по вызову. Всѣ утверждали это, хотя онъ никому о томъ не говорилъ. Ни съ кѣмъ онъ не сближался. Одинокій, князь проводилъ бо́льшую часть года въ деревнѣ или на югѣ Италіи, остерегаясь петербургскихъ непогодъ, и обыкновенно только Рождественскіе праздники и весну проводилъ въ своемъ темномъ особнякѣ на Сергіевской. Тогда начинали туда тянуться вереницы просителей, скромныхъ, важныхъ, богатыхъ, бѣдныхъ. Во всѣхъ слояхъ населенія словно ощущалось, что князь Юрій Всеволодовичъ пріѣхалъ. Онъ охотно помогалъ бѣднякамъ деньгами, безжалостно изгонялъ ловкихъ дѣльцовъ, уповающихъ на наживу на его счетъ, умѣло выслушивалъ жалобы, отличая плутовъ отъ несчастныхъ. Но когда ему говорили: „вы все можете“, онъ сердился и откровенно отвѣчалъ: „я ничего не могу... люди не могутъ не лгать, а такъ какъ про меня трудно сочинить что-нибудь дурное, то мнѣ приписываютъ то, о чемъ никто не смѣетъ мечтать“. Онъ говорилъ правду, а ему не вѣрили. Та нравственная сила, которая въ немъ чуялась, была для современныхъ людишекъ слишкомъ велика, чтобы не казаться имъ отраженіемъ силы еще большей. Многіе разбродники думали: когда этотъ исчезнетъ, намъ сдѣлается легче.

Ключинъ, когда входилъ къ нему въ домъ, всегда проникался такимъ чувствомъ, точно онъ вступаетъ не то въ надежную крѣпость, не то въ храмъ.

— Дома князь Юрій Всеволодовичъ? Принимаетъ?—спросилъ онъ швейцара, вошедши въ просторныя сѣни.

Хотя вся прислуга его хорошо знала и была освѣдомлена о томъ, что онъ сынъ крестника самого князя, однако для него не былъ нарушенъ порядокъ, ради соблюденія котораго требовалось, чтобы каждый посѣтитель сперва обождалъ въ одной пріемной, пока о немъ доложатъ, а потомъ, послѣ извѣстительнаго звонка сверху, былъ допущенъ въ другую, куда являлся камердинеръ и объяснялъ пришедшему, что „его сіятельство изволитъ принимать въ такомъ-то покоѣ“. Князь и не зналъ, пожалуй, объ этомъ сложномъ порядкѣ, заведенномъ его прислугою съ тою цѣлью, дабы всякій понялъ, что онъ попалъ не въ обыкновенный домъ.

— Просятъ въ угловой кабинетъ,—истово объявилъ камер-

Digitized by Google

динеръ Клочину и пошелъ впередъ, показывая дорогу. У послѣдней двери онъ остановился и пропустилъ посѣтителя.

— Вася, это ты?—раздался громкій, немного надтреснутый голосъ Безлатнаго.

Князь шелъ на встрѣчу Василію Владиміровичу. Это былъ рослый и полный старикъ лѣтъ восьмидесяти, необыкновенно бодрый для такого возраста, съ совершенно бѣлыми волосами, расположенными какъ бы сіяніемъ вокругъ большой лысины, съ тщательно подвитыми усами и подбритымъ подбородкомъ. Взглядъ его былъ свѣтелъ, привѣтливъ, веселъ. Держался онъ прямо, шагалъ увѣренно, какъ сорокалѣтній. Доктора говорили, что такого безупречнаго организма они еще не встрѣчали.

Онъ поцѣловалъ Клочина въ лобъ.

— Здравствуй. Очень радъ тебя видѣть. Давно ко мнѣ не показывался.

— Что же дѣлать, князь, вы такъ рѣдко бываете здѣсь, а когда пріѣзжаете, такъ рѣдко можно васъ застать одного.

— Да. Знаю. Просители, ухаживатели, карьеристы. Все это ко мнѣ ходитъ и отбиваетъ отъ меня хорошихъ людей. Садись, милый. Вотъ такъ. Каждый разъ, когда я тебя вижу послѣ долгаго перерыва, меня поражаетъ твое сходство съ твоимъ покойнымъ отцомъ. Какъ поживаетъ твоя жена? Я ее люблю. Она всегда была толковою дѣвочкой. Приведи ее завтра. Пообѣдаемъ у меня втроемъ, никого не будетъ.

Чѣмъ привѣтливѣе былъ старикъ, тѣмъ болѣе не по себѣ дѣлалось Клочину. Князь, онъ зналъ это, въ немъ особенно цѣнитъ, что онъ никогда не проситъ о себѣ. Сегодня придется въ первый разъ это сдѣлать.

— Будешь? Отлично. Да, поздравляю... твой романъ „Чужіе“ мнѣ очень понравился, хотя тебя слѣдуетъ предостеречь: ce n'est pas du roman, mais de la politique... Это замѣчалось и въ „Прохожихъ“.

Василій Владиміровичъ былъ очень обрадованъ добрымъ отзывомъ. Онъ посылалъ князю „Святыни“, но не былъ увѣренъ въ томъ, что у старика найдется время читать этотъ журналъ.

— Видите-ли, князь,—сказалъ онъ,—прошло то время, когда можно было писать о томъ, что она его полюбила, а онъ ей измѣнилъ. Въ этой области даже крупный талантъ не скажетъ ничего новаго и нужнаго. Мы переживаемъ время боевое, когда русскимъ людямъ приходится отстаивать то, что для нихъ свято, и когда русскіе начинаютъ нуждаться въ огражденіи ихъ отъ нравственнаго волапюка.

Digitized by Google

— Нравственный воляпюкъ, это довольно вѣрно!—засмѣялся Безлатный.

Клочинъ пошелъ смѣло впередъ:

— Юрій Всеволодовичъ, я радъ, что мы заговорили о томъ, что ближе всего моему сердцу. Но раньше, чѣмъ продолжать, позвольте отдѣлаться отъ того, что причиняетъ мнѣ досаду. Я къ вамъ сегодня пришелъ просителемъ.

Противъ его ожиданія, Безлатный не насупился, а сталъ еще привѣтливѣе.

— Наконецъ-то! Говори, я слушаю.

Подробно разсказалъ ему Василій Владиміровичъ о своемъ положеніи. Князь слушалъ внимательно и спокойно. Иногда, когда рѣчь шла о баронѣ Унтенъ-Верде, у него являлась улыбка.

Когда Клочинъ примолкъ, Юрій Всеволодовичъ сказалъ:

— Ты очень хорошо сдѣлалъ, что пришелъ ко мнѣ. Очень хорошо. Я полагаю, что съумѣю тебѣ помочь, хотя въ настоящее время это для меня сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями.

Подумавъ немного, онъ продолжалъ:

— Въ настоящее время проходитъ дѣло о финляндской воинской повинности. Тебѣ понятно, что я вынужденъ вести борьбу со всѣми тѣми господами, къ лагерю коихъ принадлежитъ Унтенъ-Верде. Сильную борьбу. Если я къ кому-либо изъ нихъ обращусь съ просьбой, они сочтутъ, что я вступаю съ ними въ сдѣлку. Въ какую сдѣлку, самъ не знаю, потому что честному человѣку трудно прослѣдить за ихъ мыслью. Перевести тебя въ другое вѣдомство я бы могъ, ибо съ двумя министрами я въ дружескихъ отношеніяхъ, но я не хочу. Не хочу. Ты долженъ остаться тамъ, гдѣ ты находишься теперь. Долженъ. Ты все таки имъ мѣшаешь, а это хорошо. Осенью я сдѣлаю въ твою пользу то, что нужно, а до тѣхъ поръ тебя оставятъ въ покоѣ. Я попрошу свою двоюродную племянницу графиню Разметаеву написать о тебѣ нѣсколько словъ барону. Будь увѣренъ, что онъ сейчасъ же перестанетъ тебя преслѣдовать. Не надолго. Всѣ знаютъ, что у графини нѣтъ ни на грошъ памяти и что она никогда не помнитъ, за кого просила полгода назадъ. Что же касается Унтенъ-Верде, то исполненіе просьбы графини для него обязательно, потому что его отецъ былъ сыроваромъ у ея отца и онъ страшно боится, что она, разсердившись, начнетъ объ этомъ болтать. Осенью я самъ переговорю съ барономъ, а въ настоящее время не хочу, чтобы этотъ господинъ оказывалъ мнѣ любезности. Если же до тѣхъ поръ тебѣ ста-

Digitized by Google

нетъ такъ плохо, что сдѣлается не въ моготу терпѣть, ты мнѣ скажи только слово. Чтобы не дать тебѣ погибнуть, я пренебрегу многими соображеніями. Понялъ? Ясно? Ты не сомнѣваешься? Въ видѣ исключенія я лѣто провожу на своей Царскосельской дачѣ и не уѣду на югъ раньше конца ноября. И такъ, ты спокоенъ?

Василій Владиміровичъ зналъ, что слово князя твердо и безповоротно. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что отнынѣ ему покровительствуетъ сильная рука. Поэтому онъ искреннимъ тономъ увѣренности отвѣтилъ:

— Теперь все пойдетъ хорошо. Благодарю васъ, князь.

— Maintenant, parlons d'autre chose,—сказалъ Юрій Всеволодовичъ,—твои „Святыни“ идутъ хорошо?

— Отлично.

— Тѣмъ хуже для тебя.

— Почему?

— Твой успѣхъ создаетъ тебѣ силу, а сильныхъ принято ненавидѣть. Если бы твои „Святыни“ провалились, ты тѣмъ самымъ оказалъ бы большую услугу врагамъ русскаго дѣла а теперь съ тобой приходится считаться. Слѣдовательно, имъ необходимо тебя уничтожить, для упрощенія счета.

— Я не дамъ себя уничтожить!—задорно произнесъ Клочинъ, задѣтый за самолюбіе.

Старикъ посмотрѣлъ на него съ дружелюбной усмѣшкой.

— Твои святыни: Православіе, Самодержавіе и Народность... да?

— Очевидно.

— Ясно. Одно безъ другого немыслимо. Народность только въ Самодержавіи и Православіи находитъ себѣ надлежащую защиту, въ первомъ—потому что въ Европѣ представительное правительство можетъ процвѣтать лишь тамъ, гдѣ національная идея отсутствуетъ, а во второмъ—потому что весь бытовой, политическій и нравственный укладъ нашего народа опредѣлился подъ вліяніемъ исповѣдуемой имъ вѣры.

— Я бы ваши слова цѣликомъ напечаталъ за своею подписью въ „Святыняхъ“, если бы не боялся, что мнѣ отвѣтятъ: „а Англія?“

— Ну, на тѣхъ, кто способенъ отвѣчать такъ глупо, можно и не обращать вниманія. Англія создалась на конституціонныхъ началахъ. Потомъ, англичане на своихъ островахъ разъевропеились. Я не могу назвать врага Европы европейцемъ. Не могу. Въ Европѣ управленіе страной черезъ представителей процвѣтаетъ только въ Швейцаріи, которая не имѣетъ

Digitized by Google

національности. Я знаю Швейцарію французскую, нѣмецкую и итальянскую, а Швейцаріи швейцарской я не знаю. Швейцарцы всегда были космополитами, шли цѣлыми полками на службу иностраннымъ государямъ. Ихъ пресловутая тоска по родинѣ очевидная чушь и является ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ горамъ. Любить свою мать исключительно за то, что она красива, не значитъ быть любящимъ сыномъ. Кромѣ того, Швейцарія вся бездарна. Она не выдвинула ни одного крупнаго таланта. Слѣдовательно она не можетъ найти въ своей средѣ того единаго человѣка, во имя котораго она могла бы вдохновиться. Республика—это правительство для бездарныхъ. Ты скажешь: а Франція? Разумѣется, смѣшно было бы отрицать, что французы выдающійся по даровитости народъ, но еще смѣшнѣе было бы находить, что у нихъ республика процвѣтаетъ. Франція судорожно бьется въ тискахъ хозяйничающихъ въ ней евреевъ. Тамъ охотно говорятъ, что мутятъ націоналисты. Это говорятъ космополиты, которые сознаютъ, что націоналисты не будутъ имъ платить, въ томъ или иномъ видѣ, какъ дѣлаютъ представители франкфуртскаго нашествія. Съ пробужденіемъ національной идеи тамъ стало неблагополучно, но не по винѣ націоналистовъ, а потому, что, подъ вліяніемъ патріотизма, Франція увидѣла свое собственное недомоганіе, хочетъ освободиться и не можетъ.

— Австрія также государство безъ опредѣленной національности, однако конституціонный образъ правленія тамъ не процвѣтаетъ,—замѣтилъ Клочинъ,—онъ либо сказывается въ самонарушеніяхъ, либо даетъ поводъ депутатамъ вести себя на подобіе хулигановъ.

— Это не возраженіе, а подтвержденіе моей мысли. Австрія не національна, какъ цѣлое, но въ ней имѣются три живучія народности, изъ которыхъ каждая знаетъ, чего она хочетъ, и не хочетъ знать, чего хотятъ обѣ другія: славянская, мадьярская и германская. Австрія — государственная уродливость. А Германія, хотя и глубоко національна, благоденствуетъ при парламентѣ лишь потому, что тамъ умѣютъ обращать парламентъ въ пустой звукъ.

Клочинъ улыбнулся.

— Однако, я не вижу, почему меня долженъ безпокоить успѣхъ „Святынь“.

— Потому что твои „Святыни“ начали появляться именно тогда, когда опредѣлилась необходимость въ такомъ журналѣ. Необходимость, ради противодѣйствія недоброжелателямъ всего русскаго. Твой успѣхъ доказываетъ, что у русскихъ

Digitized by Google

людей явилась потребность въ русскомъ голосѣ. Да. Но эта потребность и служитъ доказательствомъ силы противоположнаго теченія, которое цѣликомъ на тебя обрушится. Ты все проводишь ту мысль, что инородцы стараются намъ вредить...

— Простите, вовсе нѣтъ!—горячо возразилъ Василій Владиміровичъ,—я нахожу, что очень многіе инородцы превращаются, мало по малу, въ отличныхъ русскихъ людей, но у нихъ непрошенные главари, сбивающіе ихъ съ толка.

— Все равно. Да. А я тебѣ говорю, что самъ русскій человѣкъ начинаетъ портняться. Ему нуженъ не Тургеневъ, а Маркъ Собакинъ, не „Анна Каренина", а „Крейцерова соната". Тебя радуетъ, что у тебя много подписчиковъ, и ты воображаешь, что число ихъ будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ? Но этого не будетъ. Ты сразу получилъ всѣхъ своихъ. Такъ. Всѣхъ. Ты, вѣдь, не вздумаешь печатать Марка Собакина, а онъ ошалѣвшему русскому человѣку дорогъ, ибо плюетъ ему въ лицо. Русскій человѣкъ иногда устаетъ самъ на себя плевать и охотно поручаетъ это другому.

Заволновался Клочинъ, всталъ, зашагалъ по кабинету.

— Неужели, князь, вы думаете, что и трехъ тысячъ единомышленниковъ у насъ не наберется! Такое признаніе равносильно готовности отдать себя въ руки врагу.

— Не кипятись. Единомышленниковъ у насъ сто милліоновъ, весь народъ, который твоего журнала не читаетъ и въ немъ не нуждается, благо онъ тысячу лѣтъ дѣлаетъ то, что ты проповѣдуешь. Очень просто. Я говорю не о народѣ, а о публикѣ. Публика — это та толпа, которая, разинувъ ротъ, смотритъ и слушаетъ. Она сбита съ толку, отъ того, что другіе гораздо раньше тебя догадались къ ней обратиться. Къ ней обращаются преимущественно тѣ, кому до русской народности нѣтъ дѣла. Я не пессимистъ и твердо увѣренъ, что ничего не выйдетъ изъ попытокъ разрусить Русь, но публика окосмополитилась. У нея какая-то бродячая душа, въ родѣ бродячей почки. Еврей, полякъ, армянинъ и всѣ прочіе очень умно распорядились. Такъ. Они свои выгоды превратили въ наши общественные идеалы, а наши простодушные русачки работаютъ на нихъ исправно. Заказчики же общественныхъ настроеній радостно увлекаются и пишутъ въ заграничныхъ газетахъ, что русскій народъ „дорось до конституціи", т. е. до того блаженнаго состоянія, когда страна управляется жидами. Я говорю, что ты затѣялъ опасную игру, ибо я могу назвать сотню сильныхъ лицъ, которыя съ восторгомъ тебя уничтожатъ, но не вижу никого, кто бы захотѣлъ за тебя заступиться.

Digitized by Google

Въ Германіи за подобную дѣятельность человѣка превозносятъ, а здѣсь прославляются одни Собакины.

— А вы? Себя вы забываете?

— Я?—со смѣхомъ сказалъ князь.—Я? Меня только ублажаютъ, но я хорошо вижу, что я ничто. Я только болтаю. Да. Я никому не нуженъ. Знаешь, я порой думаю, что я никогда и не былъ нуженъ.

— Такъ разсуждать грѣшно. Вашу работу помнятъ. Всегда нужны честные люди.

Юрій Всеволодовичъ подошелъ близко къ Клочкину, положилъ ему руку на плечо и отчетливо, рѣзко проговорилъ:

— Да. Даже въ политикѣ нужны честные люди, но такіе, которые согласны сдѣлать подлость. Помни это.

Онъ махнулъ рукой, словно отгоняя непріятную мысль.

— Такъ. Да. Теперь ступай, милый, до завтра. Жду тебя и Лиду. Графинѣ Разметаевой я напишу сегодня же, или лучше не напишу, а протелефонирую. Она, въ сущности, индюшка и ей нельзя довѣрять писаннаго. Verba volant, scripta manent. До свиданья. Поздравляю тебя съ избавленіемъ отъ Староградскаго. Забылъ совсѣмъ поздравить раньше.

Василій Владиміровичъ, пошедшій было уже къ дверямъ, остановился, вернулся.

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите. Отъ Староградскаго я отдѣлался вчера, но откуда можете вы это знать?

— Развѣ ты сегодня не читалъ газетъ?

— Нѣтъ, не успѣлъ, проработалъ почти всю ночь, проспалъ, и, какъ только меня разбудили, поспѣшилъ сюда. Развѣ въ газетѣ что-нибудь сказано? Въ какой? Покажите, пожалуйста.

— Во всѣхъ, батенька, во всѣхъ... Въ „Петроградѣ“, въ „Новомъ Времени“, въ „Словѣ Правды“, въ „Вѣдомостяхъ“...

Взявъ одну изъ газетъ, въ безпорядкѣ брошенныхъ на столъ, Безлатный встряхнулъ ее, разгладилъ, нашелъ нужныя строки.

— Вотъ здѣсь, полюбуйся, премиленькое письмо въ редакцію. Я былъ увѣренъ, что ты его читалъ.

Съ чувствомъ брезгливости и глубокаго презрѣнія Василій Владиміровичъ прочиталъ:

„Не желая долѣе нести передъ честными людьми отвѣтственность за тѣ мысли, которыя высказываются въ журналѣ „Святыни“, подъ редакціей г. Клочкина, мы считаемъ долгомъ довести до свѣдѣнія читающей публики, что мы отнынѣ болѣе не принимаемъ никакого участія въ этомъ изданіи. Староградскій. С. Мудролюбьевъ“.

Digitized by Google

— Какіе скоты!—вырвалось у Клочина,—я же ихъ вчера обоихъ отстранилъ!

— Пожалуйста, не отвѣчай имъ,—посовѣтовалъ князь, — такихъ господъ можно по ошибкѣ пустить къ себѣ въ домъ, но пререкаться съ ними позорно. Будь съ ними вѣжливъ при встрѣчахъ. Вѣжливость доводитъ хамовъ до отчаянія.

Князь Голицынъ (Муравлинъ).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Письма о современной Финляндіи.

II [1]).

Идеализируя шведскій періодъ своей исторіи, Топеліусъ (какъ, впрочемъ, и всѣ составители мѣстныхъ учебниковъ) въ особенности неумѣренно восхваляетъ нѣкоторыхъ шведскихъ королей. Густавъ III (ст. 173) пользуется особымъ его вниманіемъ. „Серьезный финнъ былъ тронутъ, когда этотъ мягкій король, путешествуя по странѣ, всѣхъ дружески привѣтствовалъ, обо всѣхъ нѣжно заботился и надѣлялъ дѣтей подарками, какъ крестный. Послѣ Густава Адольфа Великаго, ни одинъ король не былъ въ Финляндіи такъ любимъ, какъ Густавъ III... За всѣ благородные обычаи, которые существуютъ у насъ, за знанія и искусство, даже за танцы молодежи и игру на флейтѣ на крестьянскихъ свадьбахъ, — мы должны благодарить Густава III". Прочтите дальше въ той же книгѣ о русскихъ Царяхъ и не найдете такихъ изліяній. Карлъ XII идеализируется, какъ герой и полководецъ, „неподдающійся сравненію витязь войны, *болѣе великій, чѣмъ кто-либо другой* (?), шведъ по храбрости, финнъ по выносливости..." Онъ не умѣлъ обращаться въ бѣгство, умѣлъ лишь пасть (а послѣ Полтавы?). Ни одинъ король такъ не возвысилъ своего государства до высшей славы и потомъ низринулъ его въ глубину паденія". Но помнятъ „только его хорошія стороны". И это пишется о Карлѣ XII, безумное поведеніе котораго разорило и погубило Швецію, а самые военные таланты подлежатъ большому сомнѣнію, такъ что военная наука обозвала даже такую стратегію „авантюристическою".

Вся исторія Финляндіи излагается и у Топеліуса, и во всѣхъ финляндскихъ, даже финскихъ учебникахъ, съ точки зрѣнія шведской исторіи. Вездѣ шведы и финны не раздѣляются, а объединяются. Финномъ именуется не природный

[1]) См. «Русск. Вѣстникъ», январь 1905 г.

Digitized by Google

финнъ, а уроженецъ финляндскій. „Клаусъ Горнъ, помѣщикъ Іоенсуйскій, былъ знаменитѣйшимъ морякомъ-богатыремъ Швеціи... Этотъ *финскій* герой внезапно умеръ въ 1566 г. и лежитъ погребеннымъ рядомъ съ Густавомъ Вазою.“ „Наше финское общество выросло изъ корня шведскаго общества и лишь жизненную силу получило изъ духа финскаго народа“. Финляндскія учебныя книги особенно тщательно занимаются шведо-русскими войнами, какъ бы стремясь развить этимъ воинственный духъ и поддержать „патріотизмъ“. При этомъ всякій успѣхъ шведскаго оружія неизмѣнно является побѣдой и всякій фактъ совмѣстнаго дѣйствія финновъ и шведовъ на полѣ брани подчеркивается особенно любовно. Обратно, „русскіе“ — это всегда и вездѣ непріятель, врагъ. Дѣйствія шаекъ народныхъ партизановъ во время Сѣверной войны излагаются съ особою гордостью. „Ихъ начальникъ Кивекясъ сдѣлался столь извѣстенъ, что народъ сталъ называть такихъ смѣлыхъ партизановъ „кивекясами“... Даже финскіе крестьяне взялись за оружіе и ходили воевать самостоятельно. Генералъ Ниротъ далъ имъ оружіе, назвалъ ихъ пѣшими драгунами и назначилъ имъ маіоромъ Даніила Луукоста... Часто 10, 20 или 30 такихъ удальцовъ-крестьянъ, закалившихся въ трудахъ и опасностяхъ, укрывались въ засадахъ при дорогахъ: они убивали бродившихъ около враговъ, отнимали обозы, жгли ихъ склады или по ночамъ нападали на нихъ по крестьянскимъ избамъ. Этимъ „кивекясы“ навели страхъ на враговъ, но такъ какъ народъ былъ вполнѣ на ихъ сторонѣ, то они стали причиною многихъ ужасовъ. Въ то время русскіе были невѣжественными и одичалыми въ дѣлѣ войны. Чтобы отомстить кивекясамъ, они совершали разнаго рода насилія. Они считали финновъ чрезвычайно упорнымъ народомъ, который можно истребить, но нельзя покорить“.

Повторяемъ еще разъ—да не забудетъ читатель, что книга Топеліуса писана для дѣтей, собственно для отроческаго возраста, одареннаго наиболѣе пламеннымъ воображеніемъ и представляющаго собою наиболѣе благодарную почву для тѣхъ сѣмянъ, которыя сѣетъ въ юныя души эта вредная книга,—совершенное подобіе волка въ овечьей шкурѣ. Какая нужда, какая польза рисовать юношеству такія картины былой партизанской войны въ Финляндіи, способной внушать противнику убѣжденіе, что финна можно „истребить, но не покорить“. Фраза эта, — весьма неудачный плагіатъ извѣстнаго историческаго выраженія Наполеона I про русскаго солдата, сказаннаго послѣ Бородинскаго сраженія,—внушаетъ дѣтямъ только превратное, преувеличенное представленіе о самихъ себѣ, прививаетъ какой-то воинственный задоръ и какъ бы напередъ предсказываетъ, на что, въ случаѣ нужды, могутъ быть способны финны.

При томъ-же финны, по Топеліусу, отличались необычайной вѣрностью и привязанностью къ матери—землѣ, Швеціи (moderlandet), и къ шведскому трону. Во время Аньяльской конфе-

Digitized by Google

дераціи [1]) финскій народъ, который никогда не терпѣлъ измѣнниковъ, замѣтивъ, къ своему смущенію и досадѣ, что свои граждане и воины во время войны совѣщались съ непріятелемъ, тотчасъ, забывъ всякое недовольство королемъ, примкнулъ къ нему, какъ одинъ человѣкъ, и измѣнникамъ пришлось затрепетать" (ст. 174-я) Во время этой предпослѣдней войны съ Россіею „финскій солдатъ, впервые послѣ Карла XII, снова учился позабытому искусству побѣждать".

На морѣ финскіе моряки и ихъ суда „сражались *наряду со шведскими* одинаково храбро... честью для *этихъ народовъ* (т. е. финновъ и шведовъ) служитъ то, что они снова доблестно выдержали борьбу противъ могущественной Россіи". Привязанность къ Швеціи характеризуется, напримѣръ, разсказомъ о поэтѣ Франценѣ, который, съ отдѣленіемъ Финляндіи отъ Швеціи, „переселился въ послѣднюю, печалясь о судьбѣ своей родины, которую онъ никогда не переставалъ любить... Въ 1840 году, когда праздновалъ юбилей свой университетъ (Финляндскій),—Франценъ побывалъ въ своемъ финскомъ отечествѣ. Все здѣсь было ново и странно: новая власть, новые люди, новые верстовые столбы (!). Только молодежь, которая съ честью и любовью привѣтствовала его прибытіе, была еще все та-же, что и въ прежнія времена". За то и Дебельнъ, шведскій генералъ, прощаясь съ финскими войсками, высказалъ въ свое время „трогательное прости" финскому солдату отъ имени шведскаго, съ которымъ онъ 600 лѣтъ подрядъ сражался, бокъ-о-бокъ съ непоколебимою другъ къ другу вѣрностью" [2]).

Какія же чувства внушаетъ сборникъ Топеліуса по отношенію къ русскимъ? О русскихъ въ хрестоматіи есть отдѣльная статейка (93-я), въ которой они характеризуются такъ: „Въ прежнія времена войны недружелюбно смотрѣли на русскихъ въ этой землѣ, потому что они были тогда врагами, но

---

[1]) Заговоръ офицеровъ Густава III въ мѣстечкѣ Анъяла, замыслившихъ отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и, въ качествѣ самостоятельнаго государства, отдаться подъ покровительство Россіи.

[2]) Эту рѣчь Дебельна небезынтересно привести здѣсь цѣликомъ (хотя она уже и отмѣчалась въ русской литературѣ), какъ характерный образчикъ того, что именно идеализируется финляндскою школою: „Воины, товарищи и братья. Въ истекшую войну вы противились усердно и мужественно многочисленному (?) непріятелю, побѣдили его при Сикаіоки, Револаксѣ, Пулкилло, Лаппо, Кухіоки, Алаво, Лапфбердѣ, Иденсальмѣ и, вынужденные превосходствомъ числа оставить «Финляндію, сражались упорно за землю шведскую»... Затѣмъ Дебельнъ выражаетъ «остаткамъ храбраго финскаго воинства» благодарность короля, государственныхъ чиновъ, шведскаго народа и шведской арміи, заключая такъ: «Финны, возвратясь въ свои дома, передайте благодарность Швеціи и вашему народу. *Врагами шведской земли вы никогда не можете сдѣлаться: въ томъ я убѣжденъ, но пребудете всегда ея друзьями.* Если могущество русскаго правительства *воспрепятствуетъ исполненію вашихъ желаній и воли, то изливайте на прежнюю отчизну безмолвныя благословенія.* Напоминайте о ней дѣтямъ вашимъ. Изъ рода въ родъ будемъ мы благословлять васъ. Такъ вы и всѣ мы увѣрены, во имя любви. Братство воиновъ длится во всю жизнь и благодарность, которую я изъявилъ вамъ и опять изъявляю, находится въ глубинѣ сердецъ нашихъ!»

Digitized by Google

теперь они являются друзьями, сосѣдями и знакомыми. И хотя они во многомъ отличаются отъ населенія этой земли и говорятъ между собою на своемъ русскомъ языкѣ, который не легко изучить, тѣмъ не менѣе они хорошо уживаются съ населеніемъ этой страны... Русскіе прилежны, веселаго нрава, уживчивы, чадолюбивы, отличаются бо́льшею природною живостью, чѣмъ финны, любятъ музыку и охотно поютъ. Изъ нихъ многіе бережливостью достигли богатства, многіе оказали помощь бѣднымъ. Иногда можно видѣть русскаго солдата дающимъ большой ломоть хлѣба бѣднымъ или держащаго на колѣняхъ крестьянскихъ дѣтей и поющаго имъ пѣсни на своемъ языкѣ". Вотъ и все, что сказано въ книгѣ о русскихъ, притомъ, очевидно, только о русскихъ обитателяхъ Финляндіи, надѣленныхъ, какъ видно, чертами довольно привлекательными, но все же съ оттѣнкомъ нѣкотораго покровительственнаго къ нимъ отношенія. О русскихъ вообще въ книгѣ Топеліуса нѣтъ спеціальной статейки, но характеристика ихъ выходитъ уже далеко не столь приглядною, если собрать воедино всѣ разбросанныя о нихъ по разнымъ мѣстамъ аттестаціи. Такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ, въ статьѣ „Финское племя" разсказывается о сокровищахъ древняго финскаго племени Чудь. „Русскіе съ алчностью посматривали на эти сокровища, дѣлали поэтому набѣги на Чудь и прогнали ее на сѣверъ. Отсюда возникли продолжительныя войны. Однажды русскій князь предложилъ кончить войну состязаніемъ: чудинъ и русскій должны были срубить каждый по дереву, и тотъ, кто первымъ окончитъ работу, долженъ былъ вступить въ обладаніе спорною землею. Состязаніе одобрили, выбрали деревья. Чудинъ, основательный по природѣ человѣкъ, началъ рубить дерево съ корня, а русскій былъ хитрѣе и началъ рубить дерево у вершины. Вотъ и вышло, что русскій кончилъ раньше работу и съ того времени сталъ господиномъ земли. Но Чудь *любила свободу и не выносила жизни подъ чужою властью*: она предпочитала быть *свободною подъ землею, чѣмъ жить рабой на землѣ*. По преданію, она захватила съ собою свои сокровища и удалилась въ пещеры: горы прикрыли ее и все ея богатство. Тамъ, подъ землею живетъ Чудь съ богатствами и по сіе время".

Поученіе ясное, а аттестація русскаго—не изъ лестныхъ. Тѣмъ рельефнѣе здѣсь намѣреніе освѣтить поступки русскихъ подъ особымъ угломъ зрѣнія, что въ слѣдующемъ же, 59-мъ, разсказѣ „Біарминцы", при описаніи подобныхъ же набѣговъ норманновъ на богатую Біармію, послѣдніе наименованы „храбрыми", а самый фактъ грабежа оправданъ „обычаями того времени".

Точно также любопытно сравнить изложеніе совершенно, по существу, тожественныхъ фактовъ стремленія русскихъ, съ одной стороны, и шведовъ, съ другой, поработить финскія племена и обратить ихъ въ свою вѣру. Однако, про русскихъ говорится, что они думали сдѣлать народъ своими „данниками" и „обратить ихъ въ свою вѣру", а про шведовъ особо

Digitized by Google

подчеркивается, что „мы (т. е. финны) должны почитать и благодарить шведовъ за то, что они не хотѣли поработить Финляндію, а лишь поднять до равенства съ собою". И это во время крестовыхъ походовъ, когда финновъ сгоняли креститься мечами и копьями и когда никто, нигдѣ, не только въ Швеціи, но даже и во всей тогдашней Европѣ, не думалъ и не могъ думать о какомъ-то „подъемѣ" чуждаго народа; такія идеи не соотвѣтствовали тому желѣзному вѣку.

При сдачѣ крѣпости Каяны въ 1716 году, шведскій гарнизонъ выговорилъ себѣ свободное отступленіе; однако, начальникъ русскаго отряда, Щекинъ, озлобленный продолжительнымъ сопротивленіемъ этой горсти полузамерзшихъ и голодныхъ солдатъ, хотѣлъ перебить ихъ всѣхъ, но этому помѣшалъ русскій офицеръ изъ иноземцевъ, Мангеймъ, который „угрожалъ оставить русскую службу" (статья 165). Къ концу этой войны, русскіе овладѣли почти всею Финляндіею и князь Голицынъ, которому ввѣрено было управленіе новопокореннымъ краемъ, хотѣлъ возстановить въ немъ порядокъ, но „это было не легко, такъ какъ очень много пасторовъ, судей и другихъ чиновниковъ бѣжало въ Швецію"... Населеніе во многихъ мѣстахъ продолжало сопротивляться русскимъ. „Вслѣдствіе этого увеличились ужасъ и озлобленіе. Убійства и пожары свирѣпствовали, не утихая. Многихъ (финновъ) замучивали до смерти или принуждали босыми ногами бѣгать по снѣгу за казачьими лошадьми". Города разграбили, Якобштадтъ сожгли, въ Улеоборгѣ совершались разнаго рода насильственные проступки... Въ 1714 году такъ основательно опустошили Аландскіе острова, что на этомъ большомъ архипелагѣ семь лѣтъ не было ни одного человѣческаго жилища... Въ обширной Россіи было много пустынныхъ или опустошенныхъ земель: туда увели много тысячъ мужчинъ и дѣтей изъ Финляндіи, бросали ихъ на спины лошадей или гнали толпами служить русскимъ помѣщикамъ. Въ Лимингo было сразу 124 человѣка убито, 484 уведено въ плѣнъ. Въ послѣдніе годы русскаго правленія достигли нѣкотораго *порядка, и съ бѣдныхъ крестьянъ стали взыскивать подати въ русскую казну"* (!?) Половина Финляндіи представляла изъ себя въ то время пустыню, деревни лежали въ развалинахъ, поля были невоздѣланы, скотъ и лошади угнаны, рыбачьи принадлежности уничтожены: волки размножились и были отважнѣе несчастныхъ бѣглецовъ, спасавшихся въ лѣсахъ... Всякаго рода бѣдствія обрушились на страну: война, огонь, холодъ, голодъ, болѣзнь, хищные звѣри, бѣгство, отчаяніе, духовный мракъ и дикость нравовъ. И это время, названное „великимъ разореніемъ", оставило по себѣ такой ужасъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, что про него говорили: „тогда было такъ темно, что не видать было даже солнца въ полдень".

Какія чувства къ Россіи и къ русскому народу могутъ развивать въ школьникѣ такія удручающія картины, думается, ясно и безъ комментарій! Россія, одна Россія и русскіе варвары—вотъ источники всѣхъ бѣдствій; оттуда, съ „востока"

Digitized by Google

всегда „бѣда“, „разореніе“, „холодный вѣтеръ“, который „губитъ мирную финскую жатву“. Наоборотъ, съ запада, отъ Швеціи,—всегда свѣтъ, тепло и благоволеніе.

Едва-ли, однако, лучшими бывали тѣ времена въ Финляндіи, когда въ нее вторгались шведскіе крестоносцы, или когда управленіе ею находилось въ желѣзныхъ рукахъ какого-нибудь Класа Флемминга! Однако о жестокостяхъ и ужасахъ шведскаго времени, какъ Топеліусъ, такъ и его послѣдователи, составлявшіе историческіе учебники,—благоразумно умалчиваютъ.

Хотя, какъ сказано выше, русскіе и аттестованы вообще прилежными, однако нижеслѣдующая притча бросаетъ на нихъ незаслуженную тѣнь и въ этомъ отношеніи. Въ разсказѣ 71-мъ подъ названіемъ „Матти“ сопоставляются три работника: шведъ, финнъ и русскій. Хозяинъ далъ всѣмъ имъ одинаковую задачу—разработать участокъ цѣлины. Иванъ (русскій), весело распѣвая, окончилъ свою работу къ полудню; Эрикъ (шведъ) переработалъ за полдень; Матти (финнъ) кончилъ урокъ только позднимъ вечеромъ. И что-же оказалось? У Ивана работа была сдѣлана проворно, но всѣ камни [1]) остались на полѣ; Эрикъ убралъ только мелкіе каменья, оставивъ большіе; за то Матти выворотилъ и убралъ всѣ большіе каменья, оставивъ маленькіе. И вотъ, хозяинъ рѣшаетъ: Ивану напередъ боронить, Эрику копать канавы, Матти—выворачивать каменья. Другими словами, легкомысленный Иванъ (русскій) оказывается годенъ только къ такой работѣ, которую въ Финляндіи обыкновенно поручаютъ мальчуганамъ-подросткамъ!

Теперь посмотримъ, какъ аттестуетъ Топеліусъ военныя качества русскихъ.

„Въ 1714 г. въ сраженіи при Исонкюрѣ, русскихъ подъ начальствомъ Голицына было 12 тысячъ, а противъ нихъ былъ Армфельдъ съ 4,300 солдатъ и 1,500 вооруженныхъ крестьянъ. Финская (?) армія три дня подъ оружіемъ стояла въ снѣгу на морозѣ по обоимъ берегамъ замерзшей рѣки Кюры. Атаковавшихъ русскихъ финны отбили дважды, несмотря на то, что глаза имъ залѣпляла снѣжная мятель и дымъ отъ горѣвшей деревни“. Казалось, побѣда была обезпечена; уже взято было у врага шесть пушекъ, какъ „вдругъ“ генералъ Де-ла-Барръ съ финскою конницею обратился въ бѣгство, русскіе „оказались“ въ порядкѣ, а финны—„окруженными и тѣснимыми со всѣхъ сторонъ“. „Крестьяне смѣшались и пали, солдаты защищались до послѣдняго издыханія“, такъ, что даже побѣдитель князь Голицынъ выказалъ „благородство“, отдавъ дань уваженія храбрости финновъ.

Побѣда русскихъ объясняется численнымъ превосходствомъ и какими-то необъяснимыми случайностями, а финны оказы-

---

[1]) Какъ извѣстно, Финляндія покрыта валунами и главный трудъ по заготовкѣ поля заключается въ очисткѣ участка отъ этихъ валуновъ.

Digitized by Google

ваютъ чудеса геройства. Въ слѣдующемъ разсказѣ (165-мъ) описывается осада Каянскаго замка въ 1715 году и тутъ русскіе прямо покрываются позоромъ. 50 „карловцевъ“ [1]), съ маіоромъ Фіандтомъ во главѣ, отсиживаются въ Каянѣ противъ тысячи русскихъ, которые начинаютъ гибнуть отъ болѣзней въ своемъ „худо устроенномъ“ лагерѣ. Даже подошедшая къ русскимъ подмога въ 3 тысячи, привезшая съ собою и пушки, не заставила „карловцевъ“ сдаться, а сломили ихъ только голодъ и жестокій морозъ.

Такое отношеніе къ русскимъ войскамъ, какъ къ грубой, ничтожной по качеству и только берущей перевѣсъ своею численностью силѣ,—проглядываетъ рѣшительно во всѣхъ описаніяхъ военныхъ эпизодовъ былыхъ шведо-русскихъ войнъ. „Въ 1789 году, при Поррасальмѣ, 8 тысячъ русскихъ съ артиллеріею стояли противъ *семисотъ* финновъ. Русскіе атаковали полуразрушенный мостъ: ихъ сбрасывали штыками въ озеро и цѣлый день отражали ихъ непрекращающіяся атаки. Къ врагамъ прибывали все новые, свѣжіе отряды: въ рядахъ финновъ сражались все тѣ же окровавленные, почернѣвшіе отъ пороха и утомленные солдаты... Русскіе пускали на финновъ такой дождь пуль, что врядъ ли хоть одно дерево или камень остались не расщепленными, но эти живыя стѣны стояли на мѣстѣ... Повыпустивъ всѣ пули, финны начали заряжать ружья пуговицами отъ одежды“, пока, наконецъ, подошедшія подкрѣпленія не заставили русскихъ отступить (статья 175).

Столь ничтожное воинство, какими изображаются русскіе, могли одолѣвать даже вооруженные обыватели. Когда въ 1656 г. русскіе сдѣлали набѣгъ на Финляндію, то всѣ „ея“ военныя силы были вмѣстѣ съ королемъ внѣ предѣловъ края; но финскій народъ въ то время былъ столь воинственъ, что „враги“ были „прогнаны“ толпою „мѣщанъ, крестьянъ и даже школьниковъ“, взявшихся за оружіе!

Если Топеліусъ и не касается прямо вѣроисповѣданія русскихъ,—то онъ довольно подробно распространяется объ обрядностяхъ католической церкви, оцѣнивая ихъ съ лютеранской точки зрѣнія. А такъ какъ въ этой области у католиковъ много общаго съ православными, съ которыми по большей части именно и приходится сталкиваться финну, то нѣтъ ничего удивительнаго, если описанныя Топеліусомъ, въ главахъ 129 и 130 его книги, „человѣческія заблужденія“ цѣликомъ примѣняются преподавателями къ православному вѣроученію. Здѣсь говорится, напримѣръ, о почитаніи святыхъ, несмотря на то, что „всѣ они также грѣшны, какъ и мы“: о томъ, что всѣ „должны каяться въ грѣхахъ“ священникамъ, такъ какъ безъ ихъ посредства никто не могъ, будто-бы, достигнуть блаженства“: объ обычаѣ „святить масло, воду, вино, оружіе воинское, дома, покои, фундаменты. Крестили даже церков-

---

(1а «Karoliner»; такъ зовутся воины, воевавшіе съ Карломъ XII.

Digitized by Google

ные колокола и вообще было много удивительныхъ и суевѣрныхъ обычаевъ, теперь совершенно исчезнувшихъ изъ нашей земли"; говорится о процессіяхъ и крестныхъ ходахъ, а также объ отсутствіи образованности среди католиковъ.

Даже языкъ русскій,—какъ уже было мною упомянуто,—не избѣгъ дурной аттестаціи: ему, во-первыхъ, „очень трудно выучиться", а затѣмъ въ немъ, какъ въ языкѣ славянскомъ, господствуютъ „отвратительные" шипящіе и свистящіе звуки.

Самое образованіе русскаго государства освѣщается Топеліусомъ столь характерно, что эту статейку стоитъ привести цѣликомъ.

„Русскіе принадлежатъ къ большому славянскому племени и переселились тысячу лѣтъ назадъ въ нынѣшнюю свою землю. Тогда въ большей части нынѣшней Россіи жили народы финскаго племени. Старое преданіе говоритъ, *что Россіей управляли 12 сыновей богатыря Калевалы* [1]). Въ окрестностяхъ Ильменя славяне и финны жили другъ около друга. Шведскіе викинги плавали по Невѣ въ Ладожское озеро и изъ Невы по Волхову въ Ильмень, окрестности котораго опустошали и обращали въ данниковъ. Сами же ильменьскіе народы не могли поладить другъ съ другомъ и рѣшили пригласить начальниковъ норманскихъ къ себѣ правителями. Ихъ было три брата; ихъ родину финны называли „Руотси" (Швеціею). Одинъ изъ братьевъ былъ Рюрикъ и онъ сталъ княземъ финскихъ и славянскихъ народовъ при Ильменѣ". Но славянскіе народы „были смѣлѣе и хитрѣе финскихъ". Поэтому „вмѣсто большого финскаго государства возникло тамъ большое русское государство. И славяне позвали къ себѣ князя изъ земли и отъ народа именемъ Русь (Руотси—Швеція по-фински), откуда названіе „русскіе", такъ что имя *русскіе* первоначально значило *шведы*" (!!).

И далѣе: „Русское государство основано *шведомъ* Рюрикомъ въ 862 году по Р. Х. Въ 988 году великій князь Владиміръ крестился и народъ его принялъ вмѣстѣ съ нимъ христіанское вѣроученіе по греческому обряду. Нѣкоторое время столицею былъ Кіевъ, потомъ всероссійскіе великіе князья перенесли свою резиденцію въ Москву: теперь же Царь живетъ въ Петербургѣ".

„На берегахъ Ильменя возникъ уже давно богатый и важный торговый городъ Новгородъ. Онъ сталъ столь могущественнымъ, что у русскихъ была поговорка: „Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?" Этотъ Новгородъ подчинилъ себѣ много финскихъ народовъ и уничтожилъ государство Біармію. Потомъ случилось такъ, что могущественный татарскій народъ, по имени монголы, вторгся въ Россію и держалъ русскихъ въ жестокомъ рабствѣ 250 лѣтъ. Даже Новгороду пришлось платить дань монголамъ, но онъ былъ далеко отъ

[1]) По имени котораго названа народная эпопея финновъ. Значитъ, легенда приписываетъ имъ, финнамъ, владычество надъ нынѣшнею Россіею въ доисторическое время.

Digitized by Google

нихъ, лучше сохранилъ свободу и сталъ центромъ новаго русскаго государства (откуда это?—Русь собиралась около Москвы, и Москва, а не Новгородъ, свергла татарское иго). Онъ же, будучи ближайшимъ сосѣдомъ Финляндіи, часто вступалъ въ войны со Швеціею, такъ какъ оба они хотѣли имѣть надъ Финляндіею власть".

„Въ 1323 г. въ крѣпости Нотебургѣ въ истокѣ Невы заключенъ первый мирный договоръ Швеціи съ вольнымъ городомъ Новгородомъ. Корелію они подѣлили пополамъ, такъ что Новгородъ получилъ восточную половину, которая такимъ образомъ стала принадлежать Россіи, а Швеція получила западную часть, которая *такимъ образомъ стала принадлежать Финляндіи* (?). Граница шла отъ Финскаго залива по Сестрѣрѣкѣ и черезъ сѣверную часть Вуоксы, такъ что всѣ берега Ладожскаго озера перешли въ русскую территорію. Это была первая восточная граница *Финляндіи* (?) съ Россіею. Финны тогда лучше узнали, что есть ихъ родина, но половина кореловъ сдѣлалась русскими подданными и, къ непоправимому вреду финскаго народа, стала для него утраченной навсегда(!!)".

Итакъ, русское государство основано шведами и оно сдѣлалось славянскимъ, а не финскимъ, только благодаря хитрости Гостомысла!

Какъ же случилось такое великое несчастіе, какъ отдѣленіе Финляндіи отъ цивилизованной Швеціи и присоединеніе къ варварской Россіи. Объ этомъ излагается весьма подробно и вина въ такомъ прискорбномъ событіи исключительно падаетъ на плохихъ шведскихъ генераловъ! Когда Петръ подступилъ къ Выборгу, вся Финляндія, какъ одинъ человѣкъ, взялась за оружіе. По всей землѣ пронесся крикъ: „въ Выборгъ, въ Выборгъ!" Король же прислалъ негоднаго начальника, Любекера, который „презиралъ крестьянъ, утомлялъ солдатъ и не умѣлъ управлять народомъ, который ничего такъ не желалъ, какъ защищать свое отечество". Поэтому „все пошло неудачно" (статья 164).

„Ништадтскій миръ передалъ власть на сѣверѣ изъ рукъ Швеціи въ руки Россіи. Тяжела была участь Швеціи... Финскій мужъ, графъ Лиліенстедтъ, сынъ бьернеборгскаго пастора, въ качествѣ шведскаго уполномоченнаго, имѣлъ несчастіе подписать раздробленіе на части своего отечества... Потерявъ свой передовой постъ,— Ингерманландію и часть своей земли, Финляндія превратилась сама въ шведскій щитъ противъ все возраставшаго могущества Россіи... Многіе предчувствовали, что вся Финляндія рано или поздно будетъ присоединена къ Россіи... Всѣ хотѣли преданно удерживать старую связь со Швеціей, но никто не зналъ, какъ долго могла она продержаться. И потому финскій народъ, болѣе чѣмъ прежде, *началъ думать о себѣ и о томъ, какъ бы ему сдѣлаться самостоятельнымъ*. Раньше финскій народъ былъ въ наукѣ у шведовъ и многому бы слѣдовало ему еще поучиться у нихъ, но послѣ Ништадтскаго мира образовалась новая школа, въ которой ученикъ выросъ выше учителя и научился думать своею головой.

Digitized by Google

Это замѣтили не сразу, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе стало обнаруживаться. Новыя идеи зрѣли понемногу и во времена несчастій Финляндія научилась многому, такъ что воззрѣнія ея народа въ 1721 году были совсѣмъ иныя, чѣмъ прежде". (Статья 169-я).

Этими разсужденіями подготовляется необходимое истолкованіе послѣдующихъ событій, завершившихся переходомъ Финляндіи подъ власть Россіи, что, по побужденіямъ финляндскихъ патріотовъ, непремѣнно должно быть объяснено, какъ послѣдствіе *иниціативы самой Финляндіи*, а вовсе не какъ результатъ побѣдъ русскаго оружія. Видя слабость Швеціи, раздираемой борьбою партій и не могущей противостоять Россіи, Финляндія, якобы, стала *сама* помышлять объ отдѣленіи отъ Швеціи и о политической самостоятельности. Поэтому, естественно, что „страна", въ тѣ же сороковые годы XVIII вѣка, „желала болѣе надежнаго обезпеченія, послѣ потери восточныхъ крѣпостей". Отсюда—постройка Свартгольма, а затѣмъ—„безпримѣрнаго по силѣ" Свеаборга. Хотя строитель Свеаборга, адмиралъ Августинъ Эренсвердъ, и не былъ природнымъ финляндцемъ, „все же онъ принадлежалъ Финляндіи по своему лучшему дѣянію и по своей могилѣ", въ которой онъ погребенъ, „окруженный своимъ созданіемъ" [1]).

Обнаружившееся стремленіе финновъ къ политической самостоятельности, якобы, особенно опредѣленно выразилось въ дѣятельности извѣстнаго Генриха Габріеля Портанъ, которому Топеліусъ ставитъ въ заслугу то, что „онъ внѣдрилъ въ насъ впервые ясное понятіе о финскомъ народѣ, какъ о народѣ самобытномъ, самостоятельномъ. Финскій народъ существовалъ съ самаго того времени, какъ послѣ Нотебургскаго (Орѣховскаго) мира его разрозненныя части стремились соединиться; но мы уже видѣли, какъ недостаточно и неясно было это понятіе народа о себѣ самомъ. Да не было и времени объ этомъ думать, приходилось сражаться за свою жизнь и пропитаніе [2]). Когда прежде герцогъ Іоаннъ (въ XII вѣкѣ) или императрица Елизавета, наконецъ, апъяльцы (конецъ XVIII вѣка) говорили о самостоятельности Финляндіи, никто еще не понималъ ея, да и такая крайняя (политическая) самостоятельность въ то время не была бы намъ полезна. Да и Портанъ не училъ насъ такой самостоятельности. Размышляя о государствѣ, онъ самого себя называлъ шведомъ [3]). Онъ училъ только, что данная Богомъ финскому народу своеобразная природа обязываетъ

---

[1]) Надпись на могилѣ Эренсверда въ Свеаборгѣ. Могила эта, которую русскіе солдатики, въ простотѣ душевной, прозвали „Мѣдной головою" (на надгробномъ камнѣ лежитъ, надъ щитомъ, пернатый греческій шлемъ), до сихъ поръ служитъ мѣстомъ паломничества правовѣрныхъ финляндскихъ шведовъ, которые никакъ еще не могутъ примириться съ мыслью, что Свеаборгъ принадлежитъ русскимъ!

[2]) Какое извращеніе исторической правды! Финны никогда еще не сражались за свои личные интересы, а всегда только за шведскіе.

[3]) Кстати сказать, даже и сочиненія свои Портанъ писалъ еще на латинскомъ языкѣ.

Digitized by Google

его самостоятельно добывать лучшія жизненныя силы, свободно развиваться согласно своимъ обычаямъ, такъ чтобы всѣ посѣянныя въ него Богомъ благородныя сѣмена, созрѣвъ, принесли пользу человѣчеству... Для него было очевидно, что намъ лучше подчиняться другому государству и многому надо научиться отъ другихъ, но что мы все-таки должны быть сами по себѣ, что мы хотимъ *жить и не быть ничтожнымъ и безвольнымъ придаткомъ другихъ*". Однако, Портанъ въ свое время не могъ еще себѣ и представить возможности отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи. Какъ только это случилось (т. е. отдѣленіе), пять лѣтъ спустя послѣ смерти Портана, тотчасъ же мысль его начала расти и изъ ученыхъ кабинетовъ вышла наружу, въ жизнь. Явились другіе, которые стали обрабатывать мысли Портана, трудиться на почвѣ самобытнаго развитія финскаго народа, его гражданской свободы, его языка, его производительной, плодотворной силы во всѣхъ отрасляхъ, *его никогда не униженнаго, но почетнаго положенія самостоятельнаго, свободнаго народа наряду съ другимъ народомъ*".

Таковы сокровенные помыслы финновъ, такова ихъ конечная цѣль. Но цѣли эти уяснились лишь впослѣдствіи и съ мыслью объ отдѣленіи отъ Швеціи финны примирились не сразу.

Что же касается до Россіи, то ей Финляндія была попросту подарена Наполеономъ. Онъ „заключилъ союзъ съ русскимъ Императоромъ Александромъ I въ Тильзитѣ и предложилъ ему Финляндію *въ награду* (?), если Александръ поможетъ ему противъ англичанъ. У Наполеона былъ такой обычай дарить чужія земли, которыми онъ самъ не могъ овладѣть, и теперь онъ хотѣлъ наказать шведскаго короля. Царь Александръ колебался. Густавъ Адольфъ былъ его родственникомъ, который, хотя и раздражалъ, по своей глупости, Россію, однако, все же не подавалъ повода къ войнѣ. Но русскіе уже два раза передъ тѣмъ овладѣвали Финляндіей, взявъ часть ея себѣ и возвративъ остальное. Они знали страну, они считали, что дѣло Петра Великаго будетъ завершено только тогда, когда они овладѣютъ всѣмъ побережьемъ Финскаго залива, а также и Финляндіею, столь близкою отъ Петербурга. Наконецъ, еще съ анъяльскихъ временъ они думали, что многіе финны охотно видѣли бы свою родину въ соединеніи съ русскимъ государствомъ. Поэтому-то царь Александръ и предложилъ шведскому королю закрыть Балтійское море для англійскихъ судовъ, а когда король не согласился на это, — три русскія арміи вторглись въ Финляндію" [1]).

И на этотъ разъ неудачный исходъ войны „для финновъ" зависѣлъ отъ дурного качества военачальниковъ. Финляндцы не щадятъ упрековъ и брани по адресу Клингспора, „который не понималъ ни своего народа, ни солдатъ, ни своего долга, ни своей воинской чести. Онъ думалъ только о томъ, чтобы угодить своему королю, который повелѣлъ ему спасать армію,

[1]) На дѣлѣ только 20-тысячный корпусъ Буксгевдена, но *тремя* колоннами.

Digitized by Google

вмѣсто того, чтобы спасать страну (т. е. Финляндію) [1]). Не помогло даже, когда старый Клеркеръ хотѣлъ своею семидесятилѣтнею головою отвѣчать за побѣду".

Финская армія, жаждавшая сразиться, отступала съ „печалью и горечью", оставляя родную страну „врагу": одно упованіе было на то, что „Свеаборгъ защититъ своими крѣпкими стѣнами". Но не такъ случилось. „Крѣпкими, какъ стѣны, стояли ряды солдатъ, но начальникъ поколебался и морская горделивая королева, крѣпкій оплотъ Финляндіи, — отданъ былъ 3 мая 1808 года, со всѣми припасами, флотомъ и оружіемъ, маленькому русскому войску, которое, будучи чуть-чуть многочисленнѣе защитниковъ, удивлялось ихъ выступленію по морскому льду... Всею страною овладѣло то же нѣмое отчаяніе, какъ и въ 1710 году, но на этотъ разъ этого чувства не облегчило *сохраненіе чести*. Страну объявили присоединенною къ русскому государству и жителямъ *пришлось*, частью въ церквахъ, частью въ судахъ и ратушахъ, принести присягу на вѣрность".

Статья 181 посвящена Адлеркрейцу, какъ главному герою, и излагаетъ періодъ шведскихъ успѣховъ. Здѣсь, что ни строка,—то подвигъ, что ни бой, то побѣда, и дѣйствующими лицами являются герои Рунеберговскаго „Прапорщика Столя" [2])... Изъ русскихъ именъ—упоминается одинъ только Кульневъ, опять-таки какъ герой Рунеберга. О дѣйствіяхъ русскихъ,—„врага", говорится лишь постольку, поскольку это нужно для полноты изложенія шведскихъ дѣйствій. Послѣ Ольківскаго перемирія, часть финскихъ войскъ пошла вмѣстѣ со шведскими въ Швецію, а часть—сложила оружіе. Тутъ-то произошло прощаніе Дебельна, о которомъ упомянуто выше, и „финскій воинъ трогательно разстался со шведскимъ, съ которымъ воевалъ бокъ-о-бокъ 600 лѣтъ".

Затѣмъ описано бѣдственное положеніе Швеціи и государственный въ ней переворотъ, главнымъ дѣятелемъ котораго былъ тотъ же Адлеркрейцъ, „печаловавшійся впослѣдствіи, что ему выпала доля быть единственнымъ финскимъ мужемъ, свергнувшимъ своего короля съ престола. Такой образъ дѣйствій тяжелъ для финскаго сердца, хотя бы этимъ и было спасено государство".

Затѣмъ говорится о Фридрихсгамскомъ мирѣ и, конечно, только о той (VI) статьѣ этого договора, гдѣ говорится объ обѣщаніи сохранить права Финляндіи, но не о IV, гдѣ ска-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ отступленіе разбросанной шведской арміи къ сѣверу было вполнѣ благоразумно: она сосредоточивала свои силы и отходила на свои подкрѣпленія. Русскіе, наоборотъ, увлеклись преслѣдованіемъ, вѣеромъ разошлись по Финляндіи, оторвались другъ отъ друга и отъ своего тыла, что и послужило главною причиною послѣдующихъ неудачъ; окончательный выигрышъ кампаніи совершился лишь тогда, когда мы снова сосредоточили свои силы и, въ свою очередь, подвели подкрѣпленія.

[2]) «Разсказы прапорщика Столя»—поэтическое произведеніе Рунеберга,—настольная книга финляндской школы на ряду съ книгой Топеліуса. О ней рѣчь впереди.

Digitized by Google

зано о передачѣ ея Россійской Имперіи „въ собственность и державное обладаніе“.

Какъ ни мечтала Финляндія о самостоятельности, все же ея отдѣленіе отъ Швеціи „оставило надолго горькія воспоминанія по обѣ стороны Ботническаго залива“. У Швеціи сохранилось много „стараго дружелюбія“: къ нему присоединились „горечь потери“ и „печаль о разсѣченіи государства“. Долго послѣ того „надежда на возвращеніе Финляндіи была у многихъ шведовъ“ [1]); только потомъ явилось сознаніе неизбѣжности совершившагося и осталась только „дружба“, такъ что „шведъ пичьей руки не пожимаетъ теплѣе, чѣмъ руки финна, какъ утраченнаго и вновь отысканнаго друга“.

„На финской сторонѣ старый союзъ былъ также очень дорогимъ, а новый (т. е. съ русскими) слишкомъ сомнительнымъ (?!), такъ что отдѣленіе во многихъ сердцахъ причинило боль“. Но... „новая, заложенная Портаномъ мысль о самостоятельности Финляндіи, о томъ, что финскій народъ долженъ устроиться и держаться самъ по себѣ, становилась все тверже и опредѣленнѣе“. Новое поколѣніе уже „чувствовало себя развязаннымъ по отношенію къ прошлому“. Но полная забывчивость“ была бы „неблагодарностью“ по отношенію въ странѣ, одарившей Финляндію своею культурою, и потому, для „освѣженія“ памяти, понадобилось средство—„подогрѣваніе воспоминаній“, для чего и послужили „Разсказы прапорщика Столя“.

„Никогда поэтическое произведеніе въ нашей странѣ не бывало еще встрѣчено съ такимъ восхищеніемъ и восторгомъ,—пишетъ Топеліусъ.—Старый и малый были охвачены порывомъ; дѣтскія сердца бились, щеки дѣвушекъ разгорались и у суровыхъ, закаленныхъ мужей капали слезы, слушая эти пѣсни объ *исчезнувшемъ* времени“.

Мы увидимъ впослѣдствіи, ознакомясь подробно съ этою книгою, *что именно* ею подогрѣвается и что въ ней заставляетъ биться сердца юношей, горѣть щеки дѣвъ и капать слезы у мужей: это не только печаль о прошломъ, но радость и національная гордость, возбуждаемая сказаніями о герояхъ, созданныхъ фантазіей поэта, о герояхъ, не на животъ, а на смерть боровшихся съ вражескимъ нашествіемъ, съ нашествіемъ *русскихъ*.

Закончимъ просмотръ книги Топеліуса ея послѣдними главами—о присоединеніи Финляндіи и ея послѣдующей жизни подъ властью Россіи. Обращаетъ на себя прежде всего вниманіе, что разсказы о предшествующемъ времени занимаютъ 150 страницъ книги, а русскому періоду исторіи края посвящено всего-на-всего 18 страницъ.

Затѣмъ Топеліусъ почему-то считаетъ нужнымъ въ самомъ началѣ этого отдѣла особо подчеркнуть голштинское происхожденіе Александра I и родство его съ тогдашнимъ швед-

[1] Угасла ли она совершенно—еще вопросъ.

Digitized by Google

скимъ королевскимъ домомъ. „Такимъ образомъ, — говоритъ онъ, — какъ Александръ I, такъ и царствовавшій тогда въ Швеціи королевскій домъ, — оба происходили отъ русскихъ царей и отъ шведскихъ королей, но по мужской линіи—отъ германскихъ голштинскихъ герцоговъ". Говоря о самомъ присоединеніи Финляндіи, Топеліусъ признаетъ, что Александръ I могъ поступить съ нею также, какъ съ тѣми ея частями, которыя были присоединены въ 1721 и въ 1743 годахъ. „На то у него не было недостатка во власти". Почему же онъ этого не сдѣлалъ? А вотъ почему. „Такъ какъ тогдашнія формы правленія въ Финляндіи предоставляли правителю большую (?) власть въ управленіи, наряду съ чѣмъ у народа оставалась значительная доля прежней свободы, Императоръ счелъ за лучшее предоставить этой свободной землѣ удержать ея шведскіе законы, особый образъ правленія и свою администрацію на ряду съ Имперіей, съ которой, впрочемъ, въ остальномъ *пришлось* быть нераздѣльно соединенною". Хотя Финляндія и была „мала, бѣдна и безсильна, по сравненію съ богатой и могущественной Россіей, но у нея была болѣе старая культура, она была болѣе участницею въ европейскомъ прогрессѣ..." „Война 1808 г. убѣдила Императора въ храбрости финскаго народа и его привязанности къ законности. Онъ справедливо разсчиталъ, что такой народъ можетъ быть столь же надежнымъ граничнымъ стражемъ русскаго государства, какимъ былъ и для шведскаго, если будетъ счастливъ своимъ новымъ положеніемъ. Поэтому онъ былъ кроткимъ побѣдителемъ и предпочелъ лучше пріобрѣсти истинную привязанность свободнаго народа, чѣмъ фальшивое вѣрноподданничество народа порабощеннаго".

Далѣе идетъ обычный разсказъ о петербургской финляндской депутаціи, „патріотически исполнившей свою обязанность", о созывѣ Боргоскаго сейма, приводится текстъ Высочайшей грамоты 15 марта, именуемой, конечно, „forsäkran", т. е. „удостовѣреніемъ", какъ называлась присяга шведскихъ королей; о присягѣ же сословій на сеймѣ говорится, что она „была, дѣйствительно, добровольна, съ точки зрѣнія права, а не силы, такъ какъ эти сословія не могли быть законными подданными Императора, покамѣстъ шведскій король, въ сентябрѣ того же года, не передалъ Финляндію русскому государству и тѣмъ не освободилъ финскій народъ отъ прежней присяги на вѣрность".

Для того, чтобы оправдать поступокъ земскихъ чиновъ въ Борго, и въ то же время удержать за нимъ значеніе свободнаго соглашенія, Топеліусъ называетъ боргоскую присягу „обоюднымъ, добровольнымъ, законнымъ *союзомъ* (?), на которомъ основывается надежная вѣрность Финляндіи русскому Императору, какъ Великому Князю Финляндіи".

Вѣрность эта, значитъ, обоснована *на взаимномъ соблюденіи* договора!

„Такимъ образомъ,—говорится въ заключеніе,—эта шведская область Финляндіи сдѣлалась *особымъ государствомъ* (?), соеди-

Digitized by Google

неннымъ съ русскимъ государствомъ. Важность и значеніе такого положенія, въ глазахъ тогдашнихъ финновъ, были полны опасностей. Они (т. е. финны) не могли понять великихъ идей Императора Александра о будущемъ. Размышляя объ этой бѣдной землѣ, нераздѣльно и навсегда соединенной съ такою *всесокрушающею силою*, каково русское государство, они трепетали отъ страха за будущее... многіе считали за благо данное разрѣшеніе переселиться въ Швецію".

Однако, Александръ поспѣшилъ еще новымъ „наиблагороднѣйшимъ дѣломъ", дабы привлечь къ себѣ сердца финновъ. Онъ присоединилъ Выборгскую губернію. Однако, и тутъ Топеліусъ считаетъ нужнымъ раскрыть дѣтямъ подкладку этого событія. „Для того, чтобы въ предвидѣніи войны съ Наполеономъ обезпечить государство съ сѣверо-запада, — онъ (т. е. Александръ I) заключилъ союзъ со Швеціей" и возсоединилъ такъ называемую „Старую Финляндію". Благодаря этому, „пока Россія боролась между жизнью и смертью (?) противъ величайшаго въ мірѣ полководца", ея границы были обезпечены и она могла употребить всѣ силы противъ врага.

Иначе говоря, русскіе какъ бы обязаны удачнымъ исходомъ отечественной войны вѣрности финляндцевъ, а вѣрность эта есть плодъ мудрости Александра I, съумѣвшаго ее своевременно обезпечить „великимъ и дорогимъ даромъ",—возсоединеніемъ Выборгской губерніи!

И все это имѣло послѣдствіемъ такія великія европейскія событія, какъ пораженіе и низложеніе Наполеона, окончившаго жизнь на о. Св. Елены. „Онъ, который когда-то подарилъ Россіи Финляндію, покоится теперь въ Парижѣ въ гробницѣ изъ краснаго порфира съ береговъ Ладоги". Стало быть, не будь вѣрности финляндцевъ, купленной за Выборгскую губернію,— „la face du monde eût été changée",—говоря словами великаго корсиканца,—„обликъ міра былъ бы иной". Объ этомъ важномъ обстоятельствѣ не знаетъ, однако, ни одинъ историкъ, а финляндскіе школьники знаютъ поголовно и уже болѣе пятидесяти лѣтъ подъ-рядъ, — такъ велика служебная „давность" книги Топеліуса!

И такъ, Выборгская губернія была возвращена финнамъ, съ одной стороны, какъ доказательство превосходства ихъ порядковъ [1]), а главное,—въ видѣ нѣкоторымъ образомъ „взятки" за ихъ „вѣрность". Какъ ни сильна и ни могуча Россія, эта „всесокрушающая" сила „сѣвернаго медвѣдя", однако, и финскій „львенокъ" что-нибудь да значитъ, особенно въ трудныя для нея времена: съ нимъ необходимо считаться, его нужно умасливать...

---

[1]) Топеліусъ, какъ и всѣ финляндцы, не упускаетъ случая изобразить состояніе Старой Финляндіи въ самомъ удручающемъ положеніи; эту лишенную попеченія страну, разоряемую „плохими русскими чиновниками", нужно было отдать „на поправку" въ шведо-финскія руки.

Digitized by Google

Познакомившись изъ шведскихъ выдержекъ съ книгою Топеліуса, читатель несомнѣнно видѣлъ, какія цѣли она преслѣдуетъ и какія мысли и чувства развиваются ею въ дѣтскихъ сердцахъ. Возбужденіе болѣзненно-истеричной любви къ родинѣ, но не къ родному очагу, — и не къ своему племени, а къ Финляндіи, какъ къ *политической единицѣ*. и къ финскому народу, какъ къ націи, особо отмѣченной Божественнымъ Промысломъ, имѣющей особое историческое предназначеніе,— нѣкоего центра, ядра, вокругъ котораго имѣютъ сплотиться въ будущемъ всѣ разрозненныя финскія племена! Если при Рюрикѣ славяне перехитрили финновъ и подъ началомъ *шведскихъ* князей, основали великое славянское государство, поглотившее постепенно эти финскія племена, то, съ развитіемъ финской національной идеи, разрабатываемой и развиваемой финляндскими финнами, подъ могучимъ кровомъ довѣряющей имъ Россіи, быть можетъ, настанетъ и вожделѣнный мигъ, когда возвратится то, что не удалось во время Рюрика...

„Еще настанетъ день, еще не все пропало!“ — это одинъ изъ излюбленнѣйшихъ финскихъ девизовъ.

Финны, „избранный Богомъ“ народъ, отличаются необыкновенными качествами: они перенесли много испытаній за время своей исторической судьбы и это ихъ закалило въ борьбѣ съ обстоятельствами. Кто же виновникъ этихъ испытаній?—*Русскіе*. Русскіе,—тотъ исконный, вѣковѣчный врагъ, съ которымъ приходилось бороться до тѣхъ поръ, пока судьба не передала ихъ подъ власть русскихъ государей.

Выраженія „врагъ“ и „русскій“ такъ часто другъ друга замѣняютъ въ книгѣ Топеліуса, что въ дѣтской головѣ они естественно становятся *синонимами*. Да при томъ этотъ врагъ всегда противопоставляется не шведамъ, а *финнамъ*: во всѣхъ шведо-русскихъ войнахъ финны какъ бы самостоятельно борются за свою родину, отстаиваютъ ее отъ русскихъ, несмотря на то, что русскіе съ финнами, какъ съ націей или народностью, никогда въ сущности не враждовали, а всегда вели войну со *шведскимъ* государствомъ и сражались съ финнами, какъ со *шведскими* подданными. Въ древности славяне, а потомъ — русскіе новгородцы искони дружили съ сосѣдними финскими племенами и совмѣстно отражали набѣги норманновъ: въ войскѣ Александра Невскаго, отразившемъ Биргера, было не мало „чуди“ или финновъ. Такихъ историческихъ фактовъ, однако, тщательно избѣгаютъ финляндскіе составители учебниковъ и книжекъ для школьнаго чтенія.

Имъ нужно показать, съ одной стороны, преданность финновъ шведскимъ королямъ, ихъ „вѣрность“, а съ другой — стремленіе ихъ къ самостоятельности: ихъ горячую любовь къ родинѣ, какъ къ чему-то отдѣльному отъ Швеціи, побуждавшую ихъ храбро сражаться за родной очагъ. Отсюда постоянное употребленіе выраженій: „финская“ армія, „финское“ войско, „финскіе“ полководцы, когда, въ дѣйствительности, дѣло идетъ о *шведскихъ* вооруженныхъ силахъ, только пополненныхъ, по большей части, финнами,—этимъ главнымъ источникомъ комплектованія шведскихъ войскъ.

Digitized by Google

Эта политическая самостоятельность—есть главная, конечная цѣль и все къ ней пріурочено. Поэтому чувство расположенія и признательности къ шведамъ и Швеціи основано лишь на общности той культуры, пріобрѣтеніе которой именно и является базисомъ для дальнѣйшаго укрѣпленія политической жизни Финляндіи. Еще въ XVIII вѣкѣ ученикъ—Финляндія подумывалъ о томъ, что онъ выше учителя — Швеціи. Когда же Россія, въ своемъ благодушіи и великодушіи, дала этому недорослку еще бо́льшую возможность независимо произрастать на ея счетъ, то крылья у него разрослись еще шире и въ мечтахъ размахъ ихъ захватывалъ чуть-ли не до береговъ Тихаго океана! [1]). Къ Россіи и русскимъ у Топеліуса повсюду звучитъ плохо скрываемое нерасположеніе и даже нѣчто въ родѣ презрѣнія, какъ къ грубой, „всесокрушающей“, но некультурной, дикой силѣ; ей нельзя не покорствовать, съ нею должно считаться, но любить ее не слѣдуетъ и благодарнымъ быть ей не за что. Можно быть благодарнымъ только по отношенію къ тѣмъ русскимъ государямъ, которые, даровавъ Финляндіи извѣстныя льготы, открыли ей возможность идти все дальше и дальше по намѣченному для нея свыше пути, къ завѣтной цѣли осуществленія „своего предназначенія“.

Вотъ въ сжатомъ видѣ основныя идеи Топеліусовской книги: вотъ тотъ духъ, которымъ она „юношей питаетъ“, „отраду старцамъ подаетъ“. Значеніе этой книги въ Финляндіи громадно. Она—первая книга для чтенія школьника, она—необходимое пособіе при изученіи въ низшей и средней школахъ „отечественной“, т. е. „финляндской“, исторіи и географіи,—такъ именуются теперь эти предметы. По ея стопамъ, по ея духу составлены почти всѣ соотвѣтствующіе учебники, большинство которыхъ содержатъ ссылки на ея статьи и страницы. Вотъ почему мы начали съ нея нашъ разборъ и остановились на ней такъ подробно. Поэтическимъ дополненіемъ къ этой книгѣ служитъ знаменитый „подогрѣватель патріотизма“,—„Разсказы прапорщика Столя“. Дабы оцѣнить вполнѣ духъ финляндской школы, надо познакомиться какъ съ этими учебниками, такъ и съ знаменитымъ Рунеберговскимъ произведеніемъ.

Бесѣду объ этомъ мы отлагаемъ до слѣдующаго раза, также какъ и о тѣхъ явленіяхъ финляндской школьной жизни, которыя, особенно за послѣдніе годы, являются отраженіемъ ея „особаго“ духа.

Н. А. Талинъ.

Гельсингфорсъ.
14 Ноября 1904 г.

---

1) Пусть читатель заглянетъ хотя бы въ №№ 178—180 „Финляндской Газеты“ за текущій годъ и прочтетъ статью «Цѣль финляндскихъ путешествій по мѣстностямъ Россіи, населеннымъ финскими племенами», гдѣ разбирается отчетъ финскаго этнографа Эрвасти. На слабонервнаго и впечатлительнаго человѣка эта статья способна произвести такое впечатлѣніе, что мы, на смѣну нынѣшней «желтой», монгольской «опасности», незамѣтно ростимъ у себя подъ бокомъ новую, «бѣлобрысую», финскую „опасность“.

Digitized by Google

ТОКІО

въ наши дни.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ ИЗЪ ЯПОНСКОЙ ЖИЗНИ.

XXIII [1]).

Въ парламентѣ.

Наступилъ ноябрь мѣсяцъ. Во всѣхъ сферахъ японскаго общества почувствовалась какая-то усталость. Громовержцы стали утихать въ своей газетной перебранкѣ. Начали носиться слухи, что микадо думаетъ устроить какой-то генеральный смотръ своимъ войскамъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Японіи усиленно стали заниматься маневрами. Часто слышалась пальба изъ орудій въ окрестностяхъ Токіо. Эта пальба участилась до того, что мѣшала работать, мыслить, и нервно настраивала обывателей. Старые, флегматичные японцы холодно обсуждали текущія дѣла, удивляясь той энергіи боевыхъ людей, которые безполезно тратятъ бездымный порохъ. На верфяхъ и заводахъ строились новые броненосцы: самъ императоръ присутствовалъ при закладкѣ этихъ гигантовъ. Кромѣ того, куплены были всевозможныя коммерческія суда, которыя предполагалось перестроить въ военные крейсера, наложивъ броню и сдѣлавъ другія перемѣны. Маленькія миноноски выростали, какъ грибы. Но наряду съ этимъ ощущалась какая-та спертая атмосфера. Во всемъ государствѣ сборщики податей, такъ называемые „шунгуяку", то и дѣло докладывали своимъ начальникамъ, что населеніе отказывается платить, по неимѣнію средствъ. Начались административныя давленія

---

[1]) См. «Русск. Вѣстн.», январь 1904 г.

Digitized by Google

на „шунгуяку“, тѣ, въ свою очередь, стали прижимать народъ. Въ нѣсколькихъ округахъ и провинціяхъ, какъ, напримѣръ, Хида и Этчу, въ провинціи Ямато, на полуостровѣ „Шимабара“ и др.—поднялось цѣлое возстаніе противъ сборщиковъ податей. Возмутившееся населеніе совершило нѣсколько грубыхъ убійствъ, разрушило домъ губернатора и движеніе было подавлено войсками. Газеты наполнились ужасами этихъ бѣдствій. Изъ раіона Шебара, Ниши-Насуно, Фурумаци, Бандай-санъ то и дѣло приходили телеграммы, что народъ голодаетъ, отказывается исполнять доходныя статьи государства. Муниципалитетъ городской думы изъ Хакодате подвергъ на усмотрѣніе комитета министровъ просьбу о перенесеніи ассигновокъ причитающихся податей на слѣдующій годъ, въ виду полной неспособности населенія уплачивать налоги. Посыпались такія же просьбы изъ другихъ провинцій и городовъ. О селахъ и говорить было нечего. Тамъ платежная сила давно уже была использована и истощена. Добрались до деревни, но государственная „ячейка“ уже была мертва. Людей начали тащить въ тюрьмы, продавать ихъ послѣднее имущество, но развязка приближалась. Вспыхнуло сильное возстаніе въ окрестностяхъ Іокогамы. Этотъ бунтъ длился цѣлыхъ три дня. Въ борьбѣ принимали участіе даже войска, которыя отказывались подчиняться дисциплинѣ. Началась свалка, которая закончилась крупными жертвами, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Кромѣ этого, нѣсколько землетрясеній принесли крупные убытки, которые въ конецъ довершили дѣло. Правда, такія почвенныя пертурбаціи происходятъ въ этой странѣ очень часто,—но суевѣрный народъ началъ приписывать все гнѣвному богу войны, который сердитъ за то, что люди терпятъ бѣлыхъ варваровъ и даютъ этимъ варварамъ обижать ихъ братьевъ-китайцевъ.

Среди этой маленькой ячейки государственной жизни стало зарождаться существенное зло.

— Во всемъ виноваты бѣлые. Они настроили намъ фабрики, заводы, провели желѣзныя дороги, изобрѣли ткацкіе станки... и мы лишились тѣхъ рукъ, которыя все это дѣлали. Нашъ трудъ оплачивался съ лихвой, а теперь все дѣлаетъ машина. Кто виноватъ во всемъ этомъ? Бѣлые варвары!

— Смерть бѣлымъ варварамъ! — кричали бунтовщики, когда давили даже своихъ собственныхъ гражданъ.

— Смерть бѣлымъ варварамъ! — неслось на фабрикахъ и заводахъ.

Digitized by Google

Въ унисонъ съ этимъ трубили и тѣ газеты, которые въ своемъ шовинизмѣ давно уже не знали предѣла.

Газета „Миръ“ сдѣлала нѣсколько настойчивыхъ нападеній на этихъ политическихъ крикуновъ и даже произвела штурмъ на эту шайку нахаловъ, но они продолжали доказывать, что единственный выходъ—война.

„Война у насъ на носу,—писали они,—и мы думаемъ, что это единственный выходъ изъ финансоваго положенія нашей страны. Представьте себѣ вооруженный миръ, который поглощаетъ наши силы. Платежныя средства уже истощились, новые займы трудно сдѣлать, даже если бы нашлись такіе охотники, которые бы пожелали заложить своихъ женъ и дѣтей. Наши сословные депутаты, а съ ними и сеймъ уже давно деруть глотки и требуютъ войны, но министерство еще ждетъ. Чего? Если бы это министерство думало сдѣлать реформы внутри страны, — тогда другое дѣло: но мы настолько мало подвижны и такъ оглядываемся по сторонамъ, что для своихъ подданныхъ готовы вырыть гдѣ-нибудь могилу въ министерскомъ портфелѣ, но не сдѣлаемъ шага для того, чтобы выйти изъ этого дурного положенія вещей. Одна только газета „Миръ“ ворочаетъ еще Сизифовъ камень и думаетъ, что правительство начнетъ разоружать свои броненосцы и крѣпости свои отдастъ русскимъ или французамъ. Нѣтъ, назадъ нельзя идти, но и впередъ тоже задаютъ труса. Какая причина такой малоподвижности? Очевидно, всѣ эти Тераучи, Кодама, Ямагата, Нозу—умѣютъ говорить только съ кафедры. Но теперь не то время, чтобы изъ себя разыгрывать какого-то Зороастра. Если мы будемъ основывать свои взгляды на священныхъ книгахъ Зендавесты, то никогда не узнаемъ, что дѣлается по ту сторону добра и зла. Наши Ормузды и Ариманы воображаютъ, что они могучи, но какъ разъ смахиваютъ на кельтовъ и галловъ. О, если бы они были похожи на друидовъ, бардовъ и оватовъ, но, увы, и этого не наблюдается!“

Г. Такахаши (король журналистовъ) помѣстилъ статью „о бѣлой и желтой опасностяхъ“ и поставилъ такой вопросъ: „А что, если дѣйствительно существуетъ такая опасность?“ На этотъ вопросъ постарались отвѣтить всѣ эти мертвые и живые журналисты, какъ напримѣръ, Осахи, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, и такіе главари, какъ Такегоши, Асайна, Конга, Фукаи, Токутони, Шимада и проч.

Бѣлая опасность еще больше выросла. Офиціальный органъ „Ничи-Ничи“ пересталъ заниматься „разоблаченіями“ и сталъ писать статьи „о бѣлой опасности“, которая подвинулась

Digitized by Google

къ самымъ дверямъ редакціи. „Нйчи-Ничи“, когда-то осудившая своего редактора Куро Като на три года въ тюрьму, теперь совсѣмъ излѣчилась отъ всѣхъ манифестацій и церемоній, которыя были предприняты горожанами въ честь этого редактора. Органу этому даже устроили погребеніе въ храмѣ Дембо въ Асаксѣ при содѣйствіи буддійскихъ священниковъ... Увы, „бѣлая опасность“ все сразу измѣнила. „Куда дѣвались всѣ эти буржуа,—писало „Восходящее Солнце Токіо“.—которые находились въ „обществѣ рябыхъ“ и закусывали угремъ гдѣ-нибудь въ промозгломъ кабачкѣ? Неужели всѣ наши безчисленныя общества, начиная отъ японскаго Краснаго Креста, занялись отливаніемъ пушекъ? Намъ кажется, что прежде, чѣмъ писать о томъ, что такіе-то неизвѣстные люди имѣютъ незаконно рожденныхъ дѣтей или такая-то свѣтская дама спуталась или путается съ актеромъ,—не лучше ли бросить всѣ эти любовныя шашни, а подумать о вопросахъ болѣе серьезныхъ.

„Бѣлая опасность дѣйствительно надвигается. Агитировать противъ войны, предлагать всесвѣтный миръ могутъ только люди отсталые, невѣжественные. Развѣ германскій философъ Гегель не говоритъ, что война хотя и зло, но въ тоже время и несомнѣнное благо, ибо очищаетъ атмосферу, которая отъ времени до времени нуждается въ движеніи мускульныхъ и другихъ силъ. Кантъ хлопоталъ о вѣчномъ мирѣ, но можетъ ли Кантъ остановить движеніе земли, что и служитъ причиной всякихъ войнъ, которыя возникаютъ во имя этой причины? У насъ происходятъ землетрясенія, но можемъ ли мы остановить эту подземную работу стихіи? Война зло, но дѣйствительно ли зло отъ войны или отъ другихъ какихъ-либо причинъ? Мы видимъ, какъ англійскіе имперіалисты превосходно устраиваютъ свои дѣла: они хлопочутъ объ экономическомъ возрожденіи путемъ разныхъ экспедицій... Это ли малое еще доказательство въ пользу войны? А что мы потеряемъ, если присоединимъ Корею и Манчжурію, и отбросимъ русскихъ за Байкалъ (Святое озеро)? Мы уже не разъ писали, что паимонголизмъ — наша миссія. Теперь опять повторяемъ: весь Китай будетъ въ нашихъ рукахъ, когда мы попробуемъ свои силы. И знаете ли, что говоритъ французскій астрономъ Камиллъ Фламмаріонъ, который прославился своими сочиненіями на весь міръ. Онъ говоритъ, что настанетъ время, когда земля охладѣетъ и послѣднему изъ живущихъ на землѣ уже придется умирать, безъ надежды на нашихъ бонзъ, трупосожигателей и проч., ибо некому будетъ поставить

Digitized by Google

памятникъ, послѣ смерти послѣднихъ душъ. Да. Въ этомъ есть своя доля правды. Мы умремъ на нашихъ *островахъ*, созидая Вавилонскую башню. Но придетъ время, боги смѣшаютъ наши языки, и мы разойдемся по всему міру, какъ израильскіе народы, вѣчно оплакивая обѣтованные края. Наша башня — это нашъ парламентъ, съ верхней и нижней палатами. У насъ нѣтъ ни правой ни лѣвой; у насъ нѣтъ такихъ партій, какія есть во французской республикѣ. Тамъ, видите, одно Дрейфусовское дѣло разбирается десять лѣтъ, безъ всякой надежды на окончаніе этого дѣла. Но у насъ есть свой Чортовъ островъ, свои продажные чиновники, свои шпіоны, враги всякаго сознательнаго дѣла, прогресса. Эти люди кичливо говорятъ, что они берутъ взятки за то, чтобы говорить, молчать и вообще дѣйствовать на аренѣ общественной жизни. Всѣ эти ростовщики, кулаки, закладчики, содержатели тайныхъ ссудныхъ кассъ, веселыхъ домовъ и проч.— всѣ они подняли свои головы и совсѣмъ не хотятъ знать о томъ пауперизмѣ, который грозитъ настоящей революціей въ странѣ. Какой-нибудь Киндзиро воображаетъ себя сеньоромъ, одаварскимъ дайміо. Онъ ведетъ статистику въ странѣ, придерживаясь не политической экономіи, а пяти каноновъ. О, древніе шогуны, гдѣ вы? При васъ было лучше, чѣмъ теперь!“

Однако „Восходящее Солнце Токіо“ признавало, что внутри страны дѣлается что-то не ладное. Этотъ органъ, какъ и всѣ другіе (радикальные, либеральные, консервативные), по существу своему сходились въ своихъ взглядахъ. Что касается „Мира“, то тамъ тоже признавали подобное положеніе вещей, но полагали, что можно сдѣлать нѣкоторыя реформы внутри страны, и всѣ бѣдствія кончатся. Къ „Миру“ присталъ извѣстный правдолюбецъ и честный писатель, нѣкто г. Шимада, о которомъ Генрихъ Дюморіе говоритъ, что онъ старался сохранить добрыя отношенія между Россіей и Японіей: онъ предполагалъ, что всѣ дѣла можно уладить путемъ взаимныхъ уступокъ, такъ что даже отъ этого выиграютъ обѣ державы. Трезвые японцы были, дѣйствительно, этого мнѣнія, но далеко не этого мнѣнія были тѣ, кому желательно было использовать свои военныя знанія и пожать лавры побѣдъ. Японскіе имперіалисты, какъ и лидеры британскаго имперіализма, уже стали наигрывать на народныхъ страстяхъ. Сюда присоединились всевозможные миссіонеры, которые всегда между духовными и свѣтскими дѣлами поддерживаютъ равновѣсіе на основаніи конкордата.

Digitized by Google

Что касается американской партіи, то какое ей дѣло было до открытыхъ или закрытыхъ дверей. Нѣкоторые изъ этихъ плантаторовъ, колонистовъ давно уже опростились до настоящаго хейминства и даже начали носить соломенныя рубашки. Сѣверо-американскіе піонеры такъ чудно устраивались въ Сеулѣ, Фузанѣ, Мозанпо и др. мѣстахъ Тихаго Утра, а также и въ Японіи, принимая подданство, что сами корейцы и японцы скорѣе похожи были на американцевъ, чѣмъ они. Когда же американскіе хеймины хотѣли основать „клубъ независимости" въ Сеулѣ, то, по общему признанію авторитетовъ, этотъ клубъ потерпѣлъ полное фіаско. Такой же клубъ намѣревались устроить въ Чемульпо, но и здѣсь все погибло. Банды американскихъ жуликовъ, которымъ не было уже мѣста на родинѣ (они —космополиты), еще занимались концессіями: строили желѣзныя дороги, электрическіе трамваи, обдумывали водосточную канализацію. Но они смотрѣли въ корень вещей. Они хотѣли завладѣть великолѣпнымъ рудникомъ на сѣверѣ. Корейская компанія, умудренная уже вѣковымъ опытомъ, подпала подъ этотъ ажіотажъ, но вскорѣ и эти простаки поняли, съ кѣмъ собственно имѣютъ они дѣло.

Допустимъ, японцы умудрились овладѣть золотымъ рудникомъ, но путемъ оружія и насилій. Вооруженные прощалыги набросились на корейскую страну и корейскихъ рабочихъ, и перебили ихъ, какъ простыхъ хищниковъ, а они защищали и оберегали государственные интересы. Но Корея, гдѣ правитель забавлялся своимъ титуломъ, который съ короля перемѣнилъ на императора, чтобы хотя этимъ испугать опасныхъ хищниковъ,—во всякомъ случаѣ принуждена была пойти на уступки. „Сто Законовъ" японскихъ оказались тяжелѣе корейскихъ реформъ, а Англія стремилась только къ конфликту. Скорѣе втянуть Россію въ войну съ Японіей, чтобы ослабить ту и другую сторону, для своихъ собственыхъ видовъ. Между тѣмъ, если взглянуть на корейскую конституцію, то это нѣчто несуразное. Тутъ двадцать видовъ разной конституціи, и въ результатѣ полная анархія. Индифферентный народъ, который всѣ свои сбереженія и достатки долженъ отдавать чиновникамъ безъ всякаго разговора, даже не изумлялся, когда одна конституція смѣнялась другой, а деспотизмъ оставался все тотъ же. Корейскій военный министръ Юнгъ-Унгъ-Іель полагалъ, что его воинство въ состояніи отразить не только Японію, но и цѣлый Китай. Но это воинство до того было безнадежно, что, самое лучшее, съ такимъ воинствомъ соблюдать строгій нейтралитетъ.

Digitized by Google

И нейтралитетъ соблюдался...

Воздухъ, однако, наполнялся какимъ-то электричествомъ. Пахло кругомъ порохомъ. Слышались токи и въ Токіо, и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ. Америка тоже прониклась этими токами.

Въ Токіо заговорили о бурной рѣчи какого-то военнаго генерала въ зданіи парламента. Генералъ находился гдѣ-то въ провинціи на островахъ Ниппонъ, изучалъ стратегію, „языки острововъ Ліу-Чіу“ и вдругъ разразился противъ партіи мира.

Генералъ доказывалъ, что японскій геній настолько силенъ и такъ окрылилъ все воинство, что достаточно двинуться съ мѣста, чтобы Портъ-Артуръ былъ въ рукахъ японцевъ. На это, по его мнѣнію, понадобится не долѣе пяти дней. Онъ указывалъ на состояніе флота, на число брандеровъ, на духъ солдатъ, на силу орудій, штыковъ, снарядовъ, на то презрѣніе къ смерти, которое носитъ въ себѣ каждый японецъ... и на тотъ духъ генераловъ, который рвется самъ собою наружу.

Его рѣчь была настолько убѣдительна и сильна, что въ парламентѣ буквально открыли всѣ рты и смолкли, какъ послѣ удара обухомъ.

Но такъ какъ „въ Японіи птицы не поютъ“, цвѣты безъ запаха, мужчины безъ чести, а женщины—безъ добродѣтели“,—такъ говорятъ разные глашатаи, а за ними повторяютъ по наслышкѣ и всѣ кто побывалъ въ этой странѣ всякихъ цвѣтовъ, то генералъ разразился еще однимъ афоризмомъ на сторонковъ мира, набравшись токовъ..

„Вы, — сказалъ онъ,—плохой переводъ, скверная компиляція на европейскій образецъ. Но, чтобы доказать всѣмъ, что мы оригинальны, самобытны, народъ художественный и героическій, мы должны пойти по слѣдамъ Чингисъ-хана, Тамерлана и Батыя. Помните (ввернулъ онъ остроумное словечко), вы обростете мхомъ, если будете сидѣть сложа руки возлѣ вашихъ женъ. Батый держалъ Русь въ повиновеніи. Въ Золотую Орду ѣздили ихъ князья и вельможи на поклоненіе. Онъ собиралъ со всѣхъ русскихъ городовъ ясакъ и самыхъ красивыхъ женщинъ обращалъ въ рабынь. Такова была сила татарскаго и монгольскаго племени. Что же вы сидите, сложа руки, и смотрите на тѣ богатства, которыя сами идутъ на наши острова! Развѣ наши шпіоны не доносили, что дѣлается въ этой богатой странѣ? Вы думаете, что вамъ отдадутъ все безъ боя? Да, да, ждите“.

Въ залѣ парламента раздался такой шумъ и гамъ, что ге-

Digitized by Google

пералъ вообразилъ себя на вулканѣ Фуджи или въ сборищѣ демоновъ. Онъ оглядывался, озирался по сторонамъ, какъ затравленный волкъ, и скалилъ зубы.

Онъ думалъ, что его хотятъ разорвать на куски, но это было проявленіе настоящаго энтузіазма, восторга. Аплодисментовъ здѣсь уже не было слышно: это ревѣли большія глотки, члены общества „Азія для азіятовъ". Ихъ партія взяла перевѣсъ надъ партіей мира. Президентъ призывалъ къ порядку, но звонковъ уже не слыхали. Большія глотки кинулись на генерала и давай его подымать на воздухъ... Шумъ, гамъ, крики..

. . . . . .

— Открылось преддверіе ада! — сказалъ Квазоки, выходя изъ парламента.

Онъ, Мундо и Шимада протискивались черезъ толпу людей, которые могли бы передушить всѣхъ сторонниковъ мира, если бы знали ихъ по именамъ.

— О, боги, что-то будетъ, что-то будетъ!—шепталъ Мундо.

— Неужели шовинисты возьмутъ верхъ?—задавалъ вопросъ Шимада.

— Взяли! Взяли!—доказывалъ Квазоки.

— Но министры, тайный совѣтъ, микадо... — сомнѣвался Шимада.

— Все пропало...—глухо произнесъ Квазоки.—Безусловно все! Вотъ вы увидите, что изъ этой исторіи выйдетъ. Мы объявимъ Россіи войну, а сами будемъ цѣлыми мѣсяцами брать одинъ Портъ-Артуръ, не говоря о другихъ пунктахъ. Ну, а если даже и возьмемъ, то долго ли мы продержимся въ Кореѣ или Манчжуріи? Мы разсчитываемъ на Китай, а что такое Китай въ его настоящемъ видѣ? О, эта вдовствующая императрица Тсу-Хи подведетъ насъ къ китайскому богу, адъютанту Неба, Куангъ-Ти. А что тогда будетъ съ этимъ адъютантомъ? Защититъ ли онъ насъ въ Пекинѣ, въ цзунгъли-яменѣ? Что мы можемъ сказать объ истинныхъ намѣреніяхъ китайскаго правительства? Большіе кулаки? Но, вѣдь всѣ эти китайскія партіи висятъ на воздухѣ. Они сами себя рѣжутъ и бьютъ бамбуками по пяткамъ. Наше вліяніе хотя и огромное, но оно въ зависимости не столько отъ правительства, сколько отъ массъ, а массы эти болѣе ничего не желаютъ, какъ хлѣба. Имъ нужно кормить своихъ бабушекъ и дѣтей. Россія ихъ накормитъ. У нихъ свой сибирскій путь, манчжурская дорога вплоть до самаго Артура. Что мы съ ними подѣлаемъ?

— Да, — задумчиво произнесъ Шимада, — это будетъ

Digitized by Google

большое несчастье для страны, если они послушаютъ этихъ агитаторовъ. Что я говорю—несчастье, это равносильно гибели всей націи. Мы можемъ превратиться въ Карѳагенъ или разрушенную Помпею. Развѣ Египетъ, Грецiя, Римъ не блистали своею роскошью, богатствомъ, знаніями, полководцами и воинствомъ? Что осталось отъ этихъ странъ, когда они возгордились? Гдѣ ихъ художники, скульпторы, философы, поэты, великіе Цезари, Бруты, рабы и патриціи? Гдѣ тотъ Неронъ, который наслаждался кровавыми зрѣлищами въ циркѣ и отдавалъ христіанъ звѣрямъ? Гдѣ ихъ гладіаторы, Клеопатры, царственные вельможи?—Все умерло!.. О, я боюсь, чтобы не случилось тоже самое и съ нашей бѣдной страной! Горе же будетъ тѣмъ, которые прольютъ потоки крови, во имя гордаго ума и честолюбія... Куда эти люди пойдутъ?

— Я думаю, въ геенну огненную,—сказалъ хладнокровно Мундо.

Шимада долго еще отчаивался, вспоминая тотъ или иной историческій фактъ и, наконецъ, воскликнулъ:

— Бѣдный Токіо... ты когда-нибудь превратишься въ Геркуланумъ!

— Хотя бы сейчасъ...—выругался Мундо.—Голова моя перестала бы задумываться надъ проклятыми вопросами!

Они повернули за уголъ японскаго парламента, освѣщеннаго электрическимъ свѣтомъ, и, взявъ рикшъ, сѣли и покатили на улицу Рѣдкостей.

XXIV.

Жупелы.

Рикши бѣжали, шлепая своими босыми ногами о камни мостовой, и оглядывались назадъ, какъ это дѣлаютъ лошади, думая, что хозяинъ забылъ свистнуть кнутомъ или просто зазѣвался. Но нашимъ сѣдокамъ было не до того. Въ головѣ каждаго изъ поборниковъ мира неотступно сверлила одна и таже мысль: что будетъ завтра? Объявитъ ли микадо войну, или все это уляжется въ старыя рамки? Мундо сидѣлъ въ своей колясочкѣ, съежившись комочкомъ, и грызъ набалдашникъ своей палки. Блѣдный тэримасъ освѣщалъ его утомленное лицо. Оно казалось при лунномъ освѣщеніи еще печальнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Спина рикши подернулась тоже свѣтомъ луны. Странно, что слѣдующіе два рикши съ Шимада

Digitized by Google

и Квазоки,—какъ будто двигались въ тѣни, и ихъ не касался блѣдный тэримасъ, тогда какъ на зданіи народнаго театра, сѣраго, грязнаго на видъ, какія вообще бываютъ каменныя постройки въ Токіо, этотъ лунный свѣтъ падалъ въ изобиліи. Впервые въ головѣ Мундо явилась мысль, что свѣтъ на всѣхъ равно изливается, что бываетъ время, когда и въ темный уголокъ заглядываетъ лучъ солнца или луны. Затѣмъ онъ подумалъ, что еще немного и онъ самъ проѣдетъ на человѣкѣ полосу свѣта и попадетъ опять въ черное пятно, которое видпѣлось за угломъ улицы; въ свою очередь, это пятно озарится свѣтомъ, когда тэримасъ подымется настолько, чтобы ему возможно было заглянуть въ другіе углы этихъ мрачныхъ зданій. Онъ поднялъ голову къ небу и увидѣлъ безчисленное множество звѣздъ, большихъ и малыхъ, которыя то сіяли, какъ королевы на своемъ тронѣ, то меланхолично изливали свой бриллiантовый свѣтъ. Какими-то яхонтами, сапфирами, изумрудами, рубинами трепетали эти маленькія звѣздочки, которыя такъ гармонично переплетались съ милліонами мелкихъ, почти невидимыхъ точекъ. Всѣ эти звѣздныя кучи, которыя такъ точно свершаютъ свой путь по своимъ эллипсисамъ, находились въ какой-то неподвижности, по крайней мѣрѣ, для глаза, и невольно умъ погружался въ небесную механику. Сколько славныхъ именъ связано съ этими истинными и падучими звѣздами. Гиппархъ, Птоломей, Коперникъ, Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ, Кантъ, Эйлеръ, Лапласъ, Леверье, Гауссъ и проч. Для Мундо всегда казалось изученіе астрономіи особымъ идеаломъ: онъ отрывался отъ грубаго матеріализма и подымался до творчества. Въ сущности, какимъ надо быть глубокимъ мыслителемъ и математикомъ, чтобы открывать законы природы, всѣ эти геоцентрическія и геліоцентрическія положенія планетъ? Онъ никакъ не могъ постигнуть всѣ эти проекты персидскаго астронома Омара, который далекъ еще былъ отъ гипотезъ Фая, по отчасти приближался къ законамъ Боде. Въ самомъ дѣлѣ, какъ постигнуть всѣ эти секторы, векторы, разныя координаты, спектральные анализы, интерференціи свѣта? Только путемъ трансцендентальной философіи (и то если отрѣшиться отъ чувственности) можно заглянуть въ эту область малопознаваемаго. Онъ зналъ о метеорахъ, болидахъ, о коническихъ сѣченіяхъ, — но все это его не удовлетворяло, какъ не можетъ удовлетворить законное любопытство нашего ума Т. Рибо, съ его психологіей чувствъ, и Дрэперъ, который основалъ свою исторію умственнаго развитія Европы на тѣхъ же зодіакахъ и эллипсисахъ. Онъ сознавалъ, что великое уравненіе Ламберта

Digitized by Google

и японскаго Кобо Дайши не помогутъ ему разобраться въ этихъ дѣлахъ. Попутно, онъ вспомнилъ одного японскаго каллиграфа, затѣмъ Гійоги Босацзу, корейскаго настоятеля и святого, который считается изобрѣтателемъ гончарнаго искусства, и многихъ другихъ,—вплоть до узурпаторовъ страны...

Онъ взглянулъ еще разъ на Венеру, Меркурія, на млечный путь и почему-то вспомнилъ великое ученіе Конфуція, которое для него показалось болѣе простымъ и не столь сложнымъ, какъ всѣ эти научныя проблемы.

„Въ самомъ дѣлѣ,—думалъ Мундо,—Фанчи однажды спросилъ Конфуція, что такое гуманность? Философъ отвѣтилъ: „любовь къ людямъ. Нужно любить людей всѣми силами души. Человѣкъ высшаго порядка одинаково благосклонно относится ко всѣмъ. Я хотѣлъ бы доставить старцамъ сладкій покой, друзьямъ сохранить вѣрность, женщинамъ и дѣтямъ оказать материнскія заботы". Ученикъ Конфуція опечалился и сказалъ: „Всѣ люди имѣютъ братьевъ, я одинъ не имѣю". „Пусть добродѣтельный человѣкъ, — отвѣчалъ философъ, — смотритъ на всѣхъ людей, живущихъ между четырьмя морями, какъ на своихъ братьевъ".

Мундо вспомнилъ другого китайскаго мыслителя—Менція. Онъ вспомнилъ, какъ этотъ философъ доказывалъ, что одни работаютъ умомъ, а другіе руками... „Почему же я не работаю умомъ и руками? Развѣ мыслители пишутъ свои сочиненія ногами? Допустимъ, Менцій диктовалъ, а за него работали руки,—но развѣ только однѣ руки? И тотъ, кто пишетъ подъ диктовку, долженъ работать умомъ и ловить каждый звукъ великихъ людей съ замираніемъ сердца. Онъ долженъ погрузиться, какъ переводчикъ, въ великіе образы, вытекающіе изъ ихъ устъ. О, о..." Мысли Мундо оборвались, какъ только рикша поровнялся съ народнымъ театромъ. Снопъ электрическаго свѣта брызнулъ на него и залилъ своимъ сіяніемъ. Онъ очутился въ громадной толпѣ людей, которые кричали и орали передъ зданіемъ театра. Публики хлопала въ ладоши, вызывала актеровъ на бисъ и топала ногами. Кто-то крикнулъ: „шляпы и башлыки кверху!"—и все посыпалось, какъ дождь. Что-то ухнуло по головѣ бѣднаго Мундо и отскочило, какъ холодное, пустое ведро. Это былъ цилиндръ какого-то господина. Мундо вздрогнулъ, пощупалъ свою голову и сталъ оглядываться. Проѣздъ былъ загроможденъ публикой, рикшами и манифестантами. Какая-то стая гиляковъ неслась по улицѣ съ крикомъ, гикомъ и свистомъ. Кто-то колотилъ изо всей силы въ гонгъ и трещалъ въ барабанъ. На фонѣ прозрачнаго

Digitized by Google

ночного неба вырисовывались длинныя, черныя знамена, на подобіе китайскихъ знаменъ съ дракономъ. Манифестанты создали такой адъ и жупелъ, что, у бѣднаго Мундо чуть не лопнули ушныя перепонки. Онъ когда-то былъ въ Монголіи и нѣчто подобное видѣлъ у старо-торгутскаго князя Балды и Жи-жи.

— Позвольте васъ спросить, сеньоръ, — сказалъ Мундо, обращаясь къ одному кимоно въ шляпѣ, — во имя чего эти господа дерутъ свои глотки?

Кимоно поморщился, посмотрѣлъ сонными глазами на Мундо и изрекъ:

— Вы не изъ партіи миротворцевъ?

— Это другой вопросъ. Я спрашиваю объ этой бандѣ индійцевъ, которые, вѣроятно, орутъ подъ предводительствомъ самого магараджи или сумасшедшаго муллы... Такъ, сеньоръ?

— Не знаю, — пробормоталъ сеньоръ.

Въ это время, въ толпу врѣзались два всадника, на черныхъ, кургузыхъ лошадяхъ. Они кричали:

— Дорогу давать! Дорогу давать! Эй! Сторонитесь! Идетъ императорская гвардія!

— Гвардія,—иронически произнесъ Мундо,—а я думалъ, что это шайка разбойниковъ, вставшая изъ гроба, которая свирѣпствовала въ XVI вѣкѣ, подъ предводительствомъ Ишикава Гоемонъ... Послушайте, это, кажется, тѣ самые бродяги, которые набраны министерствомъ съ предмѣстья Огуанъ-нонъ?

Но тутъ надъ головой насмѣшливаго Мундо показался японскій бамбукъ и свиснула нагайка. Мундо ахнулъ и свалился съ колясочки. Гвардія прошла съ шумомъ почти по его обезображенному лицу. Его подняли друзья, Квазоки и Шимада. Онъ охалъ, стоналъ и все оплакивалъ свою палку съ набалдашникомъ, которую потерялъ во время этого неравнаго сраженія.

— Да, милый другъ,—утѣшалъ его Шимада,—одинъ въ полѣ не воинъ; надо было держать языкъ за зубами. Вы знаете, что теперь дѣлается. Сколько бродятъ по улицамъ шпіоновъ, которые хватаютъ всѣхъ за шиворотъ, лишь только кто заикнется о мирѣ. Партія шовинистовъ несомнѣнно взяла верхъ. Теперь весь вопросъ во времени. Микадо скажетъ одно слово— и война вспыхнетъ. Но, мой другъ, садитесь на моего рикшу, ибо вашъ куда-то сбѣжалъ. Его отодвинула императорская гвардія. Садитесь и поѣзжайте скорѣе домой, въ редакцію, пока васъ еще не нащупали эти головорѣзы. Эй! валяй, вези его на улицу Рѣдкостей!

Digitized by Google

Рикша взялъ двѣ оглобли въ руки и рысцой потрусилъ по направленію улицы Рѣдкостей. Вслѣдъ за раненымъ борцомъ мира тронулись и его товарищи по перу. Шимада успѣлъ захватить афишу народнаго театра, которую сунулъ ему безплатно какой-то разнозчикъ. Большими красными буквами написано было на афишѣ:

„Сегодня въ народномъ театрѣ будетъ поставленъ экстренный балетный спектакль и прощальный вечеръ-монстръ для любителей мира. Акахито и Мукахито покажутъ, какъ тонутъ русскіе корабли на морѣ, а наши моряки побѣдоносно вступаютъ въ Портъ-Артуръ.

„Сто балетовъ въ одинъ вечеръ.

„Паденіе партіи мира. Газетные экивоки. Жупелъ среди министерства. Генералъ Оку и его рѣчь. Господа, кто хочетъ увидать, насколько талантливо все это будетъ исполнено, можетъ не ѣсть и не пить. Смѣхъ, иллюзія этого исполненія все заполнятъ на цѣлый мѣсяцъ. Господа, не забывайте, что нашъ театръ впервые будетъ ставить Нарихира, японскаго Донъ Жуана. Эта пьеса провалилась во всѣхъ концахъ свѣта, но у насъ выдержала нѣсколько столѣтій. Въ заключеніе „ста балетовъ", будетъ поставлена живая знаменитая поэтесса „Оно-но-комаци", которая родилась во второй половинѣ IX-го столѣтія. Кромѣ того, мы покажемъ настоящее харакири и сеппуку. Для этой цѣли нами купленъ одинъ сіоси, который жизнь свою продалъ за 100,000 іенъ.

„Господа, обратите вниманіе, какія суммы мы приносимъ въ жертву народнаго удовольствія!

„Просимъ вашей милости!"

Далѣе идутъ цѣны мѣстъ и проч.

Шимада смялъ эту афишу въ рукахъ и бросилъ на улицу.

— Врутъ, врутъ...—пробурчалъ онъ, — они за пять іенъ могутъ любого сіоси купить для сеппуку. Къ тому же, подогрѣтые патріотизмомъ, а скорѣе фанатизмомъ (ибо сознательный патріотизмъ ворочаетъ горами), эти глупцы могутъ безплатно предложить свои услуги. Сколько тьмы въ нашей странѣ!

Шимада оглянулся на товарища... Квазоки сидѣлъ рядышкомъ съ нимъ и тихонько дремалъ, подъ тихій стукъ маленькой колясочки.

Впереди бѣжалъ рикша съ больнымъ и шлепалъ своими босыми ногами. Онъ обогнулъ одну улицу, повернулъ направо и очутился среди бронзовыхъ идоловъ Токіо. Идолы

Digitized by Google

освѣщены были блѣднымъ тэпимасомъ и казались живыми. Отъ нихъ падали длинныя, черныя тѣни, какъ отъ мертвыхъ людей. Что-то скрежетало зубами въ сторонѣ идоловъ. Суевѣрный рикша задрожалъ всѣмъ тѣломъ и хотѣлъ попятиться назадъ, вмѣстѣ со своею колясочкою, но это оказалась тощая большая собака, которая грызла какую-то кость человѣческую или животнаго. Этотъ страшный скрежетъ исходилъ какъ-бы отъ бронзовыхъ идоловъ или изъ урны усопшихъ шогуновъ. Рикша заслышалъ какой-то стонъ, но это былъ стонъ больного Мундо, и онъ рванулся, какъ пугливый конь, и побѣжалъ галопомъ отъ бронзовыхъ идоловъ. Онъ скакалъ на ту улицу, откуда уже не далеко было до редакціи „Мира". Вслѣдъ за нимъ мчался и другой рикша со своими пассажирами.

Но вотъ и улица Рѣдкостей.

Замелькали всевозможные огоньки изъ оконъ. На улицѣ тянулась какая-то процессія, состоящая изъ массы женщинъ, которыя на тонкихъ палочкахъ несли разноцвѣтные фонарики. Процессія направилась въ ворота дракона, гдѣ состоялась какая-то свадьба знатнаго японскаго купца. Затѣмъ опять все скрылось въ воротахъ, и остались только одни уличные фонари, мигающіе своими огненными глазами, да нѣсколько спящихъ рикшъ возлѣ своихъ колясочекъ.

— Эй! Кто тамъ? Привезъ больного! — крикнулъ рикша, выпуская изъ рукъ оглобли.

Съ его лица катился потъ. Скрипнула калитка и выбѣжали полусонныя мусмэ. Онѣ заглянули въ колясочку и ужаснулись. Окровавленный Мундо имъ показался какимъ-то уродомъ съ того свѣта. Онѣ съ крикомъ побѣжали къ своимъ мадамамъ.

— Мадамъ, мадамъ,—кричали онѣ,—тамъ капитанъ есть и человѣкъ безъ лица!

— Какъ безъ лица? Развѣ можетъ существовать человѣкъ безъ лица?—спросила Умэ.

Сакуру и Атами уже были возлѣ больного. Онѣ едва признали бѣднаго Мундо. Онъ тихо стоналъ, но не жаловался и совершенно покорился судьбѣ. Ему только хотѣлось выпить глотокъ саке, чтобы подкрѣпить себя на новыя страданія. Его тихонько, съ помощью наборщиковъ и метраннажа, стащили съ колясочки, но бѣдняга волочилъ ноги, когда его подхватили подъ руки. Голова его опустилась, какъ у безнадежно-больного. Кровь капала и струилась изъ носа. Челюсть тоже была не въ порядкѣ.

Digitized by Google

— Бѣдный Мундо!—прошептала Міяка. Но Мундо молча подавилъ въ себѣ всѣ страданія и попросилъ саке. Дали знать по телефону доктору Сумаки. Докторъ позвонилъ и отвѣтилъ, что явиться не можетъ, такъ какъ манифестанты передавили столько народу, что одному ему трудно справиться. На самомъ дѣлѣ онъ собирался въ „клубъ сумасшедшихъ“, гдѣ онъ каждую ночь проигрывалъ по нѣсколько тысячъ іенъ. Онъ торопился наверстать проигрышъ и въ силу этого отказался навѣстить больного! Попросили другого врача, но и другой врачъ отвѣтилъ, что не можетъ явиться, въ виду нѣкоторыхъ особо-уважительныхъ причинъ. Пришлось обратиться къ мѣстному цырюльнику, который ставилъ съ большимъ успѣхомъ піявки и отливалъ излишнюю кровь. Его система лѣченія покоилась на Гегелевской философіи: „пускать кровь отъ времени до временъ“. Онъ явился съ банкой живыхъ піявокъ и ужаснулся отъ того обилія крови, которое само собою уже вытекло изъ ноздрей паціента.

— Ахъ, какой скандалъ... почему вы не сказали, что вашъ больной истекаетъ кровью? Я бы захватилъ хирурга! А теперь, видите, піявки уже не помогутъ: поздно. Но мы попытаемся сдѣлать перевязку и остановить кровь... Поворачивайте свою голову, г. Мундо!

Цырюльникъ ощупалъ раны, сдѣлалъ перевязки и послалъ за мазью.

Больному стало легче. Его положили на матъ и накрыли теплой периной, такой точно, подъ какими спятъ попарно богатыя японки. Міяка сидѣла надъ нимъ и плакала. Въ короткое время пребыванія въ редакціи „Мира“, Мундо успѣлъ (на ряду съ миромъ) провесть и другую полезную идею. Онъ сошелся съ Міякой на правахъ законнаго мужа, хотя совершенно далекъ былъ отъ всякихъ узъ Гименея. Маленькаго Кику онъ называлъ своимъ сыномъ и качалъ его на носкахъ своихъ башмаковъ. Все это дѣлалось на досугѣ, послѣ философскихъ и другихъ размышленій, на основаніи просто дружбы и тѣхъ дружественныхъ симпатій, которыя, иногда, послѣ умственнаго труда, просто необходимы. Міяка успѣла къ нему привязаться и все же состояла въ штатѣ красивыхъ женщинъ, необходимыхъ для Квазоки. Такимъ образомъ, несчастный случай съ Мундо главнымъ образомъ отразился не только на редакціи, которая теряла въ лицѣ его выдающагося публициста, фельетониста и проповѣдника мира, но и на прекрасной Міякѣ. Она всхлипывала и утирала свой маленькій носикъ бумажнымъ платочкомъ.

Digitized by Google

Старая Шимизу и другія фаворитки приходили съ фонариками въ рукахъ, смотрѣли на больного и, охая, уходили въ свой флигель.

Шимада рѣшилъ самъ съѣздить за докторомъ, но статья задержала его, и онъ до утра просидѣлъ надъ этой статьей. Это былъ человѣкъ увлекающійся и пылкій, но, какъ и всѣ такіе люди, онъ забывалъ во имя своей идеи самыя насущныя обязанности человѣка.

Къ утру съ больнымъ стало хуже. Прибавился жаръ и онъ ослабѣлъ... Это встревожило цырюльника и онъ самъ бросился отыскивать доктора.

XXV.

Докторъ Андріяши.

Докторъ Андріяши сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, который обставленъ былъ всевозможными хирургическими препаратами. Онъ только что окончилъ медицинскій факультетъ, съѣздилъ за-границу и на дверь вывѣсилъ такого рода объявленіе: „Граждане! Знайте, что докторъ Андріяши имѣетъ ученую степень и былъ за-границей. Одно ученіе, практика и знанія—обошлись ему въ 20,000 іенъ! Это слишкомъ большая сумма для того, кто беретъ за визиты самый пустякъ, по состоянію больного!“ Онъ состоялъ членомъ чуть ли не въ двадцати пяти различныхъ обществахъ, которыми такъ богато современное Токіо. Рядомъ съ нимъ какой-то торговецъ, соблазнившись такой рекламой, вывѣсилъ объявленіе во всю стѣнку своего дома. Огромными іероглифами, идеографическими знаками, въ добрую сажень вышины, онъ начерталъ: „Граждане! Не забывайте, что наша фирма одна изъ лучшихъ во всемъ мірѣ, ибо она имѣетъ своимъ девизомъ: „Японія для Японіи“ и платитъ государству 100,000 іенъ!“

Съ легкой руки Андріяши, и другой его сосѣдъ, который содержалъ бюро для найма рабочихъ, описалъ всѣ существующія профессіи.

„У меня,—начерталъ онъ на доскѣ,—есть плотники, гипсовщики, тесальщики камней, пильщики, кровельщики (гонтомъ, соломой, черепицей), затѣмъ кирпичники, цыновщики, столяры, бондари. У меня имѣются также сапожники, сѣдельщики, телѣжники, шорники. Если этого мало, то портные японскаго и европейскаго платья, а также красильщики.

Digitized by Google

Могу рекомендовать: кузнецовъ, ювелировъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Имѣю заказы на людей, которые работаютъ на бумажныхъ фабрикахъ, на корабельныхъ плотниковъ, садовниковъ и проч. Принимаю участіе, какъ хозяинъ и распорядитель, въ дѣлахъ сельско-хозяйственной части. Напримѣръ: разные поденщики, приготовляющіе чай, лаковыя вещи, прядильщики шелка. И, если хотите знать, у меня имѣются спеціальные живописцы, рыбаки, рудокопы. Вамъ извѣстно, что мои работники выносятъ напряженную систематическую работу. Они не трусы и зря не болтаютъ. Самое большое, если выкурятъ трубочку табаку и возьмутъ кратковременный отпускъ, чтобы полюбоватся красотами природы. Мы украшали гробницы шогуновъ и отдѣлывали одинъ изъ лучшихъ дворцовъ въ Токіо. Что касается лѣности, то такихъ случаевъ не наблюдалось.

„Граждане! приходите и вы получите у насъ все, что пожелаете!"

Докторъ Андріяши не разъ любовался этой вывѣской и обдумывалъ, какъ бы такъ перифразировать все это, чтобы получилось, что онъ чуть ли не профессоръ медицинской академіи, и у него столько ассистентовъ, сколько въ этомъ бюро рабочихъ. Но трудно было открыть новую Америку. Объ этомъ думали государственные люди Японіи.

Докторъ Андріяши поджидалъ одну молоденькую массажистку. Это была маленькая японочка, но сдобная, какъ пирожокъ, и поэтичная, какъ любая изъ гейшъ. Она играла на американскомъ гармоніумѣ (фисгармонія), въ пять октавъ и 13 регистровъ. Эта фисгармонія была изъ палисандрового дерева, но докторъ не такъ восторгался ея игрой, какъ фигуркой. Заслышавъ звонокъ, онъ думалъ, что идетъ массажистка, какъ-то вздрогнулъ и пошелъ отворять дверь.

На порогѣ показался цырульникъ.

— Что вамъ угодно?—сказалъ докторъ Андріяши, съ досадой взглянувъ на цырюльника.

— Я—цырюльникъ Фужи...

— Ну?

— Пришелъ просить васъ посѣтить больного Мундо въ редакціи „Мира".

— Что вы! что вы! Развѣ возможно мнѣ ѣхать въ редакцію „Мира"?

— Почему?

— Сто чертей имъ на голову. Мы сидимъ безъ хлѣба, а

Digitized by Google

они проповѣдуютъ миръ. Какой миръ, когда нѣтъ чумы, больныхъ, и никто ни хочетъ платить за визиты!

— Чума есть, и черная оспа есть, и больные ракомъ...

— Знаю, знаю,—перебилъ докторъ,—но вѣдь и нашего брата есть довольно!

— Но, докторъ, тамъ заплатятъ хорошо и хорошенькія женщины есть...—началъ было Фужи.

— А! это другое дѣло,—воскликнулъ докторъ,—мы сейчасъ поѣдемъ!—Онъ элегантно принарядился, подкрутилъ маленькіе усики, и сказалъ:—идемъ!

Они спустились внизъ и вышли на улицу. Потомъ сѣли на рикшу и покатили къ больному.

Больной спалъ, когда докторъ Андріяши вошелъ тихонько и остановился возлѣ него.

— Вы говорите—онъ больной,—сказалъ докторъ.—да онъ здоровѣе меня съ вами. Пускай спитъ. Сонъ лучше всякаго лѣкарства!

— Онъ отошелъ отъ больного и сталъ щурить глаза на Атами, Сакуру и Умэ. Женщины ему безусловно понравились. „Эта, кажется, того, въ интересномъ уже положеніи,—подумалъ докторъ,—а эти двѣ, очевидно, еще дѣвицы или предполагаютъ быть дѣвицами. Но, чортъ возьми, не буду я Андріяши, если я не выужу чего-нибудь изъ этой практики!“

Андріяши справился о всемъ подробно у цырюльника и у мусмэ и сразу пошелъ на штурмъ. Умэ смотрѣла на молоденькаго доктора съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Докторъ былъ любезенъ, но имѣлъ ту частичку нахальства, безъ которой мужчины дѣлаются тряпками или вовсе не нравятся женщинамъ. Онъ никогда не доходилъ до грубаго цинизма, но отлично понималъ женское сердце. Впрочемъ, съ точки зрѣнія врачебной практики, это очень легко дается, если докторъ не боится пуль или звонкой пощечины.

— Какъ вы чувствуете себя?— спросилъ докторъ, обращаясь къ Умэ.

— Плохо. У меня часто болитъ голова.

— А вы?—обратился онъ къ Сакуру.

— Сначала было ничего, но теперь часто тошнитъ.

— А-а,—произнесъ докторъ,—это извѣстные симптомы...

Мундо проснулся и застоналъ.

— Извините,—сказалъ докторъ,—я сейчасъ осмотрю больного, а тогда мы поговоримъ.

Онъ быстро отправился къ больному, а сестры переглянулись и стали между собою шептаться. Міяка сидѣла надъ больнымъ

Digitized by Google

и вѣеромъ отгоняла мухъ, которыя тучами садились на бѣднаго Мундо.

— Какъ ваше здоровье?—спросилъ докторъ, нагибаясь къ больному. Онъ усѣлся возлѣ больного по-японски и началъ его осматривать. Онъ выслушалъ его, выстукалъ, приложилъ даже ухо къ грудной клѣткѣ и спинѣ и освидѣтельствовалъ всѣ органы, тщательно осматривая то и другое.

— Вамъ нужно полежать день-два, а затѣмъ вы вполнѣ оправитесь. Я сейчасъ обмою вамъ ушибы, сдѣлаю самъ перевязку—и дѣлу конецъ!

Цырюльникъ подалъ все необходимое—и работа закипѣла. Надо отдать справедливость, Андріяши исполнилъ свое дѣло изумительно добросовѣстно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и деликатно. Больной чувствовалъ на себѣ не жесткія руки Эскулапа, а нѣчто такое, что походитъ на материнское обращеніе, когда пеленаютъ дѣтей.

— Я очень вамъ благодаренъ,—сказалъ Мундо, обращаясь къ доктору,—вы такъ чудно обращаетесь съ больными!

— О, пустяки, пустяки: это нашъ прямой долгъ!

Онъ всталъ, помылъ руки, вытеръ полотенцемъ и пошелъ на половину къ дамамъ.

Шимада далъ ему соотвѣтствующее вознагражденіе. Андріяши пріятно улыбнулся и деньги спряталъ въ карманъ.

Квазоки былъ занятъ. Его разрывали на части разныя корректуры, справки, посѣтители, которые имѣли дѣла къ редакціи. Секретарь одинъ не могъ справиться.

Андріяши попалъ въ кольцо дамъ, которыя наперерывъ разспрашивали о здоровьи Мундо. Онъ увѣрилъ ихъ, что онъ вполнѣ здоровъ. Его немного помяли, но организмъ его настолько силенъ, что опасности никакой не предвидится.

— Вы курите?—спросила Уме.

— Да, я курю,—отвѣтилъ докторъ. Онъ взялъ пахучую папироску изъ лакированной шкатулки и закурилъ.

Онъ чувствовалъ, что дамамъ онъ понравился, и потому началъ оцѣнивать красоту той или иной женщины, стараясь выражаться такъ образно и поэтически, какъ это принято въ хорошемъ обществѣ.

Дамочки то вспыхивали, то краснѣли, то загорались опять любопытствомъ. Имъ все хотѣлось знать, что онѣ дѣйствительно красивы.

— Да, да,—повторялъ докторъ, — я не шучу: это вѣрно. Такъ сказать, въ своемъ родѣ аксіома.

Онъ пригласилъ ихъ на одинъ раутъ, митингъ, но дамамъ

Digitized by Google

казалось рискованнымъ отправляться съ докторомъ. Тогда онъ пустился на хитрость и предложилъ имъ поѣхать на скачки, которыя имѣютъ состояться на дняхъ.

— Кстати,—сказалъ онъ,—мы завернемъ и на художественную выставку нашихъ художниковъ...

— Какъ, развѣ открылась выставка? — спросилъ Квазоки, войдя къ своимъ супругамъ.

— Да, да, открылась...—сказалъ докторъ.

— Какъ же это мой хроникеръ ничего не знаетъ: объ этомъ надо помѣстить въ газетѣ!

— Объ этомъ во всѣхъ газетахъ напечатано,—доложилъ докторъ. Онъ немного подумалъ, замялся и затѣмъ произнесъ:—Предлагаю вашимъ дамамъ прокатиться на выставку, да остановка за вами.

— За мной? О, такія удовольствія я разрѣшаю!

— Разрѣшаете? Мило! мило! Я такъ и зналъ, что вы разрѣшите,—воскликнулъ Андріяши. — Ну, въ такомъ случаѣ, я завтра заѣду за вашими дамами!

— Очень пріятно!

Докторъ поклонился Квазоки. Тотъ въ свою очередь пожалъ руку новому другу. Они сидѣли другъ возлѣ друга и говорили, какъ старые друзья, которые давно уже были знакомы и не мало выпили саке. Докторъ, дѣйствительно принялся за саке, которое подала ему на маленькомъ подносикѣ прелестная мусмэ. Онъ сдѣлалъ ей глазами какой-то символическій намекъ, вродѣ тѣхъ, какіе употребляютъ шинтоскіе жрецы (каннуши), не связанные обѣтомъ безбрачія, и взялъ фарфоровую чашечку съ саке. Затѣмъ онъ хлебнулъ, подумалъ о „дорогѣ боговъ“, и началъ прощаться со своими милыми особами. Онъ захватилъ съ собою лакированный ящикъ съ лѣкарствами („инро“), и вышелъ изъ дома, напѣвая нѣчто въ такомъ родѣ:

Окимоно, окимоно [1]),
Какъ похоже на кимоно,
Хоть дѣвицамъ ты дано,
Какъ расшитое пано.
Какемоно и нецзуке.
Шибуицы [2]), цзуба—да:
Ахъ, какія это штуки
И какая борода!

---

[1]) Будуарная бездѣлушка.
[2]) Украшеніе на эфесахъ сабель.

Digitized by Google

Коро [1], бронза и фарфоръ,
Макимоно [2] и она...
Вотъ гдѣ, душечка, просторъ:
Выпьемъ саке мы до дна!

Андріяши спѣлъ эту пѣсню, сдѣлалъ на улицѣ антраша и велѣлъ рикшѣ галопировать прямо въ отель „Токіо“. Дорогой онъ раздумалъ и приказалъ скакать во весь опоръ въ отель „Имперіаль“. Рикша понесъ его съ той легкостью, какая обнаруживается у извощиковъ когда, они чувствуютъ, что капитанъ заплатитъ сверхъ всякой таксы. Проѣзжая мимо отеля „Кокуменъ-куанъ“, онъ вполнѣ основательно подумалъ, что до „Имперіаля“ еще порядочно, а потому рѣшилъ соскочить съ колясочки и пройти всего два-три шага. Громадный гайдукъ, съ точки зрѣнія японской величины, отворилъ ему дверь. Это былъ одинъ изъ тѣхъ миширисовъ, которые готовы за деньги отправиться даже на городскую каланчу и звонить о свѣтопреставленіи. Юркій, подвижной, какъ и всякій японецъ у дѣла, онъ объявилъ, что въ отелѣ есть два свободныхъ номера, свѣжая форель съ рѣки Юрапъ и лосось. Что касается женщинъ, то весь отель къ его услугамъ.

— Гм! гм!—сказалъ докторъ Андріяши:—мнѣ надо подзакусить—это, конечно, но и уговориться насчетъ номера. Скажите господину Асакусѣ, чтобы онъ оставилъ одинъ № мнѣ на завтра.... Слышите, на завтра!

— Слушаю, слушаю...

Затѣмъ докторъ поднялся наверхъ, попробовалъ форель, осмотрѣлъ предоставленный ему № и уѣхалъ къ себѣ на квартиру, на улицу Куаннонъ.

Маленькая массажистка уже ждала его въ квартирѣ и просматривала газеты и журналы. Нѣкоторыя японскія карикатуры, аляповатой и безмысленной работы, вызывали у нея неподдѣльный смѣхъ. Она, какъ ребенокъ, любовалась той или другой бездѣлушкой, какимъ-нибудь пано, картинкой, и поджидала своего друга. Докторъ Андріяши еще не успѣлъ обзавестись бабами, хотя съ пеленокъ зналъ о томъ, что женщины и мужчины—представляютъ одно цѣлое. Онъ изучалъ химію, зналъ, изъ чего состоитъ человѣческая плоть, и только относительно вопросовъ духа былъ немного слабоватъ. „Впрочемъ, къ чему намъ метафизика,—размышлялъ онъ вполнѣ

[1] Курительная чашка.
[2] Портфель для манускриптовъ.

Digitized by Google

основательно, для его возраста и ума,—вѣдь вся эта исторія—плодъ досужей фантазіи". А докторъ вѣрилъ въ тѣло, въ красоту формъ, въ то пластическое искусство, которое вдохновляло греческихъ поэтовъ и художниковъ.

— О, моя прелестная хризантема! — сказалъ докторъ Андріяши, войдя въ комнату. Хризантема поднялась, пошла на встрѣчу къ доктору. Докторъ подержалъ ее нѣсколько минутъ за талію, поцѣловалъ ее въ сочныя губки и тихо проговорилъ:

— Я былъ у одного больного, который чудно мнѣ заплатилъ за визитъ. Завтра опять отправляюсь туда же, чтобы осмотрѣть моего паціента. Кстати, не хочешь ли закусить?

Хризантема мотнула головой.

— Эй! кто тамъ? Живо подать на столъ!

Маленькая мусмэ и такой же маленькій бой живо принесли все необходимое.

— Кушай! кушай!—предлагалъ докторъ.

— А ты?

— Я ѣлъ форель. Сейчасъ думаю приготовить одно лѣкарство, а затѣмъ надо послать за персидскимъ порошкомъ, камфорой, мыломъ, свѣчами и карболовой кислотой...

— Зачѣмъ такъ много?

— Знаешь, надо отдѣлаться отъ этого специфическаго запаха, который свирѣпствуетъ въ нашихъ гостинницахъ и всевозможныхъ кабинетахъ.

— Ха-ха-ха... причемъ же здѣсь свѣчи?

— О, это для моего кабинета. Буду писать одно письмецо къ одной очень и очень милой особѣ. Она, знаешь, немного похожа на тебя, но глаза, глаза... о, такъ и ѣстъ, такъ и гложетъ. Красотка, арборесценсъ!

Докторъ подвинулъ бамбуковое кресло къ своему „арборесценсу" и началъ съ нею кушать.

На башнѣ пробило девять часовъ утра, когда этотъ „арборесценсъ" оставилъ доктора. Она смотрѣла на него, а онъ на нее...

Докторъ вспомнилъ больного и сталъ одѣваться.

Digitized by Google

XXVI.

На выставкѣ.

Начало хмуриться. На небѣ собирались какія-то темныя тучки, свинцоваго цвѣта, которыя неслись куда-то въ даль. Солнце посматривало какъ-то мутно черезъ эту пелену атмосферы, которая закутана была сѣроватыми пятнами облаковъ. Густо, большими волнами, неслись эти облака надъ громаднымъ городомъ Токіо. Хищныя птицы покрикивали, но ихъ голоса терялись въ шумѣ и суетѣ городской жизни. Дулъ сердитый вѣтеръ, который такъ рѣдко бываетъ въ этой благодатной странѣ, гдѣ запахъ цвѣтовъ, любовь, тайные вздохи объ идеалахъ—все сплетается въ одно цѣлое. Идеалы, идеалы, идеалы... Но, докторъ Андріяши былъ настоящій японецъ. Онъ пропитался до того идеалами, что съ нимъ могъ-бы соперничать развѣ только такой идеалистъ, какъ г. „Я“. Докторъ любилъ русскихъ. Къ нему даже заѣзжалъ одинъ изъ путешествующихъ коммивояжеровъ. Онъ спрашивалъ о Россіи, о народныхъ богатствахъ, о медицинской практикѣ, о русскихъ красавицахъ. Онъ записывалъ нѣкоторыя русскія слова въ свою записную книжечку, на случай, если ему понадобится заняться практикой въ странѣ бѣлыхъ людей. Но русскій заѣхалъ въ Японію, чтобы помолиться въ русской церкви. Онъ повидался съ священникомъ, вообразилъ себя въ Россіи, пошелъ во дворецъ, куда его пропустили безъ паспорта, и отправился на паланкинѣ къ одной прекрасной гейшѣ, чтобы послушать музыку. Ему даже пришла мысль положить первый камень въ основаніе будущей русской провинціи. Затѣмъ, онъ уѣхалъ съ цвѣтами лотосовъ, хризантемъ и ирисовъ, которые бросилъ за бортъ парохода, предварительно подравшись съ однимъ британцемъ. Докторъ помнитъ этого здороваго малаго, съ большими ногами, большой головой и большими усами. Онъ восторгался цвѣтомъ его бороды и все думалъ: „отчего это у него растетъ этакая гуща, а у меня нѣтъ?“

Онъ вспомнилъ еще одного русскаго моряка, который жилъ въ Токіо, какъ у себя дома. Ходилъ по улицамъ, толкался среди красавицъ, курилъ маленькую трубочку и все спрашивалъ у торговцевъ: „Эй, малый, почемъ у тебя продается этотъ фруктъ?“

„Странный это народъ,—думалъ докторъ Андріяши,—ихъ мало интересуетъ наше искусство, наша народность, наша ли-

Digitized by Google

тература, музыка, ваяніе, живопись, всѣ эти безчисленные догматы, кодексы приличія и проч.".

Онъ посмотрѣлъ въ окно и глубоко вздохнулъ. Погода была какъ разъ изъ такихъ, когда трудно разсчитывать, чтобы японская женщина рѣшилась отправиться гулять.

Во всякомъ случаѣ, надо было собираться. Онъ отдалъ какое-то приказаніе своей прислугѣ и самъ спустился внизъ. Еще нѣсколько шаговъ—и рикша къ его услугамъ.

— Капитана, ши-и-б-ко холодно есть,—сказалъ рикша, усаживая своего господина въ колясочку. Онъ былъ изъ манзъ: носилъ косу и лобъ имѣлъ бритый.

— Тащи, тащи, не разговаривай!—крикнулъ Андріяши.

Бѣдный манзенокъ подхватилъ двѣ палочки и галопомъ помчался. Онъ былъ худой, съ отощалой шеей и такими же сухими ногами,—словомъ, представлялъ изъ себя ту падаль, о которой Талмудъ говоритъ: „лучше обдирай кожу съ падали на улицѣ, чѣмъ прибѣгать къ милостынѣ". Но тутъ была и падаль, и сама милостыня, и даже тотъ великій трудъ, который такъ оцѣнивается въ книгѣ „Берахотъ". Увы, это ремесло настолько тяжелое, что трудно выполнить заповѣдь, гдѣ говорится: „Кто не обучаетъ сына ремеслу, тотъ воспитываетъ его для воровства". Ремесло возить людей самое унизительное, ибо люди еще не дошли до взаимныхъ понятій объ услугахъ, а путемъ капитализма свели людей до рабства и скотскаго состоянія. Докторъ видѣлъ оборванную спину этого ужаснаго скелета, который, въ своихъ жалкихъ лохмотьяхъ, везъ его и думалъ, какъ британскій лидеръ, который съ ружьемъ въ рукахъ охотится и подстрѣливаетъ негровъ. Мимо него проѣхалъ надменный англійскій маркизъ, у котораго въ рукахъ былъ хлыстикъ. Онъ этимъ хлыстикомъ подгонялъ рикшу, который отъ каждаго удара ежился и оглядывался, какъ яремное животное.

Маркизъ проѣхалъ. Впереди показалась качалка, въ видѣ той качалки, на которой носили шведскаго короля, сраженнаго при Полтавѣ. На качалкѣ качалась маленькая японочка со всѣми своими предразсудками и кодексомъ вѣжливости. Рабы несли ее молча, какъ безсловесныя животныя. Докторъ посмотрѣлъ на японочку, узналъ ее, вѣжливо раскланялся съ нею и проѣхалъ далѣе. Кучка грязныхъ торговцевъ всевозможными фруктами загородила было ему дорогу, но рикша повернулъ вправо и очутился на улицѣ Рѣдкостей.

Какой-то книгоноша, съ бѣлыми іероглифами на черной спинѣ, громкимъ и сиплымъ голосомъ выкрикивалъ:

Digitized by Google

— Религія всего міра: Талмудъ, Коранъ, *сто книгъ* Будды и Конфуція!

Другой, съ большимъ ящикомъ за плечами, гнусавымъ голосомъ выводилъ:

— Тысяча разсказовъ изъ жизни императрицы Жинго Кого, которая завоевала Корею! [1])

Андріяши остановилъ рикшу, поторговалъ книги, и отправился дальше.

Возлѣ редакціи „Мира“ онъ соскочилъ съ колясочки, сунулъ китайскому призраку какую-то жалкую ленту и быстро скользнулъ въ калитку.

Онъ засталъ дамъ въ самыхъ модныхъ туалетахъ. Умэ одѣта была въ костюмъ сѣраго шерстянаго муслина, а Сакуру—въ платье изъ шелковаго пекине. Атами нарядилась въ платье изъ корскревъ, въ видѣ туалета изъ бѣлой вуали. На всѣхъ дамочкахъ были французскія шляпы „Сорель“, съ перьями, бантами и тюлемъ. Длинныя перчатки облекали ихъ миніатюрныя ручки, а зонтики маковаго цвѣта дополняли весь этотъ полувоздушный ансамбль. Только Міака, да нѣкоторыя изъ фаворитокъ одѣты были въ свое національное кимоно, какъ настоящія японки.

— Мы васъ ждемъ,—сказала Умэ, обращаясь къ доктору,— и уже ждемъ битый часъ!

— Ахъ, извините, извините... Право, замѣшкался. Это все виновата погода: я предполагалъ, что вы раздумали ѣхать на скачки и выставку, и сейчасъ думаю, что скачки едва-ли состоятся, не смотря на афиши, анонсы и цѣлый рядъ предупрежденій. Во всякомъ случаѣ мы проведемъ время пріятно на выставкѣ!—сказалъ Андріяши, пожимая руки молодымъ дамамъ.

Умэ лукаво взглянула на элегантнаго доктора и сдѣлала ему особенный книксенъ по древнему китайскому обычаю. Но этотъ поворотъ настолько былъ эффектно исполненъ, что доктору стало ясно, какъ движется сердце у этой красавицы.

Квазоки давно уже сидѣлъ за статьей „О мирѣ всего міра“ и былъ погруженъ настолько въ свои мысли, что совершенно позабылъ о пріѣздѣ доктора. Докторъ на минутку забѣжалъ посмотрѣть на Мундо и затѣмъ благополучно возвратился обратно, находя, что здоровье знаменитаго японскаго писателя внѣ всякой опасности.

---

[1]) Жинго Кого царствовала съ 201 по 268 годъ по Р. Х. Считается завоевательницей Кореи.

Digitized by Google

Дѣйствительно, Мундо такъ превосходно себя чувствовалъ, что вопросъ о его выздоровленіи касался лишь одного времени, которое также тянется мучительно долго для больныхъ какъ и для лѣнтяевъ. Но Мундо не былъ лѣнтяй. Онъ лежалъ на матѣ и маленькой кисточкой строчилъ особо-зажигательную статью, въ которой подбирались факты изъ Корана, Талмуда, Новаго Завѣта и Библіи. Надъ такой работой онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Докторъ Андріяши хлебнулъ изъ маленькой чашечки настоящаго англійскаго чернаго кофе и закусилъ особымъ маленькимъ японскимъ огурчикомъ, бѣлымъ, какъ молоко.

— Итакъ, вы готовы?—спросилъ докторъ, обращаясь къ дамамъ.

— О, мы совсѣмъ готовы!—отвѣтили дамы.

— Превосходно. Мы ѣдемъ. Эй! Кто тамъ? Подать сейчасъ коляску!—крикнулъ Андріяши.

Маленькія мусмэ со всѣхъ ногъ бросились добывать коляску, которую не всегда можно было добыть на улицѣ Рѣдкостей. Коляску было трудно розыскать, но все-таки нашли. Въ ней сидѣлъ не Пифагоръ Пифагоровичъ Чертокуцкій, а настоящій японскій чортикъ съ хвостикомъ. Возница обходилъ свою коляску, обнюхивалъ ее, отряхалъ пыль и смотрѣлъ на это сооруженіе, какъ на гробницу дайміо, который записанъ богомъ и поставленъ въ кумирнѣ.

Мусмэ доложили, что коляска готова.

— А. готова... ну, можно и въ путь.

Андріяши подхватилъ Умэ подъ руку. Какъ настоящій японецъ, который побывалъ въ Парижѣ, онъ отвелъ свою даму въ коляску, усадивъ пріятнымъ образомъ. Затѣмъ, онъ тоже самое сдѣлалъ съ другими дамами, по этикету.

Коляска тронулась. Андріяши сидѣлъ напротивъ дамъ и курилъ папироску.

Солнышко ласково выглянуло изъ сѣрыхъ облаковъ и затѣмъ опять скрылось за этой громадой, которая группировалась въ какіе-то образы и фигуры. Накрапывалъ дождь. Но вскорѣ все это разсѣялось, и кусокъ чистаго неба, какъ легкій газъ, превращался въ необъятную пустыню лазурнаго моря. Сгущенные пары все болѣе и болѣе таяли, а солнце раскаляло воздухъ.

Только въ Японіи возможны такія быстрыя превращенія, съ гаммой чудныхъ красокъ до полной иллюзіи.

На ипподромѣ было пусто. По случаю скверной погоды скачки были отмѣнены. Нѣсколько атлетовъ боролись передъ

Digitized by Google

небольшимъ числомъ зѣвакъ въ какомъ-то балаганѣ, но и здѣсь сборы были не большіе. Они проѣхали мимо корейскаго сановника, котораго слуги несли на носилкахъ подъ большимъ опахаломъ, и очутились у зданія выставки.

Маленькая японская зара, обклеенная со всѣхъ сторонъ афишами, вмѣщала въ себѣ все японское искусство.

— Докодэ киппуо уримасъ? (Гдѣ продаются билеты?)—спросилъ докторъ Андріяши, соскакивая съ колясочки. Дамы сидѣли, какъ муміи, и ожидали билетовъ. Маленькая женщина указала рукой по направленію двери. Докторъ быстро отворилъ дверь, подошелъ къ кассиру и получилъ четыре билета.

— Билеты есть,—сказалъ докторъ, обращаясь къ своимъ дамамъ. Онъ также по одиночкѣ спустилъ ихъ съ коляски, и они прослѣдовали на выставку. Большой залъ, съ точки зрѣнія японской величины, былъ набитъ всевозможными эскизами, этюдами, набросками и просто большими картинами. Акварель, пастель, масляныя краски. Тутъ были „вкусные“ и „безвкусные тона“, которыми такъ щеголяютъ импрессіонисты всего міра. Нѣсколько отдѣловъ было посвящено исключительно цвѣтамъ, которые настолько были написаны живо и талантливо, что любой изъ нашихъ художественныхъ критиковъ могъ бы настрочить въ газету, и что цвѣты эти такъ написаны „фокусно“, что отъ нихъ пахнетъ и слышится ароматъ, хотя, говорятъ, въ Японіи цвѣты не пахнутъ, а женщины не умѣютъ цѣловаться...

Наши обозрѣватели главнымъ образомъ обратили вниманіе на цвѣты.

Каталога здѣсь не полагается. Но зато, любой изъ японскихъ художниковъ сослужитъ вамъ службу проводника и переводчика и, такъ сказать, превратится въ своего рода „чичероне“.

— Вотъ,—объяснялъ японскій рисовальщикъ цвѣтовъ и овощей,—арбузъ („Юлій Цезарь“), капуста пестрокочанная, бобы низкорослые („золотое масло“), бобы высокорослые (Сэнъ-Фіакръ), огурцы княжескіе изъ Италіи, вьющіеся бѣлые, японскіе. Затѣмъ, пойдемте далѣе. Обратите ваше вниманіе на сельдерей салатный Декандоля, перецъ „слоновый хоботъ“, рѣпу бѣлую миланскую и тыкву столовую „китъ“. Всѣ эти этюды принадлежатъ кисти семилѣтняго мальчика, который умеръ въ то время, какъ наша академія признала его безсмертнымъ геніемъ. Но вотъ вамъ „цикорій спаржевый“ (поразительно исполненъ, настоящій цикорій!). Если вы любите цвѣты... о, пожалуйте сюда: видите анютины глазки, испанскіе

Digitized by Google

крупнопятнистые „парижскіе“? А вотъ бегонія гибридная—полосатая и пятнистая. Правда, выполнено чудно?

— Цвѣточки, цвѣточки...—крикнула Атами.

— Цвѣточки... Вамъ нравятся цвѣточки? Какъ это пріятно слышать изъ устъ красивой женщины, которая сама—лучшій цвѣтокъ. Милая мадамъ, вы, кажется, въ такомъ положеніи, когда на цвѣты смотрѣть болѣе, чѣмъ полезно. Обратите ваше вниманіе на мексиканскую незабудку. Это форма долгоцвѣтки. Она цвѣтетъ вѣчно. Художникъ придалъ этому цвѣтку тотъ колоритъ, который будетъ жить вѣчно. А вотъ: гомфокарпусъ (арборесценсъ), затѣмъ „восковой плющъ“, Особенную прелесть имѣетъ „пѣтушій гребешокъ“, такъ называемый карликовый перистый кустъ. Васъ еще не утомило?

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста...—проговорила Умэ.

— Превосходно. Я вижу, что вы дѣйствительно цвѣтокъ Токіо и вполнѣ вознаградите насъ за труды. Обратите ваше вниманіе на интересное многолѣтнее растеніе, розово-карминнаго колера, съ зѣвомъ, испещренный желтыми и коричневыми пятнами. Это цвѣтокъ Китая. Его похитили французскіе ботаники и съ тѣхъ поръ онъ уже не такъ великъ, чтобы цвѣтовыми стеблями достигать до $1^1/_2$ арш. длины. Имя ему „инкарвилея делафейя“. Правда, рѣдкій цвѣтокъ по исполненію? Художникъ немного сгустилъ краски, но лепестки живутъ и дышутъ. Они жаждутъ поцѣлуя. Но это не такъ важно. Вотъ колокольчикъ (кампанула), лакъ-фіоль, бархатецъ раскидистый („Почетный Легіонъ“). Этотъ цвѣтокъ, говорятъ, былъ подаренъ Наполеономъ второй своей супругѣ. Здѣсь краски дошли до самого высшаго эффекта. Художникъ превзошелъ самую природу. Но потрудитесь взглянуть (вы еще не утомились?) на „кардіоспермумъ гирзутумъ“... очень вкусный и душистый цвѣтокъ!

— Красиво, очень красиво,— сказалъ докторъ Андріяши.

— Да? Это меня очень радуетъ,—сказалъ японскій эстетъ и отвелъ посѣтителей къ другой группѣ цвѣтовъ.—Вотъ не угодно ли: „примула китайская“. Ростъ ея исполинскій. Вы находите, что здѣсь чувствуется бархатъ?

— Да, да...

— Вотъ видите, художникомъ овладѣло вдохновеніе и онъ достигъ бархата. Изумительно, что эта „бутылочная тыква“ гармонируетъ съ кальцеолараріемъ шелидоніойдесъ. А эта слоновая смерть, такъ называемый „пасленъ золанумъ“— развѣ это не цвѣтокъ? Но я буду кратокъ: чаберъ, петрушка, базиликъ, портулакъ, лебеда, крессъ ключевой, шал-

Digitized by Google

фей, любовныя яблоки („Король Гумбертъ“). Это все кисти одного художника. Вамъ любопытно взглянуть на нѣсколько грацій: женщина спитъ съ цвѣтами, женщина грезитъ во снѣ и женщина влюбляется. А вотъ и самъ поцѣлуй. Но это слишкомъ густо и отчасти даже не прилично. Но, строго судя—вѣдь это цвѣтокъ?

— Конечно, конечно.

— Прекрасно. Взгляните на „свеклу мамонтъ“ и на „райграсъ итальянскій“. Затѣмъ, шампиньоны. Вотъ чудная „вика“, „ежъ обыкновенный“, „зенеціо элегансъ“, „кампанула“. Вотъ „каки китайскіе“ и „каки японскіе“. А это: „конвольвулусъ“. Какъ вы находите эти „астры“, „лупинусъ“, „левкои махровые“?

— Ахъ, иберисъ, иберисъ!—вскричала Сакуру.

— Правда, чудные цвѣты?

— Еще бы!

— Эта „Немофила“ принадлежитъ кисти нашего художника Корина: онъ жилъ въ концѣ XVII вѣка. Какъ вамъ кажется: это копія или оригиналъ?

— ??

— Это копія. Оригиналъ хранится у микадо. Вотъ „віола“, „мимулусъ“, цвѣтокъ „метеоръ“. „Ирисы“, „хризантемумъ“, „лотосы“ и цвѣты рододендрона... и (но тутъ художникъ запнулся и скороговоркой сказалъ): это исключительная картина, которая показывается по желанію. Она закрывается и открывается.

— Это очень любопытно,—сказала Умэ,—что тамъ такое?

— Тоже самое, что у насъ показываютъ на сценѣ, но въ худшемъ видѣ: здѣсь слишкомъ густыя краски!

— А-а...—сказалъ Андріяши,—въ такомъ случаѣ мы будемъ смотрѣть по одиночкѣ.

— О, это можно!—сказалъ проводникъ.

Онъ отдернулъ занавѣску—и всѣ увидали нѣчто непонятное для душъ чистыхъ, какими были наши зрители. Дамы, однако, долго смотрѣли на эту картину, въ присутствіи мужчинъ, и хвалили работу художника. Затѣмъ, они перешли всѣ въ другую комнату, гдѣ японскіе декаденты представили всѣ ужасы войны, героизма, въ пламенномъ стремленія изобразить красками, какъ пускаютъ бомбы и убиваютъ милліоны людей. Баталистика была до того отвратительная, что трудно было что-нибудь подобное придумать. На ряду съ порнографическими сюжетами всякаго рода, были выставлены копіи съ идоловъ, драконовъ, чудовища о пяти головахъ и проч. Вся эта нелѣпая мазня производила удручающее впечатлѣніе,

Digitized by Google

какъ-будто художники задались цѣлью, на ряду съ прекраснымъ (цвѣтами), создать самое отвратительное (драконы и идолы). Пейзажъ, марины—совершенно отсутствовали. Выставка эта была сезонная. Японскіе Леонардо-де-Винчи, Пуссены однако изобразили громадное полотно, нѣчто въ видѣ апоѳеоза, при выходѣ изъ выставки. На большомъ полотнѣ изображены были два шогуна. Они дѣлили какого-то буйвола или бычка. Вдали былъ нарисованъ „городъ мертвыхъ“. Изъ груды человѣческихъ костей вставали мертвые красавцы. Фонтаны, чешуйчатыя крылатыя чудовища, гротъ прославленнаго Капри, и символы, символы безъ конца. Картина—вулканъ Фужи (въ своемъ родѣ Везувій): костеръ красокъ, дровъ, чего угодно, но не было признака самого Фужи. Пламя отъ этой картины обдавало всѣхъ при выходѣ изъ выставки.

Публики было много.

Андріяши сунулъ что-то въ руку словоохотливому чичероне и покинулъ выставку.

— Баснословно дешево,—сказалъ онъ, садясь въ коляску вмѣстѣ съ дамами,—а сколько въ сущности удовольствія!

— Цвѣты, цвѣты... что это значитъ? Я, кажется, и сейчасъ сорвала бы ихъ рукою, но это не мое. Какъ жаль! какъ жаль!—сказала Атами. Но вдругъ ей стало грустно, она почувствовала скверно и пожелала скорѣе ѣхать на улицу Рѣдкостей.

Весь планъ его разстроился. Онъ думалъ заѣхать въ отель „Кокуменкуанъ“, а принужденъ былъ сопровождать больную.

— Васъ, вѣроятно, разстроила эта выставка?—спросилъ докторъ, ласково трогая ее за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ такъ. Это пройдетъ!

Атами откинулась на спинку коляски и стала дремать. Умэ ласково смотрѣла на доктора. Сакуру щурилась и бантикомъ складывала губки.

— А я думалъ васъ пригласить еще въ отель, чтобы закусить послѣ выставки...—началъ было говорить докторъ.

— Нѣтъ, это совершенно лишнее,—сказала Умэ,—вы будете обѣдать у насъ. А тамъ... (Она посмотрѣла на доктора)... вѣдь мы свободные люди!

Докторъ вспыхнулъ отъ такой неожиданности и густо покраснѣлъ. Вспыхнула тоже и Умэ.

Сакуру начала сердиться.

Коляска остановилась возлѣ редакціи.

Digitized by Google

XXVII.

Въ день объявленія войны.

Съ Атами ничего особеннаго не случилось. Она разстегнула корсетъ и здоровье къ ней возвратилось. За обѣдомъ докторъ Андріяши не спускалъ глазъ съ Уме. Умэ тоже смотрѣла на Андріяши. Сакуру бесѣдовала съ молодымъ депутатомъ, который присутствовалъ на обѣдѣ въ качествѣ новаго знакомаго. Депутатъ былъ богатъ, имѣлъ двухъ женъ, но Сакуру ему понравилась такъ сильно, какъ сильно могла понравиться Умэ—доктору. Что касается Міяки, то она ѣла болѣе, чѣмъ аппетитно, въ силу просто того, что Мундо обѣдалъ уже не какъ больной, а какъ здоровый. Остальныя фаворитки и старая Шимизу обѣдали въ своемъ флигелѣ. За обѣдомъ депутатъ говорилъ много съ г. Шимада, который молча ѣлъ и слушалъ, совершенно соглашаясь съ своимъ новымъ знакомымъ. Квазоки ухаживалъ за Атами и ласково все справлялся о ея здоровьи. Это еще болѣе раздражало Умэ. Она, какъ старшая жена и болѣе развитая, желала къ себѣ большаго вниманія, но сердце уважаетъ не умъ и не знаніе, а просто то, что болѣе отвѣчаетъ его чувствамъ. Конечно, симпатизировать человѣку можно и безъ сердца, но это уже будетъ одна условная формальность, въ видѣ этикета, муштры или вродѣ этого.

Послѣ обѣда Умэ отправилась въ садъ гулять, хотя садъ особенной прелести уже не представлялъ. Цвѣты еще цвѣли, фрукты зрѣли, но тѣ романтическіе дни, когда впервые зарождалось чувство любви, ужэ погибли безвозвратно. Умэ сознавала, что ей уже не жить мечтами юной дѣвы, которая считаетъ свои шаги и боится остаться наединѣ съ мужчиной. Она жила настоящимъ. Докторъ Андріяши повѣялъ на нее особенной теплотой, той самой теплотой, которая уже не согрѣвала со стороны флегматичнаго Квазоки.

„Въ самомъ дѣлѣ,—думала Умэ,—послѣднее время мой обожаемый супругъ отдался двумъ любимымъ своимъ занятіямъ: онъ пишетъ статьи и ухаживаетъ за Атами. А что я и бѣдная Сакуру? Я подозрѣваю, что онъ началъ жить съ этой толстой Умэ Тсуда, которая бываетъ у насъ каждый день. Удивительно, что послѣ того какъ графъ Окума устроилъ ему такую пакость, обличая его во всѣхъ газетахъ, онъ принимаетъ въ своемъ домѣ эту ужасную авантюристку. Что можетъ она хорошее сдѣлать? Она несомнѣнно ухаживаетъ не

Digitized by Google

за нимъ, а за его карманомъ. Статьи Мундо дѣлаютъ нашу газету чрезвычайно интересной, такъ что газета не только окупилась, а даже есть уже барыши, — но сумѣетъ ли онъ удержать деньги отъ этой гидры, которая каждый день предлагаетъ ему новыхъ сотрудниковъ и новыхъ сотрудницъ"?

Она хотѣла еще кое о чемъ подумать, но вдругъ вздрогнула и оглянулась.

Изъ кустовъ вышелъ Андріяши.

— Вы одна?—спросилъ онъ.

— Одна.

— О чемъ вы думаете?

— Думаю о томъ, что мой супругъ влюбленъ, а я должна оставаться за штатомъ.

— Вы! Какимъ образомъ?

— Очень просто. Хотя я и старшая его жена, но онъ болѣе любитъ Атами, чѣмъ меня.

— Это такъ естественно, — улыбаясь, сказалъ докторъ,— вѣдь сколько бы у насъ женщинъ ни было, а привязаться душой мы можемъ только къ одной.

— А у васъ много женъ?—спросила Умэ.

— Есть маленькая хризантема, но любить ее я не люблю. Это временное увлеченіе!

— Но способны ли вы вообще любить! Мнѣ кажется, что бѣлые народы на этотъ счетъ болѣе идеальны: ихъ романъ — это преданность глубокой любви и страданіе послѣ разлуки; а что вы?

Умэ подняла на него глаза, полные страсти, и вопросительно посмотрѣла. Андріяши какъ-то замялся, но потомъ овладѣлъ собою.

— Я люблю васъ,—сказалъ онъ тихо, протягивая ей руку. Умэ молча стояла, какъ изваяніе, и смотрѣла на блѣдное лицо доктора, которое то вспыхивало, то опять покрывалось блѣдностью.

— Вы любите?—спросила она тихо, дѣлая шагъ впередъ.

— Да... да, я люблю васъ,—сказалъ болѣе смѣло Андріяши. Онъ подошелъ къ ней и крѣпко сжалъ ея руку.

— И только?—спросила Умэ.

— Нѣтъ, вся, вся! И онъ схватилъ ее въ объятія и понесъ на своихъ рукахъ.

— Куда вы меня несете?

— Пдемъ! идемъ! Мы сядемъ на рикшу и уѣдемъ ко мнѣ!

— Сумасшедшій! Но вѣдь это можно сдѣлать гораздо проще:

Digitized by Google

у меня есть двѣ ноги, у тебя тоже, и мы пойдемъ въ гротъ любви!

— Въ гротъ любви? Это гдѣ же?

— А вотъ тамъ, въ глубинѣ сада...

Андріяши послушался голоса разума и опустилъ свою ношу на землю. Въ данномъ случаѣ, онъ похожъ былъ на ту лисицу, которая воруетъ чужихъ куръ изъ курятника. Ему даже стало какъ-то неловко. Но онъ оправился и пошелъ въ „гротъ любви".

Они сѣли возлѣ ручейка. Ихъ лица отражались въ этой водѣ. Онъ говорилъ ей о томъ, какъ были бы они счастливы, если бы ихъ любовь длилась безъ конца. Она слушала его молча, кивая ему головой. Затѣмъ она сказала, что любовь хорошее слово и прекрасное чувство, но его надо закрѣпить въ храмѣ любви, гдѣ сердце должно биться въ унисонъ, а женщина должна быть обезпечена.

Докторъ сказалъ, что онъ человѣкъ богатый, но наслѣдство, которое онъ имѣетъ получить, зависитъ отъ смерти его отца, а это можетъ случиться лишь тогда, когда отецъ дѣйствительно умретъ.

Это крайне огорчило Умэ. Бросить мужа — это бросить и право на свое имущество. Но что можетъ ей дать такая любовь?

— Нѣтъ, Андріяши, постарайся успокоить себя и бывай у насъ какъ можно чаще. Мы будемъ видаться въ гротѣ любви и смотрѣть въ эту воду. А жизнь сама укажетъ, какъ надо будетъ поступать!

— Умэ, но мнѣ одному будетъ скучно!

— Постарайся быть веселымъ!

Они просидѣли еще нѣсколько минутъ въ гротѣ и вышли опять въ садъ.

На встрѣчу къ нимъ шла Сакуру вмѣстѣ съ депутатомъ. Они уже успѣли объясниться тоже въ любви. Депутатъ сіялъ отъ того внутренняго счастья, которое дается взаимной любовью.

— Мы были въ гротѣ,—сказала Умэ.

— А мы сидѣли на верандѣ, а послѣ на аллеѣ боговъ,— отвѣтила Сакуру. Обѣ сестры поняли другъ друга и, чтобы не мѣшать одна другой, разошлись по разнымъ дорожкамъ.

Цѣлый день, до самаго вечера, депутатъ и докторъ странствовали по густымъ аллеямъ сада, а затѣмъ отправились ужинать.

За ужиномъ было весело. Мундо читалъ агентскія телеграммы, статьи, и рѣшалъ нѣкоторые спорные вопросы. Вообще,

Digitized by Google

этотъ литераторъ мало интересовался всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось за кулисами этого дома. Онъ свою роль игралъ открыто. Его Міяка не нуждалась въ романтическихъ встрѣчахъ. Какъ добрая мать, она воспитывала своего Кику и оберегала писателя. Докторъ уѣхалъ.

Все шло какъ нельзя лучше, но вдругъ, вечеромъ, Сакуру куда-то скрылась вмѣстѣ со своимъ депутатомъ. Старая Шимизу первая подняла этотъ переполохъ, не досчитавшись одной молодухи. Всѣ сразу догадались, что Сакуру бросила домъ навсегда. Поднялся вой и плачъ. Мусмэ, фаворитки и даже Міяка—стали оплакивать свою безразличную подругу. Квазоки узналъ объ этомъ только утромъ и воспылалъ гнѣвомъ. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало отыскать Сакуру. Посланъ былъ спеціальный агентъ въ юбкѣ, но розыски этой всезнающей бабы не увѣнчались успѣхомъ.

Квазоки хотѣлъ уже заявить объ этомъ мѣстной администраціи, но почтальонъ принесъ письмо. Письмо вскрыли, распечатали и прочли.

Въ письмѣ писала Сакуру.

„Мнѣ было трудно оставить тотъ домъ, гдѣ я выросла, гдѣ каждый кустикъ, цвѣтокъ напоминаетъ мнѣ о моемъ родномъ углѣ. Но птички улетаютъ изъ гнѣздышка, потому что имъ тѣсно, несмотря на перья и всѣ удобства! Я хотѣла любить, а любви не было. Но вдругъ явилась любовь, и я покинула гнѣздышко и улетѣла. Молю боговъ, чтобы они внушили вамъ мудро рѣшить этотъ вопросъ. Вы люди умные и должны сознать, что разъ я счастлива, то и вы должны быть счастливы и радоваться моему счастью. Скажите: кто можетъ разлучить меня отъ того, кого я полюбила отъ всей души и всего сердца? О, я лучше умру, буду питаться рисомъ, какъ послѣдняя изъ рабынь, но жить съ тѣмъ, безъ кого жизнь превратится для меня въ пустыню. Живите счастливо. Ваша Сакуру“.

Письмо это произвело самое прекрасное дѣйствіе на всю семью.

Всѣ птички заговорили. Первая сказала Умэ.

— Квазоки, я думаю, что послѣ этого письма, надо послушаться голоса совѣсти и дать свободу рѣшить это дѣло богамъ.

— Богамъ, богамъ! — сказала Шимизу, набожно улыбаясь предъ бронзовымъ идоломъ.

Квазоки стоялъ задумчиво, прислонясь къ стѣнѣ. Ему было жаль Сакуру. Онъ не такъ жалѣлъ ее, какъ жену, а какъ че-

Digitized by Google

ловѣка, опасаясь, чтобы жизнь ея не стала слишкомъ тяжелой и тягостной для нея же самой.

— Кто онъ и что за человѣкъ?—спросилъ онъ.

— Депутатъ, депутатъ...—сказала Шимизу.

— Ну, пусть будетъ такъ, какъ того желаетъ Сакуру: я здѣсь ни при чемъ,—сказалъ Квазоки и въ тотъ же день забылъ о существованіи бѣглянки.

Умэ въ этотъ день уже имѣла возможность повидаться съ докторомъ Андріяши и сообщила ему о подвигѣ своей сестры. Докторъ назвалъ Умэ и себя трусами.

— Депутатъ молодецъ,—сказалъ онъ,—а мы боимся своей собственной тѣни. Мнѣ кажется, что ты меня не любишь!

— Я не люблю тебя, — сказала Уме, — но я готова на что угодно. Идемъ къ Квазоки и скажемъ ему: мы любимъ другъ друга, какъ онъ любитъ Атами, можетъ ли онъ Атами отдать кому-нибудь, когда они другъ друга любятъ?

— Идемъ!

Они пришли въ кабинетъ Квазоки, который сидѣлъ среди кипы бумагъ и книгъ.

— Квазоки, ты отдалъ бы свою Атами кому-нибудь, когда она тебя любитъ и ты ее?

— Что за вопросъ?

— Я спрашиваю...

— Нѣтъ, не отдамъ.

— Я люблю доктора и не хочу тебѣ его отдать, — сказала Умэ.

— Онъ мнѣ совершенно не нуженъ, — отвѣтилъ холодно Квазоки.—Что касается твоей любви, то кого ты, собственно говоря, не любишь?

— Безъ дерзостей! Я не Сакуру, которая бѣжала, оставивъ тебѣ всѣ свои тряпки и наслѣдство отца, чтобы только избавиться отъ тебя. Я прошу выслушать меня. Если тебѣ нужно мое состояніе, то бери, но душа и тѣло принадлежатъ мнѣ.

— О, о, еще что?

— И вотъ, я сегодня уѣзжаю съ докторомъ навсегда!

— Умэ! Ты серьезно это говоришь?

— Серьезно.

— Богъ съ тобой, иди. Но ни одной іены я тебѣ не дамъ. Ты и Сакуру опять придете ко мнѣ!

Квазоки махнулъ рукой—и они удалились.

Всѣ женщины бросились съ плачемъ за Умэ. Поднялся невозможный вой. Умэ стало жалко.

— Нѣтъ, Андріяши, иди къ себѣ на квартиру. Я

Digitized by Google

должна остаться здѣсь. Квазоки добрый человѣкъ. Онъ не бросился на меня съ кулаками, онъ не тронулъ тебя пальцемъ. О, Атами, будь моей старшей сестрой: я буду тебѣ служить!

Она упала къ ногамъ Атами и зарыдала, какъ ребенокъ.

— Умэ, Умэ, встань!—тормошила Атами, — развѣ я тебѣ плохо служила, что ты меня перестала любить? О, боги, все, все для сестры готова я сдѣлать!

Атами сѣла на мать и стала плакать вмѣстѣ съ сестрой. Завидѣвъ такую сцену, докторъ Андріяши взялъ рикшу и уѣхалъ домой.

Квазоки долго ходилъ мрачный по кабинету и не могъ понять, чѣмъ могъ понравиться этотъ докторъ его женѣ, — женѣ, которая для него была главнымъ секретаремъ въ дѣлахъ и вѣрной помощницей. Онъ нажалъ звонокъ и потребовалъ къ себѣ мусмэ.

Мусмэ явилась.

— Гдѣ Умэ?—спросилъ онъ.

— Сидятъ и плачутъ вмѣстѣ съ Атами.

— Плачутъ... Ну, если мои жены плачутъ, то я долженъ радоваться. Скажи имъ, что слезы мои льются вовнутрь моей груди. Я плачу молча, какъ долженъ плакать всякій мужчина!

Мусмэ удалилась.

Пріѣхала Умэ Тсуда. Она привезла статью отъ графа Окума. Графъ Окума опять дѣлалъ штурмъ на редакцію „Мира“ и предлагалъ отлитую бомбу по адресу всѣхъ противниковъ войны. На этотъ разъ не въ такой адской формѣ, какъ прежде, но почти тоже самое.

Квазоки посмотрѣлъ на статью и положилъ на столъ, прижавъ пресъ-папье. Онъ позвонилъ къ секретарю.

Явился секретарь.

— Графъ Окума прислалъ статью,—сказалъ Квазоки, — и проситъ ее помѣстить въ „Мирѣ“. Я противъ этого ничего не имѣю, но подъ статьей сдѣлайте оговорку въ такомъ духѣ: „Помѣщая статью графа Окума, мы полагаемъ, что отъ этого солнце не станетъ, а умные люди не поглупѣютъ. Мы совершенно не раздѣляемъ взглядовъ съ премьеромъ воинствующей партіи“.

— Слушаю.

Секретарь взялъ статью и понесъ въ свой кабинетъ.

Мундо явился со своей статьей, которая касалась японскихъ „преторіанцевъ“. Въ своей статьѣ Мундо старался показать,

Digitized by Google

что японскіе военачальники пріобрѣли такую власть, что по собственному желанію скоро будутъ возводить на престолъ любого изъ потомковъ шогуната. Онъ указывалъ на паденіе нравовъ среди аристократіи; на страшную гидру всевозможныхъ партій, на бѣдность простыхъ рабочихъ и на ужасную проституцію среди женщинъ.

Умэ Тсуда нашла, что Мундо правъ, но правъ, въ свою очередь, и графъ Окума, потому что каждый человѣкъ можетъ имѣть свое мнѣніе. Она къ политикѣ, нравамъ и женскому движенію за послѣднее время стала относиться совершенно безразлично. Она пошла на половину къ женщинамъ, узнала о подвигѣ Сакуру и уѣхала домой.

Статья на другой день появилась съ примѣчаніемъ редакціи и вызвала всевозможные толки и кривотолки. Боевая партія истолковала это во свою пользу. Одна изъ газетъ прямо сказала: „Даже „Миръ“ и тотъ уже сталъ подвигаться къ войнѣ и печатаетъ статьи графа Окума, хотя и съ оговоркой, тогда какъ ранѣе этого даже микадо не могъ бы помѣстить ничего подобнаго въ этой газетѣ“. Эта насмѣшка встряхнула нѣкоторыхъ премьеровъ, и они заговорили еще громче въ министерствѣ и парламентѣ.

Квазоки понялъ, что промахнулся, и сталъ мстить Умэ Тсуда. Онъ помѣстилъ нѣсколько статей, касающихся женскаго движенія, и злостно осмѣялъ тѣхъ бабъ, которые берутъ на себя роль искательницъ приключеній.

Умэ Тсуда явилась, чтобы на эти статьи помѣщено было опроверженіе, но Квазоки только этого и поджидалъ. Онъ приказалъ своимъ мусмэ выпроводить благородную матрону за дверь.

— Не надо, не надо,—кричала Умэ Тсуда,—я сама пойду. Но, помните, Квазоки, вы поплатитесь за этотъ грубый пріемъ!

Затѣмъ ихъ дружба кончилась. Началась родовая месть, которая входитъ въ тѣло и душу японки, когда ее оскорбятъ. Квазоки мало обращалъ вниманія на злые языки и сплетни и продолжалъ травить волчицу.

Къ этому времени японскіе журналисты постарались доказать въ журналѣ „Три Глаза“, что г-жа Умэ Тсуда безусловно корректная особа, и кромѣ дѣлъ благотворительности, широкаго просвѣщенія—за ней особыхъ проступковъ не замѣчалось. Что же касается флирта, то что особеннаго, если женщина въ сорокъ лѣтъ позволитъ себѣ маленькую шалость?

Умэ Тсуда махнула рукой на родовую месть и стала за-

Digitized by Google

ниматься маленькимъ флиртомъ. Она подыскала себѣ банкира, который оказался сторонникомъ женскаго движенія.

Послѣ такихъ благопріятныхъ стеченій обстоятельствъ — все успокоилось и вошло въ обычную колею.

Однако, совсѣмъ не то стали дѣлать и думать въ политическомъ мірѣ.

Тамъ росла шовинистская гидра. Она уже окрылилась, разставила свою пасть и водила только головой, поджидая подходящаго случая. Кто-то изъ японскихъ корреспондентовъ, живущихъ въ Петербургѣ, помѣстилъ въ „Токіо" статью, въ которой пытался доказать, какъ настоящій японскій шпіонъ, что напрасно японское правительство расчитываетъ на какія-бы то ни было уступки... Все это проволочки и никакихъ уступокъ це будетъ, ибо Россія задалась цѣлью свято оберегать свои владенія на Квантунѣ и даже мечтаетъ насчетъ захвата острововъ Ниппонъ. Онъ ссылался на статьи англійскихъ, германскихъ, американскихъ журналистовъ, и отъ себя добавилъ: „все это проволочки, которыя будутъ тянуться до тѣхъ поръ пока русскіе успѣютъ укрѣпить свои крѣпости и перекинутъ въ Манчжурію такое количество войскъ, когда уже желтый „макака" для нихъ будетъ не опасенъ!"

Статья эта произвела какъ разъ то самое дѣйствіе, какое необходимо было доказать микадо.

Въ январѣ поднялся новый бунтъ въ нѣкоторыхъ округахъ Японіи, а 27-го числа японская эскадра атаковала „Корейца" и „Варяга" подъ Чемульпо. Въ тоже самое время японскіе миноносцы произвели внезапную минную аттаку на русскую эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артуръ.

Олигархія взяла верхъ. На улицахъ Токіо кричали: „Русскіе броненосцы: „Ретвизанъ", „Цесаревичъ", и крейсеръ „Паллада" получили пробоины; „Кореецъ" и „Варягъ" подъ Чемульпо взорвали сами себя"...

Побѣда! побѣда! Большія глотки орали на всѣ улицы. Манифестанты устроили овацію у дворца микадо. Вся цвѣтущая царская фамилія показалась народу, что было знакомъ чрезвычайной важности, ибо простой смертный долженъ падать на колѣни и закрывать глаза. Всѣ эти принцы, маркизы, графы, виконты и бароны, которыхъ насчитывается свыше шестисотъ, устроили для народа особый праздникъ, на которомъ обжирались большія глотки.

Самъ Муцу-Хито сдѣлалъ парадъ своимъ войскамъ, отправляющимся на войну. Онъ ѣхалъ верхомъ на лошади, въ

Digitized by Google

сопровожденіи всей своей свиты. Все Токіо пестрѣло во флагахъ, гирляндахъ зелени, цвѣтахъ. Букеты живыхъ цвѣтовъ падали у ногъ лошади японскаго цезаря, который мрачно смотрѣлъ на волнующееся море человѣческихъ головъ. Салюты изъ орудій, милліоны ракетъ, безчисленное множество знаменъ, факеловъ, фонарчиковъ, шумъ ужасной музыки, словно всѣ гонги пытались заглушить все человѣческое.

Но цезарь ѣхалъ.

Онъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, получилъ рапорты, пропустилъ всѣ полки церемоніальнымъ маршемъ и самъ сѣлъ въ коляску и укатилъ во дворецъ. Полки съ музыкой тронулись къ пристани. Это были части войскъ, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ арміи такихъ полководцевъ, какъ Нозу, генералъ Тераучи, баронъ Кодама, маркизъ Ямагата, адмиралъ Ямамото и проч. Первая японская армія подъ начальствомъ генерала Куроки уже давно была посажена на суда и находилась въ морѣ. Такъ-же генералъ Сазаки, со своимъ лейтенантомъ Хижиката и капитаномъ Хасегава, уже держалъ курсъ въ рѣку Ялу. Предстояло отправиться маршалу Ояма и графу Кацура,—но они ждали еще распоряженія.

Народъ то и дѣло выкрикивалъ славныя имена; Кодама, Ито, Ойиши, Тераучи, Фукушима, Инуйэ, Оку. Тутъ продавали портреты адмираловъ Того и Уріу. На улицахъ происходила атлетическая борьба (джинъ-джицу). Окровавленные боксеры бились не на жизнь, а на смерть. Порядочнымъ людямъ нельзя было показаться на улицу. Это была какая-то безпорядочная свалка. Боксы сыпались, какъ горохъ и пули. Даже полиція нашла возможнымъ дать свободу этимъ мускуламъ, чтобы безпрепятственно люди могли сворачивать другъ у друга скулы.

На улицахъ трудно было пройти и проѣхать. Конки, омнибусы, фіакры, коляски, рикши со своими колясочками—все остановилось. Толпа смяла какого-то католическаго миссіонера и прошла по его трупу. Даже японскіе купчики подъ своими бумажными зонтиками кричали своимъ сыновьямъ: „если ты не положишь своей головы на войнѣ, то не возвращайся домой!“

Рестораны, чайные дома, всевозможные притоны, кофейни, таверны, кабачки—все перевернулось кверху дномъ. На улицахъ пили всевозможные напитки, бросали тутъ-же разбитую посуду, пѣли различныя воинственныя пѣсни.

Никогда еще Токіо не переживало такого умственнаго по-

Digitized by Google

мѣшательства, какъ въ эти дни. Но это былъ тотъ подъемъ народнаго духа, который требовалъ или жизни, или смерти. И свѣтопреставленіе наступило.

XXVIII.

Осада редакціи..

Наступила первая ночь послѣ объявленія войны. Высочайшій манифестъ японскаго вождя уже былъ расклеенъ на всѣхъ перекрестныхъ улицахъ. Появились ужасные плакаты, въ видѣ тѣхъ китайскихъ плакатовъ, которые были расклеены въ Пекинѣ и призывали народъ къ возстанію. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ представлены были русскіе, которыхъ японскій палачъ обезглавливалъ тупымъ орудіемъ. Тутъ на лицо всѣ пытки, и кровь, и орудія страданія, и ненависть къ бѣлымъ. Японскіе лубочники пустили въ оборотъ цѣлую тучу подобныхъ произведеній, наживая на этой дряни превосходныя деньги.

Мундо шелъ по проспекту Гинзу и смотрѣлъ на всѣ эти кровавыя драмы, которыя были расклеены даже на уличныхъ столбахъ, кромѣ различныхъ кіосковъ. Онъ видѣлъ громадные самурайскіе мечи, которые возродились во всемъ своемъ древнемъ величіи, и длинныя копья. Все было намазано кровью съ большими кровавыми кляксами.

Глубокое отвращеніе почувствовалъ онъ ко всѣмъ этимъ адскимъ измышленіямъ сквернаго духа и даже плюнулъ на одинъ плакатъ.

Вся улица была залита электрическимъ свѣтомъ. На всѣхъ лицахъ было написано какое-то сатанинское веселіе, какъ и на тѣхъ ужасныхъ плакатахъ. Ему стало страшно себя, людей, этихъ мертвыхъ рикшъ, которые мчались очертя голову куда-то со своими сѣдоками.

Вдругъ онъ услышалъ голосъ за собою.

— Мундо! Мундо! Обожди!

Мундо остановился. Онъ окинулъ глазами несущуюся толпу людей по тротуару и узналъ блѣдную Міяки.

— Міяки... Ты зачѣмъ здѣсь?

— О, скорѣе поѣдемъ домой!—вскричала Міяки.

— Что случилось? Убили кого-нибудь?

— Нѣтъ, не убили. Но пришли бродяги и разбросали всю редакцію. Квазоки спрятался въ садъ.

— А Атами? Умэ? Кику?

Digitized by Google

— Живы, живы. Они всѣ къ саду.

— Гдѣ же ваши наборщики?

— Всѣ разбѣжались.

— И секретарь?

— И секретарь.

— А г. Шимада?

— О, г. Шимада такъ плакалъ, какъ ребенокъ. Онъ лежитъ во флигелѣ и все плачетъ.

Мундо взялъ рикшу, усадилъ Міяку, и они поѣхали на улицу Рѣдкостей.

Рикша мчался галопомъ, какъ умное и превосходное животное, хотя и въ образѣ человѣка. Онъ фыркалъ носомъ и воображалъ себя на полѣ битвы.

— Капитанъ, я иду на войну,—оралъ рикша на ходу.

— Ну, что же иди,—отвѣтилъ Мундо,—ты все равно ничего не теряешь!

— О, какъ не теряю: мать, сестра... ба-а-бушка!

— Чего же ты радуешься?

— Саке, саке... Будетъ много саке!

Рикша прервалъ свой разговоръ и круто повернулъ свою колясочку въ узкій переулокъ, гдѣ не такъ было много народу. Огромные сады, съ нависшими на заборы кущами темныхъ вѣтвей, которыя представляли рядъ какихъ-то чудныхъ кружевъ, съ просвѣтомъ ночныхъ небесъ,—потянулись на далекое пространство. Причудливое марево облаковъ, въ хороводѣ своихъ звѣздъ, блѣдный тэримасъ, который выглядывалъ по ту сторону сада—все это поэтически настраивало душу. Вся эта красота, чудная и томительная, совершенно не вязалась съ кровавымъ воображеніемъ народа, который не прочь былъ устроить нѣчто вродѣ Варѳоломеевской ночи. Трудно было вообразить, что этотъ маленькій народъ вздумаетъ окрылиться такой воинственной вакханаліей. Скорѣе можно было предположить, что это настала Вальпургіева ночь, со всѣми японскими колдунами, вѣдьмами и проч.

Мундо смотрѣль на эти безмолвные сады, на эти темныя очертанія деревянныхъ и каменныхъ построекъ и думалъ о судьбѣ народа. Ему стало душно въ этомъ громадномъ городѣ, который представлялъ изъ себя громадную вавилонскую деревню. Онъ всматривался въ контуры всевозможныхъ мрачныхъ зданій въ видѣ римскаго Колизея и находилъ, что нація обрекла себя на гибель.

„Вотъ они, эти дворцы шогуновъ, падутыхъ и чванныхъ дайміо, самураевъ, ихъ гробницы, ихъ шинтоскіе храмы, съ

Digitized by Google

идолами, усыпальницами предковъ. Все это давно перестало жить. Все это прелестная сказка изъ тысячи и одной ночи, гдѣ больше домововъ и предразсудковъ, чѣмъ истинной поэзіи и любви". Онъ вспомнилъ, какъ еще недавно онъ посѣтилъ одинъ японскій шинтоскій храмъ, гдѣ на дверяхъ онъ прочелъ надпись: „Никогда не входите въ сапогахъ въ японскій домъ, тѣмъ болѣе въ храмъ. Цыновки замѣняютъ наши кресла и диваны: что бы мы сказали, еслибы кто забрался на нашъ диванъ въ грязныхъ сапогахъ?" И рядомъ съ тѣмъ онъ вспомнилъ, какъ, еще ребенкомъ, онъ смотрѣлъ на этотъ культъ поклоненія природѣ: богамъ вѣтра, океана, огня, моровой язвы, горъ, рѣкъ, деревъ, холмовъ... Въ общемъ около 8 милліоновъ боговъ. Вотъ она, главное божество народа, лучезарная Аматерассу, богиня солнца, рожденная изъ лѣваго глаза Иза-наги, творца Японіи. Изъ его праваго глаза рождена богиня луны, а изъ носа—неукротимый богъ Суза-но-о, который плѣнилъ свою сестру, за что и получилъ соотвѣтственное возмездіе. Богиня солнца—родоначальница династіи микадо, которые въ непрерывномъ преемствѣ царствуютъ отъ сотворенія міра и олицетворяютъ боговъ, а ея храмъ въ Исе—японская Мекка! Вотъ онъ въ другомъ шинтоскомъ храмѣ. Храмъ посвященъ сонму боговъ, которые произошли по приказанію шогуновъ и героевъ древности. Одни пользуются повсемѣстнымъ почитаніемъ, другіе извѣстны только въ данной мѣстности. Остальные считаются родоначальниками жреческихъ родовъ. Онъ помнитъ, какъ на его глазахъ причисляли одного японскаго капиталиста къ сонму боговъ. Его идолъ былъ сдѣланъ въ Англіи. Рядомъ съ нимъ поставили еще британскаго лидера, который тоже удостоился превратиться въ бога. Такихъ апоѳеозовъ было много.

Онъ вспомнилъ, какъ жрецъ (каннуша), ничѣмъ особеннымъ не отличающійся отъ простыхъ мірянъ, только во время жертвоприношеній одѣтый въ длинную, широкую мантію, съ широкими рукавами, стянутый кушакомъ, гладилъ его по головѣ морщинистой рукой. Онъ былъ въ черной шляпѣ, съ бѣлой повязкой на головѣ. Онъ видѣлъ много другихъ жрецовъ, съ такими же головными уборами. Они сновали, какъ тѣни, по длинному корридору храма съ колоннами. Вотъ жрецы, не связанные обѣтомъ безбрачія, а вотъ и молодыя жрицы, для которыхъ жизнь также полна таинственности и ужаса, какъ и для самыхъ жрецовъ.

Предъ его воображеніемъ встали тѣни этихъ маленькихъ женщинъ. Онѣ исполняли танецъ (кагура) и мимически кри-

Digitized by Google

влялись на всѣ стороны. Онѣ не связаны обѣтомъ безбрачія и въ своихъ религіозныхъ мимическихъ танцахъ только и думаютъ о выходѣ замужъ или просто пристроиться. Во время церковной службы происходили предложенія: риса, рыбы, плодовъ, растеній, дичи, животныхъ, рисоваго пива и проч. Все это сопровождалось музыкой, танцами, кривляніями, и всѣ посвященные въ это темное дѣло говорили на архаическомъ языкѣ, который совершенно непонятенъ народу.

Но чему учитъ шинтоизмъ?

Онъ говоритъ: „Слѣдуйте вашимъ естественнымъ склонностямъ и повинуйтесь повелѣніямъ микадо". Вотъ все нравственное ученіе шинтоизма. Здѣсь нѣтъ особой практики, нѣтъ наградъ и наказаній въ загробной жизни, и нѣтъ добрыхъ стимуловъ къ поддержанію доброй нравственности.

Всякій развратъ возможенъ, ибо нѣтъ никакихъ преградъ къ отправленію естественныхъ склонностей. Но этихъ склонностей такъ много, что Мундо положительно сталъ втупикъ, и первый разъ въ жизни изумился предъ всей нелѣпостью подобной мудрости, хотя очень простой и очевидной.

Онъ вполнѣ справедливо подумалъ:

„Да въ самомъ дѣлѣ, не эта ли необузданная естественная склонность привела насъ къ противоестественному рѣшенію объявить войну великому народу, который несомнѣнно, въ концѣ концовъ раздавитъ насъ окончательно? Что такое „Шинто"? Развѣ это не китайское слово (что значитъ „дорога боговъ"), взятая послѣ введенія буддизма, въ отличіе народной вѣры отъ индійской религіи? Вѣдь это одна изъ тѣхъ сектъ, какія существуютъ среди всѣхъ народовъ, когда главные догматы морали перестаютъ удовлетворять духовную сторону человѣка—и на этой почвѣ выростаютъ молодые побѣги. Одни изъ этихъ всходовъ заключаютъ въ себѣ жизненные элементы, а другіе—смерть и разрушеніе. Самое нелѣпое и есть самое вѣчное, и предъ этимъ зерцаломъ стоитъ все умное и живое, совершенно забывая свое человѣческое достоинство: сердце, разумъ и душу". Онъ изучалъ когда-то, по французскимъ источникамъ, расколъ и секты русской церкви, но здѣсь среди всевозможныхъ лжеученій онъ находилъ общую связь съ тою же церковью. Всѣ эти лжеучители: Андріаны, Лассіи, Димитріи, Поликарпы, поповцы, безпоповцы, раскольники—плодъ плохого разумѣнія той истины, которая является въ томъ или иномъ видѣ для сектанта. Но здѣсь"... Мундо отвелъ глаза и увидѣлъ священную рощу. Тамъ, за оградой, стояли истуканы, вооруженные лукомъ и стрѣлами, такъ на-

Digitized by Google

зываемые „зунжинъ“. Они охраняли входъ въ храмъ. Каменныя изваянія собакъ (ама-ину и кома-ину) стояли у воротъ, имѣя власть изгонять демоновъ. Самъ храмъ былъ настолько простой архитектуры, настолько былъ бѣденъ; клочья соломы, тростника и кипарисовой коры какъ бы падали кусками съ этой плоской крыши. Онъ вспомнилъ внутренность этого храма, въ которомъ ему пришлось часто бывать, ибо родители хотѣли посвятить его на служеніе богамъ.

Вотъ внутренность храма. Она раздѣлена на два отдѣленія (хонша или хонденъ). Въ заднемъ—эмблемы бога: зеркало, мечъ, драгоцѣнный камень. Три символа. Отдѣленіе всегда закрыто. Въ переднемъ отдѣленіи висятъ ленты изъ бѣлой бумаги (гохеи). Далѣе идетъ молельня—„хайденъ“. Къ ней примыкаетъ крытый ходъ (ай-но-ма). Передъ входами въ молельню виситъ колоколъ и стоитъ большой ящикъ для даровъ. Жрецы не только угождаютъ богамъ, но и питаются изъ этого ящика. Затѣмъ, идетъ водоемъ „ми-тараши“ для омовенія рукъ передъ молитвой. Двѣ ограды „ита-гаки“ и „гама-гаки“. Мундо показалось, что и теперь стоитъ этотъ бездушный монахъ, возлѣ воротъ, въ наружной оградѣ (торіи). Вотъ этотъ монахъ идетъ въ канцелярію храма и въ библіотеку (бунко). То гуляетъ по священной рощѣ, въ обществѣ молодыхъ жрицъ или отправляется въ ризницу (хозо). Если нѣтъ жертвоприношеній (шинсенжо), онъ отправляется въ крытую галлерею (куайро) или идетъ на помостъ древнихъ символическихъ танцевъ (кагура). Самая же счастливая для него минута, когда онъ находится въ „залѣ собранія“ среди всѣхъ жрецовъ, которые обсуждаютъ свои дѣла и восхваляютъ милости боговъ. Но при храмѣ есть конюшня для священной бѣлой лошади (жимме), которая содержится за счетъ богомольцевъ на полномъ корму и оберегается самими жрецами. Эта лошадь предназначена для бога войны, который имѣетъ воскреснуть въ видѣ новаго микадо, а таковой долженъ тогда войти въ священную конюшню и взять для себя коня. Въ представленіи этихъ фанатиковъ, такой вождь долженъ побѣдить весь міръ. Но Мундо думалъ: „Это еще бы половина была горя, если бы все ограничилось простымъ народомъ, но такими высокими помыслами заняты всѣ государственные люди Японіи. Они поддерживали духъ религіи и часто садились на этого священнаго коня, воображая себя тѣмъ воскресшимъ микадо, который долженъ побѣдить міръ“.

Все это представилось въ воображеніи Мундо и онъ понялъ корень всѣхъ причинъ, въ силу чего микадо объявилъ

Digitized by Google

войну Россіи. Кромѣ этого храма, храма всякихъ Шинтовъ, появился еще другой храмъ—капище первыхъ піонеровъ буддизма. Послѣ контръ-революціи въ 1868 году, когда власть микадо была возстановлена, такъ называемыя двѣ секты „ріобу-шинто“ и „шинъ-буцзу-конко“ (воплощеніе миріадъ боговъ и богинь), которыя учили о переселеніи душъ въ животныхъ, что значительно подрывало престижъ жрецовъ и самого микадо, который могъ переселиться въ коня или корову,—эти двѣ секты умерли. Но съ ними исчезли и тѣ скульптурныя произведенія, которыя отвергаются въ чистомъ шинтоизмѣ. Ревнители чистаго шинтоизма уничтожили всѣ пагоды, великолѣпные алтари. Даже шинтоскіе боги Компира и Хациманъ лишились главнаго своего украшенія. Но школа патріотовъ добивалась своего: она раздѣлила двѣ религіи на чистый шинтоизмъ и буддизмъ, а буддійскихъ жрецовъ изгнала изъ шинтоскихъ храмовъ. Такая реставрація произошла въ среднихъ вѣкахъ, но она не могла истребить унію, которая старалась примирить эти два ученія. Въ старыхъ разрушенныхъ капищахъ Ріобу-шинто и Шинъ-буцзу-конко происходили тайныя богослуженія, что и вызвало гоненіе со стороны правительства, а также тайную инквизицію среди самихъ жрецовъ. Не останавливаясь на японскомъ буддизмѣ, съ его нирваной, кухней, барабаномъ на башнѣ, павильономъ всевозможныхъ обѣтовъ, а также и на исторіи самого буддизма,—нашъ герой забылся и погрузился самъ въ нирвану. Ему показалось, что онъ находится въ павильонѣ всякихъ обѣтовъ, а онъ въ сущности сидѣлъ въ колясочкѣ, рядомъ съ Міякой, той самой Міякой, которая томилась въ секретной тюрьмѣ въ монастырѣ Соненжи.

— Ты спишь?—спросилъ Мундо, обращаясь къ своей женѣ.

— О, нѣтъ: я пою въ душѣ гимнъ къ храму Хасе...

— Какой гимнъ?

— Развѣ ты не знаешь? Этотъ гимнъ знаютъ всѣ.

Она взяла за руку своего друга и тихимъ голосомъ запѣла:

Ику таби мо,
Майру кокоро ва,
Хацзусе-дера
Яма мо цикай мо
Фукаки тани-гава [1]).

[1]) Каждый разъ, когда я прихожу въ храмъ Хасе, мнѣ кажется, что я здѣсь въ первый разъ: милосердіе Куаннонъ выше горъ и глубже морей.

Digitized by Google

Міяка кончила этотъ куплетъ и глубоко вздохнула, какъ бы призывая милосердаго Куаннонъ въ свое сердце. Ей было пріятно сидѣть съ своимъ прекраснымъ божкомъ, который въ сущности былъ выше горъ и всякихъ морей.

— Мнѣ нравится эта молитва,—сказалъ Мундо,—но не нравится, что ты настолько предана этимъ богамъ, что совершенно забываешь меня и нашего сына. Гдѣ нашъ Кику?

— Кику въ саду. Его унесла мусмэ...

— Ради боговъ скажи, что тамъ такое случилось? Въ чемъ настоящее дѣло?

— Цѣлая шайка соши бросилась на нашъ домъ и разграбила окончательно. Все испорчено, помято, окна и двери сломаны. Книги такъ ужасно перемѣшаны, что ты не найдешь любимой своей книги. Какъ будто сами дьяволы прошли по всѣмъ нашимъ сокровищамъ!

— А полиція?

— О, полисмэны кричали: „Ломай, тащи и давай сюда!“

— Полисмэны?

— Да.

Мундо задумался. Онъ понялъ, что это одна изъ тѣхъ выходокъ, какія вообще практиковались среди людей враждебной оппозиціи. Все произошло потому, что настало царство кулака, сильнаго своимъ невѣжествомъ. Царство всевозможныхъ японскихъ и китайскихъ пиратовъ, морскихъ и сухопутныхъ разбойниковъ, но отнюдь не мирныхъ гражданъ, которые заняты созидательной, творческой работой. „О, проклятіе на вашу голову“,—подумалъ Мундо и сталъ всматриваться въ даль.

Рикша сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ и остановился возлѣ редакціи.

XXIX.

Нѣсколько драмъ въ одинъ день.

На улицѣ Рѣдкостей было тихо. Изрѣдка лишь проходилъ тотъ или иной прохожій, бормоча про себя свои собственныя думы и размышленія. Блѣдный тэримасъ уже свѣтилъ по ту сторону мрачныхъ домовъ. Кое-гдѣ мерцали слабыя точки звѣздъ и причудливо чернѣли деревья, какъ темныя, неподвижныя фигуры, закутанныя въ темный траурный флеръ.

Мундо стало жутко. Онъ соскочилъ съ колясочки, помогъ

Digitized by Google

сойти блѣдной Міякѣ и расплатился съ рикшей. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и натолкнулся на какой-то пустой боченокъ. Далѣе шагнулъ—предъ нимъ лежала доска „Мира“, которая красовалась на стѣнѣ этого дома. Теперь она лежала, исковерканная, обезображенная, какъ обыкновенная доска, не внушающая никакого представленія о редакціи. Въ калиткѣ двери были поломаны и дверца лежала какъ-то бокомъ, какъ убитый на полѣ сраженія. Какой-то ворохъ книгъ, бумагъ, ящиковъ, камни, колья, разбросанный наборъ іероглифовъ.

Мундо понялъ, что здѣсь произошло генеральное сраженіе. Онъ уже не размышлялъ, а спѣшилъ найти своихъ друзей, чтобы съ ними оплакать это побоище. Онъ чуть было не упалъ, зацѣпившись ногою, за какой-то опрокинутый стулъ, который валялся въ саду. „Проклятые!“—пробормоталъ онъ, и бросился во флигель. Вездѣ было темно. Темно было въ домѣ, въ саду, во флигелѣ, и даже дворовыя собаки разбѣжались по чужимъ дворамъ.

— Гдѣ Квазоки? Гдѣ г. Шимада?—стучалъ кулаками въ оконную раму Мундо.

— Мундо, это ты?—выглянула старая Шимизу.

— Я... я... отворяйте!

— О, Суза-но-о, Иза-наги... ты живой! А гдѣ же Міяка?

— Міяка здѣсь.

— Міяка здѣсь? Ну, теперь я могу спокойно умереть, ибо мои дѣти всѣ на лицо. О, Аматерассу, ты сохранила мнѣ моихъ дѣтей отъ ярости лютыхъ волковъ и гіенъ. Да будетъ твоя воля!

Старая Шимизу отворила дверь и чуть было не растянулась на порогѣ. Она отъ волненій до того опустилась, исхудала, что въ ея тѣлѣ едва теплился душевный огонекъ.

— Гдѣ же Умэ? Атами?

— О, всѣ, всѣ здѣсь... И Сакуру здѣсь...

— И Сакуру здѣсь?

— И Сакуру здѣсь.

Мундо вошелъ во флигель, гдѣ за ширмочками всхлипывали всѣ женщины, оплакивая одну фаворитку, которая отъ испугу бредила и сквозь сонъ призывала боговъ. Онъ поздоровался со всѣми и самъ сталъ плакать. Слезы катились изъ его глазъ, какъ у маленькаго мальчика, которому жаль своихъ разбитыхъ надеждъ и игрушекъ. Онъ чувствовалъ, какъ холодныя, соленыя капли, имѣющія вкусъ морской воды, катились по его исхудалымъ щекамъ. Шимада приподнялъ свою голову съ мата и опять опустилъ на матъ. Онъ стоналъ,

Digitized by Google

какъ больной, котораго вытащили изъ огня и обдали холодной водой. Квазоки сидѣлъ на матѣ, всогнувшись комочкомъ, и думалъ о тѣхъ дняхъ, когда онъ жилъ въ разныхъ клоакахъ среди нищихъ и оборванцевъ. Міяка бросилась обнимать своихъ подругъ и въ особенности набросилась на Сакуру.

— Сакуру, Сакуру...—кричала она отъ восторга,—какимъ чудомъ ты здѣсь явилась?

— О, сестра, мой депутатъ убитъ на скачкахъ. Онъ хотѣлъ показать, какъ будетъ русскихъ убивать, и самъ натолкнулся на барьеръ и голова его разбита въ дребезги!

— Въ дребезги? Какая ужасная смерть!

Сакуру обняла Міяку и стала съ нею плакать. Плакали всѣ навзрыдъ. Плакали даже мусмэ, подражая своимъ господамъ, печаль которыхъ, какъ и веселье, надо раздѣлять наравнѣ со всѣми. Затѣмъ слезы перестали литься. Старая Шимизу ходила по своему лазарету и молилась богамъ. Она разожгла предъ большимъ идоломъ большой жертвенникъ, навалила туда цвѣтовъ, плодовъ и стараго пѣтуха, покурила ароматными палочками, и злые демоны оставили домъ.

Начала заниматься заря. Коэнъ погружался не въ сонъ, какъ во время заката, а одѣвался въ розовыя мечты и иллюзіи. Сверкнула дивно-оранжевая полоса свѣта, засверкали лучи восходящаго солнца, и ручеекъ сталъ журчать, радоваться, звучать, какъ нѣжная мелодія, подъ плескъ воды и шумъ деревъ. Въ этой музыкѣ всевозможныхъ звуковъ, въ этихъ краскахъ всевозможныхъ тоновъ, чувствовалась гармонія природы. Тихій вѣтерокъ, ласковый шелестъ сухихъ листьевъ, глухой шумъ воды—все это такъ похоже было на шумъ бамбуковыхъ лѣсовъ и пальмовыхъ деревьевъ. Небо постепенно стало облекаться въ новыя и новыя одежды, какъ та утренняя красавица востока, которая не знаетъ, какой нарядъ будетъ ей къ лицу и какой туалетъ понравится тому богу, предъ которымъ она молится въ мечтахъ и грезахъ. Синее, полосатое, какъ расшитое въ золото кимоно, съ тонкой воздушной лазурью, это небо совсѣмъ походило на Атами, которая вышла, послѣ всѣхъ тревогъ ночи, погулять въ коэнъ.

Она пошла въ гротъ любви, чтобы погрезить предстоящимъ материнскимъ счастьемъ.

„Да,—думала она,—младенецъ давно просится на свѣтъ: онъ стучитъ въ моемъ желудкѣ. Что это будетъ, мальчикъ или дѣвочка? О, я буду любить мое прекрасное дитя! Пусть оно

Digitized by Google

будетъ уродомъ, но я отдамъ ему сердце и душу!" Она подошла къ гроту, взглянула на сверкающій ручеекъ, и пошла обратно. Она уже была возлѣ флигеля, но вдругъ почувствовала родовыя боли...

— Мнѣ дурно... я упаду! — вскликнула Атами и тѣло ея зашаталось. Старая Шимизу подбѣжала и поддержала ее.

— Мусмэ, мусмэ!—кричала Шимизу,—скорѣе сюда!

Мусмэ сбѣжались со всѣхъ сторонъ. Атами была блѣднѣе утренняго восхода и глаза ея наполнились страданіемъ. Послѣ каждого приступа боли, она плотно стискивала свои губы и стучала зубами, какъ въ лихорадкѣ. Ее внесли во флигель и положили на матъ. Мужчины удалились, кромѣ одного Квазоки, который страдалъ вмѣстѣ съ Атами.

Приглашена была повивальная бабка. Черезъ часъ на свѣтъ явилось маленькое созданіе, плодъ тяжелыхъ размышленій, пріятныхъ минутъ и любви. Атами сдѣлалась матерью. Повивальная бабка заявила, что ребенокъ жить не будетъ, ибо родился ранѣе срока на нѣсколько дней.

— Какая причина?—спросилъ Квазоки, по секрету, отведя бабушку въ сторону, чтобы не слыхала жена.

— Перепугъ. Нападеніе на вашъ домъ отразилось на бѣдномъ малюткѣ. Но, — добавила бабушка, —возможно, что малютка будетъ жить, если окуривать его ароматными свѣчками и давать глотать священныя лепешки.

Старая Шимизу согласилась съ бабушкой. Квазоки не возражалъ. Онъ понялъ, что въ словахъ бабушки есть своя доля правды, но свѣчки и лепешки—едва ли въ этомъ помогутъ. Онъ хотѣлъ послать за докторомъ, но докторъ Андріяши тутъ какъ тутъ. Онъ услыхалъ о нападеніи на домъ Квазоки и явился раздѣлить съ нимъ горе.

— Ахъ, докторъ,—сказалъ Квазоки,—какъ вы кстати. Атами родила мнѣ сына, но бабушка говоритъ, что роды преждевременные: это живой выкидышъ, который испугомъ матери обреченъ на преждевременную смерть. Правда ли это?

— Бываетъ, бываетъ,—сказалъ докторъ, — въ особенности если родильница принадлежитъ къ нервнымъ и малокровнымъ женщинамъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Надо купать мать и ребенка въ ваннѣ, соблюдать діету, желудокъ въ чистотѣ... и пить травы.

— Какія? какія? ради боговъ: я вамъ сейчасъ дамъ деньги на это дѣло!

— Устроимъ, устроимъ... Не безпокойтесь!

Digitized by Google

Докторъ сѣлъ на пустой боченокъ, лежащій бокомъ, написалъ рецептъ и отправилъ въ аптеку съ мусмэ, а самъ пошелъ къ больной. Онъ нашелъ Атами въ бодромъ видѣ. Больная ѣла бульонъ, пила чай и ощупывала свои груди, которыя слишкомъ налились молокомъ. Докторъ взялъ грудь въ руку, пустилъ молоко, полизалъ языкомъ и, выплюнувши, сказалъ:

— Ребенокъ будетъ жить. Испугъ только помогъ скорѣе отдѣлаться матери отъ своего бремени!

Атами улыбалась. Ей было пріятно сознавать, что ребенокъ будетъ жить, а ея молоко, молоко чистой любви, годится для маленькаго крошки.

Самъ Квазоки избралъ для своего сына имя. Онъ назвалъ его просто Ми: это значитъ, что онъ родился отъ мира. Но Ми уже обнаруживалъ совершенно не тѣ мирныя склонности, какія имѣлъ въ виду отецъ. Онъ сжималъ плотно кулачки, какъ бы загребая золото или собираясь сдѣлаться боксеромъ. Маленькій Кику пришелъ посмотрѣть на Ми. Онъ уже ходилъ и его голова была бритая по обычаю. Онъ посмотрѣлъ на Ми, сдѣлалъ удивленное лицо и пошелъ обратно въ двери, карабкаясь черезъ порогъ.

Затѣмъ докторъ Андріяши подошелъ къ Умэ. Умэ была тоже въ тяжеломъ положеніи, хотя талія ея была еще не такъ широка, и она выглядѣла молодой дѣвицей. Докторъ пожалъ руку, сказалъ нѣсколько любезныхъ комплиментовъ и пошелъ провѣдать Сакуру. Сакура была въ траурѣ: она курила фиміамъ предъ маленькимъ божкомъ, прося о переселеніи души депутата Но-о въ какое-нибудь чистое животное, если милость боговъ отказала ему въ человѣческомъ образѣ.

Старая Шимизу замахала рукавами своего кимоно и просила доктора не мѣшать молиться.

Тогда докторъ пошелъ къ Шимада, котораго засталъ за очень сложной работой. Онъ, Мундо и наборщики, которые явились послѣ мамаева побоища, собирали цинковые іероглифы. Работа была каторжная и требовала большихъ силъ. Андріяши поднялъ нѣсколько десятковъ съ земли, но его спина начала болѣть, и онъ отказался отъ такой сложной манипуляціи.

Самъ Квазоки, съ нѣсколькими мастеровыми, трудился возлѣ поломанныхъ дверей, оконъ, вывѣски и сносилъ всю мебель обратно въ домъ.

Тутъ тоже происходила адская работа.

Докторъ пошелъ въ садъ и встрѣтилъ на дорожкѣ Умэ. Она подняла на него глаза и тихо сказала:

Digitized by Google

— Докторъ, насъ постигло несчастье, но оно не такъ велико, какъ кажется съ перваго взгляда. Васъ поражаетъ въ данную минуту весь этотъ хламъ, маты, ширмочки, подушки, которые свалены въ безпорядкѣ въ кучу... но не то-ли самое бываетъ въ человѣческой душѣ, когда человѣкъ разбиваетъ свои мысли на маленькіе отрывки, безъ всякой системы и порядка? Я помню, какъ одинъ очень извѣстный критикъ нашего времени, когда я еще была въ школѣ, говорилъ мнѣ: „вы часто повторяетесь въ своихъ рукописяхъ, вы, такъ сказать, забываете, что написано вами ранѣе, и поете на одну и ту-же тему". Согласитесь, докторъ, что есть такія мысли и темы, которыя надо безпрестанно повторять людямъ. Они забываютъ, что такъ могутъ говорить только исключительныя бездарности или люди, которые занимаются вытравливаніемъ мысли ради гонорарныхъ расчетовъ, чтобы уничтожить, ради денежныхъ расчетовъ, самую благородную мысль. И я говорю, надо повторять и повторяться, ради тѣхъ людей, которые не замѣчаютъ этихъ повтореній!

Докторъ молча слушалъ, совершенно не понимая такой высокопарной рѣчи.

— Это касается, можетъ быть, и любви? — спросилъ докторъ.

— Да, и любви,—отвѣтила Умэ.—Люди очень часто объясняются въ любви по нѣсколько разъ, совершенно не замѣчая, что ихъ не любятъ, или если любятъ, то только въ силу простого расчета.

— Я, по расчету?

— Между нами все кончено,—сказала Умэ.

— То есть, какимъ образомъ?

— Очень просто. Есть такіе мужчины, которые живутъ съ нѣсколькими женами, и они улаживаютъ свои дѣла, и ихъ любятъ женщины, потому что они достойны этого: а есть просто тряпки, которыя годятся развѣ для мусмэ, чтобы подтирать полъ.

— Я—тряпка?

— Нѣтъ, вы не тряпка, а докторъ. Но при вашей профессіи безъ тряпки никакъ нельзя обойтись!

— Но, позвольте, какъ же такъ: тряпка женскаго рода...— сказалъ докторъ.

— Тогда вы господинъ Тряпицынъ!—сказала Умэ, повернулась и стала уходить.

Она живо направилась во флигель, совершенно такъ, какъ будто уходила отъ ненавистнаго человѣка. Андріяши оконча-

Digitized by Google

тельно былъ сраженъ громомъ. Онъ не понималъ причины такого разочарованія и женской ненависти. Онъ постоялъ на мѣстѣ нѣсколько минутъ и затѣмъ побрелъ къ мужчинамъ. Его начала разбирать злость. Онъ такъ превосходно отнесся къ больной, такъ былъ ласковъ со всѣми домашними, и вдругъ какой-то „Тряпицынъ",—имя, которое годилось бы для русскаго врача или британскаго, даже халдейскаго, но отнюдь не японскаго.

„Я не „Тряпицынъ", а „Андріяши",—думалъ врачъ, стуча зубами отъ злости. Онъ хотѣлъ пройти прямо въ калитку, но ему помѣшалъ Шимада, который усердно собиралъ возлѣ калитки свои идеографическіе знаки. Этотъ согнувшійся господинъ сталъ какъ разъ поперекъ дороги.

— Вы все еще работаете?—спросилъ насмѣшливо врачъ.

Онъ свою злость перенесъ на Шимада.

— Работаю,—отвѣтилъ Шимада.

— А я думаю отправиться въ Іокогаму и тамъ, около голубого моря, на зеленомъ лугу Такашима-яма полюбоваться на демократическіе танцы нашихъ гейшъ. Вѣдь тамъ ихъ цѣлая сотня!

— Что же, превосходно. Только какое тамъ зеленое поле? Теперь, я думаю, все вытоптали, да къ тому же погода не особенно важная!

— О, отличная, отличная...—сказалъ Андріяши.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но въ калитку вошла его мусмэ съ пакетомъ. Докторъ взялъ пакетъ изъ рукъ мусмэ, вскрылъ его и ужаснулся. Вслѣдствіе призыва войскъ, а въ томъ числѣ и способныхъ врачей, докторъ Андріяши призывался на дѣйствительную службу, въ качествѣ доктора при японскомъ „Красномъ Крестѣ". На бумагѣ былъ красный крестъ, но доктору прилила кровь къ головѣ и онъ былъ похожъ на этотъ красный крестъ.

„Прощайте, Умэ, гейши и милая хризантемумъ",—подумалъ онъ и сталъ собираться въ походъ.

— Куда вы?—спросилъ Шимада.

— На войну! На войну!—крикнулъ докторъ Андріяши.

— На войну... увидимся. Я думаю поступить корреспондентомъ въ армію Куроки. Буду корреспондировать въ газету „Миръ". Обождите, куда вы? Разопьемъ бутылку саке по этому случаю.

— Ха-ха-ха, миръ, хорошій это будетъ миръ?! — визгливымъ голосомъ крикнулъ Андріяши. — Нѣтъ, вы ужъ лучше ко мнѣ санитаромъ!

Digitized by Google

— Благодарю покорно. А вы коноваломъ къ Куроки. Вѣдь его лошадь нуждается во врачахъ?

Андріяши злобно повелъ своими глазами и быстро подбѣжалъ къ рикшѣ.

Рикша подхватилъ несчастнаго доктора и помчалъ его съ тою стремительностью, съ какою отправлялись японцы на войну.

Въ полдень начало хмуриться небо, накрапывалъ дождикъ. Небо заволоклось густыми тучами, которыя надвигались со стороны моря. Ждали тайфуна, но буря пронеслась надъ городомъ и затронула лишь нѣкоторыя предмѣстья.

Квазоки выглянулъ на улицу и увидѣлъ идущаго къ нему человѣка въ формѣ японскаго пристава.

— Квазоки—вы?—спросилъ приставъ.

— Я самъ и есть.

— Вы призываетесь въ ряды дѣйствующей арміи и должны сейчасъ же явиться на сборный пунктъ,—сказалъ приставъ, вручая ему длинный листокъ, въ видѣ китайской визитной карточки.

— О, боги, что теперь будетъ съ бѣдной Атами?—сказалъ Квазоки, принимая изъ рукъ пристава этотъ смертный приговоръ. Онъ чуть было не упалъ въ обморокъ, но приставъ замѣтивъ на лицѣ его блѣдность, поддержалъ его за руку.

— Что же дѣлать, — извинялся приставъ, — обязанность. Сегодня я принесъ непріятность очень многимъ людямъ, которые принадлежатъ къ высшему сословію. Что же касается простого народа, то они идутъ охотно. Едва только шевельнетъ пальцемъ, какъ музыка, пляска, обильная выпивка. На-а-сто-ящіе патріоты!

— Вы говорите па-а-трі-оты, — передразнилъ Квазоки, — а знаете ли вы русскихъ патріотовъ? Имѣете ли вы представленіе о томъ великомъ народѣ, который имѣетъ ключи отъ всѣхъ городовъ Европы, а также и Азіи? Вы знаете русскую женщину, которая помеломъ выгоняла Наполеона, взявъ его изморомъ и голодомъ? Знаете ли вы ту мощь, которая родилась изъ лютыхъ снѣговъ и морозовъ? О, вы не знаете Россіи, той самой Россіи, которая закалила себя въ бояхъ, окрѣпла въ несчастьяхъ, и гдѣ вѣра и народъ—одно цѣлое. Довольно одного мановенія Царя—и все пойдетъ, какъ одинъ человѣкъ, какъ темный и густой лѣсъ, со всѣми своими великанами и бородатыми людьми! О, горе намъ! горе намъ! горе намъ!

Квазоки пошатнулся и упалъ...

Приставъ нагнулся, чтобы его поднять, но набѣжали мусмэ,

Digitized by Google

которыя стояли возлѣ калитки и слѣдили за своимъ господиномъ. Одна изъ нихъ бросилась къ Шимада. Выскочилъ Мундо и вообразилъ, что Квазоки умеръ. Но приставъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Какъ!—закричалъ Мундо,—микадо не щадитъ даже свободную профессію: онъ посылаетъ на смерть первыхъ людей идеи? Нѣтъ, если коснется меня, то я паду лучше отъ своей руки, чѣмъ исполню его волю. Послушайте, приставъ, идите домой, и когда вы получите предписаніе взять меня, то знайте—меня уже не будетъ въ живыхъ. Но я не сдѣлаюсь народнымъ разбойникомъ.

Приставъ пожалъ плечами и отошелъ прочь. „Это какой-то сумасшедшій", — подумалъ стражъ общественной тишины и покоя. Теперь онъ призывалъ людей на войну, и на лицѣ его играла счастливая улыбка. „Въ самомъ дѣлѣ, сколько будетъ вакантныхъ мѣстъ, — думалъ онъ, — а они сходятъ съ ума. Что, имъ не надоѣло получать 10 сэнъ [1]) за строчку?"

Приставъ все раздумывалъ, а въ домѣ Квазоки поднялись настоящіе Содомъ и Гоморра. Всѣ узнали о томъ, что хозяинъ дома долженъ завтра отправиться на войну. На самомъ дѣлѣ Квазоки призывался еще въ учебный сборъ и долженъ былъ отправиться въ глубь страны, послѣ чего онъ могъ быть уже воиномъ. Но и такое обстоятельство въ корень подрѣзало всѣ идеалы о мирѣ. Узнавъ объ этомъ, Атами серьезно захворала. Старая Шимизу лила потоки слезъ. Глаза ея потускнѣли и ввалились.

— О, сынъ,—причитывала она,—лучше бы ты меня похоронилъ, отдалъ гіэнамъ и лютымъ волкамъ, чѣмъ я буду провожать тебя на войну. Что станется съ моими красавицами съ моими чистыми лотосами? Увянутъ онѣ безъ тебя!

И Шимизу была права. Атами въ одинъ день до того опустилась и исхудала, что краше кладутъ въ гробъ. Маленькій Ми пищалъ такъ слабо, такой былъ безжизненный, что тоже походилъ на свою бѣдную мать, которая уже не стонала, а слабо озиралась по сторонамъ, отыскивая глазами своего друга. Ей стало страшно, что она остается безъ того, кто былъ ей дороже всей семьи.

— Атами, что съ тобою? — говорилъ Квазоки, утирая нависшую слезу. Но Атами молча смотрѣла на своего друга.

— Вижу! вижу! Ты не перенесешь разлуки... Мы люди иного міра... Но, помни, Атами, когда богамъ будетъ угодно

---

1) Сэнъ—равняется одной копѣйкѣ.

Digitized by Google

взять тебя, то и я приду къ тебѣ. Приду вмѣстѣ съ Сакуру, Умэ и Міякой. Богъ христіанскій лучше, чѣмъ богъ языческій. Тамъ, за гробомъ, мы узнаемъ тайну бытія и будемъ видѣть добрыхъ и злыхъ, виновниковъ нашего счастья и паденія!

— О, Квазоки, не говори такъ: вѣдь ты всегда будешь со мною?

Она приподнялась съ мата и ухватила его за руку, какъ бы боясь, чтобы его не отняли у нея.

Квазоки склонилъ голову — и крупныя слезы полились изъ его глазъ.

Она склонила голову и тихо стонала. Видно было, какъ слабо дышала ея грудь. Послѣдняя слеза скатилась на его руку. Онъ почувствовалъ паденіе этой слезы, холодной, какъ ледъ, и вздрогнулъ отъ страшнаго предчувствія... „А что, если она умретъ?—подумалъ онъ,—что будетъ тогда со мной?“ Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на присутствующихъ. Умэ плакала навзрыдъ, а Сакуру и Міяка молились предъ идолами. Старая Шимизу такъ похожа была на смерть, на скелетъ въ образѣ человѣка, что у Квазоки мелькнула мысль о присутствіи самой смерти.

— Смотри, смотри,—сказала Атами,—это она...

— Кто она?

— Война... смерть. Вотъ русскіе... ихъ много, много. Знамена и самъ Спаситель среди нихъ!

— Съ нею бредъ...—произнесъ Квазоки.—Что, скоро придетъ докторъ?—обратился онъ къ мусмэ.

— Сейчасъ, сейчасъ.

Квазоки посмотрѣлъ на часы и ахнулъ: ему осталось два часа времени быть дома.

Мундо явился съ докторомъ. Докторъ былъ съ краснымъ крестомъ на рукавѣ. Онъ готовился тоже на войну.

— Андріяши, помогите ради Бога, Того самаго Бога, крестъ Котораго вы носите на рукѣ!

— О, я ничего не знаю про этого Бога,—сказалъ Андріяши,—но я сдѣлаю все, что возможно будетъ сдѣлать!—Онъ крикнулъ на мусмэ: — давайте воды! самой холодной воды! Надо растереть ея тѣло!

Принесли воду.

Онъ смочилъ губку и давай натирать ей руки, ноги и всѣ части тѣла. Больная тихо стонала. Потомъ она перестала стонать.

— Она заснула...—сказалъ докторъ и приказалъ всѣмъ выйти.

Digitized by Google

Всѣ послушались. Докторъ остался наединѣ съ больной.

— Атами! Атами!

Атами открыла глаза.

— Вы умираете, да?

Атами кивнула головой.

— Атами, въ послѣдній разъ: я уѣзжаю на войну, вашъ мужъ тоже. Скажите, ради Бога, вы любили меня?

Атами посмотрѣла на доктора и брезгливо отвернула свою голову.

— Атами! Атами! Ради небесъ... только одинъ взглядъ! Въ жизни моей никто меня не любилъ. Полюбите хотя вы передъ смертью. Я виноватъ предъ вами: я вмѣсто лекарства прислалъ вамъ ядъ. Но въ томъ виноватъ не я, а Умэ. Она отвѣтитъ за васъ!

Атами приподнялась, посмотрѣла страшными глазами на доктора и со словами „Ква...з-оки"...—потянулась и умерла на мѣстѣ.

Маленькій Ми заплакалъ.

— Мусмэ, Квазоки, всѣ, всѣ!—крикнулъ Андріяши.—Идите сюда!

Въ спальню больной вбѣжали всѣ...

Докторъ указалъ рукою на больную.

— Она умерла,—сказалъ онъ холодно, почти языкомъ палача, который казнитъ хунхузовъ.

— Умерла? Что же ты съ нею сдѣлалъ?—спросилъ Квазоки.

— Я хотѣлъ ее поставить на ноги.

— О, разбойники! Когда же Господь покараетъ васъ за всѣ ваши грѣхи? Гдѣ ваше знаніе? Гдѣ ваша наука? Вы только обираете людей!

Онъ упалъ на трупъ Атами и залился слезами.

— Горе намъ! Горе намъ!—плакала Шимизу.

— Горе намъ!—повторяли Умэ и Сакуру.

— Горе намъ!—неутѣшно плакала Міяка.

Мундо и Шимада стояли блѣдные и молча роняли слезы.

Докторъ Андріяши смотрѣлъ холодно на свою жертву и думалъ объ Умэ.

Ему было жаль Атами и онъ хотѣлъ бы, чтобы на ея мѣстѣ лежала эта гордая женщина.

Страшный барабанъ прогремѣлъ на улицѣ Рѣдкостей. Это былъ призывъ ратниковъ на войну.

— Атами! я иду на войну умирать,—сказалъ Квазоки, цѣлуя ее въ лобъ, уста и ноги.—Сайонара! Сайонара! (До свиданья! До свиданья).

Digitized by Google

Онъ вышелъ, шатаясь, изъ спальни Атами подъ звуки похоронной музыки, которая образовалась изъ жалобныхъ причитаній всей его семьи. Всѣ плакали навзрыдъ.

— Мундо, возьми мою семью! А ты, Шимада, будь другомъ живыхъ и мертвыхъ: похорони мою Атами!

Онъ началъ прощаться.

Барабанъ опять прогремѣлъ и зловѣщимъ стукомъ отозвался въ сердцахъ живыхъ и мертвыхъ.

Кто-то кричалъ: „эй, эй, выходите“!

— О, боги,—оплакивала Шимизу,—вы наказали насъ за то, что мы хотѣли имѣть много мужей, а наши мужья имѣли много женъ. Теперь вы раздѣлили насъ глубокой могилой, вырытой самой вѣчностью. Кто перескочитъ этотъ курганъ? Кто окуритъ васъ свѣчками? Кто дастъ вамъ сладкихъ лепешекъ, въ которыхъ заключается благодать боговъ?

Она наставила свои морщинистыя губы и запечатлѣла свой послѣдній поцѣлуй на устахъ Квазоки.

Подошла Умэ; она тихо сжала Квазоки въ своихъ объятіяхъ и передала его Сакуру, передавая далѣе по порядку. Дошла очередь до мужчинъ.

— Иди, но возвращайся,—напутствовалъ г. Шимада,—умѣй перенести всѣ невзгоды жизни. Намъ нужны люди мира, и ихъ да не коснется человѣческій мечъ!

— Иди,—сказалъ Мундо,—но меня уже не застанешь. Я твердъ въ своемъ рѣшеніи!

— Вотъ тебѣ амулетъ на палецъ, на шею. Береги, сынъ мой. Онъ сохранитъ тебя отъ вражескихъ пуль и мечей!

Старая Шимизу надѣла амулеты на Квазоки и проводила его до калитки.

Раздался въ третій разъ барабанъ, но Квазоки уже шелъ среди новобранцевъ. Онъ еще разъ оглянулся на свой домъ и затѣмъ зашагалъ...

XXX.

Сайонара! Сайонара!

Темное облако подымалось надъ внутреннимъ каналомъ и надъ всѣми постройками Токіо, когда партія новобранцевъ подошла къ памятнику Окудо. Отсюда были видны всѣ дворцы, всѣ храмы, казармы, посольства, министерства разныхъ дѣлъ

Digitized by Google

и японскій главный штабъ. На улицѣ женщины метали диски и забавлялись „игрой въ тобъ“. Въ чайномъ домикѣ подъ названіемъ „Сорокъ Жабъ“ шло необычайное веселье: раздавалось нѣчто вродѣ „дзинь-дзинь“ и гейши играли на длинныхъ гитарахъ. Кто-то лупилъ съ ужасающей силой въ гонгъ и шумъ отъ этого ужаснаго инструмента до того былъ силенъ, что трудно было удержаться на ногахъ.

Партія расположилась приваломъ. Квазоки былъ одѣтъ уже въ форму пѣхотнаго солдата и смотрѣлъ на то самое мѣсто, гдѣ когда-то онъ ходилъ, какъ свободный гражданинъ, какъ мыслящее и вполнѣ свободное существо. Въ одной изъ казармъ ему предложили всю обмундировку и онъ сталъ корсиканскимъ грабителемъ, который будетъ не защищать родину, а пустится въ опасную авантюру завоевывать то, что принадлежитъ другимъ народамъ. Еще одинъ переходъ—и онъ будетъ уже въ новой мѣстности, быть можетъ чуждой для его ума и сердца. Куда дѣнутся тѣ нефритовые дворцы, опаковыя горы, излюбленныя рощи съ лотосами, маргаритками, причудливыми видѣніями дня и ночи. Онъ смотритъ на стаю пакетботовъ, которые, выбрасывая дымъ, мчались, очертя голову, по внутреннему каналу. Вотъ они, герои, трупы которыхъ будутъ лежать, какъ и его, гдѣ-нибудь въ безлюдной монгольской степи или въ тундрахъ сибирской тайги. Куда они мчатся? Гдѣ они свои кости положатъ?

— Квазоки! Квазоки!—раздался голосъ.

Квазоки вздрогнулъ.

Онъ оглянулся и увидѣлъ на пакетботѣ, подъ японскимъ флагомъ, Умэ и Сакуру. Онѣ махали ему вѣерами и кричали:

— Коннитава! Коннитава!

Пакетботъ причаливалъ къ плавучей пристани. Маленькій катеръ быстро присталъ къ берегу.

Квазоки чуть было не бросился въ воду, но мрачный сержантъ остановилъ его.

— Э, полно бабиться, теперь не такое время!

— Это моя жена! Мои добрыя сестры!—вскричалъ Квазоки.

Но тутъ и къ сержанту подошла маленькая мусмэ. Сержантъ покорился судьбѣ. Онъ смѣнилъ свой гнѣвъ на милость и далъ поблажку благородному самураю, который во всякомъ случаѣ долженъ имѣть понятіе о дисциплинѣ.

Вокругъ солдатъ появилось такъ много женщинъ, что сержанту осталось пить саке со своей мусмэ.

— Ква́зоки—ва!

— Квазоки—ва!

Digitized by Google

Умэ и Сакуру стали обнимать своего друга. У Квазоки брызнули благородныя слезы радости. Онъ долго ихъ цѣловалъ и утѣшался мыслью, что ихъ сердца живутъ и бьются въ униссонъ. Онѣ положили возлѣ него походный мѣшокъ съ различными яствами и напитками и дали ему на дорогу денегъ.

— Зачѣмъ мнѣ?—говорилъ Квазоки.—денегъ мнѣ не надо. Я возьму самые пустяки, на первый случай. Буду писать, телеграфировать, если возможно. Похоронили-ли Атами? Гдѣ и какъ? Спрятали-ли мои бумаги, гдѣ я тебя, Умэ, сдѣлалъ полновластной хозяйкой всего дома?

— Все сдѣлано, все сдѣлано! Атами мы похоронили въ гротѣ любви: туда мы будемъ ходить и вспоминать ее и тебя!

Квазоки прослезился.

— Вотъ тебѣ, Квазоки, еще одинъ амулетъ отъ старой Шимизу: она успокоилась и вѣритъ, что добрые люди не пропадаютъ.

— Да будетъ по ея словамъ!

Квазоки взялъ амулетъ и надѣлъ на себя.

Онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Мы сейчасъ отправляемся на одномъ изъ пакетботовъ по ту сторону канала, а затѣмъ завтра по назначенію: куда? даже самъ командиръ не знаетъ! Вы, мои милыя ласточки, поцѣлуйте отъ меня всѣхъ: Міяку, Шимизу, Ану-но-о и Авайіо. Поцѣлуйте даже мусмэ, да помолятся онѣ предъ богами христіанскими и языческими, ибо мы пока не знаемъ—кто изъ нихъ сильнѣе на бранномъ полѣ!

Онъ всталъ и началъ прощаться.

Квазоки взялъ мѣшокъ на плечи и сталъ въ ряды солдатъ. Загремѣла музыка и солдаты стали садиться на пакетботъ. Умэ и Сакуру кричали: „сайонара, сайонара!“ Въ толпѣ кричали: „доочу го-андзэн-ни!“ (счастливаго пути!).

Пакетботъ медленно сталъ отходить отъ маленькой пристани, при звукахъ музыки и при крикахъ народа. Маленькій дымокъ взвился надъ катеромъ и катеръ понесся по ту сторону канала. Долго еще махали солдаты своими фуражками и съ ними за одно махалъ своею фуражкою Квазоки. Затѣмъ, катеръ повернулъ куда-то за большое зданіе и скрылся въ глубинѣ городскихъ каналовъ, которые пересѣкаютъ главный каналъ во всѣ стороны.

Тихо плескалась вода о борты маленькихъ судовъ, тихо рѣяли флаги на различныхъ домахъ и сампанахъ.

Digitized by Google

Темное облако все болѣе и болѣе принимало зловѣщій видъ. Оно неслось надъ городомъ, въ видѣ какого-то чернаго пятна.

— Намъ надо скорѣе торопиться домой, — сказала Умэ, обращаясь къ Сакуру.—Кажется будетъ большой вѣтеръ!

— Это облако и меня смущаетъ, — сказала Сакуру. Двѣ сестры усѣлись на пакетботъ и отправились по ту сторону улицы, гдѣ чернѣли мрачныя зданія и красиво вырисовывались токійскіе сады. Маленькій катеръ живо ихъ примчалъ къ пристани, гдѣ онѣ сошли по трапу и отправились на улицу Шишбаши, ту самую улицу, гдѣ когда-то онѣ встрѣтились съ Квазоки.

Онѣ нашли даже то мѣсто, гдѣ встрѣтились съ нимъ, и, глубоко вздохнувши, сказали: „Здѣсь мы встрѣтились съ Квазоки. Гдѣ теперь онъ?“

Затѣмъ сѣли на рикшу и поѣхали на улицу Рѣдкостей.

Старая Шимизу встрѣтила ихъ съ благословеніемъ боговъ. Она повела ихъ въ гротъ любви, гдѣ покоилась Атами.

— Здѣсь лежитъ цвѣтокъ прекрасный и душистый, какъ лучшая полевая незабудка; скажите ей, что другъ ея живетъ также, какъ и она, ибо ея душа находится въ его душѣ, а тѣло уже умерло у нихъ обоихъ. Скажите ей, что онъ жилъ и умеръ, какъ и она, въ гротѣ любви!

Старая Шимизу, вмѣстѣ съ Умэ и Сакуру, опустилась на колѣни.

Пришла Міяка. Она тоже опустилась на колѣни. Пришли мусмэ и опустились на колѣни. Пришли Мундо и Шимада — и они опустились на колѣни, ибо духъ Квазоки и духъ Атами жилъ съ ними. А ковнъ шепталъ, плакалъ и молился, какъ журчалъ ласково ручеекъ, омывая гротъ любви. И каждый листокъ говорилъ: „мы живы“, и каждая струя воды звенѣла: „мы будемъ всегда живы“, и вѣтеръ говорилъ: „они живы и будутъ жить“.

— О, они будутъ всегда жить!—сказала старая Шимизу, подымаясь на ноги.

— Да, они будутъ жить!—повторили всѣ. И встала вся семья и возложила розовые лотосы на урну Атами, такіе нѣжные и прекрасные, какія были перси и щеки у прекрасной Атами.

— Хвала богамъ!

— Хвала богамъ!

— О, боги, да будутъ ихъ души также прекрасны, какъ эти лотосы!

Digitized by Google

— О, боги!...

Но въ это время въ сторонѣ показалась Умэ Тсуда; она несла такое обиліе цвѣтовъ, что двѣ мусмэ едва въ силахъ были внести все это въ гротъ любви.

Умэ Тсуда опустилась на колѣни. Она была въ бѣломъ траурѣ. Къ ней приближались 40 компатріотокъ, которыя были въ розовыхъ платьяхъ нѣжнаго лотоса. Онѣ образовали кружокъ вокругъ „грота любви“ и тихо начали кружиться. А Умэ Тсуда плакала, призывала лучезарную богиню солнца Аматерассу и пѣла нараспѣвъ, какъ пѣли всѣ вокругъ нея.

Коэнъ шумѣлъ, ручей журчалъ, духи плакали, а тайна роковая такъ и осталась тайною. Розовые лотосы не могли сказать, какой ядъ отравилъ прекрасную Атами.

Г. М. Пилипенко.

Digitized by Google

Географическій факультетъ. [1])

Настоящая статья имѣетъ цѣлью указать на одинъ очень важный пробѣлъ въ программѣ нашихъ университетовъ, каковымъ является весьма недостаточная постановка преподаванія у насъ географіи и почти совершенное отсутствіе преподаванія живыхъ языковъ, какъ европейскихъ, такъ въ особенности восточныхъ.

Географія преподается, правда, въ нашихъ университетахъ, но курсъ ея, довольно притомъ ограниченный, отнесенъ исключительно къ естественному отдѣленію физико-математическаго факультета, гдѣ она совершенно теряется среди массы другихъ предметовъ, болѣе существенныхъ и важныхъ для даннаго факультета, вслѣдствіе чего и преподаваніе ея тамъ не можетъ дать тѣхъ въ высшей степени плодотворныхъ результатовъ, какіе могло бы дать при другихъ условіяхъ.

По той же самой причинѣ неудобно было бы отнести этотъ весьма важный предметъ и къ историко-филологическому факультету, какъ то было раньше, по уставу 1863 г., да кромѣ того студенты этого факультета совершенно не обладаютъ знаніемъ наукъ естественно-историческихъ, въ извѣстной связи съ которыми должно изучать географію.

Отсюда вытекаетъ, что для надлежащей постановки изученія у насъ географіи слѣдуетъ выдѣлить ея преподаваніе изъ круга какъ естественно-историческихъ, такъ и историко-филологическихъ наукъ,

---

[1]) Настоящая, давно уже задуманная нами статья была вполнѣ готова, когда телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ министерствѣ народн. просв. возникъ вопросъ объ основаніи учебныхъ заведеній, въ которыхъ изученіе восточныхъ языковъ носило бы чисто практическій характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ подробно изучались бы политическая исторія, вѣроученія, экономическое состояніе различныхъ государствъ восточной Азіи. Представляя болѣе широкое рѣшеніе того же вопроса, настоящая статья пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, еще болѣе значенія и является въ полномъ смыслѣ слова actualité.

Digitized by Google

другими словами, слѣдуетъ учредить по возможности при каждомъ университетѣ особый факультетъ или, по крайней мѣрѣ, особое отдѣленіе (на подобіе естественнаго), на которомъ центральнымъ предметомъ была бы географія.

Имѣя своею главною задачей всестороннее изученіе земли и ея народовъ, факультетъ этотъ занималъ бы среднее мѣсто между естественнымъ и историко-филологическимъ. Здѣсь сосредоточивалось бы теоретическое изученіе поверхности и внутренности земного шара, т. е. географія, т. наз., политическая, описательная и физическая, въ связи съ геологіей. При этомъ прежде всего нужно бы имѣть въ виду обстоятельное изученіе Россіи и смежныхъ съ нею странъ, что въ настоящее время стоитъ у насъ на весьма низкой ступени, чтобы не сказать больше. А между тѣмъ такое строго научное, обстоятельное обслѣдованіе всей этой огромной территоріи будетъ дѣломъ въ высшей степени полезнымъ и откроетъ огромные источники богатствъ, доселѣ нетронутыхъ, и такимъ образомъ дастъ сильный толчекъ къ увеличенію благосостоянія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и могущества нашей родины. Съ другой стороны, наши гимназіи и прочія средне-учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ и наименованій будутъ получать свѣдущихъ, подготовленныхъ преподавателей географіи, что въ настоящее время также заставляетъ желать многаго. Далѣе, люди, основательно знакомые съ географіей и этнографіей Россіи и сосѣднихъ государствъ, очень пригодятся и для поддержанія и укрѣпленія нашей торговли съ этими странами, а равно и для утвержденія въ нихъ политическаго вліянія Россіи. Для болѣе же успѣшнаго выполненія всѣхъ указанныхъ задачъ является въ высшей степени необходимымъ усилить знаніе новыхъ языковъ, какъ европейскихъ и инородческихъ, такъ въ особенности восточныхъ, знакомство съ которыми, можно сказать, совершенно у насъ отсутствуетъ. А насколько неудобнымъ и даже прямо опаснымъ является для Россіи такое положеніе дѣла, это какъ нельзя лучше показала хоть бы нынѣшняя война съ Японіей, обнаружившая вообще не мало слабыхъ сторонъ нашего отечества. Съ этой точки зрѣнія проектируемый нами географическій факультетъ пришелся бы какъ нельзя болѣе кстати и для цѣлей, какія преслѣдуетъ министерство военное, морское и иностранныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, факультетъ географіи и новыхъ языковъ долженъ обнимать приблизительно слѣдующіе предметы: общую политическую географію, географію Россіи („отечествовѣдѣніе"), коммерческую географію, физическую географію съ геологіей и геогнозіей, этнографію, исторію культуры, антропологію и языки. Къ этому можно было бы еще прибавить (для будущихъ преподавателей) методику географіи. Что же касается остальныхъ естественныхъ наукъ,

Digitized by Google

то эти послѣднія могли бы преподаваться въ сокращенномъ объемѣ въ началѣ факультетскаго курса, приблизительно такъ, какъ это дѣлается теперь на младшихъ курсахъ медицинскаго факультета. Что же касается языковъ, то, какъ сказано выше, слѣдуетъ преподавать языки европейскіе, славянскіе, инородческіе и восточные.

Изъ европейскихъ языковъ у насъ въ настоящее время преподаются только нѣмецкій и французскій: къ нимъ въ нѣкоторыхъ университетахъ присоединяются еще англійскій и итальянскій. Это все. Къ тому же и самое преподаваніе это является по преимуществу чистою формальностью, такъ какъ программы, а еще болѣе установившаяся практика почти не требуютъ дѣйствительнаго, основательнаго знанія новыхъ языковъ. Изученіе этихъ четырехъ главнѣшихъ языковъ Европы является предметомъ какъ бы общимъ, доступнымъ студентамъ всѣхъ факультетовъ, что, разумѣется, вполнѣ правильно. Слѣдуетъ только его улучшить и поставить болѣе раціонально и болѣе серьезно, наравнѣ съ обязательными предметами каждаго факультета, такъ какъ знаніе всѣхъ, а въ крайнемъ случаѣ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ языковъ является существенно необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ при изученіи любого предмета, любой науки. Это, безспорно, самые важные и нужные для всякаго образованнаго и дѣлового человѣка языки,—языки, такъ сказать, международные, міровые, но ими далеко не исчерпывается то, что важно и нужно въ этомъ отношеніи для общества и государства. Знакомство хотя бы нѣкоторыхъ, сравнительно даже немногочисленныхъ лицъ съ различными второстепенными языками несомнѣнно могущественно содѣйствовало бы духовному и матеріальному сближенію съ соотвѣтствующими странами и тѣмъ самымъ служило бы къ обогащенію родной науки и литературы и къ подъему народнаго благосостоянія и государственнаго могущества. Для государства и общества въ высшей степени важно, чтобы въ составѣ его находились люди, знакомые не только съ наиболѣе распространенными, міровыми языками, но и съ языками второстепенными, которые являются орудіемъ мысли народовъ менѣе значительныхъ, но все же представляющихъ въ томъ или другомъ отношеніи интересъ—культурный, политическій, торговый и т. д.

Изъ такихъ второстепенныхъ языковъ намъ нужно обратить вниманіе прежде всего на слѣдующіе:

1) Испанскій. Несмотря на отдаленность отъ насъ Испаніи, изученіе ея языка имѣетъ для насъ значеніе, такъ какъ это—языкъ, распространенный на весьма значительной территоріи и на которомъ говоритъ не менѣе 40 милліоновъ людей; затѣмъ, знакомство съ испанскимъ яз. желательно въ видахъ оживленія торговыхъ сношеній побережій Чернаго моря съ испанскими портами. Кромѣ того, зна-

Digitized by Google

ніе этого языка весьма интересно и ради его литературы, въ которой не мало замѣчательныхъ произведеній, принадлежащихъ перу писателей какъ прежнихъ, такъ и новыхъ.

2) Румынскій. Языкъ этотъ непремѣнно долженъ быть болѣе знакомъ у насъ какъ въ виду сосѣдства съ Румыніей, такъ и потому, что въ самой Россіи живетъ не мало румынъ—молдаванъ въ губерніяхъ Бессарабской, Херсонской и Подольской. Настаивая всѣми мѣрами на усвоеніи ими русскаго языка, мы въ то же время не должны упускать изъ виду и того обстоятельства, что знаніе мѣстнаго, областного языка русскими людьми можетъ значительно содѣйствовать сближенію и вмѣстѣ съ тѣмъ ассимиляціи инородцевъ, а также и то, что оно весьма цѣнно для чиновниковъ, занимающихъ различныя должности въ данной мѣстности, и для войскъ, которыя принадлежатъ къ данному военному округу и которымъ придется, быть можетъ, когда-нибудь дѣйствовать на румынской территоріи. Съ этой точки зрѣнія полезно было бы ввести изученіе румынскаго языка и въ нѣсколькихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ Одесскаго округа.

3) Голландскій. Изъ народовъ Европы, на которые слѣдовало бы намъ обратить побольше вниманія, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ голландцы. Въ прежнее время сношенія съ ними были гораздо оживленнѣе и роль ихъ въ Россіи виднѣе: они были, какъ извѣстно, первыми учителями нашего Великаго Петра, но потомъ мало-по-малу какъ-то стушевались для Россіи, уступивъ свое мѣсто гораздо менѣе желательнымъ, съ русской точки зрѣнія, иностраннымъ элементамъ, и даже англо-бурская война, въ которой все русское общество стало на сторону буровъ, голландцевъ по крови и языку, не успѣла привлечь нашего вниманія къ этой интересной и важной для насъ странѣ. Между тѣмъ значеніе для насъ Голландіи еще болѣе возросло вслѣдствіе положенія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ эта страна является для насъ естественной союзницей. Дѣйствительно, нашъ всегдашній соперникъ и нынѣшній противникъ Японія является весьма опаснымъ врагомъ для голландцевъ, имѣющихъ въ юго-восточной Азіи богатѣйшія колоніи. Кромѣ того, голландцы явились бы весьма пригоднымъ элементомъ для поддержанія и развитія промышленности и торговли на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, когда минетъ нынѣшняя военная буря. Привлеченіе туда голландскихъ капиталовъ было бы весьма важнымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія нашей восточной окраины, притомъ было бы наиболѣе желательнымъ и съ точки зрѣнія политической, такъ какъ голландцы никогда, даже въ невѣроятномъ случаѣ полнаго захвата ими промышленности и торговли Дальняго Востока, не могли бы оказаться элементомъ опаснымъ для русскаго владычества, какимъ

Digitized by Google

явятся, несомнѣнно, англичане, американцы и другіе иностранцы. Наконецъ, и въ культурномъ отношеніи ознакомленіе съ Голландіей будетъ для насъ дѣломъ въ высшей степени полезнымъ, такъ какъ это—одна изъ тѣхъ странъ, откуда можно позаимствовать очень много хорошаго.

4) Датскій. Несмотря на то, что на датскомъ языкѣ говоритъ всего какихъ-нибудь два съ небольшимъ милліона человѣкъ, онъ представляетъ для насъ извѣстный интересъ въ видахъ возможно большаго сближенія съ Даніей, занимающей столь важное положеніе у входа въ Балтійское море. Затѣмъ вообще о датчанахъ можно сказать то же, что сказано было выше насчетъ голландцевъ, какъ о неопасномъ и наиболѣе желательномъ для Россіи чужеземномъ элементѣ.

5) Шведскій и норвежскій. Это два языка, а въ особенности первый изъ нихъ, имѣютъ для Россіи значеніе весьма важное по тѣмъ же причинамъ, какъ и румынскій языкъ; шведскій даже важнѣе, какъ языкъ народа несравненно болѣе культурнаго, а слѣдовательно и болѣе опаснаго и заслуживающаго вниманія, чѣмъ румыны. Преподаваніе шведскаго языка въ разныхъ мѣстахъ Россіи содѣйствовало бы также привлеченію русскихъ людей на финляндскую окраину, что, конечно, желательно въ видахъ большаго сближенія ея съ остальной Имперіей.

6) Новогреческій. Преподаваніе этого языка весьма желательно, какъ вслѣдствіе его широкаго распространенія на столь важномъ для насъ Балканскомъ полуостровѣ и въ Азіатской Турціи, такъ и для торговыхъ цѣлей. Кромѣ того, возможность подъ руководствомъ преподавателя-лектора изучать новогреческій языкъ была бы весьма цѣнна и для филологовъ. Особенно желательно ввести преподаваніе этого языка на югѣ въ Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ.

Желательно также, хотя и менѣе важно, ввести и нѣкоторые другіе европейскіе языки, какъ то, албанскій и мадьярскій.

Переходимъ ко второй категоріи—къ языкамъ славянскимъ. О сближеніи славянъ между собою у насъ говорится подчасъ довольно много, но дѣлается, къ сожалѣнію, очень мало, и нѣмецкій языкъ все еще, какъ въ былое время, остается главнымъ средствомъ общенія славянъ между собою. Неудобство и ненормальность такого положенія вполнѣ очевидны и въ особыхъ доказательствахъ не нуждаются. У насъ, правда, преподаются въ университетахъ главныя славянскія нарѣчія, но, къ сожалѣнію, преподаваніе ихъ ведется, да и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, исключительно для студентовъ славяно-русскаго отдѣленія историко-филологическихъ факультетовъ. Съ этимъ, впрочемъ, можно было

Digitized by Google

бы еще мириться, такъ какъ на практикѣ такіе спеціальные курсы доступны и для студентовъ другихъ факультетовъ, но дѣло въ томъ, что это преподаваніе является по большей части чисто теоретическимъ и притомъ имѣетъ въ виду скорѣе языкъ архаическій, языкъ различныхъ „Евангелій“ и другихъ памятниковъ древней письменности, чѣмъ живой современный разговорный и литературный языкъ. Въ виду огромной важности для Россіи славянскаго вопроса, надлежащее рѣшеніе котораго должно всегда быть одною изъ главныхъ цѣлей русской политики, намъ необходимо обратить возможно скорѣе вниманіе на ознакомленіе съ міромъ славянскимъ, для чего необходимымъ средствомъ служитъ изученіе языка. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ во всѣхъ русскихъ университетахъ сдѣлать доступнымъ изученіе живыхъ славянскихъ языковъ.

Третья въ высшей степени важная для насъ категорія языковъ— языки восточные. У насъ, правда, есть нѣсколько спеціальныхъ заведеній для изученія языковъ Востока, но, во первыхъ, курсъ ихъ далеко не полонъ (такъ, напр., по свѣдѣніямъ, сообщаемыхъ въ октябрьской книжкѣ „Рус. Вѣстн.“, японскій языкъ, столь необходимый теперь для насъ, преподавался, да и то необязательно, лишь въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи). О неудобствахъ такого положенія дѣлъ и говорить нечего: это доказала съ полнѣйшей очевидностью нынѣшняя война. Да послужитъ же она для насъ спасительнымъ, хотя и тяжелымъ урокомъ того, какъ не слѣдуетъ поступать по отношенію къ сосѣдямъ, могущимъ стать всегда нашими явными врагами. Первое условіе побѣды на любомъ поприщѣ— знать противника, а этого можно достигнуть лишь путемъ возможно болѣе полнаго знакомства съ его языкомъ. Такое знакомство— насущная государственная необходимость.

Изъ языковъ Востока наиболѣе важными для Россіи мы считаемъ слѣдующіе:

1) Японскій. Его важность выяснилась послѣдними событіями на Дальнемъ Востокѣ и стала теперь вполнѣ для всѣхъ очевидною. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, еслибъ у насъ было болѣе лицъ, хорошо знакомыхъ съ этимъ языкомъ, то, конечно, настроеніе японскаго общества, а быть можетъ даже и военныя приготовленія японскаго правительства не укрылись бы въ такой мѣрѣ отъ насъ и война застала бы насъ, конечно, несравненно лучше подготовленными, чѣмъ теперь, когда главнымъ средствомъ ознакомленія рускаго общества съ положеніемъ дѣла въ Японіи служила и продолжаетъ служить англійская пресса, отношеніе которой къ Россіи давно извѣстно. А сколько услугъ могло бы оказать знаніе японскаго языка нашимъ военнымъ и запаснымъ—объ этомъ и говорить даже не приходится.

Digitized by Google

2) Китайскій. Этотъ языкъ намъ одинаково необходимъ какъ въ торговыхъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ. Да и вообще языкъ, на которомъ говоритъ свыше 400 милл. людей, уже по этой одной причинѣ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ.

3) Корейскій, манджурскій, монгольскій, тибетскій — все это языки странъ, лежащихъ въ сферѣ политическихъ и торговыхъ интересовъ Россіи, и важность ихъ очевидна.

4) Афганскій и индустани. Всегда, какъ только наши отношенія съ Англіей начинаютъ обостряться (а это случается довольно-таки часто) у насъ начинаютъ говорить о походѣ на Индію, какъ на самое больное и уязвимое съ нашей стороны мѣсто Англіи, какъ о мѣрѣ, наиболѣе дѣйствительной для того, чтобы сломить упорство и наглость „просвѣщенныхъ мореплавателей“. Прекрасно! Но думалось ли у насъ о томъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи очутятся наши доблестныя войска вслѣдствіе почти полнаго незнакомства съ языками странъ, черезъ которыя нужно проходить, и особенно той страны, которая явится цѣлью похода и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятной ареной рѣшительной борьбы? А вѣдь несомнѣнно, сколь вредное вліяніе будетъ оказывать это обстоятельство на весь ходъ военныхъ дѣйствій и насколько будетъ препятствовать установленію хорошихъ отношеній съ туземнымъ населеніемъ страны. Такимъ образомъ наша угроза — сама по себѣ весьма серьезная — много теряетъ въ своей силѣ. Единственный исходъ — увеличеніе числа лицъ, знающихъ мѣстные, по крайней мѣрѣ наиболѣе распространенные языки.

Изъ языковъ Ближняго Востока необходимы для насъ персидскій, турецкій, арабскій, армянскій и курдскій, какъ языки сопредѣльныхъ съ русскими владѣніями странъ, въ которыхъ у насъ масса политическихъ и торговыхъ интересовъ. Изъ другихъ желателенъ особенно абиссинскій языкъ.

Что касается языковъ инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства, то мы здѣсь ограничимся лишь краткимъ общимъ замѣчаніемъ. Признавая вполнѣ необходимымъ неуклонно требовать всеобщаго распространенія русскаго языка, какъ языка государственнаго, мы думаемъ въ то же время, что знаніе мѣстныхъ областныхъ языковъ русскими людьми является весьма желательнымъ, съ одной стороны, какъ факторъ, благопріятствующій сближенію между русскими и инородцами и болѣе успѣшному проникновенію истинно русскихъ началъ въ среду мѣстнаго населенія, а съ другой, какъ весьма цѣнное оружіе въ борьбѣ съ интригами и недоброжелательствомъ враждебныхъ Россіи элементовъ. Вообще же знаніе мѣстнаго языка имѣетъ особенное значеніе для должностныхъ лицъ всѣхъ

Digitized by Google

вѣдомствъ и, несомнѣнно, много поможетъ въ дѣлѣ устраненія вреднаго вліянія инородческой интеллигенціи на низшіе классы мѣстнаго населенія, которое легче будетъ подпадать подъ вліяніе говорящихъ на родномъ его языкѣ представителей русской власти.

Что касается самаго преподаванія, то оно должно, конечно, какъ вообще университеты, преслѣдовать научныя цѣли, не упуская, однако, изъ вида и практическихъ. При этомъ можно опасаться, что въ иныхъ мѣстахъ каѳедра какого-либо инородческаго языка и литературы могла бы стать нежелательнымъ центромъ антирусской пропаганды и предлогомъ для какихъ-либо демонстрацій, которыхъ и такъ уже за послѣднее время слишкомъ много было въ стѣнахъ нашихъ университетовъ. Во избѣжаніе этого можно было бы преподаваніе языковъ, представляющихъ опасность въ этомъ отношеніи, поручать исключительно лицамъ либо русскимъ, либо вообще другой національности. Тогда опасность перестанетъ существовать, какъ не существуетъ она, напр., при преподаваніи нѣмецкой исторіи или литературы на историко-филологическихъ факультетахъ. Въ крайнемъ случаѣ можно было бы ограничиться преподаваніемъ инородческаго языка въ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя лежатъ внѣ сферы массовой осѣдлости даннаго народа: врядъ ли, напр., могло бы повести къ какимъ-либо демонстраціямъ введеніе преподаванія армянскаго языка въ Варшавѣ или Юрьевѣ или литовскаго въ Одессѣ. Въ заключеніе прибавимъ, что изъ четырехъ названныхъ выше категорій языковъ языки инородческіе, безспорно, наименѣе необходимы, а восточные—наиболѣе.

Само собою разумѣется, что трудно ожидать, особенно на первыхъ порахъ и въ провинціальныхъ университетахъ, чтобы введено было преподаваніе всѣхъ указанныхъ языковъ, хотя и несомнѣнно, что затраты на это дѣло не будутъ напрасной тратой казенныхъ денегъ. Однако даже частичное (на первыхъ порахъ) осуществленіе намѣченнаго нами нововведенія принесетъ много пользы. Необходимо только, чтобы каждый изъ перечисленныхъ языковъ былъ введенъ хоть въ нѣсколькихъ университетахъ, такъ чтобы въ одномъ университетѣ преподавались одни языки, въ другомъ—другіе. Въ цѣломъ, такимъ образомъ, государство получитъ значительное количество лицъ, свѣдущихъ въ языкахъ Европы и Востока.

Таковъ общій планъ. Деталей его разработки касаться здѣсь не будемъ, скажемъ лишь, что кромѣ общихъ курсовъ всякому студенту проектируемаго географическаго факультета слѣдуетъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность подробное изученіе извѣстной страны или области и нѣсколькихъ, примѣрно двухъ, спеціальныхъ языковъ (въ числѣ ихъ, разумѣется, не считался бы одинъ по крайней мѣрѣ

Digitized by Google

изъ главныхъ европейскихъ языковъ, знаніе котораго является вообще необходимымъ и обязательнымъ. Затѣмъ, курсы живыхъ языковъ необходимо должны быть по желанію доступны для студентовъ не только географическаго, но и всякаго другого факультета. Это —необходимое условіе для того, чтобы преподаваніе живыхъ языковъ принесло всю ту пользу, какой вправѣ отъ него ждать, именно, чтобы оно дало обществу и государству массу людей, способныхъ энергично содѣйствовать расширенію торговыхъ сношеній и утвержденію политическаго вліянія Россіи.

Проф. **Ив. Дусинскій.**

Digitized by Google

Сонъ доктора Мишича.

Разсказъ *Л. Бабича.*

Съ незапамятныхъ поръ домъ Ябучевичей считался обиталищемъ духовъ, привидѣній и всяческихъ чудесъ. Это было старинное, деревянное, разрушающееся зданіе. Изъ прежнихъ владѣльцевъ его давно уже никого не было въ живыхъ. Послѣ нихъ оно ни у кого не бывало въ продолжительномъ владѣніи: чрезъ пять-шесть лѣтъ постоянно мѣнялись владѣльцы, пока домъ, вмѣстѣ съ землей, принадлежавшей фамиліи Ябучевичей, не попалъ въ руки какого-то еврея. Землю онъ сдалъ крестьянамъ въ аренду, а домъ оставилъ необитаемымъ. Жалкое зданіе годъ отъ году все больше приходило въ упадокъ и осенніе вѣтры то и дѣло срывали гонтъ съ крыши. Грустно становилось смотрѣть на разваливающееся зданіе, да кромѣ того оно пользовалось незавидной репутаціей, и даже совсѣмъ опьянѣвшій крестьянинъ всегда благоговѣйно и боязливо крестился, если ему доводилось ночью проходить мимо оставленнаго дома.

Наконецъ, это грустное жилище нашло себѣ постояльца. Въ уѣздъ былъ приглашенъ новый врачъ, и такъ какъ ни въ мѣстечкѣ, ни въ окрестностяхъ его, не было свободнаго, подходящаго жилища, то врачу и пришлось воспользоваться только тѣмъ, что было, то есть поселиться въ селѣ въ опустѣломъ домѣ. Страшная репутація дома нимало не смущала доктора. Онъ боялся только крысъ и мышей, да продырявленной кровли, а какъ только она была кое-какъ исправлена, докторъ Мишичъ сталъ вполнѣ доволенъ своей квартирой. Когда же отъ сосѣда Баторича онъ узналъ, что онъ былъ даже въ свойствѣ съ прежними владѣльцами дома, Ябучевичами, то сталъ думать, что онъ живетъ даже подъ родною кровлею. На бабьи

Digitized by Google

росказни о заколдованномъ домѣ онъ, разумѣется, не обращалъ никакого вниманія. Онъ человѣкъ науки, реальныхъ, экспериментальныхъ, позитивныхъ знаній, пропитанный идеями „просвѣщеннаго XIX вѣка“, — повѣритъ-ли онъ тому, чего нельзя осязать руками и доказать опытомъ! Могъ-ли онъ вѣрить такимъ глупостямъ, какъ духи, пророческіе сны и тому подобное! Онъ настолько далекъ былъ отъ подобныхъ суевѣрій, что даже самъ Радичевичъ, бывшій когда-то жупаномъ и старавшійся объяснить всѣ тревожные слухи о заколдованномъ домѣ четвертымъ измѣреніемъ, казался Мишичу не въ своемъ умѣ, а старушки-помѣщицы, еще воспитанныя въ эпоху романтизма и вѣровавшія ходячимъ чудеснымъ росказнямъ, представлялись ему не въ мѣру глупыми. И поэтому на всѣ ихъ разспросы, не привидѣлось ли въ квартирѣ доктора чего-нибудь чуднаго, онъ отвѣчалъ однимъ гомерическимъ смѣхомъ. Въ концѣ концовъ онъ даже былъ доволенъ слухами о чудесахъ его квартиры: въ обществѣ они давали ему всегда поводъ къ шуткамъ, а на самомъ дѣлѣ ему не было отъ этого ни тепло, ни холодно.

Несмотря на дурную репутацію квартиры доктора, его амбулаторія была изодня въ день полна паціентами, но ночью никто не появлялся. „По крайней мѣрѣ хоть ночь — моя!“ — говорилъ себѣ довольный докторъ и каждый вечеръ, ложась въ постель, былъ увѣренъ, что ночью его не потревожатъ, и что ему не придется вставать и бѣжать къ больнымъ. „Это не легкое дѣло и въ городахъ, а въ поселкѣ еще хуже — бродить по гадкимъ дорогамъ и разнымъ закоулкамъ“, — говорилъ докторъ при всей своей привязанности къ служебному дѣлу. Мишичъ былъ человѣкъ весьма умный и серьезный. Онъ былъ уже человѣкъ не первой молодости. Ему было тридцать четыре года. Былъ онъ холостъ, да и не расчитывалъ еще скоро вступить въ бракъ; дѣло свое онъ дѣлалъ усердно. На свое медицинское призваніе онъ смотрѣлъ, какъ на постъ солдата, который ежеминутно долженъ быть готовъ на всѣ жертвы. „Въ нашемъ званіи, — говорилъ онъ, — встрѣчаются тысячи обстоятельствъ, совершенно соотвѣтствующихъ битвѣ, когда ядра чуть не задѣваютъ головы... Гдѣ же тутъ думать еще о женитьбѣ!“ При этомъ онъ не былъ увѣренъ и въ собственномъ здоровьѣ. Родители его давно уже были въ землѣ. Мать умерла отъ какой-то тяжкой нервной болѣзни. „Хоть я и не чувствую никакой слабости или болѣзни, но вѣдь яблоко не далеко падаетъ отъ яблони, и придется оставлять послѣ себя вдову...“ — обыкновенно отвѣчалъ

Digitized by Google

онъ на предложенія и совѣты о женитьбѣ, расточаемые ему со стороны родственниковъ и пріятелей.

И еще была причина, мѣшавшая женитьбѣ. Онъ еще ни разу на своемъ вѣку не былъ влюбленъ. Но ошибочно было бы предположить, что въ жилахъ его текла холодная кровь: напротивъ, онъ принадлежалъ къ натурамъ горячимъ, пылкимъ, которыя, въ силу именно этого, неспособны всѣ свои порывы и чаянія отдать единой красавицѣ. Всяческая красота возбуждала его. Можно сказать, что онъ любилъ весь прекрасный полъ, дивныя и роскошныя формы женщинъ, ихъ атласную кожу, густую шевелюру и всю прелесть ихъ граціозныхъ движеній. И онъ, въ своихъ восторгахъ, никогда не говорилъ о той или другой красавицѣ, которая очаровала бы его художническій взглядъ или зажгла бы его горячую кровь, но всегда восторгался всѣми подобными женщинами, съ формами Юноны и линіями Веперы, и въ пламенномъ взглядѣ одной красавицы видѣлъ взглядъ всѣхъ женщинъ въ образѣ олицетворенной красоты. Эта восторженность и хранила его отъ паденія въ тину обычной животной страсти. Его стремленія сберегли ему чистоту души и только направлялись къ совершеннѣйшимъ явленіямъ, въ которыхъ онъ могъ бы найти идеалы, способные угасить жажду его души и тѣла. Такимъ образомъ его восторги женской красотой не мѣшали ему слѣдить за успѣхами науки, захватывавшей всю его душу и направлявшей ее въ высшія сферы духа.

Таковъ былъ докторъ Мишичъ. На новомъ пепелищѣ онъ устроился очень хорошо. Довольно скоро онъ заслужилъ репутацію искуснаго и добросовѣстнаго врача, и практика его была весьма выгодна, не смотря на извѣстную скупость паціентовъ при вознагражденіи докторскихъ визитовъ. Мало-помалу и развалившійся домъ началъ принимать болѣе приличную внѣшность и терять прежнюю обветшалость. Но прежняя пугающая репутація его не уничтожалась. Самъ докторъ и могъ, и долженъ былъ оставаться по-прежнему невѣрующимъ, и даже спальню устроилъ себѣ именно въ той комнатѣ, о которой носились самые ужасные разсказы. Но прислуга! Отъ нея всего болѣе страдалъ докторъ. Прислуга то и дѣло бросала и доктора и службу у него. Не смотря на то, что Мишичъ былъ очень снисходителенъ и не обращалъ вниманія на цѣлость имѣющагося у него вина, кофе, сахару, словомъ, все оставлялъ въ рукахъ прислуги, никто долѣе мѣсяца не уживался у него. И всѣ служители, уходившіе отъ Мишича, разставались со слезами, цѣловали его руки и божились, что

Digitized by Google

не отъ недовольства имъ бѣгутъ они,—потому что „господинъ“ очень добръ,—а бѣгутъ, потому что не могутъ долго выносить страшныхъ ночей, съ ихъ шумомъ, трескомъ и привидѣніями. Одинъ говорилъ, что видѣлъ какія-то необыкновенныя тѣни, другой увѣрялъ, что видѣлъ какую-то пляску огней, третій утверждалъ, что къ нему приходило какое-то прозрачное существо, а жирная кухарка передавала даже цѣлыя бесѣды, которыя привелось ей имѣть съ духами усопшихъ, и умоляла доктора оставить эту проклятую квартиру. Разумѣется, она при этомъ забыла упомянуть о тѣхъ бутылкахъ рома, которыя она втихомолку опустошала. Докторъ, разумѣется, догадался, откуда она получила способность бесѣдовать съ надземнымъ міромъ, и послѣ этого еще больше смѣялся при подобныхъ росказняхъ. Естественно, что самъ онъ никогда и ничего и не видалъ, и не слыхалъ. Трескъ, шумъ, шелестъ онъ всегда могъ объяснить себѣ или возней крысъ и мышей, или порывами вѣтра. Да, наконецъ, ко всему этому онъ такъ привыкъ, что всѣ ночи спалъ преспокойно на зло своему сосѣду Радичевичу, который смѣло разсчитывалъ, что опытъ принудитъ доктора перейти въ лагерь послѣдователей идеи о четвертомъ измѣреніи. Эти покойно проводимыя ночи Мишича еще больше огорчали помѣщицу баронессу Албагици: каждый разъ при встрѣчѣ съ докторомъ она спрашивала его, какъ онъ провелъ ночь и не видалъ ли чего-нибудь, и каждый разъ ей приходилось морщиться и сердиться при его отрицательномъ отвѣтѣ.

Такъ прошло восемь мѣсяцевъ. Ночи спокойно проходили одна за другой, но съ нѣкотораго времени Мишичъ по утрамъ началъ ощущать какое-то душевное безпокойство, какую-то меланхолію, гнетущія его, чего прежде не бывало. Въ такія минуты пропадало его обычно веселое расположеніе духа. При дневныхъ занятіяхъ онъ обыкновенно забывалъ объ этомъ, но на слѣдующее утро являлось прежнее „не по себѣ“. И онъ никоимъ образомъ не могъ этого объяснить себѣ. Жилъ онъ по прежнему спокойно и однообразно. Въ такой жизни не было ни единаго момента, нарушившаго миръ и тишину. Напротивъ, все шло къ полнѣйшему довольству существованіемъ. И такъ, толчокъ къ безпокойству могъ быть лишь въ немъ самомъ. Онъ уже думалъ—не подступаетъ ли къ нему какая-нибудь тяжкая немочь? Но тотчасъ же сознавалъ, что онъ сталъ и здоровѣе, и крѣпче, чѣмъ былъ прежде. Тутъ онъ вспомнилъ о прошломъ. Его покойная мать всегда утверждала, что она предчувствуетъ будущее. Въ первый же моментъ эта

Digitized by Google

мысль показалась доктору смѣшной и нелѣпой, и онъ ни минуты не остановился на ней. Онъ, умный человѣкъ, насквозь пропитанный современной наукой, не могъ отдаться такому мистическому объясненію явленій. Онъ рѣшительно не допускалъ возможности предчувствія и въ концѣ концовъ всѣ симптомы недомоганія отнесъ къ причинамъ гастрическимъ. „Во всякомъ случаѣ, это непорядки въ пищевареніи—отсюда неправильное кровообращеніе, а отсюда уже тяжелыя, непріятныя сновидѣнія, которыя только при пробужденіи не остаются въ памяти по милости моего крѣпкаго, глубокаго сна, и единственное послѣдствіе всего этого — меланхолія". Такъ объяснялъ свое положеніе Мишичъ, вполнѣ довольный своимъ физіологическимъ толкованіемъ и увѣренный, что онъ стоитъ на истинномъ пути, или—какъ онъ выражался—сдѣлалъ правильный діагнозъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ порѣшилъ держаться строжайшей діэты. И дѣйствительно, онъ сталъ обращать вниманіе на пищу и напитки, а равно и на мѣру въ своихъ занятіяхъ. И не смотря на все это, утренніе припадки у него продолжались. Онъ становился все безпокойнѣе и нервознѣе. Если онъ видѣлъ предъ собою паденіе какой-нибудь легкой бездѣлки, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и чувствовалъ боль въ мозгу, какъ будто пронизывало его виски. Стоило только стакану задѣть за стаканъ и уже въ головѣ его пролетала такая яркая искра, что вслѣдъ за ней онъ бывалъ ослѣпленъ на мгновеніе. Меланхолія все глубже и глубже одолѣвала его. Бывали минуты, когда онъ становился дѣйствительно очень грустнымъ: онъ только что не плакалъ. И все таки онъ не могъ себѣ отдать отчетъ въ этой грусти, тѣмъ болѣе, что она была, повидимому, безпричинна и безформенна.

Мишичъ совсѣмъ измѣнился. И въ обществѣ замѣтили эту перемѣну. Однажды пришлось Мишичу бесѣдовать объ этомъ съ Радичевичемъ. Мишичъ стоялъ за свой діагнозъ.

— Ошибаетесь,—замѣтилъ съ живостью Радичевичъ,—этого не объясните своей физіологіей. Вѣдь сами же вы сознаете, что пищевареніе у васъ въ порядкѣ, стало быть, сновидѣнія происходятъ не отъ порчи желудка, а отъ того, о чемъ я всегда говорилъ вамъ. Домъ этотъ—прекрасный медіумъ для сношеній съ тѣмъ міромъ, который выше нашихъ пяти чувствъ, у котораго больше трехъ измѣреній. При такомъ медіумѣ и вы невольно войдете въ соприкосновеніе съ тѣмъ

Digitized by Google

другимъ міромъ. Если бы у васъ были иные нервы, и вы были бы доступнѣе такому соприкосновенію съ тѣмъ міромъ — конечно и впечатлѣнія его были бы и выразительнѣе, и сильнѣе. Но такъ какъ въ васъ нѣтъ нужныхъ нервовъ и вы не можете вѣрить — у васъ отъ соприкосновеній съ тѣмъ міромъ только и остается въ результатѣ одна меланхолія. Но отдайтесь съ вѣрою этимъ впечатлѣніямъ и — Богъ вѣсть, что вы могли бы и увидать, и узнать, и почувствовать!

Громкій смѣхъ доктора былъ единственнымъ отвѣтомъ Радичевичу. Общество въ этомъ не отстало отъ Мишича, но затѣмъ разговоръ продолжался въ томъ же направленіи. Правда, Мишичъ не старался побороть Радичевича, но Эрцигоня ли, Кунчекъ ли, или кто-то другой продолжалъ свои разсужденія о мірѣ духовъ, и вслѣдствіе этого наступили оживленные дебаты. Наконецъ появился въ обществѣ и illustrissimus Баторичъ. Какъ всегда, такъ и теперь онъ не допускалъ, чтобы дѣло превращалось въ шутку или разрѣшалось пустой болтовней.

— Не думаю я, какъ нашъ Шкендеръ [1]), но и на вашу, докторъ, сторону не перейду! Вы напрямки отрицаете предчувствія и пророческія сновидѣнія. Но опять—противъ васъ Исторія даже передаетъ сны, предсказывавшіе будущее. Факты — на лицо! Вы объясняете свою меланхолію послѣдствіемъ непріятнаго сновидѣнія, которому однако придаете физіологическое значеніе. И я готовъ бы меланхолію объяснить результатомъ сновидѣнія, но я увѣренъ, что человѣческая душа во время сна обладаетъ способностью видѣть міръ и яснѣе, и дольше, чѣмъ на яву. Даже скажу, что эту способность душа имѣетъ только при самомъ глубокомъ снѣ. Такимъ образомъ, вы можете имѣть такое сновидѣніе, въ которомъ открывается предъ вами что-нибудь такое, что вамъ не къ добру. Сновидѣнія въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ оставляютъ полный отпечатокъ въ памяти, да если и оставляютъ, то отпечатокъ этотъ является въ какомъ-то переносномъ смыслѣ. Вы крѣпко спите и у васъ ничего не остается въ памяти. А впрочемъ, кто знаетъ, что и какъ тутъ дѣлается! Во всякомъ случаѣ очень-то не пугайтесь.

— Не безпокойтесь, illustrissime!—отвѣчалъ съ усмѣшкой докторъ. — Во всякомъ случаѣ не буду бояться пророческихъ сновъ, только могу безпокоиться насчетъ желудка и нервовъ. Но съ ними я воюю діэтой.

---

[1]) Александръ (Радичевичъ).

Digitized by Google

— И прекрасно! Но вѣдь „распорядитель стола“ [1]) можетъ лишить васъ обязанности пить съ нами во славу ябучевицкихъ призраковъ! Не забудь же, Янко [2]), онъ не будетъ пить съ нами... Э-эхъ, докторъ! Можетъ быть, между этими привидѣніями встрѣчается и какая-нибудь красавица, и вамъ будетъ досадно, что мы всѣ будемъ за нее пить, а вамъ не приведется!—шутливо заключилъ Баторичъ.

Но докторъ былъ вѣренъ себѣ и не дотронулся до стакана. И когда никто еще не думалъ идти домой, Мишичъ незамѣтно ускользнулъ и направился прямо къ дому.

Онъ еще усилилъ діэту, а потомъ и совсѣмъ пересталъ ужинать и постоянно съ тощимъ желудкомъ ложился въ постель. Такъ поступать онъ былъ вынужденъ, потому что его взволнованность и безпокойство по утрамъ замѣтно усиливались. Вмѣстѣ съ необъяснимой и безпричинной меланхоліей его начало мучить какое-то неопредѣленное стремленіе. Онъ даже не зналъ, къ чему стремится его душа. Это стремленіе болѣе всего походило на эротическіе порывы. Бывали минуты, когда ему казалось даже, что онъ влюбленъ. Фантазія рисовала ему женскія формы и поцѣлуи; а между тѣмъ онъ очень хорошо зналъ, что его не трогала красота ни одной извѣстной ему женщины.

Какъ-то около часа по полуночи онъ проснулся послѣ живого, яркаго сновидѣнія. Въ первый моментъ ему показалось, что сцена измѣнилась, но тѣло жило тѣми-же ощущеніями, душа — тѣми же чувствами, какія были во снѣ. Уже на-яву онъ еще долго ощущалъ какой-то странный запахъ карболки, чего уже никоимъ образомъ не могъ понять, потому что всѣ имѣющіеся у него медикаменты хранились черезъ четыре комнаты отъ его спальни и онъ хорошо помнилъ, что наканунѣ этого дня ему не приводилось прибѣгать къ карболкѣ. Казалось, что и во снѣ о карболкѣ не было рѣчи, а все-таки ему сдавалось, что это ощущеніе карболки—тѣсно связано было съ его сномъ. Снилось ему, что онъ вошелъ въ какую-то темную, чрезвычайно холодную комнату. Стѣны ея были совсѣмъ темны отъ сырости и покрыты удлиненными зелеными пятнами. Какъ и зачѣмъ онъ попалъ туда, было неизвѣстно и онъ не могъ понять причины своего прихода.

---

[1]) Избираемый обществомъ или назначаемый хозяиномъ «равнатель стола».

[2]) Янко Эрцигоня, приходскій священникъ, избиравшійся обыкновенно въ «распорядители стола» въ кружкѣ Баторича.

Digitized by Google

Въ комнаткѣ было темно и онъ долго долженъ былъ ждать, пока не присмотрѣлся. Потомъ съ высоты (прямо подъ кровлею было маленькое круглое окно) блеснулъ блѣдный лучъ свѣта. Онъ не могъ разобрать — солнечный былъ свѣтъ или лунный. Лучъ свѣта падалъ сторопой и захватилъ верхнюю часть комнатки. На каменномъ полу лежало тѣло молодой дѣвушки. Онъ не могъ разобрать—спитъ ли дѣвушка, или умерла, или только отдыхаетъ, но чувствовалъ, что глаза дѣвушки смотрятъ прямо на него, и самый взглядъ былъ такъ чудесенъ, необычаенъ, что Мишичу стало трудно и непріятно выносить этотъ взглядъ, а все-таки онъ былъ не въ состояніи отвернуться. Большіе глаза дѣвушки были такъ хороши, такъ очаровательнъ былъ ихъ мягкій глубокій взглядъ, осѣненный длинными рѣсницами, словно изящнымъ прозрачнымъ вуалемъ, что Мишичъ не могъ отвести отъ нея глазъ. И чѣмъ дольше смотрѣлъ онъ, тѣмъ болѣе восторгался: ему уже приходило желаніе броситься на полъ и придвинуться къ дѣвушкѣ. Въ эту минуту онъ увидѣлъ нѣчто необычайное, что нимало не удивило его во снѣ. Въ комнату вошелъ еще человѣкъ, въ которомъ Мишичъ, при внимательномъ разсматриваніи, узналъ самого себя. Въ рукѣ его былъ ножъ: онъ наклонился къ дѣвушкѣ и видимо намѣревался сдѣлать извѣстный анатомическій разрѣзъ, которымъ начинаются вскрытія.

— Стой! она жива! она жива!—вскричалъ Мишичъ пришедшему.—Кто она? Что съ ней? Зачѣмъ ты пришелъ сюда, когда я ужъ здѣсь?!

— Ты вѣдь знаешь, что наша служба тоже, что солдатская: мы всегда должны быть готовы къ смерти. Я долженъ дѣлать свое дѣло.

— Постой! Прежде скажи мнѣ, что это за дѣвушка? Посмотри, какая она красавица!.. Если бы я когда-нибудь полюбилъ, то, конечно, полюбилъ бы эту дѣвушку.

— Ха-ха-ха! Не глупи!—и этотъ второй Мишичъ началъ торопливо разсказывать настоящему исторію дѣвушки, но настоящій ничего не понялъ изъ разсказа второго. Тогда второй Мишичъ запѣлъ какую-то американскую пѣсню на англійскомъ языкѣ, которую, казалось, настоящій Мишичъ слышалъ когда-то въ вѣнской анатомической аудиторіи, какъ напѣвалъ ее вполголоса какой-то его коллега-американецъ, препарируя руку женскаго трупа и закусывая въ тоже время подковкой [1]).

[1]) Kipfel.

Digitized by Google

— Развѣ ты знаешь англійскій языкъ? — спросилъ съ удивленіемъ настоящій Мишичъ; но второй, не отвѣчая на вопросъ, опять подвинулся къ дѣвушкѣ и приподнялъ одѣяло, которымъ она была полуприкрыта, а на одѣялѣ видны были пятна давно засохшей крови. У Мишича потемнѣло въ глазахъ. Такъ изящно было открытое передъ нимъ тѣло! Ни разу въ жизни не видалъ онъ такой красоты. Только Психея Кановы могла напоминать эти нѣжныя, дивно округленныя, стройныя формы. Изящная головка, съ роскошною черною шевелюрой, покоилась на лѣвомъ локтѣ, а правая рука лежала пониже груди. Мишичъ не могъ оторвать взгляда отъ этихъ чаръ, хоть и замѣтилъ, что его alter ego вдругъ обагрился кровью, какъ только придвинулся къ дѣвушкѣ. Затѣмъ Мишичъ очутился наединѣ съ дѣвушкой. Онъ бросился къ ней на полъ и обнялъ ее. Вдругъ онъ почувствовалъ холодъ во всемъ тѣлѣ, но это не помѣшало ему еще крѣпче прижать къ себѣ красавицу. Дѣвушка тоже обѣими руками обняла его шею, и уста ея прильнули къ его устамъ. Ему казалось, что изъ этихъ поцѣлуевъ, поцѣлуевъ холодныхъ, какъ ледъ,—онъ пилъ кровь, но онъ не могъ оторваться отъ нихъ, упивался поцѣлуями, отъ которыхъ ему недалеко было до обморока. Потомъ вдругъ комнаты не стало и Мишичъ, все еще въ объятіяхъ дѣвушки, плылъ по какому-то необозримому водному простору и все глубже и глубже утопалъ въ волнахъ, густыхъ, желтыхъ, нечистыхъ, какъ морскіе валы при сирокко. И страхъ, и нестерпимый холодъ одолѣвали его, а онъ все-таки держалъ дѣвушку въ своихъ объятіяхъ и цѣловался съ ней. Наконецъ, онъ хотѣлъ что-то сказать, но не въ состояніи былъ выговорить ни слова, и спутница его тоже молчала. Въ концѣ концовъ онъ почувствовалъ такой холодъ, что, казалось ему, сейчасъ замерзнетъ... и тутъ онъ проснулся.

Сонъ живо сохранился въ памяти его, онъ мысленно вполнѣ возстановлялъ его. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ чувствовалъ свое обычное безпокойство, проявлявшееся по утрамъ, и боязливо осматривался въ своемъ кабинетѣ. Въ немъ было тихо и темно. Столы и шкафы въ неясной еще формѣ смотрѣли на него: чрезъ оконный занавѣсъ пробиралась узкая полоса луннаго свѣта и достигала средины пола. Часовъ на стѣнѣ еще не было видно и рѣзко раздавались только легкія тикъ-таканья маятника, въ то время какъ будильникъ на ночномъ столикѣ очень непріятно вторилъ часамъ. Мишичъ взглянулъ на будильникъ и на фосфоричномъ циферблатѣ могъ разобрать десять минутъ второго. Онъ повернулся къ стѣнѣ и

Digitized by Google

снова задремалъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ проснулся и подумалъ, что уже утро: такъ дологъ показался ему сонъ его: взглянулъ на часы — было только шестнадцать минутъ второго: а ему казалось, что онъ спалъ по крайней мѣрѣ десять часовъ. И опять видѣлъ во снѣ ту же дѣвушку, но на этотъ разъ онъ видѣлъ ее среди какой-то далекой пустынной равнины. Съ тѣмъ-же неподвижнымъ взглядомъ она ждала его, и только по его приближеніи обвила шею его обѣими руками и нерасторжимо впилась въ уста его своими устами.

Онъ и невольно, и охотно раздѣлялъ сладость такихъ поцѣлуевъ, которые были холодны, холодны, какъ ледъ. И вдругъ на равнинѣ, гдѣ они были, со всѣхъ сторонъ показалась грязная вода, окружившая ихъ: но онъ не почувствовалъ страха и поцѣлуи все продолжались. Ему чудилось, что онъ поетъ ей громкій дивирамбъ, въ которомъ сравниваетъ красоту ея тѣла съ лиліями въ саду, съ птицами въ лѣсу, съ серебристыми рыбами въ рѣкѣ, а подъ звуки его стиховъ около влюбленной пары проплывали, задѣвая ее, и цвѣты, и птицы, и рыбы. И длинный рядъ всяческихъ чудесныхъ созданій со всѣхъ сторонъ въ серебристыхъ волосахъ вращались вокругъ нихъ. Отъ рыбьей чешуи, отъ птичьихъ перьевъ, отъ цвѣточныхъ лепестковъ, отъ волнъ—струился какой-то особенный голубоватый фосфорическій свѣтъ, видимый и въ непроглядной глубинѣ, гдѣ цѣлыя стаи золотыхъ и алыхъ рыбокъ направлялись къ свитѣ, окружающей влюбленную пару, и казались изумрудами, топазами и рубинами.

„Venus Anadyomene!“— какъ тріумфаторъ, вскрикивалъ Мишичъ среди набѣгавшихъ волнъ и цѣловалъ ея холодную шею, а она, безмолвная, неподвижная, все еще висѣла на его шеѣ и впивалась въ него устами. Затѣмъ вдругъ они очутились на огромной, какъ лодка, раковинѣ, оба увѣнчанные кипарисовой зеленью. Большія рыбы и какія-то водяныя чудовища влекли ихъ раковину куда-то далеко, далеко. Онъ не заботился и не спрашивалъ себя, куда они плывутъ. И такъ часы, цѣлые часы плыли они, видя подъ собой коралловые рифы, ужасающія глубины и красивые подводные сады съ невиданными дотолѣ цвѣтами, и все это сіяло какимъ-то чарующимъ, но грустнымъ свѣтомъ. Вдругъ раковина превратилась въ какую-то деревянную посудину. Сначала онъ никакъ не могъ догадаться, что это за посудина, но потомъ сообразилъ: это былъ гробъ.

Сладостный, желанный покой, ощущеніе блаженства и неописуемая легкость преисполнили все его существо, а тѣло

Digitized by Google

его возлюбленной, показавшееся ему еще прекраснѣе прежняго, сіявшее пуще прежняго, покоилось возлѣ него. Богъ вѣсть, какъ долго продолжалось это: ему нечѣмъ было измѣрять время, да онъ и не думалъ объ этомъ.

Вдругъ гробъ ударился о какую-то подводную гряду, и Мишичъ уже одинъ погружался все глубже и глубже въ воду. Неописуемый ужасъ охватилъ его, — и онъ проснулся.

Послѣ этого онъ уже не могъ заснуть: такъ сильно былъ онъ возбужденъ и взволнованъ. Порой приходили ему въ голову соображенія Радичевича и Баторича. Но вполнѣ владѣя логичностью своихъ убѣжденій, онъ не поддавался чужимъ мнѣніямъ, хоть ему было какъ-то жутко. Въ воздухѣ какъ-будто что-то трепетало, по стѣнамъ словно что-то ползало, слышался какой-то шелестъ, напоминавшій то дрожаніе струнъ скрипки, то какіе-то послѣдніе аккорды далекой музыки или пѣнія. При этомъ чудились со всѣхъ сторонъ удары молоточка по какому-то твердому, звонкому предмету. А видъ дѣвушки и на-яву живо рисовался предъ нимъ, смотрѣлъ ли онъ, закрывалъ ли глаза. Она какъ-будто заколдовала его своей божественной красой. Всѣ линіи и формы ея живо рисовались предъ нимъ. Руки его даже невольно сжимались отъ желанія осязать эту красоту.

— Если бы мнѣ встрѣтилась въ жизни такая красавица! — нѣсколько разъ вслухъ проговорилъ онъ, и въ головѣ его мелькнула мысль, почему онъ не живописецъ, не ваятель — почему онъ не въ силахъ такое чарующее явленіе показать всему міру!

Предъ самымъ утромъ онъ опять заснулъ, и спалъ крѣпко и покойно. Онъ проснулся уже въ девять часовъ, и хоть и вынужденъ былъ тотчасъ-же приняться за свою работу, такъ какъ и въ его пріемной, и въ корридорѣ уже были паціенты, все-таки не переставалъ думать о своемъ сновидѣніи. Оно безпокоило Мишича и онъ безпрестанно вспоминалъ объясненія Радичевича. „Глупо!“ — обрывалъ онъ каждый разъ себя, когда начиналъ думать о соображеніяхъ Баторича. Съ философіей Шопенгауэра онъ былъ отчасти знакомъ, и его теорія о сновидѣніяхъ Мишичу хорошо была извѣстна. Разумѣется, все это не измѣнило его убѣжденій, но въ немъ уже не было прежняго моднаго матеріалистическаго спокойствія. „А впрочемъ, кто это знаетъ!“ — невольно проговорилъ онъ, пиша при этихъ мысляхъ рецептъ для какого-то крестьянина, который увѣрялъ, что боленъ „хандрой“.

И опять никакъ не могъ онъ отдѣлаться отъ видѣнной

Digitized by Google

имъ во снѣ красавицы. Въ числѣ больныхъ, бывшихъ у него, было и нѣсколько женщинъ, и докторъ невольно сравнилъ видимыя имъ на-яву формы съ видѣнными во снѣ.

И весь день носился предъ нимъ образъ красоты, видѣнной во снѣ. Подъ вечеръ онъ даже не пошелъ, какъ всегда бывало, къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, и рѣшилъ только немножко пройтись по саду. Онъ надѣялся, что на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ ему полегчаетъ, что онъ успокоится, и что-то побуждало его къ уединенію и къ мечтамъ о сновидѣніи. Садъ былъ огромный и уходилъ далеко въ гору. Старыя плодовыя деревья напоминали настоящій лѣсъ: но и кромѣ нихъ въ саду были липы, березы, ели, плакучія ивы. Весь садъ былъ очень тѣнистъ; узкія и заросшія травой дорожки въ немъ почти были не видны. Въ сторонкѣ стояла полуразрушенная садовничья сторожка. Отъ нея тянулась длинная и узкая изъ кизиля и орѣшника аллея до искусственнаго возвышенія, на которомъ стоялъ китайскій павильонъ, тоже совершенно заброшенный. Мишичъ машинально свернулъ на эту аллею.

Въ сумеречномъ полусвѣтѣ издалека виднѣлась на крышѣ павильона шарообразная голова китайца въ островерхой шляпѣ. Мишичъ невольно улыбнулся и направился къ павильону, откуда былъ открытый видъ на окрестность. Оттуда можно было обозрѣвать и весь садъ, и часть равнины до потока. Темнота увеличивалась, и вся окрестность смолкала въ этой полусѣрой тьмѣ, среди которой хоть еще и можно было ясно видѣть все, но недоставало чарующаго свѣта. Кое-гдѣ только пролетали ласточки и прорѣзывали воздухъ летучія мыши и вечерніе жуки. На верхушкахъ деревьевъ и особенно на верхушкахъ тополей собирались вороны и вороны. Въ глубокой, узкой канавѣ возлѣ самаго павильона, заросшей густой сорной травой, и тростникомъ, что-то скрывавшееся загомозилось, зашевелилось. Мишичъ невольно вздрогнулъ при этомъ: такъ сильно онъ былъ постоянно взволнованъ. Онъ сѣлъ на изломанную лавочку въ павильонѣ и опять-таки думалъ и о своемъ снѣ, и еще болѣе о красавицѣ, видѣнной во снѣ.

„О, если бы она, живая, сейчасъ здѣсь, въ аллеѣ, явилась предъ мной! Миньона!“ и онъ началъ представлять себѣ прелестное созданіе геніальнаго Гете: ему казалось, что его греза такое же таинственное существо издалека.

— Но откуда? — вслухъ проговорилъ онъ, убѣдившись въ тотъ же моментъ въ дѣтскости своего вопроса. И снова что-то таинственное, странное осѣнило его; и были мгновенія,

Digitized by Google

въ которыя онъ совершенно увѣрялся, что эта дѣвушка дѣйствительно существуетъ, и что между нимъ и ей есть что-то связующее. И онъ засматривался въ даль. Вдругъ ему показалось, какъ-будто тамъ внизу пронеслось что-то надъ кустами.

— О, да я, кажется, боленъ! Нервы мои совсѣмъ развихлялись. Отъ нихъ всѣ эти глупости!..—благоразумно рѣшилъ онъ; но въ это самое мгновеніе ему почудилось, что возлѣ него заколебалась въ воздухѣ какая-то тѣнь, было какое-то движеніе... Онъ осмотрѣлся вокругъ—все было тихо, спокойно, почти мертво. Даже ни одинъ листокъ на окружавшихъ деревьяхъ не шевелился; только высоко-высоко тихо къ западу пролетала птица, но какая птица—онъ уже не могъ разсмотрѣть въ сумракѣ. Мишичъ, недовольный, встревоженный, вышелъ изъ павильона и спустился въ аллею. И тутъ было все тихо и покойно—только какой-нибудь дроздъ или бѣлка перепрыгивали въ перепутавшихся вѣтвяхъ кизиля и орѣшника. При этой тишинѣ, противъ желанія и рѣшенія доктора обсудить нѣкоторые случаи изъ его практики—опять ожило предъ нимъ сонное вѣдѣніе: онъ видѣлъ свою красавицу въ разныхъ положеніяхъ, видѣлъ совершенно живо, какъ будто она сейчасъ стояла предъ нимъ, какъ будто можно было рукой коснуться до нея. Необычайная нѣжность охватила его душу. Ему страстно хотѣлось, чтобы мечта его воплотилась, ожила, стала предъ нимъ. Увлеченіе красотой вполнѣ овладѣло имъ, и его эстетическій инстинктъ, кажется, никогда не доводилъ его до такого возбужденія, какъ въ этотъ разъ предъ обманчивымъ призракомъ, носившимся сейчасъ предъ его мысленнымъ взоромъ. Онъ дивился и серьезному овалу лица, и художественно сложеннымъ плечамъ, и груди, и тонкой изящной таліи. Онъ весь горѣлъ, дрожалъ отъ страстнаго напряженія и забывалъ, что все это—одна только мечта.

Наконецъ совсѣмъ стемнѣло, въ аллеѣ уже ничего нельзя было видѣть. Онъ опять повернулъ къ павильону. Недавнія ощущенія снова вернулись къ нему. Невольно съ какимъ-то страхомъ не разъ осматривался онъ. Вечерняя глубокая тишина все больше угнетала и томила его. Не слышно было даже крика сверчка. Мишичъ могъ слышать движеніе крови въ вискахъ. Вдругъ почудилось ему, что позади за нимъ послышался не то шопотъ, не то шипѣнье—оглянулся, но ничего не было. Мѣсяцъ какъ разъ выглянулъ изъ-за лѣсной чащи и слабый лучъ его облилъ и павильонъ, и торчащую на немъ голову китайца, на лицѣ котораго появилась какъ-будто злобная усмѣшка. Минуту спустя все уже было въ лунномъ

Digitized by Google

свѣтѣ. Небо было темноголубое съ блестящими кое-гдѣ звѣздочками. Возлѣ мѣсяца виднѣлось темноватое круглое облачко, края котораго со стороны мѣсяца получали уже яркій металлическій блескъ. Докторъ повернулъ взглядъ на облако и опять отдался своимъ мечтамъ. Тутъ еще яснѣе ему послышался шелестъ и шопотъ, и ему казалось, что онъ слышитъ свое имя. Онъ поднялся со скамьи и устремилъ взглядъ на канаву. И, дѣйствительно, онъ увидѣлъ тамъ что-то внизу. Ему казалось, что тамъ предъ нимъ было такое видѣніе, которое поразило его во снѣ: ему казалось даже, что ему даютъ знакъ рукой. Хоть лица онъ и не могъ разсмотрѣть, но ему представлялось, что это лицо было печально, несчастно и зоветъ его на помощь. Онъ бросился впередъ и только тутъ пришелъ въ себя.

— Ужъ не сошелъ ли я съ ума? Или все это—мои первы?—съ болью и отчаяніемъ вскричалъ онъ и обѣ руки приложилъ ко лбу.

Лобъ его горѣлъ и онъ слышалъ, какъ его кровь струилась въ жилахъ.

Мишичъ порывисто оставилъ павильонъ и, стыдясь за самого себя, направился къ канавѣ и по высокой росистой травѣ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ чудилось ему видѣнье. Лягушка прыгнула у него изъ-подъ ногъ и онъ вздрогнулъ. Все было покойно и пусто, и только расцвѣтшая сирень, облитая луннымъ свѣтомъ, разрѣшила предъ нимъ загадку видѣнья.

— То-то же!—побѣдоносно, съ улыбкой проговорилъ онъ и рѣшилъ въ тотъ же вечеръ принять холодную ванну.

Въ эту ночь не было сновидѣній. Онъ спалъ крѣпко, и когда проснулся утромъ, солнце было уже высоко. Даже обычной меланхоліи онъ не чувствовалъ.

— Эврика!—воскликнулъ онъ, приписывая холодной ваннѣ мирно проведенную ночь. Онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ этому лечебному средству.—Вѣдь я знаю, что это происходитъ отъ взбудораженныхъ первовъ.

Но послѣ обѣда ему было не по себѣ, вслѣдствіе того, что онъ снова не видалъ во снѣ свою красавицу. Страстное желаніе засѣло въ его душѣ: видѣть *ее*, хоть только бы во снѣ! Когда ему пришло на мысль, что ея образъ исчезнетъ предъ нимъ, что онъ не будетъ больше носить ее въ душѣ своей, если прекратятся его сновидѣнія, ему становилось такъ грустно, какъ будто онъ терялъ на вѣки дорогое, любимое существо.

Прошло восемь дней, а сонъ не повторялся. Мишичъ сильно жалѣлъ объ этомъ. Онъ не придавалъ этому особеннаго зна-

Digitized by Google

ченія и все-таки горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть такую красоту. Только взглянуть бы на такое совершенство! До сихъ поръ онъ никому не сообщалъ о своихъ видѣніяхъ. Отъ этого что-то его удерживало, а что именно—онъ и самъ не умѣлъ уяснить. Наконецъ, когда онъ порѣшилъ, что ужъ все прошло, разсказалъ вечеромъ въ Брезовицѣ у Баторича [1]) о своемъ снѣ и съ увлеченіемъ обрисовывалъ красоту дѣвушки.

— Fine finaliter,—онъ изъ шутки перенялъ манеру бесѣды у своихъ сосѣдей,—во мнѣ таится ваятель или живописецъ а я—я только врачъ! Право, я разошелся съ своимъ призваніемъ,—шутливо заключилъ Мишичъ.

Радичевичъ только кивнулъ головой и пожелалъ, чтобы Мишичъ снова разсказалъ о приключеніи въ саду.

— Говорю вамъ, что это—нервы! Все обусловливается ихъ взбудораженностью!—заключилъ Мишичъ.

— Да, да! Ты правъ,—вмѣшался illustrissimus Баторичъ,—и я готовъ сказать, что это отъ нервовъ. Но вотъ что касается до сна — такъ это иное дѣло. Вѣдь знаешь, какъ говорилъ нашъ старикъ Горацій: Post mediam noctem cum somnia vera... а классическіе писатели были люди умные и всегда попадали на слѣдъ истины. Ad propositа — есть для тебя у нихъ прекрасная книга. Написалъ ее нѣкто Artemidorus, и называется она, кажется, ὀνειροκριτικά [2]). Я въ молодости имѣлъ ее подъ руками — она была у старика графа Кеглевича. Если бы она тебѣ попалась въ руки, clarissime, ты бы прочиталъ ее, быть можетъ, и нашелъ бы тамъ разъясненіе своего сна.

Мишичъ только посмѣялся и за ужиномъ, не смотря на всѣ увѣщанія, не погрѣшилъ противъ наложенной на себя діэты.

Нѣсколько дней спустя, почью, онъ опять увидѣлъ во снѣ свою красавицу. На этотъ разъ ему приснилось, что онъ былъ студентомъ вѣнскаго университета, и былъ въ анатомической аудиторіи. Служитель заявилъ Мишичу, что сегодня на его долю будетъ цѣлый трупъ, и прибавилъ, что заслуживаетъ награды, потому что онъ такъ подогналъ вскрытіе, что всѣ остальные слушатели сердятся и завидуютъ Мишичу.

— Смотрите только, господинъ докторъ,—прибавилъ служитель,—чтобы вамъ чего не приключилось, пожалуй, и сердечко потеряете—такая она красавица!

Подойдя къ анатомическому столу, Мишичъ увидалъ свою

---

[1]) Брезовица—помѣстье Баторича.

[2]) Разъясненіе сновидѣній.

Digitized by Google

красавицу безъ покрова. Онъ почувствовалъ, что знаетъ ее, но не могъ припомнить, гдѣ и когда ее видѣлъ. Пораженный красотой, онъ долго не брался за ножъ. Ему жаль было рѣзать ея грудь для своего препарата по анатоміи. Онъ не зналъ, какъ тутъ поступить.

Онъ не могъ двинуться: руки и ноги его одеревенѣли, глаза не поворачивались, онъ ничего больше не видалъ, только какъ будто откуда-то издалека слышались ему латинскіе разговоры, которыхъ онъ не понималъ, зналъ только, что говорятъ по-латыни, и чувствовалъ, что онъ сильно страдаетъ физически. Отъ страха онъ проснулся. На фосфоризованномъ циферблатѣ будильника стрѣлка показывала одинъ часъ и десять минутъ.

— „Post mediam noctem, cum somnia vera..."—были первыя его слова, исполненныя ужаса. Прежнее безпокойное состояніе и меланхолія вернулись къ нему.

— Увидать такую красавицу!..—съ болью сказалъ онъ, минуту спустя.—А не можетъ ли это быть и въ дѣйствительности? Что значитъ такое упорное появленіе однихъ и тѣхъ же образовъ? Что значитъ самое сходство въ обстановкѣ. Откуда же происходятъ эти волнующія ощущенія, если бы не было ничего въ дѣйствительности?—спрашивалъ онъ себя. Онъ уже не желалъ прибѣгнуть къ помощи своего разума и постулатамъ своей науки и какъ-то сладостно предался мысли, что дивное явленіе во снѣ—не эфемерное проявленіе его мечты, а созданіе, существующее въ дѣйствительности,—какого бы рода оно ни было. „Но зачѣмъ она является мнѣ во снѣ въ такой ужасающей обстановкѣ?" — спрашивалъ онъ себя въ мечтахъ и на его сердце ложилось что-то холодное, словно змѣя, и онъ опять впадалъ въ прежнюю меланхолію.

Съ этой ночи опять ему являлись страшные сны, въ которыхъ фигурировала его красавица всегда въ какой-нибудь ужасающей обстановкѣ. И каждый разъ онъ просыпался отъ такого сна въ невольномъ ужасѣ. Если же сонъ не будилъ его, то на утро все-таки онъ чувствовалъ и меланхолію, и грусть, какъ бы въ ожиданіи чего-то ужаснаго.

Но кромѣ этихъ страшныхъ снова бывали и эротическіе, въ которыхъ тоже фигурировала красавица. Эти свиданія происходили въ какихъ-то невѣдомыхъ краяхъ, полны такой драматической живости, какой у него не проявлялось въ жизни, сколько помнилъ онъ: тамъ были и горячія признанія въ любви и жгучія страсти ревности. Часто онъ раздвапался въ мечтахъ о себѣ и зависть играла тутъ не послѣднюю роль. А

Digitized by Google

ее всегда онъ видѣлъ въ ея совершенной красѣ, всю обвѣянную поэзіей горя и несчастія.

Эти сновидѣнія стали для него настолько сладостны, что онъ только и мечталъ о нихъ. Чтобы навѣрное увидѣть во снѣ желаемое, онъ усиленно съ вечера предавался мечтамъ о дѣвушкѣ: но вскорѣ замѣтилъ, что именно послѣ долгихъ мечтаній о красавицѣ никогда не появлялась она ему во снѣ. Обо всемъ этомъ онъ болѣе уже ни съ кѣмъ не говорилъ и старательно избѣгалъ всѣхъ поводовъ къ такому разговору. Если Радичевичъ или Баторичъ заговаривали объ этомъ, Мишичъ только съ усмѣшкой кивалъ головой и направлялъ разговоръ къ иной матеріи. Онъ самъ не зналъ, что долженъ думать обо всемъ этомъ, и только страстно желалъ одного—чтобы образъ дѣвушки никогда не выходилъ изъ его представленія. Еще въ дѣтствѣ онъ учился рисовать и теперь вздумалъ испытать: не сумѣетъ-ли изобразить на бумагѣ свои видѣнія; но въ первую же четверть часа отбросилъ карандашъ и прибѣгъ къ другому средству: завелъ записную книжку, въ которую рѣшилъ вносить всѣ свои сновидѣнія.

Какъ-то вечеромъ, Мишичъ хотѣлъ лечь въ постель ранѣе обыкновеннаго, потому что былъ весьма утомленъ работой цѣлаго дня. Погода дѣлалась бурной. Вдали слышались раскаты грома, мрачныя облака стали появляться на небосклонѣ, освѣщаемомъ пока луной, и молніи уже прорѣзывали воздухъ. Мишичъ, не забывавшій о своей нервозности, направился къ окнамъ и намѣревался закрыть жалюзи, чтобы молнія и громъ не безпокоили его ночью.

Вскорѣ онъ заснулъ и увидалъ во снѣ, что онъ спитъ въ этой же комнатѣ на кровати и видитъ, какъ сквозь щели жалюзи время отъ времени мелькаетъ голубоватый блескъ молніи; затѣмъ видитъ, какъ въ сосѣднюю комнату входитъ его слуга со свѣчей, до половины сгорѣвшей, отворяетъ шкафъ, беретъ оттуда бутылку лучшаго коньяку и прячетъ ее за пазуху, а затѣмъ на цыпочкахъ уходитъ. Мишичъ, все еще лежа въ постели, видитъ его въ корридорѣ, видитъ, какъ слуга спускается внизъ и входитъ въ свою комнату, гдѣ его ожидаетъ цѣлое общество мужчинъ и женщинъ. Далѣе онъ не слѣдилъ за нимъ и не дивился тому, что это онъ видѣлъ, не оставляя постели. Взглянувъ въ сторону оконъ, онъ увидалъ, что идетъ сильный дождь и что по дорогѣ несется очень быстро какая-то, должно быть, крестьянская телѣжка. И далеко, Богъ вѣсть какъ далеко онъ все видѣлъ ее. Потомъ по большой проѣздной дорогѣ онъ увидалъ одиноко стоящее

Digitized by Google

низенькое длинное строеніе, очевидно—корчму. Предъ ней стояло множество извозчичьихъ фуръ, а большая задымленная комната корчмы была биткомъ набита извощиками, крестьянами и разными оборванцами. Жирный корчмарь съ худой корчмарихой, запачканной также, какъ и служанка, молодая дѣвушка-словинка, живо повертывались между посѣтителями и ежеминутно подавали или вино, или сигары, или ракію [1]). Въ углу у печки одиноко сидѣлъ согбенный человѣкъ, въ длинномъ до полу сюргукѣ, изношенномъ, неизвѣстно уже какого цвѣта. На колѣняхъ у него лежала скрипка. Длинные курчавые волосы его падали на измученное отъ бездолья и коричневое отъ загара лицо, обросшее черной бородой; а такъ какъ онъ сидѣлъ нагнувшись, то борода его въ безпорядкѣ опускалась на грудь. По чьему-то знаку или приказанію онъ взялъ скрипку, выпрямился и началъ играть. Долгій печальный аккордъ раздался въ комнатѣ и тихимъ, дрожащимъ финаломъ замеръ въ шумѣ пьяныхъ голосовъ. Музыкантъ повернулся и кому-то грустно кивнулъ головой. Откуда-то вышла молодая дѣвушка, въ коротенькой азіатской одеждѣ розоваго цвѣта съ голубыми шнурами и, остановившись возлѣ музыканта, начала пѣть, обратившись къ нему лицомъ. У нея былъ удивительно нѣжный обворожительный голосъ. Онъ звучалъ сначала тихо, чуть слышно, потомъ зазвучалъ страстно и громко, и наконецъ выразился въ гармоніи то нѣжныхъ, то сильныхъ тоновъ, пока не изчезъ въ сладостномъ чарующемъ замираніи. Мишичъ не понималъ ни словъ пѣсни, ни мелодіи, и только чувствовалъ, что слышитъ такое чарующее художественное пѣніе, какого ему еще не доводилось слышать. Лицо пѣвицы онъ не могъ видѣть. Но когда при концѣ пѣнія пьяная толпа заголосила и закричала, что ей не нужно такихъ печальныхъ поповскихъ пѣсенъ, что „цыганка“ пусть споетъ что-нибудь веселое, „нашинское“,—дѣвушка обернулась лицомъ къ „публикѣ“. По овальному бѣлому съ смуглымъ оттѣнкомъ лицу, по роскошной черной шевелюрѣ, по крупнымъ очамъ и лебединой шейкѣ и по всей фигурѣ—Мишичъ въ этой „цыганкѣ“ призналъ свою красавицу, появлявшуюся всегда во снѣ. Ему было страшно досадно и грустно, что онъ еще въ постели. А теперь его красавица была еще обворожительнѣе, чѣмъ прежде. И теперь на лицѣ ея видна была какая-то несказанная грусть, и теперь глаза ея какъ-то мрачно смотрѣли впередъ—и все-таки все существо ея отдавало го-

[1]) Водка.

Digitized by Google

рячей молодой жизнью. Такъ граціозна, такъ поэтична была ея испуганная дѣтская фигура съ мягкой улыбкой и удивленнымъ взглядомъ ея печальныхъ глазъ, полуприкрытыхъ такими длинными рѣсницами, что отъ нихъ падала тѣнь на лицо. Она начала снова пѣть—и тоны новой пѣсни были еще грустнѣе, чѣмъ прежней. Пока она пѣла, все смолкло. Даже болѣе опьянѣвшіе извозчики подперли руками свои головы и съ открытыми ртами слушали пѣніе. Другіе, крѣпче державшіеся на ногахъ, подошли ближе къ пѣвицѣ, окружили ее, глупо глазѣли на нее, одобрительно покачивали головами и даже отирали слезы, выступавшія на глазахъ. Когда замеръ послѣдній звукъ пѣсни, въ противоположномъ углу комнаты послышался крикъ: „Не надо мнѣ такихъ заунывныхъ пѣсенъ... отъ нихъ и въ груди, и въ глоткѣ больно!.. Пой, вѣдьма, какую ни-на-есть веселую!“—и здоровенный оборванецъ, какъ дикій звѣрь соскочилъ съ лавки, при чемъ стаканы, стоявшіе около, разбились и, пошатываясь отъ опьяненія, направился къ музыканту.

— Веселую, веселую пусть поетъ!—кричало еще нѣсколько человѣкъ, присоединившихся къ оборванцу и окружившихъ бѣдняка-музыканта.

— Отстаньте, гадины, чтобы вамъ было пусто!... Отстаньте! Пусть она поетъ такъ же, какъ пѣла! Хорошо она пѣла,—что еще вамъ надо?

— Пусть она такъ же поетъ!—кричали другіе, прежде составившіе кружокъ около пѣвицы.

— Нельзя пѣть!—раздались крики другой партіи—и начался страшный шумъ, крикъ, бѣшеная свалка. У бѣдняка-музыканта разбили скрипку и онъ, опустивъ голову, схватилъ дѣвушку за руку и поспѣшно направился къ дверямъ. Въ эту минуту пролетѣла бутылка и ударилась въ високъ дѣвушки. Она, не произнеся ни звука, упала и какъ-то свернулась, а не растянулась на полу. Мишичъ закричалъ отъ испуга—и проснулся.

Онъ такъ былъ взволнованъ, что не могъ уже потомъ закрыть глаза. „Откуда берутся эти страшныя, непонятныя картины?—спрашивалъ онъ себя почти съ отчаяніемъ и боязнью,—не первые ли это симптомы помѣшательства? Какъ все это ясно, какъ живо представляется... совершенно какъ дѣйствительность! Это ужъ не фантазія! Я ужъ не пойму хорошенько—во снѣ ли я все это видѣлъ! Все это словно на-яву. Я долженъ ѣхать въ Вѣну къ врачамъ... пусть они меня осмотрятъ! Страшно подумать, что я сойду съ ума!“

Digitized by Google

Онъ приходилъ просто въ отчаяніе и рѣшился всѣми силами бороться съ мечтами о красавицѣ, не давать имъ воли. Оттого и приходятъ такіе сны, которые своей обманчивой дѣйствительностью превосходятъ натуру сновидѣній... Онъ не могъ уже оставаться въ постели, всталъ и въ одной сорочкѣ началъ бродить по спальнѣ изъ угла въ уголъ. Потомъ машинально пошелъ въ сосѣднюю комнату и отворилъ шкафъ. Ранѣе всего посмотрѣлъ на полку, на которой помѣщался коньякъ. Онъ такъ былъ пораженъ при этомъ, что невольно отступилъ шага на два назадъ: на полкѣ не было той самой бутылки коньяку, которую онъ видѣлъ во снѣ. Онъ тотчасъ же рѣшилъ направиться къ комнатѣ своего служителя — не съ цѣлью уличить его въ правдѣ, но единственно для провѣрки сна. Въ корридоръ изъ нижняго этажа, гдѣ помѣщалась прислуга, доносилось пѣніе пьяныхъ голосовъ. И это чудилось ему во снѣ. Онъ поражался всѣмъ этимъ еще сильнѣе, и съ какой-то боязнью пошелъ внизъ. Но на первой же ступенькѣ лѣстницы ему вспало на умъ: „Да вѣдь я сквозь сонъ слышалъ именно внизу это пьяное пѣнье—и потому во снѣ и явилась соотвѣтственная картина“! И онъ, ударивъ себя по лбу, успокоенный, съ улыбкой, возвратился въ спальню. „Вѣдь чего добраго—изъ меня вышелъ бы, пожалуй, какой-нибудь Радичевичъ!“—подумалъ онъ. Проходя мимо знакомаго намъ шкафа, онъ опять вспомнилъ о коньякѣ и рѣшилъ: „ребячество... пустяки... случай! Вѣроятно, я уже вчера замѣтилъ, что одной бутылки тамъ не доставало, да и не думалъ потомъ объ этомъ, а во снѣ и воспроизвелось это событіе“...

И успокоенный, онъ опять легъ въ постель.

На другой день часовъ въ двѣнадцать, когда пріемъ больныхъ былъ уже законченъ, къ Мишичу явился гонецъ отъ уѣзднаго судьи и доставилъ оффиціальный вызовъ немедленно явиться въ судъ, чтобы въ качествѣ эксперта быть при уголовно-слѣдственной коммиссіи, по случаю насильственной смерти, бывшему гдѣ-то не близко на краю уѣзда. Въ другое время онъ весьма хладнокровно принялъ бы такую повѣстку, но на этотъ разъ онъ невольно вспомнилъ послѣдній свой сонъ. „Тутъ что-нибудь да есть!“—прошепталъ онъ, читая полученную повѣстку; но тотчасъ же и осудилъ свой порывъ: „Въ такомъ возбужденномъ состояніи какъ разъ съ ума спятишь!“—подумалъ онъ. И дѣйствительно, онъ былъ сильно взволнованъ. И сонъ самъ по себѣ, потомъ безсонная ночь,

Digitized by Google

да и самое возбужденное состояніе, длившееся недѣлю, сдѣлало то, что теперь Мишичъ былъ нервознѣе обыкновеннаго.

У него тряслись руки, когда онъ въ свой обычный сакъ укладывалъ инструменты, необходимые при вскрытіи. Три раза онъ садился въ экипажъ и три раза возвращался въ кабинетъ свой, чтобы захватить забытыя вещи, необходимыя при вскрытіи.

Въ судѣ Мишичъ уже не засталъ слѣдственной коммиссіи: судья съ письмоводителемъ и старикомъ-врачемъ отправились ранѣе на мѣсто событія, и Мишичу оставили распоряженіе прибыть вслѣдъ за ними.

Это происходило въ августѣ, и послѣ полудня была сильная жара. На дорогѣ вездѣ была густая желтая пыль, которая за экипажемъ поднималась, какъ облако. Воздухъ былъ тяжелъ и горячъ, такъ что трудно было дышать. Мишичъ нетерпѣливо желалъ скорѣе добраться до мѣста и въ тоже время боялся минуты прибытія туда. Онъ самъ не могъ разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, припоминая, какъ странно, что онъ ѣдетъ на слѣдствіе по дѣлу, напоминающему его послѣдній сонъ.

„Наконецъ... Какъ этому вѣрить! Вздоръ—пустяки! Такія страшныя событія всегда путаютъ наши понятія! Изъ всего этого вижу одно, что человѣкъ никогда не застрахованъ отъ суевѣрій!"—говорилъ Мишичъ, старавшійся прогнать отъ себя подобныя мысли.

Часа черезъ два онъ уже былъ на мѣстѣ. Деревенскій пандуръ 1) уже ожидалъ его и отвелъ на кладбище къ покойницкой. Возлѣ покойницкой, около стола, вынесеннаго изъ нея, стояло много народа подъ открытымъ небомъ. У стола сидѣлъ письмоводитель, записавшій въ протоколъ показанія свидѣтелей. Мишичъ мимоходомъ взглянулъ на эту толпу. Тутъ ему почудилось, что всѣхъ этихъ лицъ онъ гдѣ-то видѣлъ, но разсуждать объ этомъ ему было некогда. Судья тотчасъ же подошелъ къ нему и, указывая на дверцы покойницкой, предложилъ ему произвести осмотръ трупа, пока будутъ выслушиваться свидѣтели.

— Смертоубійство!.. Какую-то цыганку убили! Такъ, пожалуйста, докторъ, сдѣлайте осмотръ и потомъ продиктуйте, что найдете, и ваше мнѣніе по этому дѣлу. Надобно поберечь время. Вскрывать будете вы, какъ младшій,—вѣдь такъ, clarissime Ашбаеръ?—говорилъ судья.

1) Полицейскій служитель; разсыльный при оффиціальныхъ учрежденіяхъ и лицахъ.

Digitized by Google

— Да, да! Пусть займется этимъ коллега!—отвѣчалъ старшій врачъ человѣкъ очень пожилой и очень толстый. Я ужъ довольно поработалъ, да и голова у меня что-то болитъ; не могу даже войдти туда. Я безпрекословно подпишусь подъ вашимъ мнѣніемъ. Пойду въ село да поищу гдѣ-нибудь стаканъ вина. Вы, коллега, и безъ меня все кончите. Да и случай-то совсѣмъ простой: смертельный ударъ по виску, кажется, по лѣвому, пробитъ черепъ надъ ухомъ—да, да, пустое дѣло... Такъ до свиданія. Еще не успѣете кончить вскрытіе, какъ я вернусь. Spectabilis судья! Вѣдь вы противъ этого ничего не имѣете? — И старикъ докторъ вышелъ изъ толпы и своимъ утинымъ шагомъ направился къ селу.

Мишичъ приготовилъ инструменты, велѣлъ принести воды въ покойницкую и пошелъ туда вмѣстѣ съ могильщикомъ и пандуромъ. Тамъ было мало свѣта, проходившаго только чрезъ маленькое окно надъ входомъ. Помѣщеніе было очень тѣсно, стѣны отъ сырости были потемнѣвшія и позеленѣвшія, въ воздухѣ отдавало плѣсенью. Посрединѣ, стоялъ неуклюжій столъ топорной работы. На немъ лежалъ трупъ, совершенно закрытый грязнымъ длиннымъ покровомъ, изъ-подъ котораго только выглядывали запыленные стоптанные башмаки, а на противоположномъ концѣ покрова, гдѣ должна была помѣщаться голова, виднѣлись кровавыя пятна.

Мишичъ и безъ того былъ въ взволнованномъ состояніи, подъ вліяніемъ послѣдняго сна, а теперь, при видѣ крови во мракѣ покойницкой, невольно вспомнилъ о прежнихъ сновидѣніяхъ. „Что, если подъ этимъ покровомъ лежитъ *она!* Это было бы ужасно!“—думалъ онъ, дрожа болѣе отъ мысли, что увидитъ ее мертвой, чѣмъ отъ мысли объ осуществленіи сна. Чувство его походило на ощущеніе опасенія влюбленнаго за жизнь своей возлюбленной. Прежде при осмотрахъ труповъ, онъ обыкновенно самъ снималъ съ нихъ покровы, не желая, чтобы неловкая рука крестьянина неумѣло обходилась съ окоченѣвшими членами покойниковъ. Теперь же онъ или не хотѣлъ, или не могъ поступить по своему обыкновенію, и велѣлъ могильщику заступить его мѣсто, а самъ отвернулся къ дверямъ и смотрѣлъ на поле, откуда доносились къ нему вопросы судьи и отвѣты выслушиваемыхъ лицъ.

— Да кто знаетъ, сколько насъ тамъ было! Вся корчма была полнымъ полна!—отвѣчалъ одинъ. — Вдругъ начался шумъ и крикъ, начали драться, кто знаетъ—какъ, изъ-за чего? словно нечистый впутался! Всѣ были пьяны, и какъ тутъ разберешь, кто изъ нихъ виноватъ... Я неповиненъ, могу при-

Digitized by Google

сягнуть предъ Распятіемъ, я ни до кого и не дотронулся! Я не виновенъ.

— О, о!..—трогательно звучалъ со стороны другой голосъ.— Всѣ вы виноваты! О, Боже! Убить такое дитя! Взять у меня, старика, кормилицу! Куда я теперь дѣнусь? Умоляю, умоляю васъ, милосердный и пресвѣтлый судья! Засадите всѣхъ ихъ въ тюрьму, и пусть они мнѣ заплатятъ, много пусть заплатятъ!.. Бѣдное мое дитя! Убили, какъ кошку какую!.. И скрипку у меня разбили, старинную итальянскую скрипку. Лучше ея не бывало ни у одного примаса!

Мишичу чудилось, что и голосъ этотъ ему знакомъ, и онъ уже хотѣлъ выйти къ толпѣ, чтобы взглянуть на горюющаго старика, но что-то удержало его и онъ остался на мѣстѣ.

— Мы готовы!—послышались сзади голоса могильщика и пандура. Мишичъ вздрогнулъ и, стараясь не смотрѣть на столъ, нагнулся къ футляру съ инструментами. За дверями все сильнѣе раздавались вопли старика. Хоть и незачѣмъ было долго рыться между инструментами, Мишичъ долго копался между ними, перерывая пожи, ножницы и ланцеты, не поднимаясь съ пола:

— Надо бы еще свѣчъ,—замѣтилъ могильщикъ, желая напомнить Мишичу, что пора начинать.

Со вздохомъ поднялся Мишичъ и съ чрезвычайнымъ напряженіемъ направился къ столу, все еще не желая взглянуть на трупъ.

„Глупости! Что это лѣзетъ мнѣ въ голову! Вѣдь я не Радичевичъ!“—съ досадой пробормоталъ онъ и подошелъ къ самому столу.

„Да!.. Это она!“—почти вслухъ проговорилъ онъ и отскочилъ на два шага, руки его опустились. На столѣ лежало голое тѣло еще молоденькой красавицы-дѣвушки. Ея прелестное личико съ выраженіемъ испуга и боли—словно смотрѣло на доктора большими, широко раскрытыми глазами; на длинныхъ рѣсницахъ и густыхъ бровяхъ замѣтна была пыль, волосы были въ безпорядкѣ и одинъ локонъ подъ ухомъ съ запекшейся кровью представлялъ какой-то клубокъ.

„Нѣтъ не можетъ быть! — сказалъ Мишичъ, помолчавъ съ минуту.—Это тоже самое, что и въ саду, гдѣ я цвѣтущую сирень принялъ за дѣвушку. Нервы мои, нервы мои!“—и онъ схватился за лобъ. Но чѣмъ дольше глядѣлъ, онъ тѣмъ болѣе убѣждался, что этотъ трупъ тождественъ съ видѣннымъ имъ когда-то во снѣ.

„Несомнѣнно! Тѣ-же формы, тѣже черты лица, которыя

Digitized by Google

я столько разъ видѣлъ во снѣ! Это она! Это она!"—болѣзненно вскричалъ онъ, и сильная боль, и глухое состраданіе пронизали его душу, и слезы выступили на глазахъ.

— Это она!—шепталъ онъ, едва переводя дыханіе при видѣ поражающихъ красотою формъ, не совсѣмъ окоченѣвшихъ и еще не мертвенно-блѣдныхъ. Онъ узнавалъ каждую линію, видѣлъ и маленькую черную родинку надъ правымъ бедромъ, замѣченную во снѣ. Да, эта она. И правая рука ея точно также покоилась надъ правой грудью, какъ представлялась въ первомъ сновидѣніи. Мишичъ дрожалъ, ужасъ охватывалъ его. Словно надъ нимъ проносилось какое-то таинственное, роковое облако, кидающее на него свою страшную тѣнь, съ надземнаго міра.

— Значитъ, сонъ не лжетъ! — громко проговорилъ онъ, не обращая вниманія на двоихъ присутствующихъ.—То самое тѣло и въ той же обстановкѣ, какъ въ сновидѣніяхъ! И самое убійство!.. Говорили, что была свалка!.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Это просто случайность!.. А можетъ быть, что я плохо вижу... Негодные нервы!.. Постоянно думалъ объ этомъ явленіи — и во всемъ вижу его...

И Мишичъ съ лихорадочнымъ порывомъ подскочилъ къ могильщику и началъ разспрашивать его, въ какомъ видѣ представляется ему трупъ. Могильщикъ удивленно взглянулъ на Мишича, глуповато ухмыльнулся, взглянувъ на пандура, и почесалъ за ухомъ.

— Вѣдь сами, господинъ докторъ, видите! Красивая была, жаль, что ее убили. Молодая еще дѣвушка!

— Но скажите, какіе у ней волосы? И тѣломъ не худа?.. Да говорите же...

— Господи помилуй, господинъ докторъ!.. Черноволосая, а на счетъ тѣла—какъ бы сказать?—молода, красива, не толста.

— Есть ли у нея надъ бедромъ родинка?

— Есть!.. Какъ же!.. Еще бы не быть!.. Вотъ она, на виду.

„Значитъ, я хорошо вижу! — проговорилъ про себя Мишичъ.—Она!.. Дѣйствительно она!"

Онъ уже пересталъ думать о своемъ снѣ и только смотрѣлъ на красивое тѣло дѣвушки. Вдругъ онъ почувствовалъ необходимость остаться одному предъ трупомъ и выслалъ изъ покойницкой и могильщика, и пандура.

Долго, долго смотрѣлъ онъ на трупъ. Красота дѣвушки опять, какъ бы во снѣ, ослѣпляла его взглядъ. И невыразимая жалость, и святое умиленіе, и страшное отчаяніе переполнили его душу. „Какъ хороша, какъ очаровательна! Какъ достойна

Digitized by Google

счастія—и отъ всего этого остался только трупъ!.. За что такая ужасная участь?" И онъ сталъ думать о судьбѣ кочующей пѣвицы. Этой судьбѣ мало было убивать ее бѣдной кочевой жизнью и борьбой съ бѣдностью, грѣхомъ и страданіями: ей захотѣлось увѣнчать свое дѣло еще такимъ ударомъ и смертью. Мишичъ вздрогнулъ отъ ужаса. И опять пронеслись въ его душѣ воспоминанія о видѣнныхъ имъ снахъ, и онъ снова переживалъ ихъ, и, стоя предъ мертвецомъ, оплакивалъ его, какъ плачетъ влюбленный при кончинѣ своей возлюбленной. Онъ жаловался на свою суровую судьбу, которая дала ему видѣть только трупъ той красоты, которой полны были и душа его, и сердце. Глубоко нѣжное чувство разлилось по всему его существу и онъ почувствовалъ неотразимое влеченіе поцѣловать мертвое лицо красавицы. Въ головѣ его таились какія-то восторженныя мысли, и онъ началъ вполголоса лепетать, что она принадлежитъ ему, что она его суженая, а не воображаемое только во снѣ существо.

„Да, да! Между нашими душами было согласіе. Она моя—она моя!" — и онъ наклонился и поцѣловалъ ея холодныя уста. Въ первый мигъ онъ вздрогнулъ отъ непріятнаго холода и трупнаго запаха. Но снова брошенный взглядъ на красоту опять привелъ его въ прежній восторгъ, и онъ уже стыдился, что на одинъ мигъ могъ почувствовать отвращеніе отъ прикосновенія къ ней, хоть и не живой, но все же „возлюбленной", и сталъ въ самозабвеніи цѣловать и ея лицо, и волосы, и грудь. Прійдя въ себя, онъ содрогнулся: душу его проникала страшная, неописуемая боль. Онъ ясно чувствовалъ весь трагизмъ этой молодой, прекрасной загубленной жизни и понималъ весь трагизмъ въ жизни своего сердца, своей души. Крупныя слезы покатились по его истерзанному сердечной болью лицу.

Онъ былъ ужасенъ!.. Ужасна была для него эта минута

— Что же, докторъ, начали? — раздался голосъ судьи въ дверяхъ.—Я свое дѣло покончилъ!..

И онъ началъ разсказъ о томъ, что оказалось по слѣдствію. Дѣло происходило именно такъ, какъ снилось Мишичу. За судьей приплелся и отецъ убитой дѣвушки. Мишичъ опять задрожалъ при взглядѣ на него: его фигура была та самая, которую онъ видѣлъ во снѣ.

— Да что съ вами, докторъ? Вы блѣдны... Вы... — прибавилъ судья при видѣ въ концѣ разстроеннаго Мишича.

— Ничего, ничего... Давно ужъ не анатомировалъ.

— Если вамъ дурно, быть можетъ,—то вскрытіе произве-

Digitized by Google

деть Ашбайеръ. Я за нимъ пошлю... Правда, онъ ужъ старъ, и для него это трудновато.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ Мишичъ. Для него была ужасна мысль, что кто-нибудь другой увидитъ это тѣло.

„Я долженъ сдѣлать вскрытіе! Хоть этимъ окажу ей услугу!“— въ безпамятствѣ говорилъ себѣ Мишичъ.

А старикъ-музыкантъ, забравшись въ уголъ, плакалъ и всхлипывалъ, горевалъ о своемъ дѣтищѣ и о скрипкѣ. Судья хотѣлъ его выпроводить на волю, но онъ, воздымая руки, умолялъ оставить его въ покойницкой. Мишичъ не соглашался на это и упросилъ, чтобы всѣ удалились, за исключеніемъ могильщика, который будетъ подавать ему воду.

Оставшись наединѣ съ могильщикомъ, Мишичъ сильнымъ нравственнымъ напряженіемъ заставилъ себя быть покойнѣе. И дѣйствительно, онъ бодро снялъ съ себя сюртукъ, засучилъ рукава и взялся за инструменты. Но уже при первомъ крестообразномъ взрѣзѣ на лбу онъ почувствовалъ мучительную нравственную боль. Онъ долженъ былъ разрушать ножомъ это прелестное гладкое чело, это дивное личико, которое овладѣло его душою уже при первомъ его роковомъ снѣ. Когда ему пришлось снимать кожу и онъ уже сталъ пилить черепъ, вынужденъ былъ останавливаться, ему недоставало свѣжаго воздуха.

Несмотря на все напряженіе, онъ переставалъ владѣть собой. Отъ волненія, болѣзненнаго чувства и скорби его подергивало, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Только благодаря своему отличному знанію анатоміи вообще, онъ и могъ еще продолжать вскрытіе. Но когда онъ вскрывалъ грудь и потомъ животъ,—онъ почти доходилъ до обморочнаго состоянія, и даже сдѣлалъ неправильный прорѣзъ. Крупными каплями выступилъ потъ и на лбу у него, и на всемъ тѣлѣ. Зрѣніе стало измѣнять ему. Вынимая сердце, онъ почувствовалъ себя очень дурно. Съ нимъ случилось что-то вродѣ обморока, онъ покачнулся и верхнею частью тѣла съ крестообразно сложенными руками припалъ къ трупу.

— Бога ради, смотрите, не порѣжьтесь! — вскричалъ могильщикъ, замѣтивъ, что при этомъ паденіи Мишича, его правая рука, въ которой былъ ножъ, попала подъ лѣвое плечо. Мишичъ не слыхалъ его словъ. Смущенный, но быстро оправившійся Мишичъ сталъ безсознательно, механически продолжать свою работу.

Никогда еще вскрытіе такъ долго не совершалось. Кончивъ

Digitized by Google

его, Мишичъ вышелъ изъ покойницкой и позвалъ письмоводителя, чтобы онъ внесъ въ протоколъ докторское показаніе и мнѣніе. Сначала голосъ его дрожалъ, но понемногу Мишичъ оправился и, когда подошелъ докторъ Ашбайеръ, Мишичъ уже былъ въ состояніи вполнѣ ясно продиктовать свое мнѣніе.

При подписаніи протокола вдругъ на бумагу капнула кровь изъ рукава Мишича.

— Что это значитъ?—вскричалъ Ашбайеръ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Мишичъ.—Кажется, я умылся, какъ слѣдуетъ... Не знаю, откуда взялась кровь.

— Но, помилуй Господи! Не порѣзались ли вы?

— Не знаю!—отвѣтилъ Мишичъ уже нѣсколько испуганно.

— Такъ и есть... Кровь сочится. Господи помилуй!.. Вы заразились!

И старикъ-докторъ торопливо сдернулъ съ Мишича сюртукъ и приподнялъ рукавъ сорочки. На лѣвой рукѣ, близъ плеча, былъ видѣнъ узкій и длинный надрѣзъ.

— Боже! Какъ это случилось... такъ высоко?.. На ладони, на пальцахъ—еще было бы понятно, а такъ высоко!.. Какъ могъ попасть туда ножъ? Въ этомъ мѣстѣ невозможно порѣзаться!

Могильщикъ на это заявилъ, что замѣтилъ, какъ докторъ ножемъ задѣлъ плечо, когда ему сдѣлалось дурно и онъ опустился на трупъ.

— Ахъ ты, несчастный! И ты ничего не сказалъ? Болванъ, болванъ, развѣ ты не знаешь, что это не простое пораненіе? Не знаешь, что это—отрава, смерть, если тотчасъ же не подать помощи? Вѣдь теперь ужъ прошло съ того времени часа два...—кричалъ Ашбайеръ.

Тотчасъ же онъ пошелъ къ дорожному саку Мишича, чтобы взять средства, нужныя въ такихъ случаяхъ; но тамъ не оказалось ни спирта, ни ляписа, ни селитряной кислоты—ничего не оказалось. При взволнованномъ состояніи, въ которомъ Мишичъ собирался на слѣдствіе, онъ забылъ о футлярѣ, въ которомъ хранились эти средства.

— Господи, что же мы станемъ дѣлать?!—говорилъ старикъ-докторъ, пока Мишичъ недвижимо стоялъ, какъ потерянный.—Высосать рану ужъ теперь поздно.

— Очень поздно! — замѣтилъ Мишичъ, какъ бы про себя, какъ-то торжественно и глухо.

Онъ былъ какъ будто подавленъ чувствомъ какого-то могучаго абсолютнаго закона, свершающаго свою волю, не обра-

Digitized by Google

шая ни на что вниманія, — закона, противъ котораго нельзя бороться. Теперь для него вполнѣ прояснялся его вѣщій сонъ.

— И это окоченѣвшее тѣло, и этотъ гробъ, и утопаніе въ водѣ, и эти ея поцѣлуи—все это было предсказано и показано во снѣ. Смерть ждала меня—отсюда и моя меланхолія—душа моя предвидѣла все это во снѣ. Все это должно было свершиться!—шепталъ про себя Мишичъ, не обращая ни на кого и ни на что вниманія. Въ него вселилась какая-то апатія. Онъ былъ подавленъ увѣренностью, что вся человѣческая жизнь, въ самыхъ мелочахъ даже, есть непрерывная цѣпь абсолютно назначенныхъ событій. Теперь ему казалось понятнымъ, что душа его за цѣлыя недѣли впередъ могла знать, что случится въ будущемъ. Въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ и понялъ этотъ природный мистицизмъ. Его механическое и химическое пониманіе міра и самого себя порвалось разомъ и онъ почувствовалъ въ душѣ нѣчто высшее, чѣмъ физіологическій процессъ мозжечка. Но это для него было не тяжко. Напротивъ, онъ почувствовалъ себя болѣе крупнымъ и болѣе сильнымъ существомъ, и мысль о смерти не понижала его ощущеній. Онъ пришелъ въ какой-то мистическій восторгъ, въ которомъ виталъ въ недосягаемой высотѣ и угадывалъ, что смерть не конецъ, а начало перехода къ истинному совершенству. При этомъ вспомнилъ о мертвой дѣвушкѣ—и его охватило какое-то горячее предчувствіе, что онъ еще встрѣтитъ ее.

— Пойдемъ скорѣе въ домъ, — прервалъ его мысли Ашбайеръ.— Сейчасъ пошлемъ экипажъ въ Загребъ за врачами. Это необходимо, какъ вы сами лучше меня знаете,—нечего скрывать опасность! Вы сами знаете, что значитъ трупное отравленіе. Придется ампутировать руку отъ плеча, и вы будете спасены.

— Вы думаете? Г-мъ, не знаю!—отвѣтилъ Мишичъ, думая о своемъ снѣ, но, впрочемъ, ничего не возражалъ на предложеніе Ашбайера и не противился посылать экипажа въ Загребъ за врачемъ, извѣстнѣйшимъ хирургомъ. Какъ будто онъ ни о чемъ не безпокоился.

Уже ночью съ нимъ сдѣлался жаръ и воспаленіе въ зараженной ранѣ. Воспаленіе тотчасъ же дошло до сочлененій. Когда на другой день утромъ прибылъ изъ Загреба хирургъ съ своимъ ассистентомъ, воспаленіе уже захватило плечо: не было уже сомнѣнія, что произошло зараженіе крови. Ампутація была безполезна.

Digitized by Google

— Намъ тутъ нечего дѣлать. Пошлите за священникомъ. Телеграфируйте родственникамъ,—сказалъ Ашбайеру хирургъ и, получивъ за визитъ, уѣхалъ въ Загребъ, гдѣ были у него неотложныя занятія.

Жаръ у Мишича не прекращался. Онъ уже почти не приходилъ въ себя. Болѣзнь шла быстро впередъ; онъ былъ все въ бреду. Фантазія рисовала ему счастливую любовь съ несчастной дѣвушкой; ему представлялись дни, мѣсяцы, годы счастливаго блаженства любви—эта вѣчность заключалась въ нѣсколькихъ часахъ его жизни.

Когда наступала минута его кончины, онъ пришелъ въ себя. Лѣтнее ясное солнце смотрѣло къ нему въ комнату. У кровати сидѣли старики Ашбайеръ и Баторичъ.

— Я умираю!..—проговорилъ Мишичъ.

Докторъ Ашбайеръ только пожалъ плечами.

— Но мнѣ не тяжело!—продолжалъ больной. Онъ говорилъ правду. Онъ чувствовалъ себя какъ-то легкимъ и какъ будто удаленнымъ—удаленнымъ отъ всего окружающаго. Онъ не могъ понять, имѣлъ ли какую-нибудь привязанность и пониманіе всего бывшаго въ его жизни до настоящей минуты. Такъ все странно, такъ все далеко, такъ чуждо было для него. Его не тронулъ даже блестящій золотой лучъ солнца, онъ не жалѣлъ, что видитъ его въ послѣднія минуты, и что онъ на вѣки угаснетъ для него.

Вдругъ на душѣ у него необычайно просвѣтлѣло. Каждая мысль являлась простой, точной—безъ постороннихъ осложненій; а мысли проносились съ быстротой, предъ которой и электрическая казалась ничтожной. Почти всѣ его познанія пронеслись предъ нимъ такъ точно, ясно и полно, какъ никогда до сей минуты. Давно забытыя лица, узнанныя еще на школьной скамьѣ, каждая страница прочитанной когда-то книги—все это зналъ онъ, словно прочиталъ сію минуту. И онъ дивился только тому, что вся жизнь его съ дней дѣтства до послѣднихъ минутъ предстала предъ нимъ. Самыя незначительныя мелочи, пустяки, дѣтскія игры, шалости, разговоры, ощущенія—все, все было предъ нимъ. Но это не было картиной или панорамой. Все это было какъ-то странно, какъ будто все это онъ переживалъ снова. Тутъ не было ни времени, ни пространства. Въ этомъ представленіи не было уже различія между дѣйствительными приключеніями въ его жизни и роковымъ сномъ. Да и сонъ теперь былъ совершенно ясенъ.

Digitized by Google

Сладостное очарованіе охватило его душу и дивный образъ молодой дѣвушки стоялъ предъ нимъ.

— Все прочно, что воспринимаетъ душа—и я теперь вижу, что только это истинно наше. Оно не бросаетъ насъ и въ минуту смерти!—говорилъ онъ вслухъ.

— О, какъ жжетъ!—сказалъ онъ и болѣзненно выпрямился, чтобы перемѣнить положеніе; но тутъ же голова его опустилась на подушку. Его не стало.

Перев. **Н. П. Петровскій.**

Digitized by Google

Восточные мотивы.

VII.

Нубіанка молодая
Поражаетъ красотой.
На устахъ дыханье рая,
Взоръ газели, бровь дугой,

И смугла, и черноока,
Грудь упруга, высока,
На щекахъ—заря востока
И, какъ лань, стройна, легка.

Взглянетъ—жизнь готовъ отдать я,
Бровью тронетъ—самъ не свой:
Такъ и кинулся-бъ въ объятья
Нубіанки молодой.

Нѣтъ, нигдѣ въ предѣлахъ міра
Не найдешь красы такой,
Отъ Хартума до Каира
И за моря синевой!

Я до свѣта сна не знаю.
Сердце ноетъ и щемитъ,
И, заснувъ, во снѣ ласкаю
Темный пухъ ея ланитъ.

Слышу дѣвы нѣжный лепетъ,
Вижу блескъ ея очей,
Юной груди слышу трепетъ,
Шопотъ ласковыхъ рѣчей.

Digitized by Google

О скажи, цвѣтокъ пустыни:
Гдѣ шатры твоихъ отцовъ?
Я твой вѣрный рабъ отнынѣ,
Я на смерть идти готовъ.

Гдѣ оазисъ тотъ, въ которомъ
Ты подъ тѣнью пальмъ живешь,
Чьею властью, чьимъ дозоромъ
Охраняема, цвѣтешь?

На конѣ арабскомъ, бѣломъ,
Въ цѣнной сбруѣ, съ янтаремъ,
Я помчусь подъ кровъ ихъ смѣло,
Самъ въ нарядѣ дорогомъ.

У меня пріютъ тѣнистый,
Садъ плодами отягченъ
И смоковницы душистой
Ароматомъ напоенъ.

У меня—поля пшеницы,
Коней рѣзвыхъ табуны,
Плодовиты кобылицы
И мулы мои сильны.

Я пріѣду за тобою,
Я пріѣду женихомъ:
Не дадутъ, добуду съ бою,
На конѣ умчу верхомъ.

VIII.

Вѣтра дикое стремленье,
Тьма ночная, грома трескъ,
Страшный мигъ землетрясенья
И стрѣлы разящей блескъ,—

Digitized by Google

Все отъ Бога. Онъ и бури
Можетъ вой и визгъ унять,
Тучѣ темной—цвѣтъ лазури,
Ночи дня сіянье дать.

Онъ изсохшую пшеницу
Тучнымъ колосомъ нальетъ,
И гаремъ, и кобылицу,
И стада обережетъ.

Онъ могучъ. Его велѣньемъ
Караванъ погибъ въ пескахъ.
Ницъ пади предъ нимъ съ смиреньемъ
И съ молитвой на устахъ.

IX.

Зной въ горахъ Ливійскихъ пышетъ
И въ Сахарѣ—адъ, она
Раскаленнымъ вѣтромъ дышетъ,
Смерти призраковъ полна.

Мчатся бѣшеныя тучи
Бурей поднятыхъ песковъ
И несетъ ихъ вѣтеръ жгучій
Въ даль и въ высь до облаковъ.

Бедуинъ въ плащѣ широкомъ,
Чрезъ бугры песчаныхъ волнъ,
Хмурый мчится одиноко,
Тучей грозной окруженъ.

Лучъ вечерняго заката
Краснымъ пламенемъ горитъ,
Небо, заревомъ объято,
Ночь зловѣщую сулитъ.

Digitized by Google

Конь, отъ бури убѣгая,
Скачетъ легкій, полный силъ,
Прахъ копытами вздымая,
Уши къ шеѣ приложилъ.

Верблюды, дрожа отъ страха,
Къ вѣтру спинами легли,
И арабъ зоветъ Аллаха
На колѣнахъ, весь въ пыли.

Гнѣвно лапой землю роетъ
Левъ, укрывшись подъ гранитъ,
И шакалъ тоскливо воетъ
У подножья пирамидъ.

X

Не страшенъ острый блескъ меча,
Не страшенъ злой размахъ кинжала,
Ударъ позорный палача,
Змѣи губительное жало.

Вездѣ Аллахъ, какъ вѣрный щитъ,
Обережетъ и съ выси трона
Отъ смертной раны охранитъ
Всѣхъ исполнителей закона,

Спасетъ отъ вражескихъ мечей,
Отъ духовъ злыхъ, отъ женъ сварливыхъ,
Отъ ихъ измѣнъ, отъ ихъ рѣчей,
Притворно ласковыхъ и льстивыхъ.

Но кто среди своихъ заботъ
Сталъ хладенъ къ вѣрѣ, чуждъ молитвы,—
Аллаха гнѣвъ того найдетъ
Въ дѣлахъ, въ пирахъ, на полѣ битвы.

Digitized by Google

Кто гордъ, внушаетъ бѣднымъ страхъ,
Предъ сирымъ чванится кичливо,—
Изсохнетъ все въ его садахъ,
Инжиръ, и финикъ, и олива,

И гдѣ смоковница растетъ
И зрѣетъ сочный плодъ банана,—
Песокъ пустыни тамъ падетъ—
Безводный путь для каравана.

О, кто въ пылу кровавыхъ сѣчь
За вѣру, страхомъ пораженный,
Къ ногамъ гяура броситъ мечъ,—
Какъ песъ издохнетъ, прокаженный!

Д. Стахѣевъ.

Digitized by Google

Новые матеріалы для біографіи князя В. А. Черкасскаго.

Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Матеріалы для біографіи, кн. О. Трубецкой. Т. I кн. 1-я, Москва 1901 г. Т. I книга 2-я, М. 1904 г.

Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій представляетъ собою одну изъ крупныхъ личностей царствованія императора Александра II. Вмѣстѣ съ Н А. Милютинымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: они втроемъ, можно сказать, вынесли на своихъ плечахъ „Положеніе“ 19 февраля 1861 года. Когда въ 1863 году вспыхнулъ польскій мятежъ и, вмѣстѣ съ усмиреніемъ его вооруженною рукою, рѣшено было придать другое устройство Царству Польскому, Государь поручилъ это дѣло Н. А. Милютину, который обратился за содѣйствіемъ къ обоимъ своимъ сотрудникамъ по крестьянскому дѣлу. Не безъ опасности для жизни, по словамъ И. С. Аксакова [1]), объѣхали Милютинъ, Черкасскій и Самаринъ польскій край, и результатомъ этой поѣздки явилось „Положеніе 19 февраля“ 1864 года, надѣлившее польскихъ крестьянъ землею и избавившее ихъ отъ панскаго гнета. Послѣ этого кн. Черкасскій занялъ должность главнаго директора комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ выказалъ большія административныя способности. Онъ оставался на этомъ посту до смерти Н. А. Милютина, бывшаго статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго, а послѣ этого вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву. Тамъ онъ вскорѣ былъ избранъ на должность городского головы, но оставался имъ недолго. Когда

---

[1]) См. рѣчь его, произнесенную въ публичномъ засѣданіи Московскаго славянскаго благотв. общества 5 марта 1878 г.

Digitized by Google

же рѣшено было (1876 г.) объявить войну Турціи, то на кн. Черкасскаго была возложена вѣсьма важная и отвѣтственная должность завѣдующаго гражданскими дѣлами при великомъ князѣ главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, другими словами—дѣло устройства Болгаріи. Какъ извѣстно, ему не пришлось довести это дѣло до конца: онъ скончался въ Санъ-Стефано 19 февраля 1878 г.—какъ разъ въ день подписанія санъ-стефанскаго мирнаго договора.

И. С. Аксаковъ, въ помянутой уже нами рѣчи своей 5 марта 1878 г., даетъ слѣдующую характеристику кн. Черкасскаго, котораго близко зналъ съ юныхъ лѣтъ:

„Онъ былъ безспорно человѣкомъ государственнымъ и принималъ дѣятельное участіе въ величайшихъ государственныхъ дѣяніяхъ нынѣшняго царствованія, но онъ никогда не принадлежалъ къ сонму ни царедворцевъ, ни сановниковъ, не считался у нихъ *своимъ* и не проходилъ обычныхъ ступеней нашей служебной іерархической лѣстницы. Онъ всегда, вольно и невольно, сохранялъ за собою характеръ какъ-бы представителя или делегата отъ общества на государственномъ дѣлѣ, хотя бы онъ былъ и главнымъ его руководителемъ. Его имя служило уже знаменемъ, возвѣщавшимъ всякій разъ особую важность порученной ему работы, ея особое значеніе не только для государственныхъ, но и для общественныхъ, для національныхъ интересовъ.

„Это былъ умъ сильный, обширный, дѣятельный, просвѣщенный многосторонними познаніями, чрезвычайно ясный и обладавшій необыкновенною творческою способностью низводить абстракты на реальную почву, запутаннѣйшія отвлеченныя теоріи приводить къ конкретной, практической формулѣ, и многотруднымъ задачамъ отыскивать самое простое рѣшеніе. Онъ былъ чуждъ всякаго доктринерства въ смыслѣ подобострастія доктринѣ и насильственнаго подчиненія ей жизни, никогда не рабствовалъ отвлеченной логикѣ; напротивъ, онъ считался съ жизнью, съ бытомъ, цѣнилъ и уважалъ русскую исторію и органическія стихіи народа, умѣлъ въ своихъ работахъ примѣниться къ современной дѣйствительности и вступать съ нею въ плодотворное соглашеніе. Онъ не былъ ни идеалистомъ, ни теоретикомъ, но признавалъ значеніе и идеализма, и теоретической дѣятельности, и замѣчательно, что люди, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ, были большею частію именно люди теоріи и идеаловъ, и нисколько практики. Изъ идеаловъ онъ держался наиболѣе доступныхъ осуществленію и любилъ теорію лишь какъ освѣщеніе данныхъ жизни, какъ разумъ фактовъ. Но что онъ любилъ пуще всего и самоотверженно,—это честь и достоинство Россіи, и, безусловно вѣруя въ русскій народъ, въ его великую всемірно-историческую будущность, трудился неутомимо, не щадя силъ,—какъ

Digitized by Google

уже выразился князь Александръ Васильчиковъ въ своей статьѣ,— надъ *основаніями*, а не надъ вѣнцомъ зданія".

Къ этому нужно прибавить, что, по отзывамъ многихъ лицъ, знавшихъ кн. Черкасскаго, характеромъ онъ обладалъ далеко не пріятнымъ,—часто бывалъ рѣзокъ, жестокъ и упрямъ, чѣмъ всюду наживалъ себѣ много враговъ. Чтобы оцѣнить его по достоинству, нужно было узнать его близко.

Дѣятельности кн. В. А. Черкасскаго въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости посвящены двѣ вышедшія въ свѣтъ книги „матеріаловъ" для его біографіи, принадлежащія перу кн. О. Трубецкой. Книги эти заключаютъ въ себѣ богатое собраніе по большей части неопубликованныхъ еще писемъ самого кн. Владиміра Александровича, княгини Е. А. Черкасской, Ю. Ѳ. Самарина, А. И. Кошелева, А. С. Хомякова, И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, Н. А. Милютина, М. А. Милютиной, великой княгини Елены Павловны [1]), ея фрейлины баронессы Э. Ѳ. Раденъ, А. И. Васильчиковой, Я. И. Ростовцева, П. А. Булгакова, П. Семенова, В. Безобразова и другихъ. Кн. О. Трубецкая отнеслась къ предпринятому ею дѣлу съ большимъ вниманіемъ и любовью. Излагая хронологически весь ходъ дѣятельности кн. Черкасскаго по крестьянскому вопросу, она не упускаетъ изъ виду ничего, что могло бы служить къ характеристикѣ эпохи, и потому снабжаетъ приводимые документы примѣчаніями, разъясненіями, выписками изъ записокъ современниковъ и т. д. Благодаря этому, является изъ-подъ спуда много любопытныхъ и новыхъ данныхъ, касающихся общественной и частной жизни нашего общества въ первой половинѣ XIX вѣка

Пользуясь матеріалами, заключающимися въ почтенномъ трудѣ кн. О. Трубецкой, мы познакомимъ читателей съ дѣятельностью кн. Черкасскаго при рѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

Принадлежа по рожденію къ аристократической зажиточной семьѣ, кн. В. А. Черкасскій первоначальное воспитаніе получилъ дома, а затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ, на юридическій факультетъ, который и окончилъ со степенью кандидата въ 1844 г., двадцати лѣтъ отъ роду.

Имѣя желаніе посвятить себя ученой карьерѣ, онъ сталъ усердно готовиться къ экзамену на магистра, но семейныя обстоятельства заставили его переселиться въ свое имѣніе (Тульской губ.) и заняться хозяйствомъ. Еще на университетской скамьѣ кн. Черкасскій живо интересовался крестьянскимъ вопросомъ и даже написалъ не утратившій до сихъ поръ своего научнаго значенія „Очеркъ исторіи

[1]) Супруги великаго князя Михаила Павловича.

Digitized by Google

сельскаго сословія въ Россіи“ [1]). Характеристично то, что разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости представлено имъ въ этомъ трудѣ, какъ событіе въ высшей степени желательное, какъ „вожделѣнный день“ для Россіи.

Этотъ вопросъ сильно занималъ его и во время пребыванія въ деревнѣ. Въ 1847 г. онъ даже составилъ кружокъ изъ тульскихъ дворянъ, который представилъ правительству проектъ освобожденія крестьянъ съ землею. Ходатайство это было принято сначала благосклонно, но вспыхнувшая въ 1848 г. революція во Франціи произвела такое впечатлѣніе въ Петербургѣ, что приказано было пріостановить всѣ работы, касавшіяся рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Въ 1850 г. кн. Черкасскій женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Васильчиковой, принадлежавшей къ богатой дворянской семьѣ, въ которой охотно принимали не только знать, но и видныхъ ученыхъ, литераторовъ и художниковъ. Переѣхавъ на жительство въ Москву, кн. Черкасскій въ особенности сошелся съ славянофильскимъ кружкомъ, выдающимися членами котораго были тогда братья Аксаковы, Кошелевъ, Кирѣевскій, Хомяковъ и Самаринъ. Кн. Черкасскій раздѣлялъ многія изъ мнѣній этого кружка, хотя вполнѣ славянофиломъ никогда не былъ. Чаще всего въ этомъ кружкѣ подвергался обсужденію въ то время крестьянскій вопросъ. Желаніе высказаться о немъ печатно повело къ мысли объ изданіи „Московскаго Сборника“. Предполагалось издать его въ 4-хъ книгахъ, но даже вторая книга, въ которой должна была появиться статья кн. Черкасскаго о „Юрьевомъ днѣ“, была задержана цензурою. Запрещеніе „Сборника“ навлекло даже для нѣкоторыхъ его сотрудниковъ весьма непріятныя послѣдствія, а именно: Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ и кн. Черкасскій подверглись ограниченію въ правахъ печатанія и отданы были подъ надзоръ полиціи.

Послѣ такой неудачи на литературномъ поприщѣ кн. Черкасскій усиленно занялся хозяйственными дѣлами и даже принялъ на себя завѣдываніе многочисленными имѣніями Васильчиковыхъ, что заставляло его совершать частыя поѣздки по Россіи.

Новыя вѣянія начались только послѣ крымской кампаніи. Славянофилы снова зашевелились и стали хлопотать о разрѣшеніи издавать свой журналъ, которому они дали заглавіе „Бесѣда“. Разрѣшеніе было получено и съ сотрудниковъ бывшаго „Московскаго Сборника“ сняли запрещеніе печатать свои труды. Первая книжка „Бесѣды“ вышла въ апрѣлѣ 1856 г. Въ этомъ журналѣ кн. Черкас-

[1]) Сочиненіе это, написанное на заданную факультетомъ тему, было впослѣдствіи напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1880 г.).

Digitized by Google

скій помѣстилъ рядъ статей по политическимъ вопросамъ, вызвавшихъ оживленную полемику въ тогдашней печати [1]).

Въ 1857 г. кн. Черкасскій уѣхалъ, для поправленія здоровья жены, заграницу, и какъ разъ въ это время открылись въ Петербургѣ засѣданія образованнаго по Высочайшей волѣ комитета, имѣвшаго цѣлью разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Предсѣдателемъ его былъ назначенъ сначала кн. Орловъ, но потомъ Государь, вернувшись лѣтомъ изъ-за границы, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Вильгельмомъ Гакстгаузеномъ и великой княгиней Еленой Павловной и желая скорѣйшаго разрѣшенія вопроса, назначилъ предсѣдателемъ комитета великаго князя Константина Николаевича, сторонника реформы. Крѣпостническое большинство членовъ комитета старалось всячески затянуть дѣло и, наконецъ, пришло къ мысли объ освобожденіи крестьянъ безъ земли, на остзейскій образецъ; но Государь рѣшительно воспротивился этому и настоялъ на скорѣйшемъ проведеніи реформы.

Вскорѣ послѣ того въ губерніяхъ были учреждены комитеты по крестьянскому дѣлу, состоявшіе изъ членовъ по выбору и по назначенію отъ правительства. Поспѣшившій вернуться въ Россію князь Черкасскій былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ тульскомъ комитетѣ, гдѣ и занялъ видное мѣсто, благодаря своему уму и ораторскому таланту. Но все же онъ оставался въ немъ въ меньшинствѣ и скоро возстановилъ даже противъ себя значительное большинство тульскаго дворянства за то, что отстаивалъ освобожденіе крестьянъ съ землею. Дошло до того, что на губернскомъ дворянскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ о преданіи его суду дворянства тульской губерніи [2]). Вскорѣ послѣ того кн. Черкасскій былъ вызванъ въ Петербургъ. Онъ отправился туда съ женою и, по приглашенію великой княгини Елены Павловны, остановился у нея во дворцѣ [3]).

Высшей инстанціей по крестьянскому дѣлу въ Россіи былъ, какъ мы упомянули выше, „Особый Комитетъ", открытый въ Петербургѣ 3 января 1857 г. переименованный въ „Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу". При немъ были учреждены лѣтомъ 1858 г. двѣ редакціонныя комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева: на первую было возложено составленіе проектовъ *общихъ* по-

[1]) Большая часть статей кн. Черкасскаго собрана въ сборникѣ «Князь В. А. Черкасскій», вышедшемъ въ Москвѣ въ 1879 г.

[2]) Тѣмъ не менѣе почти треть собравшихся дворянъ, а именно 82 человѣка изъ 280, чествовали потомъ кн. Черкасскаго обѣдомъ по подпискѣ.

[3]) Съ великою княгинею Черкасскіе познакомились и близко сошлись во время пребыванія въ Италіи.

Digitized by Google

ложеній, а на вторую—положеній *мѣстныхъ*. Вскорѣ къ нимъ была присоединена еще третья—*финансовая*, для обсужденія тѣхъ финансовыхъ мѣръ, которыя могли быть приняты правительствомъ, въ видахъ облегченія крестьянамъ выкупа ихъ земельныхъ угодій. Выборъ членовъ въ эти комиссіи и внутренняя ихъ организація были предоставлены предсѣдателю. Когда комиссіи организовались, то они составили 4 отдѣленія: юридическое (предсѣдатель С. М. Жуковскій), административное (пр. П. А. Булгаковъ), хозяйственное (пр. Н. А. Милютинъ). На этихъ отдѣленіяхъ и лежалъ главный трудъ по устройству крестьянскаго дѣла, общія же собранія отдѣленій подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева, не обладавшаго ни ораторскими способностями, ни твердыми, опредѣленными взглядами на крестьянское дѣло, по большей части не выходили изъ общихъ мѣстъ. Но впослѣдствіи подъ вліяніемъ Милютина, Черкасскаго и Самарина, Ростовцевъ дѣйствовалъ съ большою твердостью, чѣмъ и вызвалъ противъ себя неудовольствіе въ крѣпостническомъ лагерѣ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ княгиня Черкасская.

„Дѣйствія комитета вообще возбуждаютъ сильное негодованіе петербургскаго аристократическаго кружка. Это щегольское большинство немного образованнѣе и гораздо опаснѣе нашихъ тульскихъ медвѣдей. Паскевичъ и Шуваловъ—представители аристократіи въ комитетѣ. Предложеніе ихъ написать отдѣльное мнѣніе о выкупѣ было отвергнуто большинствомъ, и они послѣ этого объявили, что выходятъ изъ комитета. Весь этотъ эпизодъ очень занималъ великую княгиню [1]). Онъ дѣйствительно могъ-бы имѣть нѣкоторое вліяніе на судьбу комитета. Дня три тому назадъ я у нея спросила: Est-ce que l'on ne travaille pas l'opinion de l'Empereur? Но она отвѣтила: „Non, il tien ferme [2]). Я ему говорила: Петербургское общество можетъ запугать Ростовцева, но Государь отвѣчалъ: Я его буду поддерживать".

„Сегодня великая княгиня проходила къ моему окошку спрашивать о моемъ здоровьи. Мы съ ней вышли и стали ходить вдоль липовой аллеи, вдоль берега Невы, прогулка продолжалась съ часъ и разговоръ шелъ о комитетѣ и о разныхъ лицахъ, вліяніе которыхъ теперь вредно или полезно. Во-первыхъ, говорено было опять о выходѣ Шувалова и Паскевича изъ комитета и о томъ, какое это

---

[1]) Елену Павловну, сильно интересовавшуюся вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ и много содѣйствовавшую его успѣшному разрѣшенію.

[2]) Не стараются-ли воздѣйствовать на мнѣніе Государя? Великая княгиня: «Нѣтъ, онъ держится стойко».

Digitized by Google

можетъ имѣть дѣйствіе и кѣмъ ихъ можно замѣнить. Эти господа сами, какъ кажется, съ удовольствіемъ остались бы въ комитетѣ, но они связались какимъ-то обѣщаніемъ съ своимъ аристократическимъ петербургскимъ кружкомъ; они—представители этой партіи, которая сильно интригуетъ противъ Ростовцева. Великая княгиня разсказывала, какъ произошло ихъ избраніе, какъ въ это время сильно интриговали молодую императрицу въ смыслѣ петербургскаго аристократизма, и она, встрѣтивъ Ростовцева у великой княгини, сказала ему, что необходимо, чтобы въ комитетѣ аристократическая партія составляла большинство. Надо было много хлопотать, чтобы ограничить ихъ число. Потомъ говорили о Ростовцевѣ, о томъ, что онъ теперь крайне полезенъ, даже необходимъ. Государь сказалъ, что онъ одинъ ему помогаетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, что всѣ прочіе мѣшаютъ ему, что если дѣло это выйдетъ изъ рукъ Ростовцева, оно попадетъ въ другія, гораздо худшія. Говорили и о причинахъ, понятнаго, впрочемъ, недовѣрія, которое Ростовцевъ внушаетъ людямъ самыхъ разныхъ взглядовъ и партій. Сама великая княгиня приписывала его вліянію многія распоряженія послѣднихъ годовъ царствованія Николая Павловича: противъ университетовъ и пр.,—но Ростовцевъ оправдывался въ томъ передъ великой княгиней и приписывалъ вліяніе въ этихъ вопросахъ Корфу и Бутурлину.

„Разговоръ шелъ о личныхъ качествахъ и настроеніи Государя, о томъ, что надо поступать очень осторожно и не пугать его слишкомъ либеральными формами. Говорили объ императрицѣ, потомъ о Константинѣ Николаевичѣ и о томъ, что Государь самъ теперь его выписываетъ: „Constantin est degouté des affaires, mais il pourra être utile“ [1]). Говорено было о томъ, какъ слѣдуетъ на него дѣйствовать въ его положеніи. Онъ можетъ вліять, какъ министръ, но не какъ великій князь. Если употребить его вліяніе безъ разбора, то этимъ можно возстановить противъ него всѣхъ министровъ, можно такимъ образомъ уничтожить все его вліяніе, всякую возможность для него благотворнаго вліянія. Государь вообще боится всякаго прямого вмѣшательства: il est jaloux de son pouvoir, и неблагонамѣренные люди пользуются самымъ малѣйшимъ впечатлѣніемъ, чтобы представить великаго князя, какъ умъ безпокойный, желающій овладѣть вліяніемъ на всѣ дѣла. Вліяніе Константина Николаевича должно употреблять съ крайнею предусмотрительностью, а главное, стараться о томъ, чтобы было единство во всѣхъ соображеніяхъ и во всемъ, что должно доходить и дѣйствовать на

[1]) Константинъ получилъ отвращеніе къ дѣламъ, но можетъ быть полезенъ.

Digitized by Google

Государя. Si vous ne vous conserverez pas unis on tirera sur vous comme sur des bêtes fauves de tous les cotés et vous ne parviendrez à ne rien faire. Головнинъ a une immense influence sur le Grand Duc. Il s'agit donc de le voir, de se concerter avec lui, de ne pas agir séparément et de tâcher de le mettre dans de bons rapports, avec tous les autres. Je le recommande à votre femme,—прибавила великая княгиня,—une femme peut faire dans ce cas plus que les hommes. Tâchez de le voir, de le retenir dans votre cercle, d'agir toujours de concert avec lui, de ne jamais employer l'influence du Grand Duc, sans vous avoir préalablement concerté avec lui. C'est très important [1]).

Послѣ этого великая княгиня пошла наверхъ посмотрѣть комнаты надъ нашими: не будутъ ли онѣ годиться для комитета и совѣщаній редакціонной коммиссіи.

„Все это время говорили о молодой императрицѣ и томъ, кто теперь имѣетъ вліяніе при этомъ дворѣ. Великая княгиня говорила о сочувствіи, которое императрица выражала партіи „Бесѣды" и о томъ, что ее отдалили неловкостью и необдуманностью, съ которой хотѣли воспользоваться этимъ вліяніемъ. Кн. Долгорукій обрадовался телеграммѣ Ивана Сергѣевича (Аксакова) къ Тютчевой и ее тѣмъ дразнилъ. Надо всячески стараться сблизиться съ Тютчевой: у нея хорошія намѣренія, но многаго она не знаетъ и многое не такъ ей передается. Теперь самая вліятельная особа М.... Она суетлива, безпокойна, окружена людьми самыми ненадежными, которые пользуются ея вліяніемъ. C'est une forte voix qui ne comprend pas la portée de ce qu'on lui fait répéter. Ея вліяніемъ пользуются Горчаковъ и другіе. Брата своего она не слушаетъ. Великая княгиня говорила еще о тѣхъ лицахъ, которыя могли-бы быть назначены на мѣсто Паскевича и Шувалова. Называли Урусова, кн. А. Васильчикова и Влад. Щербатова".

Къ этому же времени (концу мая) относится слѣдующее письмо кн. Черкасскаго къ А. И. Кошелеву, который, отъѣзжая заграницу спрашивалъ, о чемъ ему тамъ слѣдуетъ писать:

[1]) Если вы не сохраните единодушія между собой, въ васъ будутъ стрѣлять со всѣхъ сторонъ, какъ въ хищныхъ звѣрей, и вамъ ничего не удастся сдѣлать. Головнинъ имѣетъ громадное вліяніе на великаго князя. Дѣло, значитъ, въ томъ, чтобы видѣться, сговориться съ нимъ, не дѣйствовать въ розницу и стараться поставить его въ хорошія отношенія со всѣми остальными. Я рекомендую его вашей женѣ,—прибавила великая княгиня,—женщина въ этихъ случаяхъ сдѣлаетъ больше мужчинъ. Старайтесь его видать и удержать въ вашемъ кружкѣ, дѣйствовать всегда сообща съ нимъ, никогда не пользоваться вліяніемъ великаго князя, не сговорившись предварительно съ нимъ. Это очень важно.

Digitized by Google

....„Вотъ вамъ индикація весьма важная для вашего писанія: надобно непремѣнно выставить роль петербургско-остзейской аристократіи, и въ томъ числѣ молодежи, въ вопросѣ о выкупѣ и въ ихъ мечтахъ насчетъ будущаго государственнаго устройства, связавъ то и другое. Они совершенно отдѣляютъ себя отъ областнаго дворянства и пренебрегаютъ его интересами, которые состоятъ въ скорѣйшемъ выкупѣ, въ пользу своихъ, ошибочно понятыхъ интересовъ, которыхъ они ищутъ въ безсрочномъ пользованіи, съ цѣлью сохранить вліяніе, даваемое въ другихъ странахъ поземельною собственностью. Ихъ мечта—есть созданіе аристократіи политической изъ своего гадкаго тряпья, которое ничего не стоитъ и не имѣетъ ни историческаго, ни практическаго значенія. Теперь они притворяются либералами и много говорятъ о скорѣйшемъ дарованіи полныхъ личныхъ правъ; за этимъ они скрываютъ жадность и скупость на существенный вопросъ, т. е. на землю. Они хотѣли бы дать землю лишь въ пользованіе, но учредить высокія повинности и воспользоваться послѣдними, чтобы сгонять мужиковъ и обратить крестьянскій надѣлъ въ свою собственность. Что они неискренни теперь въ своемъ псевдолиберализмѣ, это доказываетъ прежнее всѣ ихъ поведеніе до самаго конца губернскихъ комитетовъ, гдѣ всѣ они были злѣйшіе консерваторы. Теперь они догадались, что должны перемѣнить тактику, и весьма ловко выбрали либерализмъ насчетъ личныхъ правъ, и этимъ вводятъ Государя въ заблужденіе".

Приводимъ еще нѣсколько любопытныхъ отрывковъ изъ дневника княгини Черкасской, характеризующихъ отношеніе вел. кн. Елены Павловны къ крестьянскому вопросу:

„28 мая, четвергъ. Здѣсь съ утра началась возня. Безпрестанно пріѣзжали кареты съ лицами, пріѣзжающими проститься съ великой княгиней [2]). Несмотря на то, что погода была чудесная, я думала, что великая княгиня гулять не будетъ и насъ не позоветъ. Однако въ 12 часовъ кто-то постучалъ. „Est-ce qu'on entre?" Людей никого не было. Великая княгиня взошла, усѣлась и стала разспрашивать о вчерашнихъ занятіяхъ. Володя одѣлся въ 5 минутъ и пришелъ, и тутъ было опять говорено о необходимости дружескихъ стараній, чтобы противодѣйствовать происканъ петербургской молодой аристократіи и ея представителя Шувалова. Великая княгиня опять говорила, что надо чаще видѣться съ Тютчевой et répéter tout bêtement mais aussi souvent que possible, qu'il faut donner de la terre aux paysans, que sans cela on ne fera que du mal, que sous de grandes phrases sur la liberté individuelle et soudaine se cache le désir de ce partie de ne rien don-

[1]) Великая княгиня отъѣзжала въ Ораніенбаумъ, а оттуда на лѣтнее пребываніе заграницу.

Digitized by Google

ner aux paysans [1]). Разговоръ былъ прекращенъ извѣстіемъ, что черезъ 1/4 часа будутъ Государь съ Государыней.

....„Однажды за обѣдомъ великая княгиня стала разспрашивать Володю о томъ, гдѣ онъ хочетъ служить, и ко мнѣ обратилась съ тѣмъ же вопросомъ. Я отвѣчала, что на это отвѣчать очень трудно, что послѣ комитета надо будетъ отдохнуть. Она спросила у Ланского: Quel est votre avis: que faut il faire pour garder le prince après le comité?—C'est bien mon avis, сказалъ Ланской.—Mon grand! je te fais prince, je te fais plus, je te fais Dolgorouky!.. сказала, смѣясь, великая княгиня. Mais sérieusement il faut qu'il nous reste.

„Въ этотъ день въ Ораніенбаумѣ обѣдало много гостей, между прочимъ—Бисмаркъ. Мы его встрѣтили до этого на вечерѣ у великой княгини въ началѣ мая, въ первое время нашего пребыванія въ Петербургѣ. Заговорили объ освобожденіи крестьянъ и о томъ, какъ это происходило въ Пруссіи. Бисмаркъ сталъ говорить о томъ, что въ Пруссіи помѣщики потерпѣли большіе убытки, послѣ которыхъ они теперь еще не могутъ поправиться, а что это была большая ошибка, и что онъ надѣется, что эта ошибка не повторится въ Россіи.

„Великая княгиня начала съ большою горячностью ему возражать и говорить о томъ, что долгое злоупотребленіе крестьянскимъ трудомъ болѣе чѣмъ оправдываетъ необходимость нѣкоторыхъ жертвъ со стороны дворянства. Что это въ интересахъ самого дворянства и что необходимо освобожденіе крестьянъ съ землею. Бисмаркъ, видимо, не ожидалъ такого горячаго возраженія. Не знаю—говорилъ искренно или поддѣлывался подъ общій тонъ петербургскихъ гостиныхъ, но онъ сказалъ: „Elle se fache contre? moi".—Теперь гр. Бисмаркъ увѣрялъ, что убѣдился въ необходимости освобожденія крестьянъ съ землею, заговаривалъ и любезничалъ и нѣсколько разъ говорилъ: „Elle est toujours fachée depuis l'autre soir, oui, elle est toujours fachée" [2]). Обѣдали еще: Урусовъ, Оболенскій, Ланской, Веймарнъ, Абаза, Дмитріевъ, Одоевскіе и другіе. Послѣ обѣда пріѣзжали разные члены царской фамиліи: старая императрица, узнавъ, что я тутъ, вспомнила обо мнѣ и спрашивала, но меня какъ-то не нашли; мы видѣли, какъ она входила изъ другой комнаты, но потомъ ушла; былъ Николай Николаевичъ, Марія Максимиліановна.

---

[1]) ...и повторять просто, но какъ можно чаще, что нужно надѣлить крестьянъ землею, что безъ этого сдѣлаютъ только вредъ, что подъ громкими фразами о личной и немедленной свободѣ таится желаніе этой партіи ничего не дать крестьянамъ.

[2]) Она все еще сердится съ того вечера, да, она все еще сердится.

Digitized by Google

„Вечеромъ мы опять собрались. Великая княгиня очень устала, писала письма, отдавала приказанія. Играли въ secrétaire, но неудачно; говорили о статьѣ Чернышевскаго о Чичеринѣ, въ „Современникѣ“ кажется“.

Между тѣмъ работы въ отдѣленіяхъ шли усиленнымъ порядкомъ и нерѣдко случалось, что засѣданія, начавшіяся около 8 часовъ вечера, затягивались до 5 час. утра. Ю. Ѳ. Самаринъ даже заболѣлъ отъ переутомленія. Дѣятельность редакціонныхъ комиссій и комитета вызывала озлобленіе и интриги въ петербургскомъ „свѣтѣ“. Но Государь оставался непоколебимъ и поддерживалъ въ томъ же направленіи и Ростовцева. Послѣ смерти послѣдняго, предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ (въ февралѣ 1860 г.) гр. Панинъ, который болѣе тормозилъ дѣло, чѣмъ способствовалъ его успѣшному окончанію. Тѣмъ не менѣе, по настоянію Государя, комиссіи окончили свою дѣятельность по выработкѣ Положенія къ 10-му октября 1860 года. 7 ноября въ одномъ изъ ресторановъ состоялся прощальный обѣдъ, въ которомъ приняли участіе 17 членовъ редакціонныхъ комиссій: Арапетовъ, Галаганъ, Гирсъ, кн. Голицынъ, Домонтовичъ, Желѣзновъ, Жуковскій, Заблоцкій, Калачовъ, Любощинскій, Милютинъ, Поповъ, Самаринъ, Н. Семеновъ, П. Семеновъ, Соловьевъ и кн. Черкасскій. Обѣдъ этотъ подробно описанъ Семеновымъ въ его трудѣ „Освобожденіе крестьянъ“ (т. III, ч. 2-я, стр. 755—57). Послѣ тоста за Государя, второй тостъ былъ предложенъ за князя Черкасскаго, какъ одного изъ главныхъ работниковъ редакціонныхъ комиссій.

Послѣ окончательнаго разсмотрѣнія проекта Положенія объ освобожденіи крестьянъ въ главномъ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, оно было, какъ извѣстно, обнародовано 19 февраля 1861 г. [1]). Составленіе манифеста было поручено сначала Ю. Ѳ. Самарину и Н. А. Милютину, но составленной ими при участіи кн. Черкасскаго, проектъ не удовлетворилъ гр. Панина и окончательная редакція была поручена митрополиту Филарету, который совершенно передѣлалъ работу Самарина.

Обнародованіе „Положенія“ вызвало радужное настроеніе въ лучшихъ слояхъ русскаго общества. Но оно длилось недолго: вскорѣ началось броженіе, пошли студенческія „исторіи“ и крестьянскіе „безпорядки“, заволновалась Польша; въ правительственныхъ кругахъ восторжествовала реакція.

О тогдашнихъ „вѣяніяхъ“ Н. А. Милютинъ писалъ кн. Черкас-

---

[1]) Большинство членовъ государственнаго совѣта было враждебно проекту и потому засѣданія его были очень бурны. Государь большею частью соглашался съ меньшинствомъ.

Digitized by Google

скому, удалившимуся для отдыха въ деревню слѣдующее (отъ 2 мая 1861 г.):

„Пользуюсь вѣрной оказіей, чтобы поговорить съ вами, любезный князь, безъ унизительныхъ предосторожностей и лицемѣрныхъ оговорокъ. Къ сожалѣнію, досуга все еще у меня не много. Съ утра до ночи укладываюсь, разбираю бумаги, дѣлаю визиты, однимъ словомъ, готовлюсь къ давно желанному отъѣзду за границу. Меня отпустили на цѣлый годъ или, лучше сказать, выпроводили отсюда со всѣми возможными любезностями, т. е. съ сенаторскимъ званіемъ и съ полнымъ окладомъ.

„Жена моя такъ хворала послѣднее время и до того стала слабѣть и таять, что на эту поѣздку, лично для себя, я смотрю, какъ на благословеніе Неба. Скрѣпя сердце, я сперва просилъ только на 4 мѣсяца, чтобы не дать повода обвинять меня въ равнодушіи къ общему дѣлу. Но реакція пришла на помощь моему семейному горю. И Ланского, и меня устранили отъ министерства, не дождавшись иниціативы съ нашей стороны. Намъ объявили, что это необходимо для примиренія съ дворянствомъ, и, кажется, серьезно думаютъ, что такая скромная жертва утѣшитъ благородное сословіе. Валуевъ, въ свою очередь, громогласно заявляетъ со свойственнымъ ему классическимъ краснорѣчіемъ, что онъ будетъ исполнять Положеніе *строго и буквально*, но въ *духѣ примиренія*. Задача, какъ видите, легкая! Что изъ этого всего выйдетъ, трудно предсказать. Но, кажется, несомнѣнно, что опять начинается то траги-комическое qui pro quo, котораго мы были свидѣтелями: между Государемъ, съ одной стороны, и его многочисленною дворнею — съ другой. *Онъ* искренно желаетъ, какъ по всему видно, добросовѣстнаго введенія реформы; *она*, т. е. дворня, хотя и привыкла ставить вопросъ личнаго вліянія выше всѣхъ другихъ, но на этотъ разъ хранитъ, очевидно, затаенную надежду передѣлать то, что сдѣлано, на свой ладъ. Кто выйдетъ побѣдителемъ? Теперь уже нѣтъ того внутренняго двигателя, который велъ неизбѣжно къ перелому; нѣтъ редакціонной комиссіи, которая пролагала къ нему дорогу. Но за то является новая сила: интересы массы,—интересы признанные, формулированные, перешедшіе изъ отвлеченныхъ понятій въ область практическихъ требованій. Пойметъ ли это масса? Пойметъ ли либеральная часть дворянства, сочувствовавшая освобожденію крестьянъ съ землею? Вамъ ближе это судить; но хотя первое впечатлѣніе, произведенное новыми Положеніями, было для нихъ не очень выгодно, но, быть можетъ, намъ помогутъ время, размышленія и даже самыя реакціонныя попытки. Истинная борьба теперь будетъ не здѣсь, а на мѣстахъ. Отъ души желаю, чтобы люди передовые не уклонялись отъ нея, и тогда всѣ придворныя и канцелярскія ухищренія

Digitized by Google

будутъ такъ же безсильны, какъ была безсильна до сихъ поръ крамольная оппозиція чиновныхъ помѣщиковъ.

„Но я пишу вамъ цѣлую диссертацію, въ которой вы, конечно, не нуждаетесь. Уѣзжая отсюда съ сердцемъ радостнымъ въ отношеніи къ себѣ и своей семьѣ, я хотѣлъ бы съ спокойнымъ сердцемъ смотрѣть и на наше общее дѣло. Невольно ищешь опоры для своихъ надеждъ и желаній. Здѣсь найти ее трудно, потому что интриги въ полномъ разгарѣ. Польскія дѣла, нѣкоторыя неосторожности студентовъ, предстоящая царская поѣздка въ Москву—все это эксплуатируется довольно ловко. Казанскія и пензенскія событія много помогли реакціи. Литература также служитъ постояннымъ пугаломъ. Разумѣется, здѣсь на первомъ планѣ личные вопросы. Строгановъ, Панинъ и Долгоруковъ составили тріумвиратъ, который замѣтно завладѣлъ мыслями Царя. Сообщники ихъ — легіонъ. Бутковъ—ихъ вѣрный слуга. Мой другъ Шуваловъ (нынѣ III отдѣленія) будетъ имъ помогать по убѣжденію и по расчету, хотя смотритъ и въ другую сторону—на всякій случай. Первое явное нападеніе было сдѣлано на университеты, на распущенность студентовъ и пр. Ковалевскій защищался весьма прилично, но безуспѣшно. Тріумвирату поручено придумать мѣры къ обузданію и *сокращенію числа* студентовъ. До сихъ поръ они еще ничего не выдумали, а между тѣмъ Ковалевскій не выдержалъ и подалъ въ отставку. Этой отставкой да кое-какими полумѣрами, вѣроятно, и ограничатся. Между тѣмъ всѣ усилія обращены теперь на устраненіе людей, которыхъ тріумвиратъ считаетъ неблагонадежными. Наибольшія нападки обращены на Головнина, который уѣзжаетъ на лѣто заграницу, но его хотѣли бы упразднить окончательно. В. К. [1]) въ тѣни, и я ему предсказалъ при прощаніи, что зимой его здѣсь не будетъ, что видимо, его разсердило. Однимъ словомъ, конопатятъ всѣ щели Зимняго дворца, въ которыя проникалъ воздухъ... Умѣренность и аккуратность съ легкой примѣсью безвреднаго прогресса,—однимъ словомъ, смѣшеніе Молчалина съ Репетиловымъ—voilà les hommes du jour.

„Мнѣ хотѣлось вамъ дать понятіе о физіономіи нашего теперешняго высшаго управленія. Все это, по мнѣнію моему, было неизбѣжно, но едва-ли упрочится надолго. Внѣшнія давленія слишкомъ настоятельны, чтобы замазки, приготовляемыя тріумвиратомъ, могли выдержать напоръ свѣжаго воздуха. Притомъ гуманныя наклонности Государя спасутъ его отъ близорукой и безсмысленной реакціи. Я въ этомъ твердо увѣренъ.

„Министерствованіе свое Валуевъ началъ очень мягко и уклончиво. Наши сношенія—самыя нѣжныя. Соловьева онъ обѣщалъ мнѣ

---

[1]) Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Digitized by Google

поддерживать всѣми силами; но должно ожидать большихъ нападокъ. Назначеніе мировыхъ посредниковъ, за ничтожными исключеніями, попало въ руки помѣщиковъ. Теперь это еще усилится. Неужели васъ обойдутъ? Это было бы истинно куріозно. Только сами, ради Бога, не уклоняйтесь".

И кн. Черкасскій не уклонился; несмотря на разстроенное здоровье, онъ принялъ предложенное ему мѣсто мирового посредника въ Веневскомъ уѣздѣ. Ю. Ѳ. Самаринъ занялъ въ тоже время мѣсто члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Самарѣ. Черезъ два года по введеніи реформы онъ писалъ А. И. Кошелеву слѣдующее:

„Со дня обнародованія манифеста народъ пережилъ два періода и теперь вступилъ въ третій. Первый періодъ я назову періодомъ тупого недоумѣнія и грустнаго разочарованія. Это была пора сумасбродныхъ толковъ, нелѣпыхъ ожиданій, Богъ вѣдаетъ откуда выплывшихъ историческихъ воспоминаній и *угрозъ*, впрочемъ далеко не искреннихъ, а такъ, пущенныхъ на вѣтеръ. Пьянства не было. Затѣмъ началась пора самыхъ разнообразныхъ попытокъ и опытовъ, посредствомъ которыхъ народъ старался на практикѣ извѣдать предѣлы отведеннаго ему простора. Безграмотному люду нужно было узнать, до какой степени можно теперь безнаказанно не слушаться приказчиковъ, грубить нарядчикамъ, не выходить на работу и дразнить помѣщиковъ. Народъ началъ расправлять свои усталые члены и потягиваться во всѣ стороны, но какъ скоро онъ ударялся объ стѣну, такъ онъ немедленно убиралъ свои раскинутыя руки и ноги. Встрѣтивъ отпоръ, онъ зарубилъ себѣ на память. А! значитъ, далеко зашелъ, этого нельзя. Согласитесь, это больше ничего, какъ своего рода процессъ чтенія Положенія. Замѣтьте, что я почти буквально повторяю слова Черкасскаго въ его письмѣ къ вамъ; но тоже самое, отъ слова до слова, я писалъ Милютину и еще кому-то, задолго до прочтенія его письма. *Твердой стачки*, рѣшимости не работать и не слушаться—мы не встрѣтили нигдѣ. Счастье наше: во-первыхъ, что помѣщики въ общей сложности обнаружили терпѣніе, не дразнили крестьянъ и не очень оробѣли; во-вторыхъ, что изъ всѣхъ злонамѣренныхъ разглашателей ложныхъ слуховъ (одного прогнали сквозь строй, бывшаго удѣльнаго писаря, двое заѣжали ко мнѣ въ имѣніе) не нашлось другого Антона Петрова (какъ въ селѣ Безднѣ, Казанской губ.), который-бы сумѣлъ облечь неопредѣленныя народныя чаянія въ мнѣническую форму и увлечь за собою толпу. Повторяю, это счастливая случайность, а не чья-либо заслуга.

„Наконецъ, народъ убѣдился, что до поры до времени той вольности, которой онъ ожидалъ, т. е. съ даровою, *выслуженною землею*,

Digitized by Google

ему не дано, что *два года* нужно поработать и обождать. Двухгодичный срокъ глубоко засѣлъ въ умахъ. Крестьяне еще далеко не отреклись отъ своихъ надеждъ, но они *отсрочили* ихъ на два года, а между тѣмъ они очень охотно и не морщась принимаютъ всѣ тѣ права и льготы, которыя имъ дарованы съ перваго дня. Значитъ, Положеніе *принято*; за два года полнаго спокойствія можно смѣло поручиться, и, слѣдовательно, дѣло выиграно, ибо если въ эти два года мы не сумѣемъ поднять на 50% общій уровень матеріальнаго благосостоянія, пустить въ ходъ переложеніе барщины на оброкъ, приступить къ выкупу и т. д., то мы будемъ сами кругомъ виноваты, и если насъ выметутъ метлою, то будетъ намъ подѣломъ".

По поводу безпорядковъ въ петербургскомъ университетѣ Самаринъ писалъ княгинѣ Черкасской:

„Все это ребячество, шалости, пустозвонство, но тѣмъ не менѣе прискорбно. Прошлое царствованіе началось съ того, что въ одинъ морозный день на Дворцовой площади облетѣлъ лучшій цвѣтъ цѣлаго поколѣнія. Теперь повторяется тоже самое. Конечно, мы не увидимъ ни висѣлицъ, ни ссылокъ, ни разстрѣливанія; но и теперь какъ тогда, цѣлое поколѣніе сорвалось съ рельсовъ и сдѣлалось негоднымъ для жизни. Новый перерывъ, новый пробѣлъ въ нравственномъ развитіи нашего общества"!

Что касается князя Черкасскаго, то онъ всецѣло погрузился въ возложенное на него дѣло, тѣмъ болѣе, что ему пришлось завѣдывать не однимъ, а сразу двумя участками. Поддерживать сношенія съ друзьями приходилось ему главнымъ образомъ черезъ посредство княгини Екатерины Алексѣевны, въ которой судьба послала ему развитую и сердечную помощницу. Это по-истинѣ была одна изъ лучшихъ русскихъ женщинъ своего поколѣнія. „Водворившись въ Васильевскомъ и очутившись въ почти полномъ одиночествѣ послѣ оживленной и интересной зимы, проведенной подъ гостепріимнымъ кровомъ Михайловскаго дворца,—говоритъ княгиня О. Щербатова,—кн. Черкасская предалась чтенію книгъ, занятіямъ въ школѣ и больницѣ, причемъ не малую долю времени удѣляла на обширную переписку какъ съ своими друзьями, такъ и съ друзьями мужа. Князю часто некогда бывало отвѣчать на получавшіяся имъ письма, и онъ многимъ былъ обязанъ умѣнію княгини сохранять и поддерживать старыя связи и знакомства. Благодаря глубокому внутреннему чутью, сочувственному отношенію къ людямъ и пониманію чужой жизни и мысли, княгиня умѣла завоевывать къ себѣ доброе расположеніе и довѣріе и пріобрѣтать цѣнныхъ друзей".

Особенно она сошлась съ Ю. О. Самаринымъ, который выказывалъ ей живѣйшую и теплую симпатію. Вотъ какъ характеризуетъ

Digitized by Google

онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ княгиню Екатерину Алексѣевну:

„Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы задаете себѣ вопросъ: какъ вамъ устроить вашу жизнь, что вамъ сдѣлать, чтобы заслужить участіе, которое вы встрѣтили отъ всѣхъ васъ знающихъ? [1]). На этотъ вопросъ вамъ можно отвѣчать словами Шеллинга о нашемъ землякѣ Станкевичѣ, умершемъ въ молодости. Я его зналъ только по слухамъ. Это былъ, кажется, лучшій человѣкъ изъ поколѣнія Грановскаго, Крюкова, Герцена, Бѣлинскаго и другихъ. Кто-то при Шеллингѣ разъ замѣтилъ, что онъ ничего не дѣлаетъ. Старикъ нахмурился и отвѣчалъ: „solche Leute thun schon genug, wenn sie nur leben“ [2]).

„Берегите только свое здоровье, а остальное вамъ приложится само собою“.

Въ особенности сблизила Самарина съ кн. Черкасской утрата А. С. Хомякова, къ которому оба они питали большую привязанность. Вотъ какъ характеризуетъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ къ княгинѣ Самаринъ:

„Вспомните, какъ скромно жилъ Хомяковъ, какъ былъ ограниченъ кругъ его дѣятельности, какъ мало онъ выразился въ своей литературной дѣятельности, а между тѣмъ сколько свѣта и теплоты разлилось изъ этого скромнаго уголка на Собачьей площадкѣ!

„Онъ теперь уставилъ на меня свой строгій взглядъ изъ темной рамы своего портрета. Есть люди, которымъ предназначено быть какъ-бы живой совѣстью для другихъ. Сами они этого не знаютъ. Но въ нихъ заключена сила, растапливающая ложь и неправду. Она не беретъ пхъ, и всѣ мы это чувствуемъ. Встрѣчаясь съ этими людьми, мы невольно оглядываемся на себя съ чувствомъ какого-то сосредоточеннаго стыда. Насъ тянетъ къ нимъ, потому что сближеніе съ ними расширяетъ горизонтъ мысли и совлекаетъ съ насъ непроницаемую шкуру предразсудковъ и предубѣжденій, которыми мы обросли. Безъ словъ, безъ увѣщаній, они своимъ присутствіемъ отучаютъ насъ понемногу отъ рабской снисходительности къ самимъ себѣ, въ которой лежитъ корень всякаго зла. Вы, конечно, замѣчали не разъ, что въ числѣ самыхъ нелѣпыхъ и въ тоже время самыхъ прочныхъ и укорененныхъ предразсудковъ главную роль играетъ почти всеобщее убѣжденіе образованныхъ

---

[1]) У Черкасскихъ въ деревнѣ свирѣпствовалъ зимою жестокій тифъ и княгиня, посѣщая больныхъ, заразилась, такъ что съ недѣлю находилась при смерти. Во время этой болѣзни со стороны родственниковъ и друзей было выказано ей самое теплое участіе.

[2]) Такіе люди тѣмъ уже дѣло дѣлаютъ, что живутъ.

Digitized by Google

людей, что вѣра неразлучна съ какимъ-то рабствомъ мысли, что кто *рѣшается* вѣрить (я нарочно употребляю это слово, потому что и въ вѣрѣ участвуетъ воля), тотъ сознательно отдаетъ себя въ кабалу, подписываетъ на себя крѣпость, зажмуривъ глаза, даетъ какое-то преступное и постыдное обязательство прикидываться убѣжденнымъ въ томъ, что для него сомнительно, или, по крайней мѣрѣ, щуриться отъ слишкомъ яркаго свѣта и не глядѣть на него прямо. Отсюда успѣхъ безсмысленнаго протеста противъ такъ-называемыхъ авторитетовъ: отсюда цѣлая вереница дикихъ, не отвердѣвшихъ понятій, которыхъ не беретъ никакая аргументація,—кому разъ показалось, что къ нему приступаютъ съ намѣреніемъ посягнуть на свободу его духа, того не скоро приголубишь. Мнѣ кажется, что едва-ли не главное значеніе Хомякова заключается именно въ томъ, что онъ съ головы до ногъ былъ какъ-бы живымъ опроверженіемъ и обличеніемъ этого предубѣжденія и ложнаго страха. Подойдя къ нему, нельзя было не почувствовать, что онъ ничѣмъ не пожертвовалъ, ничего не уступилъ изъ того, что должно быть дорого человѣку, ни единой доли своего умственнаго яснови-дѣнія и своей свободы не запродалъ ради пріобрѣтенія внутренняго спокойствія".

Вліяніе богословскихъ идей Хомякова ощущалось не только книгинею,—оно сказалось и на князѣ Черкасскомъ, который, хотя поглощенный занятіями по своей должности, нашелъ время напи-сать длинное посланіе кому-то по поводу англійскаго богослова Пальмера.

Изъ эпохи увлеченія кн. Черкасскаго крестьянскимъ вопросомъ сохранилось наиболѣе писемъ изъ его переписки съ А. И. Кошелевымъ. Въ особенности дѣлается интересною эта переписка со времени изданія послѣднимъ въ Лейпцигѣ въ январѣ 1862 г. бро-шюры: „Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія". Въ своихъ „Запискахъ", изданныхъ тоже заграницею, Кошелевъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ее. „Въ ней наши внутрен-нія обстоятельства были изложены довольно вѣрно, наглядно, и, думаю, въ первый разъ печатно была высказана мысль, что для завершенія дѣла освобожденія крѣпостныхъ людей, для прекращенія существовавшихъ у насъ вездѣ безпорядковъ и злоупотребленій и для водворенія единства и большаго смысла въ управленіи вообще необходимо признать на совѣтъ, какъ то дѣлалось въ прежнія вре-мена, представителей изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи, т. е. созвать *общую земскую думу*. Эта моя книжка прошла не безслѣдно: многіе соотечественники выразили мнѣ сочувствіе къ высказаннымъ въ ней мнѣніямъ; а баронъ Гакстгаузенъ напечаталъ ее въ нѣмецкомъ переводѣ, снабдивъ ее написаннымъ имъ введеніемъ, въ которомъ

Digitized by Google

онъ воздалъ хвалы автору и подтвердилъ вѣрность его описанія и дѣльность его предположеній. Но мнѣ были сдѣланы и словесно, и письменно разныя возраженія и въ особенности противъ моего мнѣнія о необходимости удержанія самодержавія для Россіи и о непригодности для нея существующихъ въ западной Европѣ конституцій. Многіе думали, что я такъ высказался только потому, что желалъ этимъ средствомъ обезпечить себѣ безопасный возвратъ и пребываніе въ Россіи. Это побудило меня написать и издать въ Лейпцигѣ лѣтомъ 1862 г. новую книжку, подъ заглавіемъ: „Конституція, самодержавіе и земская дума". Въ этой книжкѣ я еще болѣе уяснилъ свои мысли о самодержавіи и конституціи; старался доказать необходимость перваго и непригодность послѣдняго для Россіи и обстоятельно отвѣчалъ на сдѣланныя мнѣ по этимъ предметамъ возраженія".

Посылая свою первую брошюру кн. Черкасскому и развивая въ препроводительномъ письмѣ необходимость созыва земской думы, Кошелевъ мотивируетъ эту потребность слѣдующимъ образомъ:

„Самаринъ говоритъ, что надобно начинать постройку зданія снизу, съ фундамента, т. е. съ мѣстной общественной жизни; но какъ можетъ развиваться мѣстная общественная жизнь, когда бюрократія не позволяетъ даже посредникамъ и предводителямъ съѣзжаться для совмѣстныхъ совѣщаній? Что вы ни говорите, а при бюрократіи мѣстная жизнь развивать ся не можетъ. Надобно у насъ въ Россіи хватить сверху, и тогда все остальное будетъ развиваться. Что дѣлать: у насъ ничего не дѣлается постепенно, а все скачками. Видно такова наша судьба. Въ васъ много практическаго чутья, а потому мнѣ не вѣрится, чтобы вы не были согласны съ мыслью, которую я предлагаю и защищаю".

Но въ кн. Черкасскомъ Кошелевъ не нашелъ сочувствія своимъ предположеніямъ. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ князь говоритъ по поводу брошюры слѣдующее:

„Я внимательно прочелъ и перечелъ послѣднюю. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и притомъ весьма существенныхъ, я совершенно раздѣляю мнѣніе Самарина; такъ, напр., я не вѣрю въ пользу собиранія въ теперешнее время земскихъ думъ и убѣжденъ, что настоящее время должно быть посвящено на заботы болѣе существенныя и полезныя, хотя, быть можетъ, и менѣе лестныя для общественнаго самолюбія.

„Я повторяю съ Самаринымъ отъ глубины убѣжденія: если Россія хочетъ быть счастлива, она должна начать съ того, чтобы подвести подъ себя твердый фундаментъ добрыхъ мѣстныхъ учрежденій, а уже послѣ думать о роскоши общественной жизни, объ утвержденіи и украшеніи общественнаго средоточія. Въ правильномъ порядкѣ

Digitized by Google

историческаго равитія намъ съ вами едва-ли должно бы быть суждено видѣть послѣднее. И давно ли мы такъ избаловались въ нашихъ требованіяхъ? Помните ли вы, дражайшій Александръ Ивановичъ, тѣ еще недавнія задушевныя бесѣды, когда мы съ вами (незадолго до крымской войны и даже послѣ нея), бывало, говорили, что счастливыми почтемъ себя, если доживемъ до дня освобожденія крестьянъ, и тогда съ радостью и благодарностью повторимъ евангельское слово—„нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ"!.. А другіе, кто всѣхъ пуще кричатъ теперь, тѣ и того не ждали, и не гадали, и не желали; а нынѣ горячатся, точно никто не замѣчаетъ, что ими руководитъ духъ ожесточенія, а не любовь къ свободѣ. Этихъ дней, любезный другъ Александръ Ивановичъ, этихъ недавнихъ еще дней намъ не слѣдуетъ забывать... Не спорю, каждый день приноситъ свою новую заботу, которую отклонять было-бы безразсудно уже и потому, что мы не въ силахъ этого сдѣлать; но тѣмъ не менѣе, научаясь новому, не должно забывать и стараго: иначе мы въ практической жизни становимся добровольно на степень дѣтей, для которыхъ опытъ и разумное сознаніе прошлаго еще не существуютъ. Пусть такъ поступаютъ другіе: но намъ съ вами, имѣющимъ нѣкоторое притязаніе на пріемы практическіе, на живое сознаніе дѣйствительныхъ условій жизни, всегда слагающихся не изъ однихъ лишь стремленій духа, но въ значительной мѣрѣ также и изъ элементовъ историческихъ, изъ элементовъ возможнаго, доступнаго обществу въ извѣстную пору его развитія—намъ съ вами слѣдуетъ смотрѣть на это дѣло съ большимъ хладнокровіемъ, съ нѣсколько большею примѣсью скептицизма. Затѣмъ перехожу къ другой половинѣ предмета, который въ настоящее время совершенно овладѣлъ моею мыслью, уже съ самаго того времени, какъ вышло положеніе, и въ которомъ мы съ вами можемъ, я думаю, безусловно идти рука объ руку; я говорю о мѣстныхъ учрежденіяхъ и о формѣ, въ какой они должны быть устроены. Я много думалъ объ этомъ это послѣднее время, если не писалъ, то единственно по тѣмъ причинамъ, которыя я не разъ уже приводилъ Ивану Сергѣевичу въ моихъ письмахъ.

„Въ одномъ лишь правильномъ, *возможно широкомъ*, крайне *добросовѣстномъ* со стороны правительства, и возможно разумномъ, со стороны общества, устройствѣ, веденіи и развитіи мѣстныхъ учрежденій, я предвижу Россіи счастливый исходъ изъ нынѣшнихъ обстоятельствъ и твердую опору: для общества—противъ самого себя и бюрократіи, а для правительства—противъ злоупотребленія послѣдняго и противъ напора свѣжихъ, но еще далеко не созрѣвшихъ силъ. Задача трудная, но, по моему мнѣнію, не невозможная; одинъ лишь даже опытъ разумнаго осуществленія коей едвали сказался бы безполезнымъ для страны и безславнымъ для правитель-

Digitized by Google

ства. Искренно радуюсь (говорю это отъ чистаго сердца), что въ этомъ вопросѣ, даже въ подробностяхъ его, мы заглазно почти какъ бы сговорились, если бы случилось увидѣться, я увѣренъ—мы бы сошлись вполнѣ, и вы бы съ своей стороны, быть можетъ, признали бы справедливость нѣкоторыхъ моихъ соображеній. Но когда мы увидимся? Право, не предвижу этого: вы—человѣкъ, вертящійся въ свѣтѣ, въ центрахъ дѣятельности, въ водоворотѣ (нѣсколько мутномъ и смутномъ) пробивающейся жизни; а я—отшельникъ, рѣшившійся какъ можно меньше покидать деревню, и исключительно занятый уставными грамотами помѣщиковъ своихъ двухъ участковъ".

Насколько плодотворна была дѣятельность князя Черкасскаго въ его родномъ уѣздѣ—видно изъ цитированной уже нами рѣчи И. С. Аксакова, произнесенной въ публичномъ засѣданіи Московскаго славянскаго благотворительнаго общества 5 марта 1878 г.: „Его (Черкасскаго) разумныя дѣйствія были тотчасъ же оцѣнены какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и прежняя озлобленность вражды тульскаго дворянства къ Черкасскому была вскорѣ оставлена".

Очень интересна записка князя Черкасскаго о земскихъ учрежденіяхъ, написанная имъ въ ту же эпоху въ отвѣтъ на поставленные ему великой княгиней Еленой Павловной вопросы [1]). Введеніе земскихъ учрежденій и мѣстнаго самоуправленія онъ считалъ необходимѣйшей и даже нѣсколько запоздавшей мѣрой, представлявшей собою оплотъ противъ слишкомъ либеральныхъ теченій, проникавшихъ въ общественную жизнь. Зная враждебное реформамъ настроеніе большинства дворянства и опасаясь, что представители низшихъ классовъ будутъ затерты имъ въ земскихъ собраніяхъ, онъ считалъ необходимымъ введеніе въ земство представителей администраціи и назначеніе предсѣдателей земскихъ собраній отъ правительства. Для охраненія же русскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ, онъ, кромѣ представителей администраціи, желалъ допущенія въ среду земскихъ собраній—и православнаго духовенства.

По поводу заграничныхъ брошюръ Кошелева, въ которыхъ онъ настаивалъ на необходимости созыва земской думы, Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ кн. Черкасскому:

„Я вижу изъ вашего письма, что и вамъ ближайшая наша будущность представляется не въ розовомъ свѣтѣ. Признаюсь, и я не поручусь, что не осуществятся на сихъ дняхъ ребяческія затѣи Кошелева, но я ожидаю отъ нихъ еще худшихъ послѣдствій, чѣмъ вы. При настоящихъ обстоятельствахъ земская дума поставила бы весь тотъ кружокъ, въ которомъ сосредоточено русское просвѣщеніе,

[1]) Она помѣщена въ приложеніи къ 2-й книгѣ I тома «Матеріаловъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго».

Digitized by Google

всю грамотную Русь между двухъ огней: ея безсиліе и изолированность высказались бы самымъ очевиднымъ образомъ, и, благодаря ея глупымъ замашкамъ, послѣдовало бы неудержимое сближеніе между властью и массами,—сближеніе на счетъ серединной Россіи во имя произвола и невѣжества. Les suites peuvent être incalculables et la leçon serait payée trop cher".

Однако, впослѣдствіи кн. Черкасскій измѣнилъ свой взглядъ по вышеизложенному вопросу и пошелъ даже дальше Кошелева, какъ видно изъ письма къ Ю. Ѳ. Самарину отъ 15 марта 1863 г., въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ:

„При настоящемъ настроеніи умовъ и развитіи гражданственности, всюду проникающемъ и проникшемъ даже и къ намъ, прежніе исключительно абсолютическіе пріемы правленія становятся просто невозможными, и является совершенно необходимымъ, даже просто въ интересахъ самихъ правительствъ, принять другую систему, другія формы, искать новыхъ силъ и сочетаній, на которыя можно было бы опереться потверже. Для Россіи такою опорою и притомъ опорою самою надежною на первый случай, мнѣ кажется, элементъ демократическій; въ моихъ глазахъ — правительству остается лишь безтрепетно на него опереться, даровавъ странѣ свободныя учрежденія, и власть его, въ сущности умалится мало, а сила, дѣйствительная сила (а не та мнимая, которая окончательно сражена подъ стѣнами Севастополя и сама по себѣ отпѣла панихиду въ положеніи 19 февраля) удесятерится. Нужны лишь твердость и благоразуміе, нужно лишь умѣть кое-что забыть въ своемъ прошедшемъ и изъ него же кое-чему поучиться".

Отвѣта Самарина на это письмо въ архивѣ князя Черкасскаго не имѣется, но, какъ видно изъ документовъ, напечатанныхъ въ газетѣ „Русь" 1881 г. (№ 29), Ю. Ѳ. Самаринъ, также какъ И. С. Аксаковъ, выступилъ съ протестомъ противъ предполагавшагося адреса или ходатайства о дарованіи „конституціи".

Вскорѣ послѣ того, кн. Черкасскій и Самаринъ получили отъ Н. А. Милютина предложеніе принять участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ. Дѣятельность кн. Черкасскаго на этомъ новомъ поприщѣ составитъ предметъ II тома „Матеріаловъ", издаваемыхъ кн. О. Трубецкой.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать появленія этихъ интересныхъ и весьма важныхъ для исторіи нашего самосознанія трудовъ.

И. О—ный.

Digitized by Google

Послѣдній даръ

(ИЗЪ ШАРЛЯ ГРО).

I.

У нея былъ каскадъ бѣлокурыхъ кудрей,
Золотистыхъ, какъ нива, при блескѣ лучей,
Ниспадавшихъ къ землѣ, какъ у сказочныхъ фей.

II.

Какъ пріятенъ, пѣвучъ былъ ея разговоръ!
Этотъ голосъ звучалъ, точно ангельскій хоръ...
Изъ-подъ черныхъ рѣсницъ зеленѣлъ ея взоръ.

III.

Ея другъ не боялся предательскихъ ковъ,
Когда съ нею летѣлъ по горамъ, средь луговъ
На лихомъ скакунѣ, въ дымкѣ радужныхъ сновъ.

IV.

Что соперникъ ему! Вѣдь, ко всѣмъ холодна,
Неприступно горда оставалась она,
И житейской волной только съ нимъ сведена...

Digitized by Google

V.

Полюбила она горячо, всей душой:
Но душа не снесла злой насмѣшки людской,—
Стало таять дитя, убиваясь тоской,

VI.

И, ласкаясь въ слезахъ, говорила: „Дружекъ,
Изъ волосъ моихъ сдѣлай на память смычекъ...
Новыхъ женщинъ чаруй... Уже близокъ мой срокъ...“

VII.

И могилой дышалъ тотъ прощальный привѣтъ...
Поцѣлуй леденилъ... Исполняя завѣтъ,
Смастерилъ онъ смычекъ и бродить пошелъ въ свѣтъ.

VIII.

Межъ людей онъ блуждалъ изъ конца-то въ конецъ
И на скрипкѣ игралъ въ утѣшенье сердецъ,
Собирая на хлѣбъ, какъ бездомный слѣпецъ.

IX.

И по жиламъ у всѣхъ,—старики-ль, молодежь,—
Пробѣгала тогда точно нервная дрожь:
Въ звукахъ слышался стонъ, обличающій ложь.

X.

Очарованный царь наградилъ молодца.
Съ чернокудрой царицей, пригожей съ лица,
Лунной ночью скрипачъ убѣжалъ изъ дворца...

Digitized by Google

XI.

Но едва по струнамъ ударялъ онъ смычкомъ,
Чтобъ царицу плѣнить,—разносились кругомъ
Звуки скорби, тоски, пѣснь о грустномъ былomъ.

XII.

Погребальный напѣвъ не далъ имъ отдохнуть
И печально они свой закончили путь:
Скоро смерть къ нимъ пришла и разбила имъ грудь.

XIII.

Какъ-бы въ плату за прядь бѣлокурыхъ кудрей,—
Золотистыхъ, какъ нива, при блескѣ лучей,
Ниспадавшихъ къ землѣ, какъ у сказочныхъ фей.

В. Умановъ-Каплуновскій.

1902 г.

Digitized by Google

Наши торговыя школы.

Министерство финансовъ еще во время статсъ-секретаря С. Ю. Витте приняло на себя починъ въ дѣлѣ открытія такихъ учебныхъ заведеній, которыя, сообщая своимъ питомцамъ практическія свѣдѣнія, необходимыя для коммерческой дѣятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ отводили бы должное мѣсто и общему образованію. Благодаря энергичной дѣятельности управляющаго учебнымъ отдѣломъ т. с. И. А. Анопова число такихъ учебныхъ заведеній разросталось съ неимовѣрной быстротою, чему особенно содѣйствовали отсутствіе мелочной регламентаціи со стороны центральнаго управленія и нѣкоторыя права, предоставленныя попечительнымъ совѣтамъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній. Свобода, предоставляемая педагогическимъ комитетамъ въ направленіи внутренней жизни учебныхъ заведеній, привлекала къ нимъ симпатіи общества и вызывала съ его стороны и матеріальную, и нравственную поддержку.

Достаточно сказать, что казна не принимаетъ почти никакого участія въ расходахъ на содержаніе около 200 учебныхъ заведеній почти съ 50,000 учащихся.

Всѣ эти коммерческія учебныя заведенія, представляющія три типа: коммерческія училища, торговыя школы и торговые классы, возникли за послѣднія 8 лѣтъ. Коммерческія училища, какъ среднеобразовательныя заведенія съ 7—8 лѣтнимъ курсомъ, даютъ учащимся тѣ-же права, какъ и реальныя училища; торговыя школы, представляющія собою типъ самодовлѣющаго учебнаго заведенія съ курсомъ ниже среднихъ, предназначены для дѣтей менѣе обезпеченныхъ классовъ населенія, а торговые классы имѣютъ цѣлью дать нѣкоторое образованіе взрослымъ и подросткамъ, состоящимъ на службѣ. Положеніемъ о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ 1896 года и измѣненіемъ къ нему 1900 г. каждый типъ опредѣленъ лишь въ общихъ основныхъ чертахъ, вслѣдствіе чего каждое учебное заведеніе имѣетъ полную возможность приспособляться къ требованіямъ торгово-промышленной жизни и мѣстнымъ условіямъ своего района. Представителямъ тѣхъ общественныхъ группъ, кото-

Digitized by Google

рыя приняли на себя содержаніе учебнаго заведенія, предоставлено право избирать изъ своей среды членовъ попечительнаго совѣта. Попечительному совѣту предоставлены: избраніе директора или завѣдующаго учебнымъ заведеніемъ, возможность принимать участіе въ опредѣленіи объема программъ, выборъ спеціальныхъ предметовъ сверхъ указанныхъ въ положеніи и т. п., чѣмъ практически осуществляется принципъ общественной самодѣятельности.

Однако, сохраняя за собою роль руководителя, министерство финансовъ время отъ времени созываетъ совѣщанія представителей учебныхъ заведеній того или другого типа въ цѣляхъ обсужденія мѣръ къ наилучшей постановкѣ въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла. Такъ въ іюнѣ 1901 г. и январѣ 1902 г. были созваны совѣщанія директоровъ коммерческихъ училищъ, а въ январѣ нынѣшняго года инспекторовъ торговыхъ школъ.

Въ настоящее время, когда число начальныхъ школъ значительно увеличилось и когда городскія училища по Положенію 1872 г. и даже параллельныя отдѣленія младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, несмотря на крайнее переполненіе, все-же не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ продолжать ученье, почти во всѣхъ городахъ возникаетъ потребность открыть такія учебныя заведенія, которыя могли-бы дать окончившимъ начальныя школы подготовку къ практическому дѣлу. Ни городскія, ни уѣздныя училища этой цѣли не удовлетворяютъ, а ремесленныя и техническія преслѣдуютъ узко-спеціальныя цѣли. Торговыя школы, восполняя этотъ пробѣлъ, учреждаются въ составѣ одного или трехъ классовъ причемъ курсъ ученія въ нихъ можетъ быть продолженъ еще на одинъ годъ. Задача этихъ школъ главнымъ образомъ сводится къ тому, чтобы подготовлять молодыхъ людей съ сознательной и возможно плодотворной работоспособностью къ службѣ во всякаго рода торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ и къ самостоятельной коммерческой дѣятельности. Преподаваніе въ торговыхъ школахъ носитъ практическій характеръ. Торговыя школы удовлетворяютъ потребностямъ различныхъ сословій: дѣти небогатыхъ купцовъ, мелкихъ торговцевъ, приказчиковъ, конторщиковъ, артельщиковъ, ремесленниковъ и т. д. находятъ въ нихъ то образованіе, въ которомъ по своему положенію наиболѣе нуждаются. Такъ какъ торговыя школы являются въ Россіи новымъ типомъ учебныхъ заведеній и вырабатываются вполнѣ самостоятельно, то иногда случается, что дѣятельность ихъ въ области учебновоспитательной вызываетъ на практикѣ такіе вопросы, полное и правильное рѣшеніе которыхъ не всегда подъ силу отдѣльнымъ лицамъ, хотя бы и умудреннымъ жизненнымъ опытомъ, и даже учрежденіямъ, а требуетъ ихъ совмѣстной работы.

Digitized by Google

Въ заботахъ о правильной организаціи и плодотворной постановкѣ воспитательно-учебнаго дѣла въ торговыхъ школахъ вѣдомства министерства финансовъ и въ видахъ несомнѣнной пользы для намѣченной цѣли обмѣна мыслей и совмѣстнаго труда лицъ, близко стоящихъ къ жизнедѣятельности этихъ учебныхъ заведеній, нынѣшній Министръ Финансовъ статсъ-секретарь В. Н. Коковцевъ организовалъ съ 29 декабря по 8 января текущаго учебнаго года особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ управляющаго учебнымъ отдѣломъ т. с. И. А. Анопова, при участіи, главнаго инспектора по учебной части д. с. с. А. Г. Малинина, окружныхъ инспекторовъ: Д. О. Базилевича, Е. Г. Холодовскаго, А. Ф. Вебера и М. І. Фишера и членовъ учебнаго комитета министерства финансовъ.

На совѣщаніе прибыло около 60 инспекторовъ торговыхъ школъ и около 50 учредителей, учредительницъ и представителей попечительныхъ совѣтовъ. Всѣхъ засѣданій было до 20. Засѣданія происходили въ Петровскомъ училищѣ С.-Петербургскаго купеческаго общества, въ торговой школѣ имени Императора Николая II и въ большомъ залѣ совѣта министерства финансовъ. Первое засѣданіе было открыто рѣчью товарища министра финансовъ В. И. Тимирязева. Изложивъ вкратцѣ исторію развитія торговыхъ школъ въ Россіи, т. с. В. И. Тимирязевъ отмѣтилъ развивающееся въ обществѣ стремленіе къ спеціальному образованію и выяснилъ, что министерство финансовъ отнюдь не задается цѣлью выработать какую-нибудь одну шаблонную школу, но напротивъ желаетъ, чтобы школы были проникнуты индивидуальнымъ характеромъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Занятія совѣщанія начались разсмотрѣніемъ вопроса о практической дѣятельности учениковъ, окончившихъ курсъ ученія въ торговыхъ школахъ. Изъ докладовъ г.г. инспекторовъ выяснилось, что большинство молодыхъ людей, окончившихъ курсъ торговыхъ школъ, поступаетъ на службу въ конторы, банки и на желѣзныя дороги и только незначительная часть въ торгово-промышленныя учрежденія. Какъ на причины этого нежелательнаго явленія было указано на отсутствіе праздничнаго отдыха и продолжительность рабочаго дня въ большинствѣ торговыхъ фирмъ. Поэтому совѣщаніе признало желательнымъ возбудить въ установленномъ порядкѣ ходатайство о прекращеніи торговли въ воскресные и праздничные дни и нормировкѣ рабочаго времени. При разсмотрѣніи вопроса объ организаціи женскихъ торговыхъ школъ было высказано пожеланіе предоставить оканчивающимъ въ нихъ курсъ права начальныхъ учительницъ. При разсмотрѣніи вопроса объ отбываніи учениками торговыхъ школъ воинской повинности совѣщаніе выразило пожеланіе, чтобы уча-

Digitized by Google

щимся была предоставлена отсрочка по отбыванію воинской повинности до окончанія курса ученія въ школѣ или чтобы торговыя школы, по крайней мѣрѣ, были включены въ списокъ учебныхъ заведеній второго разряда, дающихъ отсрочку на одинъ годъ и чтобы окончившимъ курсъ торговыхъ школъ было предоставлено отбывать воинскую повинность на правахъ вольноопредѣляющихся второго разряда. Затѣмъ былъ разсмотрѣнъ вопросъ о совмѣстномъ обученіи въ торговыхъ школахъ учащихся обоего пола. Постановлено не препятствовать таковому совмѣстному обученію до выясненія результатовъ. Вопросъ о допущеніи къ окончательнымъ испытаніямъ въ торговыхъ школахъ постороннихъ лицъ былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, хотя такое допущеніе и не предусмотрѣно Положеніемъ о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Послѣднее засѣданіе совѣщанія посѣтилъ министръ финансовъ статсъ-секретарь В. Н. Коковцовъ. Прибывъ въ сопровожденіи товарища министра финансовъ В. И. Тимирязева и встрѣченный предсѣдателемъ совѣщанія, управляющимъ учебнымъ отдѣломъ П. А. Аноповымъ, г. министръ финансовъ обратился къ присутствовавшимъ съ нижеслѣдующими словами:

„Милостивые государи! Узнавъ, что сегодня оканчиваются ваши занятія, я счелъ необходимымъ выяснить вамъ тотъ взглядъ, котораго держится министерство финансовъ на настоящее совѣщаніе, посвященное вопросамъ о наилучшей постановкѣ учебновоспитательнаго дѣла въ подвѣдомственныхъ министерству торговыхъ школахъ.

„По моему предложенію вы прибыли сюда съ разныхъ концовъ Россіи, соединенные общимъ желаніемъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ и возможности министерству финансовъ въ успѣшномъ развитіи коммерческаго образованія на той его ступени, которая представляетъ особенный интересъ для нашего отечества. Торговыя школы, по моему мнѣнію, изображаютъ собою ту ячейку, изъ которой можетъ выйти правильное развитіе столь необходимаго странѣ низшаго коммерческаго знанія.

„Министерство финансовъ полагаетъ, что всякое дѣло можетъ идти только тогда, когда лица, посвятившія себя данному дѣлу, видятъ, что ихъ трудами интересуются и на ихъ желанія обращается должное вниманіе. Вѣрное этому взгляду, министерство финансовъ считаетъ необходимымъ прислушаться къ вашему голосу въ томъ важномъ дѣлѣ, которому вы отдаете свой трудъ и время.

„Министерство финансовъ, признавая, что одно оно не въ силахъ достигнуть желательныхъ результатовъ, съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ ту отзывчивость, съ какою вы, милостивые государи, откликнулись на приглашеніе учебнаго отдѣла содѣйствовать

Digitized by Google

ему вашимъ жизненнымъ опытомъ въ дѣлѣ насажденія коммерческаго образованія. Не останавливаясь передъ разстояніемъ, вы рѣшились пожертвовать свободнымъ временемъ праздничнаго отдыха для преуспѣянія дорогого вамъ общаго дѣла.

„Уѣзжая домой, вы можете быть убѣждены, что труды ваши не пропадутъ и что министерство финансовъ, являясь лишь попечительнымъ руководителемъ просвѣтительнаго дѣла, которому вы служите, внимательно отнесется къ тому богатому почерпнутому непосредственно изъ жизни матеріалу, который создался трудами настоящаго совѣщанія. По докладамъ учебнаго отдѣла и моего товарища В. П. Тимирязева мнѣ извѣстны всѣ возбужденные на настоящемъ совѣщаніи вопросы. Часть ихъ можетъ быть проведена въ жизнь немедленно, а часть потребуетъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. Во всякомъ случаѣ каждый изъ васъ можетъ быть увѣренъ, что вложилъ свою крупицу въ общее дѣло.

„Принося вамъ, милостивые государи, свою благодарность за пріѣздъ и совмѣстные труды, я вмѣстѣ съ тѣмъ выражаю полную увѣренность, что и впредь вы будете трудиться на избранномъ поприщѣ съ такою же энергіею и любовью".

Въ отвѣтъ на эту рѣчь членъ попечительнаго совѣта кіевской торговой школы г. Чоколовъ въ краткихъ словахъ принесъ министру финансовъ благодарность отъ имени совѣщанія за вниманіе, оказываемое министерствомъ торговымъ школамъ.

Затѣмъ, завѣдующій варшавской торговой школой д. с. с. Ю. Ю. Цвѣтковскій, испросивъ разрѣшеніе министра финансовъ, прочелъ нижеслѣдующій текстъ адреса, подносимаго членами совѣщанія управляющему учебнымъ отдѣломъ И. А. Анопову:

„Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Иванъ Алексѣевичъ! Настоящее совѣщаніе ярко обрисовало цѣлесообразность постановки торговыхъ школъ, правильное развитіе которыхъ въ значительной степени обязано вашему просвѣщенному содѣйствію. Быстрое и широкое распространеніе этихъ школъ является наилучшимъ подтвержденіемъ соотвѣтствія ихъ запросамъ жизни.

„Ваше довѣріе и широкія полномочія, предоставленныя попечительнымъ совѣтамъ и педагогическимъ комитетамъ, даютъ этимъ школамъ ту гибкость въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, благодаря которому онѣ являются въ высокой степени жизненными.

„Вы, ваше превосходительство, а равно и ближайшіе сотрудники ваши, всегда внимательно и отзывчиво относились къ тѣмъ запросамъ, какіе предъявляла торговая школа.

„Все это, повторяемъ, ясно выразилось на настоящемъ совѣщаніи, за труды по которому мы приносимъ вашему превосходительству глубочайшую признательность.

Digitized by Google

„Надѣемся, что энергія и правильный взглядъ вашего превосходительства на задачи торговыхъ школъ будутъ на многіе годы вѣрнѣйшимъ залогомъ ихъ совершенствованія".

Такимъ образомъ, совѣщаніе признало, а министръ финансовъ подтвердилъ, что развитіе торговыхъ школъ и правильная постановка въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла необходимы для нашего отечества. И дѣйствительно, люди, обладающіе хотя бы начальными коммерческими знаніями, необходимы, чтобы упорядочить нашу торговлю и устранить изстари вкоренившіеся въ ней вредные обычаи.

Такъ какъ упорядоченіе торговли благопріятно отзовется на промышленности всей Россіи, то было бы справедливо поставить торговыя школы въ такія условія, въ какихъ находятся почти всѣ учебныя заведенія. И гимназіи, и реальныя, и городскія, и уѣздныя и сельско-хозяйственныя, и техническія, и ремесленныя училища содержатся цѣликомъ на средства казны. Торговыя же школы этого лишены. Только этимъ и можно объяснить, что такіе крупные торговые пункты, какъ Таганрогъ, Казань, Либава, Ревель еще не имѣютъ своихъ торговыхъ школъ. Богатое купечество болѣе охотно жертвуетъ на коммерческія училища, и правительство поэтому должно придти на помощь торговымъ школамъ. Дѣятели торговаго міра и представители учебнаго дѣла во Франціи, Бельгіи и Англіи единогласно приписывали успѣхъ Германіи на международныхъ рынкахъ такъ же и тому, что она одинаково заботилась объ открытіи какъ высшихъ, такъ и среднихъ и низшихъ училищъ, не только техническихъ, но и коммерческихъ.

Digitized by Google

Итоги нашего финансоваго хозяйства за 1903 годъ.

(По отчету Государственнаго Контроля).

Обнародованіе отчета государственнаго контроля является однимъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ актовъ нашего правительства. Этимъ актомъ стоящее на стражѣ государственныхъ интересовъ вѣдомство государственнаго контроля, совершенно непричастное къ распоряженію государственными суммами, даетъ лишь полную, вѣрную и безпристрастную картину какъ поступленія, такъ и того, куда, какимъ вѣдомствомъ и на что расходуются государственные доходы и налоги.

Только изъ отчета государственнаго контроля народъ можетъ видѣть, куда именно идутъ деньги, взимаемыя съ него правительствомъ, причемъ нельзя не удивляться тому поразительному совершенству техники, выработанной нашимъ министерствомъ финансовъ въ дѣлѣ взиманія этихъ налоговъ, превышающихъ значительно даже общее денежное обращеніе въ странѣ. Къ первому января 1903 года у насъ числилось въ народномъ обращеніи всѣхъ денежныхъ знаковъ 1.455.500,000 р да и то съ большими оговорками, потому что изъ этой суммы необходимо вычесть денежные знаки, находящіеся за границей, въ Манчжуріи, въ депозитахъ и кассахъ различныхъ правительственныхъ учрежденій [1]), такъ что въ дѣйствительности денежное обращеніе въ странѣ можно опредѣлить едва ли даже въ одинъ милліардъ рублей. При такихъ-то условіяхъ, согласно отчету государственнаго контроля, наше финансовое вѣдомство собрало однихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ,

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ» за 1902 г. Октябрь «Письма о деревнѣ».

Digitized by Google

составляющихъ обыкновенные доходы, 2.031.800.814 руб., т. е. сумму, значительно превышающую все количество денежныхъ знаковъ въ странѣ.

Разумѣется, доходы эти поступали разновременно, такъ что часть ихъ расходовалась и поступала вторично, но все-таки для этого нужно большое искусство и предусмотрительность, такъ какъ необходимо, чтобы всѣ деньги, находящіяся въ странѣ, постоянно вращались бы у кассъ государственнаго казначейства, не допуская ихъ легкомысленнаго расходованія народомъ на его нужды и потребности, которыя могутъ быть удовлетворяемы лишь между прочимъ и кое-какъ, памятуя, что эти деньги необходимо скорѣе сдавать въ государственное казначейство.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этого вопроса, такъ какъ это насъ слишкомъ далеко бы завело и отвлекло отъ главной цѣли, тѣмъ не менѣе мы придаемъ чуть ли не первенствующую этому дѣлу роль во всѣхъ неурядицахъ нашего народнаго хозяйства, порождающихъ неудовольствіе и смуту въ населеніи страны. Во всѣхъ, напримѣръ, нашихъ народныхъ волненіяхъ развѣ недостатокъ денежнаго обращенія не является кореннымъ мотивомъ неудовольствія, причемъ, такъ какъ никто не желаетъ сознаться въ этой своей нуждѣ, придумываются самые фантастическіе и неосновательные предлоги для подобныхъ смутъ, за которые цѣпляются и пользуются этими громкими фразами наши подпольные агитаторы.

Въ деревняхъ, среди сельскаго населенія, близъ земли-кормилицы денегъ нѣтъ безусловно, безъ денегъ же ничего предпринять нельзя. Деньги, хотя и небольшія, копошатся еще въ городахъ, вблизи казначействъ. Совершенно естественно, что всѣ, имѣющіе хотя какую-нибудь возможность, стремятся прочь отъ земли, прочь отъ глухой и нищей деревни въ города, гдѣ надѣются принять участіе въ благахъ міра, добываемыхъ при посредствѣ денегъ. Спросъ въ этомъ случаѣ однако не соотвѣтствуетъ предложенію. Въ городахъ оказывается тоже слишкомъ мало денегъ для удовлетворенія аппетитовъ на нихъ всѣхъ желающихъ. Болѣе ловкіе кое-какъ устраиваются, большинство же остается въ числѣ чающихъ великихъ благъ, но, не получая ихъ, обращается въ недовольныхъ. Въ деревню нечего имъ возвращаться, потому что тамъ еще хуже, слѣдовательно, приходится оставаться въ толпѣ и толпой придумывать себѣ предлоги для неудовольствія, чѣмъ и пользуются наши всегда довольные такому случаю агитаторы.

Digitized by Google

Обезпеченный человѣкъ не пойдетъ бунтовать безъ особыхъ совершенно ясно формулированныхъ причинъ, а у насъ, если спросить всѣхъ волнующихся, то они и сами точно не укажутъ, чего они хотятъ, а будутъ толковать лишь о тяжести своего положенія, т. е. о неимѣніи денегъ.

Оно и совершенно понятно. Не только простой темный людъ, но даже большинство нашей интеллигенціи, мало интересуясь нашими внутренними финансовыми вопросами, рѣшительно не отдаютъ себѣ отчета, почему у насъ деньги такъ трудно добываются, почему у насъ такой застой въ торговлѣ, дороговизна жизни и т. п. явленія, дѣлающія жизнь невыносимо тяжелой, и готовы приписать это совсѣмъ другимъ причинамъ, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющимъ.

Всѣ вопіютъ у насъ на обременительность налоговъ и отчасти на нихъ сваливаютъ причину всѣхъ бѣдствій. Въ дѣйствительности же по сравненію съ подданными другихъ государствъ мы платимъ нисколько не болѣе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже менѣе; но если сравнить уровень нашихъ налоговъ и населенія другихъ странъ съ количествомъ обращающихся у насъ и въ другихъ странахъ денежныхъ знаковъ получается что то чудовищное. Въ то время, какъ въ другихъ странахъ западной Европы и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ государственный бюджетъ равняется около $^1/_3$ всѣхъ денегъ, обращающихся въ этихъ странахъ и лишь въ Германіи онъ достигаетъ почти половины ихъ, въ Россіи онъ превышаетъ денежное обращеніе въ полтора, а вѣрнѣе въ два раза. Слѣдовательно, остальные народы на государственныя потребности должны давать въ годъ отъ половины до одной трети имѣющихся денегъ, а русскіе въ годъ должны давать на государственныя потребности въ полтора и даже въ два раза болѣе денегъ, чѣмъ всѣхъ ихъ находится въ народномъ обращеніи. Развѣ это не абсурдъ?

Несомнѣнно, что при этихъ условіяхъ весь народъ находится въ постоянной и срочной погонѣ за деньгами, которыя, то и дѣло ускользая изъ рукъ, прячутся въ казначействахъ, и лишь одна группа изъ этого народа сравнительно благоденствуетъ—это чиновники, которые, не гоняясь за необходимыми имъ деньгами, получаютъ ихъ въ опредѣленномъ размѣрѣ и весьма аккуратно 20 числа каждаго мѣсяца. Изнемогая въ погонѣ за деньгами для оплаты податей и налоговъ, теперь уже вся Россія жаждетъ поступить въ чиновники, и на одно мѣсто всегда есть сотни кандидатовъ. Но кто же въ такомъ

Digitized by Google

случаѣ будетъ платить всѣ налоги—это вопросъ, о которомъ необходимо подумать.

Словомъ, въ Россіи народъ добываетъ необходимыя деньги съ громаднымъ трудомъ, потому что ихъ нѣтъ, но тѣмъ не менѣе, техника взиманія этихъ налоговъ нашимъ министерствомъ финансовъ доведена до столь высокаго совершенства, что государственные доходы въ теченіе послѣднихъ лѣтъ не только не уменьшаются, но даже ежегодно возрастаютъ и въ значительно большей степени, чѣмъ это ожидается нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ, несмотря на то, что количество денежныхъ знаковъ, обращающихся въ странѣ, не только не увеличивается, но повидимому даже уменьшается, убывая за границу и въ Манчжурію.

Согласно отчету государственнаго контроля за послѣднія 5 лѣтъ по росписямъ предполагалось обыкновенныхъ доходовъ къ поступленію и поступало въ дѣйствительности слѣдующее количество:

ГОДЫ.	По росписямъ обыкновенныхъ доходовъ ожидалось:	Дѣйствительно поступило обыкновенныхъ доходовъ:
	Рубли.	Рубли.
1899	1.469.128,203	1.673 313.062
1900	1.593.745,680	1.704.128.506
1901	1.730.096,006	1.799.457.155
1902	1.800.784,482	1.905.404,442
1903	1.897.032,678	2.031.800.814
ИТОГО.	8.490.787,049	9.114.103.979

Итакъ, за приведенное пятилѣтіе превышеніе дѣйствительно поступившихъ доходовъ надъ ожидаемыми выразилось въ 623.316,930 рубляхъ. За послѣдній же 1903 годъ дѣйствительно поступило обыкновенныхъ доходовъ болѣе, чѣмъ ожидалось на 134.768,136 руб.

Digitized by Google

Если же сравнить за тѣ же пять лѣтъ дѣйствительное производство расходовъ съ назначеніемъ ихъ по росписи, то окажется, что насколько наше министерство финансовъ исправно было во взиманіи доходовъ, настолько же оно щедро было въ дѣлѣ расходованія взимаемыхъ суммъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующей таблицы:

ГОДЫ.	По росписи обыкновенныхъ расходовъ назначено:	Дѣйствительно произведено обыкновенныхъ расходовъ:
	Рубли.	Рубли.
1899	1.462.659,233	1.499.141,507
1900	1.564.441,670	1.599.185,714
1901	1.656.652,556	1.664.887,251
1902	1.775.913,481	1.802.140,039
1903	1.880 405,229	1.883.026,335
ИТОГО.	8.340.072,169	8.448.380,846

Изъ приведенной таблицы видно, что за пятилѣтіе съ 1899—1903 г.г. израсходовано болѣе, чѣмъ ассигновано на 108.308,677 рублей, а за одинъ 1903 годъ обыкновенные расходы превысили ассигнованіе на 2.621,106 рублей. Однимъ словомъ, отъ усиленнаго взиманія обыкновенныхъ доходовъ государство не имѣло ровно никакой выгоды, такъ какъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ возрастали и расходы.

Ростъ обыкновенныхъ доходовъ за это пятилѣтіе, какъ видно изъ приведенныхъ таблицъ, опредѣлился въ 358.487,752 руб. (2.031.800,814—1.673.313,062), т. е. на 21%; расходы же за это время возросли на 383.884,828 рублей (1.883.026,335—1.499.141,507) или на 26%.

Увеличеніе государственныхъ обыкновенныхъ расходовъ за приведенное пятилѣтіе, выразившееся въ общей суммѣ 383.884,828 рублей, произошло по слѣдующимъ отдѣльнымъ смѣтамъ:

Digitized by Google

	Противъ 1899 г.			
	Увеличеніе.		Уменьшеніе.	
	На сумму въ рубляхъ.	Въ % отношеніи.	На сумму въ рубляхъ.	Въ % отношеніи.
По системѣ государственнаго кредита	12.959,228	4,7	»	»
» высшимъ государственнымъ учрежденіямъ. . . .	468,913	14,7	»	»
» вѣдомству Святѣйшаго Синода	7.262,774	34,2	»	»
» министерствамъ:				
Императорскаго двора . . .	2.956,422	22,8	»	»
иностранныхъ дѣлъ	576,048	10,4	»	»
военному	22.571,408	6,8	»	»
морскому	30.324,232	36,3	»	»
финансовъ	129.912,413	54,9	»	»
земледѣлія и государственныхъ имуществъ	14.639,206	39,3	»	»
внутреннихъ дѣлъ	17.836,972	21,7	»	»
народнаго просвѣщенія . .	10.217,365	35,1	»	»
путей сообщенія	127.356.109	38,7	»	»
юстиціи	4.281,870	9,5	»	»
по государственному контролю	1.039,746	14,5	»	»
» главному управленію государственнаго коннозаводства	»	»	38,078	1,8
фондъ на случай возвышенія стоимости провіанта и фуража	1.500.000	»	»	»
	383.922,906	»	38,078	»
	383.884,828 руб.			

Digitized by Google

Особенно сильно увеличились, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, расходы по министерствамъ: финансовъ—на 129,9 милл. руб. (изъ которыхъ на желѣзнодорожныя надобности и по казенной продажѣ питей израсходовано 100,4 милл. р.); путей сообщенія—127,4 милл. руб., (причемъ на желѣзнодорожныя надобности пошло 124,1 милл. руб.); затѣмъ значительныя превышенія произошли по морскому министерству—30,3 милл. р., по военному – 22,6 милл. р., внутреннихъ дѣлъ—17,8 милл. руб., земледѣлія и государственныхъ имуществъ—14,6 милл. руб., по системѣ государственнаго кредита — 13,0 милл. руб., по министерству народнаго просвѣщенія—10,2 милл. руб., вѣдомству Святѣйшаго Синода—7,3 милл. руб. и по остальнымъ вѣдомствамъ на 10,8 милл. руб. Уменьшеніе же расходовъ сравнительно съ 1899 годомъ, въ незначительной суммѣ—38 тысячъ рублей, дало лишь управленіе государственнаго коннозаводства.

Сдѣлавъ краткій обзоръ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, обратимся теперь къ расходамъ чрезвычайнымъ, которые по росписямъ послѣдняго пятилѣтія предполагалось покрыть ассигнованіемъ изъ свободной наличности государственнаго казначейства, образующейся изъ превышеній дѣйствительныхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами.

Относительно этихъ расходовъ можно сказать, что министерство финансовъ при ихъ производствѣ оказалось еще болѣе щедрымъ, чѣмъ при расходахъ обыкновенныхъ. Такъ на чрезвычайные расходы ассигнованы были за послѣднее пятилѣтіе слѣдующія суммы: (см. табл. на 666 стр.).

Въ дѣйствительности же расходовъ чрезвычайныхъ произведено гораздо больше:

ГОДЫ.	РУБЛИ.
1899	321.539,794
1900	333.788,515
1901	209.369,808
1902	365.035,637
1903	224.842,480
Итого	1.454,576,234

Общіе результаты исполненія государственной росписи за приведенное пятилѣтіе съ 1899 по 1903 годъ ясно видны изъ

Digitized by Google

Годы.	Сумма предположенныхъ чрезвычайныхъ доходовъ по росписи.	Сумма, ассигнованная по росписи изъ свободной наличности государственнаго казначейства на покрытіе исчисленныхъ по росписи расходовъ.	Итого.
	Рубли.		
1899	4.000.000	105.073,413	109.073,413
1900	3.000,000	189.945,424	192.345,424
1901	1.500,000	130.329,450	131.829,450
1902	1.800.000	168.858,495	170.658,495
1903	2.500,000	188.762,243	191.262,243
	12.800,000	782.969,025	795.169,025

слѣдующей общей таблицы обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ: (см. табл. на 667 стр.).

Изъ приведенной таблицы видно, что въ теченіе послѣдняго пятилѣтія обыкновенные доходы превысили обыкновенные расходы на 893,607,634 рубля, а чрезвычайныя поступленія были ниже чрезвычайныхъ расходовъ на 654.697,483 рубля, такъ что въ общемъ доходы превысили расходы на 238,910,151 рубль.

II.

Сдѣлавъ бѣглый очеркъ результатовъ нашего финансоваго хозяйства за послѣднее пятилѣтіе, разсмотримъ теперь въ частности исполненіе государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1903 годъ, по отчету государственнаго контроля.

Общіе результаты.

	Рубли.
По росписи было исчислено къ поступленію обыкновенныхъ доходовъ	1.897.032,678
Въ дѣйствительности же, какъ видно изъ отчета, поступило	2.031.800,814
Болѣе противъ росписи на	134.768,136
или на 7%.	

Digitized by Google

Годы.	Обыкновенные доходы и расходы.					Чрезвычайные доходы и расходы.					Общій результатъ исполненія росписей.
	Доходы.	Остатки отъ заключенныхъ смѣтъ.	Итого.	Расходы.	Превышеніе доходовъ + расходовъ —	Рессурсы.	Остатки отъ заключенныхъ смѣтъ.	Итого.	Расходы.	Превышеніе поступленій + расходовъ —	Превышеніе поступленій + расходовъ —
1899	1.673.313,062	7.953,716	1.681.266,778	1 463.572,517	+217.694,261	183.848,941	4.101.394	187.950,335	321.539,794	- 133.589.459	+ 84.104,802
1900	1.704.128,506	59.991,473	1.764.119,979	1,555.427,622	+208.692,357	32.568,983	4.049,947	36.618,930	333.788,515	—297.169,585	— 88.477,228
1901	1.790.457,155	35.350,365	1.834.807,520	1.664,887,251	+169.920,269	163.915,915	20.457,716	184.373,631	209.369,808	— 24.996,177	+144.924,092
1902	1.905.404,442	19.711,590	1.925,116,032	1.802.140,039	+122.975,993	202.148,325	10.807,975	212.956,300	365.035,637	—152.079,337	— 29.103,344
1903	2.031.800,814	25.550,275	2,057.351,089	1.883.026,335	+174.324,754	170.907,327	7.072,228	177.979,555	224.842,480	— 46.862,925	+127,461,829
					+893.607,634					—654.697,483	+238.910,151

Digitized by Google

Подобное превышеніе дѣйствительнымъ поступленіемъ ожидаемаго есть слѣдствіе превышенія противъ смѣтнаго ожиданія по 23 статьямъ росписи, при недоборѣ по 11 статьямъ.

Превышеніе противъ смѣтнаго ожиданія оказалось по слѣдующимъ доходамъ:

	РУБЛИ.
По доходу отъ казенной продажи питей	42,510,341
» доходу отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ	40,614,966
» таможенному доходу	25,269,152
» сборамъ съ питей	4,623,645
» табачному доходу	4,157,582
» прибылямъ отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій	3,941,880
» пошлинамъ гербовымъ, судебнымъ, канцелярскимъ и съ записи документовъ	3.717,187
» доходу отъ оброчныхъ статей и промысловъ	3,033,417
» нефтяному доходу	2,905,500
» пошлинамъ разныхъ наименованій	2,608,812
» почтовому доходу	2,055,175
» налогамъ поземельнымъ, съ недвижимыхъ имуществъ и податямъ	1,743,336
» сбору съ пассажировъ и грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ въ пассажирскихъ и товаро-пассажирскихъ поѣздахъ	1,739,325
» государственному промысловому налогу	1,467,475
» прибылямъ отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ	1,243,850
» пошлинамъ съ переходящихъ имуществъ	1.239,857
» обязательнымъ платежамъ обществъ желѣзныхъ дорогъ	1,166,297
» разнымъ мелкимъ и случайнымъ доходамъ	934,713
» лѣсному доходу	718,870
» выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ	174,237
» спичечному доходу	160,410
» доходу отъ продажи недвижимыхъ имуществъ	126,011
» цо горному доходу	61,343
	146,213,381

Недоборъ противъ смѣтныхъ исчисленій дали:

	РУБЛИ.
военное вознагражденіе	3,448,692
сахарный доходъ	2,860,253
казенные заводы, техническія заведенія и склады	2,303,885
пособія государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ	1,460,693
выкупные платежи съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ	531,811
монетный доходъ	430,000

Digitized by Google

	РУБЛИ.
пошлины съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ	183,853
возвратъ ссудъ и другихъ расходовъ	171,409
сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ .	32.039
выкупные платежи съ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ	19,951
телеграфный и телефонный доходы	2,659
	11,445,245

По росписи 1903 года было ассигновано на обыкновенные расходы 1.800,405,229 рублей.

Дѣйствительное исполненіе росписи обыкновенныхъ расходовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Израсходовано:

а) въ отчетномъ году	1.717,236,920 р.	
б) въ теченіе льготнаго срока .	64,811,322 »	
		1.782,048,242 р.

и подлежитъ выдачѣ:

а) по именнымъ спискамъ кредиторовъ казны	29,004,927 »	
б) въ счетъ продолженныхъ кредитовъ	71,973,166 »	
		100,978.093 »
а всего		1.883,026,335 »

Итогъ дѣйствительно произведенныхъ расходовъ, продолженныхъ кредитовъ и подлежащихъ отпуску по кредиторскимъ спискамъ суммъ обыкновенныхъ расходовъ (1.883,026,335 р.), по сравненію съ итогомъ кредитовъ, ассигнованныхъ по росписи 1903 г. (1.800,405,229 р.), представляетъ увеличеніе на 2.621,106 р. Если же, при сопоставленіи между собою предположеній росписи и отнесенныхъ на нее расходовъ, исключить изъ расчета внесенный на нее для усиленія смѣтныхъ кредитовъ фондъ въ 12.000,000 р. на экстренныя въ теченіе года надобности, и 1.500,000 руб., причисленные къ кредитамъ военнаго министерства изъ особаго фонда въ 3.000,000 р., назначеннаго по государственной росписи на покрытіе расходовъ по случаю возвышенія стоимости провіанта и фуража, то превышеніе расходовъ противъ предположеній росписи достигнетъ до 16.121,106 руб.

Этотъ результатъ составляетъ послѣдствіе увеличенія расходовъ по однимъ вѣдомствамъ на 25.411,801 руб. и уменьшенія—по другимъ на 9.290,695 руб.

Digitized by Google

Увеличеніе расходовъ противъ росписи выразилось по отдѣльнымъ вѣдомствамъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

	РУБЛИ.
по военному министерству	20,995,857
» министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ	2,757,514
» высшимъ государственнымъ учрежденіямъ	451,065
» министерству внутреннихъ дѣлъ	427,462
» министерству иностранныхъ дѣлъ	373,936
» министерству народнаго просвѣщенія	137,586
» министерству Императорскаго двора	132,167
» вѣдомству Святѣйшаго Синода	128,811
» главному управленію государственнаго коннозаводства	7,138
» государственному контролю	265
	25,411,801

Уменьшеніе же расходовъ послѣдовало по смѣтамъ:

	Рубли.
министерства финансовъ	3.028,418
системы государственнаго кредита	2.252,511
министерства путей сообщенія	2.042,463
морскаго министерства	1.694,656
министерства юстиціи	272,647
	9.290,695

Переходя къ болѣе обстоятельному разсмотрѣнію чрезвычайныхъ нашихъ рессурсовъ, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что по государственной росписи на 1903 годъ чрезвычайныхъ доходовъ было исчислено 2.500,000 руб. (вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время), въ дѣйствительности же поступило 170.907,327 руб., т. е. на 168.407,327 руб. болѣе.

Общая сумма чрезвычайныхъ доходовъ слагается изъ слѣдующихъ частей:

Вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время поступило 3.091,229 руб., болѣе противъ смѣты на 591,229 руб.

Въ погашеніе части долга особаго отдѣла государственнаго дворянскаго земельнаго банка поступило 68.931,057 руб.

Въ возвратъ ссудъ, выданныхъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ, поступило 58.340,000 руб.

Эти два поступленія, составляющія солидную сумму въ 127.271,057 руб., собственно говоря, должны бы идти на погашеніе ранѣе сдѣланнаго займа для этой цѣли, но, по обыкно-

Digitized by Google

вению, они были израсходованы, т. е. наша государственная задолженность въ сущности увеличилась на эту сумму.

Затѣмъ слѣдуютъ новые займы отъ реализаціи 4% ренты на 38.454,166 руб.

Наконецъ, въ чрезвычайные рессурсы зачислены остатки отъ различныхъ операцій на сумму въ 2.090,875 руб.

Кромѣ того остатки отъ заключенныхъ смѣтъ составили 7.072,228 руб.

Что касается чрезвычайныхъ расходовъ, то они значительно превысили поступленія чрезвычайныхъ рессурсовъ.

По росписи на 1903 годъ чрезвычайные расходы исчислены были въ суммѣ 191.262,243 руб. Къ этой суммѣ разновременно добавлено было 56.470,387 руб., а всего 247.732,630 руб.

Изъ этихъ предположенныхъ чрезвычайныхъ расходовъ 10.959,924 руб. слѣдуетъ исключить, вслѣдствіе перевода ихъ изъ чрезвычайной росписи въ обыкновенную, и 11.750,000 р., на которые, въ силу Высочайше утвержденнаго, 6 марта 1904 года, журнала департамента государственной экономіи, сокращены были расходы по случаю войны и закрыты кредиты по слѣдующимъ статьямъ:

	Рубли.
а) На вознагражденіе частныхъ лицъ и учрежденій за потерю въ доходахъ послѣ введенія казенной продажи питей	7.000,000
б) По сооруженію Вологдо-Вятской желѣзной дороги	3.000,000
в) По сооруженію С.-Петербурго-Петрозаводской желѣзной дороги	1.750,000

Кромѣ того, на 180,226 руб. образовалось остатковъ вслѣдствіе закрытія кредитовъ на общемъ основаніи.

Такимъ образомъ весь расходъ выразился въ суммѣ 224.842,480 руб., которая частью израсходована, частью значится къ выдачѣ по кредиторскимъ спискамъ и, наконецъ, на нѣкоторую часть продолжены кредиты. Распредѣлились они слѣдующимъ образомъ:

	Рубли.
На расходы по государственнымъ долгамъ . . .	2.458,300
» вознагражденіе частныхъ лицъ и учрежденій за потерю въ доходахъ послѣ введенія казенной винной монополіи	8.000,000
» выдачу ссудъ богословскому горнозаводскому обществу для сооруженія желѣзной дороги и обществамъ желѣзныхъ дорогъ подъ обезпеченіе гарантированныхъ правительствомъ облигацій	9.270.000

Digitized by Google

	Рубли.
на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ	163.203,349
» вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкой сибирской желѣзной дороги . . .	3.321,753
» пріобрѣтеніе процентныхъ бумагъ въ портфель государственнаго казначейства	16.373,000
» платежи по досрочному погашенію 4% облигацій внутренняго консолидированнаго желѣзнодорожнаго займа выпусковъ 1890 и 1892 гг. и внутренняго займа 1893 года	11.239,196
» операціонные расходы по реализаціи выкупу и обмѣну процентныхъ бумагъ	151,379
» расходы Дальняго Востока, вызванные политическими осложненіями	10.825,503
» усиленіе общаго по Имперіи продовольственнаго капитала для продовольственныхъ операцій 1902 и 1903 годовъ	5.000.000
	224.842,480

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ весь нашъ бюджетъ равнялся однимъ современнымъ нашимъ чрезвычайнымъ расходамъ, изъ которыхъ многія статьи превышаютъ даже бюджеты цѣлыхъ министерствъ, не говоря уже объ ассигнованіяхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Хотя нашему бюджету, 50 лѣтъ тому назадъ равнявшемуся, въ 1852 году, 280 милл. рублей и отнимавшему у населенія страны лишь почти 1/4 всѣхъ обращавшихся въ странѣ денегъ, современные финансисты и экономисты приписывали несчастный исходъ севастопольской кампаніи, такъ какъ недостаточностью денежныхъ затратъ объясняли нашу неподготовленность къ войнѣ, но что же лучше мы видимъ въ настоящее время, когда бюджетъ нашъ увеличился въ восемь разъ и съ населенія берется вдвое больше денегъ, чѣмъ ихъ всего обращается въ странѣ. Та же неподготовленность, то же потопленіе флота, та же затянутость кампаніи... но къ этому добавилась еще полная нищета населенія.

Хотя бюджетъ нашъ и увеличился за 50 лѣтъ въ 8 разъ, но, видно, эти деньги не расходуются на дѣйствительныя нужды, и вся перемѣна замѣчается лишь въ томъ, что расплодилось не въ 8, а въ 80 разъ больше чиновниковъ. Въ особенности число ихъ возросло съ введеніемъ винной монополіи, обратившей всѣхъ нѣкогда бывшихъ сидѣльцевъ или цѣловальниковъ въ чиновниковъ съ очень приличными окладами жалованія. Содержаніе всѣхъ этихъ чиновниковъ поглотитъ какой угодно бюджетъ и все-таки не удовлетворитъ ихъ аппетитовъ на казенный пирогъ.

Digitized by Google

Вотъ по нашему мнѣнію главная причина чрезмѣрнаго увеличенія бюджета, котораго страна, въ виду совершенно незначительнаго по отношенію къ бюджету обращенія денежныхъ знаковъ, рѣшительно выносить не въ состояніи безъ полнаго извращенія всего экономическаго строя и самой жизни населенія.

Въ заключеніе, объ исполненіи государственной росписи можно придти къ слѣдующему выводу:

Обыкновенные доходы превысили обыкновенные расходы на 174.324,754 рубля. Чрезвычайные расходы превысили чрезвычайные рессурсы на 46.862,925 рублей. Такъ что въ общемъ исполненіе государственной росписи 1903 года выразилось превышеніемъ доходовъ надъ расходами на сумму 127.461,829 руб.

III.

Закончивъ обзоръ исполненія государственной росписи на 1903 годъ, нельзя умолчать о тѣхъ общихъ выводахъ о нашемъ финансовомъ хозяйствѣ, которые дѣлаются въ отчетѣ государственнаго контроля.

Изъ этихъ выводовъ имѣетъ большое значеніе состояніе свободной наличности государственнаго казначейства.

Къ 1 января 1903 года свободная наличность государственнаго казначейства составляла 257.415,869 рублей. Въ теченіе 1903 года подъ вліяніемъ исполненія росписей свободная наличность въ конечномъ результатѣ увеличилась на 123.930,010 рублей, т.-е. почти на всю сумму превышенія доходовъ надъ расходами, такъ что къ 1 января 1904 года свободная наличность составляла 381.345,879 руб., что-же касается нашего государственнаго долга, то къ 1 января 1903 года онъ равнялся суммѣ 6.643.926,670 руб., въ томъ числѣ было долговъ, отнесенныхъ на общегосударственныя потребности 3.199.180,274 рубля.

Въ зависимости отъ исполненія росписи къ 1 января 1904 года государственный долгъ увеличился на 7.909,570 рублей, что въ общемъ составляетъ сумму въ 6.651.836,240 рублей, распредѣляясь слѣдующимъ образомъ: долгъ на общегосударственныя потребности увеличился на 17.237,719 рублей и къ концу года дошелъ до 3.461.984,116 рублей, а желѣзнодорожные долги уменьшились на 9.328,150 рублей и къ концу года выразились въ суммѣ 3.189.852,124 рубля.

Digitized by Google

Въ заключеніе мы еще приведемъ чрезвычайно интересные и важные выводы, сдѣланные въ отчетѣ государственнаго контроля о сравнительномъ состояніи государственныхъ долговъ къ 1 января 1889 года и къ 1 января 1904 года, которыми отчасти характеризуется дѣятельность нашего финансоваго управленія въ теченіе послѣднихъ 14-ти лѣтъ.

СОСТОЯЛО:	Къ 1 января 1889 г.	Къ 1 января 1904 г.
	Рублей.	
Долговъ на общегосударственныя потребности	3.629.218,143	3.461,984,116
Желѣзнодорожныхъ долговъ	1.363.017,167	3.189,852,124
Итого	4.992.235,310	6.651.836.240

Такимъ образомъ государственный долгъ, не смотря на постоянное и солидное погашеніе, конверсіи, сверхсрочные выкупы и т. п. операціи, за это время увеличился на 1.659.600,930 рублей и исключительно на выкупъ и постройку желѣзныхъ дорогъ.

Эти измѣненія въ составѣ государственнаго долга отразились и на суммѣ кредитовъ на платежи процентовъ и погашенія по государственнымъ займамъ. Кредиты на уплату процентовъ по займамъ на общегосударственныя потребности уменьшились на 8.901,064 руб. 87 к. (съ 149.895,189 р. 81 к. до 140.994,124 руб. 94 коп.), а по желѣзнодорожнымъ займамъ возросли на 62.828,004 руб. 6 коп. (126.181,118 руб. 56 коп. — 63.353,114 руб. 50 коп.): кредиты-же на погашеніе уменьшились: по займамъ на общегосударственныя потребности на 33.763,359 рублей 77 копѣекъ (48.449.386 рублей 50 коп. — 14.686,026 руб. 73 коп.), а по желѣзнодорожнымъ займамъ увеличились на 6.402,751 руб. 27 коп. (10.675,925 руб. 27 коп. — 4.273,174 рубля); въ общемъ сумма кредитовъ на уплату процентовъ увеличилась на 53.926.939 руб. 19 коп. (267.175.243 р. 50 к. — 213.248,304 р. 31 к.), а на уплату капитала уменьшилась на 27.360,608 р. 50 к. (52.722.560 р. 50 к. — 25.361,952 р.).

Финансовые результаты чрезвычайныхъ операцій по государственнымъ долгамъ за 1889—1903 гг. были слѣдующіе:

Для производства сверхсрочнаго погашенія займовъ на наричательный капиталъ въ 4.240.721,517 руб. 47 коп. были заключены новые займы на сумму 4.384.602,269 руб. 52 коп. При этомъ расходы по сверхсрочному погашенію составили

Digitized by Google

4.310.098,588 р. 90 к., выручено же отъ реализаціи новыхъ займовъ—4.136.414,018 р. 81 к.

Изъ суммы, вырученой отъ реализаціи 59.533,151 р. 83 к. обращены въ свободные рессурсы государственнаго казначейства, а 4.076.880.866 руб. 98 коп. употреблены на сверхсрочное погашеніе, и сверхъ того, израсходовано на тотъ-же предметъ 233.217,721 руб. 92 коп. изъ свободной наличности государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ производство сверхсрочнаго погашенія увеличило капитальную сумму долга на 143.880,752 руб. 5 коп. (4.384.602,269 р. 52 к.—4.240.721,517 р. 47 к.) и, сверхъ того, потребовало затраты изъ наличныхъ средствъ государственнаго казначейства въ 173.684,570 р. 9 к. (233.217,721 р. 92 к.—59.533,151 р. 83 к.).

О степени выгодности приведенныхъ операцій каждый можетъ судить изъ приведенныхъ данныхъ, но наше мнѣніе, что далѣе слѣдовать по пути постоянныхъ займовъ невозможно, да и надобности нѣтъ въ этомъ.

С. К.

Digitized by Google

На театрѣ военныхъ дѣйствій [1]).

IV.

Начиная съ 18-го апрѣля на флангѣ расположенія японцевъ и отчасти въ ихъ тылу самостоятельно дѣйствовала дивизія генерала Ренненкампфа, состоявшая изъ казачьихъ полковъ Перваго и Втораго Аргунскаго и Втораго Нерчинскаго и Забайкальской казачьей конной батареи.

Задача ея состояла въ слѣдующемъ:

Послѣ форсированія японцами переправы черезъ рѣку Ялу и славнаго, для нашихъ двухъ полковъ, боя подъ Тюренченомъ, логичнымъ являлся вопросъ, что предприметъ далѣе командующій первой японской арміей генералъ Куроки. Естественно было предположить, что онъ будетъ энергически наступать на Мукденъ.

Въ этомъ случаѣ наша армія, сосредоточиваемая у Мукдена и очень слабая въ своемъ численномъ составѣ, была бы угрожаема въ своей коммуникаціи съ главной базой и только одна рѣшительная угроза японцевъ ея тылу могла заставить нашй войска отойти къ сѣверу, къ Телину и даже Харбину.

Во-вторыхъ, генералъ Куроки могъ наступать прямо на Ляоянъ, дабы заставить насъ принять тамъ генеральное сраженіе, которое по вышеизложеннымъ причинамъ также не было-бы нами дано.

Въ третьихъ, онъ могъ двинуть свои войска къ Кайджоу или Хайчену съ цѣлью устроить заслонъ отъ насъ съ сѣвера въ обезпеченіе свободы дѣйствій второй арміи, которая, сдѣлавъ высадку у Дагушаня или Бидзыво, должна была начать осаду Портъ-Артура.

---

[1]) См. «Русск. Вѣсти.», январь, 1905 г.

Digitized by Google

Такимъ образомъ мы видимъ, что японцы могли двинуться по тремъ разнымъ направленіямъ.

Естественно, что раскрыть важную для насъ проблему намѣреній противника, замаскировавъ въ то-же время до послѣдней степени свои, могла только конница и вотъ эта-то трудная и многосложная задача была возложена на генерала Ренненкампфа и его конницу.

Полки ея были укомплектованы до полнаго штата офицеровъ почти исключительно представителями нашей гвардіи, все добровольцами, которые не задумались промѣнять свои красивые мундиры на невзрачные казачьи чекмени и миражи свѣтской жизни на ежечасныя угрозы смерти и дикія пустыни Манчжуріи, Кореи и Квантуна.

Офицеры — природные казаки — были преданы долгу и отличались знаніемъ службы и театра военныхъ дѣйствій, который большинство изучило въ прошлую китайскую войну.

Нижніе чины состояли большею частью изъ обстрѣленныхъ въ бояхъ казаковъ, и если они не были такъ дисциплинированы, какъ ихъ братаны другихъ войскъ, то все же смѣло можно было, завладѣвъ ихъ сердцами, идти на любого врага.

Во главѣ ихъ сталъ рѣдко храбрый и энергичный генералъ Ренненкампфъ, стяжавшій себѣ рѣдкую боевую извѣстность въ прошлую войну и украшенный двумя Георгіями.

Работа на долю дивизіи выпала не легкая. Три мѣсяца провела она въ постоянныхъ дѣлахъ и стычкахъ съ противникомъ, не доѣдая и не досыпая по цѣлымъ недѣлямъ. Потери ея, особенно въ офицерахъ, были также велики и много изъ нашей jeunesse dorée жизнью и пролитой кровью отмѣтили свою преданность долгу и Россіи.

Служба казаковъ за этотъ періодъ времени представляла собою мелкую, можно сказать, филигранную работу. Ежедневныя передвиженія, стычки разъѣздовъ, авангардовъ, дѣла съ японской конницей и пѣхотой, рейды, засады—все это чередовалось безъ перерыва, и я не буду перечислять всѣхъ этихъ боевъ, такъ какъ они слишкомъ-бы утомили читателей. Но, какъ примѣръ, приведу описаніе одного изъ наиболѣе выдающихся подъ Айянямынемъ, записанное мною со словъ генерала Ренненкампфа, когда я навѣстилъ его, раненаго въ ногу, въ Георгіевской общинѣ въ Лаояпѣ.

Физическое страданіе нисколько не отразилось на психикѣ генерала, который все рвался назадъ къ своей дивизіи и, томясь вынужденнымъ бездѣйствіемъ, съ видимымъ удоволь-

Digitized by Google

ствіемъ отдался воспоминаніямъ недавняго прошлаго, которыя я и представляю вниманію читателей.

25-го мая отрядъ генерала Грекова, послѣ боя подъ Саймадзы, отступилъ черезъ Фэньшуйлинскій перевалъ по дорогѣ на Ляоянъ, а дивизія генерала Ренненкампфа заняла 26-го мая городъ Цзяпчанъ для развѣдокъ на востокъ и юго-востокъ и провѣрки слуховъ о движеніи значительныхъ японскихъ силъ изъ Куань-дянь-сяня на Хуанъ-жэнь-сянь и далѣе

Предпринятая 28, 29 и 30-го мая развѣдка верховьевъ рѣки Айхэ до деревни Шуань-шань-цзы и района деревень Янь-цзя-цзы и Гао-кань-цзы выяснила, что появившіяся здѣсь незначительныя части противника ничего серьезнаго изъ себя не представляютъ, а потому конный отрядъ, оставивъ здѣсь только наблюдательныя части, къ 31-му мая сосредоточился къ Цзяпчану.

Если мѣстность въ сѣверо-восточномъ районѣ Фэньшуйлинскаго хребта извѣстна своею дикостью, скалистымъ характеромъ горъ и сопокъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, то это только цвѣточки въ сравненіи съ тѣми ягодками, которыя конный отрядъ нашелъ въ узлѣ соединенія Фэньшуйлинскаго и Шамушанскаго хребтовъ, особенно въ трехугольникѣ между Синь-кай-линскимъ переваломъ и деревнями Малюпау и Сыпингай. Крутые съ крупными скалистыми глыбами перевалы, въ полномъ смыслѣ слова — дѣвственная лиственная тайга — вотъ что встрѣтило казаковъ. Прослужившій не мало лѣтъ въ кавалеріи, прокомандовавшій 11 лѣтъ полкомъ, генералъ Любавинъ, проходя по скалистымъ кручамъ, по узкимъ горнымъ карнизамъ, причемъ у ногъ коней густыя тучи скрывали бездну пропастей, не могъ не согласиться, что только теперь онъ, находясь мѣсяцъ въ дивизіи генерала Ренненкампфа. пришелъ къ убѣжденію, что для конницы дѣйствительно нѣтъ непроходимыхъ мѣстъ. Бывшій при отрядѣ шведскій военный агентъ, капитанъ Эрлундъ, нѣсколько разъ высказывалъ восторженное удивленіе рѣшенію двинуться въ эти горныя массы, представлявшія на каждомъ шагу милліонъ преградъ ничтожному конному отряду.

Вернувшись 31-го мая въ Цзяпьчанъ, зная, что Сяосыръ слабо занятъ, а потому можетъ дать противнику сравнительно безнаказанно выйти въ долину рѣки Тай-цзы-хэ и отсюда угрожать движеніемъ на Мукденъ, генералъ Ренненкампфъ 1-го іюня сосредоточилъ нѣсколько сотенъ къ этому пункту, а затѣмъ, зная, что пѣхотныя наши части вновь переходятъ Фэньшуй-линъ рѣшилъ концентрическимъ движеніемъ черезъ Сы-

Digitized by Google

гоулинскій перевалъ и отъ Цзянчаня направиться на Саймацзы, очищенный уже, по свѣдѣніямъ разъѣздовъ, непріятелемъ.

3-го іюня онъ съ баталіономъ пѣхоты и казачьимъ полкомъ со стороны Сыгоулина и бригадой казаковъ со стороны Цзянчана занялъ покинутый японцами Саймацзы. Главныя силы противника еще 28-го мая очистили этотъ пунктъ и отошли частью на Айянямынь, частью на югъ долиной Бадаохэ. Отступленіе японцевъ съ точнымъ опредѣленіемъ состава ихъ отрядовъ въ теченіе 4—5 дней неотступно наблюдалось разъѣздомъ подъесаула Аничкова; небольшія же развѣдочныя ихъ партіи еще вечеромъ 2-го іюня были въ Саймацзы.

Японцы, всегда замѣчательно хорошо оріентировавшіеся и знавшіе все, что у насъ дѣлается, причемъ имъ самую дѣятельную помощь оказывали мирные китайцы, особенно же чиновники, въ чемъ конный отрядъ имѣлъ возможность неоднократно убѣждаться, на этотъ разъ впали въ ошибку при опредѣленіи силъ нашего отряда. Генералъ Куроки оффиціально донесъ, что 4 — 6-тысячный отрядъ занялъ Саймацзы. Подобная ошибка легко объясняется тѣмъ, что большинство мѣстнаго населенія, послѣ боя 25-го мая, ушло въ горы, лица же мѣстной администраціи, отправившіяся въ Фын-хуан-чэнъ, еще не вернулись.

Отъ разъѣздовъ знали, что передовыя части японцевъ занимаютъ Синькайлинскій перевалъ (въ 14 верстахъ къ востоку отъ Саймацзы по дорогѣ Айянямынь), сосѣдній съ нимъ сѣверный перевалъ, по дорогѣ, непоказанной по картѣ, и деревню Сань-цзя-цзы (въ долинѣ р. Бадаохэ).

7 и 8 іюня подошли въ Саймадзы еще нѣсколько ротъ; ихъ прибытія страстно ожидалъ генералъ Ренненкампфъ, рѣшившійся по сосредоточеніи своего небольшого отряда немедленно же произвести усиленную развѣдку для выясненія, какими силами располагаетъ противникъ въ Айянямынѣ. Проникнуть туда нашимъ разъѣздамъ не удавалось, китайцы же опредѣляли силы противника очень различно, отъ 5 до 10 и даже до 15 тысячъ при 18 и даже 40 орудіяхъ. Расположеніе передовыхъ его частей въ точности было извѣстно изъ рекогносцировки подъесаула Аничкова. Этотъ лихой офицеръ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подробно выслѣживалъ расположеніе передовыхъ частей и, вернувшись послѣ обстоятельнаго доклада, только вскользь замѣтилъ, что онъ раненъ въ лѣвую ногу на вылетъ, причемъ рану получилъ въ самомъ началѣ рекогносцировки. Это не помѣшало ему, несмотря на рану, довести работу до конца.

Digitized by Google

О численности японской конницы генералъ Ренненкампфъ уже давно пересталъ спрашивать, относясь къ японскимъ эскадронамъ, тщательно избѣгавшимъ встрѣчи съ казаками и не отдѣляющимся болѣе 200—300 шаговъ отъ своей пѣхоты, болѣе чѣмъ пренебрежительно, говоря, что японская армія отказывается отъ содѣйствія конницы, удовлетворившись лишь конными ординарцами, сведенными въ эскадроны и полки.

По мѣрѣ сосредоточенія нашего сравнительно незначительнаго отряда въ Саймацзы, японскіе передовые отряды понемногу отходили назадъ по дорогѣ на Айянямынь, очистивъ 7-го числа оба ближайшіе перевала.

Для рекогносцировки Айянямыня назначено было на 9-е іюня 10 ротъ, 11 сотенъ, 6 конныхъ и 4 конно-горныхъ орудія. Въ 6 часовъ утра должны были выступить: авангардъ подъ начальствомъ полковника Россійскаго, въ составѣ 4-хъ сотенъ, по главной Айянямынской дорогѣ, и лѣвая колонна, подъ начальствомъ ген.-маіора Любавина, въ составѣ 6 сотенъ и 4 конно-горныхъ орудій, по сѣверной дорогѣ, для выхода противъ праваго фланга, а если возможно, и противъ тыла противника. За авангардомъ должны были идти главныя силы подъ начальствомъ ген.-маіора Шатилова, въ составѣ 10 ротъ, одной сотни и 6 конныхъ орудій.

Одновременно съ движеніемъ отряда на востокъ направлено 3 сотни внизъ по рѣкѣ Бадаохэ.

Перейдя Синкайлинскій перевалъ, главныя силы уже дошли до деревни Синкайлинъ (16 верстъ отъ Саймацзы), какъ вдругъ впереди въ 9 ч. 10 м. утра началась перестрѣлка. Это авангардъ началъ тѣснить передовыя японскія части. Желая дать лѣвой обходной колоннѣ возможность выйти по назначенію, авангарду было послано приказаніе, привлекая на себя больше вниманія, не дать также противнику узнать о движеніи пѣхоты.

Обходная колонна вышла, къ сожалѣнію, не противъ фланга противника, а на путь главныхъ силъ, не доходя верстъ 6 до Айянямыня; почему всей конницѣ съ конно-горной батареей приказано было быстро двинуться впередъ и оттѣснить передовыя части противника, давъ этимъ пѣхотѣ возможность незамѣтнымъ образомъ продвинуться на флангъ.

Сотни свою задачу выполнили отлично, быстро налетѣвъ на занятую и даже укрѣпленную противникомъ переправу черезъ рѣку, гдѣ до 2 ротъ японцевъ не успѣли выбѣжать изъ деревни и занять приготовленные для нихъ окопы. Къ сожалѣнію, и здѣсь мѣстность совершенно не благопріятство-

Digitized by Google

вала движенію въ конномъ строю; хотя тутъ начиналась широкая до 1½ верстъ долина, но японскія роты отходили по склону хребтовъ, мѣстами круто спускающихся въ долину рѣки (праваго притока рѣки Айхэ). Конно-горная батарея лихо выѣхала на ближайшій кряжъ и открыла удачный огонь по отступающимъ, на ходу отстрѣливающимся ротамъ, а затѣмъ перенесла свой огонь противъ деревни въ долинѣ, также занятой японской пѣхотой.

Здѣсь, въ 6 верстахъ отъ Айянямына, образуется соединеніемъ трехъ рѣчекъ широкая долина и тянется дальше южнѣе дороги на Айянямынь. Сама дорога пересѣкаетъ цѣлый рядъ отроговъ, покрытыхъ сначала невысокимъ, но густымъ лѣсомъ, постепенно спускающимся въ долину, причемъ лѣсъ переходитъ въ кусты. Вдоль праваго берега рѣчки подымаются болѣе высокія, чрезвычайно крутыя, сплошь покрытыя лѣсомъ горы.

Выйдя противъ первой позиціи противника, конный авангардъ немедленно выслалъ для наблюденія сотню вверхъ по теченію на сѣверъ и двѣ сотни по долинѣ, по направленію на Даянгоу.

Въ 12 ч. 40 м. дня къ мѣсту переправы подошла голова главныхъ силъ, и шедшій впереди третій баталіонъ подполковника Иванова немедленно направленъ былъ влѣво для наступленія вдоль лѣсистаго кряжа на правый флангъ противника. Въ это время отъ сотенъ, посланныхъ на югъ, для обезпеченія праваго фланга, получилось донесеніе о наступленіи горами до 2 ротъ японцевъ, почему для противодѣйствія имъ немедленно направлена была рота стрѣлковъ подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Гурко.

На мѣстѣ переправы, гдѣ путь отряда покидалъ горное ущелье и выходилъ въ широкую долину, оставлено было для обезпеченія пути отступленія 2 роты и сотня; остальное же все было направлено впередъ вдоль склона хребта.

Но двинутый раньше 3-й баталіонъ полковника Иванова и спѣшенная сотня, поддержанная мѣткимъ огнемъ конно-горной батареи ротмистра Созентовича, настолько стремительно и быстро наступали, все время обходя правый флангъ японскихъ ротъ, занимающихъ послѣдовательно рядъ окоповъ, что первому баталіону и конной батареѣ приказано было, во избѣжаніе обнаруженія своихъ силъ, безъ надобности не принимать участія въ бою, а слѣдовать лишь за правымъ флангомъ побѣдоносно наступающаго третьяго баталіона.

Японцы по своей привычкѣ развили дѣйствительно адскій,

Digitized by Google

но, по обыкновенію, мало дѣйствительный огонь, терпя при этомъ весьма чувствительно отъ нашего косого и даже фланговаго огня. Отъ выстрѣловъ конно-горныхъ орудій особенно потерпѣли двѣ роты, занимавшія приспособленную къ оборонѣ деревню, раскинутую въ долинѣ рѣки, когда онѣ, покинувъ селеніе, начали отступать.

Насколько сильно былъ развитъ огонь японской пѣхотой, видно изъ того, что, когда генералъ Ренненкампфъ переѣзжалъ черезъ третью линію окоповъ, онъ обратилъ вниманіе на массу патронныхъ обоймъ и гильзъ, лежавшихъ около убитаго японца. Обоймъ оказалось 14, т. е. японецъ успѣлъ въ сравнительно небольшой промежутокъ времени, пока они не были принуждены отойти, выпустить 70 патроновъ. Отступая, они бросали множество предметовъ обмундированія, ранцевъ и даже вооруженія. Тутъ же можно было опредѣлить, что мы имѣли дѣло съ 47-мъ и 48-мъ японскими полками. Позже, уже вечеромъ, при отраженіи японской атаки, стали попадаться предметы и 45-го полка.

Надо полагать, что появленіе нашихъ стрѣлковъ для противника было совершенно неожиданное, что онъ первоначально полагалъ имѣть дѣло только съ казаками. Иначе даже трудно объяснить поспѣшное отступленіе его ротъ, занимавшихъ заранѣе приготовленную позицію. А позиція приготовлена была въ высшей степени тщательно. Длинныя линіи, аккуратно, какъ на саперномъ полигонѣ нарытыхъ окоповъ, отлично примѣненныхъ къ мѣстности, были раздѣлены на участки, съ указаніемъ какой части и гдѣ занимать позицію.

Въ каждомъ буквально окопѣ имѣлись на доскахъ въ размѣрахъ 2—3 квадратныхъ фута крупнаго масштаба планы обстрѣливаемаго пространства, спеціально приготовленные для каждаго окопа съ указаніемъ разстояній съ точностью до пяти метровъ. Разстоянія указаны были пунктирами до всѣхъ извѣстныхъ мѣстныхъ предметовъ. Почти въ каждой линіи окоповъ устроена была телефонная станція: эти послѣднія успѣли вездѣ снять, но линія, провѣшенная на 1½—2 саженныхъ столбахъ, была оставлена нетронутой. Въ первой деревнѣ обратили вниманіе на фанзу, гдѣ размѣстились японскіе офицеры. На дворѣ былъ разбитъ цвѣтникъ, все замѣчательно чисто, внутри потолки и стѣны обиты новыми цыновками, въ комнатахъ разставлены бамбуковыя японскія кресла, въ горшкахъ—цвѣты. На столѣ забыты были остатки неоконченнаго обѣда и бутылка краснаго вина. Нѣсколько въ сторонѣ отъ

Digitized by Google

второй деревни высились три могилы, тщательно украшенныя цвѣтами и узорами изъ мелкихъ камешковъ.

Почти не останавливаясь, все время тѣсня передъ собой японцевъ, части нашего отряда къ четыремъ часамъ дня дошли до кумирни, верстахъ въ $2^1/_2$—3 не доходя Айянямыня. Японцы очистили и окопы вдоль впереди лежащаго хребта, поэтому для выясненія обстановки приказано было пяти сотнямъ и конной батареѣ продвинуться впередъ, пяти же ротамъ и двумъ сотнямъ съ конно-горными орудіями остановиться за хребтомъ, не доходя до кумирни.

Но не успѣла конная батарея, имѣя при себѣ 4 сотни, далеко же впереди широко разсыпанную лаву, выйти на далеко тянувшійся гребень, какъ совершенно неожиданно была встрѣчена залпомъ 6 орудій, стоящихъ на хребтѣ возлѣ деревни около Айянямыня. Немедленно командиръ батареи, есаулъ Ящуровъ, поставилъ батарею на позицію, но бороться противъ 18 орудій (6 около Айянямыня и 12 на высокомъ гребнѣ южнѣе) оказалось непосильнымъ. Одновременно съ этимъ открыла живой огонь и японская пѣхота, лежащая въ окопахъ впереди и около батареи. Насколько огонь этой пѣхоты опять былъ недѣйствителенъ, настолько японская артиллерія сразу мѣтко пристрѣлялась и перешла на пораженіе. 18-ти орудійными залпами она буквально засыпала наши 6 орудій, успѣвшія дать только 37 выстрѣловъ и потерявшія въ какихъ-нибудь 5-минутъ три четверти своего состава, при этомъ два орудія подбитыя дальше дѣйствовать не могли. Желая сберечь остальную часть людей, батарейный командиръ быстро собралъ уцѣлѣвшихъ въ прочную каменную фанзу у подножья хребта съ цѣлью нѣсколько выждать. Японскій артиллерійскій огонь не замолкъ, а перенесенъ былъ на наши роты и казачьи сотни; но стоило только на батареѣ явиться двумъ-тремъ человѣкамъ, какъ надъ ней моментально рвались 18 шрапнелей. Попытки провести на батарею передки и сняться также не удавались. Генералъ Ренненкампфъ, выѣхавши съ ординарцами въ началѣ этого артиллерійскаго состязанія шаговъ на 200 впередъ и влѣво отъ батареи, немедленно сдѣлалъ распоряженіе сотнѣ, бывшей впереди въ лавѣ, собраться влѣво на лѣсистый хребетъ, одной сотнѣ остаться около батареи, а тремъ броситься вправо и по возможности выйти противъ лѣваго фланга противника, стрѣлковъ второй роты выдвинуть правѣе батареи, двѣ роты—лѣвѣе, а остальнымъ тремъ сотнямъ и двумъ ротамъ остаться въ ближайшемъ резервѣ. Но такъ какъ съ горъ, южнѣе рѣчки, противникъ открылъ

Digitized by Google

также ружейный огонь и замѣтно стало его стремленіе обойти нашъ правый флангъ, то конно-горнымъ орудіямъ было приказано, не приближаясь къ конной батареѣ, также открыть огонь.

Было около 5 часовъ дня, когда 3 и 4 рота стрѣлковаго полка вышли правѣе батареи и завязали живую перестрѣлку съ японской пѣхотой, виднѣвшейся въ шагахъ 1200 — 1000 впереди и вправо въ окопахъ. Лѣвѣе артиллеріи и недалеко отъ начальника отряда, на опушкѣ лѣса залегли 10 и 12 рота, между ними—конно-охотники Срѣтенскаго пѣхотнаго полка и спѣшенная сотня подъесаула Шундѣева. Съ тылу въ это время пріѣхалъ подполковникъ Гурко съ докладомъ, что направленная въ началѣ дѣла вправо рота имѣла перестрѣлку и оттѣснила противника, двѣ роты котораго отошли по направленію на Даянгоу, и что онъ этой ротѣ приказалъ и дальше охранять нашъ правый флангъ. Приэтомъ подполковникъ Гурко выразилъ свое удивленіе найти начальника отряда со штабомъ впереди батареи на высотѣ стрѣлковыхъ цѣпей, на что генералъ указалъ преимущество этого пункта, дающаго возможность видѣть всѣ окопы противника и знать, что у него дѣлается. Надо только удивляться японцамъ, не обратившимъ вниманія на мѣстонахожденіе начальника, на что ясно должны были указывать пріѣзжавшіе и отъѣзжавшіе адъютанты и ординарцы. Что противникъ вообще наблюдалъ, видно было: офицеры и унтеръ-офицеры почти непрерывно разсматривали насъ въ бинокли.

Почти одновременно съ пріѣздомъ полковника Гурко получилось донесеніе изъ дальняго резерва, оставленнаго для обезпеченія пути отступленія, что противникъ обходитъ нашъ отрядъ съ двухъ сторонъ и грозитъ его отрѣзать.

Наученный въ теченіе двухмѣсячнаго похода не особенно довѣрять подобнымъ донесеніямъ, начальникъ отряда отнесся къ этому очень хладнокровно, послалъ лишь отвѣтное распоряженіе—держаться.

Но затѣмъ стали поступать донесенія одно другого хуже: наконецъ, выяснилось окончательно, что положеніе въ тылу опасное, а, затѣмъ, даже критическое. За то три сотни, направленныя въ горы южнѣе рѣчки, успѣшно боролись съ противникомъ и остановили его дальнѣйшее движеніе въ обхватъ нашего праваго фланга. Получено было отъ полковника Трухина донесеніе, что за хребтомъ около самаго Айянямыня виденъ полкъ пѣхоты.

Силы противника были такимъ образомъ болѣе или менѣе

Digitized by Google

опредѣлены въ три полка пѣхоты и 18 орудій и можно было начать движеніе назадъ. Но снятіе конной батареи являлось почти невозможнымъ: всякое появленіе на ней даже одиночныхъ людей вызывало немедленный залпъ 18 орудій, шрапнели которыхъ рвались съ замѣчательной мѣткостью. Прибѣжавшіе санитары съ большимъ флагомъ Краснаго Креста подбирать раненыхъ также немедленно встрѣчены были залпомъ.

Стрѣльба японской артиллеріи въ этотъ день по нашей конной батареѣ поражала своей мѣткостью, конечно, благодаря въ точности извѣстному разстоянію. Далеко не такъ мѣтко стрѣляли эти же три батареи по ротамъ и сотнямъ, двигавшимся въ долинѣ рѣки, т. е. по подвижной цѣли.

Генералъ Ренненкампфъ сидѣлъ на хребтѣ лѣвѣе и впереди артиллеріи, все время въ бинокль разсматривалъ японскія роты, лежащія въ окопахъ, и, почти точно опредѣливъ ихъ число, считалъ поставленную себѣ задачу выполненной. Но теперь ему предстояло рѣшить вопросъ, когда ему начать отходить. Въ виду получаемыхъ съ тылу донесеній, рисующихъ дѣло весьма опаснымъ, конечно, могло явиться желаніе немедленно же начать движеніе назадъ, но увезъ конныхъ орудій неизбѣжно былъ бы сопряженъ съ большими потерями, а потому онъ рѣшилъ довести дѣло до темноты, подъ покровомъ которой безшумно снять орудія, что немедленно же и было сообщено во всѣ части. Насчетъ тыла генералъ Ренненкампфъ прямо высказывалъ лицамъ штаба, что если донесеніе о захватѣ пути отступленія основательно, то придется ночью штыками пробиваться, но что успѣхъ здѣсь считаетъ совершенно обезпеченнымъ, зная, что противникъ всю свою тактику основываетъ на огнѣ. Какъ доказательство этого, онъ указалъ при этомъ на сравнительную массу японской пѣхоты, лежащей впереди и не рѣшающейся переходомъ въ наступленіе смять нашъ слабый отрядъ. Дѣйствительно, странной казалась подобная неподвижность, но, съ другой стороны, она наводила на мысль, что противнику необходимо выиграть время для захвата нашего пути отступленія.

Но вотъ около 7 часовъ вечера, въ центрѣ японской позиціи, черезъ небольшую рощу появилось двѣ роты, быстро двинувшіяся впередъ, но, дойдя до линіи окоповъ, онѣ остановились и отошли назадъ. Непонятный маневръ! Въ третьей и четвертой нашихъ ротахъ немедленно же явилась масса охотниковъ, заявившихъ желаніе на рукахъ свезти артиллерію, но не отдать ее противнику. Мѣра эта, конечно, была признана несвоевременной.

Digitized by Google

Вслѣдъ затѣмъ обѣ японскія батареи сосредоточили шрапнельный огонь на нашемъ лѣвомъ флангѣ, а приблизительно въ 7 ч. 30 м. вечера на правомъ флангѣ противника обнаружилось движеніе трехъ батальоновъ, шедшихъ впередъ бѣглымъ шагомъ. Стройно, отлично ровняясь, эти три батальона шли съ развернутыми, только нѣсколько разрыхленными ротами, направляясь на наши 10 и 12 роту и первую сотню. Казалось, моментъ наступилъ критическій, темноты ужъ недолго было ждать, но трудно было расчитывать, что столь слабыя части, обстрѣливаемыя мѣткимъ шрапнельнымъ огнемъ, въ состояніи были отразить стремительную атаку втрое или четверо сильнѣйшаго противника. Но вотъ прибѣжалъ отъ штабсъ-ротмистра Целерберга, бывшаго при этихъ частяхъ, ординарецъ и доложилъ генералу, что стрѣлки непремѣнно отразятъ врага, подпустивъ его на близкую дистанцію. Не имѣя впереди даже цѣпи, рота отъ роты, шагахъ въ 50—70, японцы шли, какъ на парадѣ. Но вотъ раздалось три дружныхъ залпа, затѣмъ они пошли crescendo. Это наши роты, сомкнувшись и ставъ во весь ростъ, встрѣчали врага, подпустивъ его шаговъ на 400. Несмотря на массу падающихъ, японцы, съ дикимъ крикомъ, бѣжали впередъ.

„Артиллеріи своей не отдамъ“, — обратился генералъ къ генеральнаго штаба капитану Шнабелю,—„передайте полковнику Россійскому (руководившему правѣе артиллеріи 3 и 4 ротами) приготовить людей для свода орудій, но начать это дѣло, когда японцы подойдутъ близко: тогда; подъ прикрытіемъ штыковой работы сдѣлаемъ все сравнительно безъ потерь“. Снявъ послѣ этихъ словъ съ себя пистолетъ „Маузеръ“, генералъ приказалъ своему конвою изъ осетинъ приготовиться къ стрѣльбѣ.

Стремительно начатая атака японскихъ батальоновъ кончилась не менѣе стремительнымъ движеніемъ назадъ. Понеся большія потери, батальоны эти не выдержали нашихъ дружныхъ залповъ и, ужъ близко отъ нашихъ ротъ, готовыхъ броситься въ штыки, побѣжали назадъ, провожаемые громкимъ „ура“ всей нашей линіи. Бѣшеный огонь, открытый изо всѣхъ окоповъ, не помогъ этой атакѣ. Новыхъ попытокъ противникъ уже не дѣлалъ.

Наконецъ, въ 8 ч. 30 м. вечера начальникъ отряда призналъ своевременнымъ начать отступленіе. Всюду высланы были сильные дозоры впередъ, въ его же присутствіи артиллеристы и стрѣлки на рукахъ спускали орудія съ хребта [1]).

[1]) Въ это время пріѣхалъ подполковникъ Гурко съ докладомъ, что въ тылу все благополучно.

Digitized by Google

Когда, наконецъ, конная батарея, а впереди нея и конно-горная вытянулись въ походную колонну, у всѣхъ отлегло отъ сердца, у всѣхъ явилось сознаніе исполненнаго долга, гордость, что съ маленькимъ, ничтожнымъ сравнительно отрядомъ не только помѣрились силами съ втрое или четверо сильнѣйшимъ противникомъ, занимавшимъ тщательно приготовленную позицію, но даже сбивали его войска съ нея. Мало того, подъ вечеръ не позволили ему перейти въ контръ-атаку.

Все это достигнуто было съ сравнительно ничтожными потерями: 26 убитыхъ, ранено 2 офицера: подполковникъ Гурко и подъесаулъ Гофманъ, послѣдній штыками, и 54 нижнихъ чина. Потери японцевъ, конечно, неизвѣстны: къ сожалѣнію, генералъ Куроки пересталъ въ своихъ офиціальныхъ донесеніяхъ указывать цифру потерь, онъ только донесъ, что „9 іюня близъ Айянямыня произошло кровопролитное сраженіе“.

Отрядъ нашъ, вытянувшись въ походную колонну, не тревожимый противникомъ, отошелъ къ Синкалинскому перевалу. Японцы-же, очевидно, не зная о нашемъ уходѣ, въ теченіе ночи не выслали даже никого для осмотра поля сраженія, на которомъ совершенно свободно переночевали наши разъѣзды. Только, когда разсвѣло, непріятель выдвинулъ роту и два эскадрона, но и эти части, двигаясь чрезвычайно осторожно, только къ полудню дошли до мѣста переправы, т. е. прошли всего 6 верстъ. Небольшой нашъ отрядъ, поставивъ себѣ задачей выяснить, какими силами обладаетъ противникъ въ Айянямынѣ, опредѣлилъ таковыя въ три полка и три батареи, равно и выяснилъ, что у него тенденція оборонительная, а не наступательная, что только и нужно было знать для выясненія общей обстановки.

Вышеприведенное описаніе Айянямынскаго дѣла ясно показываетъ, въ какія тяжкія условія былъ поставленъ генералъ Реннекампфъ и какъ блистательно выходилъ онъ даже изъ критическихъ положеній.

V.

Вотъ еще разсказъ одного изъ моихъ боевыхъ товарищей, живо характеризующій обстановку, при которой пришлось дѣйствовать нашему передовому отряду.

Жаркое іюньское солнце заливало землю своими горячими лучами и 12 іюня, несмотря на 9 часъ утра, было такъ душно, что дышать дѣлалось почти невозможнымъ. Ни малѣйшаго

Digitized by Google

вѣтерка. Казалось, природа ждала дождя, но только казалось. Уже съ недѣлю какъ стояла такая погода. И нигдѣ нельзя было найти отдыха отъ зноя и духоты. Даже въ горахъ подъ тѣнью деревьевъ не ощущалась прохлада. Высохшая земля дала трещины: дороги были или тверды, какъ камень, или грунтомъ служила глина, или-же были покрыты слоемъ пыли въ нѣсколько вершковъ. Густыми облаками поднималась пыль при движеніяхъ по дорогѣ и, не уносимая вѣтромъ, долго стояла въ тяжеломъ воздухѣ.

На заставѣ, стоявшей по дорогѣ къ Аянямыню, было такъ тихо, что люди и лошади, прижавшіеся съ тѣневой стороны въ кустахъ къ отлогому склону горы, казались не живыми, а нарисованными на фонѣ яркой зелени. Лошади, понуро опустивъ головы, только изрѣдка отмахивались отъ докучливыхъ мухъ, этого истиннаго бича Манчжуріи. Посты, выставленные впереди, были маскированы зеленью и, какъ глазъ ни искалъ ихъ, не могъ отличить среди деревьевъ и кустарника, почти сплошь покрывавшихъ сосѣдніе хребты.

По дорогѣ къ Саймацзы появлялись китайцы, останавливались, увидя казаковъ, и возвращались назадъ. Это были шпіоны, шедшіе впереди японскихъ частей. По ихъ появленіямъ можно было безошибочно судить о наступленіи: численность-же ихъ свидѣтельствовала о значительныхъ силахъ наступающаго.

Подъесаулъ кн. Оболенскій, начальникъ заставы, уже давно замѣтилъ движеніе китайцевъ, но вокругъ все было тихо, да и посты ничего не доносили.

Въ это время сзади заставы небольшой отрядъ фуражировъ поднялся изъ-за деревни и вышелъ на дорогу. Въ густой пыли нельзя было различить кто идетъ, но судя по направленію и спокойствію, съ которымъ приближались всадники, это были свои.

Такъ оно и оказалось. Двадцать всадниковъ съ 10-ю вьючными конями подъ командой корнета Мерклина подошли къ заставѣ.

Начальникъ заставы вышелъ изъ кустовъ, дабы узнать, куда и зачѣмъ движется отрядъ.

— Будьте осторожнѣй, наступленіе началось съ разсвѣта, перевалъ впереди въ рукахъ японцевъ! — напутствовалъ онъ фуражировъ.

Но вокругъ Саймадцы было все выѣдено, крыши и тѣ давно пошли на кормъ, замѣнивъ собою сѣно. Оставалось выбирать между голодовкой и рискомъ.

Digitized by Google

Конечно, послѣднее было болѣе заманчиво и даже болѣе практично.

Фуражиры прошли заставу, выдѣлили дозоровъ и шагомъ потянулись дальше.

Верстъ пять, и передъ восхищенными взорами казаковъ на дворѣ небольшой деревушки оказались два кукурузника.

Тутъ же найдена чумизная рѣзка, пайза и немного муки.

Кони введены въ ограду, кормушки набиты рѣзкой и, пока голодныя животныя угощались столь лакомымъ по нынѣшнимъ временамъ кормомъ, тутъ же подлѣ нихъ закипѣла работа. На разостланные мѣшки насыпали кучи кукурузы и хозяева-китайцы, въ перемѣшку съ казаками, размѣстились вокругъ и стали отдѣлять зерна отъ головней. Это дѣлалось съ цѣлью, чтобы не тащить съ собою лишняго груза, занимающаго по объему значительное мѣсто.

Дѣло шло споро. Въ амбарчикѣ между тѣмъ засыпалась въ мѣшки пайза, рѣзка. Кули, мѣшки, мѣшечки заполняли дворъ.

— Торопись, ребята, — понуждалъ фуражировъ офицеръ, — намъ долго не дадутъ тутъ возиться, японцы наступаютъ.

Не успѣла эта фраза сорваться съ устъ офицера, какъ впереди, совершенно близко раздался характерный звукъ ружейнаго выстрѣла.

— Ну, вотъ, ребята, начинается. Приналяжь, понужать споро станутъ, всего не свеземъ, а бросать-то не расчетъ, опять значитъ на фуражировку идти, — подбадривалъ казаковъ взводный.

Корнетъ вышелъ за ограду посмотрѣть, въ чемъ дѣло, и чуть не наткнулся на летящаго навстрѣчу казака.

— Вашбродъ, японцы появились. Одинъ вплотную подъѣхалъ, мы посовѣтовались съ парей стрѣлить ли, нѣтъ ли. Онъ замѣтилъ и бросился наутекъ. Я выстрѣлилъ въ догонку да мимо. За нимъ такъ въ полуверстѣ человѣкъ двадцать конныхъ, а потомъ у перевала пѣхота есть, по сопкамъ шныряютъ.

Расчитавъ, что пѣхота пройдетъ 4 версты, отдѣлявшихъ деревню отъ перевала, не менѣе, какъ въ часъ времени, корнетъ подкрѣпилъ всѣ три дозора по одному казаку и, еще разъ поторопивъ работавшихъ казаковъ, поѣхалъ впередъ удостовѣриться лично въ донесеніи казака.

Поставивъ дозоры за закрытія и не приказавъ имъ стрѣлять на дистанцію далѣе ста шаговъ, онъ сталъ уже возвращаться къ деревнѣ. Японцы очевидно замѣтили его, такъ

Digitized by Google

какъ успѣли влѣзть на сопки и открыли огонь. Но уже извѣстно, какъ скверно стрѣляетъ японская пѣхота, отъ кавалеріи же и требовать нечего. Трескотня поднялась солидная, но толку отъ нея не было.

Въ это время съ заставы пришло извѣстіе объ обходѣ и приказаніе отступать.

Но какъ же отступить, когда передъ глазами лежитъ фуражъ! Кони некормлены, вокругъ Саймацзы верстъ на 20 все выѣдено.

Работа въ деревнѣ не прекращается. Мѣшки, по мѣрѣ наполненія, взваливаются на коней и рысью отвозятся на заставу, гдѣ складываются, а люди возвращаются обратно и, вновь забравъ по мѣшку, отправляются назадъ.

А пули между тѣмъ ложатся все ближе и ближе. Китайцы покидаютъ деревню, число рабочихъ рукъ уменьшается, дѣло идетъ тише.

Привозятъ вторичное приказаніе отступать за заставу, которая отходитъ рысью, такъ какъ не можетъ на томъ мѣстѣ задержать непріятеля.

По усилившемуся огню можно судить о подходѣ пѣхоты. Но наши дозоры молчатъ, значитъ, непріятель далѣе 100 шаговъ.

Работа кипитъ, пули шлепаются въ каменную ограду деревни, свистятъ надъ головой, а казаки насыпаютъ мѣшокъ за мѣшкомъ, взваливаютъ на коней и одинъ за другимъ на большой дистанціи выскакиваютъ изъ деревни.

Наконецъ все готово—всѣ мѣшки и полотнища набиты фуражемъ и вывезены.

Прикрываясь дозорными, фуражиры благополучно отошли на заставу, не потерявъ ни одного человѣка и ни единаго зерна.

Кн. Оболенскій уже отослалъ заставу на болѣе удобную позицію, самъ же съ людьми, снятыми съ постовъ, ждалъ фуражировъ.

Длинной вереницей справа по одному потянулись вьюки къ Саймацзы. У самаго города повстрѣчалась пѣшая сотня, образованная изъ лишившихся коней казаковъ всей дивизіи. Она спѣшно шла, дабы задержать наступленіе врага. Городъ былъ уже пусть. Казаки стояли въ конномъ строю за воротами, образованными двумя сходящимися хребтами. Обозы вытягивались по направленію къ Сыгоулинскому перевалу. Китайцы запирали ставни и двери своихъ домовъ.

Фуражиры направились къ полку. Мѣшки были встрѣчены

Digitized by Google

съ должной оваціей. Всѣ сотенные командиры поглядывали съ завистью на тридцать коней, нагруженныхъ мѣшками, да на сотеннаго командира, съ радостнымъ лицомъ распредѣлявшаго грузъ между казаками.

Генералъ Ренненкампфъ сходилъ съ позиціи, на которой стоялъ со своимъ штабомъ.

Полки поворачивали и справа по три направились въ деревню Сафалацзы.

Сафалацзы занимало очень важное мѣсто. Оно стояло на перекресткѣ дорогъ. Одна изъ нихъ къ западу вела на Чандолинскій перевалъ, другая къ востоку — на Сыгоулинскій. Обѣ дороги шли на Фыншулинъ.

Еще засвѣтло отрядъ остановился и сталъ бивакомъ, имѣя впереди себя позицію. Орудія конно-горной батареи пограничной стражи были ввезены на гору на лѣвомъ флангѣ и остались тамъ на ночь подъ прикрытіемъ 6-й сотни 1-го Аргунскаго полка.

Въ тылу немедленно въ предупрежденіе обхода дзяньчанской дороги былъ занятъ перевалъ Палишенъ, а на правый флангъ за Чандолинскій перевалъ выслана по рѣкѣ Цаохе застава силою въ полусотню.

Очевидно было, что генералъ Ренненкампфъ рѣшилъ отходить, съ боемъ задерживая врага. Саймацзы, какъ позиція, не годилась для конницы; отрядъ перешелъ въ Сафалацзы и на утро долженъ былъ быть бой. Несмотря на близость непріятеля, кони, какъ и всегда, были разсѣдланы и мирно паслись.

Въ этотъ-же день японцы заняли Саймацзы, но, вѣрные своему правилу, расположились на ночлегъ внѣ города. Сила ихъ отряда была 2 баталіона.

Въ эту ночь наши заставы стояли почти у самаго Саймацзы: не тревожимыя непріятелемъ, онѣ высылали разъѣзды, выяснившіе, что на ночь небольшой отрядъ около 50 человѣкъ расположился въ самомъ городѣ.

Китайскія власти города давно уже бѣжали, за старшину былъ оставленъ какой-то полковникъ, но и онъ исчезъ, и управленіе переходило въ руки отъ одного къ другому. Должно быть, все это самозванцы. Изъ населенія тоже почти никого не было въ городѣ и, слава Богу, такъ какъ китайцы въ этомъ районѣ враждебно относились къ русскимъ. Были случаи, что китайцы становились въ ряды японцевъ и стрѣляли по нашимъ разъѣздамъ. Такой случай произошелъ съ штабсъ-ротмистромъ Цедербергомъ, отправившимся по горной тропѣ высмотрѣть бивакъ японцевъ.

Digitized by Google

Настало утро 13-го іюля. Передовые посты дали знать о наступленіи японцевъ. Тѣ-же новости пришли и отъ заставъ съ долины рѣки Цао-хе.

Генералъ Ренненкампфъ велѣлъ отряду занять позицію, а заставамъ по Цао-хе отходить къ Фыншулину, заманивъ непріятеля къ сѣверу отъ Цаолинскаго перевала.

Вотъ и еще характерный разсказъ одного изъ офицеровъ 1 Аргунскаго полка, входившаго въ составъ дивизіи генерала Ренненкампфа.

Въ іюнѣ былъ посланъ разъѣздъ изъ шести казаковъ, при урядникѣ, отъ первой сотни 1 Аргунскаго полка. Отойдя верстъ пять отъ заставы, казаки нарвались на засаду. Передній дозоръ былъ пропущенъ свободно, когда же подошло ядро разъѣзда, японцы вплотную дали два залпа. Шесть казаковъ съ конями остались на мѣстѣ, одинъ, слѣдовавшій заднимъ дозоромъ, избѣжалъ общей участи. Когда, нѣсколько времени спустя, тѣла казаковъ были добыты, они представляли ужасное зрѣлище. Лица и головы исполосованы сабельными ударами, тѣла во многихъ мѣстахъ проткнуты штыками, очевидно казаки были ранены и японцы прикончили ихъ. Руководились ли они гуманностью или цивилизаціей, сказать трудно, достовѣрно лишь одно, что это уже не первый случай въ отрядѣ. Обыкновенно подобное звѣрство приписывалось китайцамъ, т. е. хунхузамъ, но данный случай былъ обставленъ такими условіями, при которыхъ свалить вину на хунхузовъ не было никакой возможности.

Какимъ образомъ японцы пользуются краснымъ крестомъ, намъ стало извѣстно уже со времени перваго боя подъ Тенжу. Тамъ же, по словамъ корейцевъ, японцы размозжили камнемъ голову убитому казаку, котораго, несмотря на всѣ поиски, найти не могли, что и было причиной этого печальнаго факта.

На слѣдующій день 4 сотня того-же полка, отправленная впередъ до соприкосновенія съ непріятелемъ, столкнулась съ полуротой при восьми конныхъ.

Разъѣздъ хорунжаго Бакшеева немедленно далъ знать сотнѣ, которая заняла недавно оставленные нами окопы на высотахъ Си-хе-яна. Разъѣздъ сталъ отходить назадъ. Японцы, полагая устроенную по дорогѣ засаду, свернули влѣво и, приблизясь къ окопамъ на 600 ш., стали переправляться черезъ рѣку. Подъесаулъ Никольцевъ, командовавшій сотней, далъ конным свободно переправиться и, когда голова пѣхоты вошла въ рѣку, сдѣлалъ залпъ. Произошло смятеніе, восемь всадниковъ и около

Digitized by Google

двадцати пѣхотныхъ легло на мѣстѣ. Слѣдующій залпъ не былъ столь-же хорошъ по результатамъ, такъ какъ японцы обратились въ бѣгство, паника была форменная, много способствовало то обстоятельство, что хорунжій Бакшеевъ въ свою очередь открылъ огонь съ другого фланга. Японцы попрятались за фанзы и оттуда разбѣжались, пользуясь всевозможными прикрытіями. Рѣка унесла убитыхъ и раненыхъ. Одинъ изъ раненыхъ былъ взятъ казаками. Первое, что японецъ сталъ дѣлать, когда подъ нимъ убили коня, это сбрасывать съ себя все, даже нижнее бѣлье, все это для болѣе успѣшнаго бѣгства. Но тутъ пуля ранила его въ ногу. При приближеніи казаковъ, бѣдный японецъ бросился на колѣни и сталъ усиленно кланяться, прося пощады, очевидно въ немъ была увѣренность, что сѣверные варвары поступятъ съ нимъ такъ же, какъ наканунѣ поступили его просвѣщенные собратья съ казаками. Разувѣренный, онъ долго не могъ успокоиться, все время лепеталъ по своему и кланялся. Не берусь описать его удивленіе, когда его перевязали, уложили на носилки и понесли.

Къ этому времени, вѣроятно на выстрѣлы, стали показываться двѣ колонны силою въ двѣ роты каждая. Живо закопавъ брошенныя японцами ружья, разъѣздъ соединился съ сотней и отошелъ по направленію къ Гудзядзы.

Въ рѣкѣ нашли свыше сорока труповъ, но надо думать, общій уронъ японцевъ доходилъ до восьмидесяти человѣкъ.

Кромѣ боевъ и стычекъ конпаго отряда не мало выпадало критическихъ положеній и трудностей на долю небольшихъ разъѣздовъ, высылаемыхъ въ тылъ японцевъ. Какъ характеристику ихъ тяжелой боевой службы прилагаю выдержку изъ письма ко мнѣ одного изъ нашихъ самыхъ смѣлыхъ и искусныхъ развѣдчиковъ 39 Драгунскаго Нарвскаго полка, ротмистра Дроздовскаго.

„Пользуясь дневкой, примусь излагать повѣсть о моемъ новомъ путешествіи, которая можетъ быть васъ займетъ. Это путешествіе очень характерно въ томъ отношеніи, что оно даетъ очень ясную картину, въ какія положенія попадаетъ иногда разъѣздъ, высланный далеко отъ своего отряда и на продолжительный срокъ.

„Въ такихъ случаяхъ теряется связь, по необходимости конечно, со своей частью: начальникъ разъѣзда не получаетъ извѣстій о перемѣнѣ обстановки, а если и получаетъ, то такъ поздно, что зачастую лишается возможности вернуться къ своей части тѣмъ путемъ, какимъ вышелъ, и принужденъ отступать, пре-

Digitized by Google

слѣдуемый противникомъ, по мѣстности, уже занятой имъ. Такъ именно и было со мной этотъ разъ. Предпосылаю своему разсказу это поясненіе, дѣлающее его болѣе понятнымъ. Конечно, я изложу лишь голые факты, въ той послѣдовательности, какъ это происходило въ дѣйствительности.

„10 іюня генералъ Ренненкампфъ отдалъ приказаніе о производствѣ точной развѣдки долины рѣки Баодахэ, подходящей въ низовьяхъ той же рѣки къ Фынхуанчену.

„15 числа генералъ предполагалъ сдѣлать по этой долинѣ набѣгъ для выясненія положенія и силъ противника, находящихся въ Фынхуанченѣ. Для производства развѣдки были высланы два разъѣзда: мой и корнета Рышкова, молодого, но способнаго и храбраго офицера, уже успѣвшаго создать себѣ солидную репутацію и большое довѣріе начальства.

„Для быстрой доставки донесеній разъѣзды связывались съ отрядомъ летучей почтой, два поста которой и должны были быть выставлены по долинѣ рѣки.

„Завѣдываніе постами летучей почты и развѣдка мѣстности была возложена на поручика 36 др. Ахтырскаго полка Волошинова. Сила разъѣздовъ, способъ производства развѣдки и время выступленія, какъ и всегда въ такой серьезной работѣ, были всецѣло предоставлены начальникамъ разъѣздовъ. Обсудивъ сообща мѣры для выполненія возложенной задачи, мы, т. е. я, корнетъ Рышковъ и поручикъ Волошиновъ, 11 числа въ 4 часа дня выступили изъ Саймацзы, гдѣ находился отрядъ генерала Ренненкампфа (10 ротъ 23 стрѣл. Вост. Сиб. полка и 12 сотенъ конницы). Путь слѣдованія пошелъ по дорогѣ, идущей по берегу рѣки Баодахэ. Генералъ поздоровался съ людьми, пожелавъ имъ успѣха въ работѣ, и напутствовалъ насъ словами: „съ Богомъ"!. Небольшая команда (50 человѣкъ, по 10 на два разъѣзда, и 30 человѣкъ для двухъ постовъ летучей почты) двинулась въ опасное путешествіе. До Саньцзяцзы рѣшено было двигаться вмѣстѣ, въ этомъ мѣстѣ выставить второй постъ летучей почты, а затѣмъ, раздѣлившись, производить развѣдку: Рышкову по лѣвой сторонѣ долины рѣки, а мнѣ по правой. Передовое охраненіе японцевъ можно было встрѣтить не ближе дер. Вэньцзя-тунь.

„Прибывъ въ Ча-лу-цзы и оставивъ здѣсь первый постъ летучей почты, отрядъ двинулся дальше, охраняя себя головнымъ дозоромъ. Часамъ къ 11 миновали Саньцзязы, и такъ какъ по условію мѣстности около этого пункта было неудобно остановиться для ночевки, то продвинулись верстъ на 8 впередъ на ночлегъ. Рѣшено было не торопиться, такъ какъ до

Digitized by Google

15 іюня времени было достаточно, да и торопливыя дѣйствія могли бы обнаружить отрядъ и заставить противника усиленно охранять выходъ изъ долины. Не предполагая его близости, такъ какъ японцы не выдвигаютъ линій передового охраненія далѣе 20 верстъ впередъ, летучій отрядъ, разсѣдлавъ коней, занялся варкой пищи, а я съ офицерами началъ черезъ переводчика разспрашивать хозяина фанзы о японцахъ. Каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что утромъ часовъ около 11-ти въ эту фанзу заходилъ разъѣздъ противника до 50 всадниковъ, кормилъ здѣсь лошадей и ушелъ обратно къ Хайчумыньцзы. Далѣе словоохотливый хозяинъ сообщилъ, что рѣзка, нарубленная солома, которую съ такимъ аппетитомъ жуютъ наши кони, приготовлена для симпатичныхъ гостей, которые и появятся завтра къ полудню. Эти неожиданныя и пріятныя сообщенія были получены къ 12 часамъ ночи, когда кони были уже разсѣдланы, а люди расположились на отдыхъ. Отдать приказаніе сѣдлать было бы дѣломъ одной минуты, но такое торопливее отступленіе могло встревожить людей, а потому рѣшено было оставаться здѣсь до утра, усиливъ мѣры охраненія. Люди, не зная истиннаго положенія дѣлъ, уснули, а офицеры прилегли на бурки. Что касается меня, то я дѣлалъ видъ, что сплю крѣпкимъ сномъ, но на самомъ дѣлѣ ничто не ускользало отъ моего напряженнаго вниманія: я прислушивался и къ лаю собакъ, долетавшему изъ сосѣдней деревни, и крику ночныхъ птицъ, ища въ нихъ признаковъ близости врага. Однако, ночь прошла спокойно. На разсвѣтѣ люди были разбужены, кони быстро посѣдланы и отрядъ, имѣя впереди дозоры, двинулся дальше по долинѣ внизъ по теченію рѣки. Пройдя версты четыре, дозоры донесли о появленіи непріятельскаго разъѣзда. Выѣхавъ впередъ, мы отчетливо могли наблюдать офицерскій разъѣздъ, слѣдившій за нами. Въ бинокль ясно были видны шнуры на офицерскомъ мундирѣ, лысины у двухъ лошадей и тщательная сѣдловка., Остаться на виду у непріятельскаго разъѣзда, хотя и значительно слабѣйшаго по силѣ, чѣмъ нашъ отрядъ, не имѣло смысла, а потому люди были отведены въ ущелье, выходившее въ долину. Для наблюденія за противникомъ и для осмотра мѣстности выѣхали на сосѣднія вершины поручикъ Волошиновъ и корнетъ Рышковъ. Черезъ два съ половиной часа они вернулись и сообщили, что верстахъ въ 3-хъ за тѣмъ пунктомъ, гдѣ былъ виденъ непріятельскій разъѣздъ, стоитъ сильная пѣхотная застава. Рѣшено было отойти назадъ за деревню Сяньцзяцы, выкормить здѣсь коней и, дождавшись сумерокъ

Digitized by Google

подъ прикрытіемъ темноты пробраться за заставу, обходя ее къ вершинамъ справа и слѣва, пройти ей въ тылъ и развѣдать, что именно находится за ней. Миновавъ Саньцзяцзы, отрядъ свернулъ съ дороги и, продвинувшись въ боковое ущелье на полверсты, остановился у отдѣльной фанзы, окруженной лѣсомъ, изъ котораго текъ ручей, перескакивая съ камня на камень и точно маня своимъ журчаніемъ къ отдохновенію. Солнце было уже высоко и пекло немилосердно: кони, несмотря на небольшой переходъ, были потные. Выставивъ часовыхъ для наблюденія за долиной и пославъ въ отрядъ донесеніе о всемъ видѣнномъ, мы поставили кипятить воду для чая. Я съ двумя развѣдчиками выѣхалъ осмотрѣть мѣстность на случай, если бы пришлось отойти въ горы. Поднявшись по ущелью на перевалъ и оглянувшись назадъ, я увидѣлъ нашего часового, галопомъ спускавшагося съ сопки. Такой образъ дѣйствій казака, поставленнаго для наблюденія, конечно, сразу указалъ мнѣ, что появилось нѣчто серьезное. Дѣйствительно, пройдя на рысяхъ къ отряду, я увидѣлъ его выведеннымъ изъ двора фанзы и готовымъ къ выступленію. Поручикъ Волошиновъ безпокоился, поджидая моего возвращенія, а корнетъ Рышковъ, успѣвшій разставить посты, возвратился къ отряду и присоединился къ разъѣзду почти одновременно со мной. Причиною тревоги оказалось извѣстіе о наступленіи эскадрона непріятельской конницы, за которымъ корнетъ Рышковъ замѣтилъ пѣхотную часть.—И такъ первая попытка побаловать себя чаемъ—не удалась.—Пришлось двигаться назадъ, что и сдѣлали спокойнымъ шагомъ, сопровожденные японскимъ эскадрономъ, любезно провожавшимъ насъ и державшимся не далѣе двухъ верстъ. У Ча-ли-цзы противникъ отсталъ и потомъ за деревней разъѣздъ остановился опять, чтобы покормить коней и вскипятить воду для чая. Офицеры прилегли въ тѣни липъ, поджидая живительной влаги. Наконецъ, вода закипѣла, чай былъ заваренъ, но выпить его опять не удалось: пріѣхалъ подчасокъ и доложилъ о новомъ наступленіи японскаго эскадрона. Посылая его отъ всей души къ чорту, мы опять сѣли на коней и двинулись дальше. Это настойчивое преслѣдованіе удивило насъ; японцы неохотно удаляются на большое разстояніе отъ своихъ главныхъ силъ и на этотъ разъ непонятно по какимъ причинамъ измѣнили своему обычаю. Пришлось послать объ этомъ донесеніе въ отрядъ, съ просьбою выслать на подкрѣпленіе сотню. Продолжая отступленіе и выйдя въ долину, гдѣ находится Саймацзы, я сдѣлалъ третью попытку пріостановиться и на-

Digitized by Google

питься чаю. Выставивъ охраненіе для наблюденія за отставшимъ противникомъ, мы сварили чай и пили его съ пріятными мечтами о скоромъ появленіи нашей сотни. Каково же было наше изумленіе, когда передъ нами вскорѣ предсталъ казакъ, посланный начальникомъ штаба полковникомъ Россійскимъ, и передалъ письменное приказаніе отступать, минуя Саймацзы, которое уже занято противникомъ. Положеніе изъ серьезнаго превратилось въ критическое: мы были отрѣзаны. Наступалъ вечеръ. Лошади были утомлены и противникъ находился у насъ на хвостѣ, наши отступали къ д. Сыфалацзы и попасть туда черезъ Саймацзы не представлялось возможнымъ въ виду занятія ихъ японцами. Быстро былъ разспрошенъ черезъ переводчика китаецъ, который сообщилъ о существованіи дороги, идущей параллельно пути изъ Саймацзы на деревню Сыфалацзы. Начало этой дороги находилось у д. Чагоу, верстахъ въ четырехъ отъ мѣста нашей стоянки. Рѣшено было поскорѣе двинуться къ этой дорогѣ, чтобы втянуться въ ущелье до занятія его противникомъ. По долинѣ уже сновали японскіе разъѣзды; одинъ изъ нихъ далъ два залпа по нашему боковому дозору, но безъ результата. Наконецъ, мы вышли на дорогу и втянулись въ ущелье, все становившееся уже и уже. Глухое, живописное, съ рядомъ нависшихъ скалъ, оно приковывало къ себѣ наши взоры, несмотря на опасность, изъ которой еще не вышелъ нашъ отрядъ. Пройдя до высотъ д. Сыфалацзы, рѣшено было остановиться и выслать разъѣздъ черезъ горы къ этой деревнѣ, куда, по свѣдѣніямъ, отступилъ нашъ отрядъ. Было уже совсѣмъ темно. Зажгли костры, задали конямъ имѣвшееся въ саквахъ зерно. Ко входу въ ущелье отправили лазутчика-китайца. Часа черезъ три вернулись оба: и корнетъ Рышковъ, ѣздившій къ Сыфалацзы, и лазутчикъ. Рышковъ сообщилъ, что, переваливъ хребетъ, онъ въ слѣдующей долинѣ увидѣлъ горѣвшія фанзы. Китайскія женщины визгливыми голосами пѣли какую-то заунывную пѣсню, ихъ фигуры бросали на лѣсъ и скалы зловѣщія тѣни. Фанзы трещали, поглощаемыя огнемъ, рыдали дѣти, и китайцы убѣгали, когда Рышковъ пытался приблизиться къ нимъ и разспросить, какая деревня горитъ и гдѣ находятся русскія войска. Свѣдѣнія, которыя принесъ лазутчикъ, оказались еще менѣе утѣшительными. Входъ, которымъ мы втянулись въ ущелье, былъ занятъ ротою японской пѣхоты. Пришлось покинуть и эту стоянку, взять проводника и двинуться далѣе, чтобы выйти къ перевалу Цеолинъ, который по нашему расчету не могъ

Digitized by Google

быть занятъ противникомъ. Тронулись ночью въ двѣнадцать часовъ: вѣтеръ гналъ тучи, которыя неслись, какъ огромныя птицы, на вершинахъ скалъ шумѣлъ лѣсъ. Черезъ часъ мы вышли изъ ущелья въ огромную котловину, прошли ее и начали подниматься на пологій подъемъ, затѣмъ прошли по дорогѣ, вьющейся по склону горы точно змѣя, и, наконецъ, спустились ущельемъ, стѣны котораго сходились. За нимъ тянулась новая котловина, полная жилищами хунхузовъ. У одного изъ такихъ гнѣздъ рѣшено было остановиться и ждать разсвѣта. Проводникъ объяснилъ, что онъ выведетъ насъ въ долину Цаохэ... Конечно,—прибавилъ онъ,—если выходъ уже не занятъ. Становилось вполнѣ очевиднымъ, что отрядъ, преслѣдовавшій насъ, и другой, занявшій Саймацзы, были не отдѣльно наступавшими колоннами, а что вся армія противника, находящаяся на восточномъ нашемъ фронтѣ, перешла въ наступленіе. При такомъ положеніи было вполнѣ возможнымъ, что выходъ нашъ въ долину р. Цаохэ не состоится безпрепятственно. Опять приходилось ввѣриться судьбѣ и инстинкту развѣдчика: выкладки и расчеты разсудка здѣсь были бы безсильны. Быть отрѣзаннымъ отъ своихъ съ маленькой колонной въ 10—15 всадниковъ не такъ опасно. Маленькая колонна подвижна, легко укрывается, мало требуетъ фуража и почти незамѣтна въ движеніи, но быть среди противника съ 15-ю всадниками, пять изъ которыхъ на хромыхъ лошадяхъ—дѣло иное. Эту колонну ни скрыть, ни увести быстро нельзя. Страшное утомленіе коней превратило нашъ отрядъ въ медленно двигающійся транспортъ. Люди были спокойны, но вялы вслѣдствіе утомленія. Въ два часа часовые были выставлены, и всѣ заснули точно опьяненные снотворнымъ зельемъ. Мнѣ не спалось, что-то говорило мнѣ, что долго оставаться здѣсь не безопасно. Инстинктъ побѣдилъ, и къ 3½ часамъ утра я разбудилъ людей. Черезъ полчаса отрядъ тронулся съ дозорами и проводникомъ впереди. Чуть свѣтъ мы начали подвигаться къ выходу изъ котловины: мѣры охраненія были усилены, я самъ выѣхалъ къ дозорамъ. Наконецъ, разсвѣло: съ плато, по которому мы шли, была уже видна дорога, за ней небольшая гора, отдѣляющая насъ отъ долины рѣки Цаохэ; на этой горѣ виднѣлся въ бинокль силуэтъ часового, но опредѣлить, нашего или японскаго, было нельзя. Пока я занимался наблюденіемъ, боковой дозоръ взбирался на сопку, чтобы поглядѣть не двигается-ли изъ-за нея по дорогѣ какая-либо японская часть. Поворотя бинокль въ сторону этого дозора, я видѣлъ отчетливо

Digitized by Google

черезъ свой утесъ, какъ непріятельскіе всадники уже взобрались на вершину, съ изумленіемъ остановились и, повернувъ коней, наметомъ бросились къ намъ. Ясно было, что по дорогѣ, которую мы увидѣли, съ сопки двигались японцы. Нужно было торопиться выбраться изъ котловины, иначе выходъ будетъ сейчасъ замкнутъ, но выйти значило идти на виднѣющагося впереди часового, а чей онъ,—разсуждать было некогда. Все тотъ же инстинктъ подсказывалъ, что нужно идти быстрѣе и что часовой нашъ. По сигналу колонна тронулась рысью. Видъ двигающейся части, видимо, взволновалъ часового, но черезъ моментъ фигура его снова замерла. Онъ увидѣлъ бѣлыхъ лошадей (у японцевъ ихъ нѣтъ) и понялъ, что двигаются свои. Черезъ двадцать минутъ, мы были за своей заставой, а черезъ двадцать пять она встрѣчала противника дружными залпами и подъ напоромъ сильнѣйшаго врага отступила къ своимъ по долинѣ свѣтлоструйной Цаохе.

„На другой день въ этой долинѣ въ лихомъ дѣлѣ былъ раненъ командиръ 1-ой сотни эсаулъ Энгельгардтъ, сотню котораго я принялъ, когда выяснилось, что рана потребуетъ продолжительнаго леченія.

„Въ отрядѣ сильно безпокоились о насъ и возвращеніе наше было для всѣхъ большою радостью.“

Изъ приведенныхъ эпизодовъ явствуетъ какая трудная служба выпала на долю дивизіи генерала Ренненкампфа, и надо признать, что она вполнѣ успѣшно выполнила свою задачу, точно установивъ, что на Ляоянъ и Мукденъ съ восточной стороны наступленія японской арміи можно было пока не ожидать.

Такимъ образомъ оставалось движеніе непріятеля на Кайджоу и Хайченъ.

VI.

Іюль мѣсяцъ на театрѣ военныхъ дѣйствій отмѣтился наступленіемъ японской арміи съ юга и очищеніемъ послѣ кровопролитныхъ боевъ нашихъ позицій у Симучена, Гайджоу, Дашичао, Хайчена. Занятіе Дашичао было чрезвычайно важнымъ факторомъ для японцевъ, такъ какъ съ нимъ неминуемо было связано очищеніе ими Инкоу. Съ нимъ японцы пріобрѣтали новую морскую базу съ двумя коммуникаціонными линіями, желѣзной дорогой на Синминтинѣ и рѣкой Лаохе. Вслѣдствіе этого Корея для нихъ отходила уже на задній

Digitized by Google

планъ, и, что главное, они могли получать все необходимое для довольствія арміи изъ Китая, нейтралитетъ котораго былъ, конечно, только фиктивный.

Въ то время, когда наша манчжурская армія концентрически сосредоточивалась къ Ляояну, многострадальный Портъ-Артуръ героически отстаивалъ свои форты, о которые вдребезги разбивались всѣ бѣшеныя атаки японцевъ открытой силой. Каждый штурмъ обходился имъ по нѣсколько тысячъ жизней и по подсчету они до половины августа потеряли до 40.000 человѣкъ (по англійскимъ источникамъ 65.000).

Японскій главнокомандующій сдѣлалъ нѣсколько предложеній о сдачѣ гарнизона, гарантируя его выходъ съ оружіемъ и всѣми военными почестями, но, конечно, всѣ они были отвергнуты. Къ началу августа въ Артурѣ было болѣе тысячи человѣкъ убитыхъ и до пяти тысячъ раненыхъ и для помѣщенія ихъ не хватало уже мѣстъ въ госпиталяхъ.

Изъ боевъ манчжурской арміи наиболѣе были кровопролитными 4 іюля въ восточномъ отрядѣ графа Келлера, 11 іюля въ четвертомъ корпусѣ генерала Зарубаева и 18 іюля подъ Симученомъ у генерала Засулича. Какъ характеристику ихъ привожу здѣсь разсказъ одного изъ раненыхъ офицеровъ 33 пѣхотнаго Елецкаго полка о сраженіи 4 іюля.

Въ составъ праваго фланга восточнаго отряда (лѣвый флангъ составляла колонна генерала Гершельмана) входили Восточно-сибирскіе стрѣлковые полки, а также 33 пѣхотный Елецкій и 34 пѣхотный Сѣвскій полки съ батареями 3 Вост.-сибирской артиллерійской бригады.

Части правой колонны расположены были бивуаками впереди селенія Нюй-Хной, вплоть до Янзелинскаго перевала и имѣли впереди себя сторожевые посты.

3 іюля утромъ объявлена была диспозиція по Восточному отряду, цѣлью которой опредѣлялось: сбить противника, занимавшаго позиціи на Ляханлинскомъ, Синкойлинскомъ, Уфангуанскомъ и Сякаолинскомъ перевалахъ и занять ихъ.

Для выполненія этой задачи части праваго фланга Восточнаго отряда образовали колонну подъ общей командой генерала Каштанлинскаго. Въ передовую часть назначены были стрѣлковые полки и 34 пѣхотный Сѣвскій полкъ съ горными орудіями.

На нихъ возложено было: двинувшись съ вечера въ полной тишинѣ, штыками оттѣснить противника и занять пере-

Digitized by Google

валы. Общему же резерву, который составили три батальона 23 Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка и 33 пѣхотный Елецкій полкъ при двухъ батареяхъ 3 Восточно-сибирской бригады, подъ общимъ командованіемъ командира 1 бригады 9 пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Рябинкина, приказано было находиться между Янзелинскимъ перевалomъ и деревнею Тхавуанъ. Назначеніе резерва было прикрыть отступленіе въ случаѣ неудачи. Съ 6 час. вечера 3 іюля началось движеніе впередъ передовыхъ частей колонны Кашталинскаго и ужекъ 11 час. они вступили въ дѣло.

Къ часу ночи общій резервъ прибылъ на мѣсто своего назначенія у деревни Тхавуанъ. Какъ послѣ уже разъяснилось, стрѣлки и Сѣвскій полкъ поработали за ночь и хорошо сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ.

Такъ, въ 11 часовъ вечера батальонъ 22 Восточно-сибирскаго полка штыками сбилъ японскую заставу по дорогѣ на перевалы Лаохолинъ и Синкойлинъ. Къ разсвѣту была сброшена застава съ перевала Сяокаолинъ, и послѣдній былъ нами занятъ. Остались не занятыми нами горные командующіе массивы южнѣе Уфангуана, дойти до которыхъ, по времени, явилось невозможнымъ.

Къ 5½ час. утра японцы въ значительныхъ силахъ и съ многочисленной артиллеріей заняли Уфангуанскій перевалъ и означенные выше горные массивы и открыли по нашимъ полкамъ сильнѣйшій ружейный и артиллерійскій огонь.

Попытка генерала Кашталинскаго при помощи своего частнаго резерва и при содѣйствіи конно-горной батареи овладѣть массивомъ не удалась. И вотъ, батальоны передовой линіи (Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка и 34 Сѣвскаго полка) подъ стремительнымъ натискомъ превосходнаго въ силахъ противника, оставляли свои позиціи и отходили назадъ. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда сначала три батальона 23 стрѣлковаго полка и одинъ батальонъ Елецкаго, а вслѣдъ затѣмъ остальные три батальона Елецкаго полка, изъ общаго резерва были двинуты впередъ.

Предъ тѣмъ, какъ двинутъ былъ нашъ (Елецкій) полкъ, командиръ полка полковникъ Порай-Кошицъ верхомъ на лошади объѣхалъ ряды и одушевленнымъ голосомъ сказалъ:

— Братцы! Сейчасъ идемъ въ дѣло. Я надѣюсь, что вы всѣ постараетесь поддержать свою старую славу доблестнаго Елецкаго полка.

На этотъ призывъ раздался дружный отвѣтъ солдатъ:

— Постараемся, ваше высокоблагородіе!

Digitized by Google

Былъ очень жаркій и знойный день. Мы быстро, широкимъ форсированнымъ шагомъ спѣшили на свои позиціи. По дорогѣ встрѣчали много раненыхъ. Ни стоновъ, ни оханій. Всѣ очень терпѣливо переносили боль. Молодой поручикъ, который возвращался съ батареей обратно, чуть-ли не со слезами на глазахъ жаловался намъ, что не стрѣлялъ, не было позиціи удобной и предохраняющей отъ обхвата. Когда мы подошли къ хребту возвышенностей противъ Сяонколинскаго и Фынчусинскаго перевалова, артиллерійскій бой прекратился, но зато продолжалась сильнѣйшая ружейная стрѣльба, сливавшаяся въ какую-то общую адскую трескотню. Внизу возлѣ группы деревьевъ, вправо отъ насъ, находился начальникъ Восточнаго отряда графъ Келлеръ со своимъ штабомъ. Графъ Келлеръ весело поздоровался съ Елецкимъ полкомъ и передалъ резервъ въ распоряженіе ген. Кашталинскаго, который тотчасъ-же приказалъ намъ занять впереди лежащія высоты.

Третій батальонъ былъ посланъ вправо, второй батальонъ влѣво, 13 и 16 рота двинулись въ центръ, 14 и 15 роты были оставлены позади въ прикрытіи артиллеріи, а весь 1 батальонъ подполковника Зайцева еще раньше былъ отряженъ на правый флангъ въ направленіи на Синхойлинскій перевалъ въ помощь батальону передовой линіи. Какъ потомъ оказалось, батальонъ этотъ блестяще выполнилъ свое назначеніе, Японцы, энергично было потѣснившіе передовой батальонъ, при появленіи ельчанъ отступили и больше не прибѣгали къ активнымъ дѣйствіямъ.

Роты второго и третьяго батальона и 16 рота, взобравшись на сопки, сейчасъ-же открыли по японцамъ очень мѣткій и дружный огонь залпами, по наблюденію со стороны, наносившій японцамъ большой вредъ.

Залпы гремѣли одинъ за другимъ и были въ высшей степени выдержаны. Ротные командиры лично руководили огнемъ въ своихъ ротахъ; имъ дѣятельно помогали младшіе офицеры.

Многіе при этомъ вели себя мужественно, какъ истинные герои. Такъ, командиръ 11 роты капитанъ Сипягинъ, подъ градомъ осыпавшихъ его пуль, съ полнымъ спокойствіемъ обходилъ позиціи роты, дѣлая указанія, какъ лучше примѣняться къ мѣстности и какъ удобнѣе стрѣлять. Онъ всходилъ на сосѣднюю сопку и совѣтовался съ командиромъ 13 роты капитаномъ Писанецкимъ насчетъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія въ видахъ неизбѣжной тѣсноты между обоими ротами отведеннаго имъ участка. Его младшій офицеръ поручикъ Орловъ, помогая своему ротному командиру, тоже пренебрегалъ опасностью и во всякое время бывалъ тамъ,

Digitized by Google

гдѣ требовалась его распорядительность. Издалека можно было видѣть его высокую, тонкую, слегка сутуловатую фигуру. Впослѣдствіи поручикъ Орловъ былъ раненъ въ плечо.

Командиръ 5 роты капитанъ Островскій, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, внимательно все разсмотрѣлъ въ бинокль, гдѣ ложатся пули, и нормировалъ прицѣлъ. Казалось, что онъ находится на маневрахъ мирнаго времени, такъ спокоенъ и хладнокровенъ онъ былъ.

Мужественно также велъ себя командиръ 7 роты штабсъ-капитанъ Соймоновъ. Онъ ободрялъ солдатъ и все время шутилъ съ ними, чѣмъ очень поднималъ ихъ духъ. Пуля коснулась его руки, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Его помощникъ штабсъ-капитанъ фонъ-Раппель держалъ себя тоже геройски, принимая самое живое участіе въ стрѣльбѣ, опредѣляя разстоянія, указывая цѣли. Командующій 2-мъ батальономъ, капитанъ Поповъ (участникъ и герой русско-турецкой войны), показывалъ примѣръ истиннаго мужества своимъ молодцамъ-подчиненнымъ. Его видѣли при всѣхъ ротахъ, энергично распоряжавшимся.

Штабсъ-капитанъ Лундъ, младшій офицеръ 6 роты, палъ геройскою смертью на позиціи въ то же самое время, какъ онъ командовалъ стрѣльбою залпами. Въ полку осталось общее сожалѣніе о безвременно погибшемъ славномъ товарищѣ.

Огонь все время поддерживался съ обѣихъ сторонъ убійственный; въ особенности онъ усилился тогда, когда всѣ наши передовыя части, понеся большія потери, отошли назадъ.

13 рота была расположена на высокой, командующей надъ нашими позиціями конусообразной сопкѣ, поросшей кустарникомъ.

Отсюда обстрѣлъ былъ только по отдаленнымъ частямъ японцевъ. Подъ руководствомъ командира роты, капитана Писанецкаго, съ гребня сопки былъ открытъ огонь по этимъ частямъ отборными стрѣлками.

Командиръ Елецкаго полка полковникъ Поранъ-Коницъ, находившійся съ начала боя на самомъ видномъ мѣстѣ сопки впереди 13-й роты, дѣлалъ свои указанія для успѣха стрѣльбы и самъ далъ первоначальную высоту прицѣла—1,700 шаговъ. Онъ все время ободрялъ, шутилъ съ солдатами и предупреждалъ суету неизбѣжно возникавшую, когда кого-либо тяжело ранили.

Примѣръ начальника, съ рѣдкимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ разговаривающаго подъ градомъ пуль съ солдатами, такъ ободрилъ и воодушевилъ 13-ю роту, что она вы-

Digitized by Google

полняла свой долгъ, стойко, бодро, безстрашно. Ротный командиръ капитанъ Писанецкій и младшій офицеръ подпоручикъ Малицкій, слѣдуя примѣру командира полка, были все время тоже впереди роты и не обращали вниманіе на опасность. Послѣ восьмичасоваго упорнаго удерживанія позиціи получено было приказаніе отойти на слѣдующую, съ которой и открыть огонь.

Полковникъ Порай-Кошицъ приказалъ адъютанту штабсъ-капитану Михневу снять копію съ этого приказанія, что онъ тутъ же подъ огнемъ и исполнилъ. Когда всѣ роты отошли назадъ и на передней сопкѣ осталась лишь одна 13-я рота, огонь яponцевъ сконцентрировался на вершинѣ ея и достигъ высокой напряженности. Вѣтки кустарниковъ сѣклись и ломались, осыпая вмѣстѣ съ пулями мужественныхъ стрѣлковъ.

Наконецъ, цѣлый градъ пуль одновременно обсыпалъ роту. Японцы стрѣляли, вѣроятно, по группѣ начальниковъ. Полковникъ Порай-Кошицъ медленно опустился на землю и внятно произнесъ: „Господь сподобилъ меня пролить кровь“! И онъ самолично распоряжался снять сапогъ и сдѣлать перевязку. Это было немедленно исполнено санитарами подъ руководствомъ подпоручика Малицкаго. Капитанъ Писанецкій тоже почувствовалъ жгучую боль въ бедрѣ, оказалась сквозная рана, которую перевязали, послѣ чего капитанъ продолжалъ командовать своею ротою. Одновременно съ этимъ свалились назадъ по сопкѣ тяжело ранеными три стрѣлка.

Далѣе въ виду убійственнаго огня нельзя было держаться ротѣ. Японцы были уже близко, у подножія сопки съ лѣвой ея стороны. Ясно доносились до насъ ихъ голоса.

Когда объ этомъ было доложено полковнику Порай-Кошицу, онъ тихо, повидимому съ досадой, приказалъ:

— Что-жъ, съ Богомъ... въ полномъ порядкѣ отходите!

Капитанъ Писанецкій распорядился отступить сначала второй полуротѣ, потомъ первой. Рота медленно и молчаливо оставила позицію.

Посреди пять солдатъ несли командира полка, а сбоку, поддерживаемый санитарами, шелъ раненый ротный командиръ. На слѣдующей позиціи онъ передалъ командованіе ротой подпоручику Малицкому, а самъ пѣшкомъ отправился на перевязочный пунктъ. Полковникъ-же Порай-Кошицъ, снесенный внизъ, потребовалъ себѣ лошадь, сѣлъ на нее и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ исполнять свои обязанности къ полку.

Digitized by Google

Прискакалъ штабный адъютантъ.

— Доложите, что я раненъ и остался командовать полкомъ,—сказалъ ему полковникъ.

Впослѣдствіи уже, когда рана дала себя чувствовать, полковникъ Порай-Кошицъ легъ на предложенныя ему носилки и отправился на перевязочный пунктъ, передавъ командованіе полка подполковнику Терлецкому.

Когда носилки проносили мимо знамени и оркестра музыки, послѣдній встрѣтилъ маршемъ командира-героя. Еще когда полковникъ Кошицъ былъ на конѣ, къ нему подъѣхалъ начальникъ отряда графъ Келлеръ и сердечно благодарилъ его за славный бой, обнявъ и расцѣловавъ его.

Полкъ между тѣмъ, отстрѣливаясь, все отходилъ назадъ. День склонялся къ вечеру, японцы перешли въ общее наступленіе. Ихъ густыя колонны шли по долинѣ. Вдругъ раздался сначала залпъ и потомъ пошла самая частая орудійная стрѣльба. Это наша батарея, снявшись съ передковъ, начала громить наступавшихъ японцевъ. Всѣ видѣли, какъ двѣ переднихъ колонны были окончательно сметены. Остальные японцы обратились въ поспѣшное бѣгство.

Елецкій полкъ съ новыми силами, ободренный этимъ успѣхомъ, двинулся стройными колоннами впередъ. Но тутъ получилось приказаніе остановиться, дежурной части окопаться на занятой позиціи, а всѣмъ остальнымъ войскамъ отходить назадъ къ своимъ бивакамъ для отдыха послѣ 15-ти часоваго бодрствованія. Этимъ окончился рекогносцировочный бой, въ которомъ Елецкій полкъ принималъ такое живое участіе. Потери въ нижнихъ чинахъ были около 150 человѣкъ.

Разсказъ этотъ ясно показываетъ, какимъ труднымъ дѣломъ былъ каждый бой съ японцами, благодаря непривычнымъ для насъ условіямъ горной войны и характернымъ особенностямъ тактики нашего врага, съ которыми я считаю не лишнимъ въ общихъ чертахъ познакомить читателей.

VII.

Дѣйствующая на войнѣ армія бываетъ въ различныхъ положеніяхъ, которыя выливаются въ слѣдующія шесть главныхъ положеній:

1) походъ.

2) расположеніе на отдыхъ.

Digitized by Google

3) рекогносцировка.

4) бой.

5) преслѣдованіе.

Въ походѣ японцы избѣгаютъ лощинъ и идутъ по тропинкамъ горныхъ хребтовъ. Преимущества этого очевидны:

a) большая скрытность движенія.

b) отсутствіе частыхъ переправъ черезъ рѣки.

c) большая безопасность вслѣдствіе отсутствія обходовъ и засадъ.

Двигаются японцы медленно, что объясняется частью непривычкою ходить въ обуви, частью-же присущею имъ осторожностью и нежеланіемъ переутомлять войска. Впереди отряда всегда идутъ китайцы, на обязанности коихъ лежитъ обшарить каждую складку, каждый кустъ впереди лежащей мѣстности, затѣмъ разъѣзды, за ними пѣхотныя цѣпи и потомъ уже колонны небольшими частями на большихъ дистанціяхъ. Кавалерія идетъ сзади пѣхоты, прикрывая обыкновенно артиллерію. Обозовъ при войскахъ ведется мало, а все больше вьюки и кули (носильщики). Среди нихъ, кромѣ китайцевъ много корейцевъ и японцевъ.

Вьюки двигаются отдѣльно отъ отряда, а потому ни въ чемъ не стѣсняютъ свободы его дѣйствій.

Снаряженіе японскаго солдата минимальное — ружье, патроны, мѣшокъ съ рисомъ и фляга съ водой.

Остановки на походѣ часты, но не продолжительны.

Въ жару переходовъ избѣгаютъ, ночью также, ибо сонъ у азіата явленіе стихійное.

Часто бываетъ, что засыпаютъ даже часовые на постахъ. Въ дурную погоду передвиженій также избѣгаютъ.

Бивакомъ становятся часто, избѣгая располагаться на квартиры. Большіе города и селенія никогда не занимаются.

На большихъ дорогахъ не останавливаются, а выбираютъ укрѣпленныя мѣста въ горахъ. На бивакахъ много комфорта: у офицеровъ плетеная мебель, у нижнихъ чиновъ маты изъ соломы.

Фанзы для начальства выклеиваются, хотя-бы на сутки только, новыми обоями.

Вся рекогносцировка и развѣдки основаны на шпіонствѣ; китайцевъ за неточныя свѣдѣнія убиваютъ безъ всякихъ разговоровъ.

При занятіи позиціи ее сначала осматриваютъ китайцы, потомъ является цѣпь и ложится въ боевомъ порядкѣ об-

Digitized by Google

стрѣливая подозрительныя близъ лежащія вершины. Потомъ подходятъ главныя силы.

Тогда тотчасъ-же измѣряются всѣ разстоянія до близъ лежащихъ мѣстныхъ предметовъ и начинается рытье окоповъ. Всѣ они быстро выростаютъ и соединяются телефонами, а въ въ тылу разрабатываются дороги и мосты. Обезпечивается легкій подвозъ патроновъ и снарядовъ. Устраивается сигнализація (флагами, геліографомъ, огнемъ костровъ, дымомъ и фонарями).

Въ окопахъ и на батареяхъ размѣщаются таблицы съ нарисованными на нихъ мѣстными предметами и обозначенною противъ нихъ высотою прицѣла. Брустверa маскируются срубленными и воткнутыми вѣтвями.

Наступленіе производится всегда только значительно превосходными силами и безъ артиллеріи никогда не ведется.

Признаками его можно безошибочно считать:

1) появленіе въ горахъ значительнаго числа отдѣльныхъ группъ китайцевъ-шпіоновъ;

2) оставленіе по пути наступленія японцевъ деревень китайцами.

3) устройства китайцами на горахъ разнаго рода сигнализаціи.

Отступаютъ японцы очень неохотно, такъ какъ за полгода войны успѣли проникнуться сознаніемъ своего превосходства, но разъ отступленіе началось, достаточно какою-либо частью обозначить обходъ или охватъ — паника готова.

При нашемъ превосходствѣ въ силахъ отступленіе у японцевъ обязательно и исходитъ изъ той точки зрѣнія, что уклониться отъ невыгоднаго для себя боя — есть уже побѣда.

Фланги при всѣхъ боевыхъ дѣйствіяхъ составляютъ предметъ сугубаго вниманія. Эта привычка является результатомъ убѣжденія, что въ горной войнѣ успѣхъ былъ основанъ главнымъ образомъ на обходахъ. Поэтому японцы всегда имѣютъ достаточно войскъ на флангахъ, чтобы ихъ подкрѣпить во время и даже въ свою очередь охватить непріятельскій обходъ. Резервъ въ дѣло пускается только въ случаѣ послѣдней крайности. Цѣпи стрѣлковъ сгущаются насколько возможно по свойству мѣстности и закрытій.

Резервъ стрѣляетъ только залпами.

Бой сводится къ усиленной подготовкѣ успѣха убійственнымъ, массовымъ огнемъ артиллеріи, причемъ стрѣльба ведется по площадямъ, кои буквально сплошь засыпаются снарядами.

Digitized by Google

Наступленіе и атака производится только тогда, когда непріятель, подавленный силою огня, очищаетъ позицію. Такимъ образомъ, трудно мечтать о штыковомъ натискѣ на японцевъ; они рѣдко когда его примутъ.

Преслѣдованіе послѣ успѣшнаго боя обыкновенно не ведется частью вслѣдствіе усталости, частью изъ боязни засадъ.

Бои длятся обыкновенно очень долго и, начинаясь съ разсвѣта, кончаются лишь къ ночи.

Вообще надо отмѣтить въ бою у японцевъ рѣдкую подвижность боевого порядка при помощи сигнализаціи и отличное примѣненіе къ мѣстности. Зачастую совсѣмъ не видно ни ихъ колоннъ, ни цѣпей, ни орудій.

Вотъ съ какимъ серьезнымъ противникомъ намъ приходится имѣть дѣло.

Онъ соединилъ въ себѣ лучшія качества армій Запада, въ смыслѣ послѣдняго слова военной техники и искусства маневрировать, вмѣстѣ съ рѣдкимъ фанатизмомъ и презрѣніемъ къ смерти—обычнымъ достояніемъ сыновъ Востока!

VII.

Принцъ Бурбонскій и пишущій эти строки волею судебъ изъ душнаго Лаояна попали въ Харбинъ.

Мнѣ давно уже хотѣлось побывать тамъ и во Владивостокѣ, но первые шесть мѣсяцевъ драмы на театрѣ войны не давали никакихъ антрактовъ, пока наконецъ отступленіе нашей арміи къ Лаояну и хотя и поздно начавшійся періодъ дождей не вызвали нѣсколькихъ недѣль затишья, которыми я и воспользовался.

Принцъ поѣхалъ со мною, дабы покупаться въ морѣ и набраться силъ, чего настоятельно требовало его слабое вообще здоровье, порядочно разстроившееся отъ невзгодъ боевой и бивачной жизни.

Я поджидалъ его пріѣздъ въ Харбинъ изъ Хайчена, почему и провелъ нѣсколько дней въ этомъ точно по щучьему велѣнію возникшемъ городѣ.

Теперь во время войны онъ отражалъ на себѣ всѣ характерныя черты тыла арміи. Здѣсь сосредоточилось много госпиталей военныхъ и Краснаго Креста, масса всякаго рода военныхъ запасовъ, начиная со снарядовъ и кончая лошадьми, и все это находилось въ рукахъ того самого полковника Захарова, рѣдкую, плодотворную и энергичную дѣятельность

Digitized by Google

котораго въ Лаоянѣ я описалъ подробно въ одной изъ предъидущихъ главъ.

Харбинъ произвелъ на меня довольно странное впечатлѣніе. Въ немъ виденъ былъ присущій русской натурѣ размахъ, переплетенный съ „авось“, „небось“ и „какъ-нибудь“. Дивный дворецъ, въ которомъ помѣщается какое-либо оффиціальное учрежденіе, окаймляется громадными пустырями, заваленными всякаго рода отбросами. Въѣзжаешь, повидимому, уже въ законченную часть города, гдѣ дома изящной архитектуры вплотную тѣснятся одинъ около другого, но по улицѣ проѣхать можно только съ рискомъ сломать себѣ ногу или шею, такъ какъ она представляетъ собой длинный рядъ грязныхъ ямъ, которыхъ не выдержатъ никакія рессоры и экипажъ, лавируя въ разныхъ плоскостяхъ, принимаетъ постоянно весьма рискованные углы наклоненія.

Принцъ Бурбонскій, изъѣздившій, кажется, весь свѣтъ, со свойственною ему наблюдательностью замѣтилъ существенную разницу между постройкой англійскихъ и нашихъ городовъ.

— У англичанъ, — сказалъ онъ, — сначала распланировываютъ улицы, ихъ устраиваютъ, и только когда онѣ совсѣмъ оборудованы, разрѣшается постройка домовъ, причемъ пространство подъ городъ берется столько, сколько нужно на первое время, и потомъ, по мѣрѣ необходимости, городъ расширяется. У васъ же наоборотъ—сначала выстраиваются дома, причемъ земли подъ нихъ идетъ уйма, а сообщаться между ними по-человѣчески почему-то не считается необходимымъ.

Поэтому въ такомъ новомъ городѣ соединяются одновременно домашній комфортъ и отрицательныя стороны деревенской жизни.

До какой степени мы неряшливы, можно сказать, дики въ этомъ отношеніи, такъ какъ у насъ зачастую отсутствуютъ даже альфа и омега городскаго благоустройства, булыжныя мостовыя, свидѣтельствуютъ всѣ города Сибири, гдѣ по улицѣ въ дождливую погоду вы никуда не пройдете иначе, какъ по-уши измазавшись въ грязи. Правда, на нѣкоторыхъ главныхъ городскихъ артеріяхъ существуютъ досчатые тротуары, но они почти всегда изобилуютъ большими дырами, и обыватели, по вечерамъ, когда нѣтъ дарового луннаго освѣщенія, благоразумно избѣгаютъ ими пользоваться, дабы сохранить неприкосновенными свои конечности.

Фонари, хотя бы и керосиновые, на Дальнемъ Востокѣ ставятся, говоря тривіальнымъ двустишіемъ, кажется, только

Для модели,
Чтобъ люди глядѣли!

Digitized by Google

Всѣ прелести ночныхъ передвиженій въ глубокомъ мракѣ мы съ принцемъ испытали лично на собственныхъ спинахъ и ногахъ, возвращаясь вечеромъ изъ стараго Харбина въ новый по дорогѣ, очень оживленной въ смыслѣ движенія, но погруженной во тьму кромѣшную. Старый городъ и новый соединены между собою шоссе, но по волѣ судебъ имъ пользоваться можно только урывками, такъ какъ на разныхъ его участкахъ идетъ ремонтъ и идущимъ предоставляется пользоваться проселочной дорогой, изобилующей ухабами и косогорами. На одинъ изъ нихъ въѣхалъ нашъ возница и перевернулъ экипажъ буквально вверхъ дномъ, такъ какъ оглобли сломались. Принцъ сильно расшибъ ногу, попавшую къ тому же между спицами колесъ, я ударился спиной и головой, причемъ ноги застряли въ подножкѣ. На наше счастье лошади, вѣроятно привыкшія къ подобнаго рода salto mortale, стали, какъ вкопанныя, иначе бы мы могли поплатиться если не жизнью, то во всякомъ случаѣ переломами рукъ и ногъ.

Невольно вспомнишь, какъ контрастъ, Японію, гдѣ въ послѣдней деревушкѣ устроены идеальныя шоссе.

Въ нашъ пріѣздъ въ Харбинѣ замѣчалось напряженное ожиданіе дальнѣйшаго хода дѣйствій на театрѣ войны и нашего отступленія отъ Ляояна, такъ какъ предполагалось, что японцы могутъ дойти и до Харбина.

Тѣмъ не менѣе городъ жилъ довольно весело! Въ кафе-шантанахъ и садахъ гремѣла по вечерамъ музыка, въ циркѣ и театрахъ шли представленія и, глядя на пестрыя толпы публики, ихъ наполнявшія, не вѣрилось, что въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отсюда наша доблестная армія жертвовала ежедневно массою жизней за честь Россіи и благосостояніе ея гражданъ.

На меня лично эта праздная жизнь нашихъ городовъ и безпечное стремленіе къ увеселеніямъ во время войнъ производило гнетущее впечатлѣніе и вслѣдъ затѣмъ убѣждало въ томъ, что у насъ мало еще національнаго самосознанія. По моему, на весь періодъ войны слѣдовало бы закрывать театры и гульбища, такъ какъ неприлично веселиться, когда надъ страною нависла черная туча, когда нѣтъ почти семьи, не заинтересованной лично въ исходѣ тяжкой борьбы.

Въ Харбинѣ мы побывали въ военныхъ госпиталяхъ, которые сдѣлали большой шагъ впередъ даже послѣ минувшей китайской войны. Помѣщенія были свѣтлыя, высокія, съ массой воздуха, чистота образцовая, работа врачей и сестеръ милосердія примѣрная.

Digitized by Google

Но несмотря на ихъ обиліе, не хватало мѣстъ для громаднаго количества раненыхъ, хотя въ то же время ни въ одну кампанію не было такихъ, если можно выразиться, гуманныхъ пуль.

Сколько приходилось мнѣ видѣть прострѣленныхъ насквозь въ грудь солдатъ, черезъ недѣлю, десять дней уже вставшихъ съ постелей и выписывавшихся изъ госпиталя. Точно также и разрывъ артиллерійскихъ снарядовъ на мельчайшія части дѣлалъ наносимыя ими поранения довольно легкими.

Въ самоотверженномъ служеніи раненымъ на ряду съ военными госпиталями соперничали учрежденія Краснаго Креста и отряды Дворянскій, Варшавско-Лодзинскій и графа Шувалова.

Намъ пришлось осмотрѣть послѣдніе два, помѣщающіеся въ Старомъ Харбинѣ. Варшавскимъ отрядомъ, сооруженнымъ на средства польскаго высшаго общества съ архіепископомъ Попелемъ во главѣ, завѣдывалъ мой старый пріятель бывшій секретарь нашего посольства въ Мюнхенѣ графъ Орловскій. Послѣдняя наша встрѣча была въ Парижѣ на выставкѣ передъ Китайской войной и мнѣ пришлось принять участіе въ дѣлѣ его дуэли съ графомъ Кастеллано.

И вотъ теперь мы встрѣтились на противоположномъ концѣ земного шара и въ мало похожей на Парижъ жизненной обстановкѣ.

Отрядъ графа расположенъ въ зданіи бывшаго кафе-шантана и прилежащемъ къ нему саду. Для больныхъ, число коихъ было расчитано на пятьдесять кроватей, была заново, какъ и всѣ остальныя помѣщенія, отдѣлана большая въ два свѣта зала, къ которой прилегала просторная комната для офицеровъ, выходившая окнами въ палисадникъ, гдѣ была разставлена плетеная мебель для отдыха раненыхъ на воздухѣ.

При отрядѣ находились два врача, нѣсколько санитаровъ, и шесть монахинь ордена св. Винцента ди Паоло, въ качествѣ сестеръ милосердія, и ксендзъ, отправлявшій богослуженія въ особо устроенной каплицѣ.

Попечительство надъ отрядомъ приняла на себя супруга начальника китайской желѣзной дороги Камилла Альбертовна Хорватъ, украсившая общину цвѣтами изъ своихъ оранжерей. Въ тѣни довольно большихъ деревьевъ сада размѣстились шатры и легкіе бараки на время зноя, и въ общемъ получился прекрасный пріютъ для раненыхъ, которые могли въ немъ съ успѣхомъ лечить не только всѣ свои изъяны отъ японскихъ шрапнелей и пуль, но и разбитые войною нервы.

Допотопные, но характерные чепчики монахинь со своими

Digitized by Google

остроконечными углами придавали всему учрежденію монастырскій характеръ, а рѣдкая любезность и savoir vivre моего друга Орловскаго, выбивавшагося изъ силъ лишь бы предупредить всѣ желанія своихъ больныхъ, быстро пріобрѣли Варшавскому отряду большую популярность въ арміи.

Не вдалекѣ отъ него размѣстился госпиталь, сооруженный на средства флигель-адъютанта графа Шувалова. Имъ завѣдывали супруга графа и уполномоченный коллежскій совѣтникъ Ивановъ, оказавшійся моимъ товарищемъ по полку. Помѣщеніе этой общины было не такъ просторно, какъ Варшавской, и садъ отсутствовалъ, но за то комфортъ для раненыхъ, число коихъ расчитывалось на 32 кровати. Здѣсь я нашелъ выздоравливавшаго уже отъ раны въ ногу генерала Ренненкампфа. Согласно своей привычкѣ къ бивачной жизни онъ помѣстился въ походной палаткѣ и изрядно скучалъ бездѣйствіемъ. Съ нимъ находились его ординарцы сотникъ Бушинскій и хорунжій Гейзелези, оба участники боя, въ которомъ былъ раненъ генералъ, находившіеся неотступно при немъ и чудомъ оставшіеся невредимыми подъ градомъ пуль, которыя почти въ упоръ залпами осыпали генерала и его свиту.

Лечился здѣсь и знакомый мнѣ сотникъ Бискупскій, бывшій конно-гвардеецъ, ставшій первой жертвой въ только что прибывшей на театръ военныхъ дѣйствій Дагестанской конно-иррегулярной бригадѣ. Пуля счастливо миновала легкое, пробивъ ему ребро и лопатку, и когда я съ нимъ обѣдалъ и провелъ вечеръ у графини Шуваловой, трудно было повѣрить, глядя на его цвѣтущій видъ, что онъ былъ раненъ всего десять дней тому назадъ.

Нѣкоторые изъ лежавшихъ въ этихъ двухъ госпиталяхъ офицеровъ были тяжко поранены нѣсколькими пулями, но безнадежныхъ въ смыслѣ выздоровленія не было ни одного.

Когда мы какъ-то пили чай у генерала Ренненкампфа, пришелъ знакомый мой по службѣ въ гвардейскомъ Варшавскомъ отрядѣ изящный и красивый капитанъ генеральнаго штаба Пневскій. Онъ присѣлъ къ столу въ халатѣ, изъ чего я заключилъ, что онъ числится здѣсь паціентомъ.

— Вы ранены или больны?—спросилъ я его, не замѣчая въ его фигурѣ никакихъ характерныхъ признаковъ раненія.

— Былъ раненъ въ бою 18-го іюля подъ Симученомъ,—послѣдовалъ отвѣтъ. Надо замѣтить, что нашъ разговоръ происходилъ 25 числа, то-есть лишь недѣлю спустя послѣ его раненія.

Digitized by Google

— Куда же васъ ранили?—спросилъ я.

— Сюда въ скулу пуля прошла черезъ ротъ въ затылокъ,— и капитанъ указалъ мнѣ входное отверстіе подъ глазомъ, казавшееся маленькимъ розоватымъ прыщикомъ; когда онъ повернулся спиной, на затылкѣ оказался маленькій кружекъ пластыря, прикрывавшій выходъ пули.

— И уже здоровы?!--поразился я.

— Почти, только отсутствуетъ еще вкусовое ощущеніе въ лѣвой половинѣ языка. Когда пуля ударила въ щеку, я получилъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы у меня выбило всѣ зубы, но потомъ всѣ они оказались цѣлы. Ощущенія же ихъ отсутствія получилось отъ того, что пуля задѣла зубной нервъ, потеря же вкуса произошла потому, что поврежденъ былъ тоже нервъ.

— Капитанъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ,—вмѣшался въ нашъ разговоръ подошедшій къ намъ старикъ врачъ госпиталя, симпатичный докторъ Войничъ,—и я сейчасъ вамъ объясню, почему: ударь пуля на полъ-линіи выше, онъ бы лишился глаза, пройди она на полъ-линіи лѣвѣе, пронизанъ былъ бы позвоночный столбъ, возьми она на полъ-линіи вправо, была бы пробита сонная артерія. Ни одинъ хирургъ въ мірѣ не рѣшился бы на проколъ въ такомъ опасномъ направленіи и который такъ идеально былъ продѣланъ японскимъ выстрѣломъ.

Во второй пріѣздъ нашъ въ госпиталь Шувалова мы увидѣли выходившую изъ экипажа, нагруженнаго вещами, стройную, изящную сестру милосердія, во всей фигурѣ которой виднѣлся cachet принадлежности къ высшему кругу. Видимо, она была сильно взволнована и глаза ея лихорадочно кого-то искали среди больныхъ, гулявшихъ или отдыхавшихъ на креслахъ въ палисадникѣ.

Но вотъ одинъ изъ нихъ опрометью бросился къ подъѣзду. Это было Пневскій, а сестра милосердія его супруга, съ которой онъ недавно еще повѣнчался. Тутъ произошла такая умилительная сцена, что я мысленно еще разъ долженъ былъ себѣ признаться, что существуютъ и счастливые браки въ нашъ вѣкъ отсутствія любви.

Ю. Елецъ.

Digitized by Google

Догмы русскаго нигилизма.

XX [1]).

Нельзя легкомысленно и высокомѣрно осуждать психическія основы исторіи и жизни Запада. Если онъ призналъ борьбу закономъ жизни, то только потому, что для него не было другого выхода. Народамъ Запада на всемъ протяженіи ихъ исторіи на самомъ западномъ полуостровѣ Азіи было тѣсно и они не могли пріучить себя жить въ тѣснотѣ, но не въ обидѣ.

Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Всѣ предпосылки этого высокаго и благороднаго лиризма Западу чужды. Ясно, яснѣе нашего, было его небо, но подъ этимъ небомъ для многихъ не хватало мѣста, или, по крайней мѣрѣ, *казалось*, что мѣста не хватаетъ. „Гдѣ водворяется одинъ, другой теряетъ мѣсто. Кто не хочетъ быть изгнанъ, пусть изгоняетъ самъ. Здѣсь господствуетъ борьба и побѣждаетъ только сила“.

Поэзію и логику европейской тѣсноты западные народы приносили съ собою и въ земли неевропейскаго простора. Имъ тѣсно было даже на огромномъ просторѣ Америки. Ихъ стѣсняли или утѣсняли краснокожіе и они вытѣснили краснокожихъ. Мало мѣста было для нихъ въ Австраліи и они истребили туземцевъ. Въ Индіи ихъ стѣсняли роиллы и они вырѣзали населеніе Роилконда. „Кто не хочетъ быть изгнанъ, пусть изгоняетъ самъ“.

Теперь и русскому народу дома становится тѣсно. Но это со-

[1]) См. «Русск. Вѣстн.», январь 1905 г.

Digitized by Google

всѣмъ не та тѣснота, отъ которой будто бы такъ страдалъ Западъ. Здѣсь тѣснятъ окраины, которыя ширятся и толстѣютъ. Уступчивый и податливый русскій народъ жмется, уступаетъ мѣсто и идетъ туда, гдѣ похуже. Но это историческое недоразумѣніе послѣднихъ лѣтъ, когда окраины были осыпаны золотомъ, добытымъ изъ грошей и копѣекъ мужицкихъ кармановъ. Это коренная ошибка и великое преступленіе нерусской политики. Самарянка умно и вѣрно говорила о крохахъ, падающихъ со стола господъ. Она не спорила противъ того, что дѣти господъ должны быть накормлены прежде всего и сыты. А у насъ ихъ лишили пищи и вываривали въ капиталистическомъ котлѣ.

Но это грѣхъ нерусской совѣсти. Въ отвѣтѣ за него тѣ, которые мечтали о чужихъ порядкахъ и чужихъ обычаяхъ. Они были убѣждены, что у насъ тѣсно не русскимъ людямъ, а окраинамъ, и подняли девизъ европейской тѣсноты для должной эксплуатаціи русскаго простора. На русскій центръ посмотрѣли, какъ на колонію, и русскаго мужика признали абсолютно темнымъ и невѣжественнымъ ради его ограниченія и сокращенія. Периферіи оспаривали верховныя права центра и части стремились видѣть въ себѣ цѣлое.

Но историческая жизнь русскаго народа слагалась не такъ. Русскій народъ съ самаго начала своего существованія берегъ и лелѣялъ совѣсть и правду, поэзію и лиризмъ не тѣсноты, а простора. И въ этомъ отношеніи историческія и географическія условія ему благопріятствовали. Онъ ширился и расходился во всѣ стороны, не встрѣчая крѣпкаго отпора, и, занимая новыя мѣста, не сгонялъ съ мѣста первонасельниковъ. При такихъ условіяхъ онъ не могъ воспитать въ себѣ убѣжденія, что „побѣждаетъ только сила“. Онъ зналъ и вѣрилъ, что побѣждаетъ и правда.

Зачѣмъ онъ много вѣковъ тому назадъ слагалъ пѣсни о цѣлебномъ просторѣ матери-пустыни, гдѣ сердце, утомленное зрѣлищемъ вражды и борьбы, отдыхаетъ въ безмолвіи и одиночествѣ созерцанія и думъ передъ лицомъ природы? Зачѣмъ русскіе святые, подвижники и пустынножители, шли на востокъ и на сѣверъ, гдѣ среди непроходимыхъ болотъ и дремучихъ лѣсовъ ихъ плоти было такъ тѣсно отъ мошкары и звѣря, отъ непогоды и лишеній, а душѣ такъ просторно вдали отъ людской неправды и борьбы за мѣсто? Зачѣмъ слѣдомъ за ними шли люди, много людей, чтобы при дружной общей работѣ жить въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, безъ насилія и обмана, жить по правдѣ и совѣсти, т. е. по Божьи? Отъ жизни, основанной на борьбѣ и враждѣ, народъ отступалъ въ дебри и пустыни, пока это было можно, пока онъ не уперся въ океаны, непроходимыя тайги и въ голодныя степи. Онъ остановился только тогда, когда отступать было уже некуда.

Digitized by Google

Тогда явилась новая повинность, новый подвигъ: *стоять* за землю русскую, стоять за церкви и обители, за просторъ для своей вѣры и совѣсти, за вѣковѣчную правду своихъ святынь. И онъ отстоялся, хотя на него шли враги со всѣхъ сторонъ, хотѣли согнать его съ мѣста, водвориться на его землѣ. Онъ не могъ отстояться только тогда, когда уже не его враги, отбивать которыхъ онъ могъ и умѣлъ, а его друзья, которыхъ онъ не понималъ и которые его не понимали, стали его тѣснить назадъ.

XXI.

Но черезъ всю свою исторію онъ пронесъ вѣру и надежды, правду и совѣсть простора и воли, жалости и общительности. Западъ наносимыя имъ обиды справдывалъ своею тѣснотою. Но тѣснота приводила сознаніе русскаго народа къ совершенно противоположному началу. И у него нашлись свои подвижники и герои свои пѣвцы и мыслители. Это были праведники и пустынножители въ которыхъ онъ увидѣлъ заповѣдную тайну земной святости. Потомъ, хотя и очень поздно, онъ могъ бы увидѣть своихъ героевъ въ славной дружинѣ русскихъ по творческой правдѣ и совѣсти истолкователей его духа, если бы они говорили на его языкѣ, не прятали въ непонятное, съ чужихъ навыковъ взятое слово его упованія и завѣты. Далеко отъ него и мимо него шли Ломоносовы, Пушкины, Лермонтовы, Гоголи и Достоевскіе, Хомяковы, Самарины, Аксаковы и Кирѣевскіе и онъ смѣшивалъ ихъ съ тѣми людьми, у которыхъ въ русской, повидимому, рѣчи не было ни русской правды, ни русскаго духа. Ему пришлось опуститься на самое дно государственной и общественной жизни и въ молчаливой истомѣ пропускать надъ собою мутныя волны всякой нерусской правды.

Соціалистамъ пришелся по душѣ античный миѳъ объ Энкеладѣ и они любятъ повторять его со словъ Карлейля. „Великій, нѣмой, глубоко погребенный классъ лежитъ, какъ Энкеладъ, который производитъ землетрясенія, когда хочетъ пожаловаться на страданія". Для Запада это, можетъ быть, и вѣрно, но со стороны кажется, что тамъ рабочій классъ не такъ уже нѣмъ, не такъ глубоко погребенъ, если онъ можетъ поднимать гулъ землетрясеній.

Не мятежный рабъ, не скованный титанъ, все еще непокорный гнѣвному Юпитеру, „темный и невѣжественный" русскій народъ, не землетрясеніями онъ жалуется на свои страданія, не грозитъ Олимпу и не вѣритъ, что побѣждаетъ только сила. Онъ вѣритъ въ побѣду правды и ждетъ, когда гордые и властные люди, сбросившіе его на дно и завалившіе его камнями, поймутъ свою ошибку, пой-

Digitized by Google

мутъ, что безъ него жить нельзя и что только онъ одинъ хранитъ и бережетъ сѣмена болѣе высокой правды и болѣе строгой совѣсти и прямой чести. Лиллипуты напрасно вбиваютъ кольями въ землю волоса спящаго Гулливера.

Люди, сильные духомъ, смѣлые мыслью, простые и чистые совѣстью найдутъ обильный источникъ живой и мертвой воды въ завѣтныхъ тайникахъ почти сказочной дубравы, гдѣ подъ наружною корою кажущейся темноты и мнимаго невѣжества крѣпки и сильны корни и стволы строевого лѣса. Но для того, чтобы идти на богатырскій подвигъ, нужно имѣть богатырскія силы, безстрашное сердце и крѣпкую вѣру. Этихъ великихъ даровъ духа у русской интеллигенціи не нашлось. Вмѣсто богатырей, которые стояли за землю русскую, за вѣру православную, она выдвинула изъ своей среды кикиморъ, которыя выли на чужой ладъ что-то хищное и злобное, какъ воютъ по загуменью волки въ темную зимнюю ночь.

Много печальнаго и обиднаго въ томъ, что не наши богатыри духа по прямоѣзжей дорогѣ повели русскую интеллигенцію на трудный и святой подвигъ честнаго и умнаго служенія народу, къ ласковому князю Владиміру, а переметныя сумы по какимъ-то татарскимъ сакмамъ, какъ полоняниковъ, поволокли въ общечеловѣческій, т. е. общеинородческій станъ. Но вѣдь и плѣнъ не позоръ для того, кто, какъ могъ, честно стоялъ за свое дѣло. Постыдно и позорно то, что это не плѣнники, а перебѣжчики, ничтожные люди, которымъ не подъ силу былъ честный подвигъ великой обороны, трусы, у которыхъ не хватило мужества вѣрить въ себя и свой народъ.

А русскій народъ все еще вѣритъ въ своихъ богатырей, все еще ждетъ, что они придутъ и станутъ честно и грозно на великой богатырской заставѣ...

XXII.

Что же значатъ эти загадочныя слова Ницше о „презрѣнной маніи небольшихъ европейскихъ государствъ, европейской нервности, вступившей въ свой критическій періодъ, благодаря основанію нѣмецкой имперіи“? Въ чемъ состоитъ эта манія? И что собственно въ ней достойно презрѣнія?

Отвѣтить на этотъ вопросъ легко, хотя въ данномъ случаѣ отвѣтъ является обвинительнымъ приговоромъ надъ дѣятельностью самого Ницше. Этой „презрѣнной маніи“, этой „европейской нервности“ противопоставляется „желаніе традиціи, авторитета, отвѣтственности, упроченной вѣками, солидарности, простирающейся на цѣлыя столѣтія въ прошедшемъ и будущемъ, in infinitum“. Зна-

Digitized by Google

читъ, презрѣнія достойны—забвеніе традицій, уклоненіе отъ отвѣтственности и отсутствіе солидарности? Значитъ, и по суду Ницше этихъ залоговъ устойчивости уже нѣтъ въ жизни „маленькихъ европейскихъ государствъ“? Значитъ, ослабѣла или слабѣетъ желѣзная, непреклонная воля Запада, которая дала ему власть чуть не надъ міромъ?

Что же могло потрясти и подорвать этотъ страстный, крѣпкій и устойчивый психическій строй? Отвѣтъ слишкомъ легокъ. Здоровый и нормальный духъ своекорыстія, энергія и настойчивость эгоизма и строго послѣдовательнаго матеріализма. Законъ жизни—борьба, борьба только изъ-за благъ матеріальныхъ. Только въ ней гарантія прогресса и эволюціи. А прогрессъ—*только* подъемъ на болѣе высокую ступень болѣе продуктивнаго хозяйства. Если для того, чтобы подняться на эту ступень, надо истребить часть населенія нашей планеты—цѣль оправдываетъ средства. Вотъ магическій кругъ, очерчивающій всю личную жизнь отдѣльнаго человѣка, весь смыслъ того или другого борющагося класса, всю сущность стремленій и цѣлей того или другого народа или государства. Все, что поднимается надъ этимъ уровнемъ, отрѣзано и брошено прочь.

Кто же правъ, Ницше или Зомбартъ? Для Зомбарта это великая побѣда, достойная восторга, зависти и восхищенія. Для Ницше это „презрѣнная манія“, „европейское первничанье“.

Мы думаемъ, что правъ Ницше. Тамъ, гдѣ народъ раздѣлился на классы съ противоположными и враждебными интересами, а классы распались и распылились на отдѣльные индивидуумы, причемъ на всей лѣстницѣ, на каждой ея ступенькѣ единственнымъ рычагомъ дѣятельности и пытливости является эгоизмъ,—сами собою меркнутъ на небѣ теоретическаго и практическаго идеала лучшія звѣзды широкаго и свободнаго творчества. На смѣну писателей, которые говорили всему народу и отъ всего народа, явились писатели и мыслители для одного какого-нибудь класса, которые говорятъ только отъ этого класса. Они оттолкнули первыхъ на задній планъ, но и ихъ отталкиваютъ. Являются мыслители для каждаго человѣка въ отдѣльности, для каждаго одинокаго эгоизма порознь, который на всей площади соціальнаго разрѣза общественныхъ пластовъ говоритъ однѣ и тѣ-же монотонныя и скучныя рѣчи. Забавно, что о солидарности тоскуетъ именно Ницше, величайшій пророкъ обособленнаго и ограниченнаго индивидуализма. На послѣдней ступени—полное торжество нигилистическаго монизма, богатаго сходствомъ и бѣднаго различіемъ, безцвѣтнаго и безжизненнаго.

Внѣ всякаго сомнѣнія то, что это не прогрессъ, а регрессъ, не подъемъ кверху, а спускъ внизъ. Большія и широкія думы великихъ мастеровъ слова становятся все мельче, все уже, все вуль-

Digitized by Google

гарнѣе и пошлѣе, пока не превратятся въ сухую и затхлую нигилистическую пыль. Мысль не хочетъ ни усиливаться, ни напрягаться, чтобы подняться до высокой цѣли, приблизиться къ великому идеалу. Она, лѣнивая и усталая, опускается все ниже и ниже, къ самымъ будничнымъ и прозаическимъ подробностямъ жизни, пока не остановится на какихъ-либо частныхъ и исключительныхъ случаяхъ, интересныхъ только для того или другого эгоиста. Совѣсть выдыхается и умираетъ, ибо весь смыслъ совѣсти въ ея антагонизмѣ и борьбѣ съ эгоистическими побужденіями и тамъ, гдѣ эгоизмъ признанъ здоровымъ и нормальнымъ рычагомъ общественной дѣятельности, для совѣсти мѣста нѣтъ.

Да, такая „нервность", такая „манія" дѣйствительно достойны презрѣнія.

Ницше говоритъ о *маленькихъ* государствахъ и противопоставляетъ имъ большія, Imperium Romanum и Россію. Онъ говоритъ, что только эти большія государства обладаютъ устойчивостью, что только они „что-нибудь обѣщаютъ", что только отъ нихъ можно „чего-нибудь ждать". Это значитъ, конечно, что у маленькаго государства маленькіе и горизонты, маленькія и думы. Разъ на почвѣ права обезпечены ихъ „нормальныя матеріальныя" потребности, борьба здороваго своекорыстія за то, что нужно для хитраго животнаго, для бѣлокурой бестіи, для bete humaine,—имъ нечего дѣлать, имъ не о чемъ и думать. Они, по выраженію Саллюстія, тѣ звѣри, которымъ природа пригнула голову къ землѣ и подчинила желудку.

Маленькія государства, независимыя только въ силу международнаго соглашенія, по логической необходимости осуждены на логику и психологію оппортунизма. Они торопятся жить, потому что сознаютъ, что ихъ существованіе непрочно, что ихъ независимость—подарокъ изъ чужихъ рукъ, что своими силами имъ не прожить на бѣломъ свѣтѣ. И поэтому они заблаговременно отдаютъ свои симпатіи и свои думы какому-нибудь болѣе сильному сосѣду, ни въ чемъ не полагаясь на себя и не чувствуя за собою никакой отвѣтственности. Здѣсь солидарность и по пространству, и по устойчивости, и по объему ничтожна, короче воробьинаго носа, перемѣнчива и случайна, не даетъ основы для строгихъ и большихъ думъ. У маленькаго государства—маленькія и мысли.

XXIII.

Мы уже говорили о томъ, что у русской интеллигенціи, которая такъ много говоритъ о человѣчествѣ, понятіе объ общечеловѣческомъ не клеилось и не клеится.

Digitized by Google

Общечеловѣческое дѣло, единственно возможное въ реальномъ и живомъ смыслѣ,—т. е. стремленіе дѣлать общерусское дѣло на полномъ просторѣ, во всей широтѣ и глубинѣ русской психологіи, чтобы оно въ законченности и полнотѣ своего воплощенія стало общечеловѣческимъ, какъ дѣлали свое дѣло народы германо-романскаго міра,—пришлось ей не по плечу и она отказалась отъ всякой работы въ этомъ направленіи, сознавая свое безсиліе и безволіе.

Общечеловѣческое въ условномъ смыслѣ, т. е. общеевропейское, и по логикѣ, и по психологіи было для нея недоступно. Она не имѣла неукротимаго и неутолимаго интереса къ изслѣдованію жизненныхъ процессовъ природы и поэтому ничего не могла сдѣлать въ области положительной науки. Въ области соціальной науки она рабски принимала всѣ „послѣднія слова науки“, т. е. догмы западной психологіи, но эти послѣднія слова превращались въ жалкую каррикатуру на почвѣ нигилистическаго космополитизма, безплоднаго и безжизненнаго, какъ въ своей основѣ, такъ и въ своей постановкѣ.

Тогда въ силу общеинтеллигентныхъ, т. е. общенигилистическихъ побужденій и соображеній, общечеловѣческимъ дѣломъ русская интеллигенція признала дѣло общеинородческое, противопоставивъ его общерусскому дѣлу. До этого довела русскую интеллигенцію стихійная эволюція, т. е. ея обычная безтолковость.

Мы отмѣтили уже по Ницше „презрѣнную манію“ маленькихъ европейскихъ государствъ и ихъ нервность. Но вѣдь это все же государства съ политическою независимостью, съ самостоятельнымъ опытомъ, съ обдуманными рѣшеніями, по которымъ, долго-ли, коротко-ли, строилась и строится жизнь. Пусть это маленькія думы небольшой кучки людей, но эти думы зрѣли на реальной почвѣ, за нихъ отвѣчали своимъ добромъ и своимъ благополучіемъ. Правда, трактаты и международныя соглашенія почти уничтожали необходимость расходовъ на оборону независимости и самостоятельности, т. е. ставили эти государства въ привиллегированное положеніе, что въ свою очередь содѣйствовало росту жизнерадостнаго оптимизма и легковѣрныхъ надеждъ на близкое братство народовъ. И это, конечно, не могло не дѣйствовать въ отрицательномъ смыслѣ на серьезность, основательность и осторожность ихъ логики и психологіи. Ихъ независимость и самобытность не стоитъ имъ тѣхъ жертвъ и усилій, какихъ они дѣйствительно требуютъ отъ большого самостоятельнаго государства. Это, конечно, понижало уровень полной сознательности. Но все же—это государства.

Чего же можно ждать, когда надъ большимъ народомъ поднимаются стяги отвлеченнаго общеинородческаго идеала, сшитые изъ пестрыхъ и разношерстыхъ лоскутковъ маленькихъ народовъ, почти

Digitized by Google

не жившихъ или никогда не жившихъ историческою жизнью? Конечно, путемъ нигилистическаго отвлеченія изъ этихъ разнородныхъ продуктовъ можно сдѣлать метафизическую окрошку, но сколько теоретическаго и моральнаго разлада въ этой чудовищной мѣшанинѣ! Это былъ бы удивительный теоретическій фокусъ, если бы изъ окраины вообще, такъ сказать, общеокраины, окраины для всѣхъ вѣковъ и народовъ, сдѣлать логическій центръ, превративъ такимъ образомъ единственный реальный центръ въ теоретическую окраину! Не значило ли бы это, что головной мозгъ прекратилъ свою дѣятельность и его функціи исполняютъ нервные узлы, гангліи, какъ кому и гдѣ кому придется, причемъ теряется весь смыслъ всего организма, уже не живого въ послѣднихъ судорогахъ агоніи? Не служило ли бы это признакомъ, что первобытный хаосъ ради блага частей хочетъ поглотить цѣлое, отравивъ его элементами разложенія? Если перестанетъ правильно функціонировать голова, гдѣ другіе органы мышленія?

XXIV.

Но возможное ли это дѣло, чтобы въ живомъ и сложномъ организмѣ, подъ вліяніемъ общеинородческаго строя жизни, головной мозгъ совсѣмъ пересталъ работать? Точный отвѣтъ на это дадутъ, конечно, только психіатры. Но нѣкоторые признаки сами собою бросаются въ глаза даже не спеціалистамъ.

Общество, слагающееся на почвѣ общеинородческой логики и психологіи, представляетъ изъ себя котловину съ высоко поднятыми краями, откуда по крутымъ откосамъ сбѣгаютъ къ центру мутные горные потоки. Вода, не находя себѣ выхода, застаивается въ лужахъ и болотахъ и гніетъ. Подъ удушливымъ туманомъ зараженнаго и отравленнаго воздуха все живое чахнетъ и хилѣетъ. Способность критики исчезаетъ безслѣдно, какъ и способность творчества. Совѣсть устраняется доводами эгоизма и матеріализма. Мысль цѣпенѣетъ и лѣниво волочится только по пробитымъ тропинкамъ. Чувство, подавленное метафизическимъ хламомъ, становится тревожнымъ, капризнымъ, мимолетнымъ и причудливымъ. Воображеніе загромождается съ виду огромными, но мертвыми и пустыми нигилистическими фикціями. Низменный и низкій идеалъ,—а онъ всегда таковъ на общеинородческой почвѣ, — какъ крышка гроба, давитъ черепъ, сушитъ мозгъ и оскопляетъ творческую энергію. И эти скопцы, непогребенные мертвецы, начинаютъ болѣзненно и фанатически ненавидѣть живую жизнь, прячутся въ крѣпко запертыхъ, душныхъ и затхлыхъ кельяхъ и ихъ не манитъ уже широкій и

Digitized by Google

вольный просторъ голубого моря, шумнаго и нарядnаго родного лѣса, гдѣ бываютъ и бури, ломающія стволы вѣковыхъ дубовъ, и великая тишина, въ которой зрѣютъ здоровыя сѣмена молодыхъ побѣговъ, крѣпнутъ и растутъ юные, полные жизненныхъ соковъ подростки, отдыхаютъ въ великихъ думахъ лѣсные старцы, — гдѣ есть и медвѣжьи берлоги, и кипучіе ключи, изъ которыхъ русскіе богатыри черпали свою богатырскую силу.

Мы уже видѣли, въ какой уродливой, болѣзненной и каррикатурной формѣ проникали въ сознаніе русской интеллигенціи догмы западной психологіи. Нелѣпое понятіе о стихійности общественнаго прогресса унесло послѣднія крохи энергіи и здраваго смысла. Какъ разслабленный у силоамской купели, она безсильно и почти безнадежно ждетъ момента, когда въ невѣдомый часъ и невѣдомо откуда придетъ эволюція и возмутитъ воду. Она до такой степени безцвѣтна, безжизненна и безвольна, что всякое озорство, всякое дикое ухарство ей кажется „здоровымъ своекорыстнымъ духомъ эгоизма“, „нормальнымъ матеріализмомъ“ „хитраго животнаго“, проявленіемъ разумной энергіи и жизненности. Уже одно слово „протестъ“ обладаетъ для нея магическими чарами. Протестъ—даже противъ разума и культуры—приводитъ ее въ дикій восторгъ. Кто протестуетъ, тотъ правъ. Противъ чего же протестуютъ ея любимые герои, опрощенные босяки, бродяги и хулиганы? Вѣдь эта орда первобытныхъ дикарей, хищниковъ и варваровъ въ каждой складкѣ мысли и чувства, поднимаетъ свою сучковатую дубину надъ всѣми и всякими алтарями честной и разумной жизни, а интеллигентные вандалы цинично хохочутъ, когда подъ этими ударами падаютъ драгоцѣнные плоды великихъ трудовъ многихъ вѣковъ и поколѣній.

Эти троглодиты издалека слышали рѣчи Запада. Но для пѣвцовъ тайныхъ притоновъ и грязныхъ ночлежекъ оказались не по уму эти точныя, осторожныя и сдержанныя рѣчи и они съ гордымъ и самодовольнымъ видомъ, какъ люди знанія, нагло переврали все, что слышали, чтобы подогнать непонятное и недоступное имъ подъ мѣрку своего босяческаго нигилизма и безпробуднаго пьянства. Омраченные и обезкураженные дремучимъ невѣжествомъ доморощенныхъ трущобныхъ и подпольныхъ колдуновъ и знахарей, они увидѣли какое-то колдовство и вѣдовство даже въ напряженной, неустанной и всегда сознательной работѣ Запада, который до такой степени увѣренъ въ своей сознательности и энергіи, что видитъ въ нихъ стихійную силу, неодолимую и неудержимую. Западъ хорошо понимаетъ, что смыслъ и сущность стихійности исчерпываются его неутолимою жаждою дѣятельности.

А для нашихъ лѣнтяевъ и праздныхъ мечтателей человѣкъ *всегда* „звучитъ гордо“. Онъ, даже въ нетрезвомъ видѣ, по пивнымъ и

Digitized by Google

трактирамъ „идетъ впередъ и выше, все впередъ и все выше", пока не потеряетъ равновѣсія и не свалится въ канаву, если сердобольный городовой не отведетъ его для отрезвленія подъ шары. И чѣмъ больше грязи, нахальства и дикости у разнузданнаго пьянаго „человѣка", чѣмъ больше пьянаго размаха у всякой потной и похотливой Мальвы,—тѣмъ веселѣе становится доморощенное общеинородческое человѣчество, тѣмъ болѣе гордо звучатъ слова „свихнувшійся человѣкъ", потому что это во всякомъ случаѣ *протестъ*, протестъ противъ трезвости и приличія, противъ устарѣлыхъ нормъ христіанской морали, противъ какихъ бы то ни было нравовъ и здраваго смысла.

Западу стало бы стыдно за самое слово „борьба", которое онъ съ такою дерзкою откровенностью пустилъ въ ходъ, если бы онъ зналъ, что̀ называетъ этимъ словомъ русская интеллигенція. Онъ понимаетъ только разумную и легальную борьбу и съ гадливымъ отвращеніемъ долженъ смотрѣть на ту „борьбу", которая вся цѣликомъ сводится къ озорству и скандалу, политическимъ преступленіямъ и уличнымъ безпорядкамъ, къ протесту шумному и крикливому, но неубѣдительному и неосмысленному. По существу это самый безобидный и легкомысленный протестъ, когда протестуютъ противъ всего сразу, протестуютъ во всѣхъ направленіяхъ, протестуютъ противъ природы и логики, противъ науки и культуры, противъ отцовъ и старшихъ, противъ полиціи и инспекціи, противъ закона и дворника.

Нашему рабочему еще далеко до западнаго рабочаго. А наши доморощенные марксисты ползаютъ передъ нимъ, какъ новымъ татарскимъ ханомъ, на брюхѣ и просятъ сказать имъ новое слово и показать новый путь,—даже по понедѣльникамъ, когда русскому мастеровому человѣку необходимо опохмелиться, чтобы привести въ порядокъ свою требуху послѣ воскреснаго запоя.

И этимъ именно нигилистамъ суждено было сказать дѣйствительно новое для русскаго народа слово: и до Вл. Соловьева, и послѣ него они твердили, что самобытность русскаго народа должна проявиться только въ его самоотреченіи, что лучшая доля для него—это стать вольною жертвою на жертвенномъ алтарѣ общечеловѣческой или, точнѣе, общеинородческой правды.

Digitized by Google

XXV.

Тамъ, гдѣ много окраинныхъ идей и нѣтъ одной центральной мысли, всякое явленіе жизни, даже простое и несложное становится безусловно непостижымымъ и безусловно неразрѣшимымъ. Такъ, конечно, и должно быть. Единичный и исключительный случай, внѣ связи съ общими руководящими соображеніями и общими нормами жизни, для людей, не сумѣвшихъ и не пожелавшихъ собрать и объединить свои мысли, становится тѣмъ мудренымъ сфинксомъ, загадокъ котораго не разрѣшитъ ни одинъ Эдипъ.

Для примѣра позволю себѣ указать на одинъ случай, еще не обмозгованный даже самыми популярными умами русской интеллигенціи.

Имѣю въ виду „свободомыслящихъ“ и „свобододѣйствующихъ“ въ Горномъ институтѣ или такъ называемый „коноваловскій инцидентъ“. Смута умовъ въ Горномъ институтѣ вызвала отвѣтную смуту умовъ въ обществѣ и въ журналистикѣ. При обсужденіи этого „инцидента“ оказалось, что какъ у „заинтересованныхъ“ и „борющихся“ сторонъ, такъ и у посторонныхъ цѣнителей и судей нѣтъ точнаго, яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что для высшаго учебнаго заведенія хорошо и что дурно, какой одной общей правдѣ должны быть вѣрны и покорны всѣ „борющіяся“ стороны какъ въ помѣщеніи совѣта, такъ и вообще въ стѣнахъ института, до какой степени можетъ идти произволъ какъ учащихъ, такъ и учащихся.

Вопросъ былъ поставленъ и рѣшался на какой-то совершенно метафизической почвѣ. Никто не замѣчалъ высокаго комизма въ самой схемѣ его постановки. Профессорское меньшинство не подчинилось рѣшенію профессорскаго большинства и стало метать громы и молніи по поводу того, что студенческое меньшинство не подчинилось рѣшенію студенческаго большинства. Почему-же профессорское меньшинство не пожелало дать примѣръ и урокъ студенческому меньшинству? Почему то, что плохо для студента, хорошо для профессора? Зачѣмъ двѣ правды и двѣ нормы въ одномъ общемъ дѣлѣ?

Въ схематизмѣ постановки этого вопроса сказалась самая удручающая схоластика, странная игра въ отвлеченныя понятія и отвлеченную справедливость, что-то въ высокой степени безжизненное и туманное.

Но сквозь туманъ этого безжизненнаго схематизма проступаетъ и что-то реальное. Какъ-же представляется все дѣло съ точки зрѣнія профессорскаго меньшинства? Въ высшихъ учебныхъ заведе-

Digitized by Google

ніяхъ вопросы науки и дисциплины рѣшаются большинствомъ студенческой массы. Во всѣхъ вопросахъ академической жизни студенческое большинство безошибочно и непогрѣшимо. Неужели какая-нибудь школа можетъ существовать на такой почвѣ? Что можетъ значить тиранія большинства въ области знанія и науки, въ области тѣхъ вопросовъ, гдѣ личныя склонности и капризы прежде всего должны быть безусловно подчинены общему интересу, незыблемой дисциплинѣ методовъ науки и нормъ академической свободы, гдѣ тягчайшимъ грѣхомъ жизни и совѣсти является попытка мѣшать другимъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній? Развѣ не этому высшему закону должно подчиняться все въ школьной жизни?

Или это нелѣпое примѣненіе къ дѣлу науки и знанія обычной на западѣ, а теперь и у насъ тактики рабочихъ въ дни стачки? Послѣ забастовки они на дорогѣ подстерегаютъ и бьютъ рабочихъ, готовыхъ поступить на ихъ мѣста на фабрику. Пусть кто хочетъ оправдываетъ и защищаетъ такую тактику стачечниковъ, но примѣненіе этой тактики въ высшей школѣ—дѣло глубокаго комизма и глубокой печали.

Съ кѣмъ-же ведутъ „борьбу“ забастовавшіе учащіеся? Съ учащими? Значитъ такъ непримиримы и враждебны ихъ „реальные“ интересы? Вполнѣ возможно, допустимо и естественно, что студенческое большинство совсѣмъ не захочетъ учиться. И меньшинство должно подчиниться этому рѣшенію? Совѣтъ съ его большинствомъ и меньшинствомъ—тоже?

Получается такой сумбуръ понятій и отношеній, при которомъ никакая школа невозможна. Учащіеся предписываютъ методы и формы науки, правила и нормы академической дисциплины учащимъ. При такомъ положеніи дѣлъ учащееся случайное большинство является факторомъ дезорганизаціи и анархіи, невѣжества и лѣни, разъединенія и произвола. Тамъ, гдѣ учащееся большинство предписываетъ формы и условія академической жизни учащемуся и учащему меньшинству, авторитетъ науки въ корнѣ подрывается многоголовымъ варварствомъ и сплоченнымъ обскурантизмомъ, т. е. школа становится пародіею на школу.

Корпорація учащихся выдѣлилась изъ корпораціи учащихъ и стало двѣ корпораціи, обособленныхъ и „борющихся“ между собою. И это борьба не шуточная. Это борьба изъ-за коренной разницы въ основныхъ нравственныхъ понятіяхъ, въ вопросахъ совѣсти и чести. Тамъ, гдѣ это возможно, нѣтъ науки, нѣтъ знанія, нѣтъ школы. Это порогъ къ первобытному хаосу, изъ мрачныхъ безднъ котораго несутся дикіе ликующіе крики: fuit scientia, fuit schola, fuerunt magistri.

Окраинныя мысли подняли стягъ возстанія и центръ оказался неподготовленнымъ. Все пошло шиворотъ-на-выворотъ, полѣзло по

Digitized by Google

швамъ, повалилось отъ рукъ, все стало instabilis tellus, innabilis unda. Окраинныя мысли безъ подчиненія ихъ одной центральной всегда и по логической необходимости борются за права хаоса противъ стройнаго и свѣтлаго космоса, за права безумія противъ логики и здраваго смысла, за право первобытной дикости противъ общественной культурности, за дѣло тьмы, а не свѣта.

„Дважды презрѣнная манія“,—сказалъ-бы Ницше.

XXVI.

Общеинородческія идеи и идеалы трактуются во всей ихъ полнотѣ и наготѣ обыкновенно въ отдѣльныхъ книгахъ и въ толстыхъ журналахъ, въ такъ называемыхъ „серьезныхъ“ статьяхъ. Наша интеллигенція обыкновенно ихъ не читаетъ, ибо вообще избѣгаетъ серьезнаго чтенія. Съ „быстрою смѣною идеаловъ“, — выраженіе г. Милюкова, — она знакомится по беллетристическимъ произведеніямъ. „Идейная“ беллетристика теперь въ ходу и въ цѣнѣ. И въ ней можно найти самыя удивительныя формы текущаго нигилистическаго отрицанія.

„Выхватываются изъ жизни“, — на самомъ дѣлѣ высасываются изъ пальца или вычитываются изъ переводной популярной книжки,— самые невѣроятные сюжеты, самые невѣроятные типы. Какой-то метафизическій попъ тащитъ въ церкви на себя изъ гроба покойника въ увѣренности, что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ. Циникъ и нигилистъ-докторъ методически и обдуманно убиваетъ своего друга, чтобы жениться на его женѣ, и дѣлаетъ почти научный анализъ психологіи своего преступленія. Еще одинъ метафизическій хозяйственный попъ до того отупѣлъ, что можетъ только рубить и стругать дрова и доски и дошелъ въ этой маніи до такой виртуозности, что сколотилъ себѣ при жизни аляповатый гробъ, при чемъ въ его идіотскомъ сознаніи было только то, что гробъ проченъ, сдѣланъ дома и стоитъ недорого. Студентъ-сифилитикъ, нигилистъ-дикарь, вспарываетъ животъ грязной расхожей дѣвкѣ. Номерной лакей въ гостинницѣ пытается торговать своею молоденькою женою и побоями принуждаетъ ее къ легкости нравовъ, къ свободѣ чувства и отношеній. Гдѣ-то подъ городомъ озвѣрѣлые рабочіе насилуютъ дѣвочку-подростка и ея спутникъ, идеалистъ и интеллигентъ, въ каждомъ изломѣ нигилистической фразы, слѣдуетъ ихъ примѣру.

По рецепту Ницше подбирается все „презираемое, ужасающее, ненавидимое“. Изъ каждой беллетристической щели лѣзетъ что-то уродливое, гадкое, отвратительное, цинически нелѣпое и безсмысленно подлое. Все это формы и оттѣнки какой-то маніи,—„еще разъ

Digitized by Google

презрѣнной маніи", сказалъ бы Ницше. Сквозь узоры безсмысленной идейности отовсюду смотритъ порнографія, истощенная, извращенная, гордая своею противоестественностью.

Но это ложь, новый видъ академической лжи на жизнь. Жизнь не такова. Если это не цѣликомъ фрукты нечистой и искуственно-разгоряченной фантазіи, то это единичные, исключительные случаи, которые бываютъ рѣдко. Это не типы. Типовъ, живыхъ и здоровыхъ типовъ, не можетъ быть въ литературѣ много инородческаго и общеинородческаго нигилизма. Для этого нуженъ умъ. Нужна широкая общая точка зрѣнія, чтобы дѣйствительно понять явленіе въ связи съ общимъ уровнемъ и съ общими нормами жизни и поставить его на подобающее мѣсто. Но ума не можетъ быть при несобранномъ мышленіи, при отсутствіи объединяющаго центра, при наличности многихъ центровъ, разнородныхъ и легковѣсныхъ, какъ все инородческое. При такой психической основѣ писатели-нигилисты въ полной безпомощности останавливаются передъ единичнымъ фактомъ. Имъ хочется дать ему какое-то общечеловѣческое освѣщеніе, объяснить его смыслъ и значеніе для всѣхъ временъ и народовъ. Но единичный фактъ такому освѣщенію не поддается и такъ и остается единичнымъ фактомъ. Изъ сухого пня березы не добудешь соку. Какъ фактъ единичный и исключительный, онъ не поддается обобщенію: онъ не типиченъ. Типичнымъ хочетъ сдѣлать его только нигилистическая тенденція, но ея лживость сквозитъ черезъ ея притязательность. Это неправда, что жизнь безумна. Пусть въ дѣйствительной жизни много зла, горя и неправды, но на все есть свои причины, свой смыслъ и разумъ, понятный только съ болѣе высокой и широкой точки зрѣнія, чѣмъ логика общеинородческаго нигилизма. Все это безуміе не въ жизни, а въ безумныхъ глазахъ безумныхъ мечтателей, которые безумно смотрятъ на жизнь.

Логика и психологія, мораль и поэзія отдѣльныхъ и исключительныхъ фактовъ, внѣ связи ихъ съ общимъ началомъ жизни, съ центральною идеею,—это уже полное банкротство духа, свидѣтельство неприкрытой босяческой нищеты, дипломъ крайняго одичанія, полнаго ничтожества и всесторонней негодности.

Иногда кажется, что какой-то злой геній, злобный и мстительный, сознательно, планомѣрно и методически принижаетъ, душитъ и вытравляетъ способность здороваго и спокойнаго мышленія въ русской интеллигенціи, отнимаетъ у нея зоркость глаза и чуткость уха и отравляетъ совѣсть, чтобы усыпить ея бдительность при осуществленіи какой-то великой неправды, великой обиды, грѣховнаго преступленія надъ русскимъ народомъ.

Гдѣ же конецъ паденію? Можно ли падать ниже?

Digitized by Google

Скорбное предчувствіе говоритъ, что можно, что такъ именно и будетъ.

Забыто главное дѣло, безъ котораго все остальное вздоръ и пустяки,—забытъ единственный источникъ великой правды народной, способной дать нравственное обновленіе одичавшему поколѣнію людей, бросившихъ родной домъ, чтобы духомъ и совѣстью отойти „на страну далече"!..

XXVII.

Апоѳеозъ эгоизма, одинокой и обособленной личности,—логика и психологія, поэзія и лиризмъ единичныхъ, часто исключительныхъ фактовъ,—наглое господство общеокраинныхъ идей надъ центральною,—развѣ эти общественныя явленія не повиты мертвящимъ ужасомъ, не являются зловѣщими буревѣстниками хаоса и дикой анархіи?

Пока западъ умѣлъ обуздывать чрезмѣрныя вожделѣнія безграничнаго въ своей личности и распущенности одинокаго эгоизма, онъ былъ гораздо сплоченнѣе, сильнѣе и однороднѣе въ своихъ частяхъ, т. е. способнѣе къ самозащитѣ и самооборонѣ. Но теперь и тамъ, хотя въ неизмѣримо меньшей степени, чѣмъ у насъ, стали пробиваться со дна и изъ тумановъ начала метафизическаго нигилизма на почвѣ грубаго и беззастѣнчиваго эгоизма. Ошибочное и нелѣпое убѣжденіе, что нынѣ судьбы міра предрѣшены до скончанія вѣковъ, что судьба никогда не вырветъ желѣзнаго міродержавнаго скипетра изъ рукъ хитрой „бѣлокурой бестіи", что всѣ народы добровольно подчинятся волшебнымъ чарамъ германо-романской культуры и понесутъ ей щедрыя дани въ благодарность за то, что имъ временно дозволено жить на землѣ и любоваться на земное солнце,—дало икаровы крылья легкомысленному эгоизму, легкомысленно повѣрившему, что при современномъ совершенствѣ артиллеріи властнымъ представителямъ культуры можно безнаказанно забыть стыдъ и совѣсть.

Теперь подонки „идейнаго" запада изъ побужденій лѣности и распущенности пытаются дать „идеологію" безпечальнаго квіетизма и полнаго радужныхъ, но глупыхъ надеждъ фатализма. Мы видѣли, какъ строго и энергично ведетъ борьбу съ этими западными босяками и золоторотцами Зомбартъ. Но тамъ, гдѣ эгоизмъ торжествуетъ на всѣхъ площадяхъ и рынкахъ общественной жизни, побѣда будетъ не за свѣтлыми, добрыми и умными, но за темными, глупыми и болѣе эгоистичными, т. е. болѣе безсовѣстными и неразборчивыми въ средствахъ борьбы. Здѣсь босякъ, если и не всякій разъ будетъ

Digitized by Google

побѣдителемъ, всегда будетъ непобѣдимымъ: онъ *всегда* готовъ на борьбу, потому что ему терять нечего.

А время сантиментальныхъ утопій и прелестей уличной борьбы какъ будто бы и проходитъ. Въ „человѣчествѣ“ замѣтна какая-то „нервность“. „Народы“ внимательно и пытливо смотрятъ на дѣла Европы и, пока молча, подводятъ итоги. Европа еще не отказалась отъ своихъ шаблонныхъ фразъ и девизовъ, все еще думаетъ, что съ „человѣчествомъ“ все обстоитъ благополучно, какъ это всегда выходило по ея схоластической школьной мудрости. Но иногда и она „нервничаетъ“. Ея умная соціологія и прославленная политическая экономія начинаютъ конфузливо и опасливо глядѣть по сторонамъ. Сознается возможность того, что законы историческаго развитія запада не всѣмъ народамъ по душѣ и по совѣсти, что общественный строй болѣе культурной (по оцѣнкѣ запада) страны не всегда указываетъ странѣ менѣе культурной (опять-же по оцѣнкѣ запада) болѣе совершенныя формы ея дальнѣйшаго развитія, т. е. рушатся основы современной „науки“ запада.

Почти цѣлое столѣтіе западная Европа, выдѣливъ изъ себя крупныя національныя величины, во внутреннемъ строѣ своей жизни разъединялась, дробилась и,—какъ любятъ говорить наши марксисты,—„распылялась“ на соціальные атомы по умной логикѣ „нормальнаго“ эгоизма. Теперь на горизонтѣ въ туманахъ будущаго появляются огромные вопросительные знаки. По всѣмъ признакамъ предстоитъ много работы и работы горячей. Какъ же приступить къ этой работѣ при несомнѣнномъ торжествѣ эгоизма въ теоріи и въ жизни, когда закономъ жизни каждаго является старое, мудрое, но ужасное правило: „моя изба съ краю, ничего не знаю“?. Гдѣ *нравственныя* побужденія къ дружной общей дѣятельности, какой властно требуетъ отъ Европы ближайшее будущее? И какая нравственность возможна на почвѣ торжествующаго эгоизма?

„Вѣрованія и убѣжденія“ эгоизма глубоко проникли и въ „массы“ западнаго населенія. Это общепризнанный основной принципъ государственной, общественной и частной жизни Европы. Нашъ народъ только въ верхнихъ слояхъ проникся логикою и психологіею эгоизма. Онъ еще „народъ“, а не массы и не толпа. Онъ чувствуетъ и сознаетъ, что у него есть одно общее дѣло, ради котораго онъ готовъ на всякія личныя жертвы. Онъ еще не распылилъ своей живой и крѣпкой души по кучкамъ маленькихъ единицъ и маленькихъ эгоизмовъ. Онъ еще способенъ къ великимъ думамъ и безкорыстному служенію своей правдѣ. Пусть онъ не знаетъ въ подробностяхъ, быть можетъ, роковыхъ вопросовъ міровой политики, но онъ отлично знаетъ и чувствуетъ, какъ надо жить, чтобы быть сильнымъ и крѣпкимъ народомъ, чтобы не бояться за будущее. Онъ не читалъ

Digitized by Google

и—дастъ Богъ—не будетъ читать Ницше, но Ницше могъ бы поучиться у него тому, что такое „желаніе традицій, авторитета, отвѣтственности, упроченной вѣками, солидарности, простирающейся на цѣлыя столѣтія въ прошедшемъ и будущемъ". Онъ знаетъ, что *дружная* жизнь—залогъ прочности и устойчивости. Въ борьбу, даже классовую, онъ не вѣритъ и не повѣритъ.

Это дастъ возможность спокойной и безпристрастной оцѣнки той постоянной, хотя всегда легкомысленной проповѣди эгоизма, которую болѣе полувѣка ведетъ наша интеллигенція въ стихахъ и въ прозѣ, въ мнимо-научныхъ статьяхъ и мнимо-художественной беллетристикѣ. Къ внѣшнимъ юридическимъ формамъ она зоветъ народъ, который привыкъ жить и думать „по Божьи", по правдѣ и совѣсти, по нравственному началу, который знаетъ, что безжизненныя формы выписной и школьной юстиціи не устраняютъ зла и насилія, подлога и обмана, пристрастія и произвола. Онъ сознаетъ, что одного чувства законности мало, чтобы вершить людскія дѣла, чтобы въ схоластическихъ формальностяхъ искать живой правды и справедливости. Онъ сознаетъ, что правда не въ буквѣ закона, а въ совѣсти судьи, которая, при полной внѣшней легальности дѣла, можетъ быть очень и очень тенденціозной. Юридическія формы вполнѣ удовлетворяютъ почти безжизненную совѣсть тѣхъ эгоистовъ, которые ради частныхъ интересовъ совсѣмъ забыли общее дѣло. Для большаго дѣла—нужна и большая совѣсть, нужны и великія—непремѣнно, нравственныя—побужденія. Свести *всю* жизнь народа *только* къ внѣшнимъ и отвлеченнымъ формамъ—значитъ, не вѣрить въ его творческую силу, въ его живую душу, въ его совѣсть и великія думы народа мѣнять на пошлые помыслы житейской суеты. Это значитъ, стать мечтателемъ, т. е. метафизикомъ и нигилистомъ.

XXVIII.

Попробуемъ поближе разсмотрѣть то глубоко-печальное и несомнѣнно глубоко-постыдное явленіе въ жизни русской интеллигенціи, которое я называю „логикою и психологіею единичныхъ, часто исключительныхъ фактовъ". Само собою разумѣется, что такое явленіе возможно только тамъ, гдѣ пестрыя и несогласованныя общенародческія начала берутъ верхъ надъ притихшимъ и отброшеннымъ въ сторону общенароднымъ началомъ.

Мы уже отмѣтили нѣсколько краснорѣчивыхъ и поучительныхъ фактовъ изъ этой категоріи въ нашей беллетристикѣ. Признаками таланта считаются здѣсь изысканность нелѣпости и виртуозность

Digitized by Google

безумія. Кривляющаяся и надуманная манера въ выборѣ словъ при описаніи самыхъ простыхъ чувствъ и ощущеній, не заключающихъ въ себѣ ничего характернаго и типическаго, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣйствію и сюжету,—фантастическій выборъ фантастическихъ сюжетовъ, гдѣ единичный фактъ пріобрѣтаетъ неизмѣримо широкія очертанія и въ своей нигилистической отвлеченности не оставляетъ возможности рѣшенія или выхода,—свидѣтельствуютъ о томъ, что художественное пониманіе и чутье пропало у авторовъ и читателей, что извращенныя и болѣзненныя чувства сдавили и придушили нормальную дѣятельность мозга, что полуслѣпые филины пришли на смѣну зоркихъ и вдумчивыхъ мастеровъ слова.

Но еще рѣзче и грубѣе проявляется эта извращенная психологія отдѣльныхъ фактовъ на почвѣ общеинородческой зыбучести въ общественной жизни и въ прессѣ.

Всякое единство, даже всякое подобіе единства пропало. Стройной системы общихъ началъ на основаніи сознательнаго подчиненія и соподчиненія отдѣльныхъ звеньевъ, входящихъ въ составъ цѣлаго, нѣтъ. А безъ такой общей системы одинаково немыслимы какъ народъ, такъ и государство. Это уже ночь. Все тонетъ въ туманѣ. По болотамъ тамъ и здѣсь вспыхиваютъ блуждающіе огоньки, своеобразные буревѣстники, признаки нервной и тревожной растерянности. На каждый такой огонекъ бѣгутъ легковѣрные нигилисты и въ неистовомъ восторгѣ кричатъ, что это заря новаго дня, что это уже солнце, настоящее солнце, которое прогонитъ ночь и туманъ, которое согрѣетъ весеннимъ тепломъ коченѣющее въ ночной стужѣ болото. Но блуждающій огонекъ гаснетъ, прежде чѣмъ до него добѣгутъ и бѣдные дикари ждутъ новаго солнца въ новомъ блуждающемъ огонькѣ.

Отмѣтимъ нѣсколько фактовъ.

Мы уже говорили о трагикомическомъ столкновеніи „свободомыслящихъ и свобододѣйствующихъ“ въ горномъ институтѣ. Термины грубы и неуклюжи, какъ грубо и неуклюже все дѣло. Основнымъ нигилистическимъ убѣжденіемъ въ данномъ случаѣ было то, что „большинство“ учащейся молодежи въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи составляетъ центръ тяжести академическаго преподаванія и академической жизни. Никакой другой, высшей и болѣе общей нормы въ сознаніи и совѣсти „заинтересованныхъ“ сторонъ не оказалось. Профессора признавали всѣ права новаго авторитета въ наукѣ и постановкѣ учебнаго дѣла. Хорошо-ли, худо-ли, но Коноваловъ стоялъ за болѣе общее и болѣе высокое начало, чѣмъ капризная воля случайнаго большинства учащейся молодежи.

Фактическую сторону дѣла оставляю въ сторонѣ, беру только схему вопроса. Поднялись „идейные“ и „принципіальные“ споры.

Digitized by Google

Въ этихъ спорахъ прямо и категорически высказывалось общенигилистическое или, правильнѣе, общенародческое убѣжденіе, что и въ дѣлѣ науки не должно быть общаго начала, покрывающаго и обнимающаго всѣ подробности и частности, весь составъ учебнаго заведенія отъ директора или ректора до экзаменующагося новичка. Центральная мысль должна быть устранена совсѣмъ; дѣло рѣшаютъ окраинныя воли по принципу большинства. Самая возможность единства и единенія, внѣ покорности этому случайному и очень некомпетентному большинству, признается признакомъ отсталости и застоя и провозглашается какая-то никому невѣдомая „свобода“ отъ всякой дисциплины и организаціи. Начала дезорганизаціи и анархіи торжествуютъ надъ началами просвѣщенія и порядка. Мысль дробится и мельчаетъ, распыляясь по большинству и меньшинству, по группамъ и единицамъ учащей зрѣлости и учащейся незрѣлости, которая отъ старыхъ дней корень ученія признавала горькимъ и иногда, даже въ большинствѣ, учиться не хотѣла, что прежніе педагоги знали хорошо.

При такой постановкѣ дѣла вопросъ оказался совершенно неразрѣшимымъ. Или закрывай всѣ высшія учебныя заведенія, ибо теперь всѣ они проникнуты однимъ духомъ, или подчини науку и строй ея жизни въ школѣ случайному большинству учащихся. И въ концѣ концовъ парты взяли верхъ надъ каѳедрой.

Въ школу проникла политика и превратила ее въ какой-то многоплеменный австрійскій парламентъ. Нужно все тонкое, но въ сущности постыдное искусство бывшаго австрійскаго министра Кербера, чтобы лавировать между народностями, обманывать и раздувать племенныя страсти, входить въ рискованныя сдѣлки и совершенно недозволительные компромиссы и забывать простое и серьезное дѣло ради партійныхъ пустяковъ. Школа перестаетъ быть школой, сохраняя ея имя. Такая школа никого и ничему не научитъ. Это уже разсадникъ невѣжества и обскурантизма. И это, конечно, потому, что и школа стоитъ внѣ общихъ началъ, объединяющихъ жизнь народа и государства, и превратилась въ жалкую арену низменныхъ общенародческихъ страстей и вожделѣній. И именно поэтому сбитое съ толку общество не видитъ никакого выхода изъ загадочнаго метафизическаго „конфликта“.

Мнимый авторитетъ науки оказался фиговымъ листкомъ, слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы прикрыть огромную прорѣх у полной общественной дезорганизаціи. Профессора, по примѣру студентовъ, науку и академическую дисциплину принесли въ жертву политикѣ, самой безсмысленной и постыдной политикѣ,—дутаго и нигилистическаго общенародческаго начала ради раздора и разъединенія.

Развѣ это не признакъ „презрѣнной“ маніи и еще болѣе пре

Digitized by Google

зрѣннаго обскурантизма, приниженности и нечистоплотной вульгарности мышленія?

Не ясно-ли, что при такомъ академическомъ составѣ ни наука, ни школа невозможны? Молодые люди всей земли, всѣ русскіе по имени,—не могутъ учиться вмѣстѣ и слишкомъ преждевременно тратятъ свои молодыя силы на темную, безсмысленную и безполезную политическую борьбу?

XXIX.

Возьмемъ другой примѣръ. Изъ всѣхъ живыхъ и реальныхъ условій и нормъ жизни русскаго народа выдѣляется и обособляется, какъ нѣчто совершенно самодовлѣющее и исключительное, такъ называемый еврейскій вопросъ. Его ставятъ внѣ связи съ общимъ ходомъ жизни и съ племенными особенностями „заинтересованныхъ" сторонъ. Онъ стоитъ внѣ очереди. Его надо рѣшать всегда и каждую минуту сейчасъ же и радикально по всей строгости нигилистической метафизики.

Еврейскіе погромы пріобрѣтаютъ какія-то фатальныя, стихійныя очертанія. Дѣло великаго угнетенія и насилія съ одной стороны,—мученики за идею съ другой. Живыя и реальныя причины этихъ прискорбныхъ событій совершенно игнорируются. Въ нигилистически-отвлеченной, формѣ по шаблонамъ запада, незнакомаго съ русскимъ еврействомъ, обобщаются внѣшніе признаки и дѣло пріобрѣтаетъ видъ гнуснѣйшаго насилія, величайшей несправедливости, незаслуженной обиды. *Русскій народъ* обвиняется въ жестокости и человѣконенавистничествѣ, въ дикихъ и разнузданныхъ инстинктахъ разрушенія и грабежа. Это *безпричинная* злоба, природная черта народнаго сердца. Русскій народъ—это озвѣрѣлый скотъ, который надо уничтожать вооруженною силой. За послѣднее время мы имѣемъ не мало примѣровъ такой общеинородческой логики. Правда, эта логика допускаетъ и другой варіантъ, во всемъ обвиняя „подстрекателей", но этотъ полемическій пріемъ уже слишкомъ не серьезенъ, такъ какъ имъ отнюдь нельзя объяснить такое общее, широкое и сложное явленіе.

И опять этотъ вопросъ, выдѣленный изъ общихъ нормъ жизни, ставшій метафизическимъ и абсолютнымъ, абсолютно неразрѣшимъ, ибо герои общеинородческой логики требуютъ его абсолютнаго рѣшенія по абсолютной формулѣ: для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Вѣдь нельзя же считать его рѣшеніемъ—истребленіе „озвѣрѣлаго скота". При такой нигилистической постановкѣ дѣла не остается мѣста и для правомѣрнаго судебнаго рѣшенія. Если, какъ въ гомельскомъ

Digitized by Google

дѣлѣ, судебное установленіе не обнаруживаетъ тенденціи стать, проявивъ явное пристрастіе, на сторону общеинородческой идеи, его подвергаютъ общееврейскому хериму по всей общеинородческой прессѣ, дѣлаютъ скандалъ и пытаются сорвать дѣло. Только то судебное рѣшеніе признается правосудіемъ, которое отрекается отъ центральной идеи ради окраинной сплоченности. Если интересы цѣлаго не приносятся въ жертву интересамъ частей, со всѣхъ сторонъ сыплются обвиненія въ узкомъ націонализмѣ и квасномъ патріотизмѣ.

Опять нѣтъ единства, опять нѣтъ системы, опять мѣсто центра занимаютъ периферіи, мѣсто цѣлаго занимаютъ части и искусственно-обособленное явленіе жизни принимаетъ фантастическія черты метафизическаго абсолюта. Да при такой постановкѣ дѣла, конечно, и не можетъ быть ни системы, ни единства. Появляется сама собою та „нервность“, та „презрѣнная манія“, о которой говорилъ Ницше и которая является не ложнымъ признакомъ умственнаго и нравственнаго одичанія общества.

И въ залѣ судебныхъ установленій, какъ въ совѣтѣ и аудиторіяхъ высшихъ школъ, приходится балансировать, лавировать, входить въ сдѣлки и компромиссы на явно политической почвѣ, „страха ради іудейска“, т. е. общеинородческой прессы, которая проявляетъ огромное мастерство въ подведеніи балансовъ. При такихъ условіяхъ открывается возможность того, что и Ѳемида станетъ уклончивой и лукавой и пріобрѣтетъ манеры и слогъ дипломата. А это, конечно, было бы полнымъ паденіемъ правосудія.

Если судъ станетъ такимъ-же тенденціознымъ, какъ органы „передовой“, т. е. общеинородческой прессы,—что останется отъ русской правды?

XXX.

Забастовали рабочіе. И погасли всѣ огни, даже электрическіе фонари въ городѣ. Темные и удушливые пары поднялись изъ метафизическихъ головъ, скопились въ туманы и черными тучами повисли надъ городомъ и провинціей. Растетъ, какъ снѣжный комъ, скатываясь съ горы, какой-то необъятный призракъ. Выхода нѣтъ. Произошла какая-то стихійная катастрофа и оборвала всѣ нити жизни. Что-то фатальное, непостигаемое и непостижимое надвинулось внезапно и неожиданно, какъ чума или холера,—и спасенія нѣтъ.

Впрочемъ, спасеніе есть. Это—конституція. Волшебное, магическое слово! Оно сильнѣе даже стихійной эволюціи. Она одна спасетъ, она выручитъ и прогонитъ мракъ и ночь и новымъ солнцемъ

Digitized by Google

засіяетъ надъ русскою землею. Напрасно мы стали бы спрашивать какъ и почему? Отвѣта не будетъ. Она въ свое время спасала западъ. Спасла-ли она его и отъ чего именно спасла,—остается вопросомъ. Аргументъ одинъ. Такъ было на западѣ, значитъ, такъ должно быть и у насъ. Только для головы, которая никогда не думала и не привыкла думать, которая всѣ вопросы жизни рѣшаетъ сплеча и наобумъ, которая мыслитъ словами, а не понятіями, это дикое и и нелѣпое подобіе аргумента можетъ показаться убѣдительнымъ.

Противъ стихійной катастрофы фабричной забастовки и уличныхъ безпорядковъ есть одно, тоже стихійное средство — конституція. Вопросъ рѣшается просто, но совершенно метафизическимъ путемъ, т. е. для всѣхъ вѣковъ и народовъ, т. е. внѣ времени и пространства. За этимъ схоластическимъ педантизмомъ не слышно не только разумнаго, но и живого голоса. Столкнулись, сперлись корешками и не могутъ расцѣпиться книги, популярныя и непопулярныя, бодаются, какъ разъяренные козлы, и не даютъ другъ другу дороги. Школьный силлогизмъ, съ его случайными и произвольными посылками, пріобрѣтаетъ значеніе реальнаго абсолюта и, какъ новый Молохъ, пожираетъ новыхъ младенцевъ съ мозгами и внутренностями.

А казалось бы, на дѣло можно было бы посмотрѣть гораздо проще. Допустимъ на минуту, что забастовка не стихійное явленіе, что ее подготовляютъ, организуютъ и направляютъ люди, что и она, какъ все на свѣтѣ, разумна не стихійностью отвлеченной жизни, а сознательностью ея организаторовъ и участниковъ. Если разумъ убѣжалъ въ какія-то стихійныя „массы“, нельзя ли вернуть его на мѣсто постояннаго жительства, въ человѣческую голову? Не явится ли тогда возможность пониманія и критики?

Забастовку задумали и осуществили люди. Конституцію задумали и будутъ проводить тоже люди. Ни въ той, ни въ другой нѣтъ ничего фатальнаго и стихійнаго. Люди, которые придали такую метафизическую оболочку для забастовки рабочихъ, имѣли свои опредѣленныя цѣли. Люди, которые мечтаютъ о конституціи, тоже имѣютъ свои опредѣленныя цѣли. Если взвѣсить и опредѣлить цѣли демонстрацій и отвлеченной конституціи,—отъ стихійности и слѣда не останется. Тогда, напримѣръ, аргументація ветеринаровъ, по которой выходитъ, что для успѣховъ скотолеченія въ Россіи необходимъ представительный образъ правленія, покажется искусственною и неубѣдительной. Такою-же покажется и аргументація педагоговъ, которые высказались противъ „самодержавно-бюрократическаго строя“, потому что именно онъ въ школѣ стѣсняетъ свободу преподаванія и мѣшаетъ каждому педагогу вести все дѣло на свой личный страхъ и отвѣтственность.

Digitized by Google

Но какъ только мы станемъ на реальную почву, подъ нами начинаетъ колебаться и эта почва. Общаго дѣла нѣтъ, есть только частныя дѣла. Центра нѣтъ, есть периферіи; цѣлаго нѣтъ, есть только части. Только при такомъ обманѣ зрѣнія и возможны колебанія почвы вдали отъ вулкановъ и гейзеровъ. Да на самомъ дѣлѣ и почва не колеблется, а шатаются мысли, не прикрѣпленныя къ центру, а поэтому подвижныя и легкія. Общеиноредческая тенденція по всей линіи смыкается противъ общерусской линіи и „борьба въ открытую и до конца—таковъ лозунгъ нашихъ дней"!—какъ говоритъ Г. Н. Штильманъ въ газетѣ „Наши Дни".

„Биржевыя Вѣдомости" въ передовой статьѣ говорятъ о томъ исключительномъ вниманіи, съ какимъ теперь Западная Европа смотритъ на Россію.

„Что же собственно случилось съ нашей страною и чему оно обязана особымъ, небывалымъ центральнымъ положеніемъ, которое она заняла въ повседневной жизни всего міра? Обнаружился-ли въ ея лицѣ новый „больной человѣкъ", съ весьма заманчивымъ наслѣдствомъ, въ видѣ одной шестой части поверхности земного шара"?

„Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ"!—энергично увѣряетъ авторъ статьи Но тогда къ чему же и этотъ вопросъ? Если черезъ эту тысячу, „нѣтовъ" прозвучитъ одинъ только разъ „да", никакіе „нѣты" не помогутъ.

Говоря вообще, между уличною демонстраціею и конституціею нерасторжимой логической связи не существуетъ. Конституція, какъ выводъ, не слѣдуетъ необходимо изъ посылокъ демонстраціи. И нужна совершенно новая складка въ діалектикѣ и декламаціи, чтобы придать той причудливой игрѣ ума видъ силлогизма. Реальнымъ моментомъ въ этой метафизической мишурѣ является только общеиноредческое начало въ его антагонизмѣ и въ его борьбѣ съ началомъ общерусскимъ.

Другими словами, и въ государственной области, какъ въ текущей беллетристикѣ, въ современной школѣ и судѣ, проектируется балансированіе, уступки, сдѣлки, компромиссы, половинчатость, потомъ дряблость и распыленность, отсутствіе общихъ началъ и идей, нигилистическое обобщеніе единичныхъ фактовъ, политиканство, нервность и „презрѣнная манія" маленькихъ частей въ ихъ мелочной и низменной борьбѣ съ цѣлымъ, т. е. торжество одинокаго эгоизма въ его противоположности общему дѣлу, торжество маленькихъ думъ и маленькихъ чувствъ, т. е. торжество посредственности и обскурантизма.

Digitized by Google

XXXI.

Вполнѣ естественно, что при такомъ, какъ говорили въ XVIII в., „умоначертаніи" нашей интеллигенціи многіе Донъ-Кихоты въ твердой надеждѣ на побѣду вступаютъ въ бой съ вѣтряными мельницами, а иногда даже съ самыми лучшими своими друзьями и союзниками. Не мало искусственности, лицемѣрія и комизма въ тѣхъ суровыхъ обличеніяхъ, съ которыми наша интеллигенція ополчилась на бюрократизмъ, будучи сама плотью отъ плоти и костью отъ костей этой бюрократіи. Стоять за бюрократизмъ мы не видимъ никакой надобности и вовсе не для его защиты мы поднимаемъ этотъ вопросъ. Здѣсь насъ интересуютъ только черты сходства и различія между интеллигенціею и бюрократизмомъ.

Считаемъ не безполезнымъ для выясненія этого дѣла привести то, что два года тому назадъ мы говорили въ „Русскомъ Вѣстникѣ" по этому вопросу въ статьѣ „О русской національной традиціи". Тамъ мы ставили вопросъ о томъ нигилистическомъ „монизмѣ", который г. Милюковъ видѣлъ въ общественной эволюціи всѣхъ народовъ, хотя, какъ признаетъ и самъ онъ, законы этого историческаго развитія еще не найдены.

„Сравнивая государственную машину московской Руси съ канцелярскими порядками нашего времени, нельзя не отмѣтить одного страннаго совпаденія. Тамъ и здѣсь мы слышимъ жалобы на то, что нѣтъ людей, мало людей. Но въ самомъ содержаніи этихъ, повидимому, одинаковыхъ жалобъ не только большая разница, но даже полная противоположность.

„Нужны были русскіе люди московскому государству. Много ихъ рожала земля, да все же мало для государева дѣла. Каждый, кто рождался отъ русскаго отца и русской матери, былъ гожъ и надобенъ. Для всякаго было мѣсто, была работа. Браку почти не было. Не тамъ, такъ здѣсь, а все-таки пригодится. Только русскія женщины не успѣвали поднимать плотность населенія въ уровень съ возраставшими государственными и земскими потребностями. Выше Бога не будешь.

„Теперь не то. Теперь людей много. Но все это—бракъ. Любой крупный дѣлецъ въ канцелярскихъ сферахъ съ полнымъ убѣжденіемъ скажетъ, что толковыхъ и способныхъ людей для канцелярскаго дѣла мало. Это, вѣроятно, потому, что младшее поколѣніе канцеляристовъ совсѣмъ не понимаетъ, въ чемъ именно оно могло бы проявить свои способности. Къ сожалѣнію, и старшее поколѣніе не можетъ пособить имъ въ этомъ случаѣ, потому что и оно этого не понимаетъ. По нынѣшнимъ временамъ способный молодой чи-

Digitized by Google

новникъ долженъ быть способенъ на все вообще и ни на что въ частности. Онъ долженъ имѣть государственный и энциклопедическій умъ, т. е. геніальную способность гнуться на всѣ стороны одновременно, не отдавая предпочтенія ни одной. Онъ долженъ съ исключительной прозорливостью, почти съ пророческимъ ясновидѣніемъ предвидѣть всѣ возможныя перемѣны въ возможной смѣнѣ вѣяній и теченій, чтобы не оплошать и въ нужную минуту съ одинаковымъ раченіемъ и искусствомъ исполнять входящія и исходящія бумаги въ любомъ направленіи. Эта многосторонность, даже всесторонность способныхъ и дѣльныхъ чиновниковъ, изумительная по факту, развиваетъ геніальные инстинкты приспособляемости, въ ущербъ способности иниціативы и вѣрности традиціи.

„Было бы несправедливо отрицать, что и въ канцелярскомъ быту есть свои незыблемыя традиціи. Но эти традиціи больше касаются положенія штатовъ, движенія по службѣ, распредѣленія командировокъ, окладовъ и наградныхъ, а не сущности дѣла, которое находится въ состояніи постоянной эволюціи. Живое дѣло, втиснутое въ рамки канцелярской традиціи, не узнаетъ самого себя и, повершенное академически, въ сущности обращается въ первобытное состояніе. Взаимное незнакомство не благопріятствуетъ дальнѣйшей общительности и полагаетъ непроходимую преграду для установленія дружескихъ или, по крайней мѣрѣ, благожелательныхъ отношеній.

„Такимъ образомъ бюрократизмъ, какъ начало безусловно метафизическое, создавшееся на основахъ лѣни и корысти, не можетъ рождать собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ, ибо онъ требуетъ отъ человѣка исключительныхъ, прямо не человѣческихъ способностей, въ смыслѣ идеальной и неподражаемой гибкости и приспособляемости.

„На западѣ, гдѣ живое дѣло уже пріобрѣтаетъ нѣкоторыя права на существованіе, клерки, не обременяемые чрезмѣрными требованіями по части геніальности и изворотливости, водятся уже въ гораздо большемъ изобиліи, превышая спросъ, ибо простое, опредѣленное дѣло дѣлать гораздо легче, чѣмъ въ потѣ лица и не щадя живота своего улавливать вѣянія и ставить русло для теченій.

„Вполнѣ естественно, что процентъ талантливости и пригодности московскихъ дьяковъ и подъячихъ значительно превышаетъ процентъ способности среди канцеляристовъ, страдающихъ отъ постоянныхъ колебаній безформеннаго монизма, хотя бы по формуламъ г. Милюкова.

„Само собою разумѣется, что подъячій, рядомъ со служилымъ человѣкомъ или служилымъ земскимъ учрежденіемъ, каковы, напримѣръ, общины, имѣлъ больше возможности быть человѣкомъ, чѣмъ

Digitized by Google

канцеляристъ нашего времени, существо, какъ мы уже говорили, метафизическое, т. е. въ природѣ несуществующее. Излишество способностей на этой послѣдней почвѣ во всякомъ случаѣ явленіе опасное и даже предосудительное, какъ всякая геніальность внѣ цѣлесообразности и осмысленности.

„Канцелярскія способности, какъ и прочія канцелярскія принадлежности, заготовляются хозяйственнымъ способомъ. Карьеризмъ—не одно изъ теченій въ стихійномъ и безсознательномъ потокѣ канцелярской жизни, но общій смыслъ всего процесса, путеводная звѣзда, руль и единственный рычагъ всѣхъ усилій и стремленій въ этомъ открытомъ морѣ.

„Сходство между теоріею г. Милюкова и канцелярскимъ строемъ поразительно. Монизмъ, т. е. единство принципа научнаго объясненія, а значитъ, и дѣйствительной жизни, даетъ ему понятіе закономѣрности, признаніе которой обязательно даже и въ томъ случаѣ, если никакихъ законовъ не будетъ открыто. Значитъ, пока это пустое понятіе, готовое наполниться любымъ содержаніемъ. Въ канцелярской жизни закономѣрности соотвѣтствуетъ карьеризмъ, какъ искусство строить на любой почвѣ, въ любомъ стилѣ. Стремленіе то-же пустое, сила котораго состоитъ именно въ томъ, что оно пусто, т. е. способно въ любую минуту въ растяжимую форму влить любое направленіе, не примѣняя къ нему „идеальной мѣрки“ и „нравственнаго“ экзамена.

„Эту параллель можно было бы провести очень далеко и демонстрировать и въ деталяхъ и частностяхъ. Но и этого вполнѣ достаточно для того, чтобы установить кровное родство между бюрократіей и интеллигенціей. „Быстрая смѣна идеаловъ“—ихъ общій характерный признакъ. Они одинаково находятся въ состояніи эволюціи, т. е. постояннаго измѣненія, когда при каждой новой перемѣнѣ начальства упраздняются всѣ прежнія „традиціи“. Тамъ и здѣсь—царство „проектистовъ“.

„Иногда интеллигенція дѣлаетъ видъ, что она нападаетъ на самыя основы канцелярскаго строя. Но это отводъ глазъ. Тогда она нападаетъ на историческія основы жизни русскаго народа, на сущность національной традиціи. На канцелярскій-же строй ей нападать нечего: только при немъ она могла родиться и окрѣпнуть. Это ея единственный оплотъ, ибо при сознательной жизни всего населенія страны ей мѣста нѣтъ, такъ какъ цѣли и стремленія всего населенія сложились и слагаются на исторической почвѣ. Канцелярскій же строй даетъ ей возможность пользоваться иногда и его рычагами и лебедками для подъема на неожиданную высоту интеллигентныхъ тяжестей. Во всякомъ случаѣ, это—ягоды одного поля“.

Въ исторіи русской жизни русская интеллигенція только тогда

Digitized by Google

получала нѣкоторое значеніе и вліяніе на жизнь, когда она находила поддержку въ тѣхъ или другихъ представителяхъ бюрократіи. Ея побѣды сдѣланы руками бюрократовъ: тѣми-же руками остановлены и ея набѣги. Наша интеллигенція—это пестрый и многоцвѣтный эфемеридъ, порхающій съ бюрократическаго цвѣтка на цвѣтокъ по метафизическому полю, которое мало-по-малу волею злого рока превращается въ нигилистическій пустырь. Ея призрачная сила пріобрѣтаетъ блѣдный оттѣнокъ реальности только въ канцелярскихъ „проектахъ и проектистахъ", хотя и канцелярскіе проекты—дѣти сѣвера: „какъ здѣшнія растенія, цвѣтутъ недолго, быстро увядаютъ". Жизнь ихъ не беретъ и выпихиваетъ ихъ изъ себя въ архивы и синодики нигилистическихъ воспоминаній.

XXXII.

„Бюрократъ—по самой своей профессіи монистъ и метафизикъ. Онъ всегда стремится къ упрощенію формъ производства, къ единообразію, а при возможности и къ единству".

Г. Милюковъ видѣлъ великій прогрессъ въ томъ, что государство отмѣняло круговую поруку общинъ и артелей и ставило плательщика въ „непосредственныя отношенія" къ органамъ власти.

„Съ точки зрѣнія метафизика-бюрократа, посредникомъ между гражданиномъ и властью является только онъ, бюрократъ. Надо установить „непосредственныя отношенія" къ „каждому отдѣльному подданному", надо ради сокращенія переписки и все подвести „къ одному знаменателю". Но что же въ этомъ хорошаго? Почему это прогрессъ? Правда, при общинномъ самоуправленіи дѣятельность государственной организаціи обходится дешево. Но почему это дурно? Если такой порядокъ вещей, при всей его дешевизнѣ, болѣе соотвѣтствуетъ привычкамъ и интересамъ населенія, легче приспособляется къ своеобразнымъ особенностямъ каждой данной мѣстности, больше удовлетворяетъ чувство законности и справедливости,—онъ хорошъ и не нуждается въ отмѣнѣ и замѣнѣ, хотя бы, съ точки зрѣнія западника, онъ и не отвѣчалъ идеѣ прогресса. Это во всякомъ случаѣ участіе земскихъ людей въ государевомъ дѣлѣ, исконная „служба" каждаго русскаго человѣка".

Съ начала XVIII в. государево дѣло перестало быть земскимъ дѣломъ.

„Подъ проливнымъ канцелярскимъ дождемъ основныя перспективы народной жизни все дальше и дальше уходили въ мечтательныя потемки. Прежняя традиція, которая безъ чернилъ и бумаги была записана въ сердцѣ у каждаго человѣка, которая и у безъ-

Digitized by Google

письменнаго человѣка замѣняла иногда политическій тактъ и государственную мудрость, тускнѣла и теряла жизненность, потому что государево дѣло дѣлали не тѣ люди, которые жили и работали на землѣ. Рождались уже химерическія мечты о всепожирающемъ „монизмѣ“, о зловредной метафизической гадинѣ, диктующей всѣмъ племенамъ и народамъ одинаковые законы. Содержаніе и направленіе народной жизни вмѣнилось ни во что ради весьма сомнительнаго „блаженства рода человѣческаго“.

„И когда дворянство „эмансипировалось“, оно оказалось совсѣмъ не у дѣлъ. Его мѣсто было уже занято. Переставъ быть „привиллегированнымъ сословіемъ“, оно не могло по-прежнему стать служилымъ сословіемъ. Оно наполнило собою ряды „интеллигенціи“ съ ея „непоколебимостью скептицизма“, съ ея „отрицательностью всякаго содержанія“, съ ея полною оторванностью отъ жизни. „Кающійся дворянинъ“,—трагикомическое явленіе нашихъ дней,—устраненный отъ живой практической работы, сталъ строить воздушные замки и въ минуты особаго благодушія даже мечтать „о перерожденіи всего человѣчества“. Въ этихъ—собственно гинекологическихъ—потугахъ онъ сталъ терять историческое чутье и завѣты національной традиціи. Теперь ему кажется, что онъ, какъ гора, чреватъ чѣмъ-то великимъ и грандіознымъ, а мышенята радуются, съ полнымъ правомъ ожидая отъ него пополненія своей семьи.

„На этой почвѣ, по своему легкомыслію, благодушію и устраненности онъ за панибрата сошелся съ другими, уже разъѣдающими, острыми и очень реальными международными элементами такъ называемой интеллигенціи. Такого „историческаго процесса“, пожалуй, и на Западѣ не бывало, потому что и тамъ округа и графства никогда не пользовались правами международности и дипломатической экстерриторіальности, потому что и тамъ измѣна завѣтамъ прошлаго никогда не считалась добродѣтелью.

„Единственнымъ содержаніемъ жизни цѣлаго поколѣнія, его единственнымъ завѣтнымъ идеаломъ, самою плѣнительною мечтою стала „постоянная измѣна русской національной традиціи“. Конечно, тѣ дворяне, которые все еще сидятъ на землѣ, неповинны въ этихъ крокодиловыхъ слезахъ, въ этомъ неоплатномъ долгу передъ народомъ, въ этомъ мечтательномъ покаяніи, которое, чтобы покончить съ долгомъ, несетъ народу потрепанныя книжки и брошюры Энгельса и Маркса.

„Планомѣрное и закономѣрное развитіе русскаго историческаго процесса ведетъ къ тому, что крестьянство, оставаясь тяглымъ и податнымъ сословіемъ, должно будетъ взять на себя часть заботъ и обязанностей служилаго сословія и отвѣтственность за земское, а въ предѣлахъ земскаго и за государево дѣло. Да и не впервой ему

Digitized by Google

и нести эту службу. Въ исторіи русской жизни это уже не разъ бывало. Въ жизни русскаго народа, какъ это доказалъ полувѣковой опытъ, мѣсто служилаго сословія не можетъ оставаться вакантнымъ".

XXXIII.

Какъ же тогда понять эту нежданную бурю, этотъ взрывъ вражды къ бюрократіи? Развѣ обѣ стороны не однимъ масломъ мазаны, не однимъ лыкомъ шиты? Развѣ бюрократія не вѣритъ тому, что Европа пятая часть свѣта? Развѣ она не вѣритъ тому, что „всеобщая" исторія дѣлится на древнюю, среднюю и новую, причемъ два послѣднихъ періода наполнены исторіею германо-романскаго міра? Развѣ она не вѣритъ тому, что законы историческаго развитія одинаковы для всѣхъ народовъ и болѣе культурная страна въ каждой подробности своей жизни указываетъ менѣе культурной странѣ фазисы ея дальнѣйшаго развитія? Развѣ она не вѣритъ тому, что эгоизмъ — единственный рычагъ человѣческой дѣятельности и наслажденіе единственная цѣль всѣхъ стремленій и желаній? Развѣ она не вѣритъ въ борьбу, въ борьбу за существованіе, въ классовую борьбу, въ борьбу за власть, за землю, за право? Развѣ она не вѣритъ въ фатальный прогрессъ и стихійную эволюцію, которые сами собою, безъ вѣдома и участія людей, дѣлаютъ въ какой-то таинственной лабораторіи великое и доброе дѣло? Развѣ она не вѣритъ тому, что между человѣкомъ и животными нѣтъ различія, что человѣкъ это хитрая бѣлокурая бестія, bête humaine? Развѣ она не вѣритъ тому, что между мужчиною и женщиною нѣтъ различія и что женщина есть безбородый мужчина только меньшаго роста? Развѣ она не вѣритъ тому, что между нравственностью и стремленіемъ къ счастью нѣтъ различія и что нравственно только то, что ведетъ къ нѣкоторой пользѣ?

Было бы клеветой на интеллигентность нашей бюрократіи, если бы кто-нибудь сталъ указывать, что наша бюрократія не раздѣляетъ всѣхъ „вѣрованій и убѣжденій" нашей интеллигенціи. Она вѣритъ, всему вѣритъ и вѣритъ такъ-же слѣпо и неразсудительно, какъ вѣрятъ самые непроницаемые интеллигентные лбы.

Въ чемъ-же дѣло? Или она вѣритъ только въ тучныхъ коровъ фараонова сна и не вѣритъ въ тощихъ, которыя безъ разстройства желудка пожрали тучныхъ? Т. е., совпадая въ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ съ интеллигенціею по всей линіи отрицаній нигилизма, такъ сказать, общечеловѣческаго, она не отдаетъ должнаго респекта догмамъ нигилизма общенародческаго, второй по времени смѣны фараонова сна? Слишкомъ упорно стоитъ за цѣлое противъ частей, пользующихся отличнымъ аппетитомъ? Стоитъ за центръ противъ периферій, которыя не прочь стать центромъ? Стоитъ за общія

Digitized by Google

начала, за общія идеи, за общее благо противъ частныхъ и мѣстныхъ интересовъ и вожделѣній? Стоитъ за великія цѣли и великія думы великаго народа противъ поэзіи и философіи отдѣльныхъ фактовъ и исключительныхъ положеній? Развѣ она пытается удержать „презрѣнную манію“ маленькихъ инородцевъ?

Такъ-ли это? Не вѣрнѣе-ли было бы сказать, что термометръ общеинтеллигентнаго подъема показываетъ тѣ градусы, которые указаны бюрократическимъ перстомъ?

Мы уже говорили, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, кому собственно принадлежитъ право опеки надъ „невѣжественнымъ и темнымъ“ русскимъ народомъ. Здѣсь различіе не по существу дѣла, а только въ степени убѣжденности. Интеллигенціи кажется, что бюрократія недостаточно убѣждена какъ въ догмахъ общечеловѣческаго, такъ и въ догматахъ общенародческаго нигилизма, что она недостаточно радикальна, что она не энергично ведетъ „борьбу въ открытую и до конца“, какую рекомендуетъ г. Штильманъ. „Крайнія“ партіи интеллигенціи не могутъ простить бюрократіи сдержанности и осторожности. Имъ кажется, что бюрократія не достаточно благонадежна по вопросу о введеніи въ государственную и общественную жизнь, въ законы и школы страны общенародческаго начала въ отмѣну начала общерусскаго. Это нетерпѣливость и торопливость тѣхъ „проектистовъ“, которыхъ со временъ Бирона на Руси бывало не мало.

И надо думать, что ихъ было бы много меньше, если бы у насъ не было войны, при которой спокойное и вдумчивое рѣшеніе вопросовъ огромнаго историческаго значенія невозможно.

XXXIV.

Забавно, что интеллигенція порою и сама сознаетъ, что ей не къ лицу спорить и тягаться съ бюрократіей. За послѣднее время вмѣсто обычной формулы противопоставленія: „интеллигеція и бюрократизмъ“, пущена въ ходъ другая: „земство и бюрократія“. Это, конечно, умнѣе и правдоподобнѣе. Но, чтобы остановиться на этой формулѣ, надо признать, что интеллигенція, сама по себѣ, какъ такая, ничего противъ бюрократіи поставить не можетъ, что обѣ онѣ вполнѣ солидарны по самымъ существеннымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, что интеллигенція не есть какая-либо реальная сила, съ которою надо вѣдаться и считаться, что она какой-то метафизическій фантомъ, что-то въ родѣ тѣхъ вѣтряныхъ мельницъ, съ которыми борются только донъ-Кихоты. Разъ выдвигаютъ противъ бюрократіи другое, болѣе опредѣленное и реальное начало въ видѣ земства, то это можетъ значить только то, что втихомолку

Digitized by Google

признаютъ несостоятельность, безпочвенность и безжизненность перваго начала, болѣе пространнаго, но и болѣе туманнаго, т. е. интеллигенціи.

Одинъ московскій адвокатъ съ легкомысліемъ, столь свойственнымъ этой почтенной корпораціи, ради эффекта бросилъ красивое слово про „земщину“ противъ „опричнины“, конечно, по адресу бюрократіи. Много хорошаго напомнило это, къ сожалѣнію, слишкомъ крылатое слово. Свѣтлыя думы и воспоминанія будило оно въ сердцѣ. Но слово было слишкомъ многокрылымъ, какъ всѣ слова, пущенныя только для эффекта, и немедленно, какъ-бы чего-то стыдясь, исчезло въ пространствѣ. Самъ ораторъ не могъ не сознавать, что „земщины“ давно уже нѣтъ, а есть „земство“ по губерніямъ и уѣздамъ. Если бы онъ захотѣлъ ближе подойти къ дѣйствительности, онъ сказалъ бы: „опричнина“, т. е. бюрократія, интеллигенція и земство, противъ „земщины“, т. е. русскаго народа.

Эта новая формула можетъ возбуждать ту иллюзію, будто бы на текущемъ счету русской жизни есть другія духовныя цѣнности, кромѣ интеллигенціи съ ея „вѣрованіями“ и народа съ его вѣрою,— какіе-то особенно-мѣстные люди, прямо таки „свѣдущіе“, дошлые спеціалисты по части деревни и въ то же время вѣрные „культурной традиціи“, люди ума если не двойнаго, то двойственнаго, ума на обѣ стороны, которому открыты и „свѣтлыя области идеала“ и налитая требуха мужицкаго невѣжества. Возникаетъ представленіе о чемъ-то сложномъ, даже противоестественномъ, почти гибридномъ. На теплой постели застоявшагося пруда нѣжится и качается обольстительная Сальмацида, великолѣпный гермафродитъ въ пластическихъ гекзаметрахъ Овидія.

Съ легкой руки гг. Розанова и Мережковскаго и другихъ великихъ и малыхъ мастеровъ теургіи, у насъ на незыблемой основѣ укрѣпилась вѣра въ „перерожденіе человѣчества“ и въ „новую породу людей“. Что-же? Можно допустить и это, если на слово повѣрить ихъ изступленному порно-мистицизму и веселой насмѣшливости геніальнаго творца „Метаморфозъ“.

Тогда возникаетъ вопросъ, дѣйствительно-ли у насъ завелась и расплодилась порода мѣстныхъ и свѣдущихъ людей, одинаково близкихъ какъ къ народу, такъ и къ интеллигенціи? Или-же это только одна изъ разновидностей помѣстной интеллигенціи и помѣстной бюрократіи?

Но вопросъ сложенъ и его придется отложить до слѣдующаго раза.

Н. М. Соколовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

П. Д. Голохвастовъ

о Русскомъ Государственномъ строеніи и земскомъ соборѣ.

Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ справедливо можетъ считаться однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей второй половины XIX вѣка. Онъ не занималъ какого-либо виднаго общественнаго положенія. Сначала былъ міровымъ судьею въ нижегородскомъ уѣздѣ, а затѣмъ нѣкоторое время управлялъ Ташинскимъ желѣзнымъ заводомъ. Оставивъ заводъ, онъ жилъ въ своемъ подмосковномъ помѣстьѣ. Какъ дѣятель литературный, Павелъ Дмитріевичъ не далъ ни обширныхъ, ни законченныхъ трудовъ. Но уже напечатанныя въ 1886 г. памятникахъ въ общества любителей древней письменности: „Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго“, обратили на себя общее вниманіе своею необычайною глубиною пониманія народнаго русскаго языка, чуткимъ пониманіемъ русской исторіи и русскихъ народныхъ задачъ. Онъ помѣщалъ свои статьи въ „Русскомъ Архивѣ“ и особенно въ изданіяхъ И. С. Аксакова. Всѣ выдающіеся москвичи искали сближенія съ П. Д. Голохвастовымъ, сдѣлавшимся виднымъ дѣятелемъ среди народной (славянофильской) партіи. Его переписка съ И. С. Аксаковымъ, И. Н. Страховымъ и гр. Л. Н. Толстымъ любопытна и поучительна [1].

Въ періодъ русской смуты, начавшейся послѣ безславнаго для насъ Берлинскаго конгресса и кончившейся позоромъ русскаго народа—убіеніемъ Царя Освободителя, П. Д. Голохвастовъ пришелъ къ убѣжденію, что исправить тяжкое положеніе дѣлъ можно только вернувшись къ преданіямъ старины и созывомъ Земскаго Собора.

Вполнѣ подготовленный своими предъидущими неустанными трудами по русской исторіи и русскому народному эпосу, П. Д. Голохвастовъ сталъ неустанно трудиться надъ дѣломъ

[1]) Отецъ П. Д. Голохвастова Димитрій Павловичъ († 1849 г.) былъ попечителемъ Московскаго округа. Это былъ настоящій русскій человѣкъ. Его сочиненія: Объ осадѣ Троицкой Лавры», «Голосъ въ защиту русскаго языка», и др. весьма замѣчательны. Онъ издалъ «Домострой попа Сильвестра». Немудрено, что Павелъ Дмитріевичъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ полюбилъ и узналъ русскій народъ и русскую исторію.

Digitized by Google

созыва Земскаго Собора и рѣчи его, и теперь, спустя тридцать лѣтъ, также свѣжи, какъ и тогда, когда онѣ впервые произносились [1]).

Въ 1878—1879 г.г. П. Д. Голохвастовъ окончательно укрѣпился въ сознаніи неотложности земскаго собора и сталъ уже громко пропагандировать эту мысль.

10 декабря 1879 г. въ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву Голохвастовъ, описывая состоянія умовъ въ окрестностяхъ Воскресенска, въ концѣ письма ставитъ уже прямо вопросъ о земскомъ соборѣ. Ниже мы приводимъ изъ этого письма вторую половину:

„Отчего такъ легко вѣритъ народъ самозванцамъ?

„Оттого, что крѣпко любитъ своего Надежу-Царя, но до котораго далеко-далеко, какъ до Бога высоко; гдѣ-же тутъ народу о Царѣ правду знать!

„Да и Царю о народѣ... съ тѣхъ поръ, что вотъ ужъ безъ двухъ годовъ два вѣка, нѣтъ у нихъ, Царя и Земли, прежняго непосредственнаго общенія другъ съ дружкою, полнаго общенія: въ любви и въ совѣтѣ. Не стало того съ 6-го мая 1682 года, съ лихого дня, въ который отъ имени малолѣтняго Царя Петра подписана отпускная грамота послѣднему земскому со-

---

[1]) На-дняхъ въ «Новомъ Времени» появилось письмо къ А. С. Суворину, написанное братомъ Павла Дмитріевича, Александромъ Дмитріевичемъ Голохвастовымъ. Въ письмѣ этомъ хотя и есть нѣсколько невѣрныхъ положеній, тѣмъ не менѣе въ немъ много и весьма любопытныхъ данныхъ о любопытнѣйшей эпохѣ въ жизни П. Д., когда онъ былъ призванъ въ Петербургъ графомъ Н. П. Игнатьевымъ. По этому мы помѣщаемъ здѣсь это письмо цѣликомъ:

«Въ «Маленькомъ Письмѣ», помѣщенномъ во вчерашнемъ № «Новаго Времени», вы упоминаете имя моего покойнаго брата Павла Дмитріевича Голохвастова, въ связи съ вопросомъ о земскомъ соборѣ.

«Обращаюсь къ вамъ съ покорной просьбою исправить вкравшуюся въ эту статью неточность. Вы говорите: «Проектъ вырабатывался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ нарочито *приглашеннымъ* туда Голохвастовымъ, который занимался русской исторіей, но не принималъ участія въ проведеніи проекта».

«Изъ этихъ словъ можно понять, что иниціатива созыва земскаго собора исходила изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое пригласило моего брата, какъ человѣка, занимавшагося русской исторіей.

«Могу васъ увѣрить, что задолго до того времени, о которомъ вы говорите—начала 1882 года — мысль о неотложности созыва земскаго собора глубоко запала въ душу моего брата, доказательствомъ чему служитъ имѣющаяся у меня копія съ письма брата къ Константину Петровичу Побѣдоносцеву отъ 10 декабря 1879 года.

«Въ началѣ 1882 года мой братъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы постараться вновь, но совершенно иными путями, чѣмъ въ первый разъ, осуществить свою завѣтную мечту. Онъ явился во всеоружія всесторонняго знанія вопроса, съ массой историческихъ данныхъ и справокъ и вполнѣ выработанной программой, примѣненной къ условіямъ времени.

«Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Н. П. Игнатьевъ горячо принялъ къ сердцу мысль моего брата; въ тайну было посвящено только очень малое число лицъ и про осуществленіе мысли брата знали только два министра. Я же исполнялъ при братѣ скромную должность писца.

Digitized by Google

бору, созванному царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ для совѣта о великомъ его государевомъ и земскомъ дѣлѣ, объ изровненіи въ службахъ и податяхъ.

Но вѣдь весь страхъ собора страшенъ только отъ предположенія, что въ Россіи будетъ конституція. Зачѣмъ ей и откуда быть?—Вся Европа въ конституціяхъ.—Да мало-ли въ какой проказѣ Европа грѣхами своихъ фарисеевъ и книжниковъ. Не прививать-же Россіи къ, слава Богу, здоровому-то тѣлу: вмѣсто православія папизмъ и нигилизмъ, вмѣсто общины майоратъ и пролетаріатъ, вмѣсто самодержавія—конституцію и коммуну, потому только, что въ Европѣ ни Бога, ни Царя, ни народа. Ну пусть въ Европѣ нѣтъ ужъ и какой-нибудь Румыніи безъ парламента; мы не Румынія, мы Россія. Россія: Царь и народъ. И въ Европѣ-то, чтобы снять корону съ монарха и сдѣлать изъ нея куафюру на конституціоннаго манкена, должны были англичане снять сперва голову съ Карла I, французы съ Людовика XVI, безъ того берутъ конституцію только съ нѣмецкихъ принцевъ школьные учителя: а даютъ конституцію только короли Сандвичевыхъ острововъ, по совѣту своихъ европейскихъ камердинеровъ. Какимъ-же образомъ можетъ вѣнецъ Монарха, съ главы русскаго Царя Самодержца, очутиться на... верхней части конституціоннаго... абстракта, qui règne, mais qui ne gouverne pas! — Вѣдь въ самомъ-то дѣлѣ, развѣ можетъ Царь,—не боярская креатура—Шуйскій, а предъизбранникъ Божій, ибо потомокъ Царя и Самодержца всея Руси, въ родѣ и родѣ, соборнѣ избраннаго всею землею единогласно: гласъ-же народа, по Апостолу, гласъ Божій, а не человѣчь (подлинныя слова избранной грамоты Царя Михаила Ѳеодоровича),—этотъ Царь развѣ можетъ дать конституцію! Нечего, стало, народу страшиться, а бунтарямъ расчитывать и кандидатамъ въ предки россійскихъ перовъ надѣяться, чтобы когда-нибудь потомокъ Мономаха вдругъ снялъ ту восьмистолѣтнюю шапку, развинтивъ ее и кинувъ

«Надо отдать справедливость графу Игнатьеву, что онъ не жалѣлъ труда для проведенія вопроса: онъ цѣлыми ночами собственноручно переписывалъ для представленія Государю Императору бумаги, за день составленныя моимъ братомъ (?).

«Но изъ этого видно, что и братъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ, но, правда, оставляемый все время въ тѣни: онъ работалъ, какъ работаетъ электрическая машина, невидимо откуда освѣщающая залъ; остановись машина- и залъ немедленно погружается въ мракъ.

«Обнародованіе Высочайшаго манифеста о созывѣ земскаго собора было назначено на 6-е мая 1882 года, въ день Вознесенія Христова, совпавшаго съ днемъ рожденія Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

«Но 2-го или 3 мая, благодаря вліянію извнѣ, осуществленіе земскаго собора было отложено на неопредѣленное время.

«Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Государемъ Императоромъ назначено было еще одно засѣданіе, на которомъ Государю угодно было лично выслушать доводы въ пользу созыва земскаго собора человѣка, близко знакомаго съ исторической стороной этого вопроса.

«На это засѣданіе былъ привезенъ не мой братъ, а министръ финансовъ графъ М. Х. Рейтернъ.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

А. Голохвастовъ.

Digitized by Google

половину: Лови, кому хочется власти! Грызитесь изъ-за нея московскіе лорды съ петербургскими соціалъ-демократами: чья возьметъ, тотъ и верти Святой Русью, какъ вертятъ, вонъ, Англіей, Австріей, Франціей, какой-нибудь жидъ, писака романовъ, повстанецъ—сорванецъ съ висѣлицы, адвокатъ воздухоплаватель. Мое-же царское дѣло отнынѣ, что и Ея Величества Императрицы Индіи: затверживать фразы, какія пропишетъ премьеръ, для открытія и закрытія палатъ, да объявлять войну, въ какую ему впутать народъ мой заблагоразсудится!

Одно развѣ, не станутъ ли всетаки, несмотря на церковь, Царя и народъ, требовать и брать конституцію и, уже половчѣй декабристовъ, не возьмутъ ли? Въ самомъ дѣлѣ, похоже на то: много у насъ рѣчей о ней, и въ прессѣ елико возможно, и съ каѳедры сколько угодно, и въ салонахъ, въ ресторанахъ и въ департаментахъ и, словомъ, по всѣмъ разговорнымъ мѣстамъ нашихъ европейцевъ. Но вѣдь не однѣхъ-же рѣчей, надо и людей. Я уже не спрашиваю цѣлыхъ сословій, изъ рода въ родъ добивающихся власти, а только людей, сознательно желающихъ конституціи, т. е. такихъ, которые вполнѣ, не хуже настоящихъ европейцевъ, понимаютъ, что такое конституція: каково отъ нея народу, особливо при совершенствѣ ея, напр., въ Англіи; и каково государству, при всевозможныхъ монархическихъ и республиканскихъ конституціяхъ, во Франціи, но и каково зато, не житье, а масляница, тутъ-же въ Англіи нѣкоторымъ сословіямъ, каковъ разгулъ всевозможнымъ партіямъ во Франціи: а главное, какова карьера нулямъ, которымъ хочется быть единицами и ворочать по своему Англіями и Франціями: и зачѣмъ, стало-быть, и кому именно нужна конституція такъ, что добивались-же ея отъ монарховъ и мечемъ и топоромъ, втирали ее народамъ и чернилами, и кровью. Такое дѣло, вѣдь ясно, нигдѣ, кромѣ Сандвичевыхъ острововъ, невозможно-бы безъ такихъ, если ужъ не цѣлыхъ сословій, то по крайней мѣрѣ безъ очень сильной партіи, безъ всюду проникающаго и во всемъ орудующаго множества такихъ людей, вѣщихъ и властныхъ. Такъ вотъ ихъ-то, этихъ необходимыхъ авгуровъ, и преторіанцевъ конституціи, много-ли у насъ? Не все-ли, что тутъ толпится, просто обезьяны, перенимающія не мысль или не умыселъ поклоненья, а только самое исполненье кувырканья передъ моднымъ божествомъ парламентствующаго деспотизма? Но вѣдь ужъ эти, во-первыхъ, только то и знаетъ, что оно модное: вся Европа въ конституціяхъ, ужъ и башибузучья интеллигенція подражаетъ Англіи, какъ-же намъ не стыдиться самодержавія! А во-вторыхъ вѣдь только толпятся-то они все тутъ, на виду, у самыхъ центровъ нашей цивилизаціи: любятъ своихъ посмотрѣть и себя показать: вотъ и думается: коль ужъ тутъ ихъ столько, сколько-же ихъ по всей Руси? А по всей Руси и всѣмъ-то имъ вмѣстѣ, тѣмъ фарисеямъ и этимъ хлыщамъ конституціи, куда не легіонъ имя! А хорошенько подумать, такъ и вообще-то вопросъ, сколько ихъ и какихъ, не просто-ли привычка разсуждать по европейски? Вѣдь гдѣ, какъ у насъ, и численная, и нравственная сила

Digitized by Google

крестьянство, и гдѣ, развѣ оборвыши изъ прочихъ сословій не тотъ-же народъ, хоромъ всея земли молящій Бога за Царя—Освободителя, тамъ десятки ли этихъ, и злостныхъ, и невинныхъ, въ итогѣ все едино, фразеровъ, или же сотни, или тысячи, черезъ сотню милліоновъ-то годовъ, вѣдь все равно, не дотянуться имъ до шапки Мономаха, не сконституціонишь ее, коротки руки.

Итакъ, милостивъ Богъ, не будетъ у насъ конституціи, не будетъ слѣдовательно и возстанья народнаго. Непремѣннаго и повсемѣстнаго не будетъ, если такъ, но вспышки, расправы ради, и довольно вѣрныя, возможны, даже очень вѣроятны и безъ конституціи: отъ постояннаго, нестерпимо напряженнаго страха конституцій всетаки-же: а главное, страхъ за Царя и за прямой корень царскій. Правда-ли, нѣтъ-ли, 2-го апрѣля, подъ Москвой, въ селѣ Всесвятскомъ до ночи стояла мірская сходка. Отряжены были ходоки въ Москву развѣдать доподлинно: истинно-ли не раненъ Государь; и положено: буде, далъ Богъ, не раненъ,—отслужить молебенъ: а раненъ—идти на (сосѣднюю) Петровскую академію. Вечеромъ ходоки вернулись, міръ послалъ за попомъ. По счастью полиція промигала все это происшествіе, а то явилась-бы, водворила порядокъ, такъ, пожалуй, что и сама-бы цѣла не ушла.

21-го ноября ѣду я по Моховой. Извощикъ мой глядитъ на университетъ: вотъ уцѣлѣлъ-то, дай Богъ, надолго. — (это „дай Богъ“ относилось не къ университету, конечно).

— А что?—„А то, что удайся имъ третьяго дня, теперь тутъ не то что отъ кирпича пыль, а отъ людей паръ до неба стоялъ: намъ съ тобой, баринъ, не проѣхать-бы“.

Но, кажется, никакъ ужъ не общенародный еще страхъ у насъ: война. Хоть многіе, и даже изъ очень русскихъ (въ смыслѣ простыхъ) людей толкуютъ: что, молъ, ежели да еще и внѣшніе враги наши, или друзья пособятъ, заблагоразсудивъ вызвать насъ теперь на войну? Тутъ въ такомъ положеніи очутимся мы, съ тѣми-же интендантами, финансистами, дипломатами, администраторами, да еще и съ этими, отъ кого-то содержимыми на насъ злодѣями. Да хоть-бы и только для того вызвать, чтобъ мы должны были уклониться, смириться, запросить пощады во что-бы то ни стало, какъ Франція послѣ Седана, какъ Турція наканунѣ Санъ-Стефано.

Народъ-же нашъ будто сознаетъ, что тутъ-то смутьяны и не бѣда больше: что тогда просто взять да по свойски и расправиться съ ними на-чисто: и правительство смолчитъ, а Царь еще и спасибо скажетъ. Ибо часъ будетъ великій: а въ тотъ или иной великій часъ, вѣдь-же неминуемо, вѣдь-же положитъ Богъ Царю на разумъ познать, что безъ народа, безо всей самой земли, ни нашею старо-нѣмецкой чиновничьей машиною правительственной, ни нарочитою семигенеральщиной, все равно не справиться ни со смутьянами, ниже съ иными многими у насъ непорядками.

Но лучше бы, конечно, призвать землю во-время; и спокойно, спокойно-грознымъ судомъ и расправою по старинному: Со-

Digitized by Google

бора излюбленнаго всея земли, всѣхъ православныхъ христьянъ, всякаго чина людей, отъ каждаго города съ волостьми по столько-то человѣкъ добрыхъ, разумныхъ, постоятельныхъ, съ которыми Государю можно-бы говорити и промышляти о всѣхъ людяхъ ко всему добру, покончить прежде всего съ этою бѣдой, со смутой и со смутьянами.

Міромъ да Соборомъ и чорта поборемъ. Эта пословица ни съ Косьмы ли Минина жива въ народѣ по сейчасъ недаромъ.

Но вѣдь не взаправду-же, или не вся-же та чертовщина у насъ паводная да накупная. Бурьяну ростъ отъ залежи. Покончить тутъ значитъ не листья ощипывать, да не на выборъ стебли рвать, а мало тутъ и коренье выскребить: надо самое залежъ поднять да, по евангельски, во всю глубину земли и засѣять добрымъ сѣменемъ. Вотъ бурьяну конецъ, хлѣба начало.

А съ какого клина и чѣмъ сѣять, тоже знаетъ вѣрнѣй людей сама Земля, и на томъ-же Земскомъ Соборѣ скажетъ, буде Царь спроситъ.

А въ чемъ основная, историческая и политическая суть Земскаго Собора, и много-ли придется противъ старины въ немъ измѣнить, и что, не уступая никакимъ предразсудкамъ вѣка, подлежитъ свято хранить, дабы Земскій Соборъ, какъ во время оно былъ, такъ и впредь остался естественной связью межъ Царя и Земли и вѣримъ имъ обоимъ оплотомъ ото всякихъ записей; это все позвольте, Милостивый Государь, пересказать и доказать, сколь дастъ Богъ умѣнья, во второмъ письмѣ: если только ужъ и первое не найдете Вы лишнимъ.

Примите и пр "

Москва, 10-го декабря 1879 г.

Это письмо обратило на себя вниманіе высшихъ сферъ и несомнѣнно, что оно было читано, какъ говорили тогда, съ наслажденіемъ Цесаревичемъ и Императоромъ Александромъ II.

Продолжая свое дѣло, П. Д. Голохвастовъ подалъ рядъ записокъ графинѣ А. Д. Блудовой, графу И. И. Воронцову-Дашкову, позднѣе графу Н. П. Игнатьеву, а черезъ И. С. Аксакова работалъ въ придворномъ кружкѣ, доступномъ и близкомъ Аксакову.

Когда графъ Н. П. Игнатьевъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, идея освѣженія русскаго государственнаго строя сдѣлалась обыденною и излюбленною, и тутъ П. Д. Голохвастовъ, съ его идеею Земскаго Собора, сталъ необходимымъ человѣкомъ. Графъ Н. П. Игнатьевъ предложилъ ему переѣхать въ Петербургъ и, подъ предлогомъ сотрудничества въ „Сельскомъ Вѣстникѣ", дабы отвлечь вниманіе отъ дѣйствительной работы, для которой былъ призванъ Голохвастовъ, помогать разработкѣ вопроса о Земскомъ Соборѣ. П. Д. получилъ при этомъ окладъ жалованья въ 3,000 рублей. Его работа была непосредственно при графѣ Игнатьевѣ и съ графомъ Игнатьевымъ; никакихъ посредниковъ не было.

Digitized by Google

Вотъ главнѣйшія мысли, проводившіяся тогда П. Д. Голохвастовымъ, которыя мы извлекаемъ изъ поданныхъ имъ записокъ.

Русскій идеалъ государства.

Россія не Европа. Тамъ государство сложилось и разложилось рыцарствомъ и революціей: народъ безъ земли, государь безъ власти, оба ничто, а все: beati possidentes феодальнаго герба, буржуазнаго кошеля, либеральнаго пера; словомъ, господа. Европейская свобода: господчина.

Девять десятыхъ Россіи народъ, землевладѣлецъ по Божескому праву *яко родися человѣкъ въ міръ*. Узаконитель этого права и этого міра Царь, Самодержецъ 19 февраля.

А остальная одна десятая?

Тоже не Европа. Мы всѣ тотъ же народъ, кто не уродъ. Во время оно всѣ за *единъ братъ*, и князь Рюриковичъ Пожарскій, и говядарь художествомъ Мининъ, и Святитель Гермогенъ, и Иванъ Сусанинъ, и тотъ, за кого онъ костьми легъ, *всѣ едина—земля* бывали въ таковой часъ: теперь стали всегда и навсегда. Только бы признать это, только открыть глаза и увидать свѣтъ, который во тьмѣ свѣтится.

Россія: Царь да народъ.

Весь таинствованъ любовью народною, всѣпросвѣтленъ заслугой этой любви, съ 19 февраля Самодержецъ на Руси вѣченъ.

Русская свобода: Царь и едина Земля, никакой господчины, ни помѣщичьей надъ крестьянами, ни чиновничьей надъ всею Землей, ни конституціонной надъ Землей и надъ Государемъ.

Царь Самодержавный, Земля полноправная, Самодержавный значитъ, чья власть ограничена однимъ, но и единымъ непреступнымъ ограниченіемъ: совѣстью его царской Царя христіанскаго.

Земля полноправная, значитъ, во-первыхъ, вся равноправная—одинъ большакъ (семьи глава) что и другой; во-вторыхъ, повсемѣстно (приходски и уѣздно) самоуправная: которая правится и судится сама собой, своими, по старинному, головами, старостами, судьями и прочими цѣловальники, крестъ ему, государю, цѣловавшими на томъ, что ихъ выборныхъ такихъ-то, которыхъ себѣ, такихъ-то городовъ и волостей посадскіе и деревенскіе люди, всѣ безъ отмѣны, т. е. всею тамошней земщиной, всѣми большаками межъ себя излюбя, выбрали: въ городѣхъ и волостѣхъ о всякихъ дѣлахъ земскихъ управу чинить и царское, и земское дѣло беречь, и посадскихъ, и волостныхъ людей вѣдать и судить; и которые люди доведутся до казни, тѣхъ имъ, выборнымъ головамъ, казнить.

А судить прямо и вправду, другу не наровя и недругу не мстя; и правити по судебнику, и по уставной, про то мѣсто, грамотѣ, какъ есмы (великій Государь на Соборѣ приговоря) уложили во всей Землѣ.

Общее же Земли между собой и съ нимъ Государемъ еди-

Digitized by Google

нешія—Земскій Соборъ: совѣтъ Царя со всей самой Землей: законъ-ли улагать, налоги-ли учреждать, вводить-ли преобразованіе, начинать-ли войну, заключать-ли миръ, крамолу-ли укрощать и кромольниковъ судить и, словомъ, о всякихъ чрезвычайныхъ, какъ и обыкновенныхъ внутреннихъ, какъ и внѣшнихъ (государственныхъ по нынѣшнему), всякихъ государевыхъ и земскихъ дѣлахъ совѣтъ Самодержца всея Руси съ мірскими про то дѣло излюбленными всея Земли всякаго чина людей, лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, т. е. и самыхъ простолюдиновъ, отъ каждаго города и уѣзда сколько пригоже человѣкъ добрыхъ, разумныхъ, крѣпкихъ, съ которыми Государю можно бы говорить и промышлять о всѣхъ людяхъ ко всему добру. Ихъ, всея Земли совѣтъ, промышленье, а воля, рѣшенье его, Самодержца Царя правды, которую волю и правду Земля же и да творитъ.

Вотъ русскій идеалъ государства: русскій, ибо свой, простой и дѣльный: русскій, ибо обоюду, міромъ и царемъ, народный; русскій, ибо историческій нашъ идеалъ, которому почву готовила вся наша исторія, котораго озимые всходы ужъ и были, да послалъ богъ зиму лютую: петербургскій періодъ, и занесло, закрыло ихъ ровно саваномъ, нѣметчиной; и всѣ, окоченѣли, всѣми сокми ушли опять въ землю-мать, какъ всѣ такъ эти наши озими.

Но все это—вѣруемъ—дабы сбылось надъ нами, и какъ именно на русской почвѣ сбывается оно, рѣченное о зернѣ пшеничномъ: аще не умретъ, то не совершитъ плода: аще же умретъ, много плодъ сотворитъ, восходящъ и ростущъ и приплоденъ сторицею.

Какъ и для чего созвать первый соборъ?

Громадно, народно, и, по возможности, неотложно. Для того, чтобы свестися Царю съ землей, привесть ее къ единомыслію, народъ успокоить, а обществу дать настоящій идеалъ, и тѣмъ, съ обѣихъ сторонъ, прервать возможность революціи: всякой общественной противъ—и народной за Царя Самодержца. Народъ ждетъ новыхъ льготъ, нуждается въ нихъ и страшится конституціи. Онъ видитъ революцію, постепенно возникшую послѣ освобожденія, и объясняетъ ее такъ: Царь далъ народу волю и землю: но отъ налоговъ народу всетаки осталось тяжко, а господамъ легко: и хотѣлъ Царь еще повольготить народу, сверстать съ нимъ господъ: у кого сколько, тотъ столько и плати. За это и стали господа подсылать на Царя убійцъ, чтобъ застращать его и снять съ него власть на себя, завести господчину присягновенную, на которой будетъ государь присягать въ томъ, что ужъ не его оттоль во всемъ власть царская, а ихъ, господская. Той властью опять и закрѣпостятъ они крестьянъ. Либо, ежели Царь не поддастся, не присягнетъ, то извести Царя со всѣмъ его родомъ-племенемъ, опричь того, кто кушаетъ съ Царемъ поколь порохъ не

Digitized by Google

надъ столомъ (т. е. кто не былъ на обѣдѣ въ Зимнемъ Дворцѣ въ день взрыва): это имъ будетъ господскій царь.

Про конституцію—не какъ про господчину, конечно, но какъ про власть, которой подчиняться и въ томъ присягать долженъ самъ Государь—натолковали народу буптари, никудашники, (которые по народному никуда, а по ихнему въ народъ ходятъ). Они, разумѣется, учили по теоріи: всѣ будутъ участвовать въ правленіи государствомъ, а народъ понялъ по здравому смыслу: пойдетъ нѣшто мужикъ царствомъ править: будутъ править царствомъ господа, будетъ присягновенная ужъ царевой волей неотмѣнимая господчина.

Съ Берлинскаго мира народъ уже не ждалъ льготъ: и только все пуще да пуще, со 2 апрѣля, съ 19 ноября, съ 5 февраля, боялся присягновенной. Ужъ не царь, былъ надёжа: царевичъ. Пророческія, высоко поэтическія сказанія складывались о немъ. И, стало-жъ, велико было довѣріе къ нему, коль и послѣ 1 марта народъ не шелохнулся. Напряженье, однако, было страшное, а черезъ недѣлю-другую послѣ похоронъ и недоумѣнье: что же это, ни строгостей, ни милостей. И такъ вплоть до Пасхи. Тутъ вдругъ пронеслись первые слухи о льготахъ: объ уменьшеньи выкупныхъ: о выкупѣ, обязательномъ для господъ. Но и тутъ же опять прокламаціи, по Москвѣ въ яйцахъ, по деревнямъ въ письмахъ.

Все это въ народномъ толкѣ сопоставилось такъ: чуть справилъ Царь сорокоустъ по Царѣ-родителѣ и первая его, новаго Царя, дума — про народъ, и тотчасъ же новые умыслы на Царя.

Съ этой Пасхи востеплилась вѣра народная въ настоящаго надёжу-Государя. Теперь уже та, первородосужая, про народъ дума его, осуществясь въ дѣло, каждой росинкой ляжетъ на благодарную почву, но нечего обманываться, не прямо въ прокъ пойдетъ, а будетъ у народа присчитываться къ каждой искрѣ непотушеннаго дѣла революціоннаго и накопляться, вмѣстѣ дождемъ и огнемъ, въ тучу, уже и сейчасъ грозную... господамъ.

Тутъ прояснить можетъ только Самъ Царь непосредственно своимъ ликомъ и своей рѣчью, очію и во ушію народу, т. е. крестьянскимъ выборнымъ со всей Руси.

Вотъ чего ради первый Соборъ долженъ быть громадный и, по возможности, неотложно. Громадный въ такихъ размѣрахъ, чтобы не было на Руси крестьянина, который не могъ бы, проѣхавъ верстъ 20—30, увидать своего выборнаго, возвратившагося съ Собора съ теплымъ словомъ и съ печатными, орленными письмами царскими, и слышалъ бы три воскресенья сряду, послѣ обѣдни, отъ священника и отъ выборнаго и самъ потомъ дома и на сходкѣ читалъ бы въ тѣхъ письмахъ коротко, ясно всю суть того, что Царь въ Москвѣ на Соборѣ говорилъ всякихъ чиновъ людямъ:

1) про нерушимость вовѣки власти царской, самодержавной: и что никто смутьяновъ не накупаетъ, не подсылаетъ на Царя, а что сами собой заводятся они отъ нехристіанскаго

Digitized by Google

воспитанія, да отъ непутнаго ученья, и про строгости съ ними впредь.

2) про неотъемлемость земли, какъ общинной отъ крестьянъ такъ и господской, или чьей бы и отъ кого бы то ни было.

3) про устройство ссудъ крестьянамъ подъ земли, покупаемыя лично или общиною, причемъ переселенье станетъ вовсе почти не надобно.

4) про обязательность выкупа, про оброчныя и подушныя льготы, но которыя всѣ бы ни къ чему, буде не прекратить пьянства, и что совѣтовался Государь съ ними и прочими выборными, какъ прекратить, и

5) совѣтовался объ устройствѣ волостныхъ (или приходскихъ) и уѣздныхъ порядковъ и приказалъ все это обдумать къ слѣдующему Собору, ибо

6) хочетъ онъ Государь, чтобы ужъ больше не было православнымъ до него далеко, какъ до Бога высоко, хочетъ созывать Соборы и впредь по надобности; да

7) будутъ Соборы и церковные.

Какимъ образомъ устроить и вести такой громадный Соборъ, скажу потомъ. Теперь объ интеллигенціи, какъ сами завели у насъ называться господа.

Никто доселѣ не высказалъ коротко и лѣпо русскаго государственнаго идеала, никто не уяснилъ основъ Земскаго Собора, никто, ни у насъ, ни въ Европѣ, не взглянулъ строго въ основы конституціонной правительственной машины, никто не опредѣлилъ ея отношеній къ старо-европейской машинѣ фискальной и къ новоявленному послѣдствію ихъ обѣихъ: къ коммунѣ. Откуда же, стало, и господамъ знать, и они, выходитъ, люди темные, и ихъ бѣда недоразумѣнье. Честь первенства: внести свѣтъ истины въ эту тьму должно принадлежать самому Государю, въ его первой соборной рѣчи, въ той части ея, которую обратитъ онъ собственно къ нимъ, темнымъ людямъ интеллигенціи.

Народъ правъ: 99/100 этой интеллигенціи конституціоналисты; но какіе, вѣрные или только оглашенные? Можно головой ручаться: дайте имъ живой свой идеалъ, и по крайней мѣрѣ 98/100 какъ бы сами собой отрекутся отъ вычитаннаго чужого, очутятся истинно-убѣжденными приверженцами самодержавія и, кромѣ какой-нибудь 1/100 — конечно, въ семьѣ не безъ урода — сойдутся въ единомысліи со всею самой Землей, станутъ всѣ за единъ-братъ Россіи: Царь и народъ.

Суть интеллигентнаго недоразумѣнія вотъ въ чемъ. Старо-европейская, придворно-фискальная, всеопекающая правительственная машина выработалась къ концу XVII вѣка, преимущественно жандармски у французовъ, канцелярски у австрійцевъ, капральски у прусаковъ.

Ото всѣхъ отъ нихъ перелита нами въ для того основанный Петербургъ. При Екатеринѣ машина эта довела насъ до пугачевщины, а Европу до цѣлаго ряда революцій: 89, 30, 48 годовъ. Какъ причина, такъ и ходъ и результатъ всѣхъ европейскихъ революцій одинаковы: всеопекающая, фискальная.

Digitized by Google

по нашему чиновничья, машина грабитъ, разоряетъ и ослабляетъ страну; народъ бѣдствуетъ, интеллигенція негодуетъ, ищетъ государственнаго идеала, своего національнаго не видитъ или не имѣетъ, кидается на чужой и, при совершенномъ (кромѣ Вандеи) равнодушіи народа, искони обезземеленнаго рыцарями—его завоевателями, окончательно обезволеннаго королевскими фискалами, народа чуждаго, только что не враждебнаго Государю, былому предводителю завоевателей, тогдашнему l'Etat·c'est moi, le prémier des gentilshommes, и сама, презирая этотъ народъ, интеллигенція, отъ придворной до площадной, ведетъ или напускаетъ пропаганду, мятежъ, терроръ, пока, наконецъ, монархъ или претендентъ на мѣсто казненнаго или изгнаннаго монарха не рѣшится уступить; тогда революція достигла своего; вездѣ и всегда одного: конституціи.

Теперь и насъ довела, до чего могла, машина, но шведскимъ и инымъ образомъ заведенная Петромъ: флота нѣтъ, школъ нѣтъ, денегъ нѣтъ; финансисты есть, и дипломаты, и интенданты, Берлинскій миръ доказалъ это. Но на ветлянскую чуму безъ чумы ужъ не хватило нашей старо-европейской машины. понадобилась диктатура, на дѣвокъ бунтарокъ и подавно. Но и диктатуры, крайняго: послѣдняго казеннаго средства,—что же? Вмѣсто Засуличъ—Перовская, вмѣсто револьверовъ—динамитъ и... 1 марта. Интеллигенція видитъ несостоятельность существующаго порядка и необходимость коренного, дѣйствительнаго измѣненія; но изъ рода въ родъ прозябавшая на всемъ готовомъ европейскомъ, не знаетъ своего, не чаетъ возможности русскаго идеала, даже въ прошломъ, и требуетъ (чего же иначе?) опять готоваго европейскаго: конституціи.

И такъ, первая неотложная причина Собора: успокоить народъ, примирить его съ интеллигенціей: вторая, столь же неотложная: дать интеллигенціи русскій идеалъ, согласить ее съ народомъ. Народъ не измѣнялъ этому идеалу и вмѣститъ его сразу. Подмосковные крестьяне и сейчасъ поговариваютъ, что какъ тотъ царь отставилъ барщину, этотъ отставитъ начальщину; какъ тотъ всѣхъ равно *открутилъ*, этотъ всѣхъ *охресьянитъ*: велитъ что намъ, то и господамъ, міромъ править; а на законъ, что дымъ къ солнцу, прямо къ нему, свѣтодавцу, воздыматься.

Въ примѣненіи же къ современному уровню интеллигентныхъ понятій историческій и народный идеалъ этотъ придется подвести къ такому выраженію:

Не конституція, не вторичное подраженіе Европѣ; не ограниченіе власти Государевой, юридическое: парламентскимъ большинствомъ, вмѣсто нынѣшняго ея ограниченія, фактическаго, чиновничьимъ произволомъ; не уничтоженіе, а снова по старому воздвиженіе власти самодержавной русскаго, исторически земскаго царя, власти присно-свободной и всеосвобождающей, царской. Именно царской; императорская, въ прототипѣ римско-австрійская, нынѣ власть, въ свою очередь

Digitized by Google

порабощенная, конституціонная. И такъ, не центральное самоуправленіе, всегда фиктивное, какъ и центральное всеопеканіе, а единовозможное дѣйствительное самоуправленіе: повсемѣстное, земское. Затѣмъ, программа реформы: не спѣша, но и не мѣшкая, по мѣрѣ прибыли земскихъ силъ, постепенная передача дѣлъ всѣхъ изъ вѣдѣнія мѣстной бюрократіи и, какихъ только возможно, изъ вѣдѣнія центральной въ полное вѣдѣніе Земщины, уѣздной и, вѣроятно, приходской. Центральное же: представительство, но не властное, противоборствующее Государю, парламентское, а совѣтное, сотрудствующее Самодержцу, земско-соборное.

Большинство или Самодержецъ?

Обыкновенно конституціонисты наши съ перваго же слова согласны на Земскій Соборъ, и какъ даже: не на одно названье, будто бы, а и чтобы основы были неподражательные; нѣтъ у насъ лордовъ, не надо намъ и періи, ни наслѣдственной, ни пожизненной, не надо верхней палаты и никакого ограниченія Самодержавія, вотъ какъ даже. Но, конечно, большинство голосовъ должно имѣть обязательную силу, конечно, засѣданія должны быть публичны. Безъ этого Соборъ былъ бы, что телѣга безъ колеса, что лодка безъ веселъ [1]).

Да вѣдь, остальное-то: какая перія, сколько палатъ, кому отвѣтственны, т. е. неотвѣтственны министры, цензъ или suffrage universel, монархъ ограниченный или таково же ограниченный президентъ, все это потому и бываетъ такъ разно, что все это несущественно. Вся же суть въ сихъ двухъ: большинство—рѣшитель, въ этомъ основная идея конституціонизма. Въ Англіи, каждый баллотировавшійся въ члены новоизбираемой палаты общинъ обязанъ подъ присягой показать, во что обошлось ему избраніе и какими способами подкупалъ онъ избирателей, одними-ли законно-дозволенными. Въ случаѣ, доказанной его соперниками какой-либо незаконности въ подкупахъ, выборъ кассируется. По этимъ показаніямъ, ежели ничего въ нихъ не утаено, выборы 1874 года обошлись: избраннымъ (350) торіямъ по 10900 руб. каждому, провалившимся (161) по 10660 руб.; избраннымъ (250) вигамъ по 9800 руб., провалившимся (254) по 9200 руб.; избраннымъ (52) гомрулерамъ по 2550 руб., провалившимся (14) по 2920 руб. Всего на избраніе 652 человѣкъ, вмѣстѣ съ 429 провалившимся, издержано до 10 1/2 милліоновъ рублей (10472050 р.). Стало быть, каждое парламентское мѣсто принесло своему избирательному округу подкупами на кругъ по 16060 рублей. Привычная необходимость подкуповъ такова, что въ которыхъ округахъ не случилось оппозиціи выбора, всетаки же обошлось на кругъ по 3300 руб. Это слѣдовательно minimum, кромѣ несчастныхъ гомрулеровъ, которымъ провалиться обхо-

[1]) Выраженіе А. П. Кошелева въ его заграничной брошюрѣ: Русская Государственная Дума. Точнаго заглавія не помню.

Digitized by Google

дится дороже (2920 р.) нежели попасть въ парламентъ (2550 р.). Это ирландскій minimum. Каковъ же бываетъ англійскій maximum? Въ Нортумберландѣ (въ 1826 году) выборы стоили каждому изъ четырехъ кандидатовъ 400000 до 700000 руб. Въ Іоркширѣ Фитсъ Уильямсу до милліона рублей и почти столько же его провалившемуся и разорившемуся сопернику Лесселю.

У экономныхъ женевцевъ Palais Eléctoral называется попросту boîte à giffles, но не въ самомъ дѣлѣ одними giffles замѣняются тутъ рубли, пускаются въ лобъ и другіе, свободно-агитаціонныя средства: кастеты постоянно, иногда револьверы.

Американцы сыпятъ и деньгами, и пулями, и словами, словами безъ конца, ужъ это не въ счетъ. Все это изъ-за парламентскаго большинства своимъ, да изъ-за публичной карьеры себѣ.

И такъ, это конституціонное большинство, единовозможный видъ парламентской власти—во-первыхъ, зло, во-вторыхъ, оно ложь. Сугубая ложь, потому что оно большинство покупное съ электоральнаго аукціона и потому что оно ложно-предполагаемый представитель большинства же... кого? — Народа. — Да вѣдь онъ въ Европѣ голь, а цензъ въ Европѣ карманный. Народа, слѣдовательно, ни въ коемъ случаѣ не представляетъ это парламентское большинство; избирателей представляетъ только развѣ въ смыслѣ политическаго развратa: тѣ подкупные, эти подкупатели.

Но мало того, что оно во-первыхъ зло, во-вторыхъ ложь, оно, въ третьихъ, нелѣпость. Непремѣнное смиренье передъ числомъ сплошь да рядомъ равно смиренью головы передъ кулакомъ. Правда не въ числѣ. Иногда чѣмъ она истиннѣе, тѣмъ уединеннѣе. А тутъ: 100 головъ: изъ нихъ 51, значитъ, правда, 49 неправда.

Выводъ слѣдовательно: гдѣ рѣшитель такъ называемое большинство, тамъ ужъ ограничена, вѣрнѣй, сничтожена власть государева и свобода дѣйствительнаго большинства, тамъ конституція, присягновенная господчина, какъ обозвалъ ее пророчески-мѣтко народъ нашъ, не знатокъ, да отгадчикъ, по его-же пословицѣ. А гдѣ всѣ равны, гдѣ нѣтъ власти ни лицамъ, по первородству или по сану привиллегированнымъ, ни сословіямъ или партіямъ, численно-воспреобладавшимъ на выборахъ и на преніяхъ, тамъ въ свободномъ совѣтѣ всея Земли необходимъ свободный рѣшитель: Царь Самодержецъ.

Но, напримѣръ, въ такъ называемое *лихольтіе*, послѣ Шуйскаго, когда ужъ не то что самодержавнаго, а и никакого не стало царя на землѣ, пришлось править опять вѣчами: сходками мужей, большаковъ по городамъ съ областьми. Вѣчи сдумывались въ себѣ всемірно и пересылались одно съ другимъ грамотами, всѣ объ одномъ: какъ-бы отовсюду свѣстясь всѣ за единъ человѣкъ постоять послѣдними людьми, да всею Землей за Домъ Пресвятой Богородицы (за Россію).

Окончательно сказалась земская мысль въ Нижнемъ; отписала во всѣ города и всѣми принята: созвать земскую рать

*

Digitized by Google

добровольцевъ. На ея продовольствіе обложиться, со всѣхъ ровно, третью состоянія. У Козьмы Минина промысловъ и пожитовъ было на 300 рублей, далъ 100: у котораго нищаго было три копѣйки, далъ копѣйку; а кто и сверхъ окладного: у богатой вдовы было 12 тысячъ рублей, дала 10 тысячъ. Окладывались на міру, въ Божью правду, по Христовой заповѣди, еже: ей-ей! — Что въ Нижнемъ, то и въ иныхъ городахъ ни въ чемъ себя не пощадили. Устроили рать людьми и деньгами. Къ начальственному дѣлу излюбили князя Дм. Мих. Пожарскаго, къ хозяйственному — Козьму Минина. Конечно, безъ рати не очистить было Земли отъ враговъ и воровъ, но не ратью же потомъ Государя избирать и вѣдать покамѣсто дѣла государственныя. Рѣшили созвать къ земской рати Земскій Соборъ. Написали по всѣмъ городамъ, кромѣ занятыхъ непріятелемъ, гдѣ выборы могли быть несвободны, звали даже изъ Сибири излюбленныхъ всякаго чина людей, настойчиво приписывая: и уѣздныхъ, т. е. собственно крестьянъ; числа не опредѣляли; сколько пригоже. Ближніе собрались вскорѣ; дальнихъ ожидать остановилась рать въ Ярославлѣ. Этотъ Соборъ, всевозвеличиваясь во вселенскій (какъ самъ наименовался онъ въ грамотѣ къ Строгоновымъ), правилъ, черезъ тѣ же областныя вѣчи, всѣмъ Государствомъ съ годъ времени (и какого времени!) съ Пасхи 1612 года, какъ ни раньше, по Недѣлю Православія 1613 года, въ который день 21 февраля онъ наконецъ и главной цѣли своей достигъ: гласомъ всея Земли, въ роды и роды нерушимо, самодержавіе воздвигъ.

Такъ на этомъ великомъ Соборѣ, безъ Царя и даже безъ патріарха, когда, случалось, не сойдутся въ единомысліи, тутъ какъ же рѣшали, какъ не большинствомъ! Сохрани Господи, такія великія всея Земли дѣла рѣшать по пальцамъ! Смолвились всѣ на одномъ человѣкѣ не изъ своихъ, а вызвали въ Ярославль старца Кирилла, жившаго на покоѣ въ Троицкой лаврѣ, прежняго митрополита ростовскаго. Онъ и рѣшалъ, какъ земскому дѣлу будетъ прибыльнѣе, а имъ, чтобы безъ всякихъ сердечныхъ злобъ, быть въ любви и совѣтѣ.

Возможна-ли власть земская величественнѣе этого: святѣй, правѣй и нужнѣй?

Та-же власть, но во образѣ не временно, а на вѣки, въ роды и роды излюбленнаго, природнаго, богоданнаго всерѣшителя: самодержавіе. Власть присно-соборная. Потому, во-первыхъ, что безъ нея Соборъ, какъ видите, несбыточенъ, т. е. сталъ бы уже не земскій, не всея Земли, не совѣтъ какъ земскому дѣлу будетъ прибыльнѣй, а тотъ-же бы парламентъ: арена всякихъ сердечныхъ злобъ, и даже не всякихъ, а именно господскихъ. Во-вторыхъ потому, что и сама эта власть, безъ Земскаго Собора — Царь внѣ Земли, корень внѣ почвы — становится уже не истиннымъ, русскимъ Самодержавіемъ, а тѣмъ-же европейскимъ автократизмомъ и обрекаетъ себя его судьбамъ. Землю новому лихолѣтью, а присно-соборное самодержавіе новому воздвиженію.

Digitized by Google

Александръ Дмитріевичъ Голохвастовъ въ письмѣ, помѣщенномъ нами въ началѣ этой статьи, говоритъ, что П. Д. Голохвастовъ не былъ приглашенъ въ Петербургъ и что инициатива вопроса о Земскомъ Соборѣ, какъ онъ велся въ Петербургѣ, не принадлежала графу Игнатьеву. Между тѣмъ, инициатива принадлежала именно графу Н. П. Игнатьеву (хотя бы онъ и былъ мало знакомъ съ дѣломъ Земскихъ Соборовъ) и П. Д. Голохвастовъ былъ спеціально приглашенъ только для работы въ извѣстномъ направленіи, какъ знатокъ дѣла. Вотъ что писалъ объ этомъ времени самъ П. Д. Голохвастовъ въ письмѣ къ И. С. Аксакову 2 марта 1882 года.

Петербургъ, 2 марта 1882 года.

Или вы моего письма не получили, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, или я вашего. Писалъ я вамъ 21-го, послѣ перваго свиданья съ гр. Игнатьевымъ, писалъ, впрочемъ, только о самой невинной сценѣ этого свиданія: что я назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій, съ 3,000 р., да еще просилъ вашей карточки къ Скобелеву. Изъ неприсылки этой карточки я и заключаю, что которое-нибудь изъ нашихъ писемъ не дошло. Если же вы теперь не желали моего знакомства со Скобелевымъ, во избѣжаніе разговоровъ о Земскомъ Соборѣ, то, полагаю, тутъ-то и отвѣчали бы, иносказательно объяснивъ мнѣ необходимость молчать даже со Скобелевымъ. Это письмо, по вѣрной оказіи съ молодымъ Шатиловымъ, пишу разомъ вамъ и женѣ. Она сбиралась въ Москву на четвертой недѣлѣ поста; непремѣнно будетъ у васъ, покажите ей, пожалуйста. 19 февраля, въ день пріѣзда моего, я Игнатьева не засталъ и 20-го былъ у Воейкова, который оказался моимъ очень старымъ знакомымъ. Отъ Воейкова я узналъ, что Игнатьевъ желаетъ меня видѣть завтра послѣ обѣдни и уже до моего пріѣзда отложилъ для меня дѣло: написать для „Сельскаго Вѣстника“ какъ убили покойнаго государя и какъ на него прежде покушались, за что осуждено 6 въ прошломъ году и 20 теперь. На другой день Игнатьевъ увелъ меня изъ церкви къ себѣ. Спросилъ, согласенъ ли я на такія условія покамѣстъ? И перешелъ къ дѣлу: во-первыхъ, онъ потерялъ мою записку (прежнее письмо къ Воронцову) о выборахъ на Земскомъ Соборѣ и о перемѣнѣ ценза и просилъ меня снова написать ее; во-вторыхъ, какое мое мнѣніе о крестьянскомъ банкѣ? Выслушалъ и объ этомъ просилъ написать записку. Я спросилъ: спѣшно-ли то и другое дѣло, или же сперва написать о цареубійцахъ, дѣло срочное? Про это порученіе онъ не мигомъ вспомнилъ, а вспомнивъ, какъ-то странно, выразительно отвѣчалъ: прямо за 1 марта примитесь и обращайтесь постоянно къ Воейкову за свѣдѣніями; такихъ дѣлъ я вамъ и еще придумаю (и на ухо) прежде, чѣмъ будете манифестъ писать. Въ комнатѣ, впрочемъ, никого не было; одинъ, и то далеко въ углу, стоялъ Потаповъ и все крестился оттуда на насъ съ Игнатьевымъ.

Digitized by Google

По поводу манифеста, Игнатьевъ опять разсыпался въ похвалахъ моему языку, съ знатоковскими замѣтками при этомъ и съ заключеніемъ: „ибо всѣ манифесты въ его время будутъ моего пера. Я изъ того разговора вывожу: во-первыхъ, что Воейковъ о Земскомъ Соборѣ не долженъ знать и что моими статьями для „Сельскаго Вѣстника“ отводятъ глаза весьма ловко, очень многимъ за-разъ, цѣлому комитету о „Сельскомъ Вѣстникѣ“, т. е. Воейкову, Вяземскому, Заикѣ, Плеве, Данилевскому, Бычкову, Богушевичу, все людямъ разныхъ вѣдомствъ и довольно разныхъ слоевъ общества. Въ этомъ комитетѣ обсуждалась изложенная мною на словахъ программа моей статьи, въ прошлую среду, а завтра будетъ обсуждаться самая статья. Во-вторыхъ, вывожу, что я Игнатьеву нуженъ именно какъ перо, а что серьезнаго о Земскомъ Соборѣ на умѣ у него покамѣстъ ничего или немного. Въ этомъ подтверждаетъ меня вотъ что: Воейковъ, съ перваго же свиданья, далъ мнѣ прочесть копію его записки, писанной имъ и подписанной Игнатьевымъ, съ примѣчаніями Государя. Мѣсяцъ и число въ копіи не прописаны, такъ что была-ли она подана до или же послѣ моего намеднишняго пріѣзда къ Игнатьеву, не знаю, а выспрашивать объ этомъ не хотѣлось. Въ запискѣ перечислено и осторожно, но тѣмъ не менѣе сильно вздуто все, что было доселѣ сдѣлано или начато добраго: выкупное дѣло, кабацкое, переселенческое и пр. и пр. Народъ, дескать, совершенно удовлетворенъ и общество удовлетворено тѣмъ, что къ обсужденію вызывались свѣдущіе люди. Теперь пусть этихъ свѣдущихъ людей выбираетъ земство, дума, управа, въ видѣ рекомендаціи ихъ правительству, и правительство, не стѣсняясь указаніями земства и пр., будетъ изъ нихъ вызывать, кого заблагоразсудится; этимъ уже удовлетворится и самая крамола (!), и если твердо держаться этого плана, такъ что твердость эта будетъ всѣмъ и всякому явственна, то всѣ на этомъ и успокоятся.

Важно ужъ и то, по-моему, что этакую чепуху могъ подписать и подать Государю Игнатьевъ; но гораздо важнѣе подписи Государевы: сверху нѣчто въ такомъ родѣ: если это не программа правительства, то ужъ и не знаю, чего еще надо. А по бортамъ почти все пунктъ за пунктомъ опровергнуто или повергнуто сомнѣнью, напр., народъ удовлетворится... а съ борту: Собст. Его Вел. рукой поставленъ вопр. знакъ; общество удовлетворится... — „Едва-ли“ крамола удовлетворится... „Да развѣ того ей надо“?—Какъ-же согласить противорѣчіе верхней надписи и боковыхъ этой записки и бесѣдъ о Земск. Соборѣ? Пока я читалъ, въ канцеляріи были посторонніе; я молча вернулъ записку Воейкову, пожалъ ему руку, ушелъ и больше не заикался съ нимъ про это. Съ чего далъ онъ мнѣ эту записку. NB въ первое свиданье! Самъ собой или по приказу Игнатьева? Первое слишкомъ-бы индискретно, кажется; второе — безсмысленно, если Воейковъ про мои отношенья къ Земско-Соборному вопросу не знаетъ. Думается такъ:

Digitized by Google

Игнатьевъ сказалъ Воейкову: пріѣхалъ Голохвастовъ, мнѣ подали его карточку, но забыли спросить, гдѣ онъ остановился, (это фактъ; слѣд., Игнатьевъ въ день пріѣзда уже говорилъ обо мнѣ Воейкову). И, предполагаю, продолжалъ: дайте ему эту нашу записку прочесть, что онъ про нее скажетъ? А про себя думалъ: Посмотримъ выскажетъ-ли Голохвастовъ, по поводу этой записки, что-нибудь Воейкову о Земск. Соборѣ. На другой день послѣ моего свиданья съ Игнатьевымъ Воейковъ позвалъ меня къ себѣ завтракать и сталъ спрашивать о запискѣ; я отдѣлался, разумѣется, очень блѣдными отвѣтами. Больше я Игнатьева не видалъ. Написалъ о 1 мартѣ. Теперь переписываю записку о выборахъ на Соборъ, очень усиливая иныя мѣста, напр. о необходимости сочетать Соборъ съ коронаціей. Эту записку передамъ изъ рукъ въ руки Игнатьеву въ воскресенье послѣ обѣдни; самое удобное время видѣться съ нимъ, не возбуждая вниманіе постороннихъ. Мимоходомъ анекдотъ: 21 Игнатьевъ, когда послѣ обѣдни подошли ко кресту, взялъ меня подъ руку и увелъ. Послѣ разговора отвелъ меня къ графинѣ; я у нея еще посидѣлъ.

Ухожу, какъ пришелъ, мимо церкви; попъ подаетъ мнѣ просвирку: натощакъ часъ слишкомъ ждалъ меня. Наши московскіе попы не такъ предусмотрительны: но дальновидны-ли здѣшніе? Въ самомъ-ли дѣлѣ повезетъ мнѣ (по ихнему) дѣлу моему (по моему)? Что-то плохо вѣрится. По пріѣздѣ Скобелева дня два—три очень говорили объ отставкѣ Игнатьева. Прочили ему въ преемники Абазу, Александра Аггѣевича Половцева, Лобанова-Ростовскаго и даже Новикова, лѣтъ 30 не видавшаго Россіи.

Вчера 1 марта Государь проѣхалъ въ крѣпость по Невскому; съ Государемъ, безъ конвоя, шаговъ за 50 за нимъ Алексѣй Александровичъ. Потомъ другіе всѣ князья и, наконецъ, свита.

По Екатерининскому каналу отъ Невскаго до часовни и отъ часовни въ ту сторону пробраться было нельзя во время панихиды. NB: и Государя не ожидали, просто пришелъ молиться.

Сейчасъ получилъ телеграмму отъ жены изъ Крюкова; она сбирается пробыть въ Москвѣ недѣлю, остановится у Филиберовъ (соб. д.) на Смоленскомъ бульварѣ. Пишу ей, что все поинтереснѣе узнаетъ отъ Васъ. Но увы, мало интереснаго могъ я Вамъ сообщить на первый разъ. Мой адресъ: Невскій 22, квартира 21; въ телеграммахъ нужно имя Павлу, ибо подъ тѣмъ-же № живетъ и братъ мой Александръ.

Я пишу женѣ такъ, чтобы, если письмо не застанетъ ее въ Москвѣ, могло-бы дойти къ ней по почтѣ: поэтому прибавляю иное тутъ, спеціально ей интересное; а это, впрочемъ, и Вамъ: постоянно слышно, что Государь хочетъ покинуть Гатчину и переѣхать въ Москву на долго. Я спрашивалъ про это у Олсуфьева, онъ не отвѣчаетъ ни да, ни нѣтъ, но скорѣе да. Тогда, конечно, и Игнатьевъ будетъ въ Москвѣ, вѣроятно и я съ нимъ. Срокъ переѣзда будто-бы къ Пасхѣ.

Digitized by Google

Я очень боюсь, что Игнатьевъ поведетъ дѣло къ З. Собору слишкомъ осторожно и мелко и приведетъ не къ великому Собору, а къ Соборишкѣ, очень невинному съ виду, но въ дѣйствительности ужасно опасному. Тѣмъ болѣе хотѣлось-бы мнѣ, чтобы Игнатьевъ поручилъ мнѣ приготовить изданье соборныхъ актовъ и написать предисловье къ нимъ. Тогда-бы я все, доселѣ написанное мною, разбилъ на двѣ части: одну для публики, другую для правительства; постарался-бы всячески, чтобъ обѣ части безъ искаженья попали въ руки Государя. Если-же бы не попали всетаки, рѣшился бы, пожалуй, напечатать ихъ обѣ за-границей. Такимъ образомъ правда ужъ дошла-бы до Государя и, хотя и нехорошимъ путемъ, прошла-бы въ общество. Въ воскресенье попробую уговорить Игнатьева на это изданье. Въ январѣ онъ этому, казалось, очень сочувствовалъ. А чтобъ изданье это было и ученымъ интересно, надо-бы пошарить въ московскихъ архивахъ, не найдется-ли неизданныхъ еще актовъ. При этомъ у меня еще цѣль: когда я буду говорить, что надо-бы мнѣ надъ этимъ въ Москвѣ поработать, не проговорится ли Игнатьевъ, что и онъ, т. е. и Государь будетъ въ Москвѣ и сочувствуетъ-ли Государь созыву Собора на Коронацію.

До свиданья, дорогой Иванъ Сергѣевичъ; мой глубокій поклонъ Аннѣ Ѳедоровнѣ.

Душевно вашъ

П. Голохвастовъ.

На это письмо И. С. Аксаковъ отвѣчалъ отъ 6 марта:

Любезнѣйшій Павелъ Дмитріевичъ.

Вчера только вечеромъ Ольга Андреевна принесла мнѣ ваше письмо. Никогда перваго вашего письма отъ 21 февраля я не получалъ и былъ нѣсколько вашимъ молчаніемъ удивленъ. Утѣшительнаго въ вашемъ письмѣ мало. Впрочемъ, таково свойство Петербурга: все опошлить, все размельчить, и одно спасеніе для Россіи—бѣжать изъ него и даже отрясти прахъ ногъ своихъ.

Вашъ душою И. Аксаковъ.

Въ Петербургѣ образовалось два теченія. Графъ Н. П. Игнатьевъ находилъ необходимымъ созывъ Собора. Также думалъ и М. Д. Скобелевъ. Въ печати это мнѣніе поддерживалось И. С. Аксаковымъ и П. Д. Голохвастовымъ. Иначе думали К. П. Побѣдоносцевъ, графъ Д. А. Толстой и др. Въ печати ихъ мнѣніе поддерживалъ М. Н. Катковъ. Графъ Игнатьевъ полагалъ, что 6 мая 1883 г. будетъ объявленъ Всемилостивѣйшій манифестъ о созывѣ Земскаго Собора. Но его предположеніе не осуществилось. Онъ подалъ въ отставку, которая была принята, и, вмѣсто манифеста, 3 мая вышелъ манифестъ, обозначившій собою весь дальнѣйшій путь царствованія Царя-Миротворца.

Н. В.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(**Новая повѣсть г. Боборыкина.** — Январь **„Вѣстника Европы“**, 1905 года. — **Геркулесовы столбы декадентскаго кривлянья.** — Декабрь журнала **„Вѣсы“** за 1904 годъ).

I.

Много уже лѣтъ къ ряду „Вѣстникъ Европы“ и „Русская Мысль“ начинаютъ годъ произведеніями П. Д. Боборыкина. Обыкновенно въ первомъ изъ этихъ журналовъ идетъ романъ г. Боборыкина, хватающій иногда до половины года. Нынѣ сдѣлано измѣненіе. Въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ помѣщена повѣсть, а не романъ, но повѣсть большая, въ шесть печатныхъ листовъ.

Нашъ почетный академикъ, дающій ежегодно по два произведенія, а иногда и болѣе, при такой плодовитости, лишенъ возможности быть всегда на одной высотѣ художественнаго творчества. Огромная привычка къ повѣствовательной прозѣ, обработанной долголѣтними опытами, живой діалогъ, чутко развитая наблюдательность нерѣдко замѣняютъ у П. Д. Боборыкина обдуманный и прочувствованный замыселъ. Достоинство его произведеній заключается чаще всего въ ихъ современности, въ умѣніи подхватить и сфотографировать какое-либо изъ общественныхъ теченій. Поверхностная современность повѣствованія не разъ облекалась въ подобіе глубокаго проникновенія въ тайники общественной жизни.

Эти упреки ни въ какой мѣрѣ не могутъ относиться къ новой повѣсти П. Д. Боборыкина „Минотавръ“, которая имѣетъ значеніе не только по художественности выполненія, по соразмѣрности частей, но и по глубокой, прекрасно разработанной основной мысли.

П. Д. Боборыкинъ въ новомъ своемъ произведеніи даетъ картину того, къ какимъ плачевнымъ для семьи результатамъ приводитъ увлеченіе одного изъ супруговъ сценою. П. Д. Боборыкинъ хорошо знаетъ и сцену и кулисы. Онъ не мало писалъ для театра, какъ

Digitized by Google

драматургъ, и о театрѣ, какъ вдумчивый театральный критикъ. Однимъ изъ его молодыхъ успѣховъ (въ 1862 году) была драма „Ребенокъ", въ которой авторъ дѣлилъ свѣжіе лавры съ юною московскою артисткою Поздняковой, впослѣдствіи — красой нашего театра—Г. Н. Ѳедотовой.

Проживя вѣкъ свой съ актерами, изучивъ среду ихъ, имѣя между ними не мало друзей, П. Д. Боборыкинъ не съ предвзятой идеей, не съ предразсудкомъ подходитъ къ своему сюжету, но правдивость бытописателя не позволяетъ ему скрыть истину отъ читателя и онъ, нисколько не морализируя насильственно и не навязывая своихъ взглядовъ, съ безпощадной правдой рисуетъ какъ искусственное упоеніе театральными успѣхами, такъ и отраву гнилого воздуха кулисъ.

Напрасно только повѣсть озаглавлена именемъ „Минотавра". Это и претенціозно и невразумительно. Порожденіе греческихъ миѳовъ, полу-быкъ, полу-человѣкъ, сынъ отъ преступнаго союза жены критскаго царя Миноса, нимфы Пазифаи, съ быкомъ, Минотавръ, заключенный въ лабиринтѣ критскомъ, пожиралъ людей, къ нему приводимыхъ. Если хитро запутанная, неисходная безъ путеводящей нити постройка Дедала—лабиринтъ и сходствуетъ съ запутанною, перекрученною жизнью кулисъ, то чудовище страсти къ сценѣ не имѣетъ никакого сходства съ Минотавромъ. Ни одна жертва не шла къ Минотавру добровольно, никто не мечталъ стать такой жертвой, а тѣ, кого растерзывало чудовище, были влекомы на его съѣденіе силою. Изображенное же П. Д. Боборыкинымъ чудовище втягиваетъ добровольцевъ, какъ омутъ, засасываетъ ихъ, какъ тина, выпиваетъ ихъ соки, какъ спрутъ.

Въ повѣсти г. Боборыкина отнюдь не произносится послѣдняго приговора сценѣ и театральному искусству. Наоборотъ, видно, что авторъ любитъ это искусство и если строго критикуетъ его, то лишь въ новыхъ его изломанныхъ проявленіяхъ. Авторъ рисуетъ міръ театральный, какъ міръ особенный, отрѣзанный отъ другихъ міровъ общественнаго склада.

Иначе міръ этотъ и не можетъ быть устроенъ по самому происхожденію своему. Начиная ab ovo, мы видимъ, что театральныя представленія сѣдой древности были не развлеченіемъ, а священнодѣйствіемъ въ честь бога Діониса. Естественно, что лицедѣи первыхъ годовъ театра должны были быть чѣмъ-то вродѣ жрецовъ, т. е. кружкомъ замкнутымъ, обособленнымъ. Въ другіе эпохи актеры, призванные развлекать богатыхъ цѣнителей и любителей искусства, набирались, какъ и пѣвцы, и танцоры, и акробаты, изъ рабовъ по преимуществу. Это былъ опять міръ обособленный, замкнутый. Появленіе тонкаго любителя искусства, Нерона, на подмосткахъ и

Digitized by Google

на аренѣ возмущало современниковъ не тѣмъ, что скучающій жестокій императоръ былъ посредственнымъ артистомъ, а несоотвѣтствіемъ рабьяго занятія съ высокимъ саномъ.

Въ вѣка сословныхъ предразсудковъ актеры, столь любимые за свое искусство, были паріями общества. Для нихъ даже церковь не имѣла благословенія, и всего авторитета самовластнаго Людовика XIV не было достаточно, чтобы похоронить актера Мольера, какъ и всякаго христіанина. Король добился погребенія на кладбищѣ, но могила автора „Тартюфа“ и „Мизантропа“ была углублена на цѣлый футъ противъ могилы другихъ добрыхъ дѣтей католической церкви.

Времена шли, измѣняясь. Значеніе театра и его дѣятелей поднималось, но міръ театральный оставался обособленнымъ. Большинство артистовъ, и наиболѣе знаменитыхъ, росли и воспитывались для сцены и на сценѣ. Съ ранняго дѣтства они знали къ какой дѣятельности готовятся, съ малыхъ лѣтъ они дышали воздухомъ кулисъ или его предвкусіемъ въ театральной школѣ. Въ томъ же замкнутомъ міркѣ происходили ихъ первые дебюты на сценѣ и въ жизни. Тутъ же, чаще всего, находили они и первыя страницы любви и, въ своей средѣ, вступали въ браки.

Бывали случаи браковъ артистовъ и артистокъ съ людьми другого круга, но это были лишь исключенія; чаще выходили замужъ артистки и затѣмъ покидали сцену.

Послѣднія пятьдесятъ лѣтъ все это значительно сгладили, нивеллировали. Общество демократизировалось, перегородки между сословіями и кругами общества рухнули, и на сценѣ все чаще и чаще стали появляться люди, которые до взрослыхъ лѣтъ себя къ ней не готовили, проходя и учебный и жизненный курсъ совсѣмъ въ другихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ.

Браки людей другого круга общества съ артистами и артистками стали явленіемъ заурядным, и люди театра, обзаведясь семьей, чуждой сценѣ, не покидали ее, а продолжали свою артистическую дѣятельность. Бравшіе себѣ въ мужья и жены дѣятелей сцены брали ихъ такими, какіе они есть, и такъ какъ они наперед знали условія, въ которыя ихъ ставитъ профессія жены или мужа, то и приспособлялись къ ея особенностямъ.

На сценѣ появились люди разнообразныхъ общественныхъ слоевъ. Нынѣ наши театры насчитываютъ въ средѣ артистовъ не мало бывшихъ военныхъ, не мало людей съ титуломъ. Двери кулисъ широко открылись въ общество и пошелъ свободный обмѣнъ общественныхъ слоевъ.

Театральный же міръ, однако, какъ былъ, такъ и остался обособленнымъ и своеобразнымъ.

Причиною этой обособленности является не только тотъ истори-

Digitized by Google

ческій ходъ образованія этого мірка, на который было указано выше, обособленность эта лежитъ и въ томъ, что само театральное искусство совершенно отлично отъ всѣхъ другихъ родовъ искусства, оно не только наиболѣе изо всѣхъ индивидуально, но оно и неразрывно связано со своимъ носителемъ. Картина живописца, статуя скульптора, зданіе зодчаго, стихи поэта, музыкальное произведеніе композитора, будучи сотворены, отпадаютъ отъ своего творца и живутъ самостоятельно, независимо отъ того, продолжаетъ или нѣтъ жить ихъ создатель. Произведенія эти дѣлаются общимъ достояніемъ. Какъ только они вышли на свѣтъ, такъ пользованіе ими, наслажденіе ими доступно каждому, помимо воли автора.

Иное дѣло—искусство актера. Онъ творитъ, когда играетъ. Занавѣсъ опущенъ, роль сыграна и осталось одно воспоминаніе, неповторяемое и не могущее быть возобновленнымъ въ дѣйствительности безъ желанія творца. При этомъ творчество художника-исполнителя всецѣло въ зависимости отъ творчества художника-создателя, драматурга, композитора. Для послѣдняго артистъ есть орудіе, средство, какъ для живописца холстъ и краски, какъ для музыканта инструментъ. Но эти орудія, эти средства—живыя души, одаренныя тоже стремленіемъ къ творчеству.

Жрецъ всякаго искусства, создавъ свое произведеніе, можетъ сложить его въ сторону, если онъ имъ недоволенъ, и вынуть его на свѣтъ Божій, когда признаетъ то нужнымъ. Если толпа его не пойметъ, онъ будетъ надѣяться, что времена измѣнятся и вкусы улучшатся, что есть еще потомство и что пока „онъ самъ—свой высшій судъ".

Не таково творчество актера. День его—его вѣкъ. Только въ общеніи со зрителемъ онъ можетъ творить и только при его одобреніи получить художественное удовлетвореніе отъ созданія своего. При этомъ онъ творитъ не одинъ, а совмѣстно съ окружающими товарищами, и созданіе его будетъ истинно прекраснымъ лишь при полномъ ансамблѣ.

Понятно, что работа художника сцены наиболѣе порывистая, наиболѣе нервная, наиболѣе поглощающая все его существо и все его время.

Поэтому, какъ бы ни измѣнялись условія человѣческаго общежитія, но сцена остается обособленнымъ міромъ со своимъ раемъ—рампой, со своимъ адомъ—кулисами.

Люди другихъ занятій трудно понимаютъ кастовые актерскіе интересы и, вѣроятно, соединившіе свою жизнь бракомъ съ актеромъ или актрисой часто недоумѣло смотрятъ на волненія и запросы своей половины.

За послѣднее время въ единеніи общества и театральнаго міра

Digitized by Google

народилось новое явленіе, ранѣе неслыханное. Люди, уже создавшіе свою семью на почвѣ, не имѣющій ничего общаго со сценой, стали уходить на сцену, въ тотъ обособленный міръ, который, всецѣло поглощая человѣка, дѣлаетъ для него прѣснымъ все, внѣ сцены лежащее, и отвлекаетъ его естественно отъ семейнаго очага.

Никто, вѣроятно, не видалъ, чтобы мужъ уходилъ отъ любимой, повидимому, жены въ моряки, хотя за моряковъ и выходятъ замужъ, мирясь напередъ съ разлуками, но выходятъ замужъ за того, кто ранѣе брака посвятилъ себя морю и кто часто, ради единенія съ семьею, мѣняетъ дѣятельность и прощается съ бурной стихіей.

Но за послѣдніе годы все чаще и чаще наблюдается странное и почти уродливое явленіе ухода то мужей, то женъ изъ семьи на сцену.

II.

Одному изъ такихъ явленій, уходу мужа на сцену, и посвящаетъ свою новую повѣсть П. Д. Боборыкинъ.

Вѣроятно, чтобы не усилить искусственно впечатлѣніе и безпристрастнѣе выставить положеніе, авторъ взялъ бездѣтную семью. Чтобы ознакомить съ героями повѣсти, приведемъ ея начало, дадимъ говорить самому автору.

Въ будочку съ сидѣньемъ и доской, вродѣ столика, проникаетъ вѣтерокъ, но такой мягкій и ласкающій...

Наканунѣ держался суровый день съ сѣвернымъ вѣтромъ; море лежало темно-стальное, съ широкими и задорными „барашками", а сегодня, съ утра, небо точно затянуто легкой дымкой, и вѣтерокъ—съ запада.

Наклонившись надъ столикомъ будочки, молодая женщина, въ бѣлой холщевой шляпѣ и ватерпруфѣ—длиннымъ халатомъ,—что-то заноситъ въ записную книжку изъ толстаго тома, лежащаго тутъ-же.

Этой женщинѣ не больше двадцати пяти лѣтъ. Лицо худощавое, очень выразительное, съ глубокими глазами; на лобъ надвинуты темно-каштановые волосы, уже обсохшіе послѣ купанья.

Тонкими пальцами крупной руки, съ однимъ обручальнымъ кольцомъ, она держитъ карандашъ и быстро-быстро пишетъ, заглядывая въ толстую книгу.

Привычнымъ движеніемъ она прикоснулась карандашомъ къ щекѣ около рта и перестала писать.

Прищуривъ немного глаза, она глядѣла впередъ, на берегъ, на полосу — въ эту минуту—зеленоватаго моря, на то, что дѣлалось на прибрежьѣ.

Было около одиннадцати часовъ утра.

. . . . . .

Здѣсь—дѣтское царство. Они должны запасаться здоровьемъ.

Нѣкоторыя дѣти, какихъ она встрѣчаетъ здѣсь, милы, особенно

Digitized by Google

маленькія, лѣтъ отъ двухъ до пяти. Дѣвчонки-подростки, уже съ манерами, глупо разряжены.

И она сама была такимъ же противнымъ подросткомъ. Ее водили „какъ куколку"; у нея былъ уже флиртъ съ гимназистами и кадетами. Потомъ все это слетѣло съ нея къ шестому классу гимназіи.

Дѣти дѣлаются ей какъ бы въ тягость и вчужѣ.

Не оттого ли, что у нихъ съ мужемъ нѣтъ своихъ? Вѣроятно, и не будетъ. Они женаты уже больше трехъ лѣтъ; осенью минетъ ровно четыре года.

Дѣти—обуза; но они же и живой, непрерывный интересъ. Безъ нихъ возишься все съ самимъ собою. Нѣтъ главной „диверсіи", нѣтъ того устоя, который не позволяетъ вамъ эту возню съ собственнымъ „я".

Молодая женщина совсѣмъ отложила карандашъ и даже захлопнула записную тетрадь.

Вотъ и эта „работа", которую она добросовѣстно исполняетъ по утрамъ послѣ чая и купанья... дѣлаетъ ли она свои выписки съ увѣренностью, что изъ этого выйдетъ толкъ?

Съ какой трепетной радостью взялась она помогать мужу.

Это было еще въ прошломъ году.

Онъ поступилъ на службу, но не оставлялъ идеи писать магистерскую диссертацію. При университетѣ его не оставили потому только, что онъ не хотѣлъ заискивать, да, вдобавокъ, имѣлъ съ однимъ профессоромъ нервный разговоръ.

Онъ поручилъ ей дѣлать переводныя выписки изъ множества книгъ на четырехъ языкахъ. Она могла бы переводить и съ итальянскаго. Вѣдь она блистательно кончила на словесномъ отдѣленіи женскихъ курсовъ, мечтала и сама о спеціальномъ сочиненіи по средневѣковой исторіи.

Эти мечты были прерваны ея любовью и потомъ замужествомъ.

Выходъ замужъ затянулся. Пришлось бороться съ отцомъ. Мама была въ ихъ „заговорѣ", но отецъ почему-то сразу не взлюбилъ Астахова, называлъ его презрительно офицерскимъ словомъ „брандахлыстъ", считалъ и фатомъ, и „пустельгой", и „флюгаркой", не признавалъ въ немъ никакихъ задатковъ серьезнаго ученаго.

Отецъ имѣлъ право смотрѣть на себя, какъ на „образцово-работоспособнаго" спеціалиста. Онъ учился въ двухъ академіяхъ, артиллерійской и инженерной, и всю жизнь провелъ въ комиссіяхъ и комитетахъ, какъ ученый дѣлопроизводитель.

Мать знала, что у Маши тайный романъ. Она видалась съ Астаховымъ у подругъ, въ театрахъ, въ концертахъ, иногда даже на улицѣ или въ Лѣтнемъ саду. Онъ пересталъ бывать послѣ какой-то язвительной фразы отца.

И такъ шло больше полугода.

Отецъ внезапно заболѣлъ, и черезъ три недѣли его не стало.

Передъ потерей сознанія онъ подозвалъ ее къ постели и сказалъ:

— Маша, теперь ты можешь поступить по-своему. Ты умница; но ты женщина: эмоціи преобладаютъ у васъ надъ идеями. Избранникъ твоего сердца—не мой идеалъ. Можетъ... я ошибался... Извини.

Эти предсмертныя слова отца въ послѣднее время все чаще и чаще приходятъ на память...

Ея „Ваня" съ нею все тотъ же, но самъ по себѣ, какъ человѣкъ, намѣтившій себѣ дорогу, давно смущаетъ ее.

Digitized by Google

И она не можетъ работать *съ убѣжденіемъ*, какъ его сотрудница потому что она теряетъ вѣру въ то, что его диссертація—не пустой звукъ. Онъ самъ пересталъ изучать „первоисточники", и то, что онъ ей поручаетъ переводить, кажется ей только „отводомъ глазъ", точно ему самому передъ ней совѣстно, и онъ только выигрываетъ время.

Чиновника изъ него тоже не выйдетъ. Службой онъ не интересуется, хотя въ томъ мѣстѣ, куда онъ поступилъ, работа не канцелярская, а литературная, все равно, что въ какой-нибудь редакціи.

Но ему давно уже „скучно". Онъ считаетъ такую ученую службу „толченіемъ воды въ ступѣ" и безпрестанно говоритъ о тѣхъ „чинушкахъ", которые умничаютъ надъ Россіей и плодятъ безчисленные законопроекты, докладныя записки и циркуляры.

Въ немъ еще идетъ броженіе. Сколько мозговыхъ увлеченій могла бы она насчитать у него съ тѣхъ поръ, какъ они женаты. Полгода—одно, два мѣсяца—другое, потомъ—третье, четвертое.

И каждый разъ припоминаются ей безпощадныя клички покойнаго отца: „флюгарка", „диллетантишка", „франтъ".

Онъ не *франтъ*, то-есть, не фатъ въ обыкновенномъ смыслѣ; но тѣхъ „устоевъ", какіе нужны для настоящаго ученаго, въ немъ рѣшительно нѣтъ.

„Но что же есть"?—спросила она себя впервые только полгода назадъ, зимой, послѣ того, какъ прошла у него писательская полоса.

Есть какая-то общая даровитость и, главное, импульсивность.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ нашла на него вдругъ полоса стихотворства.

Правда, онъ и прежде писалъ стихи, еще въ гимназіи. Но студентомъ бросилъ, нашелъ, что это „нелѣпая претензія" и „зудъ къ риѳмоплетству".

И этотъ „зудъ" опять проснулся. Теперешнее *повѣтріе* на стихи пахнуло и на него. Всѣ пишутъ; поползли, какъ грибы послѣ дождя, поэты въ разныхъ родахъ. Книжный рынокъ, заваленъ книжками съ портретами авторовъ и безъ портретовъ, съ курьезными виньетками и небывалыми посвященіями, съ самыми изысканными размѣрами.

И всѣ эти книжки находятъ себѣ читателей. На нѣкоторыхъ она видѣла: второе, третье изданіе.

И онъ сталъ писать по ночамъ. Сначала стыдился, потомъ читалъ ей... больше наизусть.

Она слушала, находила, что это звучно, искренно, нервно, иногда очень красиво... но неоригинально. Вводить его въ самообманъ она не считала честнымъ, но и не запугивала его.

Онъ самъ охладѣлъ, и въ какихъ-нибудь полгода. Ни одного стихотворенія онъ не снесъ въ редакцію, пересталъ читать ей вслухъ свои вещи, но пристрастился къ декламаціи. Отъ лирическихъ вещей переходилъ къ художественной прозѣ, къ драматическимъ сценамъ.

Этой новой „полосѣ" она скорѣе порадовалась. Это поддерживало въ немъ интересъ къ литературѣ. Но службой онъ сталъ уже явно тяготиться. Дома работа надъ подготовкой къ диссертаціи глохла, о приготовленіи къ устнымъ экзаменамъ почти и рѣчи не было.

Точно онъ спускался по наклонной плоскости. Декламація повела еще къ новой полосѣ. Теперь если онъ не ушелъ въ нее съ головой, то близокъ къ этому.

Digitized by Google

Зимой онъ выступалъ въ одномъ любительскомъ спектаклѣ, и его вызывали до десяти разъ.

Съ молодой актрисой казенной сцены—изъ тѣхъ, кому не даютъ ходу годами—онъ сразу рискнулъ сыграть Самозванца въ „Сценѣ у фонтана".

Всѣ женщины—и старыя, и молодыя, какія были въ залѣ,—пришли въ волненіе.

Такого интереснаго любителя давно нигдѣ не видали на любительскихъ подмосткахъ.

Въ польскомъ костюмѣ изъ темнаго бархата, въ шапкѣ съ перомъ, въ цвѣтныхъ сапогахъ, съ откидными рукавами богатаго кунтуша, ея Ваня казался со сцены настоящимъ красавцемъ. Онъ долженъ былъ сбрить бородку и усы, чтобы получить историческій обликъ Димитрія съ характерной бородавкой. Его волосы съ золотистымъ оттѣнкомъ пришлись очень кстати. И въ дикціи у него было что-то отрывисто-смѣлое, съ какимъ-то легкимъ акцентомъ.

О немъ писали въ двухъ листкахъ мелкой прессы. Одинъ изъ репортеровъ нашелъ, что „господинъ Ардатовъ—его псевдонимъ на афишѣ—выказалъ для любителя, впервые игравшаго публично, недюжинный талантъ и художественную заботу о вѣрности внѣшняго вида и тона".

И тутъ была правда—она должна съ этимъ согласиться. Но этотъ клубный тріумфъ ударилъ ее въ сердце. Она даже не бросилась за кулисы поздравлять, а сидѣла въ креслѣ, разстроенная. Кто-то изъ знакомыхъ мужчинъ подсѣлъ къ ней и сталъ тащить на сцену.

Ваня обнялъ ее, блѣдный и трепетный. Она его поцѣловала, но ей захотѣлось плакать. Не глупое „бабье предчувствіе, а совершенно ясная интуиція" подсказывала ей, что этотъ вечеръ фатальный.

Съ тѣхъ поръ въ немъ копошится новый червякъ. Онъ только и говоритъ, что о театрѣ. Постомъ онъ прямо „безумствовалъ", когда пріѣзжала московская труппа, ходилъ каждый вечеръ, дежурилъ у кассы, тратилъ на барышниковъ, со всѣми вступалъ въ горячіе споры о „театрѣ настроенія".

Знаменитому модному „настроенію" г. Боборыкинъ посвящаетъ нѣсколько горькихъ словъ.

Это слово—„настроеніе"—сдѣлалось для нея невыносимымъ. Она его слышитъ всюду, читаетъ вездѣ. Оно стало такъ же ужасно отъ безсмысленнаго повторенія, какъ жаргонныя слова: „обязательно" и „безумно".

„Что это такое"?—десятки, сотни разъ спрашивала она и никогда не получала толковаго отвѣта. И онъ не можетъ дать хорошаго объясненія.

Одно она знаетъ: прежде играли и писали *хорошо* или *скверно*, а теперь можно играть и писать всячески, но чтобы непремѣнно „съ настроеніемъ".

Въ этомъ „настроеніи", которое пустилъ преимущественно въ ходъ московскій театръ г.г. Станиславскаго и Немировича-Данченко, для его поклонниковъ дороже всего неопредѣленность тѣхъ понятій,

Digitized by Google

которая въ это слово заключается. Для бездарности нѣтъ ничего пріятнѣе неопредѣленности, маскирующей безсиліе. Прежде подъ „настроеніемъ“ разумѣли извѣстное состояніе духа. Говорилось: „онъ въ хорошемъ, въ дурномъ настроеніи духа“, „настроеніе толпы бурно, миролюбиво“ и т. п. Теперь говорятъ: „эта пьеса полна настроенія; онъ играетъ, пишетъ съ настроеніемъ“. Безсильные декаденты ухватились за „настроеніе“, какъ за камень краеугольный, Ниже мы, къ несчастію нашему, приведемъ примѣръ писателя съ „настроеніемъ“, пишущаго о пѣвицѣ съ „настроеніемъ“, и воочію покажемъ до чего это существующее, будто бы, само по себѣ, „настроеніе“ можетъ довести.

Астахова знаетъ своего мужа и боится за него.

И это повѣтріе чего-то субъективнаго, шалаго, почти всегда безъидейнаго виситъ въ воздухѣ. Отъ него никуда не уйти такимъ „эмоціональнымъ“ натурамъ, какъ ея мужъ.

Мужъ!

Развѣ это все? Ея Ваня дорогъ ей не потому только, что она его законная супруга, носитъ его имя, можетъ стать матерью его дѣтей.

Что же хитрить? До сихъ поръ она влюблена въ него, въ его милую наружность, въ тонъ, въ манеры, въ голосъ, въ то, что привлекаетъ женщину.

А онъ?

Марья Денисовна вся немного захолодѣла, выговоривъ про себя этотъ вопросъ.

Впервые ли онъ приходитъ ей?

Кажется, уже не впервые.

Она не считаетъ себя ревнивой. До сихъ поръ не было поводовъ... Нѣтъ ихъ и въ настоящую минуту: но она чувствуетъ не съ вчерашняго дня, что ея „возлюбленный“ уходитъ отъ нея куда-то, уходитъ не отъ одной ея, а отъ того, что считалъ не такъ давно своимъ высшимъ интересомъ, къ чему готовился, въ чемъ она была бы ему не только ссчувственницей, но и вѣрнымъ товарищемъ и сотрудникомъ.

Въ послѣднихъ строкахъ намѣчена вся трагедія подобныхъ положеній. Она, конечно, заключается не въ ревности. Ревновать ревнивый сумѣетъ при всякихъ обстоятельствахъ и по всякому поводу, какъ и безъ всякаго повода. Страшна не измѣна ушедшаго на сцену супруга. Измѣнить можно и безъ сцены, хотя кулисы даютъ больше всего поводовъ къ измѣнѣ. Страшенъ именно уходъ актера отъ всего, что было прежде его жизненными интересами. П. Д. Боборыкинъ указываетъ въ послѣднихъ приведенныхъ строкахъ лишь на главнѣйшій основной интересъ, отъ котораго уйдетъ Астаховъ, попавъ на сцену. Но мысль его можно и продолжить. Жизнь слагается не только изъ крупной важнѣйшей цѣли, она слагается и изъ мелочей. Радость жизни не только въ томъ, чтобы одержать побѣду на избранномъ поприщѣ, она складывается и изъ тѣхъ повседневныхъ

Digitized by Google

утѣхъ, которыя составляютъ, такъ сказать, обстановку жизни, начиная съ обстановки въ непосредственномъ значеніи слова, т. е. обстановки жилья и кончая семейными привычками, если не образующими счастья, то служащими его подобіемъ.

Актеръ, по самому складу занятій своихъ, вынужденный перевоплощаться въ разные образы, соотвѣтственно разнымъ своимъ ролямъ, вынужденный проводить большую часть времени на репетиціяхъ и спектакляхъ, въ зданіи театра, въ мірѣ, совершенно чуждомъ его домашнему міру, дѣлается волей-неволей до нѣкоторой степени пустодомомъ, смотрящимъ на свое жилье, какъ на мѣсто ночлега, какъ на этапный пунктъ. Актеръ, гастролирующій, переѣзжающій съ мѣста на мѣсто, въ еще большей степени отрывается отъ дома и отъ семьи.

Всѣ эти перспективы грозящаго будущаго вставали передъ Марьей Денисовной.

Какъ разъ въ тотъ день, когда начинается повѣсть, на дачѣ у Астаховыхъ гоститъ товарищъ мужа учитель Верёскинъ и пріѣзжаетъ погостить подруга, по курсамъ, жены Софья Богдановна Кружалова.

Оказалось, что Соня Кружалова одержима тѣмъ же бѣсомъ театроманіи, что и Астаховъ.

Марья Денисовна ничего такого не ожидала и то, что сейчасъ же внесла съ собою ея подруга Кружалова, казалось ей прямо роковымъ.

Соня, тамъ, въ Москвѣ, уже матерью троихъ ребятъ, совсѣмъ потеряла голову и... отъ чего?

Отъ увлеченія тамошнимъ театромъ „настроенія“. Съ первыхъ же словъ они начали пѣть въ унисонъ съ ея мужемъ. Онъ видѣлъ ее раньше почти мелькомъ. Съ тѣхъ поръ она похорошѣла. Съ прекрасной фигурой и выбрирующимъ, звучнымъ голосомъ, Соня смотрѣла итальянкой: носъ, разрѣзъ глазъ, овалъ лица, черные, какъ смоль, волосы, жесты, все это стало чрезвычайно какъ выразительно. И во всемъ есть уже что-то не простое, а условное, „актерское“,—опредѣлила про себя Марья Денисовна.

У Сони не было прежде никакихъ особыхъ идей и вкусовъ. Училась порядочно, но много и танцовала, любила, правда, театръ, но больше оперу, и одно время состояла въ числѣ „амазонокъ петербургскаго тенора“.

Такая должна была выскочить замужъ, что и случилось. Мужа взяла безъ особаго выбора, изъ военныхъ, помѣщика, съ состояніемъ. Онъ теперь уѣздный предводитель. И три года сряду производила на свѣтъ.

Внезапно „прозрѣла“ въ Москвѣ, попавъ на представленіе одной изъ тѣхъ пьесъ, гдѣ новая школа настроенія во всемъ своемъ блескѣ.

И вотъ они теперь поютъ дуэтъ съ ея мужемъ, точно они уже давнымъ-давно спѣлись.

Digitized by Google

Произошелъ сейчасъ обмѣнъ взглядовъ и оцѣнокъ. Во всемъ они согласны—и въ общемъ направленіи, и въ тѣхъ „отмѣткахъ", какія ставятъ исполнителямъ.

Ея богъ—главный режиссеръ и актеръ труппы.

И мужъ ея считаетъ его изъ ряду вонъ, не только по искусству „ставить", но и какъ исполнителя... не всѣхъ, однако, ролей.

Но для Сони тотъ—„геній" во всемъ, даже въ самыхъ рискованныхъ „штучкахъ", о какихъ столько писали тѣ рецензенты, кто не особенно восхищается имъ.

Теперь начался споръ между Соней и Верёскинымъ. Она еще никогда не видала этого чудаковатаго педагога въ такомъ „настроеніи".

У него своеобразная манера какъ-то все поводить головой, справа влѣво, ерошить волосы и класть—когда что-нибудь доказываетъ—указательные пальцы одинъ на другой, крестомъ.

— Позвольте-съ!—остановилъ Верёскинъ Кружалову и поднялъ голову вверхъ.—Позвольте-съ! Надо же выбраться изъ этой шумихи словъ. Это все, извините меня, восторженная фразеологія.

— А вы желали бы,—задорно возразила Кружалова,—чтобы объ искусствѣ говорили, какъ на съѣздѣ желѣзнодорожниковъ или врачей?

— Позвольте-съ!—сильнѣе крикнулъ Верёскинъ фистулой.

— Вы и мой коллега Астаховъ выставляете впередъ новые принципы и опредѣленія. Вы, сударыня, фанатически увѣровали въ вашихъ москвичей. Но что же это такое, если взять болѣе опредѣленный терминъ?

— Ахъ, Петръ Петровичъ!—вставила Марья Денисовна, усмѣхнувшись въ сторону своего мужа.—Искусство настроенія! Вотъ вамъ единственная формула.

Мужъ ея посмотрѣлъ на нее также съ усмѣшкой, которая могла значить: „ужъ извини, тебѣ все это не по нутру".

— Ха, ха!—разразился Верёскинъ.—Разгадка всѣхъ изреченій новѣйшихъ эстетическихъ сфинксовъ. Но вѣдь согласись,—повернулся онъ къ Астахову,—изъ всего, что я читалъ о томъ, какъ ставятся пьесы въ театрѣ, это крайній реализмъ... т.-е. nec plus ultra, воспроизведенія дѣйствительности, другими словами, торжество подражательнаго принципа.

— Подражаніе?—воскликнула Кружалова, точно кто-нибудь ее ужалилъ.—Если это подражаніе, то что же всякая другая игра, всякая другая постановка? Тамъ вездѣ рутина, а тутъ сама правда!

— Позвольте-съ! Но что же такое правда въ искусствѣ, какъ не реализмъ? Что такое всѣ эти штучки, которыми стараются вызвать пресловутое настроеніе?

— Штучки!—почти гнѣвно кинула Кружалова, и ея большіе глаза метнули искры.

— Ну, назовите какъ угодно; всѣ... детали... чисто матеріальнаго характера—скрипъ дверей, сверчокъ, лампа, колебаніе шторъ отъ вѣтра, жужжанье комаровъ?

— Они не сами по себѣ важны,—остановилъ Астаховъ,—а какъ группа впечатлѣній.

— Прекрасно, братецъ, но я утверждаю, что это есть не что иное, какъ крайній реализмъ.

— Импрессіонизмъ, пожалуй...—поправилъ Астаховъ.

Digitized by Google

— Импрессіонизмъ... какъ у живописцевъ парижской школы, за которую когда-то ратовалъ блаженной памяти Эмиль Золя? Я видалъ такія картины. Тамъ совсѣмъ не то. Тамъ какъ у декадентовъ... все по-своему: желтыя деревья, зеленое небо, фіолетовыя щеки у женщины. Это—субъективизмъ. Оно, можетъ, и безобразно; но для моей сѣтчатой оболочки законы не писаны, коли я страдаю дальтонизмомъ.

— Вы хотите закидать учеными терминами!—сказала Кружалова съ театральнымъ пожиманіемъ плечъ.

— Другого слова нѣтъ! Это, какъ вамъ извѣстно, такое свойство нѣкоторыхъ глазъ: ни краснаго, ни зеленаго, ни желтаго они не видятъ, а только буренькое и сѣренькое.

— Что же это доказываетъ?—съ тѣмъ же напоромъ спросила Кружалова.

— Такимъ же манеромъ чувствуютъ, видятъ и слышатъ импрессіонисты и декаденты. Для насъ небо голубое, а для нихъ—зеленое; для насъ звукъ „о“ никакого окрашиванія не имѣетъ, а для такого индивида у „о“ темноголубой цвѣтъ.

— Господа,—подняла голосъ хозяйка,—все это очень интересно; но я ставлю другой вопросъ: кто хочетъ простокваши, кто варенца?

Всѣ разсмѣялись.

— Маня! Маня!—окликнулъ Астаховъ.—Евангельская Марфа! О чемъ печешься!?.

— О житейскомъ, мой другъ,—отвѣтила она ему въ тонъ.—А ты,—обернулась она къ подругѣ,—изображаешь собою Марію. Ты избрала благую часть.

— Избрала!—откликнулась Кружалова.—Да, избрала. Но это требуетъ борьбы.

— Неужели, Соня,—нервнѣе заговорила Марья Денисовна,—ты въ самомъ дѣлѣ рѣшишься, очертя голову, идти на сцену?

— Почему очертя голову?—возразила Кружалова, выпрямляясь.—Что это за упорный предразсудокъ?

Въ немногихъ словахъ г. Боборыкинъ далъ многое. Эта живая бесѣда, эти двѣ страницы развертываютъ передъ читателемъ, во-первыхъ, всѣ бездны увлеченія театромъ. Астаховъ хоть бездѣтенъ, а у Кружаловой трое малютокъ. Она дѣйствительно идетъ „очертя голову“, но справедливое мнѣніе о томъ Марьи Денисовны встрѣчаетъ сразу отпоръ. Соня упрекаетъ ее за такую квалификацію, а мужъ говоритъ съ ужасомъ:—„Было бы печально глушить талантъ изъ-за того только, что женщина замужемъ и у нея столько-то человѣкъ дѣтей“. Превосходный принципъ, очень удобный: нарожать дѣтей, которыя на свѣтъ Божій не просились, и зашвырнуть ихъ на произволъ судьбы для воздѣлыванія какого-то таланта. И, диви бы, ужъ дѣйствительно талантъ міровой. И онъ, конечно, не снимаетъ съ человѣка обязанностей передъ потомствомъ, но тогда хоть если не оправданіе, такъ объясненіе найти можно. А то вѣдь всѣ такія Сони Кружаловы лѣзутъ на сцену, вовсе не во имя таланта, а вслѣдствіе полной душевной и умственной пустоты и нерѣдко даже не

Digitized by Google

изъ любви къ искусству, а изъ жажды поклоненія, родственной тѣмъ собачьимъ ухваткамъ, когда самка ведетъ за собою стаю уповающихъ на удачу самцевъ.

Во-вторыхъ, въ той же сценѣ г. Боборыкинъ, съ чутьемъ истиннаго художника и истиннаго цѣнителя, видавшаго когда-то искусство, несхожее съ кривляющимся „настроеніемъ", даетъ надлежащую отповѣдь современному хитроумному балагану, упорно стремящемуся вытѣснить собою театръ.

По шаблонному ходу множества повѣстей, г. Боборыкинъ могъ сдѣлать изъ Сони героиню и заставить Астахова пасть въ ея объятія. То же чутье мастера не допустило г. Боборыкина до такой ошибки. Ни Соня, ни артистка Арнаутъ, взявшая Астахова въ свою труппу и рѣшившая его будущую актерскую карьеру, не играютъ никакой романической, любовной роли въ семейной драмѣ Астаховыхъ. Астаховъ впослѣдствіи случайно, мимолетно измѣняетъ женѣ, но это важная для судьбы его подробность не портитъ отношеній его съ женою, какъ и не улучшаетъ ихъ; это любовное приключеніе нисколько и не поглощаетъ Астахова.

При такомъ пріемѣ г. Боборыкинъ могъ сохранить заранѣе намѣченный центръ тяжести своего повѣствованія.

III.

П. Д. Боборыкинъ вводитъ читателя въ театральный міръ. Астаховъ уже рѣшилъ бросить службу, онъ часто видается съ одной извѣстной актрисой.

У нея странная фамилія—Арнаутъ; но это не псевдонимъ, а настоящее ея дѣвическое имя. Кажется, она не живетъ съ мужемъ. О своемъ прошедшемъ она говоритъ мало. Несомнѣнно одно: она—изъ барышень, дворянка, съ образованіемъ, живала за-границей. Родомъ она съ юга, изъ Одессы или Кіева,—онъ до сихъ поръ точно не знаетъ,—но ни еврейскаго, ни польскаго въ ней ничего нѣтъ.

Въ ней нашелъ онъ такой же культъ искусства, какъ и въ Кружаловой, разумѣется, съ прибавкой личныхъ художественныхъ интересовъ. Но у другихъ актрисъ съ именемъ—въ столицѣ ли, въ провинціи ли—театръ выѣдаетъ все, кромѣ своего „я", „пріемовъ" и успѣховъ, какъ „перваго сюжета" и какъ обаятельной женщины—все равно: хищница она только или способна на безкорыстныя увлеченія.

И эта вся ушла въ театръ. Но не въ одни свои успѣхи. Для нея самое дѣло стоитъ на недосягаемой высотѣ, она мечтаетъ о *своей* сценѣ, не потому, чтобы играть роль хозяйки, а чтобы „обновлять" искусство, ратовать за тѣ пріемы, какіе она считаетъ теперь самыми „возрождающими".

Здѣсь она выступала въ двухъ-трехъ благотворительныхъ спектакляхъ; ее принимали „фурорно"; она не пошла на самыя „лестныя"

Digitized by Google

предложенія: приглашали ее на первое амплуа въ лучшій частный театръ, сулили груды золота—сдѣлать объѣздъ десяти губерній, съ гарантированной поспектакльной платой—она не согласилась.

Съ нею онъ ѣздилъ два раза, въ Кронштадтъ и въ Гельсингфорсъ. Она проходила съ нимъ роли въ двухъ пьесахъ ея новаго репертуара. Онъ скрылъ это отъ жены, сказавъ, что ѣдетъ по личному дѣлу.

Маня, кажется, догадалась, но никакихъ объясненій не вышло.

Ему особенно удалась роль доктора въ „Дядѣ Ванѣ", гдѣ любовная сцена съ героиней—женой профессора—прошла блистательно.

Впервые испыталъ онъ то несказанное благополучіе, когда вы уже не помните, кто вы, и отдаетесь творчеству, преображаетесь, почти не не сознаете, гдѣ вы; забываете и о публикѣ, охвачены какимъ-то чуднымъ „самовнушеніемъ".

Арнаутъ поцѣловала его послѣ главной сцены при всѣхъ и громко сказала:

— Да, вы истинный художникъ!

Когда онъ велъ эту сцену, гдѣ мужчина такъ увѣренно ловитъ женщину, видя, что она отъ него не уйдетъ ни въ какомъ случаѣ, онъ не испытывалъ чувственнаго влеченія именно къ ней. Она красива, но не его „типъ". Но онъ сливался съ нею въ единствѣ артистическаго чувства. Они какъ-то сразу спѣлись. Она помогла ему находить интонаціи, жесты, паузы, игру физіономіи.

Ни въ какой другой школѣ не выработать изъ себя артиста, какъ въ партнерствѣ именно съ нею. Даже если бы его приняли въ Москвѣ на ту сцену, гдѣ предаются высшему культу искусства, онъ не могъ бы пройти такой школы. Тамъ онъ сыгралъ бы одну, много двѣ роли въ сезонъ и долженъ бы былъ подчинить себя безропотно суровой ферулѣ. Тамъ онъ, съ его впечатлительной натурой, легко сталъ бы обезьянить съ тамошнихъ премьеровъ.

Но время идетъ. Не нынче-завтра его руководительница рѣшитъ создавать здѣсь новую сцену или набирать труппу для большого „tournée" на обѣ половины сезона—до и послѣ поста.

Сегодня онъ ѣхалъ къ Юліи Павловнѣ Арнаутъ съ особеннымъ ожиданіемъ чего-то.

Арнаутъ—не первый молодости, хотя и красива еще, ей 38 лѣтъ. Пригласила она къ себѣ Астахова, чтобы звать его въ свое артистическое tournée.

Но передъ окончательнымъ рѣшеніемъ въ ней что-то заговорило и она высказала откровенно Астахову свои сомнѣнія. Эта сцена тонка и психологически вѣрно написана.

Она встала, прошлась по комнатѣ раза два. Ходила она медленно, немного колеблющимся шагомъ, держа голову нѣсколько вбокъ.

— Знаете что, Астаховъ, меня начинаетъ забирать душевное безпокойство.

— Насчетъ чего?

— Да насчетъ васъ, Иванъ Егорычъ.

— Насчетъ меня?

— Вы знаете, я съ вами ни одной секунды не хитрила. И теперь

Digitized by Google

я скажу, что у васъ прекрасныя данныя. Изъ васъ можетъ выйти артистъ, какихъ у насъ пять-шесть и обчелся.

— Я вамъ вѣрю. Юлія Павловна,—выговорилъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ.

— Любовь у васъ къ искусству на рѣдкость! О вашемъ развитіи распространяться смѣшно. Все это такъ, но...

— Есть *но*?—остановилъ онъ и поглядѣлъ на нее со своего мѣста—онъ стоялъ у камина.

— Да, есть но... и не одно даже, а цѣлыхъ два.

— Даже два?

— Одно о васъ самихъ. Давно я такъ никого не наблюдала, какъ васъ, Астаховъ.

— И что же?

— У васъ натура несомнѣнно артистическая, но слишкомъ, какъ это говорится по ученому, импульсивная, что-ли? Я боюсь, что вы будете проклинать меня черезъ годъ, черезъ два.

— Проклинать за что?

— Когда вамъ уже не будетъ ходу назадъ, когда васъ это чудище, которое зовутъ театромъ, совсѣмъ засосетъ; а счастья вы не найдете въ этой жизни: для однихъ она—запой, для другихъ—пожизненная каторга...

Астахову что-то вспомнилось.

— Юлія Павловна!—остановилъ онъ.

— Что, мой другъ?

— Развѣ нѣтъ такой сцены въ мелодрамѣ: „Кинъ или геній и безпутство"?

Онъ нервно разсмѣялся.

— Въ «Кинѣ»? Да! Это вѣрно. И я играю роль Кина, а вы—той молодой дѣвушки изъ общества, которая приходитъ къ нему за совѣтомъ, идти ли ей на сцену?

— Вотъ, вотъ!

— Ха, ха! Это очень остроумно и кстати! Что-жъ! А развѣ то, что Кинъ говорилъ ей, неправда?

— Но вѣдь это общее мѣсто. И не такой артисткѣ, какъ вы, пугать меня жупеломъ театра!

— Но вы согласны,—спросила она, подойдя къ нему и наклоняясь надъ кресломъ,—вы согласны, что у васъ именно такая натура?

— Можетъ быть... для артиста она не порокъ. Онъ весь долженъ быть изъ безконечнаго ряда настроеній.

— Да, но любовь къ дѣлу должна владѣть имъ безусловно и... на всю жизнь. Оттого-то въ театральной братіи на сто человѣкъ только пять процентовъ—люди съ призваніемъ. Одного таланта мало! Можно имѣть маленькое дарованіе и сильной любовью къ дѣлу выробатывать изъ себя настоящаго художника. Посмотрите вы на тѣхъ, на московскихъ. Они сами про себя—и тѣ кто на виду, и самые заурядные—говорятъ: «Мы вродѣ сумасшедшаго дома». Какая работа! Чисто каторжная! По пятидести, по сту репетицій! И какихъ репетицій! Вѣдь это вродѣ экзамена. Каждая фраза, каждое слово, жестъ, пауза перебираются на всякіе лады. И какъ держатся за эту именно сцену? Кто выдвинется, получаетъ имя—женщина или мужчина — ихъ переманиваютъ въ провинцію, сюда. Ей предлагаютъ триста, четыреста въ мѣсяцъ, а она сидитъ на ста рубляхъ.

Digitized by Google

— И вы хотите сказать, Юлія Павловна, что такой любви у меня никогда не будетъ?

— Можетъ, и болѣе пылкое чувство. Но надолго ли—вотъ вопросъ.

— И все потому, что у меня импульсивная натура?

— Повторяю... можетъ быть, и огромный талантъ, но безъ того упорства, которое дѣлаетъ человѣка рабомъ своего призванія. Это вѣдь неволя до гробовой доски!—вырвалось у нея страстной нотой.—Мнѣ разсказывала одна старушка въ Москвѣ. Она была, молодой дѣвушкой, вхожа въ домъ Михаила Семеновича Щепкина. Гостила у нихъ лѣтомъ на дачѣ. Тогда еще былъ въ Паркѣ казенный театръ, и спектакли шли и лѣтомъ. Такъ Михаилъ Семеновичъ—уже совсѣмъ старцемъ — послѣ ужина сначала помолится, а потомъ, въ постели, за роль, и до позднихъ часовъ... хотя бы онъ эту роль игралъ на своемъ вѣку десятки разъ.

Она подсѣла къ нему и протянула руку.

— Простите, Астаховъ, что я васъ вдругъ стала расхолаживать, когда дѣло подошло къ рѣшительному моменту. Вы не малолѣтокъ! Въ васъ это назрѣло.

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

Онъ спросилъ это, блѣднѣя, нервнымъ голосомъ.

— Можетъ, это женская тревожность, боязнь взять на свою совѣсть.. И тутъ вотъ является второе «но»...

— Второе?—повторилъ Астаховъ также нервно.

— Вы не одни, мой другъ. Сколько я знаю отъ васъ... жена ваша очень предана вамъ, во всемъ ваша помощница...

— Что жъ изъ этого?—нетерпѣливо перебилъ онъ.

— Ей извѣстно, что вы серьезно хотите сдѣлаться артистомъ?

— Она догадывается.

— Только догадывается? Значитъ, вы скрываете отъ нея?

— Она была на томъ спектаклѣ, гдѣ я въ первый разъ выступилъ въ Самозванцѣ.

— А потомъ... про ваши дебюты, какъ моего партнера, она знаетъ?

Астаховъ не сразу отвѣтилъ.

— Я не желалъ... лишнихъ разговоровъ.

— И скрыли отъ нея? Простите,—она взяла его руку,—я не хочу васъ допрашивать. Это ваше личное дѣло, Астаховъ. Но поймите... я все-таки являюсь теперь вашей... какъ бы совратительницей... ха, ха! Этого мало. Вы поступите ко мнѣ въ труппу... я буду и вашей руководительницей. Ваша жена меня совсѣмъ не знаетъ. Видала ли даже на сценѣ?

— Кажется, нѣтъ.

— Но мое имя ей, вѣроятно, извѣстно. Она можетъ составить обо мнѣ, Богъ знаетъ, какое мнѣніе. Вообще, это мнѣ все равно. Актриса должна на это идти. Но тутъ мнѣ было бы тяжело знать, что...

— Полноте!—рѣзче перебилъ Астаховъ.—На эту почву я попросилъ бы васъ не переходить. Что-жъ изъ того, что я женатъ? Это подробность. Сколько офицеровъ въ арміи и флотѣ не только женатые, но и съ большими семьями, а ихъ спрашиваютъ, угодно имъ отправляться на театръ войны?

— Это ихъ профессія!

— Позвольте! Они не солдаты. Они могли бы и не оставаться на

Digitized by Google

службѣ. А жены моряковъ? Онѣ отлично знаютъ, что и въ мирное время могутъ по цѣлымъ годамъ не видать мужей. И какъ будто нѣтъ женатыхъ и замужнихъ между актерами и актрисами? Конечно, тридцать, если не сорокъ процентовъ...

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Позвольте и вы! — горячѣе заговорила она. — Пожалуй, я, какъ женщина, и грѣшу противъ логики въ томъ, что сейчасъ говорила, но я хочу остаться вашимъ другомъ и хорошимъ товарищемъ, хотя въ товарищи мои вы, можетъ быть, и не попадете, если поддадитесь моимъ застращиваньямъ. Какъ вамъ угодно... То, что вы хотите съ собою сдѣлать—для васъ не то, что для гимназиста или неудачника-студента, который вообразилъ, что онъ Гамлетъ, принцъ датскій. Вы готовились къ ученой дорогѣ, вы... на службѣ въ такомъ учрежденіи...

— Неужели вы, вы, Юлія Павловна Арнаутъ, припасли, pour la bonne bouche, именно этотъ доводъ? Служба? Оставаться чинушкой? Быть въ пятьдесятъ лѣтъ награжденнымъ неизлечимымъ заваломъ печени и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника съ пряжкой за двадцатилѣтнюю безпорочную службу?

— А ученая карьера? Стало быть, это было тоже временное увлеченіе?

— Должно быть,—проговорилъ онъ какъ бы съ ироніей.

— И вдругъ съ карьерой актера будетъ то же, Астаховъ?

Послѣ бесѣды этой Астаховъ сразу рѣшилъ и подать въ отставку и сказать все женѣ. Умная и сдержанная, Марья Денисовна сумѣла отнестись съ внѣшнимъ спокойствіемъ къ давно ожидаемой развязкѣ. Она только поставила мужу на видъ, что сценъ ему не дѣлала, а потому и причинъ для его скрытности никакой не было.

Жизнь супруговъ, уже надломленная, распалась окончательно. Марья Денисовна сдала свою квартиру со всей обстановкой, нашла себѣ литературную работу, поселилась въ меблированной комнатѣ и повела скромную, сосредоточенную жизнь гордой и спокойной женщины.

Иванъ Егоровичъ помчался въ труппѣ Арнаутъ пожинать лавры въ провинцію. Переписка между супругами шла вяло и была рѣдка.

Однажды Марью Денисовну посѣтила незнакомая ей чахоточная дѣвица, Мамурина. Она привезла письмо отъ Сони Кружаловой и, тоже обуянная страстью къ театру, умоляла Астахову дать ей къ Ивану Егоровичу письмо, благодаря которому она могла бы войти въ труппу Арнаутъ, хотя бы на выходныя роли.

Марьѣ Денисовнѣ была непріятна эта просьба, было непріятно и напоминаніе о Кружаловой, которая еще недавно смутила ее своимъ актерски-сплетническимъ письмомъ, гдѣ разсказывала полунамеками небылицы объ отношеніяхъ Астахова къ Арнаутъ. Сначала Марья Денисовна отказала, но потомъ сжалилась надъ больной, восторженной, почти безумной дѣвочкой и дала свою карточку къ мужу.

Этой Мамуриной и была суждена случайная любовная роль въ

Digitized by Google

театральной эпопеѣ Астахова. Мамурина уже многое испытала: и увлеченіе, и измѣну любовника, и смерть ребенка, но сама осталась бѣднымъ, больнымъ ребенкомъ, летящимъ, какъ бабочка, на огонь въ пасть чудовища сцены и мечтающимъ сыграть хоть разъ, хоть одинъ разъ, бредящимъ Чеховскою „Чайкой“, съ которою ее сравнивали товарищи.

У Астахова въ его театральныхъ похожденіяхъ были не одни лавры и розы. Были и горькія минуты разочарованія. Въ одну изъ такихъ минутъ показываетъ его намъ авторъ.

Авторъ изображаетъ намъ Астахова (по сценѣ Ардатова) въ одну изъ такихъ минутъ разочарованія. Это утро послѣ нетрезвой ночи съ характернымъ кацонъ-ямеромъ и физическимъ отъ выпитаго вина, и моральнымъ отъ неудавшагося спектакля.

Во всю свою жизнь Астаховъ не выпилъ столько шампанскаго, какъ въ эти двѣ недѣли своей артистической поѣздки.

„Провалъ“ Астахова произошелъ не по его винѣ. Антрепренерша и премьерша Арнаутъ была сама не своя и ея состояніе передалось ему, расхолодило его.

Характерно опредѣляетъ П. Д. Боборыкинъ отношеніе Астахова къ Арнаутъ.

Только по вступленіи въ труппу, его «просвѣтили» насчетъ директрисы.

Это было ему, на первыхъ порахъ, какъ-то особенно непріятно. Женщины въ ней онъ не искалъ; да и она поторопилась сразу же установить между ними чисто-товарищескія отношенія и на первомъ же большомъ ужинѣ выпила съ нимъ брудершафтъ.

Но въ лицѣ этой женщины началась передъ нимъ «стирка бѣлья», обнаруженіе всего того нечистоплотнаго, что такъ въѣлось въ закулисные нравы.

Культъ новаго искусства еще не скоро очиститъ эти нравы. Онъ это увидалъ раньше, чѣмъ ему хотѣлось, и прежде всего на своей руководительницѣ.

Сначала онъ помирился съ тѣмъ, что есть въ Москвѣ нѣкоторый «тузъ», съ которымъ у нея давнишняя, какъ бы полусупружеская связь; какъ первый комикъ называетъ: «купецъ, дарящій жилетки», фраза, передѣланная изъ жаргона одной изъ героинь «Доходнаго мѣста». И этотъ анонимный финансовый покровитель, разумѣется, женатый, въ весьма почтенныхъ лѣтахъ.

Только-что Астаховъ помирился съ этимъ, какъ начали всплывать другіе симптомы, и всѣ почти члены труппы взапуски стали знакомить его съ сердечными дѣлами «патронши».

Оказалось, что она нѣсколько лѣтъ «жила» съ провинціальнымъ актеромъ, изъ самыхъ заурядныхъ, долго таскала его съ собою. Для нея его больше и брали антрепренеры, А съ послѣдняго лѣта вышелъ разрывъ или временный разъѣздъ, и она его въ свое tournée не взяла. О немъ всѣ—и мужчины, и женщины — одного мнѣнія: грубъ, дерзокъ,

Digitized by Google

бездаренъ, выпиваетъ, буянъ, вульгарной наружности, но женщины на него падки.

Не устояла и она, даже въ самый расцвѣтъ своего таланта и красоты. Для многихъ это оставалось загадкой.

Актриса на «grande dame»—изъ бывшихъ гувернантокъ—думаетъ, что ихъ связь еще не прервана и что можетъ выйти что-нибудь „экстраординарное".

Она при этомъ вспомнила громкій скандалъ на одномъ изъ столичныхъ театровъ, когда покинутый любовникъ на репетиціи сталъ поносить первую актрису самыми позорными словами.

Третьимъ открытіемъ былъ новый романъ его руководительницы въ самой труппѣ. Это сдѣлалось на его глазахъ. Она пригласила на „вторыхъ любовниковъ" красиваго мальчика, съ талантцемъ, сына артиста съ большимъ именемъ, воспитаннаго, съ голосомъ, бывшаго ученика консерваторіи. Она имъ стала заниматься особенно ревностно, и въ труппѣ уже пронюхали, что тутъ дѣло „не чисто".

Это опять огорчило его, не такъ, какъ фактъ „купца, дарящаго жилетки", но довольно сильно.

Получалось что-то чисто театральное, граничащее съ распущенностью.

Юлія Павловна, произведя его въ свои друзья, полегоньку дѣлала изъ него наперсника, и онъ ждалъ, вотъ-вотъ она будетъ его вводить въ свои интимныя дѣла. На поддержку изъ Москвы она уже намекала. Но ни про свою связь съ тѣмъ провинціальнымъ актеромъ, ни про „капризъ" ко второму любовнику своей труппы еще не проронила ни слова.

Это могло случиться не сегодня, такъ завтра.

Это замѣчательная въ короткихъ словахъ картинка закулисной жизни, мало понятная людямъ, не прошедшимъ огонь, воду и мѣдныя трубы театральныхъ задворковъ. Скандальные эпизоды жизни Арнаутъ не умаляютъ въ ней добраго товарища, умную интересную женщину, но берите ее такою, какова она есть, какою ее сдѣлала неровная, причудливая, болѣзненно-нервная жизнь сцены.

Не менѣе характерно описываетъ авторъ ощущенія, вызываемыя въ актерѣ отношеніемъ къ нему публики.

Вчера онъ (Астаховъ) испыталъ, что такое *актерское чувство провала или неуспѣха*.

Никакая карьера не даетъ его. Ни чиновникъ, ни писатель, ни художникъ—живописецъ, скульпторъ,—ни композиторъ не знаютъ *этого* именно чувства.

Легко ему было прежде—когда онъ считалъ себя принадлежащимъ къ сливкамъ интеллигенціи—возмущаться «безобразнымъ» тщеславіемъ «лицедѣевъ», ихъ жаждой успѣха, овацій, подарковъ, массовыхъ увлеченій публики.

Надо войти въ кожу всякаго такого «лицедѣя». Ни въ одной профессіи никто такъ не питается потребностью признанія своего таланта, какъ на подмосткахъ.

Писатель также ищетъ успѣха, дорожитъ отзывами, но онъ высту-

Digitized by Google

паетъ разъ, два въ годъ съ повѣстью или романомъ. Даже сценическій писатель, выходя раскланиваться съ публикой и рискуя услыхать и шиканье и свистъ, испытываетъ это разъ, много два въ сезонъ, а то и въ нѣсколько лѣтъ.

А тутъ ежедневная игра, рулетка, повышеніе и паденіе!..

Уже съ первыхъ вечеровъ, въ настоящей труппѣ, онъ позналлъ эту особенную чуткость къ малѣйшимъ оттѣнкамъ «пріема». Вчера «выкатили» пять разъ, а сегодня только три; вчера хлопали во всѣхъ актахъ, а сегодня ни хлопка послѣ такого-то дѣйствія.

И во всѣхъ товарищахъ та же лихорадка; въ мужчинахъ и въ женщинахъ. Трудно даже сказать, въ комъ больше. Начинаетъ щемить въ груди, пропадаетъ сейчасъ же возбужденное настроеніе, точно вамъ нанесли нестерпимую обиду.

А вчера былъ „форменный провалъ"—какъ, навѣрное, говорятъ всѣ коллеги, даже и тѣ, кто за ужиномъ строилъ фальшивыя фразы о «тупоголовой публикѣ».

Видишь насквозь всю эту актерскую фальшь; но вамъ до нея дѣла нѣтъ, пока у васъ есть пріемъ, пока вы испытываете сладостное щекотаніе отъ хлопанья и криковъ, даже самыхъ некультурныхъ, а въ провинціи—зачастую—прямо пьяныхъ.

Вчера его первая осѣчка--хотя вовсе не скандальная—такъ его разстроила, что онъ искалъ, впервые, забвенія въ винѣ. Но кромѣ сегодняшняго недомоганія ничего не получилъ.

Къ тому, что нами уже сказано было объ особенностяхъ театральнаго искусства по сравненію съ другими видамя художественнаго творчества, слова г. Боборыкина могутъ служить превосходнымъ подтвержденіемъ и поясненіемъ.

Дурное настроеніе духа директрисы театра произошло отъ того, что въ городъ, гдѣ гастролировала ея труппа, прибылъ съ шантажными намѣреніями грубый брошенный любовникъ Арнаутъ. Астаховъ засталъ его въ номерѣ директрисы, избивающимъ ее, какъ бьютъ безжалостные люди животныхъ. Астаховъ спасаетъ Юлію Павловну отъ нахала и насильника. Это еще болѣе сближаетъ ихъ но сближаетъ очень странно. Арнаутъ дѣлается откровенной. Она, во все посвящаетъ Астахова: и въ свою связь съ купцомъ, который ее содержитъ, и въ свою страсть старѣющей женщины къ молоденькому мальчику, актеру Любскому.

IV.

Въ одномъ изъ городовъ, который посѣтила труппа, Мамурина нагнала Астахова. Она принесла къ нему рекомендацію Марьи Денисовны во время спектакля, въ антрактѣ, въ его уборную. Она умоляла Астахова похлопотать и устроить ее хотя бы на выходы. Онъ помогъ ей, и Мамурина, больная, умирающая, достигла своей

Digitized by Google

мечты. За болѣзнью актрисы, которая должна была играть Чеховскую „Чайку“, роль дали Мамуриной. Окружающіе думали, что „дохленькая“ не вытянетъ, упадетъ въ обморокъ, но она превзошла всѣ ожиданія и, какъ это бываетъ съ нервными натурами, была на этотъ вечеръ великой артисткой.

Ее довели до уборной чуть живую. Съ ней сдѣлался обморокъ, и сама Юлія Павловна оттирала ее вмѣстѣ съ Астаховымъ. Мѣстный лихачъ мчалъ ихъ изъ театра въ узкихъ санкахъ.

Астаховъ держалъ за талію Мамурину, а она не сводила съ него глазъ, защищая блѣдное личико отъ рѣзкаго морознаго вѣтра.

Отъ обморока она скоро оправилась. Арнаутъ поспѣшила къ своему «Николенькѣ» въ гостинницу; всѣ разошлись, а они еще оставались въ уборной.

Она то тихо плакала, то принималась страстно благодарить его. Астаховъ не взвидѣлся, какъ она схватила его руку и начала порывисто цѣловать.

Ея «блаженству» не было предѣловъ. Она теперь ничего больше не хотѣла. Пускай ее держатъ «на выходѣ» и пускаютъ только «на затычку»—все равно... она будетъ въ труппѣ, гдѣ Иванъ Егоровичъ.

Весь свой успѣхъ она приписывала опять-таки ему, и его всего болѣе трогала эта скромность, при такой беззавѣтной страсти къ сценѣ.

— Послушайте, Ниночка,—назвалъ онъ ее такъ въ первый разъ,—все это прекрасно. Но вѣдь вы, я знаю, съ самаго утра ничего не ѣли. Вы достойны хорошаго ужина.

— Ахъ, это правда!—согласилась она совсѣмъ по-дѣтски.—Кажется, я больше отъ голоду упала въ обморокъ.

Онъ было думалъ: хорошо ли, что я повезу ее ужинать, въ номеръ къ себѣ?

Но вѣдь у него нѣтъ никакихъ на нее видовъ. Пускай теперь въ труппѣ подсмѣиваются надъ его «выборомъ». Сегодня всѣ, однако, признали, что она «удивительный самородокъ».

— Къ вамъ?—также дѣтски-просто спросила она.

— Нѣтъ, мой другъ... ко мнѣ уже поздно... въ ресторанъ.

Она стала сейчасъ же надѣвать шляпу и свою кофточку.

Дорогой она все радостно вздыхала и скоро-скоро переводила духъ повторяя:

— Господи, Господи!

У нея не хватало словъ излить всю полноту своего „блаженства“,

И только-что, въ отдѣльномъ кабинетѣ, они остались вдвоемъ, по уходѣ гарсона, и сѣли рядомъ на диванѣ она, съ глазами, полными радостныхъ слезъ, вскинула ему свои худенькія руки на плечи и стала трепетно обнимать.

Его схватилъ за сердце этотъ порывъ настрадавшагося бѣднаго созданія. Ни одинъ мужчина, на его мѣстѣ, не устоялъ бы.
Да и жестоко было бы охладить ее.

А губы Ниночки искали его губъ и шептали:

— Милый, дорогой! Какъ я безумно счастлива!

Этотъ вечеръ счастья, счастья успѣха и счастья любви, былъ послѣднимъ лучемъ въ печальной жизни Мамуриной. Въ слѣдующей

Digitized by Google

главѣ авторъ показываетъ ее на больничной койкѣ, умирающей отъ чахотки. Астаховъ съ совѣстью, не совсѣмъ покойною, навѣщаетъ ее. Угрызенія совѣсти,—для которыхъ не было полнаго основанія, такъ какъ вся вина Астахова заключалась въ томъ, что онъ, не искавши любви Мамуриной, шелъ по теченію и не боролся съ порывомъ обреченной на смерть дѣвушки,—вносятъ еще новыя разочарованія во взгляды Астахова на театральную жизнь. Бесѣда съ товарищемъ, актеромъ Терскимъ-Брянскимъ, который все прочуялъ, рождаетъ еще горькій осадокъ въ душѣ Астахова. Сплетня безпощадная, какую только однѣ кулисы могутъ создать и развить, грызетъ Астахова и преслѣдуетъ его.

Исторія съ Мамуриной обратилась въ нѣчто гадкое и преступное. Стали говорить, что Астаховъ воспользовался ея обморочнымъ состояніемъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана, воспользовался ея непорочностью и что это гнусное злодѣяніе закулиснаго Лавеласа свело дѣвушку въ могилу.

Сплетня шла за Астаховымъ. Въ большомъ городѣ, гдѣ прочли корреспонденцію о мнимомъ его злодѣяніи, онъ былъ освистанъ.

Астаховъ бросаетъ сцену, возвращается къ женѣ. Казалось бы, что конецъ долженъ быть тотъ же, что въ знаменитой баснѣ о „Двухъ Голубяхъ“. Но если трогательный и поучительный конецъ возможенъ въ моральной баснѣ Лафонтена и Крылова, то въ жизни театра скорѣе примѣняются пословицы: французская—„qui a bu, boira“, и русская—„пошелъ кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить“. Астаховъ увѣрялъ жену, откровенно разсказавъ ей все, что онъ „прежній ея другъ и товарищъ“.

Точно, они и на прежней квартирѣ поселились и на прежнюю дачу лѣтомъ переѣхали. Но театральный червячокъ точилъ незамѣтно Астахова, наполняя скукой и хандрою его тоскующее сердце. Онъ бы и вернулся на сцену, если бы между ею и имъ не лежалъ трупъ Мамуриной, въ его искуственномъ освѣщеніи приписаннаго Астахову злодѣянія.

Но вотъ это препятствіе устранилось. Арнаутъ прислала ему провинціальную газету, гдѣ цѣлый фельетонъ былъ напечатанъ съ цѣлью реабилитаціи Астахова. Вмѣстѣ съ тѣмъ директриса предлагала ему выгодныя условія: шестьсотъ рублей въ мѣсяцъ и два полубенефиса.

Онъ все сказалъ женѣ. Она поняла неизлечимость этой болѣзни и сама его отпустила вновь въ пасть театральнаго чудовища.

Повѣсть г. Боборыкина весьма поучительна. Она стоитъ,—по нашему времени скороспѣлыхъ увлеченій, болѣзненныхъ порывовъ,—цѣлаго трактата, цѣлаго большого романа. И тѣмъ она поучительнѣе, что авторъ вовсе не стремится поучать, а просто беретъ уголокъ жизни

Digitized by Google

и показываетъ его въ безпристрастныхъ чертахъ читателю. Авторъ не дѣлаетъ вывода и достигаетъ высокаго интереса лишь тѣмъ, что слѣдуетъ рецепту Гёте, учившаго писателя широко брать изъ жизни и сулившаго интересъ произведенія тому, кто сумѣетъ захватить жизненныя стороны.

Приведенныя выше цитаты показываютъ, что дѣйствующія лица „Минотавра"—живые люди. Тутъ нѣтъ ни натяжекъ, ни придуманности. Дѣйствія лицъ вытекаютъ изъ ихъ характеровъ.

Таковы не только главныя лица: Астаховъ, его жена, актриса Арнаутъ, но и Мамурина и эпизодическія лица, какъ Кружалова, актеръ Терскій-Брянцевъ и другія нами не упомянутыя.

И. Д. Боборыкинъ не разъ вызывалъ упреки за спѣшность своей работы, за вычурность своего слога.

Вѣдь это онъ обогатилъ русскій языкъ новыми словечками—„интеллигенція", „интеллигентъ", которые у насъ значатъ вовсе не то, что на языкѣ, откуда взяты, или; вѣрнѣе всего, ровно ничего опредѣленнаго не означаютъ. Вѣдь это онъ сочинилъ такой фальшивый пріемъ, какъ говорить: „я этого не потерплю—*поднялся онъ*", вмѣсто *„сказалъ онъ, поднимаясь со стула"*.

Въ „Минотаврѣ" этихъ фокусовъ, обреченныхъ играть роль своеобразности, нѣтъ или почти нѣтъ. „Минотавръ"—тонкая работа вдумчиваго и опытнаго мастера, а въ пустынѣ нашей современной бездарности повѣсть кажется и совсѣмъ крупнымъ произведеніемъ, особенно въ виду того, что она затрогиваетъ и разбираетъ одно изъ больныхъ мѣстъ нашей достаточно нездоровой современности.

V.

Но если бы кто хотѣлъ полюбоваться на истинную язву этой современности въ видѣ несчастнаго декадентскаго бреда, того отсылаемъ къ № 12 журнала „Вѣсы" за 1904 годъ.

Тамъ, въ первую голову, г. Андрей Бѣлый воспѣваетъ въ несуразной прозѣ одну изъ пѣвицъ, г-жу Оленину-д'Альгеймъ.

Что такое г-жа Оленина-д'Альгеймъ, какъ пѣвица—не знаемъ, да и не входитъ въ нашу компетенцію оцѣнивать достоинства музыкальныхъ артистовъ. Въ Петербургѣ г-жу Оленину не одобряли, въ Москвѣ ею восхищались. Г. Андрей Бѣлый, какъ всякій слушатель, какъ всякій зритель, имѣетъ полнѣйшее право личнаго вкуса, хотя бы даже несправедливаго, хотя бы даже возвышающаго бездарность или принижающаго и порицающаго талантъ. И высказывать свободно свое мнѣніе г. Бѣлый, какъ и всякій, воленъ.

Но на г. Андреѣ Бѣломъ, какъ и на всякомъ существѣ, владѣ-

Digitized by Google

ющемъ даромъ слова и говорящемъ съ публикой, лежитъ нравственная обязанность говорить членораздѣльно и понятно. Г-нъ Андрей Бѣлый могъ бы на это отвѣтить: „а коли вамъ непонятно, такъ вы и не читайте“. Но, позвольте, возразили бы мы на подобный аргументъ. Вы печатаете ваши сочиненія русскими словами и русскими буквами. Вы помѣщаете ваши произведенія въ журналѣ, на который, по ошибкѣ, можно подписаться. Мы не требуемъ отъ васъ согласія съ нашими мнѣніями и взглядами—имѣйте свои, но дайте же понять, что именно вы бормочете.

Г. Андрей Бѣлый озаглавилъ свою статью: — „Окно въ будущее (Оленина-д'Альгеймъ)“. Статья занимаетъ 11 небольшихъ страницъ и раздѣлена на шесть коротенькихъ главъ, наименованіе которыхъ уже само по себѣ составляетъ курьезъ. Главы зовутся: I—„Круговоротъ“, II—„Символъ“, III—„Мистерія“, IV—„Оленина-д'Альгеймъ“, V—„Концертъ“ и VI—„Возвращеніе“.

Приводимъ первую главу—„Круговоротъ“.

Милліоны столѣтій перекатываются въ пространствахъ, и вращаютъ солнца, и смываютъ другъ друга, какъ мимолетныя волны.

Меркнутъ созвѣздья. И солнца гаснутъ. А золотые потоки, излученные солнцами, все еще мчатся въ холодѣ міра—золотые караваны пустынь. Здѣсь міръ упалъ на міръ. И холодныя планеты опять запылали. Рвутся красные языки огня, точно рыжіе волосы, влекомые вѣтромъ.

А тамъ сгущается одинокая туманность, чтобы нѣкогда разродиться солнцами—алыми яхонтами, міровыми аметистами и бездну пылающихъ драгоцѣнностей выбросить къ берегу временъ. Народы будутъ воевать съ народами среди неизмѣнныхъ, невѣдомыхъ пространствъ на холодной коркѣ алыхъ ужасовъ, рвущихся изъ нѣдръ сотнями вулкановъ.

Все потомъ разсѣется. Извѣстное захлебнется неизвѣстностью, и этотъ городъ съ домами, дворцами и храмами разлетится, какъ старинный призракъ, уже не разъ смущавшій тишину Вѣчности.

Неизвѣстное сгущало туманности. Оно сотрясаетъ эѳирныя складки міровъ. И съ эѳирныхъ складокъ разсыпаются, какъ разорванныя брызги ракетъ, милліоны искристыхъ образовъ.

Оно всегда мелькаетъ. То летитъ оно блѣднымъ жемчугомъ въ лазурномъ атласѣ, то срывается съ кручи и брыжжетъ въ граниты. Мы говоримъ тогда, что видимъ идею.

Мы—существа, возникшія на холодной коркѣ огненнаго бреда—мы запѣли лучезарную сущность въ паутинныя ткани понятій. И когда оно глядитъ на насъ, раздвигая паутину, мы говоримъ, что приходитъ безуміе.

Но развѣ мы не безумны, когда одиноко отдыхаемъ въ старинной неизвѣстности и все близкое расплывается, какъ туманность, въ міровомъ.

Не странно ли намъ тогда, что вырѣзы въ необъятность мы зовемъ окнами, а блещущій солнцемъ пламенникъ - лампой.

Digitized by Google

Въ чемъ же дѣло? Человѣкъ хочетъ говорить о концертахъ пѣвицы и начинаетъ съ сотворенія міра, поминаетъ о гаснущихъ солнцахъ, меркнущихъ созвѣздіяхъ, войнахъ народовъ другъ съ другомъ... и затѣмъ начинаетъ пугать. „Извѣстное захлебнется неизвѣстностью и этотъ городъ разлетится". Попутно намъ показываютъ разныя чудеса, какъ-то „рвущіеся красные языки огня, похожіе на рыжіе волосы", „лучезарную сущность, заплетенную въ паутинныя ткани понятій", войны, ведомыя „на холодной коркѣ злыхъ ужасовъ", насъ самихъ — существъ, возникшихъ „на холодной коркѣ (мало одного раза, такъ вдругорядь о той-же коркѣ) огненнаго бреда".

Непонятно, но странно за то, точно непристойная и неумѣлая пародія на образный языкъ пророковъ. Для чего же эти потуги напугать читателя? А для того, чтобы сказать ему, что онъ напрасно зоветъ окна—окнами, такъ какъ они не окна, а вырѣзы въ необъятности, и напрасно величаетъ лампу—лампой, когда она—„блещущій солнцемъ пламенникъ".

Такъ и запишемъ и впредь будемъ говорить не такъ, какъ прежде: „закройте окно и подайте лампу", а „закройте вырѣзъ въ необъятность и подайте блещущій солнцемъ пламенникъ". Оно хоть и длиннѣе, но, по г. Андрею Бѣлому, лучше выражаетъ сущность вещей.

Но какое же это имѣетъ отношеніе къ г-жѣ Олениной? Посмотримъ вторую главу. Изъ нея, между прочимъ, мы узнаемъ слѣдующее:

Характеромъ отношенія сущности къ видимости опредѣляется наше міропониманіе: или различіе образовъ уничтожается, погружается въ глубину, или сама глубина, воплощаясь въ это различіе, придаетъ имъ все большую отчетливость. Здѣсь коренится неизбѣжная двойственность отношенія къ трагическому миеу: «Мы смотрѣли на драму и проникали ясновидящимъ взоромъ», говоритъ Ницше, «во внутренній міръ, волнуемый ея мотивами, и притомъ намъ казалось, что передъ нами развертывается не болѣе, какъ символическая картина. Абсолютная ясность картины не удовлетворяла насъ, ибо казалось, что она одновременно что-то скрываетъ и открываетъ»... Трагическая маска, глядящая на насъ съ улыбкой медузы, возбуждаетъ недоумѣніе. Что глядитъ на насъ изъ-подъ нея? Не пустота ли уставилась на насъ? Что намъ дѣлать, если мы сорвемъ маску и увидимъ, что подъ ней некому прятаться? Какая сила заключена въ роковой улыбкѣ Медузы Горгоны, прикованной къ щиту неизвѣстнаго намъ Персея, если эта маска способна иногда превратить насъ въ ужаснувшіяся каменныя изваянія. И однако, этотъ ужасъ призраченъ. Не способна ли ослѣпить насъ неожиданно блеснувшая изъ-подъ туманныхъ складокъ жизни лучезарность? Быть можетъ въ слѣдующій моментъ лучи разобьютъ огромное черное пятно, призрачно выросшее между нами и свѣтомъ. На насъ уставится бѣлый ликъ, на насъ блеснутъ молніезарные до-

Digitized by Google

спѣхи Персея—новаго Аполлона, явленнаго намъ. «Всюду, гдѣ бурно вздымаются діонисіанскія волны», говоритъ Ницше, «долженъ снизойти также и скрытый облакомъ Аполлонъ».

Не окажется ли подчасъ ужасная маска Горгоны, окруженная ореоломъ змѣиныхъ волосъ, туманнымъ облакомъ, съ которымъ незамѣтно пришло къ намъ лучезарное божество. Вотъ разсѣялось облако. Вотъ нѣтъ его.

Змѣевидныя полоски сѣрыхъ тучекъ пролетаютъ, обнажая блескъ божественныхъ доспѣховъ.

Это тоже весьма туманно, всѣ эти ссылки на древніе миѳы, всѣ эти цитаты изъ Ницше, но нѣсколько вразумительнѣе первой главы. И какъ будто мы уже, какъ бы сквозь чащу бурьяна, начинаемъ пробираться къ вопросамъ о музыкѣ.

Въ четвертой главѣ, наконецъ, авторъ говоритъ и уже болѣе утвердительно о самой занимающей его пѣвицѣ. Онъ пишетъ:

Когда передъ нами она—эта пламенная изобразительница сокровенныхъ глубинъ духа—когда поетъ она намъ свои пѣсни, мы не смѣемъ сказать, что ея голосъ не безукоризненный, что онъ прежде всего невеликъ.

Мы забываемъ о качествахъ ея голоса, потому что она больше, чѣмъ пѣвица.

Отношеніе музыки къ поэтическимъ символамъ углубляетъ эти символы. Оленина-д'Альгеймъ съ замѣчательной выразительностью передаетъ эти углубленные символы. Она оттѣняетъ свое отношеніе къ передаваемымъ символамъ безподобной игрой лица. Поэтическій символъ, осложненный отношеніемъ къ нему музыки, преображенной голосомъ и оттѣненной мимикой, расширяется безмѣрно. Идея выпукло выступаетъ изъ расширеннаго, углубленнаго символа. Наконецъ, умѣлый подборъ символовъ даетъ возможность проще выразиться идеѣ.

Вотъ почему она, берущая столь сложный аккордъ на струнахъ нашей души, переступаетъ черту музыки и поэзію съ музыкой. Мы не можемъ себѣ представить искусство полное соединяющее поэзію съ музыкой внѣ драмы и оперы. Но драма и опера сложностью средствъ, необходимыхъ для ихъ исполненія, ослабляютъ непосредственно бьющую струю Вѣчности. Современная драма и опера грозятъ пасть подъ бременемъ осложнившейся художественной техники. Вотъ почему духовный потенціалъ, обнаруженный драмой и музыкой, долженъ перейти на нѣчто простое, упраздняющее то и другое, чтобы подняться на еще большую высоту. Не должна ли рождающаяся мистерія принять огненную форму пѣсенныхъ пророчествъ.

Абсолютное слияніе музыки съ поэзіей возможно только въ душѣ человѣка. Вотъ почему соединеніе музыки съ поэзіей способно рождать не художественныя произведенія, а личности, сильныя духомъ. Эти личности должны стать прообразомъ будущаго священства.

Появленіе Владиміра Соловьева, Никиша, Олениной-д'Альгеймъ знаменательно для нашей культуры. Миновала эпоха геніевъ и великихъ мыслителей. На смѣну имъ то здѣсь, то тамъ являются передъ нами лица пророческаго типа, которымъ надлежитъ въ близкомъ будущемъ преобразить жизнь въ мистерію.

Digitized by Google

Олениной-д'Альгеймъ развертываетъ передъ нами глубины духа. Какъ она развертываетъ эти глубины и что обнаруживаетъ передъ нами—на всемъ этомъ лежитъ тѣнь религіознаго учительства. Вотъ почему съ особенной настойчивостью напрашивается мысль о томъ, что она сама—звено, соединяющее насъ съ мистеріей. Не пересѣклись ли въ ней линіи поэзіи и музыки, чтобы опредѣлить выходъ человѣчеству къ новымъ формамъ душевной жизни?

Наше сознаніе—тонкая граница между подсознательнымъ и сверхсознательнымъ. Различныя отношенія между данными психическими сферами придаютъ измѣнчивость этой границѣ. Вводя новыя комбинаціи-эмоціи въ нашу душу посредствомъ развертываемыхъ символовъ, мы даемъ новый матеріалъ нашимъ нервамъ. А поскольку та или иная атмосфера нервныхъ воздѣйствій является почвой для новой перегруппировки матеріала нашей сознательной дѣятельности, эта атмосфера способна вліять на измѣненіе границы между сверхсознательнымъ и подсознательнымъ. Мистика, брыжжущая изъ старинныхъ пѣсенъ въ исполненіи Олениной-д'Альгеймъ, можетъ оказаться рычагомъ, на которомъ впослѣдствіи люди перевернутъ всю дѣйствительность.

Тутъ г. Бѣлый все же понятнѣе, чѣмъ въ „Круговоротѣ". Туманенъ, очень туманенъ, но кое-какіе обрывки мыслей можно уловить. Но какія преувеличенія! „Мимика, брыжжущая въ пѣсняхъ Олениной, можетъ оказаться рычагомъ, на которомъ впослѣдствіи люди перевернутъ всю дѣйствительность".

Удивительно, какъ мѣшаетъ эта дѣйствительность гг. декадентамъ и какъ хочется имъ ее перевернуть. Положимъ, такому ихъ желанію никто не вѣритъ, ибо человѣкъ не можетъ себѣ представить существованіе внѣ дѣйствительности, а потому и не можетъ стремиться къ подобному перевороту. Тутъ вѣдь рѣчь идетъ не о тѣхъ соціальныхъ или государственныхъ улучшающихъ жизнь, т. е. дѣйствительность, перемѣнахъ, о которыхъ каждый вправѣ размышлять въ предѣлахъ своего разумѣнія, тутъ рѣчь идетъ о переворотѣ всѣхъ законовъ природы Тутъ грезы, вродѣ мечтаній о томъ, чтобы человѣкъ слышалъ глазами, смотрѣлъ локтями, думалъ пятками и ходилъ на головѣ. Несообразные бредовые помыслы, которые были бы понятны для человѣка въ бѣлой горячкѣ, но насколько намъ извѣстно, наши декаденты—люди весьма трезвенные и не допиваются до зеленаго змія, а лишь договариваются до него и при томъ самымъ хладнокровнымъ образомъ.

А всетаки страшновато. Отъ трехкопѣечной свѣчки вся Москва сгорѣла, а тутъ у пѣвицы есть такой невидимый рычагъ, что г. Андрей Бѣлый при его помощи обѣщаетъ все поставить вверхъ тормашками. Это злѣе легендарной свѣчки выходитъ.

Доходитъ г. Бѣлый и до описанія исполненія пѣвицей ея романсовъ. Цѣнитель очень затрудненъ.

Какъ обнаружить карликамъ порывъ титана—великія чувства ужасаютъ, когда приходятъ безъ великихъ дѣлъ. Странна пророчица на концерт-

Digitized by Google

ной эстрадѣ, которая, открывъ глаза спящимъ, покидаетъ ихъ вмѣсто того, чтобъ вести ихъ къ солнцу. Пусть ужъ подскакиваютъ, пряча душу, тѣ два господина: вотъ они щелкаютъ пальцами по афишѣ. Вотъ наклоняютъ они другъ къ другу свои лица, точно заговорщики, чтобы обмѣняться пошлостью. Вѣдь не поверхность приблизилась къ поверхности, а два черныхъ провала глубины, закрытые масками.

Но тише, тише.

Высокая женщина въ черномъ какъ-то неловко входитъ на эстраду. Въ ея силуэтѣ что-то давящее, что-то слишкомъ большое для человѣка. Ее бы слушать среди пропастей, ее бы видѣть въ разрывахъ тучъ. Въ рѣзкихъ штрихахъ ея лица, простота сочеталась съ послѣдней исключительностью. Вся она—упрощенная, слишкомъ странная. Неопредѣленные глаза жгутъ насъ непомѣрнымъ блистаньемъ, точно она приближалась къ звѣздамъ сквозь пролеты туманной жизни.

Поетъ.

О томъ, что мы забыли, но что насъ никогда не забывало—о зарѣ золотого счастья. И зарѣ той не будетъ предѣла, потому что счастью не будетъ предѣла. Оно будетъ безконечно. Стенанія ея, точно плачъ зимней вьюги, о томъ, какъ братъ убилъ брата. Изъ далекихъ міровыхъ пространствъ раздается жалоба стараго Атласа, въ одиночествѣ поддерживающаго міръ.

Надо помочь старому титану. Зычный Атласъ, повитый тучами на горизонтѣ, куда убѣгаешь ты вмѣстѣ съ горизонтомъ отъ насъ, чтобы снова плакаться на свое одиночество?

Черные контуры сюртучниковъ, ихъ маски становятся прозрачно-стеклянными. Все утопаетъ въ старинномъ міровомъ пространствѣ. Это оно вѣчно лѣпитъ свои грезы и вращаетъ солнцами.

Здѣсь міръ упалъ на міръ. И холодныя планеты запылали. Рвутся красные языки огня, точно рыжіе волосы, влекомые вѣтромъ.

Вотъ они опять красные языки изъ рыжихъ волосъ, о которыхъ мы уже слышали, и затѣмъ слѣдуетъ повтореніе словъ первой главы.

Но сколько ни повторяй, а ничего не поймешь и чепуха останется чепухой, независимо отъ того, хорошо или дурно пѣла г-жа Оленина.

Такъ какъ всему бываетъ конецъ, то и концертъ, приведшій г. Бѣлаго въ неистовство, кончился и онъ идетъ домой. Онъ такъ описываетъ это событіе (у декадентовъ каждый ихъ шагъ есть божественное проявленіе тайны, имъ однимъ будто-бы извѣстной):

Возвращаешься.

Идешь среди скалъ и пропастей. Вотъ узкій кряжъ перерѣзываетъ сѣрыя бездны тумана. Нужно пробѣжать по этому хребту и не сваливаться. Боясь туманныхъ пропастей, бѣжишь по ребрамъ скалъ, оборачиваешься, чтобы еще разъ измѣрить глубину туманной пасти. Но вмѣсто тумана только сѣрый асфальтъ, а вмѣсто горнаго кряжа—тѣнь фонаря, распластанная на камняхъ.

Когда она поетъ, все сквозитъ глубиной. Но если хочешь окунуться въ эти бездны, неизмѣнно, пока, разбиваешься о плоскость.

Когда же это кончится?

Digitized by Google

Это, вѣроятно, кончится тогда, когда, наконецъ, расквасишь себѣ носъ о плоскость, принимаемую въ бреду за бездну.

А вотъ когда кончатся такія писанія, когда здравый смыслъ восторжествуетъ и гнусное кривлянье прекратится, когда гг. декаденты перестанутъ портить молодые вкусы нѣкоторыхъ воспріимчивыхъ своихъ слушателей—на этотъ вопросъ очень трудно отвѣтить.

Эти господа образовали какую-то художественную секту со всѣмъ фанатизмомъ, свойственнымъ сектантамъ, и бороться съ ними, обличать ихъ пустоту, безсодержательность и вредъ для художества обязанъ каждый, не дошедшій еще до того, чтобы считать простыя окна за вырѣзы въ необъятномъ.

Н. Я. Стародумъ.

Digitized by Google

Современная лѣтопись.

Капитуляція Портъ-Артура.—Лѣтопись безпорядковъ.—Забастовки рабочихъ.—Учрежденіе Петербургскаго генералъ-губернаторства.—Посланіе Синода.—Рѣчь Государя рабочимъ.—Истинный смыслъ событій 9-го января.—Политическія требованія послѣднихъ мѣсяцевъ.—Гарантіи единства власти, народа и территоріи при Самодержавіи.—Гарантіи законности при Самодержавіи.—Гарантіи правъ личности при Самодержавіи.—Челобитная Русскаго Собранія.—Политическая формула истинно-русскихъ людей.—Работы Комитета Министровъ по выполненію указа 12-го декабря.—Возрожденіе Сената.

Капитуляція Портъ-Артура.

Въ телеграммѣ отъ 19 декабря истекшаго года генералъ Стессель писалъ: „Великій Государь, Ты прости насъ. Сдѣлали мы все, что было въ силахъ человѣческихъ. Суди насъ, но суди милостиво. Почти одиннадцать мѣсяцевъ безпрерывной борьбы истощили наши силы. Люди стали тѣнями". Портъ-Артуръ палъ вслѣдствіе изнеможенія! „Генералъ Стессель почетно сдался послѣ блестящей обороны—сказали англійскіе генералы. Оборона заслужила удивленіе всего міра". Ужасы послѣднихъ дней крѣпости превосходили всякое описаніе. Снаряды попадали въ госпитали, переполненные ранеными. Непрестанные штурмы продолжались пять дней и пять долгихъ ночей. Снаряды истощились. Отбивали непріятеля камнями. Въ казематахъ видны были черныя лица. Люди не понимали вопросовъ. Съѣстныхъ припасовъ не хватало. Свирѣпствовала цынга. Самъ страдая отъ раны, Стессель хотѣлъ продолжать все-таки борьбу.

„Но *мы не можемъ болѣе* держаться", говорили его генералы. „Наши люди не могутъ двигаться, они засыпаютъ, они не могутъ стоять на ногахъ. Мы можемъ командовать, но они не могутъ исполнять команды".—„Такъ деритесь сами, господа генералы"! воскликнулъ Стессель, сжимая кулаки.

Форты, суда, магазины, склады, доки, все цѣнное взлетѣло на воздухъ. Крѣпость капитулировала 20 декабря. Генералы и офи-

Digitized by Google

церы сдались на честное слово не поднимать больше оружія противъ Японіи, но сохраняя его и право возвратиться въ отечество. Тысячи рядовыхъ солдатъ, обезоруженные, пошли въ плѣнъ.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ событія въ передовой статьѣ отъ 21 декабря одна изъ петербургскихъ газетъ писала:

„Бились и преодолѣвали врага почти въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, и бились-бы и преодолѣвали его еще столько же времени, если бы на помощь этому внѣшнему явному врагу не явился болѣе жестокій, болѣе безпощадный внутренній, тайный врагъ... Его одного опасались въ Портъ-Артурѣ, и потому съ такимъ мучительнымъ чувствомъ ожидали выручки съ моря или съ суши. Всѣ знали, что въ Портъ-Артурѣ далеко не было налицо того запаса орудій, снарядовъ, провіанта, одежды, медикаментовъ, которое могло-бы обезпечить долговременную осаду. Портъ-Артуръ не представлялъ исключенія въ русской жизни и былъ можетъ быть еще менѣе подготовленъ къ борьбѣ съ врагомъ, чѣмъ нашъ флотъ и наша армія.

„Когда-нибудь да узнается, наконецъ, вся правда объ этомъ,—правда ужасная. Вотъ гдѣ крылась настоящая опасность".

„Послѣ борьбы, равной которой по кровопролитію и сопровождавшимъ ее ужасамъ не было во всемірной исторіи,—писали въ „Koenigsberger Zeitung",—Портъ-Артуръ, наконецъ, сдался. Японцы пролили во время осады его цѣлое море крови своихъ солдатъ. Геройскіе защитники Портъ-Артура,—мы называемъ ихъ героями не ради фразы,—насчитывали въ своихъ рядахъ въ началѣ осады по меньшей мѣрѣ 17,000 человѣкъ. Изъ нихъ осталось не болѣе пяти тысячъ, а страданія, которыя имъ вмѣстѣ съ гражданскимъ населеніемъ города пришлось вынести во время долгихъ мѣсяцевъ осады, не поддаются описанію. Борьба кончилась. Дорогой призъ цѣною огромныхъ жертвъ достался японцамъ".

Господство на морѣ перешло къ нимъ всецѣло. Мы потеряли единственную не замерзающую гавань на Дальнемъ Востокѣ, погубили эскадру, милліоны денегъ, потеряли базу для морскихъ операцій, которая стала опорой японцевъ. Духъ этого воинственнаго народа поднялся чрезвычайно. Войсками и орудіями, освободившимися подъ крѣпостью, японцы усилили свою армію въ Манчжуріи.

Расходясь почти со всей нѣмецкой печатью, провозглашающей, что война изобличила полное безсиліе Россіи, Максимиліанъ Гарденъ въ „Zukunft", напоминаетъ, что Англіи для усмиренія горсти пахарей-буровъ потребовалось два года и чрезвычайныя усилія и затраты, увѣнчавшіяся весьма сомнительной побѣдой. А нѣмецкіе солдаты тоже почти цѣлый годъ не могутъ справиться съ толпой негровъ и готтентотовъ. Отъ себя прибавимъ, что японцы, конечно, не готтентоты и даже не буры. По мнѣнію нѣмецкаго публициста,

Digitized by Google

Японія достигла всего, чего жаждала: Корея, Портъ-Артуръ, Дальній—все теперь ея. Но нѣтъ у нея лишь самаго главнаго. Нѣтъ увѣренности, что все достигнутое не будетъ у нея отобрано снова. Побѣдитель Портъ-Артура ослабленъ еще больше, чѣмъ побѣжденный. Продолженіе войны грозитъ самымъ источникамъ японской жизни.

Отъ 7 декабря изъ Харбина извѣстный писатель Дѣдловъ высказываетъ такія мысли:

„То, что совершено въ послѣднее десятилѣтіе въ Сибири и въ Манчжуріи, невѣроятно. Смотришь, видишь—и не вѣришь своимъ глазамъ. Чудесно, сказочно. И никто объ этомъ будто и не знаетъ. Половина Азіи пробуждается Россіей, а въ самой Россіи дѣлаютъ при этомъ кислую физіономію и справляются: сколько это стоитъ? Какъ будто съ исторіей можно торговаться, можно съ нея выторговать четвертакъ, другой, можно ее обсчитать. То-то алтынники! Россія велика, но русскіе люди, право-же, карлики. Все, что я вижу, дѣлается какъ будто не нами, отдѣльными русскими людьми, а судьбою. Отдѣльные люди могутъ быть и пьяны, и небрежны, и вороваты,—и всетаки судьба заставляетъ ихъ дѣлать что нужно. Отдѣльные люди могутъ стараться задержать ходъ народной жизни, но могутъ они тутъ столько же, сколько глупый быкъ, выставившій свой глупый лобъ противъ желѣзнодорожнаго поѣзда“.

„Все, что я вижу: поразительно растущую, чуть не противъ своего желанія, Сибирь, заново созданную Манчжурію, въ которой жизнь закипаетъ (ужъ, конечно, не китайцы содѣйствовали этому подъему жизни), безчисленные поѣзда, идущіе не всегда по росписанію, могучія, хотя и не всегда трезвыя и дисциплинированныя, массы простонародья, интеллигенцію, страдающую собачьей старостью, но вдругъ въ рѣшительныя минуты сбрасывающую съ себя „лишняго человѣка“, „нуднаго“ чеховскаго слабняка,—все, что я вижу, все чаще и чаще воскрешаетъ въ моей памяти „Войну и миръ“ Толстого и основную идею этого великаго произведенія: жизнь народа течетъ стихійно, независимо отъ воли отдѣльныхъ людей“.

„Сибирь, въ два съ половиною раза большая, чѣмъ Европейская Россія, и Манчжурія, равная по пространству Австро-Венгріи. Съ 19 мая 1891 года, когда во Владивостокѣ нынѣ царствующемъ Государемъ былъ положенъ первый камень великаго сибирскаго пути, и по 10 февраля 1901 г., когда Забайкальская желѣзная дорога была сомкнута съ Манчжурской, Россія построила въ Сибири шесть тысячъ верстъ желѣзной дороги, а въ Манчжуріи почти двѣ съ половиною тысячи“.

„Страна, пустынная и таинственная, какъ полюсъ, стала доступной, какъ Калужская губернія. Милліоны десятинъ плодороднѣйшей

Digitized by Google

земли остаются всетаки незанятыми, и китайцы могли-бы подѣлиться ею хоть бы съ тѣми же уроженцами Калужской губерніи. Желѣзная дорога добѣжала до безпредѣльнаго вольнаго океана. Вотъ что сдѣлала Россія всего въ десять лѣтъ и вотъ что хотятъ вырвать изъ ея рукъ".

Въ русской печати въ общемъ отразилось мнѣніе всего міра о величіи жертвъ, принесенныхъ героями Портъ-Артура. Такъ, одна петербургская еврейская газета все-же написала такія искреннія, патріотическія строки:

„Капитуляціей Портъ-Артура въ нѣсколько дней создана въ Европѣ цѣлая литература, которая представляетъ собою одинъ сплошной, бодрящій своею искренностью гимнъ русскимъ людямъ, оборонявшимъ тихоокеанскую твердыню съ мужествомъ, совершенно безподобнымъ, воспламенившимъ фантазію человѣчества. Мы можемъ смѣло утверждать сегодня, что предъ офицерами и солдатами, которые въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ посреди неслыханныхъ страданій и лишеній надѣялись, трудились, падали, обливаясь кровью, поднимались и снова падали, честно исполняя долгъ до конца, предъ ними, предъ этими героями, въ возвышенномъ значеніи слова, преклонился весь цивилизованный міръ".

Но чувство подколодной ненависти и злобнаго торжества по поводу общерусскаго несчастія выразилось все-же во многихъ органахъ. Одинъ прямо провозгласилъ: „Слава адмиралу Ноги"! Въ другомъ писали:

„Портъ-Артуръ палъ! Конечный пунктъ и оплотъ нашей колоніальной политики на Дальнемъ Востокѣ, воздвигнутый на милліарды полунищаго народа, залитый кровью десятковъ тысячъ молодыхъ жизней, окруженный поясомъ затопленныхъ гигантовъ, вырванъ у насъ изъ рукъ болѣе даровитымъ, лучше подготовленнымъ и свободнымъ противникомъ. Жалкіе остатки грозныхъ, непобѣдимыхъ легіоновъ, обезсиленные столь неравнымъ поединкомъ, сложили свои знамена у ногъ побѣдителя.

„Полунищій народъ" и... „болѣе даровитый противникъ"! „Знамена у ногъ побѣдителя"! Сколько подлаго ликованія въ этихъ лицемѣрныхъ соболѣзнованіяхъ. Наконецъ, „Новости" поспѣшили ткнуть перстомъ въ русскія язвы и попрекнуть и погромами и національными и религіозными предразсудками русскій народъ и его „бюрократію".

„Капитулировало то самомнѣніе, которое составляетъ душу бюрократіи, смотрящей на все населеніе государства сверху внизъ со строгостью или снисходительностью начальства на подчиненныхъ".

„Бюрократія до сихъ поръ была убѣждена, что, представляя собою верхній слой общества, она одна только все *знаетъ* и все *можетъ*

Digitized by Google

и ни въ какихъ подсказываніяхъ со стороны печати и ни въ какой помощи со стороны общества не нуждается.

„И вотъ плоды этого самомнѣнія: недостаточность путей сообщенія для перевозки войскъ и сохраненія равновѣсія въ торговлѣ и промышленности: необезпеченность нашихъ окраинъ достаточной военной охраной: неподготовленность нашей арміи къ войнѣ, вообще неосвѣдомленность о настроеніяхъ и намѣреніяхъ нашихъ сосѣдей и возможность ихъ внезапнаго нападенія на насъ. Между тѣмъ, вліяніе всѣхъ этихъ дефектовъ на судьбы нашего отечества легко могло-бы быть устранено своевременнымъ заключеніемъ союза съ Японіей, *подсказывавшимся* печатью,—хотя бы, напр., нашей газетой".

„Капитулировалъ тотъ міръ національныхъ и религіозныхъ предразсудковъ, который порождаетъ и поддерживаетъ мракъ невѣжества, неуваженіе къ законамъ и непослушаніе властямъ".

„Рядъ безпорядковъ, произведенныхъ призывными, обнаружилъ тотъ непреложный фактъ, что періодически повторяющіеся „еврейскіе погромы" послужили для темныхъ массъ школой самоуправства и насилія".

„И вотъ мы видимъ, что отъ прежнихъ еврейскихъ шинковъ погромщики переходятъ къ казеннымъ винным лавкамъ и желѣзнодорожнымъ буфетамъ, отъ евреевъ къ смѣшанной публикѣ на улицѣ. А между тѣмъ, прежде это объяснялось „еврейской эксплоатаціей", спаиваніемъ народа" и т. п., а теперь это просто „безпорядки" на почвѣ того-же пьянаго разгула".

„Однимъ словомъ, капитулировало все то, что вносило смуту въ умы, разложеніе въ общественную и гражданскую жизнь и мертвящія ограниченія въ законодательство".

Увы, все то, что „вносило смуту въ умы", капитулировать и не подумало, какъ доказываютъ событія, разыгравшіяся въ первой половинѣ января.

Въ день новаго года вышелъ приказъ Государя арміи и флоту: „Россія могуча, говоритъ приказъ, въ тысячелѣтней ея жизни были годины еще болѣе тяжелыхъ испытаній, болѣе грозной опасности, и каждый разъ она выходила изъ борьбы съ новою силою, съ новою мощью. Сокрушаясь и болѣя душой о нашихъ неудачахъ и тяжелыхъ потеряхъ, не будемъ смущаться. Въ нихъ русская мощь обновляется, въ нихъ русская сила крѣпнетъ, растетъ". „Со всею Россіей вѣрю, что настанетъ часъ нашей побѣды".

Такъ кончился этотъ ужасный высокосъ. Слова Государя оживили насъ новогодними надеждами, но не радостна была первая половина января.

Digitized by Google

Лѣтопись безпорядковъ.

Въ теченіе октября, ноября и декабря мѣсяцевъ въ разныхъ городахъ происходили безпорядки и совершались покушенія, лѣтопись которыхъ мы здѣсь и дадимъ. 6-го октября въ Бѣлостокѣ вечеромъ въ канцелярію пристава 1-й части вошелъ рабочій лѣтъ 20 и бросилъ снарядъ. Послѣдовалъ взрывъ; злоумышленникъ былъ убитъ; шесть человѣкъ ранено; мебель была исщеплена: стекла выбиты. 9-го октября въ Петербургской тюрьмѣ покончилъ съ собою студентъ-технологъ, содержавшійся подъ стражей по обвиненію его въ политическомъ преступленіи. Это самоубійство покойный въ оставленной запискѣ такъ объяснилъ: „не хочется жить и не тюрьма причиной этому. Причина во мнѣ самомъ. Негодящій я человѣкъ для жизни. Давно уже я хотѣлъ покончить съ собою". Молодежь взволновалась и 17 октября собралась въ Казанскомъ соборѣ. Однако, градоначальнику удалось уговорить толпу и она разошлась. То-же повторилось передъ тюрьмой, съ такимъ-же благопріятнымъ исходомъ. Въ Варшавѣ 19 октября на Брудновскомъ кладбищѣ на Прагѣ по случаю дня Всѣхъ Святыхъ было большое стеченіе народа. Когда уже стемнѣло, кто-то выкинулъ красный флагъ и началось пѣніе кучки людей. При этомъ ранили городового изъ револьвера.

Но характерно то обстоятельство, что появились и контръ-демонстраціи. Такъ 25 октября въ 2 час. дня изъ С.-Петербургскаго университета вышли двѣ группы студентовъ и направились по разнымъ тротуарамъ по набережной, черезъ Дворцовый мостъ и по Невскому проспекту. Одна партія около ста человѣкъ пѣла что-то на мотивъ „Марсельезы" и шла по лѣвой сторонѣ. Другая партія въ меньшемъ числѣ одновременно пѣла „Боже, Царя храни" и старалась заглушить пѣніе первой партіи. Множество лицъ изъ публики присоединились къ пѣвшимъ русскій народный гимнъ и тѣмъ усилили хоръ студентовъ. Полиція старалась путемъ уговоровъ прекратить пѣніе. Ей это удалось. У Гостинаго двора послѣ переговоровъ „лѣвой" стороны съ „правой" студенты разбрелись.

Въ воскресенье, 31 октября, въ 12 час. 20 мин. дня, въ Варшавѣ, передъ самымъ окончаніемъ богослуженія, изъ костела Всѣхъ Святыхъ вышла на Грибную площадь небольшая сплоченная группа, которая, выкинувъ красный флагъ, начала пѣть пѣсни революціоннаго содержанія. Въ то же время изъ нея были сдѣланы выстрѣлы въ нарядъ полиціи, которыми убитъ наповалъ городовой Прокофій Шиманица, ранены околоточный надзиратель и двое другихъ городовыхъ. Нарядъ въ свою очередь принужденъ былъ дѣйствовать

Digitized by Google

оружіемъ, причемъ околоточный надзиратель, въ котораго было произведено въ упоръ два выстрѣла, ударомъ шашки свалилъ стрѣлявшаго. Послѣ этого толпа манифестантовъ разсѣялась и значительная часть ея устремилась на паперть, смѣшавшись съ публикой, выходившей изъ костела, гдѣ въ это время уже окончилась служба. Съ паперти манифестанты продолжали производить выстрѣлы въ полицейскихъ и бросать камнями, въ виду чего выходъ изъ костела былъ оцѣпленъ полицейскими, жандармскими отрядами и прибывшими по вызову войсками.

Въ толпѣ, стоявшей на паперти костела, оберъ-полиціймейстеръ предложилъ выдѣлить стариковъ, женщинъ и дѣтей, которые были свободно пропущены черезъ оцѣпленіе. Вслѣдъ затѣмъ часть толпы, активно принимавшая участіе въ безпорядкахъ, вошла обратно въ костелъ: остальные, въ числѣ 413 человѣкъ, подъ конвоемъ пѣхоты, были отправлены во дворъ ратуши, гдѣ были переписаны и, по установленіи личностей, частью отпущены.

Въ это же время демонстранты собирались отдѣльными группами на прилегающихъ къ Грибной площади улицахъ и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и выстрѣлами направлялись къ Грибной площади. На улицѣ Багно толпа, несмотря на требованіе полиціи разойтись, продолжала наступать, бросая камнями и стрѣляя въ полицію и войска. Одновременно изъ расположеннаго въ той-же мѣстности дома произведено было нѣсколько выстрѣловъ.

Вслѣдствіе этого, послѣ новыхъ неоднократныхъ предупрежденій находившаяся на улицѣ Багно воинская команда вынуждена была дать залпъ. Изъ числа демонстрантовъ, какъ выяснено собранными свѣдѣніями, убито 6 человѣкъ, 26 ранено. Лицамъ, оставшимся въ костелѣ, оберъ-полиціймейстеръ, въ присутствіи настоятеля костела, двалды предлагалъ добровольно выйти, но, несмотря на увѣщеванія, они продолжали тамъ оставаться. Лишь спустя нѣсколько часовъ демонстранты вышли оттуда и въ числѣ 205 человѣкъ доставлены подъ конвоемъ во дворъ ратуши, гдѣ переписаны и частью отпущены. Полиція, жандармы и войска въ костелъ не входили.

Къ 4 часамъ пополудни порядокъ былъ возстановленъ и въ послѣдующіе дни болѣе нарушаемъ не былъ.

Въ ночь на 31 октября въ Харьковѣ, почти въ центрѣ города, около памятника Пушкину произошелъ загадочной взрывъ. Громъ, нѣсколько разбитыхъ стеколъ, трещина въ гранитѣ постамента, испугъ — вотъ все, что было слѣдствіемъ взрыва.

3-го ноября, въ 9 часовъ вечера, въ Харьковѣ, по улицамъ города прошла толпа народа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, неся портретъ Государя, съ пѣніемъ „Спаси Господи люди Твоя“ и народ-

Digitized by Google

наго гимна. Патріотическая манифестація была вызвана состоявшимися наканунѣ вечеромъ попытками нарушить порядокъ и тишину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города, быстро прекращенными энергичными мѣрами конной и пѣшей полиціи.

18 и 19 ноября въ Петербургѣ произошли безпорядки, которыя можно было-бы назвать борьбой съ непроницаемостью матеріи. Въ залѣ Тенишевскаго училища должна была состояться бесѣда о необходимыхъ измѣненіяхъ дѣйствующаго законодательства о печати. Но бесѣды такъ и не могло состояться, потому что залъ могъ вмѣстить 600—800 человѣкъ и былъ переполненъ, но еще толпа безъ билетовъ до 1000 „интеллигентовъ“ ломилась въ залу. Такъ повторялось трижды съ изумительнымъ упорствомъ, 19 ноября „борьба съ непроницаемостью матеріи“ велась столь же упорно.

На требованіе же полиціи разойтись толпа отвѣчала дерзостями, личными оскорбленіями, криками и свистками. Послѣ неоднократнаго предупрежденія толпы градоначальникомъ, что для прекращенія безпорядка и возстановленія уличнаго движенія онъ вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ силѣ, былъ вызванъ полуэскадронъ жандармскаго дивизіона, которымъ толпа и была разсѣяна и къ 10 часамъ вечера порядокъ былъ востановленъ. При этомъ, конечно, не обошлось безъ толчковъ и ушибовъ.

Въ высшей степени характерные безпорядки произошли въ елисаветградской думѣ 29-го ноября. Доложено было заявленіе городского раввина Темкина о возбужденіи ходатайства объ увеличеніи въ составѣ думы числа гласныхъ евреевъ. Въ залу думы и въ прилегавшую къ нему канцелярію городской управы набралась толпа евреевъ обоего пола. Въ толпѣ, состоявшей преимущественно изъ молодежи обоего пола — разныхъ приказчиковъ и иныхъ служащихъ, былъ также самъ раввинъ Темкинъ и корреспонденты разныхъ газетъ, тоже евреи. Эта толпа, стоявшая и сидѣвшая спокойно до доклада упомянутаго заявленія раввина Темкина, стала вести себя шумно, мѣшая свободному обмѣну мнѣній гласныхъ. Не взирая на неоднократныя предупрежденія предсѣдателя думы, позволяла себѣ громко смѣяться и отпускать всякаго рода замѣчанія и остроты по адресу гласныхъ, высказывавшихся не въ духѣ желаній зрителей. Дума, вынужденная обсуждать это заявленіе не по собственному почину, большинствомъ голосовъ не признала нужнымъ передать это заявленіе въ комиссію, а постановила оставить таковое безъ разсмотрѣнія. Поведеніе толпы, не сдерживаемой ни раввиномъ, ни интеллигентными представителями ея, приняло угрожающій характеръ. Толпа эта стала кричать, топать ногами и свистать въ принесенные съ собою свистки. Засѣданіе думы надо было прервать, и на предложеніе г. предсѣдателя очистить залъ засѣданія евреи,

Digitized by Google

удаляясь изъ зала и проходя комнаты канцеляріи городской управы, продолжали кричать и свистѣть, затѣмъ на улицѣ они встрѣтили нѣкоторыхъ гласныхъ криками „ура“, а другихъ свистомъ и бранными криками.

Въ декабрѣ происходили безпорядки въ Москвѣ, по поводу которыхъ совѣтъ университета издалъ такое постановленіе:

„Вслѣдствіе крайняго возбужденія студентовъ Императорскаго московскаго университета, вызваннаго уличными происшествіями 5 и 6 декабря, нормальное теченіе учебной жизни сдѣлалось невозможнымъ не только въ настоящее время, но быть можетъ и въ будущемъ семестрѣ. Въ виду этого совѣтъ призналъ единогласно желательнымъ и большинствомъ голосовъ—даже безусловно необходимымъ, обстоятельное и всестороннее разслѣдованіе этихъ событій, полнота и безпристрастіе коего были бы достаточно обезпечены и результаты котораго были бы доведены до общаго свѣдѣнія“.

Попечитель московскаго учебнаго округа, сообщивъ это постановленіе министру народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ совѣту московскаго университета возможность ознакомиться черезъ профессорскую комиссію съ фактическими данными, относящимися къ этому дѣлу. При этомъ попечитель учебнаго округа разъяснилъ, что профессорская комиссія, обязанная заботиться о студентахъ, имѣетъ возможность узнать всѣ факты, касающіеся опредѣленныхъ студентовъ, отъ каждаго изъ непосредственно заинтересованныхъ студентовъ, давъ ему совѣтъ и оказавъ ему вообще помощь для полнаго и безпристрастнаго обезпеченія его интересовъ законными путями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признаніе совѣтомъ университета невозможности правильнаго теченія учебной жизни послужило основаніемъ къ закрытію университета до начала будущаго учебнаго полугодія.

Въ ночь съ 11 по 12 декабря въ Радомѣ, послѣ богослуженія и выхода молящихся изъ костела, выдѣлилась группа манифестантовъ, которая, выкинувъ красный флагъ съ надписями революціонно-соціалистическаго характера, устроила шествіе съ революціоннымъ пѣніемъ. Предложеніе полиціи и войсковыхъ патрулей разойтись и прекратить демонстрацію участниками ея было оставлено безъ вниманія. Демонстранты начали стрѣлять изъ револьверовъ, вслѣдствіе чего были вызваны войска—рота 23 пѣхотнаго Могилевскаго полка. Въ это же время къ мѣсту происшествія подъѣхалъ командиръ Могилевскаго полка полковникъ И. И. Булатовъ; выйдя изъ экипажа, онъ подошелъ къ толпѣ, уговаривая ее прекратить демонстрацію. Въ отвѣтъ раздались выстрѣлы изъ револьверовъ и однимъ изъ нихъ, произведеннымъ въ упоръ, полковникъ Булатовъ былъ убитъ на мѣстѣ.

Digitized by Google

28 ноября безпорядки произошли и въ Петербургѣ на Невскомъ. Описаніе ихъ было дано въ слѣдующемъ оффиціальномъ сообщеніи:

„Съ двѣнадцати часовъ дня, по окончаніи богослуженія въ Казанскомъ соборѣ, на Невскомъ проспектѣ движеніе публики по тротуарамъ отъ Полицейскаго моста до Садовой улицы стало замѣтно увеличиваться, причемъ среди гуляющихъ выдѣлялись многочисленныя группы студентовъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Молодежь эта, видимо, была возбуждена и, останавливаясь группами на тротуарахъ, мѣшала пѣшеходному движенію. Въ виду этого наблюденіе полиціи за публикой было усилено и когда, около одного часа дня, на углу Михайловской улицы и Невскаго проспекта, у Европейской гостинницы, образовалась значительная толпа, среди которой сначала началось пѣніе, а затѣмъ раздавались крики: „Да здравствуетъ свобода"! и т. п., причемъ выкинуто было два большихъ красныхъ флага съ революціонными надписями, то на толпу эту, къ которой стремился народъ съ тротуаровъ, немедленно были направлены наряды пѣшей и конной полиціи и жандармскаго дивизіона: этими нарядами при помощи вызванныхъ для порядка дворниковъ, домовъ сборище это въ нѣсколько минутъ было разсѣяно, причемъ флагоносцы и лица, сопротивлявшіяся полиціи, были задержаны,—изъ нихъ у одного рабочаго оказался заряженный револьверъ, два флага *были* отобраны, а три флага подняты съ земли на мѣстѣ безпорядка. То же самое повторилось въ исходѣ второго часа дня у римско-католической церкви св. Екатерины и у Полицейскаго моста. Дальнѣйшія попытки демонстрантовъ были безуспѣшны. Всѣ красные флаги, числомъ десять, взяты полиціей. На время усмиренія безпорядка въ указанныхъ выше мѣстахъ движеніе конокъ было пріостановлено, такъ какъ демонстранты заполняли конки и имперіалы на нихъ, движеніе же извозчиковъ и частныхъ экипажей продолжалось безостановочно. Къ тремъ часамъ дня порядокъ повсюду былъ возстановленъ, а къ четыремъ часамъ движеніе по Невскому проспекту приняло обычный характеръ, наблюдательные же наряды конной полиціи продолжали разъѣзды по обѣимъ сторонамъ проспекта до вечера. При разсѣяніи толпы демонстрантовъ послѣдніе оказывали сопротивленіе полиціи при помощи палокъ, въ виду чего чины полиціи вынуждены были обнажить шашки, но дѣйствовали ими на этотъ разъ плашмя. Благодаря этому въ описываемомъ случаѣ уличнаго безпорядка не было ни убитыхъ, ни увѣчій, ни тяжкихъ поврежденій. Зарегистровано же 42 человѣка, потерпѣвшихъ отъ побоевъ, ушибовъ и пораненій, но несомнѣнно были и такіе потерпѣвшіе, которые съ мѣста происшествія отправились домой. Пострадали также: одинъ офицеръ конной стражи (ударъ палкой по колѣну)"

Digitized by Google

четверо городовыхъ и четверо дворниковъ. Во время безпорядковъ временному задержанію подверглись всего 132 лица, изъ нихъ 88 студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній; всѣ эти лица послѣ опроса въ полицейскихъ участкахъ были отпущены. Кромѣ того, за участіе въ безпорядкѣ задержано 48 лицъ, въ томъ числѣ 32 студента и 5 курсистокъ".

Первые числа января ознаменовались двумя выдающимися событіями.

Въ ночь на 3-е января въ Москвѣ на Николаевскомъ вокзалѣ произошло покушеніе на жизнь ген. Трепова.

Въ 10 ч. вечера ген. Треповъ былъ на вокзалѣ. Онъ стоялъ въ шинели, полузакрывъ лицо воротникомъ. Когда поѣздъ тронулся, ген. Треповъ направился къ выходу. Но лишь только онъ обернулся лицомъ къ публикѣ, какъ прозвучали одинъ за другимъ три выстрѣла. Вся публика устремилась на звуки выстрѣловъ. Въ это время на платформѣ уже лежалъ скрученный жандармами юноша съ еле пробивающимися усиками. Онъ былъ одѣтъ въ университетскомъ студенческомъ пальто, на головѣ была фуражка студента сельско-хозяйственнаго института. Задержаннаго немедленно отправили въ Мѣщанскій полицейскій домъ. На вокзалъ вскорѣ прибыли представители судебной власти для осмотра мѣста покушенія. Всѣ три револьверныя пули прошли, не задѣвъ ген. Трепова, но одна прострѣлила его шинель.

Юноша оказался бывшимъ воспитанникомъ торговой школы Морозова, Полторацкимъ.

Наконецъ, 6 января, во время водосвятія на Невѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, при производствѣ установленнаго салюта произошелъ несчастный случай.

Когда по сигналу ракеты въ моментъ погруженія креста загремѣлъ салютъ артиллеріи, непостижимымъ образомъ въ одномъ изъ холостыхъ снарядовъ оказалось нѣсколько патроновъ съ пулями стараго образца, которыя при выстрѣлѣ перелетѣли Неву, осыпали часть Іордани, коробку подъѣзда и колонны Зимняго дворца, оставивъ на нихъ замѣтные слѣды. Одной пулей пробило знамя Морского корпуса, одной пулей ранило городового; двѣ пули пробили верхнія стекла Николаевскаго зала и залетѣли въ самый залъ, упавъ подъ хорами.

Сводя всѣ показанія очевидцевъ, одна изъ петербургскихъ газетъ такъ разсказываетъ непонятное происшествіе: только что начался салютъ, вдругъ какъ будто гдѣ-то вблизи лопнулъ какой-то снарядъ, посыпались пули; нѣкоторыя изъ нихъ какъ бы на излетѣ падали, не причиняя вреда, но другія съ большой силой попали въ окна верхняго и нижняго этажа: одна попала въ древко одного изъ знаменъ, одна тяжело ранила городового.

Digitized by Google

Впечатлѣніе было такое, что этотъ снарядъ былъ изъ орудія салютующей батареи. Откуда, кто, зачѣмъ? рождался у каждаго вопросъ и тяжелое чувство, возникавшее въ душѣ у насъ, сливалось съ благодарностью къ Господу Богу, отклонившему опасность отъ дорогой намъ Особы Государя Императора.

Слѣдствіе показало, что, повидимому, дѣйствительно имѣла мѣсто несчастная случайность. Въ непробаненномъ, какъ слѣдовало *по уставу послѣ учебной стрѣльбы*, орудіи остался слабосильный учебный снарядъ.

Забастовки рабочихъ.

Съ половины декабря разразилось новое бѣдствіе—забастовка рабочихъ.

Началась она 13 декабря въ 6 час. утра въ Бакинскомъ промысловомъ районѣ. Рабочіе, повредивъ телефонную линію Балахны-Баку, пріостановили ея дѣйствіе. На Каспійско-Черноморскомъ промыслѣ были повреждены приборы машинъ. На Бибиэйбатскихъ рабочіе, выпустивъ паръ изъ паровиковъ, ушли. Забастовка распространилась повсемѣстно, какъ въ промысловомъ районѣ, такъ и въ городѣ Баку. Типографіи перестали работать, газеты выходить, движеніе трамвая прекратилось. 17 декабря перестали работать табачная фабрика Мирзабекянца, мастерскія пароходнаго общества „Кавказъ и Меркурій“, а также въ докѣ Дадашева. Буйствовавшіе рабочіе принятыми мѣрами были разсѣяны, а часть ихъ задержана для выясненія ихъ виновности. Вблизи Биби-Эйбата, а также Балаханъ, забастовщики собирались на сходки; въ послѣдней сходкѣ участвовало до 3,000 человѣкъ, которые при приближеніи полиціи стали группами возвращаться въ Балаханы и, увидавъ мимо проходившій поѣздъ, камнями разбили окна вагоновъ. 17 декабря бакинскія газеты вышли. Арестовано 14 рабочихъ. По свѣдѣніямъ „Бак. Изв.“ нефтепромышленники собрались 14 числа для совѣщанія въ помѣщеніи совѣта съѣзда и рѣшили, во избѣжаніе конфликта, къ силѣ не прибѣгать и вступить съ рабочими въ переговоры. Былъ выработанъ текстъ слѣдующаго воззванія къ рабочимъ: „Собраніе нефтепромышленниковъ и заводчиковъ, обсудивъ 14 декабря вопросъ о прекращеніи работъ рабочими на промыслахъ и заводахъ, избрало изъ своей среды особую комиссію для необходимыхъ переговоровъ съ представителями рабочихъ, избранными послѣдними изъ своей среды, по выясненію требованій рабочихъ и разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ этими требованіями“. Въ Батумѣ 20 декабря забастовали рабочіе всѣхъ ящичныхъ заводовъ. Нагрузка пароходовъ прекратилась.

Въ Баку 23 декабря, когда въ Черномъ и Бѣломъ городкахъ

Digitized by Google

работы были возобновлены, въ Балаханахъ въ третьемъ часу дня казачій разъѣздъ былъ окруженъ толпой рабочихъ, которые стали его тѣснить, бросать камни и даже стрѣлять. На выручку разъѣзда подоспѣла полусотня казаковъ, которая послѣ неоднократныхъ предупрежденій принуждена была открыть огонь, причемъ у бунтовщиковъ убито 3, ранено 5, а у казаковъ 3 ушиблено, но остались въ строю. Въ тотъ же день въ Биби-Эйбатѣ произошли безпорядки. Толпа рабочихъ напала на полицейскихъ стражниковъ. При усмиреніи рабочихъ убитъ одинъ, ранено нѣсколько. Всего въ Биби-Эйбатѣ и Балаханахъ ранено свыше 20 человѣкъ. 24 декабря въ Балаханахъ сгорѣли 22 буровыхъ вышки, а 26—еще 20 вышекъ. Возстановленное 23 декабря телефонное сообщеніе промысловъ съ Баку 24 декабря было снова прервано.

Только къ 4 января прекратилась забастовка. Она длилась 22 дня, изъ нихъ 19 полныхъ. Значительно попорчены пожаромъ 125 вышекъ съ оборудованіемъ, буровыми станками и промысловыми сооруженіями. Сгорѣло большое количество нефти.

3 января съ утра въ Петербургѣ рабочіе Путиловскаго завода (до 12,500 рабоч.) отказались выйти на работу. Заводъ весь день бездѣйствовалъ. Мотивомъ забастовки былъ отказъ рабочимъ-членамъ „Союза фабрично-заводскихъ рабочихъ“ уволить отъ службы мастера Тетявкина и возвратить четырехъ уволенныхъ рабочихъ.

Къ этому присоединялись скоро и другія требованія.

5 января былъ третій день, какъ рабочіе Путиловскаго завода забастовали, заводъ бездѣйствуетъ. Рано утромъ, въ 6 часовъ, неожиданно раздался фабричный свистокъ. Администраціи завода удалось уговорить нѣсколькихъ кочегаровъ развести топку паровыхъ котловъ, пущенъ былъ паръ, зажглось электричество.

Густыми толпами шли рабочіе къ заводу, явились начальники мастерскихъ, мастера. Не раздѣваясь, въ шапкахъ и шубахъ, стали рабочіе у своихъ станковъ—и черезъ нѣсколько минутъ они снова отказались отъ работы, ссылаясь на неисполненныя завленныя 4 января администраціи завода требованія, принудили погасить топку котловъ и всѣ 13,000 рабочихъ ушли съ завода, все время сохраняя наружное спокойствіе.

Лавки потребительнаго общества рабочимъ были открыты и съѣстные припасы продавались рабочимъ какъ въ кредитъ, такъ и на наличныя деньги.

Въ то же утро забастовали рабочіе Невскаго судостроительнаго и механическаго завода, въ числѣ до 6,300 человѣкъ.

Почти въ тѣ же часы, утромъ, забастовали: Невская бумагопрядильная мануфактура, Невская ниточная мануфактура и Екатерингофская бумагопрядильная.

Digitized by Google

На Франко-русскомъ заводѣ забастовка продолжалась второй день.

Директоръ Путиловскаго завода просилъ о закрытіи его. На это не послѣдовало согласія. Совѣщаніе изъ представителей административныхъ вѣдомствъ ни къ чему не пришло, когда въ 6 ч. вечера къ директору завода явилась депутація человѣкъ въ 40, предводимая священникомъ Георгіемъ Гапономъ, настоятелемъ церкви при петербургской пересыльной тюрьмѣ, предсѣдателемъ „Собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ города С.-Петербурга“, имѣвшаго 11 отдѣловъ (одинъ въ Колпинѣ), съ дорогими помѣщеніями (иныя стоили до 260 руб. въ мѣсяцъ). Число членовъ Собранія превышало 6,000 человѣкъ.

Священникъ о. Г. Гапонъ, отъ имени депутаціи, прочиталъ слѣдующія требованія рабочихъ:

1) Уволить мастера Тетявкина и принять обратно двухъ рабочихъ Сергунина и Субботина.

2) Рабочій день 8 часовъ.

3) Расцѣнка новыхъ издѣлій, послѣ испытанія, должна устанавливаться мастеромъ по добровольному соглашенію съ выборными рабочими изъ мастерской и затѣмъ должна считаться обязательной; что же касается старыхъ расцѣнокъ, то онѣ должны быть вновь пересмотрѣны на томъ же основаніи.

4) Должна быть учреждена на Путиловскомъ заводѣ постоянная комиссія изъ выборныхъ рабочихъ, которая совмѣстно съ администраціей разбирала бы всѣ претензіи отдѣльныхъ рабочихъ. Увольненіе рабочаго не можетъ состояться иначе, какъ съ постановленія этой комиссіи.

5) Нормальная плата для чернорабочаго не должна быть ниже рубля.

6) Отмѣна сверхурочныхъ работъ. Въ случаѣ ихъ необходимости одинъ часъ за два.

7) За бракъ, не зависящій отъ рабочаго, заводъ уплачиваетъ сполна.

8) Женщинамъ-чернорабочимъ плата должна быть не ниже 70 к. и для дѣтей ихъ долженъ быть устроенъ пріютъ-ясли.

9) Медицинскій персоналъ завода долженъ быть болѣе внимателенъ къ рабочимъ, особенно къ раненымъ (увѣчнымъ).

10) Улучшить санитарныя условія нѣкоторыхъ мастерскихъ, особенно кузнечной.

11) Никто не долженъ потерпѣть отъ забастовки.

12) Время, въ которое не производились работы, не должно считаться прогульнымъ и администраціи предлагается уплатить по средней расцѣнкѣ заработной платы.

*

Digitized by Google

Общее рѣшеніе этого совѣщанія должно считаться обязательнымъ и должно быть вывѣшено за подписью фабричнаго инспектора по мастерскимъ завода.

Января 4 дня 1905 г.

На бумажныхъ листкахъ съ требованіями рабочихъ, переданныхъ директору завода, надпись: „Съ подлиннымъ вѣрно. Священникъ Георгій Гапонъ".

Директоръ завода говорилъ, что установленіе восьмичасового рабочаго дня и новая расцѣнка совершенно разорятъ акціонеровъ, у Путиловскаго завода не будетъ капитала и все дѣло несомнѣнно рухнетъ.

— Не акціонеры разорены, а рабочіе,—сказалъ о. Гапонъ.—Не такъ ли, товарищи?

Забастовка 7 января не только охватила множество фабрикъ и заводовъ, но и всѣ типографіи перестали работать, такъ какъ банды рабочихъ, совершенно свободно расхаживая по городу, принуждали прекращать работу, грозя испортить машины. 8-го газеты не вышли и такъ продолжалось до 14-го. Въ эти шесть дней столица пережила дни, когда, казалось, анархія готова была окончательно восторжествовать. При странномъ бездѣйствіи власти разыгрались событія, такъ изложенныя въ оффиціальномъ сообщеніи.

Въ началѣ 1904 года, по ходатайству нѣсколькихъ рабочихъ фабрикъ и заводовъ Петербурга, былъ утвержденъ въ законномъ установленномъ порядкѣ уставъ „С.-Петербургскаго общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ", имѣвшаго цѣлью удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ интересовъ и отвлеченіе рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды. Общество это, избравшее своимъ предсѣдателемъ священника с.-петербургской пересыльной тюрьмы Георгія Гапона, по мѣрѣ своего распространенія на всѣ фабричные районы Петербурга, стало заниматься обсужденіемъ существовавшихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ отношеній между рабочими и хозяевами, а затѣмъ въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года побудило рабочихъ Путиловскаго завода вмѣшаться въ вопросъ объ увольненіи съ завода четверыхъ рабочихъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ оказалось впослѣдствіи, даже не были уволены, а оставили занятія добровольно. Тѣмъ не менѣе, возбуждаемые священникомъ Гапономъ и членами означеннаго общества, рабочіе Путиловскаго завода 2 января прекратили работы и, помимо требованія о возвращеніи ихъ товарищей, подъ вліяніемъ той же агитаціи предъявили требованія объ измѣненіи порядка назначенія расцѣнки работъ и увольненія рабочихъ. Мѣры увѣщанія со стороны фабричной инспекціи оказались безуспѣшными и къ стачкѣ подъ вліяніемъ тѣхъ же лицъ присоединились поголовно рабочіе нѣкоторыхъ дру-

Digitized by Google

тихъ крупныхъ заводовъ Петербурга, а затѣмъ стачка стала быстро распространяться, охвативъ почти всѣ фабрично-заводскія предпріятія столицы, причемъ по мѣрѣ распространенія стачки возрастали и требованія рабочихъ. Требованія эти въ письменномъ изложеніи, составленномъ въ большинствѣ священникомъ Гапономъ, были распространяемы среди рабочихъ. Первоначально они касались мѣстныхъ для отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ вопросовъ, затѣмъ перешли къ вопросамъ общимъ: о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, объ участіи рабочихъ организацій въ разрѣшеніи споровъ между рабочими и хозяевами и т. п. Хозяева охваченныхъ стачкой промышленныхъ заведеній, собравшись на совѣщаніе, признали, что удовлетвореніе нѣкоторыхъ изъ домогательствъ рабочихъ должно повлечь за собою полное паденіе русской промышленности, другія же могли бы быть разсмотрѣны, а частью и удовлетворены въ мѣрѣ, посильной для каждаго отдѣльнаго предпріятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывая готовность вступить съ рабочими въ переговоры, признали, что таковые невозможны при условіи веденія ихъ съ организаціей стачечниковъ во всей ихъ совокупности и достижимы только по отдѣльнымъ фабрикамъ и заводамъ. Отъ такого обсужденія требованій рабочіе отказывались. Въ виду того, что стачка не была соединена съ нарушеніемъ порядка, никакихъ репресивныхъ мѣръ властями предпринимаемо не было и со времени ея возникновенія не было произведено ни одного ареста и обыска въ рабочей средѣ. Однако, къ агитаціи, которую вело „Общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“, вскорѣ присоединилось и подстрекательство подпольныхъ революціонныхъ кружковъ. Само вышеупомянутое общество, со священникомъ Гапономъ во главѣ, съ утра 8 января перешло къ пропагандѣ явно революціонной. Въ этотъ день священникомъ Гапономъ была составлена и распространена петиція отъ рабочихъ на Высочайшее Имя, въ коей рядомъ съ пожеланіями объ измѣненіи условій труда были изложены дерзкія требованія политическаго свойства. Въ рабочей средѣ былъ распущенъ слухъ и распространены письменныя заявленія о необходимости собраться къ 2 час. дня 9 января на Дворцовой площади и черезъ священника Гапона представить Государю Императору прошеніе о нуждахъ рабочаго сословія; и въ этихъ слухахъ и заявленіяхъ о требованіяхъ политическаго характера умалчивалось, и большинство рабочихъ вводилось въ заблужденіе о цѣли созыва на Дворцовую площадь.

Фанатическая проповѣдь, которую въ забвеніи святости своего сана велъ священникъ Гапонъ, и преступная агитація злонамѣренныхъ лицъ возбудили рабочихъ настолько, что они 9 января огромными толпами стали направляться къ центру города. Въ нѣкото-

Digitized by Google

рыхъ мѣстахъ между ними и войсками, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованіямъ разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія. Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургскомъ трактѣ, у Нарвскихъ воротъ, близъ Троицкаго моста, на 4-й линіи и Маломъ проспектѣ Васильевскаго острова, у Александровскаго сада, на углу Невскаго проспекта и улицы Гоголя, у Полицейскаго моста и на Казанской площади. На 4-й линіи Васильевскаго острова толпа устроила изъ проволокъ и досокъ три баррикады, на одной изъ которыхъ прикрѣпила красный флагъ, причемъ изъ оконъ сосѣднихъ домовъ въ войска были брошены камни и произведены выстрѣлы, у городовыхъ толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитивъ около ста стальныхъ клинковъ, которые, однако, были большею частью отобраны; въ 1-мъ и 2-мъ участкахъ Васильевской части толпою были порваны телефонные провода и опрокинуты телефонные столбы; на зданіе 2-го полицейскаго участка Васильевской части произведено нападеніе и помѣщеніе участка разбито, вечеромъ на Большомъ и Маломъ проспектахъ Петербургской стороны разграблено 5 лавокъ.

Общее количество потерпѣвшихъ отъ выстрѣловъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ больницами и пріемными покоями къ 8 часамъ вечера, составляетъ: убитыхъ 76 человѣкъ (въ томъ числѣ околоточный надзиратель), раненыхъ 233 (въ томъ числѣ тяжело ранены пом. пристава и легко раненые рядовой жандармскаго дивизіона и городовой). (По послѣднимъ свѣдѣніямъ отъ 19 января убитыхъ 96, раненыхъ 333, изъ коихъ умерло 32 чел.)

На 10 января къ охранѣ города приняты тѣ же мѣры, которыя были приняты 9 числа.

Въ теченіе 10 января въ гор. Петербургѣ столкновеній толпы, производившей безпорядки, съ войсками не было, и воинскимъ командамъ не пришлось прибѣгать къ оружію, такъ какъ при появленіи войска толпа разбѣгалась. Днемъ была произведена во-время предупрежденная попытка нападенія (хулигановъ-босяковъ) на Гостиный Дворъ. Къ вечеру къ стачкѣ присоединились рабочіе электрическихъ станцій, вслѣдствіе чего, пользуясь темнотой, отдѣльныя группы принялись бить оконныя стекла магазиновъ на разныхъ улицахъ, но порядокъ повсюду былъ быстро возстановленъ.

Въ теченіе 10 января убитыхъ и раненыхъ не было; число пострадавшихъ въ теченіе 9 числа по точному подсчету оказывается: убитыми—96 человѣкъ и ранеными—333 (въ томъ числѣ 53 зарегистрированы въ амбулаторныхъ пунктахъ).

Digitized by Google

Въ теченіе 12 января порядокъ въ столицѣ нарушенъ не былъ, а 13 начались работы на фабрикахъ и заводахъ.

Главнымъ Штабомъ получена была изъ Парижа слѣдующая телеграмма:

„Лондонскіе корреспонденты сообщаютъ, что безпорядки на морскихъ заводахъ въ Петербургѣ, Либавѣ, Севастополѣ, угольныхъ копяхъ въ Вестфаліи организованы англо-японскими провокаторами съ цѣлью пріостановить отправку балтійской и черноморской эскадръ. Огромныя суммы истрачены на агитацію въ Россіи. Объясните русскому народу истину. Всякая симпатія безпорядковъ есть преступленіе, измѣна. Въ Парижѣ японцы открыто хвастаютъ устройствомъ безпорядковъ въ Россіи".

Эта же телеграмма 12 анваря была расклеена на всѣхъ улицахъ Москвы на видныхъ мѣстахъ, по распоряженію и. д. Московскаго градоначальника.

Въ Москвѣ забастовка не разрослась. Забастовки были въ Ригѣ, Ревелѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ. Въ Финляндіи были политическіе безпорядки на почвѣ мысли, что въ Россіи начинается всеобщая революція.

Военнымъ Министромъ получена изъ Парижа слѣдующая телеграмма, напечатанная въ „Рус. Инвалидѣ": „Лондонскій корреспондентъ телеграфируетъ, что японское правительство роздало 18 милліоновъ рублей русскимъ революціонерамъ-соціалистамъ, либераламъ, рабочимъ для организаціи безпорядковъ въ Россіи. Имѣлось въ виду уничтожить морскіе заводы; сдѣлать невозможнымъ отправку балтійской и черноморской эскадръ; уморить голодомъ армію Куропаткина; заставить правительство заключить миръ, необходимый для Японіи, наканунѣ ея банкротства".

На улицахъ Петербурга было расклеено нижеслѣдующее объявленіе:

„По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію министръ финансовъ и с.-петербургскій генералъ-губернаторъ симъ объявляютъ:

„Спокойное теченіе общественной жизни въ С.-Петербургѣ нарушено за послѣдніе дни прекращеніемъ работъ на фабрикахъ и заводахъ. Оставивъ свои занятія, къ явному для себя и своихъ хозяевъ ущербу, рабочіе предъявили рядъ требованій, касающихся взаимныхъ отношеній между ними и фабрикантами. Возникшимъ движеніемъ воспользовались неблагонамѣренныя лица, которыя избрали рабочихъ орудіемъ для выполненія своихъ замысловъ и увлекли трудящихся людей обманчивыми, несбыточными обѣщаніями на ложный путь. Послѣдствіями преступной агитаціи были многочисленныя нарушенія порядка въ столицѣ и неизбѣжное въ такихъ случаяхъ вмѣшательство вооруженной силы.

Digitized by Google

Явленія эти глубоко прискорбны. Порождая смуту, злонамѣренныя лица не остановились передъ затрудненіями, переживаемыми нашею родиною въ тяжелое военное время. Въ рукахъ ихъ трудящійся людъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ оказался слѣпымъ орудіемъ, не давъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что именемъ рабочихъ заявлены требованія, ничего общаго съ ихъ нуждами не имѣющія.

Заявляя эти требованія и прекращая обычныя свои занятія, рабочіе петербургскихъ фабрикъ и заводовъ забыли также и то, что правительство всегда заботливо относилось къ ихъ нуждамъ, какъ относится оно и теперь, готовое внимательно прислушиваться къ ихъ справедливымъ желаніямъ и удовлетворять ихъ въ мѣру представляющейся возможности. Но для такой дѣятельности правительства необходимы прежде всего возстановленіе порядка и возвращеніе рабочихъ къ обычному труду. Въ пору волненій немыслима спокойная и благожелательная работа правительства на пользу рабочихъ. Удовлетвореніе ихъ заявленій, какъ бы справедливы они ни были, не можетъ быть послѣдствіемъ безпорядка и упорства.

Рабочіе должны облегчить правительству лежащую на немъ задачу по улучшенію ихъ быта и могутъ сдѣлать это только однимъ путемъ: отойти отъ тѣхъ, кому нужна одна смута, кому чужды истинныя пользы рабочихъ, какъ чужды и истинные интересы родины, и кто выставилъ ихъ только какъ предлогъ, чтобы вызвать волненія, ничего общаго съ этими пользами не имѣющія. Они должны возвратиться къ своему обычному труду, который столько же нуженъ государству, сколько и самимъ рабочимъ, такъ какъ безъ него они обрекаютъ на нищету самихъ себя, своихъ женъ и дѣтей. И, возвращаясь къ работѣ, пусть знаетъ трудящійся людъ, что его нужды близки сердцу Государя Императора такъ же, какъ и нужды всѣхъ Его вѣрныхъ подданныхъ, что Его Величество еще столь недавно повелѣть соизволилъ, по личному Своему произволенію, приступить къ разработкѣ вопроса о страхованіи рабочихъ, имѣющемъ своею задачею обезпечить ихъ на случай увѣчья и болѣзни, что этою мѣрою не исчерпываются заботы Государя Императора о благѣ рабочихъ и что одновременно съ симъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, министерство финансовъ готово приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ.

Пусть знаютъ рабочіе фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній, что, вернувшись къ труду, они могутъ расчитывать на защиту правительствомъ неприкосновенности ихъ самихъ, семействъ ихъ и домашняго ихъ очага. Правительство оградитъ тѣхъ, кто желаетъ и готовъ трудиться, отъ преступнаго посягатель-

Digitized by Google

ства на свободу ихъ труда злонамѣренныхъ людей, громко взывающихъ къ свободѣ, но понимающихъ ее только какъ свое право не допускать путемъ насилія до работы своихъ же товарищей, готовыхъ вернуться къ мирному труду.

Министръ финансовъ статсъ-секретарь *В. Коковцовъ*.
С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ *Д. Треповъ*.

Учрежденіе генералъ-губернаторства и назначеніе генерала Трепова послѣдовало по сему Именному Высочайшему Указу Правительствующему Сенату отъ 11 января:

Событія послѣднихъ дней въ С.-Петербургѣ указали на необходимость прибѣгнуть къ исключительнымъ по обстоятельствамъ времени мѣрамъ, въ видахъ охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности.

Съ этою цѣлью Мы признали необходимымъ учредить должность с.-петербургскаго генералъ-губернатора, на основаніяхъ, указанныхъ въ законоположеніяхъ о главныхъ начальникахъ губерній, и нижеслѣдующихъ правилъ:

1) С.-петербургскому генералъ-губернатору подчиняются городъ С.-Петербургъ и С.-Петербургская губернія.

2) По предметамъ, относящимся къ охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности, генералъ-губернатору подчиняются всѣ мѣстныя гражданскія управленія и учебныя заведенія всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ.

3) Генералъ-губернаторъ имѣетъ право, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, принимать мѣры, указанныя въ ст. 140 уст. цензурн.

4) Генералъ-губернатору, независимо отъ права по изданію обязательныхъ постановленій въ порядкѣ правилъ о положеніи усиленной охраны, предоставляется издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся до благоустройства и благочинія, въ предѣлахъ генералъ-губернаторства, съ установленіемъ взысканій и порядка разрѣшенія дѣлъ о нарушеніяхъ сихъ постановленій согласно статьямъ 15 и 16 полож. усил. охраны, причемъ генералъ-губернаторъ можетъ уполномочивать на рѣшеніе сихъ дѣлъ подчиненныхъ ему с.-петербургскаго губернатора и градоначальника.

5) Генералъ-губернатору предоставляется право вызывать, для содѣйствія гражданскимъ властямъ, войска во всѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ это необходимымъ, и опредѣлять по своему усмотрѣнію какъ родъ оружія, такъ и количество потребованныхъ войсковыхъ частей, которыя съ момента вызова дѣйствуютъ по его указанію.

Digitized by Google

6) Власти генералъ-губернатора, въ предѣлахъ генералъ-губернаторства, подчиняются какъ с.-петербургское губернское жандармское управленіе, такъ и жандармскія полицейскія управленія желѣзныхъ дорогъ и въ полицейскомъ отношеніи — всѣ учрежденія и должностныя лица въ полосѣ желѣзнодорожнаго отчужденія.

7) Генералъ-губернатору подчиняются въ полицейскомъ отношеніи всѣ казенные фабрики, заводы и мастерскія въ предѣлахъ генералъ-губернаторства.

8) Всѣ права министра внутреннихъ дѣлъ по утвержденію въ должностяхъ лицъ городского общественнаго и земскаго управленій въ предѣлахъ столицы и губерніи передаются генералъ-губернатору, и

9) Генералъ-губернатору предоставляется воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ столицѣ и С.-Петербургской губерніи.

Духовная власть въ лицѣ Сунода по поводу пережитыхъ безпорядковъ обнародовала нижеслѣдующее посланіе:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

Святѣйшій Правительствующій Сунодъ

возлюбленнымъ чадамъ Святой Православной Всероссійской Церкви.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога и Отца и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами.

Великимъ бѣдствіемъ посѣтилъ Господь наше дорогое Отечество. Вотъ уже скоро годъ, какъ Россія ведетъ съ язычниками кровопролитную войну за свое историческое призваніе насадительницы христіанскаго просвѣщенія на Дальнемъ Востокѣ, за честь и достоинство, поруганныя неожиданно дерзкимъ нападеніемъ врага. Какъ ни отклонялъ отъ Себя эту войну исполненный миролюбія Благочестивѣйшій Государь нашъ, но война была навязана Россіи. Тяжкое испытаніе Божіе надлежало бы принять всѣмъ съ сознаніемъ своихъ грѣховъ, съ чувствомъ покаянія, въ смиреніи предъ неисповѣдимыми путями Промысла Божія о Россіи. Но многіе, въ своей гордости и самонадѣянности, думали легко и скоро побѣдить врага.

И вотъ начинаются тягчайшія испытанія нашей вѣры, нашего смиренія.

Христолюбивое воинство наше явило міру чудеса храбрости и терпѣнія въ отдаленной и чуждой странѣ. Не взирая на доблесть героевъ защитниковъ, пала твердыня наша на Дальнемъ Востокѣ—

Digitized by Google

крѣпость Портъ-Артуръ и, по волѣ Божіей, не насталъ еще конецъ борьбы, на которую должны быть собраны всѣ народныя силы.

Въ столь тяжкомъ испытаніи, постигшемъ возлюбленное наше Отечество, всѣ сыны его, отъ мала до велика, отъ вельможи до простолюдина, должны бы явить горячую вѣру въ Бога, излить пламенныя молитвы ко Господу, омыть грѣхи свои слезами покаянія, единодушно встать на защиту Вѣры, Царя и Отечества, принявъ, по слову святаго Апостола, всеоружіе Божіе, дабы противостать въ день злый и, все преодолѣвъ, устоять (Ефес. VI, 13). Но вотъ новое испытаніе Божіе, горе, горшее перваго, посѣтило наше возлюбленное Отечество.

Въ столицѣ и другихъ городахъ Россіи начались стачки рабочихъ и уличные безпорядки. Люди русскіе, искони православные, отъ лѣтъ древнихъ навыкшіе стоять за Вѣру, Царя и Отечество, подстрекаемые людьми злонамѣренными, врагами Отечества домашними и иноземными, десятками тысячъ побросали свои мирныя занятія, рѣшились скопомъ и насиліемъ добиваться своихъ будто бы попранныхъ правъ, причинили множество безпокойствъ и волненій мирнымъ жителямъ, многихъ оставили безъ куска хлѣба, а иныхъ изъ своихъ собратій привели къ напрасной смерти безъ покаянія, съ озлобленіемъ въ сердцѣ, съ хулою и бранью на устахъ. Преступные подстрекатели простыхъ рабочихъ людей, имѣя въ своей средѣ недостойнаго священнослужителя, дерзновенно поправшаго святые обѣты и нынѣ подлежащаго суду Церкви, не устыдились дать въ руки обманутымъ ими рабочимъ насильственно взятые изъ часовни честный крестъ, святыя иконы и хоругви, дабы, подъ охраною чтимыхъ вѣрующими святынь, вѣрнѣе вести ихъ къ безпорядку, а иныхъ и на гибель. Всего прискорбнѣе, что происшедшіе безпорядки вызваны и подкупами со стороны враговъ Россіи и всякаго порядка общественнаго. Значительныя средства присланы ими, дабы произвести у насъ междоусобицу, дабы отвлеченіемъ рабочихъ отъ труда помѣшать своевременной посылкѣ на Дальній Востокъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, затруднить снабженіе дѣйствующей арміи всѣми необходимыми для нея припасами и тѣмъ навлечь на Россію неисчислимыя бѣдствія. Врагамъ нашимъ нужно расшатать твердыни наши — вѣру православную и самодержавную власть царскую. Ими Россія жива, на нихъ возросла и окрѣпла и безъ нихъ погибнетъ.

О, горе великое! Люди русскіе, христіане православные возстаютъ противъ законной власти, враждуютъ другъ противъ друга въ то время, какъ ихъ братья сражаются на Дальнемъ Востокѣ, въ то время, когда Государь нашъ и Государыни Императрицы неусыпно заботятся объ облегченіи тяжкой доли больныхъ и раненыхъ

Digitized by Google

воиновъ, пострадавшихъ за славу родины. Подумайте, возлюбленные братія, какое тяжкое горе причиняется симъ Вѣнценосному Вождю земли Русской, какая скорбь омрачитъ души нашихъ мужественныхъ воиновъ, когда они услышатъ о нестроеніяхъ внутри Отечества, въ самой столицѣ его, какую силу дастъ наша рознь врагамъ нашимъ.

Но, во-истину, не по беззаконіямъ нашимъ творитъ намъ Господь и не по грѣхамъ нашимъ воздаетъ намъ. Видимъ въ сихъ испытаніяхъ Божіихъ благодѣющую намъ Десницу Всевышняго. Его же бо любитъ Господь, наказуетъ. Онъ, Премилосердный, наказуетъ насъ, дабы всѣ мы не погибли въ конецъ, но пришли къ покаянію.

Святѣйшій Синодъ, скорбя о пагубныхъ нестроеніяхъ въ современной жизни русскаго народа, именемъ Святой Матери—церкви православной умоляетъ всѣхъ чадъ ея: Бога бойтесь, Царя чтите (1 Петр. I, 17) и всякой власти, отъ Бога поставленной, повинуйтесь (Римл. XIII, 1).

Пастыри святой православной церкви! Проповѣдуйте слово, настойте благовременно и безвременно, обличайте, запрещайте, умоляйте со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ (2 Тим. IV, 2) и образы бывайте вѣрнымъ, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ вѣрою, чистотою (1 Тим. IV, 12).

Власть имущіе! Ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову (Ис. I, 16—17).

Богатые! Не уповайте на богатство невѣрное, но на Бога живаго, благодѣтельствуйте, богатѣйте добрыми дѣлами, щедростью и милосердіемъ (1 Тим. VI, 17).

Труженики земли Русской, люди рабочіе! Трудитесь по заповѣди Господней въ потѣ лица своего, памятуя, что нетрудящійся недостоинъ и пропитанія. Берегитесь вашихъ ложныхъ совѣтниковъ, подъ видомъ радѣнія о вашихъ нуждахъ и пользахъ, добивающихся безпорядка, лишающихъ васъ крова и пропитанія. Они суть пособники или наемники злого врага, ищущаго разоренія земли Русской.

Возлюбленные о Господѣ чада Святой Православной Всероссійской Церкви! Святѣйшій Синодъ, уповая, что вы запечатлѣете въ сердцахъ вашихъ преподанное нынѣ слово праваго ученія, призываетъ на васъ апостольское благословеніе:

Милость вамъ и миръ и любовь да умножится (Іуд. 1, 2).

Смиренный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

Смиренный Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій.

Digitized by Google

Смиренный Флавіанъ, митрополитъ кіевскій и галицкій.
Смиренный Николай, архіепископъ финляндскій и выборгскій.
Смиренный Климентъ, епископъ винницкій.

С.-Петербургъ 14 января 1905 г.

О томъ, какое впечатлѣніе произвели извѣстія о безпорядкахъ въ Манчжурской арміи нашей свидѣтельствуетъ слѣдующая телеграмма г. Ольгинскаго („Нов. Вр." № 10371) изъ Мукдена отъ 17 января:

„Къ вамъ, лучшіе русскіе люди, дорогіе братья, сограждане, къ вамъ обращается съ мольбой вся русская армія, вотъ уже пятый день снова кладущая свою жизнь за честь дорогой родины, и въ эти страдныя тяжелыя минуты пощадите ее, не заставляйте страдать, прибавляя къ мукамъ физическимъ еще худшія муки нравственныя—стыда и униженія. Какъ же, какъ не этимъ словомъ, можно назвать письма, ежедневно подбрасываемыя японцами нашимъ сторожевымъ охраненіямъ? Въ нихъ съ торжествующимъ злорадствомъ, граничащимъ съ издѣвательствомъ, сообщается, что кровь, пролитая и проливаемая арміей, безплодна, ненужна, что Россія охвачена огнемъ мятежа и массовыми безпорядками, сжигаются верфи, заводы, правительственныя учрежденія, и уговариваютъ насъ потому сдаться. Боже, Боже, какъ вы на Руси не понимаете, какъ стыдно, поймите, какъ стыдно, больно и гнетуще получать эти наглыя сочувствія, эти ликующія извѣстія! Бога ради, поймите, что не время теперь этимъ счетамъ, нельзя давать противнику-врагу, какъ бы вы его ни считали культурнымъ и храбрымъ, такой нравственный перевѣсъ! Посмотрите, какъ жадно онъ ловитъ эти дорогія для него вѣсти! Русскіе люди, стряхните съ себя пелену, застилающую ваши глаза, не забывайте, что многострадающая армія есть плоть отъ вашей плоти, вашими горестями болѣетъ, вашими радостями живетъ".

Рѣчь Государя рабочимъ.

Въ среду 19 января Государь Императоръ принялъ въ Царскомъ Селѣ депутацію отъ рабочихъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ въ составѣ 34 человѣкъ.

Государь сказалъ депутаціи:

„Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы могли лично отъ Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашимъ товарищамъ.

„Прискорбныя событія съ печальными, но неизбѣжными послѣдствіями смуты произошли отъ того, что вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами нашей Родины.

„Приглашая васъ идти подавать Мнѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, они поднимали васъ на бунтъ противъ Меня и Моего Пра-

Digitized by Google

вительства, насильственно отрывая васъ отъ честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно-русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ работать на одолѣніе нашего упорнаго внѣшняго врага.

„Стачки и мятежныя сборища возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ безпорядкамъ, которые всегда заставляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ, а это неизбѣжно вызываетъ и неповинныя жертвы.

„Знаю, что нелегка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ и считаться съ условіями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять Мнѣ о своихъ нуждахъ—преступно.

„Въ попеченіяхъ Моихъ о рабочихъ людяхъ озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить имъ впредь законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ.

„Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ.

„Теперь возвращайтесь къ мирному труду вашему, благословясь принимайтесь за дѣло вмѣстѣ съ вашими товарищами и да будетъ **Богъ вамъ въ помощь**“.

Послѣ обращенія къ депутатамъ **Государь Императоръ** обходилъ ихъ и многихъ удостоилъ милостивыхъ словъ.

По выходѣ изъ дворца депутаты вошли въ Знаменскую церковь, гдѣ, сотворивъ молитву, приложились къ св. иконамъ.

Государь и Государыня, движимые чувствомъ сердечнаго сострадания къ семьямъ убитыхъ и раненыхъ во время безпорядковъ 9 сего января въ С.-Петербургѣ, всемилостивѣйше соизволили назначить изъ Собственныхъ средствъ 50,000 руб. для оказанія помощи нуждающимся членамъ этихъ семей.

Разбираясь въ сложной драмѣ, прошедшей передъ нашими глазами, мы прежде всего поражаемся тѣмъ въ ней обстоятельствомъ, что нигилисты-революціонеры для того, чтобы поднять народъ, прибѣгли къ Кресту и къ Царю. Поэтому успѣхъ этихъ обманщиковъ принадлежитъ вовсе не ихъ идеѣ, если только она у нихъ имѣется, но религіозной и государственной идеѣ, за которой они прятались. Эка штука, въ самомъ дѣлѣ, священнику въ рясѣ, съ крестомъ въ рукѣ поднять простой народъ идти съ женами и дѣтьми къ Батюшкѣ-Царю просить о своихъ нуждахъ! Что-же этимъ доказано? Непоколебимая вѣрность Царю и Церкви, вѣрность при темнотѣ и простодушіи. Зналъ-ли народъ, что о. Георгій Гапонъ въ собственной декларации требовалъ, чтобы Монархъ раздѣлилъ свою власть съ народомъ, со-

Digitized by Google

бралъ депутатовъ отъ сословій, которые образовали-бы „учредительное собраніе“ и сочинили конституцію съ отдѣленіемъ церкви отъ государства, которая тутъ-же при декларации о. Гапона и излагалась? Конечно, не зналъ. Смысла этой декларации народъ и понять не могъ. Но какъ въ XVII столѣтіи, когда Царь Алексѣй Михайловичъ выходилъ изъ собора, народъ бросался на колѣни, а ближніе брали Царя за пуговицы и докучали ему жалобами на боярскія неправды, такъ же простодушно и въ началѣ XX вѣка толпы рабочихъ пошли къ своему Царю, быть можетъ и потому, что многіе хозяева ихъ—иностранцы, англичане, нѣмцы, американцы, совершенно къ ихъ нуждамъ равнодушные. И это на западѣ сочли революціей.

И какъ-же прокляли эти простые люди измѣнника и обманщика попа, когда узнали для чего онъ велъ ихъ къ Зимнему дворцу, Адскій планъ былъ хитро задуманъ, надо признаться. Съ иконами, съ хоругвями, со святымъ крестомъ, со священникомъ во главѣ идетъ со слезницею своею простой народъ къ Царю своему. А навстрѣчу ему войска, пули, смерть. Тутъ было желаніе поселить въ душѣ народа смущеніе, раздружить его съ Царемъ, да кстати пробудить и непріязнь между нимъ и солдатами. На мгновеніе, можетъ быть, и удалось этого достичь. Но сейчасъ-же, какъ только предъ народомъ выяснился обманъ, въ который онъ былъ вовлеченъ, и эти мгновенныя чувства, обманомъ порожденныя, разсѣялись, какъ туманъ. Пробудилась ненависть къ обманщикамъ. И страшна эта ненависть и прискорбна, ибо въ подозрительности своей народъ теперь будетъ косо смотрѣть на приближающуюся къ нимъ рясу и на студенческій мундиръ. „Священникъ Гапонъ былъ переодѣтый студентъ“,—вотъ какъ объяснилъ себѣ народъ поведеніе обманувшей его рясы. Много толковали о проповѣдникахъ изъ студентовъ духовной академіи и изъ молодыхъ священниковъ.

Теперь это благое дѣло можетъ быть скомпрометировано. Народъ съ недовѣріемъ станетъ встрѣчать слишкомъ краснорѣчивыхъ академистовъ и кудрявыхъ батюшекъ.

Рознь, рознь и рознь.

Но велико слово Царя:

„Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ“.

Да, честныя чувства и непоколебимая преданность Православію и Самодержавію, Кресту и Царю живутъ въ рабочей массѣ, и событія, которыхъ свидѣтелями мы были, это подтверждаютъ. Не бунтовалъ народъ. Шелъ къ Царю съ челобитьемъ. Наивный, простодушный, онъ пошелъ за священникомъ въ эпитрахили и съ крестомъ въ рукѣ. Могъ-ли онъ думать, что этотъ священникъ переодѣтый. Ну, кто-бы онъ тамъ ни былъ, а вовсе не пастырь добрый!

Digitized by Google

Кто онъ такой, въ самомъ дѣлѣ? Въ газетахъ сообщаются теперь весьма нелестныя о немъ исторіи, какъ родители даже стали братьдѣвочекъ изъ пріюта, куда хаживалъ сей пастырь. А въ „Новостяхъ“ отъ 7 января появилась его біографія, на половинѣ прерванная. Въ ней сообщаются слѣдующія „черты изъ жизни“ о. Гапона:

„Сынъ простого крестьянина Полтавской губерніи, этотъ „демагогъ“, въ благородномъ значеніи слова, въ молодости пасъ свиней и гусей. Блестящія способности о. Георгія, въ бытность его ученикомъ сельской школы, обратили на него вниманіе учебнаго начальства; отца уговорили продолжать образованіе сына, и о. Георгій очутился въ полтавской духовной семинаріи“.

„Будучи ученикомъ IV класса семинаріи, Гапонъ уже исключается изъ семинаріи за политическую пропаганду и возвращается „на лоно природы“. Это „устраненіе“ продолжалось недолго: вскорѣ Гапонъ возвращается въ семинарію, которую и кончаетъ, увы, съ „тройкой“ за поведеніе. Поводомъ къ такому тяжелому (злосчастная „тройка“ лишаетъ возможности поступить въ высшее учебное заведеніе) наказанію послужилъ тотъ интересъ, который проявилъ Гапонъ къ „политикѣ“.

„Уже съ юныхъ лѣтъ болѣя душой за своихъ собратьевъ по правовому положенію, Гапонъ знакомится съ нѣкіимъ Фейрманомъ, послѣдователемъ ученія графа Толстого во всей его первоначальной, неискаженной новѣйшими вставками и уклоненіями полнотѣ. Знакомство это разъ навсегда опредѣляетъ цѣль жизни Гапона—борьбу не во имя какихъ-либо отвлеченныхъ идей, а за правовую свободу и неизбѣжно связанное съ ней сравнительное матеріальное благополучіе своихъ собратьевъ—низшаго класса, главнымъ образомъ, рабочихъ.“

„Безупречная дѣятельность Гапона въ роли земскаго статистика внушаетъ къ нему довѣріе. Встрѣча съ одной дѣвушкой, посвятившей всю свою жизнь служенію народу, вноситъ измѣненіе въ дальнѣйшую судьбу Гапона“.

„Онъ убѣждается изъ ея словъ, что служеніе народу въ рясѣ священника принесетъ гораздо болѣе осязательную пользу, чѣмъ служеніе въ мундирѣ чиновника или фракѣ адвоката, уже потому, что самое облаченіе внушаетъ нашему мужику довѣріе къ носящему это облаченіе. Бываютъ случаи жестокихъ разочарованій, но если носить рясу съ честью, довѣріе упрочивается и переходитъ въ какое-то безсознательное подчиненіе“.

„Гапонъ ѣдетъ въ Петербургъ, подаетъ прошеніе о пріемѣ въ духовную академію. „Тройка“ благополучно устраняется чрезъ ученый комитетъ святѣйшаго синода, благодаря, конечно, пущеннымъ въ ходъ протекціямъ“.

Digitized by Google

„Гапонъ—„академикъ“.

„Столица, съ ея постояннымъ стремленіемъ къ совершенствованію, захватываетъ молодого провинціала. Онъ окунается во всю ея тревожную жизнь, заводитъ знакомство на заводахъ“.

„Четырехлѣтнее пребываніе въ академіи убѣждаетъ о. Гапона въ абсолютномъ отсутствіи свободы науки и ея главнаго двигателя—мысли. Даже послѣдняя должна течь по заранѣе опредѣленному пути; малѣйшее уклоненіе отъ этого пути приводитъ къ самымъ нежелательнымъ для смѣльчака послѣдствіямъ. Это пришлось испытать о. Гапону на себѣ. Его сочиненіе о положеніи рабочаго класса въ Россіи, о необходимости общенія между церковью, въ христіанскомъ значеніи этого слова, и народомъ, забраковывается конференціей и автору дѣлается строгое внушеніе“.

„Несмотря на всю схоластику, на мертвую точку, на которой находилась академическая „наука“, о. Гапонъ рѣшается кончить академію, дабы имѣть нужный для него дипломъ. Съ грѣхомъ пополамъ послѣдній выдается ему семь лѣтъ назадъ. У о. Гапона „окрѣпли крылья“.

Окончаніе этой біографіи не послѣдовало.

Мы знаемъ теперь куда эти „окрѣпшія крылья“ понесли о. Гапона! Мы знаемъ, какъ это онъ „носилъ рясу съ честью“, какъ воспользовался онъ тѣмъ довѣріемъ, которое внушаетъ нашему мужику священническое облаченіе, какъ при помощи рясы этотъ „ряженый“ свинопасъ-семинаристъ-толстовецъ-земскій статистикъ-академикъ привелъ толпы рабочихъ въ безсознательное подчиненіе и повелъ ихъ подъ пули!

Но что же это доказало лишній разъ? Что въ Россіи народъ довѣряетъ облаченію пастыря, что поднять его можно только крестомъ и царскимъ именемъ, что никакой революціи, въ смыслѣ торжества въ сознаніи народномъ иныхъ идей, кромѣ Самодержавія и Вѣры, быть въ Россіи не можетъ.

Но посмотримъ на событія 9 января съ западной, конституціонной точки зрѣнія. Будемъ считать, что передъ нами простой случай осуществленія права подачи власти государственной петиціи. Съ точки зрѣнія конституціи запада имѣли ли рабочіе право такъ подавать петиціи? Ни малѣйшаго.

Провозглашенное еще „биллемъ о правахъ“ 1689 г. право петиціи признается въ Англіи въ широкихъ размѣрахъ. Однако, главное условіе для пользованія правомъ петиціи заключается въ томъ, чтобы сама петиція не содержала въ себѣ ничего существенно принудительнаго и посягающаго на право власти законодательной. Затѣмъ требуется, чтобы содержаніе петиціи было изложено въ почтительныхъ выраженіяхъ. Наконецъ, подать въ палату петицію долженъ

Digitized by Google

одинъ изъ ея членовъ. Этимъ условіемъ достигаются двѣ цѣли: увѣренность, что содержаніе петиціи, поступающей въ палату, будетъ достойно вниманія, ибо членъ, который вноситъ петицію, беретъ на себя извѣстнаго рода отвѣтственность и устраняется необходимость представленія петиціи самими просителями, которые, собравшись толпой, могли бы воспользоваться подачею, какъ средствомъ терроризировать правительство. Нынѣ дѣйствующіе во Франціи законы о петиціяхъ содержатся въ конституціонномъ актѣ 22 іюля 1879 года. Условія подачи петиціи такія: она должна быть составлена и представлена письменно; запрещается личная подача петицій и у рѣшетки зданія, занятаго собраніемъ палаты депутатовъ; полагается строгое наказаніе за возбужденіе къ подачѣ петицій лично и à la barre de l'assemblée. Бельгійская конституція воспрещаетъ подавать петиціи лично. 21 статья Бельг. конст. 1831 г. разрѣшаетъ представлять коллективныя петиціи лишь установленнымъ властямъ городовъ, ассоціацій, собраній, но никакъ не частнымъ лицамъ, сколько бы ихъ ни было. Въ другихъ государствахъ постановленія о порядкѣ подачи петицій сходственны съ этой статьей (Прусская, Итальянская, Австрійская, Сербская и Румынская конституціи).

Политическія требованія послѣднихъ мѣсяцевъ.

Многочисленныя заявленія политическаго характера послѣднихъ мѣсяцевъ въ общемъ довольно однообразны и сводятся къ перечисленію, обычно помѣщаемыхъ въ „хартіяхъ“, гарантій личности и къ началу представительства. Не всѣ изъ этихъ заявленій появились въ печати. Если не ошибаемся, первымъ по времени было заявленіе совѣщанія земскихъ дѣятелей, засѣдавшихъ 6, 7 и 8 ноября 1904 г. въ Петербургѣ — знаменитые „одиннадцать пунктовъ“. Они напечатаны въ сочиненіяхъ С. Шарапова. Вып. 25 (т. IX). Тучи, стр. 72—73.

Въ первыхъ четырехъ изъ этихъ „пунктовъ“ опредѣляется „ненормальность порядка государственнаго управленія“, какъ „разобщенность Правительства съ Обществомъ“ и взаимное „недовѣріе“ между ними. (Въ 3-мъ пунктѣ — „разобщеніе Верховной Власти съ Обществомъ“ вообще, а въ частности какъ „административная централизація мѣстнаго управленія“). Слѣдствіемъ разобщенности признается „административный произволъ“ и „личное усмотрѣніе“.

Устраненіе этой „ненормальности“ считается возможнымъ достигнуть при условіи „живого и тѣснаго общенія и единенія Государственной Власти съ Обществомъ“.

Эта формула является основной во всѣхъ заявленіяхъ и, вообще, въ печати всѣхъ оттѣнковъ главнымъ недостаткомъ нашего государственнаго строя признается „разобщеніе“ и „недовѣріе“.

Digitized by Google

Какъ же осуществить „общеніе“ и „единеніе“ Правительства (Верховной Власти, Государственной власти тожъ) съ Обществомъ (Народомъ въ пунктѣ 11-мъ)?

На это отвѣчаютъ послѣдніе два пункта — десятый и одиннадцатый.

Они признаютъ, что „безусловно необходимо“ „правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія“, и выражаютъ надежду, что „Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа“.

Таково основаніе „одиннадцати пунктовъ“. Въ пяти среднихъ (5 — 9) находимъ декларацію правъ, а именно: 1) неприкосновенность личности; 2) неприкосновенность частнаго жилища; 3) никто безъ постановленій независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ; 4) свобода совѣсти и вѣроисповѣданія; 5) свобода слова и печати; 6) свобода собраній и союзовъ; 7) равноправность гражданская и политическая для всѣхъ; 8) земское представительство не на сословныхъ началахъ; 9) мелкая земская единица.

Что касается Особаго Выборнаго Учрежденія, то, по мнѣнію *большинства*, оно должно быть не только совѣщательное, но и правильно участвовать: I) въ осуществленіи законодательной власти, II) въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ, III) въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи.

Затѣмъ своевременно появилось въ газетахъ заявленіе 70 гласныхъ московской думы, принятое единогласно 30 ноября.

Основной мотивъ этого постановленія выраженъ болѣе узко, чѣмъ въ „одиннадцати пунктахъ“, но по существу тожественъ: „Отчужденность населенія отъ общественнаго управленія“. Такимъ образомъ, заявленіе московской думы исходитъ не изъ критики обще-государственнаго строя Россіи, а изъ опредѣленія основной причины упадка общественной самодѣятельности. Однако, и здѣсь слово одно— разобщенность.

„Вслѣдствіе существующихъ условій, опредѣляющихъ въ русскомъ обществѣ положеніе личности, права общей печати, предѣлы гласности и права совѣщаній, живая и тѣсная *связь общественнаго управленія съ населеніемъ* и откровенное обсужденіе общественныхъ вопросовъ неосуществимы“.

Видимъ, что основаніе заявленія московской думы является частнымъ случаемъ основанія „одиннадцати пунктовъ“.

Тамъ—ненормальность порядка государственнаго управленія,

здѣсь—ненормальность порядка общественнаго управленія;

тамъ—разобщеніе Правительства, Верховной Государственной власти съ обществомъ, народомъ;

Digitized by Google

здѣсь—отчужденность населенія отъ общественнаго управленія; поэтому ищется

тамъ—живое и тѣсное общеніе и единеніе Государственной власти съ обществомъ;

здѣсь—живая и тѣсная связь общественнаго управленія съ населеніемъ.

Какъ-же этого достигнуть? Заявленіе Московской Думы признаетъ единственнымъ выходомъ „твердое установленіе начала законности, какъ общегосударственнаго условія правильной и плодотворной дѣятельности общегосударственныхъ управленій и созданіе законовъ при постоянномъ участіи выборныхъ отъ населенія".

Такимъ образомъ общая схема пожеланій Московской думы:

I. Постоянное участіе выборныхъ въ созданіи законовъ (правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства—въ „одиннадцати пунктахъ").

II. Права личности.

Права общей печати.

Предѣлы гласности.

Права совѣщаній.

Для осуществленія всего этого, по мнѣнію московской городской думы, *неотложно необходимо*:

1) установить огражденіе личности отъ внѣсудебнаго усмотрѣнія;

2) отмѣнить дѣйствіе исключительныхъ законовъ;

3) обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова и печати, свободу собраній и союзовъ;

4) провести вышеуказанныя начала въ жизнь на обезпечивающихъ ихъ неизмѣнность *незыблемыхъ основахъ*, выработанныхъ при участіи *свободно избранныхъ представителей* населенія (Учредительное Собраніе);

5) установить правильное взаимодѣйствіе правительственной дѣятельности съ постояннымъ, на законѣ основанномъ контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи.

Въ дополненіе къ „Одиннадцати пунктамъ" и къ „Единогласному заявленію Московской Думы" приведемъ еще тожественную съ ними „Резолюцію московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ", такъ какъ она тоже была своевременно напечатана во всѣхъ газетахъ. Приведемъ только существеннѣйшую часть этой резолюціи:

„Московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ интересахъ довлѣющихъ ему чувствъ законности и порядка, считаетъ своимъ священнымъ долгомъ присоединить свой скромный голосъ къ тѣмъ заявленіямъ, которыя мощной волной несутся со всѣхъ концовъ земли русской и которыя единогласно признаютъ, что для достиженія высокихъ цѣлей правосудія необходимы самыя *твердыя га-*

Digitized by Google

рантіи свободы личности, мысли, слова, печати, вѣроисповѣданій, собраній и союзовъ и что осуществленіе всѣхъ этихъ *началъ* возможно только при водворенiи во всей странѣ и во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія страной *законности*, а для сего необходимо самое *тѣсное и непосредственное единеніе государственной власти съ народомъ въ лицѣ его представительства*, какъ *особаго учрежденія, свободно имъ избираемаго* для участія въ законодательной власти и въ дѣйствительномъ контролѣ надъ дѣятельностью власти административной".

Такимъ образомъ, кульминаціоннымъ пунктомъ высказанныхъ пожеланій является: правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ Особаго Выборнаго Учрежденія; постоянное участіе выборныхъ отъ населенія въ созданіи законовъ; единеніе государственной власти съ народомъ въ лицѣ его Представительства. Причемъ это учрежденіе и представительство, по мнѣнію большинства, является не только совѣщательнымъ, но съ одной стороны учредительнымъ, а съ другой—законодательнымъ и правительствующимъ.

Переводя-же эти пожеланія на западный языкъ, они сводятся къ ограниченію Самодержавія, при помощи Учредительнаго Собранія изъ выборныхъ, созванныхъ Верховной Властью, которое издастъ Конституціонную Хартію съ гарантіями ея прочности и затѣмъ превратится въ постоянно засѣдающій Парламентъ.

Обращаясь къ прессѣ, мы приведемъ только нѣсколько особенно яркихъ сужденій нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ газетъ.

Такъ армянская „Наша Жизнь" въ № 1 отъ 6-го ноября, въ статьѣ „Къ нашей программѣ" требовала: „участіе общественныхъ представителей въ дѣлѣ *управленія* страною. Противоположеніе началу бюрократизма—началъ истиннаго самоуправленія. Лозунгъ гласитъ—*активное* участіе мѣстныхъ представителей въ рѣшеніи всѣхъ коренныхъ вопросовъ русской жизни. *Нормальное выборное начало*, обезпечивающее выраженіе представительства интересовъ *всего населенія страны*".

Въ другой статьѣ: „Невозможность для населенія проявлять самодѣятельность и иниціативу въ дѣлѣ устроенія своихъ судебъ ведетъ страну къ духовному, моральному и экономическому разложенію". Избѣгнуть тлетворнаго вліянія можетъ лишь *высоко развитая передовая интеллигенція, масса-же населенія*, коснѣя въ вынужденной инертности постепенно затягивается въ трясину пошлости и безпринципности. Окончательное погруженіе въ эту стихію граничитъ для государства съ политическою смертью".

„Необходимо во что бы то ни стало предупредить возможность этого исхода и направить русскую жизнь въ русло, проложенное мно-

Digitized by Google

горькимъ историческимъ опытомъ другихъ народовъ, далеко опередившихъ насъ на жизненномъ пути. Необходимо кореннымъ образомъ измѣнить взаимоотношеніе народа и власти, вывести первый изъ положенія объекта воздѣйствій послѣдней, поставить его въ положеніе цѣли самой по себѣ, *сдѣлать его субъектомъ права, а не объектомъ произвола.* Иными словами — необходимо, чтобы народъ получилъ всю полноту правъ гражданскихъ и необходимыхъ политическихъ. Безъ политическихъ правъ народъ не можетъ выйти изъ своего страдательнаго положенія, не можетъ перестать быть объектомъ произвола, не можетъ удержать за собой позиціи субъекта права. *Народъ долженъ превратиться въ правильно оформленное соединеніе гражданъ*; положеніе его, какъ агрегата безправныхъ и безличныхъ, рѣзко разъединенныхъ между собою единицъ, должно отойти въ область исторіи".

„Земство, какъ оно есть, можетъ быть признано лишь за эмбріонъ того *организованнаго коллективнаго цѣлаго,* на долю котораго можетъ выпасть счастливая задача освобожденія Россіи отъ разъѣдающей ее язвы гражданскаго безсилія".

Здѣсь реформаторы идутъ столь далеко, что признаютъ необходимымъ коренное измѣненіе взаимоотношенія Народа и Власти. Нынѣ народъ „объектъ произвола", тогда будетъ „субъектомъ права". То-есть Самодержавіе Монарха замѣнится утопіей самодержавія народа. Видимо, газета грезитъ чѣмъ-то вродѣ „народоправства". Болѣе умѣренный взглядъ былъ высказанъ въ № 1 „Сына Отечества":

„Нѣтъ и не можетъ быть мѣста ни общественной самодѣятельности, ни личной свободѣ въ бюрократическомъ государствѣ. Общество должно подчинить себѣ бюрократію, если оно не желаетъ подчиниться ей".

„Основною причиной современнаго нестроенія является *разобщенность между обществомъ и властью,* поэтому превыше всего необходимо установленіе живого и тѣснаго *единенія* между ними. Начало общественнаго самоуправленія, т. е. *представительное начало,* должно быть положено въ основу государственнаго строя обновленной Россіи. Бюрократическое государство должно стать государствомъ народнымъ".

Гарантіи единства власти, народа и территоріи при Самодержавіи.

Государственное право не отвергаетъ, какъ отсталую или неблагонадежную, ни одну изъ существующихъ формъ правленія—будетъ-ли то республика, конституціонная монархія или самодержавіе; на своемъ мѣстѣ, въ свое время каждая изъ этихъ формъ правленія

Digitized by Google

хороша, обезпечивая народу благо спокойнаго развитія, порядка и свободу его національной личности.

Основное благо—это политическая независимость государства, достигаемая единствомъ власти и территоріи. Именно обезпеченіе этого блага и было цѣлью первой американской декларацiи 1774 г., которая послѣдовала наканунѣ разрыва съ Англіей, акта конфедерацiи 9 іюля 1778 г. (Articles of Confédération) и союзной конституцiи 1787 г. Послѣдняя начинается словами: „Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, въ намѣреніи образовать *болѣе совершенный союзъ*, установить правосудіе, упрочить внутреннее спокойствіе, обезпечить внѣшнюю безопасность, споспѣшествовать общему благосостоянію, обезпечитъ намъ самимъ и нашему потомству благо свободы, предписываемъ и установляемъ эту конституцію для Соединенныхъ Штатовъ". Эта конституція учреждала не союзъ государствъ, а союзное государство—единство народа, власти, территоріи,—всѣ три элемента государства. Соединенные Штаты имѣютъ не только единый народъ, но и единую союзную власть, которая непосредственно опирается на единую народную волю, которая точно также непосредственно и воздѣйствуетъ на отдѣльныхъ гражданъ, составляющихъ народъ Соединенныхъ Штатовъ.

Сѣверо-американская конституція проводитъ съ большою послѣдовательностью принципъ раздѣленія трехъ властей: законодательной (Конгрессъ изъ сената и палаты представителей), исполнительной (Президентъ, избираемый на четыре года) и судебной (Верховный Судъ).

Швейцарія, подобно Соединеннымъ Штатамъ, съ 12 сентября 1848 г. образуетъ союзное государство. Ея организація въ общемъ та-же. Дѣйствующая конституція 30 мая 1874 года. Раздѣленіе властей то-же проведено весьма послѣдовательно. Законодательная власть осуществляется союзнымъ собраніемъ, слагающимся изъ двухъ палатъ: національнаго совѣта и кантональнаго совѣта. Національный совѣтъ служитъ представительствомъ швейцарскаго народа въ его цѣломъ; кантональный — отдѣльныхъ кантоновъ. Исполнительная власть имѣетъ въ Швейцаріи коллегіальную организацію: она осуществляется союзнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ семи членовъ. Въ союзномъ совѣтѣ имѣется президентъ и вице-президентъ, избираемый совѣтомъ изъ своей среды на годъ. Союзный судъ состоитъ изъ 9 членовъ, избираемыхъ союзнымъ собраніемъ, такъ чтобы всѣ три языка нашли себѣ въ немъ представителей.

Опять-таки конституція Швейцаріи имѣетъ основной цѣлью создать изъ отдѣльныхъ республикъ союзное государство съ единствомъ власти, территоріи и народа.

Германская имперская конституція, подобно швейцарской союзной

Digitized by Google

конституціи, сложилась несомнѣнно также по образцу сѣверо-американской. Но Соединенные Штаты и Швейцарія слагаются все изъ республикъ; государства, входящія въ составъ германской имперіи, за исключеніемъ вольныхъ городовъ Гамбурга, Любека и Бремена, все монархіи.

Монархическая власть не такъ легко поддается ограниченіямъ, какъ республиканская. Поэтому монархическимъ правительствамъ германскихъ государствъ пришлось предоставить большую самостоятельность въ ущербъ послѣдовательному проведенію идеи единой союзной власти. Другая характерная особенность германской имперіи—крайняя неравномѣрность могущества отдѣльныхъ составляющихъ ее государствъ и первѣе всего подавляющее могущество Пруссіи. Званіе императора принадлежитъ всегда прусскому королю. Однако, конституція опредѣляетъ положеніе его не какъ главы имперіи и даже не какъ главы исполнительной власти, а ограничивается довольно неопредѣленнымъ выраженіемъ Präsidium—предсѣдательство. Вовсе ужъ не съ такой охотой монархи Германіи, повинуясь „желѣзному канцлеру“ Бисмарку, шли подъ власть Пруссіи. Съ другой стороны, видимъ, что конституціи Америки, Швейцаріи и Германіи основаны на отказѣ отъ доли свободы входящихъ частей ради единства и крѣпости цѣлаго. Они, значитъ, уменьшили свободу этихъ странъ.

Къ шестидесятымъ годамъ XIX стол., когда составлялась конституція сѣверо-германскаго союза, теорія раздѣленія властей уже не пользовалась тѣмъ безусловнымъ признаніемъ, какъ въ концѣ XVIII вѣка. Извѣрились и въ значеніе провозглашеній въ конституціи неотъемлемыхъ правъ гражданина.

Въ германской конституціи поэтому нѣтъ декларацій правъ и послѣдовательнаго проведенія принципа раздѣленія властей.

Конституція германская есть актъ договорнаго соглашенія монархическихъ правительствъ, отказывающихся отъ своей самостоятельности ради созданія единаго германскаго отечества. Субъектомъ верховной имперской власти являются отдѣльныя правительства въ ихъ совокупности. Органомъ совокупной ихъ дѣятельности служитъ имперскій совѣтъ, состоящій изъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ правительствъ. Народное представительство имѣетъ своимъ органомъ рейхстагъ. Онъ составляется изъ представителей, избираемыхъ непосредственно народомъ, всеобщей и тайной подачей голосовъ, по такому расчету, что отъ каждыхъ 100,000 жителей избирается одинъ представитель. Императоръ, союзный совѣтъ и рейхстагъ служатъ органами единой имперской власти. Вся имперія образуетъ одну таможенную территорію. Конституція имперская не обезпечиваетъ, однако, сохраненія входящимъ въ союзъ государствамъ ихъ формы правленія. Монархія въ нихъ можетъ замѣниться хотя-бы

Digitized by Google

соціальной республикой. Вотъ почему такъ страшатся здѣсь соціалистической проповѣди.

Самый составъ имперіи можетъ измѣниться, а выдержитъ-ли тогда объединяющая цѣлое конституція, это вопросъ.

Разсматривая конституціи Германіи, Швейцаріи и Америки, мы видимъ, что всѣ онѣ, особенно германская, ограничивали самостоятельность частей ради единства цѣлаго и прежде всего имѣли цѣлью созданіе сильнаго союзнаго государства въ видахъ защиты отъ внѣшнихъ и внутреннихъ междоусобицъ съ единствомъ власти, территоріи и народа.

Все это въ Россіи достигается Самодержавіемъ. При этомъ частей нѣтъ. Вся Россія—единое государство. Нѣтъ внутреннихъ таможенныхъ границъ, которыя мѣшали-бы развитію промышленности, что сильно помогло учрежденію конституцій. Первая статья Свода Законовъ и полный Царскій титулъ съ перечисленіемъ всѣхъ земель подъ единымъ Самодержцемъ—вотъ наша конституція.

Единство власти, народа и территоріи обезпечено у насъ Самодержавіемъ.

Наоборотъ, наши конституціоналисты по большей части сепаратисты. Иными словами, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, помощью конституціи хотятъ расколоть Россію на части и опять ее собрать, но уже конституціонно и парламентарно.

Столь-же дикій экспериментъ, какъ и стремленіе искусственно создать пролетаріаты, капиталистическій строй, чтобы затѣмъ „экспропріировать экспропріирующихъ“ и учредить соціальную коммуну.

Видимъ, что запросъ конституціи у насъ не имѣетъ главнаго основанія. Самодержавіе у насъ обезпечиваетъ могущество, цѣлость, единство власти, территоріи и народа, а это единство—оплотъ противъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ междоусобій. Ограниченіе Самодержавія конституціей ослабитъ это единство.

Значитъ, оно на руку только сепаратистамъ и внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ Россіи. Конституціи Америки, Швейцаріи и Германіи ограничивали отдѣльныя республики и монархіи ради созданія единства.

У насъ же хотятъ это единство, осуществляемое Самодержавіемъ ограничить. Для чего? Для того, чтобы раздѣлить Россію на нѣсколько монархій, состоящихъ лишь въ личной уніи съ монархомъ, съ еврейско-армянско-финляндско-нѣмецко-польско-интеллигентнымъ каѣаломъ во главѣ? Самодержавіе—палладіумъ Россіи.

Русскіе люди! Храните какъ зѣницу ока сіи три исконныя святыни ваши: Христову Православную Вѣру съ непорочной Кирилло-Меѳодіевской традиціей внутренней свободы церкви, общей всему славянству, Единодержавную и Самодержавную власть Русскаго

Digitized by Google

Царя, въ ней-же единство власти, цѣлость народа и страны вашей и неприкосновенную неотчуждаемую общинную земельность многомилліоннаго крестьянства святорусскаго.

Въ сихъ святыняхъ—ваша жизнь и свобода. Всякаго, кто сихъ святынь не исповѣдуетъ, почитайте за иностранца—онъ не можетъ быть представителемъ интересовъ вашего народа.

Гарантіи законности при Самодержавіи.

Мы видимъ, что въ требованіяхъ нѣкоторыхъ изъ интеллигентныхъ группъ русскаго общества нѣтъ главнаго основанія—знанія государственнаго права, пониманія національныхъ интересовъ, пониманія, что обезпечивается конституціями и что Самодержавіемъ. Но непониманіе это идетъ и дальше. Такъ Самодержавіе отожествляется съ произволомъ и объявляется чуждымъ законности. Прямо говорятъ, что въ Россіи нѣтъ закона.

„Государственное устройство Россійской Имперіи опредѣляется двумя статьями основныхъ законовъ—говоритъ Н. М. Каркуновъ,—ст. 1 опредѣляетъ свойства власти, принадлежащей монарху. „Императоръ Россійскій,—говорится въ ней,—есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не только за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ". Тутъ указаны три свойства: верховность, самодержавіе, неограниченность. Обозначеніе власти монарха верховнаго показываетъ, что ему принадлежитъ высшая безотвѣтственная власть въ государствѣ, какъ это имѣется въ каждой монархіи.

Самодержавіе и неограниченность показываютъ, что вся полнота власти сосредоточивается у насъ въ рукахъ монарха. Ст. 47 указываетъ, что осуществленіе самодержавной власти русскаго царя совершается согласно началу *законности*. „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ". Самодержавіемъ существующее у насъ государственное устройство отличается отъ монархіи ограниченной законностью—отъ деспотіи, гдѣ мѣсто закона заступаетъ ничѣмъ не сдерживаемый личный произволъ правителя. Самодержавіе установилось въ Россіи издавна", (Русское государственное право. Томъ первый. Изд. 5-е 1904 г. Стр. 200).

Въ Россіи государь сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти безраздѣльно, но осуществляетъ ее, согласно ст. 47 Осн. Зак., *правомѣрно*. Слѣдовательно, самодержавіе соединяется въ нашемъ государственномъ строѣ съ законностью.

„Никакая другая власть, говоритъ графъ Сперанскій, ни внѣ,

Digitized by Google

ни внутри имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти Россійскаго Самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ постановленные извнѣ государственными договорами, внутри словомъ императорскимъ, суть и должны быть для него непреложны и священны". „Ст. 47 Осн. Зак., читаемъ у проф. Градовскаго, устанавляетъ юридическій, правомѣрный характеръ русскаго государственнаго устройства, въ отличіе его отъ формъ произвольныхъ, деспотическихъ".

Манифестъ 29 апрѣля 1881 г. говоритъ: „Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія съ вѣрою въ Истину-Самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній".

Правомѣрность русскаго Самодержавія превосходно выясняется проф. Каркуновымъ.

Развитіе государственной жизни само собой приводитъ къ тому, что осуществленіе государственной власти получаетъ правомѣрный характеръ. Это можетъ совершиться двумя путями въ двухъ различныхъ формахъ.

Первый путь—власти противопоставлено субъективное право отдѣльныхъ сословій, мѣстностей, гражданъ. Тогда правомѣрность получаетъ характеръ ограниченія власти. Власть дробится. Государственный строй получаетъ договорный характеръ и основанъ на соглашеніи различныхъ субъективныхъ правъ. Но можетъ быть и такъ, что власти будетъ противопоставлено не субъективное, а объективное право,—не чуждое право, а норма, законъ.

Въ такомъ случаѣ власть подчиняется праву, не будучи, однако, ограничена сама какимъ-нибудь правомъ. Власть останется во всей своей полнотѣ въ рукахъ монарха, и въ основаніи государственнаго строя окажется не субъективное начало договора, а объективное—законъ. Первымъ путемъ шло развитіе государственной жизни на Западѣ, гдѣ и получилась представительная монархія; вторымъ—у насъ, въ Россіи, выработавшей правомѣрную, но самодержавную монархію (Каркуновъ. 207).

Это объясняется еще теократическимъ источникомъ самодержавной власти русскаго Царя. Въ церковномъ чиноположеніи коронованія моментъ, когда неограниченная власть подчиняется божественному праву, опредѣляется словами архіерея: „Тебѣ единому Царю человѣковъ *подклони выю съ нами* Благочестивѣйшій Государь, Ему же земное царство отъ Тебе ввѣрено". Затѣмъ при возложеніи короны: „Главу Всероссійскаго народа вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ, благословеніемъ Своимъ благостынымъ утверждая Тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми Своими". И далѣе: „Пріими Скипетръ и Державу, еже есть видимый образъ дан-

Digitized by Google

наго Тебѣ отъ Вышняго надъ людьми Своими Самодержавія ко управленію ихъ и ко устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія".

„Начало правомѣрности, говоритъ Каркуновъ, получило въ нашемъ государственномъ устройствѣ строго-объективную форму. Осуществленіе государственной власти регулируется у насъ не субъективными правами отдѣльныхъ сословій и личностей, а объективнымъ правомъ, обычаемъ и закономъ. Правомѣрность установилась у насъ не какъ продуктъ борьбы сословій и общественныхъ классовъ за свои права, а какъ объективное требованіе порядка. Законность является въ нашей государственной жизни не ограниченіемъ, извнѣ навязаннымъ власти, а собственнымъ ея созданіемъ. (Грозный поэтому говоритъ Курбскому: „Како же и самодержецъ наречется, когда не самъ строитъ"?) Поэтому развитіе законности не обусловливалось у насъ развитіемъ политическихъ правъ. Мы имѣемъ полную обезпеченность собственности, независимый судъ, самоуправленіе и вовсе лишены политическихъ правъ, для которыхъ надо ограничить самодержавіе. Между тѣмъ, на Западѣ именно развитіе политическихъ правъ, ограничивающихъ власть, являлось основой и обезпеченной частной собственности, и независимости суда, и развитія мѣстнаго самоуправленія.

Такъ въ Англіи начало конституціонныхъ учрежденій положила Magna charta libertatum (1215 г.). А что это такое? Договоръ вассаловъ, побѣдившихъ короля, результатъ побѣды ихъ надъ Іоанномъ Безземельнымъ. Договоръ этотъ сначала давалъ права однимъ „свободнорожденнымъ" и лишь потомъ распространенъ на всѣхъ британцевъ. При этомъ борьба за „хартію" тянулась 80 лѣтъ. Характеръ правъ, исторгаемыхъ у короля сословіями, народомъ являются и статутъ 1297 г. de tellagio non concedendo, и прошеніе о правахъ 1628 г., и Билль о правахъ 1689 г., и Актъ объ утвержденіи 1701 г.

Какой-же смыслъ имѣютъ у насъ вопли о законности, о прочномъ правопорядкѣ?

Это стремленіе честолюбивыхъ элементовъ интеллигенціи, еврейства, армянъ, поляковъ замѣнить договорностью истинную правомѣрную законность русскаго Самодержавія. Наши конституціоналисты хотятъ попрать равный для всѣхъ законъ и, ограничивъ Самодержавіе общей конституціей, вырвать у власти благопріятные ихъ цѣлямъ договоры.

Понятно, что русскимъ людямъ надо эту игру разгадать.

Digitized by Google

Гарантіи правъ личности при Самодержавіи.

Самодержавіе въ Россіи обезпечиваетъ единство власти, народа и территоріи, дѣлаетъ государство сильнымъ въ отраженіи внѣшнихъ враговъ и предупреждаетъ междоусобія. Самодержавіе—правомѣрная власть и даетъ равный для всѣхъ законъ. Самодержавіе не входитъ въ договоръ съ различными сословіями, классами и партіями. Оно независимо отъ нихъ. Поэтому возможно было освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею и присоединеніе Самодержавія къ просвѣщенному меньшинству, желавшему провести именно такъ эту основную реформу.

Въ теченіе XIX-го столѣтія Самодержавіе являлось всегда починомъ прогрессивнаго движенія впередъ. Обезпеченіе законности постоянно занимало нашихъ монарховъ и съ этой цѣлью, хотя и неполно, у насъ проведено начало раздѣленія властей.

Судебная реформа 1864 года отдѣляетъ судебную власть отъ законодательной. 50-я статья Основныхъ Законовъ говоритъ, что „всѣ предначертанія законовъ разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ“. Законодательная функція сосредоточилась въ государственномъ совѣтѣ, а учрежденіемъ, содѣйствующимъ Государю въ осуществленіи его собственно правительственныхъ функцій, сталъ комитетъ министровъ. Обезпеченіе законности было у насъ выдвинуто, какъ идеалъ, въ началѣ истекшаго столѣтія. Тогда лучшимъ къ тому средствомъ почиталось раздѣленіе властей. Поэтому стараются установить различныя формы для изъявленія Высочайшей воли въ порядкѣ законодательномъ и въ порядкѣ исполнительномъ, разграничить, прежде всего, въ области управленія законодательство и исполненіе, законы и указы. Что касается суда, то для „дней Александровыхъ счастливаго начала“ характерно слово профессора московскаго университета Христіана Шлецера. Переводъ его съ латинскаго (М. 1802 г.) озаглавленъ такъ: „Слово о томъ, что справедливый и мудрый государь самъ никогда не судитъ дѣлъ своихъ подданныхъ, но всегда препоручаетъ сужденіе о нихъ учрежденнымъ на то присутственнымъ мѣстамъ на день тезоименитства Государя Императора Александра I“. Самодержавіе гарантируетъ полную обезпеченность собственности, независимый судъ, самоуправленіе.

Совершенно правильно поэтому говоритъ одинъ изъ современныхъ русскихъ публицистовъ:

„*Всѣ средства*, которыя даютъ народу возможность выяснять свои потребности и средства къ удовлетворенію ихъ, а равно *всѣ средства*, которыми можно доводить до Престола о несоблюденіи властями законовъ, о безправіи, произволѣ и насиліи, всегда будутъ соотвѣтствовать идеѣ Самодержавія, ибо Самодержавная Власть

Digitized by Google

олицетворяетъ собою величайшую нравственную силу—полное единеніе Главы государства и народа".

„Не самоуправленіе несовмѣстимо съ нашей формой правленія, несовмѣстима съ нашимъ, да и со всякимъ государственнымъ строемъ полная безотвѣтственность бюрократіи, присваивающей себѣ верховныя права и не допускающей ни малѣйшаго контроля со стороны общественныхъ учрежденій. Съ установленія дѣйствительнаго контроля и общественной критики должно быть начато оздоровленіе государства".

„Общественный контроль и правдивое обсужденіе дѣйствій администраціи—это вѣрнѣйшіе союзники именно нашего государственнаго строя. Безъ отвѣтственности бюрократіи и безъ гласности государственный организмъ неизбѣжно мертвѣетъ и разрушается".

Утвержденіе приведенной выше резолюціи съѣзда криминалистовъ въ Кіевѣ, что „основными устоями современнаго русскаго строя является безправіе и произволъ", просто ложь, конечно. Какъ-бы ни были велики недостатки бюрократіи, администраціи и судебныхъ чиновъ, все же и законъ и право у насъ дѣйствуютъ и за XIX-ое столѣтіе въ этомъ отношеніи постоянный и громадный прогрессъ. Далѣе видимъ у г.г. криминалистовъ декларацію правъ: свобода личности, мысли, слова, печати, вѣроисповѣданія, собраній и союзовъ. Тѣ-же права перечислены и въ другихъ постановленіяхъ. Г.г. криминалисты называютъ ихъ, однако, „реформами". Для ихъ осуществленія они предварительно требуютъ введенія въ Россіи „представительнаго правленія". „Представители народа, свободно избранные на началахъ всеобщей, тайной, прямой и равной подачи голосовъ", осуществятъ-де эти „реформы" и создадутъ „твердыя гарантіи" для нихъ.

Прежде всего нельзя не поражаться юношескому энтузіазму г.г. криминалистовъ, вѣроятно, однако, „мужчинъ сѣдой наружности". Можно думать, что живутъ они не въ началѣ XX вѣка, а въ концѣ XVIII-го *наканунѣ* великой французской революціи.

Столѣтній опытъ конституціонной жизни народа, очевидно, для г.г. криминалистовъ совершенно не существуетъ. Только этимъ можно объяснить преувеличенныя надежды ихъ на „представительное правленіе", что оно вдругъ обезпечитъ „свободу личности, мысли, слова, печати, вѣроисповѣданія, собраній и союзовъ". Мало того, полагая, что при представительствѣ отойдетъ въ вѣчность бюрократія, т. е. чиновники, полицейскіе и судьи, спеціалисты дѣла правленія, г.г. криминалисты глубоко ошибаются. Представители могутъ только написать конституцію, т. е. наказъ, данный факторамъ государственной власти для опредѣленія границъ и формъ ихъ дѣятельности. Но факторы эти останутся неизмѣнными. Пред-

Digitized by Google

ставители могутъ написать декларацію правъ. Но опытъ Запада давно показалъ, что эти писанныя деклараціи столь-же обезпечиваютъ права, какъ и надписи на общественныхъ зданіяхъ Парижа—liberté, fraternité, égalité—истинныя свободу, равенство и братство.

Съ другой стороны, мы видимъ въ различныхъ постановленіяхъ слова, но не знаемъ, какъ ихъ опредѣляютъ и понимаютъ писавшіе? Такъ въ пунктѣ пятомъ совѣщанія земскихъ дѣятелей сказано:

„Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища". Точка. Никакой оговорки хотя-бы на тотъ случай, когда неприкосновенная личность въ своемъ неприкосновенномъ жилищѣ займется начинкой бомбъ или отливаніемъ фальшивыхъ рублей и полтинниковъ.

Поэтому прежде всего должно указать на тѣ оговорки къ неотъемлемымъ правамъ гражданина, которыя имѣются въ законодательствѣ конституціонныхъ государствъ.

Наибольшее число общихъ началъ права, если не ошибаемся, содержитъ Швейцарская конституція. Въ ней гарантированы: 1) равенство передъ закономъ; 2) свобода передвиженія; 3) религіозная свобода; 4) свобода заключенія браковъ; 5) свобода печати; 6) свобода общенія; 7) право петицій; 8) недопустимость исключительныхъ судовъ; 9) недопустимость смертной казни за политическія преступленія; 10) свобода торговли и промысловъ; 11) обязательное и даровое элементарное обученіе; 12) недопустимость игорныхъ домовъ.

Наши конституціоналисты, объявляя, что въ Россіи нѣтъ закона, а только насиліе и произволъ, все же признаютъ, что 12-й пунктъ швейцарской конституціи—недопустимость игорныхъ домовъ — и у насъ есть... Но какъ понимаютъ западное конституціонное право остальныя „одиннадцать пунктовъ"?

Первыми изъ правъ, провозглашаемыхъ основными законами, являются права личныя. Личная свобода есть законная возможность человѣка распоряжаться собою и своимъ трудомъ для достиженія своихъ цѣлей и удовлетворенія своихъ потребностей. Неприкосновенность личности состоитъ въ томъ, что никто не можетъ быть лишенъ своихъ правъ иначе, какъ за преступленіе по суду. Общественная безопасность требуетъ, однако, нерѣдко, чтобы государство имѣло право лишенія свободы частныхъ лицъ, ибо безъ этого оно не могло бы охранять другихъ лицъ отъ насилія и обмана. Право конституціонныхъ государствъ даетъ возможность органамъ, производящимъ предварительное слѣдствіе—лицамъ судебнаго вѣдомства, слѣдователямъ, прокурорамъ,—или обязаннымъ пресѣкать преступленія—административному вѣдомству, спеціально чинамъ полиціи,—

Digitized by Google

простирать свою власть на всѣхъ лицъ, противъ которыхъ могутъ быть представлены улики или подозрѣнія. Правда, на основаніи habeas corpus акта 1679 г., въ Англіи судъ имѣетъ возможность освободить неосновательно заключеннаго. Но предупредить ареста онъ не можетъ. И кромѣ того, дѣйствіе habeas corpus можетъ быть пріостановлено.

Европейскія конституціи воспроизводятъ обыкновенно принципъ, провозглашенный декларацією правъ 1789 г. (ст. 7), что „ни одинъ человѣкъ не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или заключенъ иначе, какъ въ случаяхъ, указанныхъ закономъ и имъ установленнымъ порядкомъ".

Что касается домашней неприкосновенности и тайны частной переписки, то и въ конституціонныхъ государствахъ указаны въ законѣ случаи, когда неприкосновенность сія нарушается въ видахъ общественной безопасности.

Если мы обратимся къ русскому законодательству, то и въ немъ найдемъ принципъ, провозглашенный декларацією 1789 г. А именно въ 9 ст. IX т. Св. Зак. сказано, что никто не можетъ быть лишенъ принадлежащихъ ему правъ или ограниченъ въ своихъ правахъ иначе, какъ по суду за преступленіе.

По силѣ 90 ст. улож. о наказ., „наказанія за преступленія и проступки опредѣляются не иначе, какъ на точномъ основаніи постановленій закона".

Мы считаемъ лишнимъ разсматривать всѣ остальныя права, какъ они выражены въ законодательствѣ конституціонныхъ государствъ, приводя всѣ оговорки, тамъ имѣющіяся.

Напомнимъ только, что на Западѣ гарантіи личной и общественной свободы, установленныя конституціонными актами, обыкновенно не выставляются какъ требованія, абсолютно обязательныя для государственной власти. Въ моменты важныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій, когда сила событій ставитъ вопросъ о самомъ существованіи государства или даннаго государственнаго порядка, дѣйствіе конституціонныхъ гарантій пріостанавливается, объявляется или „малое осадное положеніе" (у насъ это положеніе усиленной охраны) или и просто „осадное положеніе" цѣлой страны или извѣстныхъ мѣстностей. Кромѣ того русскимъ людямъ должно помнить, что это осадное положеніе создано впервые во Франціи въ 1791 и 1797 г.г. и состоитъ въ томъ, что: 1) съ объявленіемъ осаднаго положенія ipso jure пріостанавливается дѣйствіе различныхъ конституціонныхъ гарантій въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ таковое положеніе объявлено; 2) важнѣйшія права управленія и правосудія предоставляются военнымъ властямъ. Должно тоже русскимъ людямъ на усъ намотать слова одного изъ президентовъ Сѣверо-Аме-

Digitized by Google

риканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Джона Квинси Адамса, сказанныя въ 1836 г.: „Есть два рода властей, различной природы и несовмѣстимыхъ—власть на время войны и власть во время мира".

Самодержавіе въ Россіи обезпечиваетъ единство власти, народа и территоріи, оно правомѣрно и созидаетъ равный для всѣхъ законъ, и въ русскомъ законодательствѣ мы находимъ почти тѣ же гарантіи правъ и ограниченія ихъ въ общегосударственныхъ видахъ, что и въ западномъ. Указъ 12 декабря идетъ дальше по этому пути. Такимъ образомъ, что же остается отъ заявленій нашихъ конституціоналистовъ? Единеніе власти и народа черезъ представительство свободно выборныхъ. Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разрѣшенію вопроса объ отношеніи Самодержавія къ началамъ самоуправленія, Представительства, мы приведемъ нѣкоторые адреса, которые можно назвать выраженіемъ пожеланій правой русскаго общества, уже нашедшихъ Высочайшее одобреніе.

Челобитная Русскаго Собранія.

31 декабря 1904 г., въ 12 час. дня, предсѣдатель совѣта Русскаго Собранія, д. с. с. Князь Д. П. Голицынъ, товарищи предсѣдателя—г.-м. А. М. Золотаревъ и д. с. с. Н. Л. Мордвиновъ и члены совѣта, писатели: князь М. Н. Волконскій и Н. А. Энгельгартъ имѣли счастіе всеподданнѣйше представить Его Императорскому Величеству выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ Русскаго Собранія, изложенное въ особой челобитной.

Его Императорскому Величеству, по выслушаніи челобитной, благоугодно было осчастливить представителей Русскаго Собранія слѣдующими словами:

„Благодарю отъ души за честныя, истинно-русскія мысли. Въ томъ, что вы прочитали, ничего ни добавить, ни убавить нельзя".

Вслѣдъ затѣмъ Государь Императоръ, Всемилостивѣйше удостоивъ каждаго изъ имѣвшихъ счастіе представиться нѣсколькихъ вопросовъ, до дѣятельности и цѣлей Собранія относящихся, соблаговолилъ произнести:

„Дай Богъ счастія всему Русскому Собранію на благо русское. Передайте это Собранію. Желаю ему дальнѣйшаго развитія".

Вышеозначенная челобитная, къ которой приложено было болѣе двадцати страницъ подписей членовъ Русскаго Собранія, изложена была въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Благочестивый Государь.

„Русское Собраніе возникло въ тѣ дни, когда обозначилась для русскихъ людей необходимость сплотиться ради мирной работы и

Digitized by Google

духовнаго противодѣйствія чуждыхъ нашему отчественному укладу теченіямъ. Нынѣ теченія эти стали чрезмѣрно шумны. Въ то время, какъ доблестные сыны Россіи на Дальнемъ Востокѣ творятъ великій подвигъ, здѣсь раздаются голоса, дерзновенно требующіе отказа отъ нашихъ родныхъ святынь.

„Русское Собраніе не можетъ быть молчаливымъ свидѣтелемъ подобнаго явленія. Въ духовномъ единеніи со всѣми истинно-русскими людьми, Русское Собраніе знаетъ, что мощь нашей Родины зиждется на нераздѣльной святыни Православія, Самодержавія и Народности. Въ господствѣ церкви православной оно усматриваетъ основной залогъ силы нашей государственности и нашей народности. Оно ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ относится съ уваженіемъ, но любитъ только православную вѣру, матерь нашихъ вдохновеній, любовію своею обнимая и тѣхъ истинно-русскихъ людей, которые, съ семнадцатаго вѣка разошедшіеся съ нами въ буквѣ, не отступили, однако, отъ Животворящаго Слова. Опредѣленно отвергаетъ Русское Собраніе всякую мысль объ измѣненіи устоевъ Самодержавной Власти, Господнимъ велѣніемъ призванной защищать нашу церковь и духовныя сокровища русскаго народа. Ему дорога увѣренность въ томъ, что нашъ государственный строй огражденъ отъ посягательствъ, могущихъ сказаться не только въ прямомъ поврежденіи нашихъ вѣковыхъ основъ, но и въ поползновеніяхъ лицъ, возомнившихъ себя призванными переустраивать нашъ государственный укладъ. Не страшится русское сердце установленія такого тѣснаго общенія между возлюбленнымъ Царемъ и русскимъ народомъ, при которомъ голоса сего послѣдняго непосредственно доходили бы до Помазанника Божія, но да избавитъ насъ Всевышній отъ того, чтобы подъ видомъ подобнаго общенія затронута была цѣлость Самодержавія. И не время теперь, когда жизнь наша осложнена войной, отвлекать Государево вниманіе отъ творимой Русью Крестовой борьбы.

„Русское Собраніе не относится враждебно къ народностямъ, пріобщеннымъ къ коренному населенію по пути достиженія нами нашихъ государственныхъ цѣлей, но оно видитъ мощь Россіи въ укрѣпленіи русскаго духа, силою котораго обусловливается истинное величіе нашего Отечества, и въ единеніи тѣхъ, чьи предки своею кровію и трудами своими созидали Русь. Враги русской государственности усмотрѣли, что въ обезличеніи народной русской души таится залогъ успѣха ихъ начинаній, направленныхъ къ тому, чтобы русское дѣло подвергалось чуждымъ ему вліяніямъ.

„Мы, члены Русскаго Собранія, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные, осмѣливаемся повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашимъ выраженія нашихъ вѣрованій и молимъ Всевышняго, да продлитъ Онъ дни Вашего Величества на многія лѣта, во славу

Digitized by Google

Руси, и да укрѣпитъ Онъ Цареву Десницу, держащую насъ на пути живой правды".

Въ московской газетѣ „Русскій Листокъ", въ № 7 отъ 8 января, въ статьѣ „Самодержавіе и народъ", „по поводу челобитной Русскаго Собранія", такъ оцѣнена эта минута непосредственнаго общенія группы русскихъ людей съ монархомъ:

„Отрицая бюрократію, русское общество въ его цѣломъ предано Самодержавію. Реформа центральнаго управленія признается нужной всѣми русскими людьми, но эта реформа должна быть произведена на основаніи Самодержавія.

„Въ послѣднее время въ печати и общественныхъ учрежденіяхъ много говорилось о томъ, что представители сословій должны быть допущены къ участію въ дѣлахъ центральнаго управленія. Спорить съ самымъ существомъ идеи, конечно, нельзя, но весь вопросъ въ фактѣ, а не въ его цѣляхъ.

„Для чего требуется это допущеніе общественныхъ представителей къ дѣламъ центральнаго управленія? Для ослабленія бюрократизма, для усиленія Самодержавія или же для ослабленія этого нашего народнаго оплота?

„Чего добиваются завладѣвшіе общественными трибунами реформаторы? Возрожденія-ли стараго идеала народнаго Самодержавія или-же введенія у насъ парламентаризма, порождающаго въ лучшемъ случаѣ олигархію, а въ худшемъ—анархію. Къ сожалѣнію, проповѣдники реформы управленія въ большинствѣ случаевъ умалчиваютъ объ этомъ важномъ обстоятельствѣ и вслѣдствіе этого ихъ проповѣдь порождаетъ въ народномъ большинствѣ смуту и рознь.

„Реформаторская проповѣдь компрометируется еще и тѣмъ обстятельствомъ, что къ ней припутались явно враждебные русскому духу и строю инородные элементы. Эти послѣдніе проповѣдуютъ любезную ихъ сердцу конституцію совершенно откровенно.

„Къ этого сорта проповѣдникамъ реформы русскій народъ, стоящій настражѣ своихъ историческихъ традицій, относится съ заслуженнымъ вполнѣ недовѣріемъ. Въ обществѣ даже начало складываться прискорбное убѣжденіе, будто все происходящее у насъ прогрессивное движеніе устроено инородцами, враждебно относящимися къ Россіи, и ихъ русскими приспѣшниками. Мы называемъ этотъ взглядъ на прогрессивное движеніе прискорбнымъ въ виду того,что имъ создается почва для реакціи.

„Всѣ русскіе реформаторы должны неустанно и громко заявлять, что реформа центральнаго управленія, въ смыслѣ допущенія къ оному общественныхъ элементовъ, должна быть произведена въ чисторусскомъ духѣ и въ строгомъ соотвѣтствіи съ идеей Самодержавія.

„Это именно и заявило во всеуслышаніе Русское Собраніе въ

Digitized by Google

своей челобитной Государю Императору и за это весь народъ скажетъ ему русское спасибо.

„Въ этой челобитной, которой суждено стать историческимъ документомъ, сказано:

„Не страшатся русскія сердца установленія тѣснаго общенія между возлюбленнымъ Царемъ и русскимъ народомъ, при которомъ голоса сего послѣдняго непосредственно доходили-бы до Помазанника Божьяго, но да избавитъ насъ Всевышній отъ того, чтобы подъ видомъ подобнаго общенія затронута была цѣлость Самодержавія".

„Этими словами кратко, выразительно и точно опредѣленъ взглядъ русскаго народа на грядущее преобразованіе реформы управленія. Не объ ослабленіи царской власти помышляетъ народъ, а объ упраздненіи бюрократическаго средостѣнія. Народъ мечтаетъ о созданіи такихъ органовъ, при помощи которыхъ мысли и желанія народа могли-бы непосредственно доходить до Царскаго вѣдѣнія.

„Читатели замѣтили, что мы говоримъ не о Русскомъ Собраніи, а обо всемъ русскомъ народѣ, какъ будто-бы этотъ послѣдній самъ поднесъ Государю эту челобитную. Это непроизвольная перемѣна понятій. Мы имѣемъ полное право приписать слова Собранія всему русскому народу, ибо Собраніе въ данномъ случаѣ выразило не свою, а общерусскую, общенародную мысль. Это признано и Государемъ Императоромъ, который назвалъ мысли, содержащіяся въ челобитной, *честными и истинно-русскими мыслями*.

„Собраніе высказалось въ томъ смыслѣ, что начала Православія, Самодержавія и Народности должны лечь въ основу вновь созидаемаго государственнаго строя. И на это пожеланіе Собранія Государь Императоръ отвѣтилъ:

„Въ томъ, что слышу, ничего ни добавить, ни убавить нельзя".

„И этотъ Государевъ отвѣтъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Русскому Собранію удалось въ своей челобитной выразить чувства и мысли всего русскаго народа.

„Такимъ образомъ путь преобразованій твердо предначертанъ какъ въ сознаніи Верховной власти, такъ и въ сознаніи подавляющаго народнаго большинства".

Знаменательныя слова находимъ въ вѣрноподданническихъ адресахъ симбирскаго губернскаго земскаго собранія и новгородскаго дворянства, напечатанныхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

„Всеподданное Твое симбирское земство живетъ одною только мыслью неразрывнаго единенія съ Самодержавнымъ Царемъ, памятуя, что въ этомъ единеніи православная Русь искони черпаетъ ту необходимую мощь, которая заставляетъ смириться ея внутренняго и внѣшняго врага. Величіе Россіи, созданное ея сынами подъ мудрымъ

Digitized by Google

руководствомъ Самодержавныхъ Вождей ея, составляетъ ея несокрушимую силу, и преступное уклоненіе отъ основныхъ началъ русской государственной жизни, навѣянное намъ чуждыми вожделѣніями, страшитъ насъ за ея будущее. Симбирское земство, какъ встарь, такъ и теперь, повинуется одному только Твоему Царскому слову и твердо вѣритъ, что въ единеніи съ Тобою, Государь, на началахъ, завѣщанныхъ намъ исторіею, путемъ мирнаго развитія достигнуто будетъ преуспѣяніе общаго народнаго блага. Земскіе люди симбирской губерніи благодарятъ Тебя, Самодержавный Государь, за тѣ великія начала, которыя Тебѣ благоугодно было возвѣстить во Всемилостивѣйшемъ Твоемъ указѣ отъ 12 декабря 1904 года".

Государь на сей челобитной начерталъ:

„Искренно благодаренъ за выраженныя чувства".

Въ челобитной новгородскаго дворянства читаемъ:

„*Ни на что не прельщаясь*, новгородское дворянство непоколебимо и горячо вѣритъ, что лишь подъ сѣнью Самодержавной власти, служащей залогомъ могущества Родины, возможно широкое и спокойное разрѣшеніе Государственныхъ нуждъ и потребностей, непрерывно назрѣвающихъ подъ дѣйствіемъ законовъ историческаго развитія, но оно столь убѣжденно вѣритъ, что лишь на основѣ полнаго единенія Царя съ вѣрной ему землей, никѣмъ не разобщенныхъ, зиждется сила счастія и крѣпости Престола и отечества и что лишь при достиженіи до высоты Престола голоса избранниковъ земли Русской по вносимымъ на благоусмотрѣніе Твое, Государь, законодательнымъ предначертаніямъ были бы извѣстны Тебѣ, Самодержцу, нужды тѣхъ мірскихъ людей, кои въ древнихъ еще указахъ московскихъ Царей именуются добрыми людьми, Государевыми сиротами, Великаго Государя дѣлу годными".

На сей челобитной Государь начерталъ:

„Искренно благодарю новгородское дворянство за выраженныя имъ чувства".

Наконецъ, на адресѣ, подписанномъ 420 обывателями г. Харькова, Государь начерталъ:

„Искренно благодарю обывателей г. Харькова".

Въ этомъ адресѣ было сказано такъ:

„Великій Государь. Мы, нижеподписавшіеся, харьковскіе обыватели разнаго званія и состоянія, *присягнувъ на вѣрность* Самодержавному Царю, свято помнимъ свою присягу и не можемъ сочувствовать смутѣ, разсѣваемой сторонниками *зарубежныхъ конституцій*. Мы понимаемъ, что въ наши дни надо всей землѣ поддержать своего Царя для одолѣнія наглаго врага, напавшаго на святую Русь. Толки о коренныхъ преобразованіяхъ только смущаютъ умы и отвлекаютъ отъ первой обязанности всѣхъ вѣрноподданныхъ поддер-

Digitized by Google

жать всѣми силами Помазанника Божьяго, Который Своей Самодержавной властью послѣ почетнаго мира даруетъ Родинѣ удовлетвореніе всѣхъ назрѣвшихъ потребностей народной жизни.

Внемли, Всемилостивѣйшій Государь, нашей челобитной и властнымъ словомъ Своимъ ободри Твой безпредѣльно преданный Православію и Самодержавію народъ, душа котораго изнываетъ отъ тяжелой смуты, нами переживаемой".

Мы видимъ изъ сихъ адресовъ, что, отметая мысль о „зарубежной конституціи", какъ ограниченіи Самодержавія и замѣнѣ для всѣхъ равнаго закона договорами борящихся и дѣлящихъ похищенную у Царя и народа власть, честолюбивыхъ и своекорыстныхъ партій, русскіе люди и самъ Государь не считаютъ начала Самоуправленія и Представительства несовмѣстимыми съ Самодержавіемъ. Сводя воедино къ сему предмету относящіяся мѣста вышеприведенныхъ вѣрноподданническихъ адресовъ, удостоенныхъ Высочайшаго одобренія, получимъ такую, Самодержавіемъ Россійскаго Императора пріемлемую политическую, къ руководству всѣхъ истинно-русскихъ людей, формулу: „Присягнувъ на вѣрность Самодержавному Царю, свято да помнимъ нашу присягу. Отвергая преступное уклоненіе отъ основныхъ началъ русской государственной жизни, навѣянное намъ чуждыми вождѣленіями, не хотимъ зарубежныхъ конституцій. Ни на что не прельщаясь, не страшимся установленія такого тѣснаго общенія между Царемъ и народомъ, при которомъ голоса сего послѣдняго доходили бы непосредственно до Помазанника Божьяго, потребуемъ непоколебимыхъ гарантій, чтобы подъ видомъ сего общенія не произведена была попытка ограничить Самодержавіе, лишить русскую Церковь господствующаго въ странѣ положенія и коснуться неприкосновенной и неотчуждаемой народной общинной земельности. Убѣжденно вѣримъ, что лишь на основѣ полнаго единенія Царя съ вѣрной ему землей, никѣмъ не разобщенныхъ, зиждется крѣпость и благо Престола и Отечества. А сіе единеніе можетъ быть осуществлено предоставленіемъ совѣщательнаго голоса избранникамъ земли русской по вносимымъ на благоусмотрѣніе Самодержавнаго Монарха законодательнымъ предначертаніямъ".

Гарантіи неприкосновенности народной общинности мы вносимъ въ сію формулу на основаніи циркулярнаго письма министра внутреннихъ дѣлъ отъ 31 декабря 1904 г., за № 28264 начальникамъ губерній, въ коемъ образованы совѣщанія по пересмотру законодательства о крестьянахъ.

Всѣ изложенныя здѣсь соображенія удостоились Высочайшаго Государя Императора одобренія.

Циркуляръ разъясняетъ, что въ отношеніи работъ по пересмотру крестьянскаго законодательства между Указомъ 12 декабря 1904 г.,

Digitized by Google

Указомъ 8 января 1904 г. и манифестомъ 26 февраля 1903 года нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія. Если указомъ 8 января повелѣно пересмотръ законоположеній о крестьянахъ произвести на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 года, положивъ въ основу упомянутаго пересмотра неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, при условіи облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины и на ряду съ этимъ сохранить крестьянамъ сословный строй и неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель, то начала эти въ полной мѣрѣ соблюдены Высочайшемъ Указомъ 12 декабря.

Самодержавіе обезпечиваетъ Россіи цѣлость ея территоріи, единство власти и народа. Самодержавіе есть власть и воля правомѣрная и объективируется въ положительномъ, для всѣхъ равномъ законѣ. Указомъ 12 декабря 1904 г. Самодержавіе поставило прочнѣйшія гарантіи личныхъ правъ подданныхъ, какъ положеніями 19 февраля 1861 г., освободило народъ съ землею и нынѣ провозглашаетъ неотчуждаемой и неприкосновенной общинную народную земельность. Наконецъ, памятуя, что дѣйствовать долженъ одинъ, а обсуждать должны многіе, Самодержавіе готово призвать выборныхъ земли русской для совѣщанія о законодательныхъ актахъ и въ семъ не видитъ какого-либо умаленія полноты своей верховной, неограниченной, безотвѣтственной, неприкосновенной и священной власти.

Утверждать сіе мы имѣемъ полное основаніе, какъ на почвѣ русскаго государственнаго права и законодательства русскаго, такъ и актовъ, выражающихъ Верховную Волю Государя и, наконецъ, на Высочайшемъ одобреніи челобитныхъ, излагающихъ устанавливаемый нами общій взглядъ.

Міръ германства и романства сказалъ, быть можетъ, уже все, что могъ сказать. Будущее несомнѣнно принадлежитъ славянской стихіи. Отъ славянства услышитъ новое слово человѣчество. Въ немъ обновленіе и возрожденіе Европы. На немъ почилъ творческій геній исторіи. Жизнь и свобода должны быть обезпечены народамъ славянства не только въ виду неотъемлемыхъ правъ всякой расы и племени на жизнь и свободу, но и въ духовныхъ интересахъ всего человѣчества.

Залогомъ и гарантіей такого обезпеченія является Россія и цѣлость этой единственной, могучей, сохранившейся послѣ крушенія великихъ славянскихъ державъ центральной Европы и достигшей мірового значенія. Ради этой цѣлости державной Россіи можно много принести въ жертву. А памятуя судьбы славянства и всего человѣчества, можно и должно все принести въ жертву этой цѣлости. Но цѣлость Россіи обезпечивается только вѣрностью Кирилло-Ме-

Digitized by Google

Богдіевской традиціи, неприкосновенностью общинной земельности народа и мощной властью самодержавной, единодержавной.

Поэтому всѣ внутреннія реформы въ Россіи не должны касаться этихъ устоевъ и ихъ подрывать, но, напротивъ, ради ихъ просвѣтлѣнія, обновленія и торжества созидать правомѣрную національную жизнь милліоновъ русскихъ людей. Общеніе Царя и народа помощью свободнаго представительства выборныхъ отъ сословій, земствъ, городовъ и окраинъ людей должно быть проникнуто національнымъ и всеславянскимъ самосознаніемъ и возможно лишь при наличности сильной, многочисленной и богатой патріотической печати, при національной школѣ и каѳедрѣ, при мощной и широко развѣтвленной организаціи патріотическихъ союзовъ и обществъ, при національной, патріотической настроенности земскихъ, городскихъ и сословныхъ самоуправленій, при общемъ, всенародномъ пробужденіи національнаго самосознанія.

Работы Комитета Министровъ по выполненію указа 12 декабря.

Комитетомъ министровъ обнародованъ порядокъ выполненія предначертаній къ усовершенствованію государственнаго порядка, изложенныхъ въ указѣ 12 декабря, Высочайше утвержденный 27 декабря.

Комитетъ, въ сознаніи особаго государственнаго значенія содержащихся въ указѣ семъ предначертаній, призналъ необходимымъ подвергнуть внимательному разсмотрѣнію каждое изъ нихъ въ отдѣльности.

Засимъ прежде всего Комитету подлежало опредѣлить самый порядокъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ предметовъ, поручивъ разработку дѣлъ подлежащимъ министрамъ или же образовавъ для сего особыя внѣвѣдомственныя совѣщанія въ составѣ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ и наиболѣе компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ, въ томъ числѣ, сообразно свойству вопросовъ, также мѣстныхъ дѣятелей.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ представиться надобность возбудить предъ Его Величествомъ предположеніе о передачѣ вопросовъ для предварительнаго обсужденія на мѣстахъ.

Руководящимъ принципомъ Комитета министровъ является положеніе: Съ полнотою отразить въ законопроектахъ объявленную нынѣ Высочайшую волю.

Засимъ Комитетъ установитъ *направленіе* работъ, намѣтитъ главнѣйшіе *предметы* ихъ, укажетъ ихъ *объемъ*.

Что касается выполненія предстоящихъ мѣропріятій, то нѣкоторыя предположено осуществить въ порядкѣ административныхъ

Digitized by Google

распоряженій. Окончательное рѣшеніе другихъ вопросовъ возможно лишь въ порядкѣ законодательномъ.

Въ заключеніе Комитетъ выразилъ надежду, что ему дано будетъ точно исполнить въ кратчайшій срокъ возложенное на него Монаршею волею порученіе, установивъ для заключающихся въ указѣ 12 декабря Высочайшихъ предначертаній основныя условія разработки, которыя должны обезпечить безпрепятственное ихъ выполненіе.

Затѣмъ, по мнѣнію Комитета, залогомъ успѣха должно послужить и возможно широкое оглашеніе въ печати Высочайше утвержденныхъ предположеній по исполненію указа 12 декабря.

17 января Высочайшаго утвержденія удостоились сужденія Комитета о пунктѣ первомъ указа — объ охраненіи полной силы закона (законность).

Комитетъ выразилъ убѣжденіе, что сознаніе святости и ненарушимости закона можетъ укрѣпиться въ населеніи только на ряду съ увѣренностью въ твердости положенныхъ въ законодательство началъ и невозможности безнаказаннаго нарушенія закона, со стороны не только обывателей, но и органовъ власти, независимо отъ занимаемаго ими въ судебной іерархіи положенія.

Осуществленіе сего разработано Комитетомъ въ трехъ вопросахъ: 1) о недопущеніи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ; 2) о снабженіи должною властью и средствами воздѣйствія органовъ, призываемыхъ къ охраненію силы закона, и 3) объ отвѣтственности должностныхъ лицъ.

Прежде всего Комитетъ призналъ необходимость поддержанія полной силы постановленій основныхъ государственныхъ законовъ, касающихся порядка составленія законовъ.

А для сего устраненіе случаевъ изданія постановленій законодательнаго свойства съ отступленіемъ отъ установленныхъ закономъ формъ.

Несовершенство способа составленія и предварительнаго обсужденія законодательной нормы можетъ нерѣдко отразиться на самомъ ея содержаніи и на степени удовлетворенія ею вызывающихъ оную потребностей.

По точному разуму основныхъ государственныхъ законовъ, предначертанія законодательнаго характера разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе и не иначе получаютъ силу, какъ дѣйствіемъ Самодержавной власти.

Поэтому во всѣхъ подданныхъ должна быть увѣренность, что вышедшій законъ привлекъ въ полной мѣрѣ вниманіе Законодателя и составляетъ проявленіе дѣйствительной и непосредственной Монаршей воли.

Digitized by Google

Иными словами, каждый законъ долженъ внушать подданнымъ увѣренность въ полнотѣ Самодержавія.

Съ этой цѣлью Комитетъ полагаетъ необходимымъ издать общее разъяснительное законоположеніе, которое должно послужить рѣшительнымъ препятствіемъ для испрошенія, въ какихъ-бы то ни было случаяхъ, измѣненія законовъ путемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ.

Внесенію-же въ сводъ въ качествѣ законовъ подлежатъ Высочайшія повелѣнія, за Собственноручнымъ Императорскаго Величества подписаніемъ, и Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта.

Права надзора за соблюденіемъ формъ, установленныхъ для изданія законовъ, принадлежатъ Сенату. Но они недостаточны. Надзоръ Правительствующаго Сената за необнародованіемъ законодательныхъ постановленій, не отвѣчающихъ требованіямъ формы, долженъ быть установленъ съ полною опредѣлительностью.

Итакъ, мѣры по основному вопросу изданія законовъ сводятся къ двумъ: путь измѣненія законовъ всеподданнѣйшими докладами окончательно закрыть, а Сенату дать дѣйствительное право пріостановки обнародованія закона, разъ онъ находитъ, что этотъ законъ не составляетъ проявленія дѣйствительной и непосредственной Самодержавной воли. Этими мѣрами предотвратится возможность того, что можно назвать расхищеніемъ Самодержавія и замѣной Царской воли чьей-либо другой, что уже есть многовластіе. Сенатъ отнынѣ будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы законъ былъ истинно самодержавенъ, исходилъ непосредственно изъ источника власти.

Переходя къ вопросу объ установленіи дѣятельнаго надзора за повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ, съ устраненіемъ неправильнаго ихъ толкованія и примѣненія, Комитетъ призналъ настоятельную необходимость преобразованія въ Россіи административной юстиціи, въ духѣ тѣхъ-же великихъ началъ, какіе *легли* въ основаніе судебныхъ уставовъ Императора Александра II, преобразовавшаго въ Россіи юстицію гражданскую и уголовную.

Сенатъ, по мысли Петра Великаго, стоитъ во главѣ надзора за законностью управленія въ Россіи. Комитетъ находитъ, что вполнѣ назрѣла необходимость преобразованія Сената, съ цѣлью упрочить за нимъ значеніе верховнаго органа надзора въ порядкѣ управленія и исполненія.

Это преобразованіе должно свестись къ слѣдующему:

1) Нынѣ въ одномъ лицѣ соединяются обязанности министра юстиціи и генералъ-прокурора Правительствующаго Сената. Проектировано обособленіе генералъ-прокурорской должности.

2) Преобразуется первый департаментъ Правительствующаго Сената.

Digitized by Google

3) На ряду съ присвоеніемъ Сенату значенія рѣшающей высшей инстанціи по дѣламъ административной юстиціи, предположено учредить на мѣстахъ низшіе административные суды. Призваніе ихъ—отмѣнять незаконныя распоряженія низшихъ властей. Элементы для мѣстнаго административнаго суда есть, и создать его необходимо нынѣ же, ибо сущность административной юстиціи, высшей и низшей, одна и та-же. Предположено пока учрежденіе такихъ коллегій, хотя по одной на нѣсколько губерній, соотвѣтственно округамъ судебныхъ палатъ.

4) Права законодательной иниціативы Сената должны быть вообще расширены. Ему должна принадлежать повѣрка законности инструкцій и циркуляровъ, издаваемыхъ министрами, возбужденіе вопросовъ объ отвѣтственности чиновъ административнаго вѣдомства, объ упущеніяхъ министровъ; предположено пересмотрѣть и правила, опредѣляющія его отношеніе къ совѣтамъ: военному и адмиралтействъ.

Окончательное утвержденіе въ Россіи законности Комитетъ предполагаетъ утвердить отвѣтственностью должностныхъ лицъ, уголовной, гражданской, за причиненные частнымъ лицамъ вредъ и убытки, и дисциплинарной.

Признавая, что каждое служебное преступленіе носитъ въ себѣ признаки нарушенія государственнаго довѣрія, злоупотребленія тою долею власти, какая принадлежитъ служащему, и поэтому, независимо отъ ближайшихъ послѣдствій, подрываетъ довѣріе къ правительственной власти и роняетъ ее въ общественномъ мнѣніи, Комитетъ, однако, благоразумно не упускаетъ изъ виду, что общегосударственныя соображенія требуютъ для охраненія спокойнаго и увѣреннаго отправленія должностными лицами службы извѣстнаго ихъ огражденія отъ обвиненій, явно неосновательныхъ.

Намъ кажется, что свою работу относительно перваго пункта Указа 12 декабря Комитетъ министровъ выполнилъ блестяще во всѣхъ отношеніяхъ. Главная мысль его—оживить, возродить Сенатъ въ духѣ Петровскомъ, какъ истинное хранилище законовъ. До сихъ поръ Сенатъ представлялъ изъ себя сильный мозговой аппаратъ, дѣло котораго сводилось къ логическому выводу всего содержанія попадавшаго въ него закона. Это былъ какъ-бы желудокъ юстиціи, который все одинаково хорошо варилъ, изъ всего извлекалъ всѣ соки, что въ него ни попадало. Въ этой работѣ Сенатъ проявилъ замѣчательную логическую мощь. Но онъ совершенно не разбиралъ, что за пища въ него попадаетъ? Законъ вступилъ въ Сенатъ, Сенатъ его объясняетъ, а затѣмъ разъясняетъ при практикѣ, логически извлекая изъ него все, что въ немъ содержится. Но если въ западныхъ странахъ Сенату свойственно задаться воп-

Digitized by Google

росамъ, при полученіи закона, *конституціоненъ-ли* онъ, то русскому Сенату свойственно спросить: *самодержавенъ-ли* законъ? То-есть соблюдены-ли при его составленіи всѣ гарантіи того, чтобы законъ этотъ дѣйствительно выражалъ Высочайшую волю? А эта увѣренность—основаніе Самодержавія. Значитъ, по мысли Комитета, Сенатъ явится хранителемъ Самодержавія, объективированнаго, осуществленнаго въ законѣ.

Но мало этого, Сенатъ и подвѣдомственные ему низшіе административные суды слѣдятъ за исполненіемъ закона и по всѣмъ инстанціямъ властей, ихъ примѣняющихъ. Сенатъ и тутъ пресѣкаетъ возникновеніе самовластія, въ формѣ-ли самостоятельныхъ, съ закономъ несогласныхъ, предписаній, или попранія закона, или превышенія власти. Сенатъ слѣдитъ, чтобы въ средѣ администраціи не возникало маленькихъ самовластцевъ, чтобы это хищничество по мелочамъ верховной власти не имѣло мѣста нигдѣ на пространствѣ дѣйствія сложнаго правительственнаго организма. Что касается отвѣтственности должностныхъ лицъ, то Комитетъ отлично понимаетъ и подчеркиваетъ трудность для частныхъ лицъ возбудить и довести до конца уголовное преслѣдованіе противъ должностныхъ лицъ. Сравнительно немногія дѣла доходятъ до судебнаго разбирательства, и притомъ они въ большей части случаевъ касаются второстепенныхъ и низшихъ служащихъ. Крайняя медленность производства ведетъ къ запоздалости приговоровъ; дѣла доходятъ до суда столь выцвѣтшими, что суду нелегко отыскать въ нихъ жизненную правду. Между тѣмъ дѣйствительность уголовной репрессіи зависитъ не столько отъ строгости положеннаго въ законѣ взысканія, сколько отъ сознанія неизбѣжности и быстроты наложенія его на виновнаго. Но Комитетъ даетъ обширныя разъясненія, какимъ образомъ поставить въ должныя границы отвѣтственность служащихъ и создать гарантіи этой отвѣтственности. Мы не будемъ излагать эти чисто юридическія подробности.

Если предположенное Комитетомъ министровъ найдетъ въ жизни полное осуществленіе, если отвѣтственность министровъ и должностныхъ лицъ предъ Сенатомъ, хранящимъ Самодержавіе, въ законѣ осуществленное и независимымъ Генералъ-Прокуроромъ, дѣйствительно проведена будетъ въ жизнь, то сразу должны умолкнуть всѣ вопли о несовмѣстности законности съ нашей формой правленія. Дай-же Богъ силъ Комитету довести до конца предпринимаемое имъ великое, благое и патріотическое дѣло!

Николай Энгельгартъ.

21 января 1905 г. Спб.

Digitized by Google

Обзоръ внѣшнихъ событій.

Происшествіе въ Сѣверномъ морѣ.

IV [1]).

Какъ-же произошло у Доггеръ-банки то событіе, которое при нервномъ настроеніи англичанъ,—такъ нерѣдко проявлявшемся съ начала послѣдняго года на фонѣ колоссальной борьбы Россіи съ союзницей Великобританіи,—могло повести къ неисчислимымъ послѣдствіямъ и, быть можетъ, зажечь тотъ всемірный пожаръ, котораго и ждутъ, и боятся всѣ державы, такъ какъ предъ ихъ умственнымъ окомъ встаетъ неминуемое наслѣдіе огненнаго бича — гигантское пожарище, усѣянное жалкими обломками, пожалуй и многихъ зданій, блистающихъ нынѣ своими изукрашенными фасадами и кажущихся застрахованными отъ всякаго рода бѣдствій.

На основаніи появившихся въ печати разсказовъ очевидцевъ, какъ русскихъ офицеровъ, такъ и иностранцевъ можно теперь нарисовать съ достаточною полнотою грозную картину, развернувшуюся такъ внезапно въ одномъ изъ мирныхъ уголковъ Сѣвернаго моря.

Когда эскадра генералъ-адъютанта Рожественскаго двинулась въ свой дальній путь, въ Россіи имѣлись самыя подробныя свѣдѣнія о планахъ японцевъ о томъ, какъ во что-бы то ни стало задержать движеніе этой эскадры; получались также донесенія, что японскіе миноносцы прячутся въ норвежскихъ фіордахъ и что японцы нанимали рыбачьи суда въ Гамбургѣ, Гуллѣ, Соутгэмптонѣ, Христіаніи.

Съ разсвѣтомъ 6 октября эскадра снялась съ якоря и пошла Бельтомъ. Датское правительство приняло всѣ мѣры, чтобы охранить нейтралитетъ своихъ водъ, и русскую эскадру все время сопровождали мелкіе датскіе суда и пароходы, которые наблюдали за берегами, отгоняли рыбаковъ, станови-

[1]) См. «Русск. Вѣстникъ», январь 1905 г.

Digitized by Google

лись на якорь въ мелкихъ мѣстахъ и служили эскадрѣ дополнительными маяками. Весьма возможно, что, именно благодаря этимъ мѣрамъ предосторожности, наша эскадра и не подверглась нападенію въ Бельтѣ и къ 11 часамъ утра собралась на якорѣ у Скагена, гдѣ былъ полученъ отъ нашихъ агентовъ цѣлый рядъ тревожныхъ извѣстій, сходившихся въ томъ, что въ одномъ фіордѣ, очень глухомъ, видѣли четыре миноносца неизвѣстной національности, въ сопровожденіи парохода, и что они грузили уголь. Затѣмъ, пришло сообщеніе, что эти миноносцы были замѣчены въ недалекомъ разстояніи къ западу отъ мыса Скагена и что, наконецъ, какой-то пароходъ заходилъ въ одну изъ бухтъ норвежскаго берега, имѣлъ сношенія съ ожидавшимъ его парусным судномъ, послѣ чего оба поспѣшно ушли въ море.

Такъ какъ на ходу найти эскадру и причинить ей какой-либо вредъ гораздо труднѣе, чѣмъ при стоянкѣ на якорѣ, то вице-адмиралъ Рожественскій велѣлъ сниматься тотчасъ-же.

Двинулись въ путь не всѣ сразу, а эшелонами. Впереди всѣхъ ушли миноносцы, двумя отдѣльными группами, въ Шербургъ. Затѣмъ, отрядъ контръ-адмирала Фелькерзама, съ четырьмя болѣе старыми броненосцами, направился въ Танжеръ; отрядъ мелкихъ крейсеровъ, подъ командой капитана Шенна, пошелъ въ Арозо (бухта въ 40 миляхъ къ сѣверу отъ Виго), а большіе крейсера съ „Камчаткой“ (транспортъ-мастерская) съ контръ-адмираломъ Энквистомъ должны были идти также въ Танжеръ. Наконецъ, послѣдній отрядъ былъ составленъ изъ четырехъ лучшихъ броненосцевъ: „Князь Суворовъ“, подъ флагомъ командующаго эскадрой, „Императоръ Александръ III“, „Бородино“, „Орелъ“ и транспортъ „Анадырь“. Такимъ образомъ, при эскадрѣ не было ни одного мелкаго судна и ни одного миноносца.

Послѣдній отрядъ снялся съ якоря около 9 ч. вечера 7 октября.

Была ясная, тихая ночь и почти полная луна — при такой обстановкѣ можно было не бояться атаки. Опаснымъ временемъ было лишь время послѣ захода луны, т. е. съ 3 ч. ночи, до разсвѣта. Но тутъ помогла погода: передъ заходомъ луны нашелъ густой туманъ, продержавшійся до 10 ч. утра и при которомъ совершенно невозможно найти идущія суда, чтобы напасть на нихъ.

День 8 октября прошелъ благополучно. Было много встрѣчныхъ судовъ и масса рыбаковъ, но ничего подозрительнаго.

Digitized by Google

Къ вечеру задулъ южный вѣтеръ и развелъ небольшое волненіе: ночь наступила темная, густыя тучи заволокли все небо и лучи луны не могли пробиться черезъ нихъ, хотя горизонтъ былъ все-таки виденъ и на немъ опытный морской глазъ могъ различать силуэты встрѣчныхъ судовъ.

Около 8 ч. вечера, когда было совсѣмъ темно, адмиральскій отрядъ получилъ по безпроводному телеграфу извѣстіе, что транспортъ „Камчатка", отставшій, вслѣдствіе поврежденія въ машинѣ, отъ своего отряда (крейсеровъ „Дмитрій Донской„ и „Аврора"), преслѣдуется миноносцами.

О томъ, что произошло съ „Камчаткой", сообщаетъ напечатанное въ „Figaro" и помѣченное изъ Танжера 2-мъ ноябремъ (н. с.) письмо голландскаго инженера Арнольда Кои (Кооу), который находился въ качествѣ завѣдующаго безпроводнымъ телеграфомъ, сначала на „Свѣтланѣ", а потомъ на „Камчаткѣ": „Было около 8 часовъ вечера или немного больше, когда послѣдовалъ приказъ изготовиться къ бою въ виду того, что по близости замѣчены были четыре небольшихъ судна, быстро шедшихъ намъ навстрѣчу. Мы дали холостой выстрѣлъ, чтобы заставить ихъ перемѣнить курсъ, но вмѣсто этого они направились прямо на насъ, несмотря на то, что мы открыли убійственный огонь. Мало того, два судна пробились сквозь линію нашего огня. „Такъ вотъ я спрашиваю тебя, (авторъ обращается къ адресату, опубликовавшему его письмо), могли ли въ данномъ случаѣ мы имѣть дѣло съ чѣмъ-либо инымъ, какъ не съ непріятельскими судами? Мы находились тогда на высотѣ Блавандсхука, въ 120 миляхъ отъ датскаго берега. При свѣтѣ прожектора я отлично разглядѣлъ два судна, прорвавшіяся сквозь линію нашего огня: то были миноносцы и, конечно, не русскіе. Когда одинъ изъ нихъ подошелъ еще ближе, я собственными глазами видѣлъ, какъ пущена была имъ мина. Если эта мина не причинила намъ вреда, то этимъ мы обязаны искусному маневру командира. Зато наши снаряды попадали въ цѣль, такъ какъ этотъ миноносецъ долженъ былъ замедлить ходъ и отстать. Едва мы избавились отъ этой опасности, то же самое повторилось на другой сторонѣ судна, гдѣ оперировалъ другой миноносецъ, также выпустившій мину, но я не могъ ее видѣть самъ; нашъ огонь вскорѣ заставилъ его отступить. Не знаю, что сталось съ двумя другими миноносцами (ихъ было всего четыре), но я полагаю, что это тѣ самые, которые напали на эскадру адмирала Рожественскаго. Я собственными глазами видѣлъ, что это были миноносцы, я и теперь еще узналъ бы ихъ".

Digitized by Google

Точно также въ обширномъ письмѣ одного изъ младшихъ чиновъ, служащихъ на „Камчаткѣ“, напечатанномъ въ „Крымскомъ Вѣстникѣ“, говорится между прочимъ: „къ намъ съ обѣихъ сторонъ неслись навстрѣчу наперерѣзъ огоньки миноносцевъ: дружные выстрѣлы не подпускали ихъ близко. „Камчатка“ быстро шла впередъ самымъ полнымъ ходомъ. Когда блеснулъ свѣтъ нашего прожектора, я вполнѣ убѣдился, что насъ атакуютъ миноноски, одна шла за нами справа по кормѣ и старалась стать въ положеніе для выстрѣла миной. Она была въ 40—60 саженяхъ, когда на нее посыпались наши снаряды. Огни на ней потухли и она пропала во тьмѣ. На горизонтѣ виднѣлись отставшіе миноносцы; судя по огнямъ, они быстро догоняли насъ. Вырывавшійся свѣтлымъ пламенемъ дымъ короткихъ трубъ выдавалъ миноносцевъ, потушившихъ отличительные огни. Мы нѣсколько разъ клали руль совсѣмъ на бортъ, такъ какъ, уклоняясь вправо и влѣво, мы избѣгали перпендикулярнаго удара мины и въ то же время миноносецъ попадалъ подъ выстрѣлы всего борта: наши маленькія гранаты разрывались надъ миноносцами, освѣщая лишь на мигъ ихъ силуэтъ; миноносцы не отставали отъ насъ, пока двоимъ хорошо не попало. Комендоры божились, что двумъ нанесли поврежденія, что до остальныхъ, то поднявшійся сильный вѣтеръ и большія волны сдѣлали преслѣдованіе для нихъ невозможнымъ: снарядовъ выпустили мы 294 штуки и лишь этимъ спаслись“.

Какъ только командующій эскадрой получилъ радіограмму о происходящемъ нападеніи на „Камчатку“, сейчасъ-же по безпроводному телеграфу было приказано отряду контръ-адмирала Энквиста уменьшить ходъ и подождать „Камчатку“ или же продолжать идти дальше, чтобы не открыть себя миноносцамъ, которые, конечно, тоже принимали наши радіограммы, но не знали изъ какого мѣста онѣ идутъ. Какъ сообщилъ капитанъ Кладо въ письмѣ отъ 15—28 октября изъ Виго, появившемся въ „Новомъ Времени“, „японцы все-таки сдѣлали попытку узнать наше мѣсто. Въ то время, какъ мы переговаривались съ „Камчаткой“, мы вдругъ начали получать рядъ телеграммъ: „гдѣ эскадра“?, „покажите вашу широту и долготу“, „гдѣ мѣсто „Суворова“?“ на чистомъ русскомъ языкѣ и съ подписью „Камчатка“. Намъ эти телеграммы показались подозрительными и мы, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно-ли ихъ посылаетъ „Камчатка“, вмѣсто отвѣта, приказали передать намъ имя и отчество одного изъ офицеровъ „Камчатки“. На это послѣдовало полное молчаніе, вопросы

Digitized by Google

прекратились, а съ „Камчатки“ продолжались переговоры, но шифромъ, такъ что японцы ничего разобрать не могли. Очевидно, что вопросы телеграфировали намъ японцы, воспользовавшись нашими переговорами съ „Камчаткой“, и хотѣли узнать, гдѣ мы, т. е. броненосцы, до которыхъ они добирались“.

Впослѣдствіи, дѣйствительно, узнали, что съ „Камчатки“ никто ни о чемъ и не спрашивалъ.

Наблюденіе на эскадрѣ велось самымъ бдительнымъ образомъ, такъ какъ уже ранѣе были основанія ожидать нападенія именно въ эту ночь.

Въ 12 ч. 55 м. впереди эскадры были замѣчены, временно показывавшіеся на гребняхъ волнъ, два длинныхъ, темныхъ силуэта съ сильно стелющимся дымомъ, показывавшимъ, что это очень быстро идущія суда. Въ то же время подпялась зелено-красная ракета, обыкновенно пускаемая судами, находящимися въ бѣдственномъ положеніи. Черезъ секунду засвѣтился спереди лучъ электрическаго фонаря. Было ясно, что сигналами о бѣдствіи отрядъ вице-адмирала Рожественскаго завлекали къ извѣстному пункту и надѣялись, что онъ тутъ остановится. Лучи-же электрическаго фонаря, вѣроятно съ сопровождавшаго миноносцевъ парохода, должны были указать нападавшимъ миноносцамъ мѣсто нашей эскадры и слѣпить глаза прислугѣ нашихъ орудій.

Одинъ изъ очевидцевъ, г. Вл., описалъ въ „Руси“, что затѣмъ послѣдовало:

„Какъ только были открыты прожекторы, они почти тотчасъ-же освѣтили характерную горбатую палубу и три низенькія трубы миноносца. Слѣва открылся такой же. Кромѣ ихъ, прожекторы освѣтили три однотрубныхъ парохода, небольшихъ, рыбачьяго типа, но ведшихъ себя крайне странно: они шли безъ огней прямо на эскадру, съ явнымъ намѣреніемъ прорѣзать строй. У насъ пробили атаку и открыли по миноносцамъ огонь. Въ это время одинъ изъ пароходовъ успѣлъ проскочить подъ носомъ „Суворова“, а другой стремился прорѣзать линію слѣва на право, между броненосцами „Императоръ Александръ III“ и „Бородино“, но это ему не удалось. Выходило, какъ-будто каждый изъ пароходовъ прикрываетъ соотвѣтственный миноносецъ. Мы цѣлили недурно; по крайней мѣрѣ, одинъ миноносецъ безслѣдно исчезъ на довольно близкой дистанціи, другой-же, повидимому, успѣлъ уйти. Прожекторы его потеряли и больше найти не могли. Какъ только миноносцы исчезли, огонь продолжался менѣе 10 минутъ. Поведеніе паро-

Digitized by Google

ходовъ было чрезвычайно подозрительное: пять огромныхъ судовъ идутъ въ кильватерномъ строю, а мирные рыбачьи пароходы лѣзутъ прямо на нихъ и стремятся прорѣзать строй, съ рискомъ быть раздавленными. Ихъ освѣщаютъ прожекторы, кругомъ свистятъ и рвутся снаряды, а пароходы не спѣшатъ удалиться отъ эскадры, а продолжаютъ идти прежнимъ курсомъ, какъ ни въ чемъ не бывало".

Обстоятельство это подтверждаетъ и лейтенантъ Энгбертъ, бывшій офицеръ прусской службы, а нынѣ состоящій инженеромъ по части безпроводной телеграфной службы въ нашемъ балтійскомъ флотѣ. Въ своемъ письмѣ, появившемся въ „Berliner Lokal Anzeiger", онъ прямо заявилъ: „При свѣтѣ прожекторовъ мы открыли также присутствіе десяти небольшихъ пароходовъ, которые шли безъ огней и держали курсъ прямо на наши суда, видимо, стараясь догнать ихъ. Тутъ во всякомъ случаѣ мы имѣли дѣло не съ рыбаками.

„Что могло-бы побудить рыбаковъ къ ночному плаванію безъ огней? Экипажъ этихъ пароходовъ, за исключеніемъ одного, проявилъ большую храбрость и, повидимому, рѣшилъ во что-бы то ни стало догнать насъ. Послѣ перваго нашего выстрѣла одинъ изъ пароходовъ зажегъ фонари и подалъ сигналъ, т. е. сдѣлалъ то, что обязанъ сдѣлать каждый рыболовный пароходъ. Но остальные пароходы держали себя иначе. Съ удивительной выдержкой они шли подъ градомъ гранатъ. Развѣ такъ дѣйствуютъ ни въ чемъ неповинные рыбаки?

„Я стоялъ на палубѣ „Орла" и видѣлъ, что эти мнимые рыбаки послѣ канонады, продолжавшейся 10 минутъ, взяли курсъ параллельный нашему, хотя гранаты продолжали падать. Заслуживаетъ особеннаго вниманія и тотъ фактъ, что на нихъ не было вовсе видно людей. Рыбаки вѣдь несомнѣнно бросились бы на палубу и стали-бы давать сигналы. Нѣтъ, экипажъ этихъ судовъ состоялъ изъ японцевъ, задавшихся опредѣленною цѣлью, для достиженія которой они рѣшили пожертвовать собою. Гибель хотя-бы одного изъ русскихъ большихъ броненосцевъ—вотъ что было имъ нужно; они знали какое это было-бы несчастіе для Россіи"!

Самъ вице-адмиралъ Рожественскій охарактеризовалъ все происшедшее въ ту достопамятную ночь въ слѣдующемъ сообщеніи, сдѣланнымъ имъ 15-го октября въ Виго корреспонденту „Central News": „Въ часъ ночи 9-го октября въ нѣмецкомъ морѣ на 55° 18′ ширины и 52° 42′ долготы съ флагманскаго судна были открыты два миноносца, шедшихъ полнымъ ходомъ безъ огней. Какъ только они были

Digitized by Google

освѣщены прожекторами, они бросились въ сторону, но были провожаемы лучами и огнемъ всего отряда. Вскорѣ одинъ миноносецъ пошелъ ко дну, а другой исчезъ изъ виду. Въ это время въ лучахъ электрическихъ фонарей стали показываться рыболовныя паровыя суда, пересѣкавшія путь эскадръ; хотя нѣкоторыя изъ нихъ были безъ огней, но съ флагманскаго судна были даны сигналы не стрѣлять по нимъ. Для этой цѣли прожекторы опускались внизъ и тотчасъ же поднимались на 45 градусовъ вверхъ. Другихъ мѣръ огражденія мирныхъ гражданъ, неосторожно вовлеченныхъ въ дѣло, нельзя было принять, такъ какъ стрѣльба всего отряда продолжалась менѣе 10 минутъ. Какъ я, такъ и офицеры эскадры глубоко сожалѣютъ о невинно пострадавшихъ при этомъ покушеніи нашего противника".

V.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ сообщеніе адмирала Рожественскаго, англійская печать дружнымъ хоромъ обрушилась на него, не находя достаточно сильныхъ словъ, чтобы осмѣять заявленіе адмирала о присутствіи въ Сѣверномъ морѣ японскихъ миноносцевъ.

Отставной вице-адмиралъ германскаго флота Кюне прочелъ въ Любекѣ въ концѣ октября докладъ, въ которомъ первымъ выступилъ противъ ироническаго отношенія къ увѣреніямъ русскихъ моряковъ, что имъ пришлось отразить формальное нападеніе японскихъ миноносцевъ. „Прежде всего" говорилъ онъ, „адмиралъ Рожественскій получилъ изъ разныхъ странъ предостереженія относительно нападенія японцевъ въ европейскихъ водахъ. Вдобавокъ, японцамъ вовсе не нужно было обзаводиться настоящими миноносцами: достаточно прикрѣпить къ любому пароходу минный аппаратъ, чтобы сдѣлать изъ парохода опаснаго врага для Балтійской эскадры".

И дѣйствительно, помѣщенная въ „Petit Journal" телеграмма изъ Копенгагена передавала, что датское морское министерство было увѣдомлено, что нѣсколько судовъ было нанято японцами въ Гуллѣ для того, чтобы напасть на русскую эскадру въ Сѣверномъ морѣ. Тоже свѣдѣніе было получено и германскимъ адмиралтействомъ. Кромѣ того, датское морское министерство было оффиціально извѣщено о томъ, что японцы наняли 13 шведскихъ судовъ для нападенія на

Digitized by Google

русскую эскадру. Послѣдней мѣрѣ предшествовало появленіе въ шведскихъ портахъ прошлымъ лѣтомъ многихъ японцевъ, переѣзды которыхъ изъ одного мѣста въ другое уже тогда возбудили всеобщее вниманіе. Нѣсколько недѣль спустя, японцы стали проявлять усиленную дѣятельность въ датскихъ портахъ. Двое японцевъ были даже арестованы датской полиціей, но, въ виду отсутствія противъ нихъ какихъ-либо опредѣленныхъ уликъ, они были выпущены на свободу.

Изъ приведеннаго выше описанія очевидцами какъ нападенія на „Камчатку“, такъ и происшествія у Доггеръ-банки и изъ массы сообщенныхъ подробностей, видѣнныхъ при этомъ собственными глазами многими русскими и иностранными офицерами, для всякаго не предубѣжденнаго человѣка вполнѣ ясно, что русскимъ пришлось имѣть дѣло не съ переодѣтыми, такъ сказать, а съ самыми настоящими миноносцами. Русскій лейтенантъ Оттъ, приказавшій стрѣлять съ „Анадыря“ по подозрительнымъ судамъ, встрѣченнымъ у Доггеръ-банки, заявилъ категорично, что видѣлъ какъ миноносецъ, получившій вторую гранату, пытался уйти на всѣхъ парахъ, причемъ огонь вылеталъ изъ всѣхъ его четырехъ трубъ. Поэтому нельзя было смѣшать его съ рыбачьими лодками. Вообще, наружный видъ рыбачьихъ пароходовъ такъ рѣзко отличается отъ очертаній военныхъ судовъ, что нельзя допустить мысли, что русскіе офицеры могли смѣшать ихъ: рыбачьи суда вдвое короче миноносцевъ, имѣютъ одну дымовую трубу и мачту съ паруснымъ вооруженіемъ; длинные и узкіе миноносцы, съ возвышеннымъ носомъ, двумя, тремя или четырьмя трубами, пушками на верхней палубѣ и одной голой сигнальной мачтой, сразу бросятся въ глаза каждому моряку. Точно также было бы трудно смѣшать миноносцы съ мирными торговыми пароходами, грузовыми или пассажирскими. Наконецъ, если бы такая печальная случайность даже и произошла, то пострадавшіе пароходы давно бы уже дали знать о себѣ.

Возникшее среди англичанъ предположеніе, что стрѣльба производилась, по ошибкѣ, въ русскіе миноносцы, принятые въ темнотѣ за чужіе, тоже недопустимо, такъ какъ, когда случилось происшествіе на Доггеръ-банкѣ, миноносцы эскадры адмирала Рожественскаго были уже далеко оттуда. Изъ Либавы вышло съ эскадрой восемь миноносцевъ: изъ нихъ пришли затѣмъ въ Танжеръ лишь семь, потому что восьмой миноносецъ потерпѣлъ аварію до выхода изъ датскихъ водъ и вернулся опять въ Либаву, вмѣстѣ съ ледоколомъ „Ермакъ“,

Digitized by Google

какъ объ этомъ сообщалось своевременно. Стало быть, если одинъ миноносецъ былъ потопленъ выстрѣлами съ эскадры, то онъ никакъ не могъ быть русскимъ.

Показанія свидѣтелей рыбаковъ сбивчивы: одни утверждаютъ, что въ моментъ происшествія вблизи рабочей флотиліи не было никакихъ миноносцевъ, тогда какъ другіе признаютъ, что миноносцы дѣйствительно были, но только они считали ихъ за русскіе. Припомнимъ первыя, приведенныя уже мною, показанія капитана судна „Moulmein" которыя, по объясненнымъ ранѣе соображеніямъ, представляются мнѣ наиболѣе достовѣрными. Тогда онъ говорилъ, что какъ только показалась русская эскадра и засвѣтились электрическіе прожекторы, рыбаки увидѣли какъ къ нимъ приблизились суда, показавшіяся имъ миноносцами, какъ они подошли къ „Moulmein", какъ будто для того, чтобы пристать къ нему, какъ затѣмъ соединились съ эскадрой, которая вслѣдъ за этимъ открыла огонь. Такъ какъ русская миноносная флотилія въ ночь происшествія была уже въ Брестѣ, то замѣченныя рыбаками суда не могли быть русскими. Въ то же время ни одна изъ нейтральныхъ державъ не заявила до сихъ поръ о потерѣ или аваріи какихъ-либо своихъ миноносцевъ, такъ что національность сомнительныхъ судовъ становится вполнѣ ясной. Вся же описанная рыбаками сцена дѣлается понятна и логична, если вмѣсто казавшихся имъ русскими миноносцевъ, мы допустимъ, что это были миноносцы японскіе. При такой гипотезѣ понятно, что приближавшіяся къ „Moulmein" суда хотѣли не пристать къ нему, а спрятаться за нимъ, послѣ же того не соединились съ русской эскадрой, а бросились на нее для нападенія, чѣмъ и вызвали огонь съ ея стороны.

Лучшее доказательство, что миноносцы существовали на дѣлѣ, а не въ воображеніи русскихъ моряковъ, служитъ претензія тѣхъ рыбаковъ, заявленная печатно, что оставленный русскими на мѣстѣ происшествія миноносецъ пробылъ тамъ до утра и не оказалъ рыбакамъ никакой помощи. Съ русской эскадрой не было не только ни одного миноносца, но и ни одного мелкаго судна. Кто-же оставался? Очевидно тотъ, кого русская эскадра потеряла изъ лучей прожекторовъ. Онъ или исправлялъ свои поврежденія, или искалъ товарища, котораго эскадра, какъ кажется, потопила.

Имѣются еще и другія указанія на присутствіе японскихъ миноносцевъ у Доггеръ-банки. Такъ, помощникъ шкипера норвежскаго судна „Adela" Христіансенъ, за два дня до проис-

Digitized by Google

шестія, видѣлъ около береговъ Норвегіи два японскихъ миноносца, направившихся на югъ. Затѣмъ, существуетъ донесеніе тайнаго агента, цѣликомъ взятое, по его словамъ, изъ депеши, посланной въ Японію японскимъ посланникомъ въ Лондонѣ Гаяши. Вотъ содержаніе этого документа: „Четыре миноносца съ экипажемъ, состоявшимъ изъ японцевъ и англичанъ, съ англійскими лоцманами и кочегарами, отплыли отъ англійскихъ береговъ въ самый день Высочайшаго смотра Балтійской эскадры, чтобы до прибытія этой эскадры занять извѣстные пункты въ проливѣ (по всей вѣроятности, датскомъ). Два миноносца остались крейсировать въ самомъ проливѣ, а остальные два стали на пути эскадры. За пять дней до прихода эскадры генералъ-адъютанта Рожественскаго въ датскія воды, семь рыбачьихъ пароходовъ, купленныхъ еще въ іюлѣ, нагруженныхъ углемъ и провизіей, съ экипажемъ изъ рыбаковъ, съ сѣтями и подъ командой японскихъ офицеровъ, вышли изъ Гулля, чтобы отвезти уголь и провизію миноносцамъ. Эти пароходы были снабжены минными аппаратами и имѣли метательныя мины.

„При проходѣ эскадры чрезъ датскія воды миноносцы были лишены возможности исполнить свой планъ. Тогда два миноносца продолжали свой путь, а два другихъ несли сторожевую службу по сторонамъ обычнаго пути. Замѣтивъ, что часть эскадры отошла отъ главнаго пути на 50 или 60 миль, два миноносца, въ соединеніи съ третьимъ, пытались ночью напасть на эту часть эскадры и подверглись обстрѣлу. Одинъ миноносецъ потонулъ, другой потерпѣлъ серьезныя поврежденія и потонулъ къ утру, высадивъ экипажъ на одинъ изъ пароходовъ, третій присоединился къ миноносцу, на которомъ находился командиръ всей японской флотиліи. Два уцѣлѣвшихъ миноносца достигли Портсмута для сопровожденія пароходовъ, отправляющихся съ грузомъ военныхъ припасовъ въ Японію. Изъ судовыхъ списковъ въ Гуллѣ можно узнать, кому были проданы семь рыбачьихъ пароходовъ и освѣдомиться о фамиліи бывшихъ на нихъ лоцмановъ“. („Standard“).

Относительно офицеровъ и команды миноносцевъ можно найти два указанія.

Въ номерѣ отъ 17 сентября американской газеты „New York Sun“ на стр. 2 напечатано: „Въ ожиданіи Балтійской эскадры; говорятъ, что японская миноноска будетъ находиться въ готовности.“

„Эбердинъ. 16 сентября 1904 г. Сегодня прибывшій сюда на пароходѣ „Hagarth“ пассажиръ сообщаетъ, что на томъ-же

Digitized by Google

пароходѣ находились два японскихъ офицера и девять нижнихъ чиновъ, сѣвшихъ на пароходъ въ Лондонѣ.

„Немедленно по прибытіи въ Эбердинъ всѣ эти лица спрыгнули въ небольшую лодку и тотчасъ-же направились на ней къ какой-то таинственной, низкобортной посудинѣ, стоявшей въ ожиданіи на взморьѣ, очевидно, торпедной лодкѣ, которая, принявши команду, сейчасъ-же снялась и вышла въ море.

„Здѣсь думаютъ, что японцы намѣреваются подстеречь прохожденіе Балтійской эскадры".

Вторымъ указаніемъ было извѣстіе „Petit Journal" сообщавшее, что вышедшій въ началѣ октября изъ одной изъ германскихъ гаваней пароходъ и объявившій мѣстомъ своего назначенія Сенегалъ, по приходѣ въ Гулль спустилъ на берегъ двадцать японскихъ офицеровъ. Оставивъ ихъ, пароходъ продолжалъ свой путь. По моимъ личнымъ свѣдѣніямъ, на этомъ-же пароходѣ ѣхало одно лицо, состоящее на русской государственной службѣ. Прочіе пассажиры, не подозрѣвая происхожденія этого лица, не стѣсняясь предъ нимъ, вели разговоры, вовсе не скрывая, что они японскіе офицеры. По прибытіи въ Гулль ихъ уже не было на борту, оказалось, что на разсвѣтѣ они пересѣли въ катеръ, спеціально для нихъ подошедшій къ пароходу.

VI.

Такъ какъ весьма многіе заинтересованы въ томъ, чтобы все касающееся присутствія японскихъ миноносцевъ въ Сѣверномъ морѣ было окутано полнѣйшею тайною и такъ какъ они опасались какъ-бы истина всетаки не пробилась какимъ-нибудь образомъ наружу, то заблаговременно стали распускаться слухи, что будто-бы въ Гулль прибыли агенты русскаго правительства и пытались подкупить рыбаковъ къ дачѣ ложныхъ показаній: они будто-бы щедро поили рыбаковъ виномъ, добиваясь отъ нихъ заявленія, что рыбачья флотилія помогала японцамъ скрыть свои миноноски. При этомъ будто-бы не жалѣли денегъ и пятидесяти рублевыя бумажки сыпались какъ снѣгъ.

Корреспондентъ, враждебно относящейся вообще къ Россіи, газеты „Daily Mail", видѣлъ двухъ англичанъ Уельша и Беннета, которыхъ обвиняютъ въ подкупѣ свидѣтелей: оба они съ негодованіемъ отрицали будто они подпаивали рыбаковъ и раздавали имъ деньги. Десять рыбаковъ, какъ это было уже

Digitized by Google

раньше извѣстно изъ газетъ, утверждали, что въ ночь на 8 октября они видѣли у Доггеръ-банки среди рыбачьихъ судовъ миноносецъ или даже нѣсколько минныхъ судовъ. Четверо изъ нихъ, по собственному почину, выразили желаніе, въ случаѣ нужды, подтвердить это показаніе присягой. Одинъ изъ нихъ, а именно боцманъ съ парохода „Ava", и далъ такое присяжное показаніе предъ commissioner of oaths (судебнымъ чиновникомъ, предъ которымъ даютъ внѣ-судебныя показанія) и въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей; трое дали такое-же показаніе передъ русскимъ консуломъ. Остальные шестеро побоялись дать показанія въ пользу русскихъ, опасаясь пойти противъ желаній хозяевъ рыбачьей флотиліи.

Уельшъ и Беннетъ согласились подвергнуться по этому дѣлу перекрестному допросу; по словамъ корреспондента „Daily Mail": „въ теченіе цѣлаго часа они давали прямые, искренніе и совершенно ясные отвѣты на всевозможные вопросы. Искренность обоихъ совершенно очевидна". „Уельшъ и я, сказалъ Беннетъ", въ этомъ дѣлѣ помогаемъ русскому правительству. Мы уже четыре раза ѣздили въ Гулль по дѣлу, имѣющему отношеніе къ событію 8 октября. Въ первый разъ мы были тамъ 22 ноября и въ гостинницѣ „Suitor's Home" слышали, какъ рыбаки съ флотиліи Gamecock и другихъ открыто и безъ всякаго стѣсненія разсказывали о присутствіи въ ночь съ 8 на 9 октября на Доггеръ-банкѣ японскихъ миноносцевъ. Это заставило насъ обратить на нихъ разговоры вниманіе и познакомиться съ тѣми изъ рыбаковъ, которые сами лично видѣли миноносцы. Во время второй поѣздки въ Гулль мы встрѣтили тамъ трехъ рыбаковъ, которые, какъ намъ сказали, были готовы подтвердить подъ присягой, что они видѣли японскіе миноносцы. Мы прямо заявили этимъ рыбакамъ, что приглашены русскимъ правительствомъ для собиранія свѣдѣній о происшествіи 8 октября и предложили имъ идти къ русскому консулу и заявить передъ нимъ о томъ, что они знаютъ. Разговоръ этотъ велся открыто въ трактирѣ, гдѣ естественно были и другія лица. Рыбаки согласились идти къ русскому консулу и сказали при этомъ, что имъ должны заплатить за потерю времени. Мы отвѣтили имъ, что имъ будетъ заплачена обыкновенная поденная рабочая плата, такъ что они ничего не потеряютъ. Тогда они пошли съ нами къ консулу и дали у него показанія. Во время допроса мы не присутствовали и не знаемъ, что они показали. Двумъ изъ нихъ мы уплатили 12 шиллинговъ 6 пенсовъ каждому, т. е. поденную плату, которую они потеряли, оставшись въ этотъ день

Digitized by Google

безъ работы. Третій получилъ за потерю времени и безпокойство 5 шилинговъ 6 пенсовъ. Все это, въ свое время, было записано въ нашей книжкѣ".

Въ слѣдующее посѣщеніе Гулля Уельшъ и Беннетъ остановились въ другой гостинницѣ: „мы услыхали, что боцманъ съ парохода „Ava" говорилъ, что видѣлъ 8 октября на Доггеръ-банкѣ японскіе миноносцы, и пошли къ нему на квартиру. Онъ вышелъ къ намъ на улицу и мы сказали ему причину нашего посѣщенія.

„Мы просимъ васъ сказать намъ правду",—сказалъ я ему. „Боцманъ былъ совершенно трезвъ. Онъ сказалъ, что въ то самое время, когда тонулъ пароходъ „Crane", онъ видѣлъ среди рыбачьихъ судовъ миноносецъ. Мы спросили его тогда, подтвердитъ-ли онъ свое показаніе присягой, и онъ сказалъ, что подтвердитъ. На другой день утромъ мы опять пришли къ нему и пригласили его идти съ нами къ присяжному комиссару. Онъ сказалъ: „мнѣ надо идти на судно и я не могу терять даромъ времени". Мы тогда обѣщали ему заплатить за потерянный день. Но онъ возразилъ, что можетъ потерять работу на своемъ суднѣ и тогда этотъ день обойдется ему въ недѣлю.

„Я предложилъ ему тогда соверенъ (9 рублей), но онъ сказалъ, что это не вознаградитъ его, если онъ потеряетъ мѣсто. Тогда я лично отъ себя предложилъ ему два фунта стерлинговъ (19 рублей), хотя и не имѣлъ на это права, послѣ чего онъ согласился дать присяжное показаніе, и мы пошли къ присяжному комиссару. Комиссаръ записалъ все его показаніе, фразу за фразой, и каждую прочитывалъ ему вслухъ. А когда было записано все показаніе, то онъ опять медленно прочелъ его еще разъ съ начала до конца. Боцманъ сказалъ, что все записано вѣрно, и подписалъ свое показаніе. Вслѣдъ затѣмъ онъ пошелъ къ русскому вице-консулу и повторилъ передъ нимъ данное у присяжнаго комиссара показаніе. Послѣ этого онъ получилъ за потерю времени два фунта стерлинговъ.

„Во время трехъ нашихъ поѣздокъ въ Гулль мы все время слышали разговоры рыбаковъ, что на Доггеръ-банкѣ во время происшествія были японскіе миноносцы, и по крайней мѣрѣ десять человѣкъ утверждали, что сами видѣли—кто одинъ, а кто нѣсколько миноносцевъ. Только они боялись идти къ присяжному комиссару и подписать свои заявленія, такъ какъ хозяева рыбачьихъ судовъ почему-то желали, чтобы была извѣстна только одна сторона дѣла.

Digitized by Google

„Когда же мы поѣхали въ Гулль въ четвертый разъ, въ газетахъ напечатали, будто мы подкупаемъ рыбаковъ и намъ намекнули, что насъ бросятъ въ воду, если мы появимся въ докахъ. Поэтому мы и вернулись назадъ въ Лондонъ".

Что въ Лондонѣ имѣлись лица, которымъ дѣятельность Беннета была очень не по нутру, видно изъ лондонской телеграммы газеты „Matin", сообщавшей, что 11—24 декабря Беннетъ подалъ въ полицейскій участокъ на Леманъ-стритъ формальную жалобу на двухъ неизвѣстныхъ, которые напали на него и отняли портфель съ документами, причемъ не сдѣлали ни малѣйшей попытки ограбить его или отнять его деньги.

Вообще, какъ кажется, въ Лондонѣ не останавливаются ни передъ какимъ средствомъ, чтобы зажать ротъ истинѣ. На это намекаетъ и газета „The Universe" словами: „смѣло можно утверждать, что еслибы команда „Moulmein" не поспѣшила со своимъ правдивымъ заявленіемъ о видѣнныхъ ею въ ночь на 9-ое октября миноносцахъ, то ей бы навѣрное хорошо заплатили за ея молчаніе. Пожалуй и теперь еще попытаются прибѣгнуть къ этому могучему средству".

Не этимъ-ли обстоятельствомъ объясняется послѣдующая неразговорчивость команды „Moulmein", столь рѣзко отличающаяся отъ первыхъ показаній, данныхъ безотносительно къ какимъ-либо постороннимъ вліяніямъ?

Въ недавнюю бытность мою въ Лондонѣ мнѣ довелось узнать, что японскіе эмиссары дѣлали многимъ матросамъ предложенія о заключеніи контракта, которымъ обусловливалось, что этотъ матросъ обязуется, немедленно по полученіи приказанія, поступить на одно иностранное судно и выйти на немъ въ море. Одинъ изъ приписанныхъ къ лондонскому порту матросовъ заявлялъ о томъ, какъ говорятъ, нашему тамъ морскому агенту.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней существовало предположеніе, что нашлось вещественное доказательство нападенія японскихъ миноносцевъ на Балтійскую эскадру. Пришло извѣстіе, что къ датскому берегу близъ Хьерринга прибило моремъ мину. Датское правительство послало даже канонерку „Guldborgsund" спеціально для того, чтобы привезти эту мину въ Копенгагенъ для изслѣдованія. Къ сожалѣнію, оказалось, однако, что эта мина не боевая, а учебная, и что вмѣсто патрона съ взрывчатымъ веществомъ на концѣ ея находится свинцовая пробка съ петлей для прикрѣпленія веревки, при помощи которой мину можно притягивать обратно на судно, съ

Digitized by Google

котораго она была выпущена. Тщательное ея изслѣдованіе установило, что мина эта принадлежала, по всей вѣроятности, какому-либо учебному судну германскаго или англійскаго флота.

Противники мысли о нахожденіи японскихъ миноносцевъ въ Сѣверномъ морѣ возбуждали вопросъ, какимъ образомъ могли бы тамъ очутиться такіе миноносцы, такъ какъ всѣ слухи о нахожденіи японскихъ военныхъ судовъ въ водахъ Англіи, Швеціи и Норвегіи категорически опровергаются оффиціальными заявленіями правительствъ этихъ странъ.

Конечно, едва-ли возможно допустить, что японскіе миноносцы явились къ Доггеръ-банкѣ подъ своими парами, такъ какъ имъ для этого пришлось бы сдѣлать вокругъ мыса Доброй Надежды около 20000 миль. А такъ какъ лучшія миноносныя суда имѣютъ радіусъ плаванія не свыше 3500 миль, то для пополненія своихъ угольныхъ ямъ они должны были бы заходить по пути нѣсколько разъ въ порты африканскаго побережья. Скрыть движеніе миноносной флотиліи на протяженіи 20000 миль при такихъ условіяхъ представляется маловѣроятнымъ, а иностранные консула не преминули бы донести о томъ своимъ правительствамъ.

Допустимо скорѣе другое предположеніе: миноносцевъ могли сопровождать нѣсколько угольныхъ транспортовъ изъ огромнаго коммерческаго флота Японіи. Транспорты, не возбуждая ничьихъ подозрѣній, могли пополнять свои запасы въ нейтральныхъ портахъ и перегружать уголь на миноносцы въ открытомъ морѣ.

Наконецъ, японцы могли погрузить нѣсколько миноносцевъ среднихъ размѣровъ на большія транспортныя суда и въ полной безопасности доставить ихъ куда-нибудь въ Сѣверное море. Съ этимъ соображеніемъ не лишне сблизить цитированное выше свѣдѣніе, неоднократно появлявшееся во всѣхъ газетахъ, что японское правительство заказывало маленькіе разборные миноносцы, легко затѣмъ собираемые, которые могутъ быть спущены въ воду съ какихъ угодно судовъ и въ какихъ угодно пунктахъ.

Остается, впрочемъ, еще одно предположеніе, едва ли не самое вѣроятное, а именно, что японскіе миноносцы, игравшіе роль у Доггеръ-банки, были пріобрѣтены въ Европѣ. Такое предположеніе было между прочимъ сдѣлано въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ [1]) управляющимъ

[1]) Биржевыя Вѣдомости, 18 октября 1904.

Digitized by Google

дѣлами комитета Дальняго Востока, контръ-адмираломъ Абазой, который добавилъ: „конечно, это только предположеніе, что суда эти пріобрѣтены въ Европѣ. За Францію мы можемъ поручиться, что она этого не сдѣлала бы, Германія также; не могли сдѣлать этого ни Данія, ни Голландія. Такимъ образомъ, вопросъ остается открытымъ впредь до выясненія, котораго ожидать довольно трудно, такъ какъ тамъ, гдѣ суда изготовлялись и были проданы, приняты, безъ сомнѣнія, всѣ мѣры къ сохраненію этого въ тайнѣ".

Не раскрываетъ ли нѣсколько загадки происхожденія миноносцевъ, о которыхъ идетъ рѣчь, письмо князя Д. Д. Оболенскаго, появившееся въ октябрѣ 1904 года въ „Волжскомъ Листкѣ"? Вотъ это письмо in extenso: „Въ февралѣ сего года, только что началась война, одна очень извѣстная англійская фирма, занимающаяся кораблестроеніемъ, прислала своего агента въ Петербургъ предложить русскому правительству продать ему съ своей частной верфи 10 миноносцевъ (ходъ 32 узла), 2 контръ-минопосца и 2 крейсера. Агентъ этой фирмы, русскій отставной офицеръ, [1]) усиленно хлопоталъ о продажѣ этихъ судовъ, ибо ему было сказано, что если въ Петербургѣ не купятъ, то японцы съ удовольствіемъ возьмутъ ихъ. Агентъ обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ, такъ какъ я когда-то занимался крупными дѣлами, и я далъ ему кой-какія указанія.

„Морское министерство заинтересовалось этимъ предложеніемъ и занялось выкладками и расчетами, относительно быстроходности миноносокъ, а вся наша бѣда именно въ томъ, что наши миноноски идутъ тише японскихъ. Я же съ своей стороны обратился въ Москвѣ къ городскому головѣ и нѣсколькимъ вліятельнымъ лицамъ биржи, предлагая имъ купить эти миноноски и поднести ихъ въ подарокъ русскому флоту, на усиленіе котораго именно Москва и собирала деньги. Случай былъ прекрасный — деньги прямо угодили бы въ цѣль, да и фирмѣ англійской покупка судовъ частными лицами облегчила бы выводъ этихъ судовъ изъ англійскихъ гаваней. Но, какъ всегда, пошла безконечная переписка и дѣло кончилось тѣмъ, что агентъ получилъ телеграмму отъ фирмы, что миноносцы проданы... Японіи. При этомъ еще узнали, что миноносцы эти подъ разными благовидными предлогами направлены въ Швецію, причемъ указывали даже гавань Вардэ. Я тогда же обратилъ на это вниманіе

[1]) И. А. Бургхардтъ.

Digitized by Google

кого слѣдуетъ, но никто, кажется, серьезно не вѣрилъ въ это сообщеніе.

„Прочтя сообщеніе объ инцидентѣ съ нашей эскадрой, я невольно вспомнилъ миноносцы, отправленные въ Швецію, а можетъ быть и оставшіеся въ Англіи до удобнаго момента".

Безпристрастныя англійскія газеты, давно уже указывали, что близкій къ Гуллю Ньюкастль съ Тайнсайдомъ — это японскій Портсмутъ по количеству строящихся тамъ японскихъ военныхъ судовъ и множеству тамъ проживающихъ ученыхъ японскихъ офицеровъ, слѣдящихъ за работой.

„The Universe" говорилъ, правда, что *открыто* Англія не имѣетъ права передать эти суда своей союзницѣ, но вѣдь всему міру доподлинно извѣстно, что, въ случаѣ надобности, Великобританія не привыкла стѣсняться этическими соображеніями.

Главнымъ аргументомъ перваго министра Великобританіи, Бальфура, противъ присутствія на Доггеръ-банкѣ японскихъ миноносцевъ была невозможность будто-бы для Японіи провести торпедныя лодки въ Сѣверное море безъ вѣдома Англіи.

Теперь уже всѣмъ извѣстно, что возможность такого факта блистательно была доказана однимъ русскимъ агентомъ, доставившимъ въ Либаву прекрасное быстроходное судно „Carolina".

Вслѣдъ за возникновеніемъ гулльскаго инцидента, лондонскій корреспондентъ петербургской газеты „Новости" сообщилъ о таинственномъ исчезновеніи двухъ турбинныхъ лодокъ, находившихся на верфяхъ Ярроу въ устьѣ Темзы.

Владѣлецъ этихъ верфей въ письмѣ на имя редактора „Daily Graphic" поспѣшилъ тогда-же опровергнуть названное сообщеніе, имѣющее чрезвычайно важное значеніе для опредѣленія факта, могли-ли японцы безъ вѣдома англійскаго правительства вообще пріобрѣсти миноноски въ англійскихъ водахъ.

Между тѣмъ, $^{8}/_{21}$ ноября въ одной изъ американскихъ газетъ появилась краткая замѣтка о доставкѣ одного контръминоносца тою-же фирмой Ярроу въ Либаву. Тогда всполошились редакціи газетъ „Standard", "Daily Express", „Morning Post" и „Leader Post" ирѣшили нарядить цѣлое слѣдствіе, чтобы убѣдиться, насколько справедливо американское сообщеніе. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ направленіи былъ одинъ изъ наиболѣе руссофобскихъ органовъ лондонской печати „Daily Express". Онъ разсуждалъ такъ: „Можетъ-ли британское правительство съ полною увѣренностью въ своей правотѣ утверждать, что Японіи или какой-нибудь другой державѣ не

Digitized by Google

доставлены изъ Англіи военныя суда? Я думаю, каждый пойметъ значеніе этого вопроса въ настоящій моментъ. Если возможенъ хотя-бы одинъ случай, когда той или другой державѣ удалось, помимо вѣдома британскаго правительства, купить у Англіи хотя-бы одно судно, то, очевидно, ни одинъ уважающій себя англійскій сановникъ не рѣшится заявить всенародно: „я увѣренъ, что въ англійскихъ водахъ у Доггеръ-банки не было и не могло быть японскихъ миноносцевъ".

Газета поставила себѣ цѣлью во что бы то ни стало провѣрить слухи о доставкѣ въ Россію одного или двухъ миноносцевъ, построенныхъ на Темзѣ, и произведенное ею, совмѣстно съ другими газетами, строгое разслѣдованіе, привело ее къ убѣжденію, что „по крайней мѣрѣ одинъ миноносецъ прибылъ 2/15 октября въ Либаву изъ Темзы".

„Standard", при этомъ, разсказалъ, что англійскій судостроительный заводъ въ Ярроу сообщилъ адмиралтейству въ сентябрѣ мѣсяцѣ, что имъ было получено отъ нѣкоего Сеннета, проживающаго въ Парижѣ, предложеніе продать находившееся на верфи завода быстроходное судно „Carolina", могущее быть яхтой или контръ-миноносцемъ. Адмиралтейство увѣдомило объ этомъ министра иностранныхъ дѣлъ, который поручилъ произвести разслѣдованіе въ Парижѣ. Разслѣдованіе это привело къ возникновенію подозрѣнія относительно конечнаго назначенія судна. Поэтому, заводу въ Ярроу было предписано не сдавать контръ-миноносца. Но распоряженіе пришло слишкомъ поздно, такъ какъ этотъ послѣдній, подъ предлогомъ пробнаго испытанія скорости хода, съ вѣдома таможенныхъ чиновниковъ, ускользнулъ съ превеликой легкостью изъ Темзы, прошелъ Кильскій каналъ и явился въ Либаву.

„Daily Express" самъ испугался послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ произведеннаго имъ же тщательнаго слѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, если одинъ или два миноносца, помимо вѣдома британскаго адмиралтейства, вышли изъ Темзы и благополучно прибыли въ Либаву, то почему же четыре другихъ миноносца не могли, также помимо вѣдома британскаго адмиралтейства, очутиться въ рукахъ японскихъ агентовъ, находящихся въ Гуллѣ или въ другомъ англійскомъ портѣ?

По тому же поводу „Standard" замѣтилъ: „Уходъ миноносца изъ Темзы въ Либаву очень скверная штука, такъ какъ японцы имѣютъ лишній поводъ къ справедливому неудовольстцію, а Россіи этотъ доказанный фактъ сослужитъ большую службу въ глазахъ международной слѣдственной комиссіи". Почтенная газета не договариваетъ, однако, еще одного сооб-

Digitized by Google

раженія, а именно, что противозаконныя передвиженія судовъ могли бы имѣть для Англіи тяжелыя матеріальныя послѣдствія: Японія могла бы требовать удовлетворенія за „Carolina“, а Россія—за какія-нибудь другія суда, добытыя Японіей. Еще сравнительно такъ недавно, происходилъ третейскій судъ по поводу продажи Англіей южнымъ штатамъ знаменитаго крейсера „Alabama“ во время гражданской войны въ Соединенныхъ Штатахъ.

Построенный и вооруженный въ Ливерпулѣ, каперъ „Alabama“ причинилъ огромные убытки американской торговлѣ. Такъ какъ Англія не старалась препятствовать выходу конфедеративныхъ каперовъ изъ англійскихъ гаваней, то вашингтонскій кабинетъ усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе нейтралитета и потребовалъ отъ великобританскаго правительства полнаго возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ этими каперами имуществу американскихъ гражданъ.

Третейскій судъ собрался въ Женевѣ и приговоромъ, обнародованнымъ 15 сентября 1872 г., призналъ отвѣтственность Англіи и присудилъ ее уплатить Сѣверо-американскимъ Соединеннымъ Штатамъ 3.229.166 фунтовъ стерлинговъ, т. е. почти тридцать два милліона рублей. Перспектива возможности повторенія подобнаго же исхода весьма естественно вызываетъ у англичанъ ощущенія, довольно далекія отъ пріятныхъ.

Изъ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла теперь можно считать вполнѣ установленнымъ фактъ, что въ ночь съ 8 на 9 октября на Доггеръ-банкѣ могли находиться и дѣйствительно находились японскіе миноносцы и что, слѣдовательно, ради спасенія эскадры, генералъ-адъютантъ Рожественскій имѣлъ не только право, но и обязанность поступить такъ, какъ онъ поступилъ, не останавливаясь предъ соображеніемъ, что выстрѣлами съ русскихъ судовъ могъ быть причиненъ вредъ и нейтральнымъ судамъ.

Очень образно выразился одинъ англійскій адмиралъ въ дни наибольшаго возбужденія англичанъ противъ образа дѣйствій русской эскадры, сказавъ: „Если бы я увидѣлъ, что къ ввѣренной мнѣ эскадрѣ приближается какой-либо миноносецъ, то я сначала выстрѣлами потопилъ бы его, а затѣмъ уже спросилъ, какой онъ былъ національности“.

Что касается судьбы второго японскаго миноносца, видѣннаго рано утромъ 9-го октября по близости отъ мѣста потопленія перваго миноносца, то вслѣдствіе полученныхъ поврежъ-

Digitized by Google

деній онъ могъ затонуть самъ или же для сокрытія слѣдовъ былъ пущенъ ко дну собственною командою, которая могла перебраться на одно изъ рыбачьихъ судовъ. Быть можетъ къ нему же относится сообщеніе капитана шхуны „Guyana“ Вальгрина, который 9-го октября близъ Доггеръ-банки замѣтилъ паровое судно неизвѣстной національности, подававшее сигналы бѣдствія. По сообщенію „Königsberger Zeitung“ судно это затонуло раньше, чѣмъ „Guyana“ успѣла подойти къ нему на помощь.

В. Тепловъ.

27 января 1905 г.

Digitized by Google

Военное обозрѣніе.

Краткій очеркъ борьбы за обладаніе Квантунскимъ полуостровомъ и крѣпостью Портъ-Артуръ.

Дѣйствія на морѣ до высадки японцевъ въ Бидзы-во. — Силы для обороны Портъ-Артура. — Высадка японцевъ послѣ Тюренчена по линіи Бидзы-во — Терминаль. — Тайфунъ и нашъ пассивный образъ дѣйствій. — Сосредоточеніе арміи Оку въ районѣ Пуландянъ—Видзы-во. — Переходъ генерала Фока въ наступленіе для выясненія обстановки. — Отступленіе къ Цзинчжоу. — Сраженіе у Цзинчжоу. — Взятіе японцами Цзинчжоу и значеніе этого событія.—Занятіе японцами Дальняго. — Сформированіе осадной арміи. — Наступленіе японцевъ къ Лунвантаню. — Наступленіе отъ Ингендзы къ Волчьимъ горамъ. — Взятіе японцами Волчьихъ горъ.—Выходъ нашей эскадры съ цѣлью прорваться къ Владивостоку. — Неудача этой попытки и возвращеніе большей части эскадры въ Портъ-Артуръ.—Начало непосредственныхъ дѣйствій противъ крѣпости.—Постепенное выясненіе главной атаки. — Наступленіе на сѣверный фронтъ.—Взятіе передовыхъ фортовъ и другихъ временныхъ укрѣпленій.—Положеніе Портъ-Артура.—Рядъ штурмовъ и ихъ значеніе.—Постепенный ходъ осады въ теченіе сентября, октября и ноября. — Японцы овладѣваютъ контръ-эскарпами атакованныхъ фортовъ. — Взятіе Высокой горы. — Почти рѣшающее значеніе этого событія.—Бомбардировка крѣпости изъ 11 дюймовыхъ мортиръ.—Разгромъ нашего флота.—Взятіе фортовъ главной линіи обороны.—Сдача Портъ-Артура.—Значеніе этого событія и его вліяніе на общій ходъ войны.—Общая оцѣнка дѣйствій.

19-го декабря 1904 года надъ крѣпостью Портъ-Артуръ былъ поднятъ бѣлый флагъ и генералъ Стессель послалъ къ командующему японской осадной арміей генералу Ноги парламентеровъ съ предложеніемъ приступить къ переговорамъ объ условіяхъ сдачи крѣпости. Съ этого момента были пріостановлены военныя дѣйствія вплоть до окончанія перего-

Digitized by Google

воровъ, которые, какъ извѣстно, завершились сдачей крѣпости, а потому 19 декабря слѣдуетъ считать послѣднимъ днемъ борьбы за обладаніе Портъ-Артуромъ.

Паденіе Портъ-Артура отозвалось болѣзненнымъ, тяжкимъ ударомъ въ русскихъ сердцахъ. Что нужды въ томъ, что каждый зналъ, что всему бываетъ конецъ, что не можетъ крѣпость, къ тому-же недостаточно снабженная, не пасть, хотя бы и послѣ упорнаго сопротивленія. Да, мы знали все это, и тѣмъ не менѣе ударъ былъ слишкомъ тяжелъ и даже неожиданъ. Хотя и ожидали конца, но все-же онъ наступилъ какъ-то слишкомъ быстро.

Теперь, когда острое чувство боли хотя немного притупилось, мы хотимъ дать общую картину борьбы за обладаніе Квантунскимъ полуостровомъ и крѣпостью Портъ-Артуръ. Считаемъ нужнымъ снова оговориться, что на основаніи имѣющихся данныхъ мы дѣйствительно можемъ касаться лишь общаго хода событій и лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Когда въ ночь съ 26 на 27 января японскіе миноносцы атаковали наши суда, стоявшія на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура, въ это время крѣпость уже обладала гарнизономъ въ 10.000 человѣкъ и кромѣ того для обороны Квантунскаго полуострова былъ выдѣленъ отдѣльный корпусъ (двѣ дивизіи) генерала Стесселя. Одна изъ дивизій была въ Дальнемъ, другая занимала нѣкоторые пункты частью на Квантунскомъ полуостровѣ, частью къ сѣверу отъ Цзинчжоускаго перешейка.

Такимъ образомъ для предстоящей обороны полуострова и крѣпости въ распоряженіи генерала Стесселя имѣлся отрядъ въ 40 тысячъ человѣкъ, не считая моряковъ. Число-же матросовъ на судахъ нашей эскадры простиралось приблизительно до 10.000 человѣкъ.

Первый періодъ дѣйствій противника противъ крѣпости состоялъ исключительно изъ морскихъ операцій и продолжался съ 27 января до конца апрѣля. Дѣйствія японцевъ состояли въ бомбардировкѣ крѣпости изъ 12 дюймовыхъ орудій Армстронга и въ многократныхъ попыткахъ заградить выходъ нашего флота изъ внутренняго рейда брандерами. Обстрѣливаніе крѣпости при такихъ условіяхъ, конечно, не могло имѣть существеннаго значенія и главную цѣль стрѣльбы слѣдуетъ видѣть въ томъ, что японцы старались перекидными выстрѣлами повредить наши суда и во всякомъ случаѣ сдѣлать пребываніе для нихъ во внутреннемъ рейдѣ невозможнымъ. А если-бы наши суда вышли на внѣшній рейдъ, то тотчасъ-же они подверглись-бы атакѣ многочисленныхъ японскихъ мино-

Digitized by Google

носцевъ. Поэтому наша эскадра большую часть времени проводила на внутреннемъ рейдѣ и только во время бомбардировокъ выходила на внѣшній рейдъ. Но такъ какъ наша эскадра, особенно въ виду поврежденій „Ретвизана“ и „Цесаревича“, значительно уступала въ силѣ эскадрѣ адмирала Того, то о единоборствѣ обоихъ флотовъ нечего было и думать. Изрѣдка, правда, происходили отдѣльныя попытки отрядовъ нашихъ миноносцевъ и крейсеровъ, но по большей части они кончались для насъ неудачно. Выходъ-же къ островамъ Мяодао всей эскадры подъ начальствомъ адмирала Макарова закончился гибелью „Петропавловска“. Что-же касается попытки загражденія входа въ гавань брандерами, то эти попытки, сами по себѣ безумно-смѣлыя, не дали нашему противнику непосредственныхъ результатовъ. Только послѣдняя атака удалась настолько, что входъ въ гавань былъ загражденъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Тѣмъ не менѣе главный и весьма существенный выигрышъ для японцевъ состоялъ въ томъ, что при отраженіи этихъ ночныхъ атакъ намъ приходилось тратить громадное количество снарядовъ, и этотъ фактъ являлся крайне тягостнымъ для недостаточно снабженной крѣпости.

Въ такой неравной борьбѣ прошло почти три мѣсяца. Въ теченіе этого времени принимались, надо думать, всѣ мѣры, чтобы подготовить крѣпость къ предстоявшей борьбѣ и снабдить ее всѣмъ необходимымъ. Какъ велики были всѣ недочеты, что не успѣли выполнить и почему, — всѣ эти животрепещущіе вопросы могутъ быть выяснены лишь впослѣдствіи. Отмѣтимъ только, что уже теперь появляется цѣлый рядъ глухихъ намековъ, что все дѣло обороны было поставлено далеко небезукоризненно. Укажемъ хотя-бы на общеизвѣстный фактъ, когда полковникъ Спиридоновъ лично провелъ цѣлый поѣздъ со снарядами въ Портъ-Артуръ, подвергаясь чрезвычайной опасности, такъ какъ японцы уже разъ перервали желѣзнодорожный путь и находились въ непосредственной близости отъ станціи Пуландянъ. Не ясно-ли, что только крайняя необходимость могла заставить везти снаряды при такихъ исключительныхъ условіяхъ, ибо на поѣздѣ все было приготовлено къ взрыву въ случаѣ нападенія противника.

Итакъ, крѣпость готовилась къ осадѣ.

Послѣ Тюренчена (18 апрѣля) армія Куроки двинулась къ Фынхуанчену и обезпечила побережье Корейскаго залива отъ дѣйствій нашихъ войскъ, расположенныхъ отъ Ляояна до Гойчжоу.

Вслѣдъ за симъ японскіе транспорты съ войсками, на-

Digitized by Google

ходившіеся въ группѣ острововъ Элліотъ, взошли въ бухту Бидзыво (здѣсь была произведена высадка и въ минувшую японо-китайскую войну 1894 — 95 г.г.) и на протяженіи отъ Бидзыво до мыса Терминаль была произведена высадка арміи Оку. Первые эшелоны были высажены 22 апрѣля, а на другой день, 23 апрѣля, численность высадившихся войскъ уже состояла около одной дивизіи.

Ближайшимъ результатомъ высадки было прекращеніе сообщеній съ Портъ-Артуромъ, вѣрнѣе, со всѣмъ Квантунскимъ полуостровомъ

Однако, это сообщеніе было прервано не сразу и былъ моментъ, когда высадившіяся войска противника оказались въ довольно критическомъ положеніи. „23-го апрѣля", доносилъ генералъ Флугъ, „пассажирскій поѣздъ, не доходя 2 верстъ до станціи Бафандянъ (101 верста къ сѣверу отъ Дальняго), подвергся обстрѣливанію японской пѣхоты"... Это былъ передовой отрядъ авангарда, высланнаго изъ бухты Бидзыво. Казалось бы, что японцы просто перервутъ всякое сообщеніе, но въ ближайшіе дни было замѣчено, что высланные по разнымъ направленіямъ изъ Бидзыво авангарды противника стали спѣшно и безъ видимой причины отходить назадъ.

А между тѣмъ причина была, и достаточно серьезная. На морѣ разразился страшный ураганъ—тайфунъ, разметавшій бонъ, которымъ японцы ограждали районъ вылазки отъ весьма возможныхъ (но, къ сожалѣнію, не бывшихъ) атакъ нашихъ многочисленныхъ миноносцевъ. Японцы прервали дессантную операцію и отвели транспортныя суда къ островамъ Элліотъ. Отрядъ, уже высаженный, былъ временно предоставленъ на произволъ судьбы.

Мы считаемъ этотъ моментъ чрезвычайно важнымъ. Японцы, вѣрные своей осторожности, тотчасъ же по высадкѣ возвели цѣлый рядъ укрѣпленій, но несомнѣнно, что силы ихъ были недостаточны для успѣшной обороны.

Какъ бы то ни было, но этого не случилось, и черезъ три дня, когда буря утихла, дальнѣйшая высадка продолжалась безъ всякихъ помѣхъ и осложненій. 28 апрѣля японцы заняли станцію Пуландянъ и сообщеніе съ Портъ-Артуромъ было на этотъ разъ прервано окончательно.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ дней, въ теченіе которыхъ японцы продолжали сосредоточивать свою армію на линіи Пуландянъ-Бидзыво и медленно продвигаться своими авангардами къ Цзинчжоускому перешейку. 2-го мая, для

Digitized by Google

выясненія обстановки, наши войска, силою около одной дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генерала Фока произвели усиленную развѣдку къ сѣверу отъ Цзинчжоу по направленію къ станціи Саншилингоу, съ цѣлью подробнаго выясненія силъ противника. 3-го мая, у Саншилингоу произошелъ первый бой за обладаніе Цзинчжоусской позиціей. Японцы обнаружали значительныя силы — около трехъ дивизій — и наши войска отошли къ Цзинчжоу.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе десяти дней японцы дѣятельно готовились къ атакѣ нашей позиціи. Позиція у Цзинчжоу лежитъ въ 2—3 верстахъ къ югу отъ этого города. Море съ обѣихъ сторонъ (востока и запада) врѣзывается въ узкій перешеекъ, наименьшая ширина котораго не превышаетъ 4-хъ верстъ. Такимъ образомъ фланги позиціи были обезпечены отъ обхода, а небольшое протяженіе позволяло занять ее весьма прочно. Позиція была чрезвычайно сильно укрѣплена. Здѣсь былъ возведенъ цѣлый рядъ укрѣпленій и батарей, вооруженныхъ осадными орудіями. Впереди позиціи была цѣлая система многочисленныхъ искусственныхъ препятствій, изъ которыхъ главную роль играли проволочныя сѣти и фугасы. Въ общемъ позиція была весьма сильная и многими считалась неприступной.

Занятіе Цзинчжоусской позиціи и упорная оборона ея были вызваны тѣми соображеніями, что ставили противника въ необходимость потратить не мало времени и средствъ, чтобы овладѣть этимъ важнымъ участкомъ, безъ котораго было немыслимо дальнѣйшее движеніе къ Артуру отъ Цзинчжоу до крѣпости около 40 верстъ. Занимая на этомъ протяженіи цѣлый рядъ опорныхъ пунктовъ, заблаговременно укрѣпленныхъ, цѣпляясь за каждую высоту, каждую оборонительную линію, мы неизмѣримо увеличивали разстояніе до крѣпости и на долго отдаляли самую возможность непосредственныхъ дѣйствій противъ нея.

Съ этой точки зрѣнія Цзинчжоусская позиція обладала огромнымъ значеніемъ. По своему исключительно выгодному положенію, она являлась воротами, которыя запирали доступъ на весь Квантунскій полуостровъ. И намъ невольно думается, что, быть можетъ, и вся борьба имѣла бы совершенно иной исходъ, если бъ у Цзинчжоу была заблаговременно создана цѣлая крѣпость, съ рядомъ долговременныхъ фортовъ. И тогда, чтобы открыть себѣ доступъ къ Артуру, японцамъ понадобилось бы не 10 дней, а по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ...

Въ общемъ борьба за Цзинчжоусскую позицію сложилась

Digitized by Google

слѣдующимъ образомъ: первые три дня, съ 9 по 11 мая, произошелъ рядъ авангардныхъ боевъ, послѣ чего наши войска отошли на заранѣе укрѣпленную позицію. 12 мая главныя силы противника находились всего въ 3—4 верстахъ отъ нашей позиціи. Возвышенные пункты впереди нашей позиціи были заняты непріятельской артиллеріей, причемъ часть орудій была большого калибра.

Артиллерійское состязаніе продолжалось весь день 12 мая, но не дало сколько-нибудь доказательныхъ результатовъ. Перешедшіе въ наступленіе японцы были отбиты. Но на слѣдующій день обстановка сильно измѣнилась. Повидимому, занимая позицію, мы считали себя обезпеченными съ фланговъ и, во всякомъ случаѣ, болѣе опасались за свой правый флангъ, куда и была прислана изъ Портъ-Артура канонерская лодка для обстрѣливанія лѣваго фланга японцевъ. Но на нашемъ лѣвомъ флангѣ не было принято никакихъ мѣръ для обезпеченія позиціи съ моря.

И вотъ 13 мая здѣсь появилось нѣсколько канонерскихъ лодокъ и миноносцевъ, которые огнемъ своихъ орудій стали жестоко обстрѣливать всю нашу позицію во флангъ. По донесенію генерала Стесселя цѣлыя батареи оказались, въ буквальномъ смыслѣ слова, „срытыми“. Подъ покровительствомъ этого убійственнаго огня японская пѣхота пошла въ обходъ нашего лѣваго фланга, причемъ люди шли по горло въ водѣ.

Этими дѣйствіями была рѣшена участь Цзинчжоусской позиціи. Наши войска отступили вглубь Квантунскаго полуострова, предоставляя японцамъ безъ борьбы и городъ Дальній, такъ много намъ стоившій и принесшій такъ мало пользы.

17 мая японцы заняли Дальній и принялись очищать его рейдъ отъ минъ.

Дальній былъ избранъ базой для осадной арміи, предназначенной для овладѣнія Портъ-Артуромъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца японцы дѣятельно готовились къ предстоящей серьезной операціи. Въ Дальній непрерывно подвозились войска, орудія всѣ средства для осады.

Итакъ, въ теченіе второй половины мая и первой половины іюня шли приготовленія для осады Артура, и въ это-же время на Ляодунскомъ полуостровѣ всѣ три японскія арміи Оку, Нодзу и Куроки медленно продвигались къ Ляояну. Получалась полная картина одновременнаго преслѣдованія двухъ цѣлей и приходилось читать цѣлый рядъ упрековъ и насмѣшекъ о „неправильной“ стратегіи нашего противника. А между тѣмъ такое двойственное рѣшеніе было строго соображено со

Digitized by Google

всею совокупностью чрезвычайно сложной обстановки, и нашъ противникъ не могъ поступить иначе.

Съ момента взятія Цзинчжоу и сформированія отдѣльной осадной арміи два пункта приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе — Портъ-Артуръ и Ляоянъ. На сѣверѣ къ Ляояну стягивалось около 300.000 чел., а на югѣ оперировала 100.000 армія Ноги.

Уже одно это распредѣленіе японскихъ войскъ ясно показывало, гдѣ главный театръ войны и въ чемъ лежитъ рѣшеніе участи всей войны. Эта участь всецѣло зависѣла и будетъ зависѣть отъ результатовъ борьбы между главными силами обѣихъ сторонъ, т. е. въ Манчжуріи. А между тѣмъ, всеобщее и напряженное ожиданіе исхода борьбы за Портъ-Артуръ, участь этой крѣпости наиболѣе тревожила и волновала всѣхъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что весь міръ слѣдилъ съ нескрываемымъ интересомъ за малѣйшими перипетіями этой тяжелой драмы, которая происходила въ теченіе 8 мѣсяцевъ на Квантунскомъ полуостровѣ.

Какія же причины обусловили такое вниманіе къ этой, хотя и первоклассной крѣпости, но, очевидно, и на этотъ разъ безусловно второстепенному театру войны?

Слѣдуетъ признать, что Портъ-Артуръ имѣлъ весьма серьезное и сложное значеніе. Являясь весьма важнымъ опорнымъ пунктомъ на сушѣ, онъ въ то же время служилъ единственнымъ убѣжищемъ для нашего флота. Присутствіе нашей эскадры придавало ему несомнѣнно большую цѣнность. Врядъ ли кто станетъ отрицать, что японцы далеко не такъ энергично вели-бы осаду и не придали-бы взятію Артура столь важнаго значенія, если-бы тамъ не было нашего флота. А пока существовалъ нашъ флотъ, до тѣхъ поръ и эскадра адмирала Того была по необходимости прикована къ Квантунскому полуострову.

Отсюда слѣдуетъ, что Портъ-Артуръ имѣлъ весьма важное стратегическое значеніе. Но къ этому слѣдуетъ присоединить и политическія причины.

Достаточно вспомнить, какое впечатлѣніе произвелъ во всей Японіи протестъ Россіи, поддержанный Германіей и Франціей въ апрѣлѣ 1895 года, противъ прелиминарнаго Симоносекскаго договора. По этому договору, подписанному 17 апрѣля 1895 года уполномоченными обѣихъ сторонъ, Японія получила отъ Китая въ ряду другихъ уступокъ весь Ляодунскій полуостровъ къ югу отъ линіи Нью-Чжуанъ-Андунъ.

Японскій народъ радостно встрѣтилъ извѣстіе о заключеніи

Digitized by Google

мира и привѣтствовалъ условія договора. Однако, исполненіе вышеуказаннаго пункта объ уступкѣ Ляодуна встрѣтилось съ цѣлымъ рядомъ затрудненій. Честолюбивыя стремленія Японіи создать изъ этого полуострова опорный пунктъ для пріобрѣтенія политическаго и экономическаго господства не только надъ Кореей, но и надъ Китаемъ, вызвали рѣшительные протесты со стороны заинтересованныхъ на востокѣ европейскихъ державъ и прежде всего Россіи.

Сознавалось ясно, что энергія японцевъ не могла, конечно, остановиться на простомъ подчиненіи Китая и Кореи своему вліянію. Японія постаралась бы вызвать къ жизни и усиленной дѣятельности государство, которое до сихъ поръ цѣлые вѣка находилось въ состояніи сна и покоя. Пробужденіе же многомилліоннаго монгольскаго племени грозило намъ опасностью не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи.

Вотъ почему Россія, защищая свои интересы на Дальнемъ Востокѣ, выступила съ протестомъ противъ Симонесекскаго договора. Къ протесту Россіи присоединились Германія и Франція, и 23 апрѣля 1895 года представители этихъ трехъ державъ предъявили въ Токіо японскому правительству ноту, въ которой протестовали противъ уступки Ляодунскаго полуострова, считая присутствіе японцевъ въ этой части материка постоянной угрозой Китаю и полнымъ разрушеніемъ политическаго равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ европейскія державы давали Японіи „дружественный“ совѣтъ—отказаться отъ присоединенія Ляодуна и получить взамѣнъ территоріальнаго вознагражденія соотвѣтственное увеличеніе общей суммы наложенной на Китай контрибуціи.

Этимъ протестомъ японское правительство было поставлено въ весьма затруднительное положеніе. Уже условія Симонесекскаго договора встрѣтили недовольство въ военной партіи, считавшей ихъ несоотвѣтствующими тѣмъ успѣхамъ, которые были одержаны японской арміей. Теперь же и эти условія должны были быть измѣнены, причемъ Японія теряла самое крупное, важное, и самое дорогое для нея пріобрѣтеніе.

Когда эти требованія сдѣлались извѣстными странѣ, то они вызвали чрезвычайное и всеобщее неудовольствіе, но вскорѣ Японія убѣдилась, что ни ея денежные рессурсы, ни состояніе флота не давали шансовъ на успѣхъ для борьбы съ новымъ „тройственнымъ“ союзомъ. Внимательно взвѣсивъ всѣ условія, Японія, скрѣпя сердце, согласилась отказаться отъ присоединенія Ляодунскаго полуострова, подъ условіемъ

Digitized by Google

вознагражденія въ 140 мил. рублей. Сдѣланная при этомъ попытка удержать за собой хотя бы Портъ-Артуръ встрѣтила энергичное противодѣйствіе тѣхъ же державъ.

Въ виду всего вышеозначеннаго становится яснымъ, какое значеніе имѣлъ для Японіи Портъ-Артуръ. Приведенная силою событій подъ стѣны Портъ-Артура черезъ десять лѣтъ послѣ неудачно ратификованнаго договора, Японія не могла не видѣть въ овладѣніи этимъ пунктомъ осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій не только въ силу стратегическихъ условій, но и по политическимъ и даже по національнымъ причинамъ.

Пока японцы организовали армію и подготавливали наступленіе, нами былъ занятъ цѣлый рядъ промежуточныхъ позицій между Дальнимъ и Портъ-Артуромъ. Въ серединѣ іюня японская осадная армія перешла въ наступленіе вдоль восточнаго берега Квантунскаго полуострова. Здѣсь въ 10 верстахъ отъ Портъ-Артура наши войска занимали сильную позицію на высотахъ Лунвантаня. Произошелъ рядъ боевъ съ 20 по 24 іюня, и въ результатѣ намъ пришлось отойти къ Драконовымъ горамъ.

Снова произошла почти мѣсячная пріостановка дѣйствій. Японцы готовились къ дальнѣйшему наступленію, на этотъ разъ уже на своемъ правомъ флангѣ, который, послѣ Лунвантанъскихъ боевъ, остался сильно откинутымъ назадъ у Пченцзы. Столь продолжительная пріостановка вызывалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что японцамъ приходилось брать послѣднюю передовую позицію передъ крѣпостью, и немудрено, что нашъ осторожный противникъ принялъ всѣ мѣры, чтобъ обезпечить себѣ успѣхъ.

Нашъ корпусъ занималъ Волчьи Горы, которыя находятся въ 8 верстахъ къ сѣверу отъ Портъ-Артура. Несомнѣнно, что въ виду важности этой позиціи, она была укрѣплена самымъ тщательнымъ образомъ, но, конечно, только полевыми укрѣпленіями.

Въ серединѣ іюля японцы сосредоточили противъ Волчьихъ Горъ громадныя силы (около 70,000 чел., по донесенію генерала Стесселя). При такихъ условіяхъ нельзя было сомнѣваться въ окончательномъ успѣхѣ противника, и 18 іюля, послѣ отчаяннаго сопротивленія, наши войска отошли къ главной линіи обороны.

Занятіе японцами Волчьихъ горъ имѣло большое значеніе. Съ этого момента японцы закрѣпляли за собою все пройденное пространство Квантунскаго полуострова и могли начать непо-

Digitized by Google

средственную атаку укрѣпленій Портъ-Артура. Только съ этого времени и можно высчитывать срокъ сопротивленія крѣпости, такъ какъ всѣ предъидущія дѣйствія происходили внѣ крѣпостного района и имѣли своею единственною цѣлью, по возможности, отдалить приближеніе противника къ фортамъ главной линіи обороны.

Вскорѣ послѣ занятія Волчьихъ горъ произошло чрезвычайно важное событіе, печальный конецъ котораго, въ сущности, уже предрѣшилъ исходъ борьбы за крѣпость. 28 іюля наша эскадра вышла изъ Портъ-Артура съ цѣлью прорваться во Владивостокъ. Въ 50 верстахъ къ юго-востоку отъ Портъ-Артура произошелъ бой съ превосходными силами японскаго флота. Командующій эскадрой, адмиралъ Витгефтъ, былъ убитъ, и тогда-то произошло нѣчто въ высшей степени прискорбное. Вступившій въ командованіе, въ силу старшинства, контръ-адмиралъ кн. Ухтомскій вернулъ эскадру назадъ въ Портъ-Артуръ, причемъ часть судовъ не исполнила этого приказанія и рискнула прорваться, но ни одинъ корабль не достигъ Владивостока, а въ лучшемъ случаѣ нашелъ пріютъ въ нейтральной гавани, гдѣ и разоружился до конца войны. Съ возвращеніемъ нашей эскадры была потеряна надежда на спасеніе хотя бы части ея. И что хуже всего, эскадра погибла, не нанеся противнику почти никакого вреда, не ослабивъ его численно. А это обстоятельство пріобрѣтаетъ, въ особенности теперь, при посылкѣ нами 2-й и 3-й эскадръ, настолько громадное значеніе, что если бы Того потерялъ хотя $^1/_3$ всего своего флота цѣною гибели всей нашей 1-й эскадры, то теперь не представлялось бы никакой надобности въ формированіи 3-й эскадры.

Первыя дѣйствія японцевъ противъ крѣпости заключались въ томъ, что они на всемъ протяженіи линіи обложенія, которая тянулась полукругомъ отъ Лунвантаня до Голубиной бухты, возвели массу осадныхъ батарей и принялись обстрѣливать наши укрѣпленія. Въ концѣ августа японцы овладѣли нѣкоторыми передовыми фортами близъ желѣзной дороги и приведенными въ оборонительное состояніе селеніями Шушингъ и Паличжуанъ. Уже къ этому времени стало выясняться, что японцы ведутъ главную атаку именно на сѣверный фронтъ крѣпости.

Къ такому заключенію приводило не только то, что японцы обнаруживали наибольшую дѣятельность въ этомъ направленіи, но и самое устройство крѣпости.

Въ сущности, Портъ-Артуръ состоялъ изъ двухъ укрѣпленныхъ районовъ—восточнаго и западнаго, раздѣленныхъ до-

Digitized by Google

линою рѣки Луньхе. Вдоль этой долины была проложена желѣзная дорога. Каждый изъ районовъ былъ обнесенъ цѣлымъ рядомъ долговременныхъ фортовъ, прекрасно примѣненныхъ къ мѣстности и къ взаимной оборонѣ. Но первенствующее значеніе, конечно, принадлежало восточному району. Этотъ районъ по своей силѣ, какъ вслѣдствіе благопріятныхъ мѣстныхъ условій (Драконовыя горы), такъ и вслѣдствіе цѣлой системы долговременныхъ укрѣпленій, являлся надежнѣйшимъ оплотомъ въ смыслѣ продолжительности обороны. Здѣсь была сосредоточена большая часть складовъ, арсеналъ, доки, госпитали, всевозможныя жизненныя учрежденія крѣпости. Наконецъ, здѣсь стоялъ и нашъ флотъ, пять эскадренныхъ броненосца котораго все еще представляли извѣстную боевую силу.

Японцы отлично все это сознавали и направили всѣ свои усилія на сѣверный фронтъ именно для того, чтобы разъединить оба укрѣпленные района и тѣмъ лишить защитниковъ крѣпости возможности, опираясь на сплошную линію фортовъ, направлять свой общій резервъ на поддержку наиболѣе атакованнаго участка. Не маловажное значеніе имѣла и Высокая гора, лежавшая въ трехъ верстахъ къ западу отъ желѣзной дороги.

Въ теченіе сентября выяснилось, что противникъ ведетъ подступы противъ четырехъ фортовъ главной линіи обороны на сѣверномъ фронтѣ, а именно Эрлуншанъ и Киквáншанъ (къ востоку отъ желѣзной дороги) и Суньшушанъ и Ицзычжанъ (къ западу отъ желѣзной дороги). Защитники крѣпости принимали всѣ мѣры, чтобы по возможности задержать успѣшный ходъ осады. Наиболѣе наглядным показателемъ высокаго мужества гарнизона служили частыя вылазки на наиболѣе опасныхъ участкахъ. Но, несмотря на всѣ эти сопротивленія, японцы медленно, но неумолимо продолжали подвигаться къ атакованнымъ фортамъ. Время отъ времени нашъ энергичный противникъ внезапно атаковывалъ тотъ или другой фортъ, но всѣ эти попытки овладѣть долговременнымъ укрѣпленіемъ открытою силой не достигали успѣха. Выгода для осаждающихъ заключалась лишь въ томъ, что при отраженіи штурма гарнизону приходилось расходовать значительное количество снарядовъ. Такимъ образомъ боевые запасы все таяли и таяли. Октябрь также прошелъ въ этой неустанной и томительной борьбѣ. Штурмы, вылазки, бомбардировки чередовались между собою, а траншеи все ближе и ближе подходили къ фортамъ. Въ началѣ ноября японцы завладѣли контръ-эскарпами фортовъ Эрлуншанъ, Кикванъшанъ, и Суньшушанъ.

Digitized by Google

Положеніе этихъ укрѣпленій сдѣлалось критическимъ. Ихъ паденіе было лишь вопросомъ времени. Противникъ повелъ минныя галлереи, чтобы взорвать главный валъ (брустверъ), а гарнизоны фортовъ оказались не въ состояніи противодѣйствовать имъ, выводя въ свою очередь навстрѣчу галлереи, ибо въ крѣпости къ этому времени не оказалось уже достаточныхъ запасовъ взрывчатаго матеріала.

Но японцы готовили еще болѣе важный ударъ. Противникъ вѣрно оцѣнилъ значеніе Высокой горы, которая командовала надъ всѣмъ внутреннимъ райономъ крѣпости. Съ этой высоты получалась полная возможность поражать огнемъ осадныхъ орудій не только все пространство между фортами Ицзычжанъ и Анцзычжанъ вплоть до Новаго города, но и часть внутренняго бассейна, гдѣ находились наши броненосцы. Поэтому на Высокую гору (иначе — высота 203 метра) японцы двинули значительныя силы нѣсколькими колоннами и въ теченіе 4-хъ дней, съ 14 по 17 ноября, на крутыхъ склонахъ горы кипѣлъ ужасный бой. Атаки отражались контръ-атаками, послѣ чего люди въ изнеможеніи останавливались, но этотъ перерывъ не приносилъ обороняющемуся никакого облегченія. Тотчасъ-же осадныя орудія открывали убійственный огонь, осыпая тысячами снарядовъ юго-западную часть возвышенности, которая до послѣднихъ минутъ находилась въ нашихъ рукахъ. 17 ноября съ утра къ осаднымъ орудіямъ присоединились и морскія, такъ какъ японцы ввели въ Голубиную бухту нѣсколько канонерскихъ лодокъ. Всѣ эти орудія въ теченіе всего дня обстрѣливали сильнѣйшимъ огнемъ Высокую гору и послѣ такой подготовки (по выраженію телеграммы — „снаряды сметали защитниковъ“) японцы, получивъ сильныя подкрѣпленія, пошли въ рѣшительную атаку и „въ 8 часовъ вечера вся позиція была занята японцами“.

Какъ теперь окончательно выяснилось, японцы, чтобы облегчить себѣ по возможности задачу взятія высоты въ 203 м., начали еще 13 ноября одновременную атаку фортовъ Суньшушанъ, Эрлуншанъ и Кикваншанъ. Поступая такимъ образомъ и въ то-же время атакуя дѣйствительно крайне энергично, японцы заставляли насъ держать резервы и напрягать всѣ усилія именно въ этомъ направленіи. Когда-же на другой день, 14 ноября, стала выясняться атака и противъ высоты 203, лежащей на 2 версты къ западу отъ форта Суньшушанъ, то обстановка сдѣлалась въ высшей степени сложной. Атака велась на фронтѣ въ 10 верстъ противъ 4 важныхъ пунктовъ и въ теченіе 15 и 16 ноября нельзя было съ увѣренностью

Digitized by Google

сказать, въ какомъ-же направленіи послѣдуетъ главный и окончательный ударъ.

Нѣтъ сомнѣній, что защитники крѣпости зорко слѣдили за всѣми передвиженіями противника, но также несомнѣнно и то, что слишкомъ близкое положеніе атакующихъ, занявшихъ контръ-эскарпы фортовъ, удерживало здѣсь значительную часть нашихъ силъ. Когда же, 17 ноября, выяснился главный ударъ на высоту 203, то врядъ-ли мы имѣли возможность во-время подвести сюда нужное количество войскъ.

Что такой ходъ борьбы былъ наиболѣе вѣроятенъ, свидѣтельствуютъ и наши контръ-атаки въ ночь на 18 ноября. Очевидно къ вечеру, когда выяснилась окончательная цѣль противника, сюда, на западный участокъ, были направлены сильныя подкрѣпленія и, по ихъ прибытіи, все было двинуто на штурмъ высоты. Нельзя не отмѣтить поразительнаго мужества гарнизона, который могъ произвести въ теченіе этой ужасной ночи шесть контръ-атакъ!

Къ несчастью, всѣ эти отчаянныя усилія не измѣнили дѣла, и важная высота осталась въ рукахъ противника.

Какъ и слѣдовало ожидать, японцы стали лихорадочно укрѣплять занятую высоту и строить на ней батареи. Всѣ матеріалы были заготовлены и подвезены заранѣе. Тѣмъ не менѣе понадобилось цѣлыхъ 7 дней непрерывныхъ работъ, послѣ которыхъ, 23 ноября, японцы открыли огонь по крѣпости и внутреннему рейду.

Тутъ сразу выяснилось нѣчто неожиданное. Оказалось, что японцы стрѣляютъ по нашимъ укрѣпленіямъ и судамъ изъ 11 дюймовыхъ бомбъ. Но 11 дюймовая бомба — это чудовище въ 4 фута вышиной и вѣсомъ не менѣе 20 пудовъ.

Ничто не можетъ противостоять ея удару. Но въ этомъ-то и былъ весь ужасъ положенія. Дѣло въ томъ, что не только Портъ-Артуръ, но всѣ европейскія крѣпости построены въ расчетѣ, что имъ не придется имѣть дѣло съ 11 дюймовыми бомбами, а только съ 9 дюймовыми.

Въ этомъ случаѣ японцамъ значительно благопріятствовали условія подвоза этихъ громадныхъ и тяжелыхъ орудій моремъ.

По сушѣ-же приходилось ихъ передвинуть на нѣсколько верстъ. Тѣмъ не менѣе фактъ бомбардировки крѣпости 11 дюймовыми бомбами заставляетъ призадуматься и о степени сопротивленія другихъ крѣпостей.

Итакъ, японцы открыли въ концѣ ноября бомбардировку 11 дюймовыми бомбами. Результаты получились для насъ ужасные. Всѣ наши суда были повреждены и опустились на дно внутренняго рейда.

Digitized by Google

Броненосецъ „Севастополь“ вышелъ было на внѣшній рейдъ, но тотчасъ-же подвергся нѣсколькимъ атакамъ японскихъ миноносцевъ и въ концѣ концовъ затопленъ у Золотой горы. Вся наша эскадра, за исключеніемъ нѣсколькихъ миноносцевъ, прорвавшихся впослѣдствіи въ Чифу, погибла...

Не лучше было и съ укрѣпленіями. Одиннадцати дюймовыя чудовища поднимались надъ городомъ на страшную высоту и, стремительно падая, пробивали всякія закрытія. Такъ погибъ 2 декабря незабвенный генералъ Кондратенко, такъ много сдѣлавшій для обороны крѣпости.

Положеніе крѣпости сдѣлалось еще болѣе критическимъ, когда 6 декабря японцы взорвали фортъ Кикванъшанъ и овладѣли имъ, а 15 декабря Эрлуншаномъ. Еще черезъ 2 дня былъ взятъ фортъ Суньшушанъ и Восточный районъ крѣпости былъ отдѣленъ отъ Западнаго. Послѣ этого можно было ожидать, что крѣпость продержится еще 1—2 мѣсяца, ибо ея защитники могли отсиживаться въ уцѣлѣвшихъ фортахъ Восточнаго района. Возможно, что такъ-бы и случилось, если-бы въ крѣпости не изсякли къ этому времени боевые припасы и сражаться больше было нечѣмъ.

20 декабря въ 4 часа пополудни были закончены переговоры объ условіяхъ капитуляціи Портъ-Артура. Эти условія оказались слишкомъ тяжелы для насъ, и такъ какъ все это произошло слишкомъ недавно, то мы не считаемъ нужнымъ перечислять ихъ снова.

Итакъ, случилось то, что рано или поздно должно было случиться. А между тѣмъ, еще въ началѣ мая, когда только выяснилось намѣреніе японцевъ сформировать отдѣльную осадную армію, предназначенную исключительно для дѣйствій на Квантунскомъ полуостровѣ противъ Портъ-Артура, этотъ грозный фактъ былъ встрѣченъ въ значительной части нашей прессы, какъ доказательство недомыслія нашего противника. Въ пространныхъ статьяхъ и въ цѣломъ рядѣ даже „военныхъ“ замѣтокъ настойчиво проводился тотъ взглядъ, что японцы поступаютъ нелѣпо, ослабляя себя на сѣверѣ и осуждая на безплодную осаду на югѣ. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, подробно перепечатывались цѣлыя басни о снятіи осады, о неоднократномъ истребленіи всей осадной арміи, о перевозкѣ значительной части ея на сѣверъ на помощь къ Ояямѣ, о безплодности всѣхъ осадныхъ дѣйствій.

Пора признать, что нѣтъ такой крѣпости, которая не могла бы быть взята. И какъ бы крѣпость ни была снабжена, она не можетъ держаться безконечно. Осадная армія всегда неизмѣ-

Digitized by Google

римо превосходитъ осажденную крѣпость и численностью войскъ, и количествомъ всевозможныхъ запасовъ, которые могутъ непрерывно пополняться. При такихъ условіяхъ борьба всегда будетъ неравна и весь вопросъ въ срокѣ. Въ данномъ случаѣ защитники Портъ-Артура, конечно, могли еще держаться, но вопросъ въ томъ—долго-ли? Разъ сѣверные форты взяты, Восточный районъ могъ бы вынести осаду еще одинъ мѣсяцъ, много—полтора. Но какое бы это имѣло значеніе въ общемъ ходѣ войны? Да и могли-ли въ конецъ измученные люди держаться такъ долго?

Главное же вовсе не въ томъ, могла-ли крѣпость еще продержаться, а въ ея значеніи вообще. Всѣ дѣйствія подъ крѣпостью, какъ въ отношеніи атаки, такъ и защиты ея, являются задачей техники и тактическихъ условій. Нѣтъ сомнѣній, что Портъ-Артуръ даетъ богатый опытъ въ этомъ отношеніи, но теперь слѣдуетъ исключительно смотрѣть на *результатъ*, на значеніе всей операціи. Вѣдь за всевозможными выкриками не усмотришь и истины. Вѣдь мы ведемъ войну, чтобы выиграть ее, а не проиграть, и ясно, что съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ учитывать каждый фактъ.

Вотъ поэтому мы и хотимъ обратить вниманіе на значеніе взятія Портъ-Артура. Прежде всего слѣдуетъ признать полную цѣлесообразность для нашего противника преслѣдованія двухъ цѣлей: дѣйствія противъ манчжурской арміи и осаду крѣпости. Выше мы подробно выяснили все то сложное значеніе, какое представлялъ Портъ-Артуръ. Сюда относились не только стратегическія и политическія, но и національныя причины. 10 лѣтъ назадъ японцы овладѣли Артуромъ, но, по иниціативѣ Россіи, должны были отказаться отъ этого завоеванія, подъ давленіемъ силы. Легко понять, что страна не могла забыть этой обиды. Когда же вспыхнула настоящая война, то развѣ не ясно было, что японцы должны взять Артуръ во что бы то ни стало? Вѣдь только съ уничтоженіемъ нашей эскадры могъ освободиться японскій флотъ! Не могли японцы оставить безъ наблюденія и отдѣльный корпусъ генерала Стесселя.

Въ лучшемъ случаѣ пришлось бы выдѣлить къ Цзинчжоу заслонъ по меньшей мѣрѣ равной силы. Судите же, въ какомъ положеніи очутился бы противникъ, если бы онъ рѣшилъ не осаждать крѣпость. Флотъ Того оказался бы прикованнымъ на все время войны къ Квантунскому полуострову и появленіе эскадры адмирала Рожественскаго, дѣйствительно, поставило-бы японскаго адмирала между двухъ огней. Не въ лучшихъ условіяхъ оказался бы обсерваціонный корпусъ,

Digitized by Google

обреченный на все время войны бдительно охранять тылъ своихъ армій. Въ чемъ же заключалось бы преимущество рѣшенія не осаждать Портъ-Артуръ, а оставить его неприкосновеннымъ въ нашихъ рукахъ?

Теперь же, со взятіемъ Артура, японцы достигли многочисленныхъ и чрезвычайно существенныхъ результатовъ. Флотъ ихъ совершенно свободенъ и до прихода нашей эскадры является полнымъ хозяиномъ моря. Морскія сообщенія вполнѣ безопасны и подвозъ всего необходимаго въ настоящую минуту совершается при условіяхъ мирнаго времени. Въ гавани Портъ-Артура часть японскихъ судовъ найдетъ хорошую стоянку, во всякомъ случаѣ неизмѣримо лучшую, чѣмъ у острововъ Элліотъ.

Не меньшихъ выгодъ достигаютъ японцы и на сушѣ. Возобновивъ укрѣпленія Артура и Цзинчжоу, согласно указаніямъ своего собственнаго кроваваго опыта, и владѣя моремъ, японцы создадутъ здѣсь почти неуязвимый опорный пунктъ.

Армія генерала Ноги, послѣ отдыха, очевидно немедленно будетъ переведена на сѣверъ и значительно усилитъ войска маршала Ойямы. Вопросы продовольствія и подвоза всего необходимаго также упрощаются, ибо Портъ-Артуръ не замерзаетъ.

Наконецъ, въ политическомъ отношеніи паденіе Портъ-Артура произвело громадное впечатлѣніе не только на Дальнемъ Востокѣ, но и во всемъ мірѣ. Ободряющимъ образомъ это событіе подѣйствовало и на японскія войска. Кромѣ того нельзя не предвидѣть, что японцы, вторично завладѣвшіе этой крѣпостью, употребятъ всѣ усилія, чтобы не отдать ее опять.

Между тѣмъ палъ Артуръ или нѣтъ, у нашихъ армій можетъ быть только одна цѣль: *совмѣстныя* дѣйствія противъ японскихъ армій. Только разбивъ Ойяму, мы можемъ говорить и надѣяться на выигрышъ войны. Да и разбить-то надо не одинъ разъ, ибо нѣтъ сомнѣній, что не однимъ же сраженіемъ рѣшится участь всей войны. Ясно, что даже при неуспѣхѣ японцы будутъ цѣпляться за каждую пядь земли, за каждую сопку, деревню, и кто знаетъ, сколько понадобится времени помимо умѣнья и силъ, чтобы выбить ихъ изъ Манчжуріи. А за Манчжуріей идутъ Ляоянъ и Корея. И если уже теперь японцы укрѣпили Ляоянъ со всѣхъ сторонъ, то не ясно-ли, что къ веснѣ они создадутъ (если уже не создали) цѣлую систему такихъ, заблаговременно укрѣпленныхъ, лагерей и позицій.

Digitized by Google

Право-же не стоитъ ссылаться только на неудачу. Есть чрезвычайно мѣткое и вѣрное выраженіе нашего великаго Суворова о неудачахъ и ихъ дѣйствительныхъ причинахъ. Не будемъ приводить это изрѣченіе, но не будемъ и валить все на „злой рокъ“.

П. К—въ.

Digitized by Google

Военно-политическіе отголоски.

РУССКІЙ БОГАТЫРЬ.

I.

Князь Владиміръ, стольно-кіевскій,
Пиръ почестный затѣвалъ,
Славныхъ витязей дружинниковъ
На веселье созывалъ.

Всѣхъ просилъ хозяинъ ласковый
Въ гридню свѣтлую свою, —
Да забылъ Владиміръ-Солнышко,
Не позвалъ на пиръ Илью.

О ту пору много прибыло
Изъ чужихъ краевъ людей,
Именитыхъ, гордыхъ витязей
И добычливыхъ гостей.

Князь любилъ ихъ рѣчь узорную,
Лесть ихъ хитрую любилъ,—
И позвать Илью нескладнаго
На почестный пиръ забылъ.

О ту пору князь съ княгинею
Полюбили гуслей звонъ
И пригожихъ, статныхъ стольниковъ
Чинный, вѣжливый поклонъ.

Digitized by Google

По чужому, по заморскому
Князь съ княгиней ставилъ домъ...
Какъ за столъ садиться княжескій
Съ мужикомъ-богатыремъ?

Какъ-бы онъ—спроста, безъ хитрости—
Словъ неладныхъ не сказалъ?
И на пиръ Илью нескладнаго
Князь Владиміръ не позвалъ...

II.

Старъ-матеръ казакъ коня сѣдлалъ,
Въ торока вязалъ суму:
Не по мысли въ стольномъ городѣ,
Тѣсно въ Кіевѣ ему.

Мать-пустыня молчаливая
Снова въ путь его зоветъ,—
Тамъ обиды горькой жалобу
Буйный вѣтеръ разнесетъ,—

Степь размыкаетъ кручинушку...
Принимай, родная ширь!..
И обидой, и тревогою
Истомился богатырь.

Вѣщимъ страхомъ сердце мучится,
Черныхъ думъ не отогнать...
Выручай-же, степь раздольная,
Помоги, пустыня-мать!

Не дорогой прямоѣзжею,
Не по шумнымъ городамъ,—
Безъ пути и безъ дороженьки,
По болотамъ и лѣсамъ,

Стороной, таясь отъ встрѣчнаго,
Въ старомъ сердцѣ скорбь тая,
Въ безпросвѣтной черной думушкѣ
Ѣдетъ сумрачный Илья.

Digitized by Google

Брови сдвинуты суровыя,
Лобъ морщинами изрытъ,—
Лишь съ конемъ про злую долюшку
Онъ дорогой говоритъ.

III.

О ту пору въ стольномъ Кіевѣ
Шли веселые пиры,
Гости тѣшились заѣзжіе,
Пѣли пѣсни гусляры,

И веселымъ, шумнымъ праздникомъ,
Безпечальна и свѣтла,
Какъ рѣка подъ яснымъ солнышкомъ,
Жизнь привольная текла...

Но не все сіяетъ солнышко...
День ненастный настаетъ:
Царь Калинъ ярлыкъ изъ-за моря
Съ похвальбою князю шлетъ,—

Мужиковъ грозитъ повырубить
Князя въ Кіевѣ схватить
И на дымъ всѣ церкви Божіи
На Святой Руси пустить.

Змѣй-Тугаринъ вновь изъ-за моря
Въ тучахъ къ Кіеву летитъ,—
Машетъ крыльями бумажными,
Вѣчной ябедой грозитъ.

Хитрыхъ крыльевъ тѣни черныя
Закрываютъ неба сводъ,
Надъ церквями въ старомъ Кіевѣ—
Крестъ сіять перестаетъ.

Замутились люди въ Кіевѣ,
Овладѣлъ сердцами страхъ,
Зашумѣла голь кабацкая
На широкихъ площадяхъ,

Digitized by Google

Съ куполовъ сбиваютъ маковки
И кресты хотятъ сбивать,
Чтобы съ пьяной прибауткою
Въ кабакахъ ихъ пропивать

Отъ татей, воровъ, отъ вольницы
Нѣтъ по Кіеву пути,—
Даже внизъ, къ Днѣпру широкому
За водою не пройти.

VI.

Что-же князь сидитъ задумчивый
Въ свѣтлой гридницѣ своей,—
Не зоветъ заѣзжихъ витязей,
Не зоветъ богатырей?

Или рѣчи ихъ досужія
Хороши лишь на пирахъ?
Или нѣтъ ума и совѣсти
Въ ихъ затѣйливыхъ словахъ?

Гдѣ застава богатырская,
Что стояла въ старину?—
Затуманился князь-Солнышко,
Думу думаетъ одну.

Много есть могучихъ витязей,
Много есть богатырей,
Да стоять за землю русскую,
За кресты святыхъ церквей,

За святыни православныя,
За родной земли укладъ —
Они что-то не торопятся,
Не умѣютъ, не хотятъ.

Много есть отважныхъ рыцарей,
Да у нихъ печаль—своя...
Гдѣ ты, силушка великая?
Гдѣ ты, дѣдушка Илья?

Digitized by Google

Ты одинъ безъ лести хитростной
Князю правду говорилъ,
На заставу богатырскую
Вольной волей выходилъ.

Не искалъ ты княжьихъ почестей
И богатства не искалъ, —
Ты одинъ по чистой совѣсти
За святую Русь стоялъ.

Затуманился князь-Солнышко,
Вспомнилъ правду старыхъ дней
И велѣлъ сзывать по Кіеву
Въ теремъ свой богатырей...

V.

По скамьямъ сидятъ дружинники,
Впереди честной синклитъ, —
Князь Владиміръ, Красно Солнышко,
Передъ ними говоритъ:

„Вамъ скажу я, люди добрые,
„Про тоску-печаль мою, —
„Изобидѣлъ понапрасну я
„Друга вѣрнаго, Илью.

„Обвели меня захвальщики
„Съ чужедальной стороны,
„Отвели отъ правды дѣдовской,
„Отъ завѣтной старины,

„Голосъ правды опорочили,
„Слово лести говоря, —
„И обидѣлъ я безвиннаго
„Всей земли богатыря.

„Онъ ушелъ отъ насъ изъ Кіева,
„Мы его напрасно ждемъ...
„Помирите, люди добрые,
„Вы меня съ богатыремъ.

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ПЯТАГО.

Книга I. Январь.

		стр.
1.	Святыни. Романъ кн. *Д. П. Голицына (Муравлина).* . . .	3
2.	На родной батареѣ. Стихотвореніе *Н. Б. Хвостова.* . . .	70
3.	Воспоминанія о нѣкоторыхъ писателяхъ прошедшаго столѣтія и ихъ письма. I. О Н. В. Варадиновѣ. Проф. *Н. И. Субботина.*	72
4.	Письма о современной Финляндіи. *Н. А. Талина.*	84
5.	Токіо. Романъ *І. М. Пилипенко.*	104
6.	Къ вопросу объ университетской реформѣ. *Русскаго.* . . .	151
7.	Судья Крупичъ и генеральша Горстъ. Разсказъ *Л. Бабича.* (Переводъ съ сербско-хорватскаго М. Петровскаго). . .	163
8.	Письма о флотѣ. *А. Бѣломора.*	202
9.	Восточные мотивы. Стихотвореніе *Д. И. Стахѣева* . . .	222
10.	Догмы русскаго нигилизма. *Н. М. Соколова.*	226
11.	На театрѣ военныхъ дѣйствій. *Ю. Ельца.*	258
12.	А. Г. Рубинштейнъ. *М. М. Иванова.*	305
13.	Рѣшеніе чешскаго религіознаго вопроса. *І. Голечка.* . .	324
14.	Журнальное обозрѣніе. *Н. Я. Стародума.*	349
15.	Современная лѣтопись. Польская „золотая свобода“ и русская „желѣзная неволя“.—Расхищеніе власти.—Кирилло-Меѳодіевская традиція и свобода совѣсти.—Русское Самодержавіе и начала законности, гласности, самоуправленія и представительства.—Земскіе соборы и Петровское начало коллегіи и сената.—Починъ, выработка, обсужденіе и санкція закона.—Партійно-выборный строй и правленіе большинства.—Мысль и страсть.—Свобода слова или свобода сквернословія?—Организація общественнаго разума. — Партіи принциповъ и партіи интересовъ. — Междуплеменные вопросы въ Россіи. — Именной Высочайшій Указъ 12 декабря. — Рѣчь гласнаго В. А. Шо[illegible]лова. *Николая Энгельгарта.*	388
16.	Обзоръ внѣшнихъ событій. Происшествіе въ Сѣверномъ морѣ. *В. А. Теплова.*	433
17.	Военное обозрѣніе. Отъ начала войны до конца ноября. *П. К—ва.*	449
18.	Военно-политическіе отголоски. Стих. *Н. М. Соколова.* . .	466

Digitized by Google

„Снаряжай коня, Добрынюшка, —
„Ты поѣдешь за Ильей:
„Вы когда-то побратался
„На заставѣ боевой.

„Онъ другихъ и не послушаетъ,
„Тяжела его рука...
„Слово брата и товарища
„Не обидитъ старика.

„Встрѣтишь ты его, Добрынюшка,
„Бей поклономъ до земли:
„Думы долгія, тяжелыя
„Въ старомъ сердцѣ залегли.

„Говори съ нимъ по учтивому, —
„Встрѣчныхъ словъ не говори, —
„Что, молъ, въ Кіевѣ соскучились
„Безъ него богатыри, —

„Въ стольномъ Кіевѣ съ княгинею
„Князь Владиміръ его ждетъ
„И къ себѣ во гридню свѣтлую
„На почестный пиръ зоветъ.

„Не въ концѣ стола сидѣть ему
„Рядомъ съ челядью княжой...
„Противъ князя за дубовый столъ
„Сядетъ витязь не чужой,

„Не заѣзжій, не захвальщина, —
„Сядетъ силушка своя,
„Богатырь народа русскаго,
„Старый Муромецъ, Илья".

Н. М. Соколовъ.

Digitized by Google

Книга II. Февраль.

		стр.
1.	Святыни. Романъ *кн. Д. П. Голицына (Муравлина)*	469
2.	Письма о современной Финляндіи. *Н. А. Талина*	507
3.	Токіо. Романъ *Г. М. Пилипенко*	524
4.	Географическій факультетъ. Проф. *Ив. Дусинскаго*	585
5.	Сонъ доктора Мишича. Разсказъ *Л. Бабича*. (Переводъ *П. Н. Петровскаго*)	594
6.	Восточные мотивы. Стихотворенія *Д. И. Стахѣева*	624
7.	Новые матеріалы для біографіи князя В. А. Черкасскаго. *И. О—наго*	629
8.	Послѣдній царь. Стихотвореніе *В. Уманова-Каплуновскаго*	650
9.	Наши торговыя школы	653
10.	Итоги нашего финансоваго хозяйства за 1903 годъ. *С. К.*	659
11.	На театрѣ военныхъ дѣйствій. *Ю. Ельца*	676
12.	Догмы русскаго нигилизма. *Н. М. Соколова*	714
13.	П. Д. Голохвастовъ о русскомъ государственномъ строеніи и земскомъ соборѣ. *Н. В.*	745
14.	Журнальное обозрѣніе. *Н. Я. Стародума*	763
15.	Современная лѣтопись.—Капитуляція Портъ-Артура.—Лѣтопись безпорядковъ.—Забастовка рабочихъ.—Учрежденіе Петербургскаго генералъ-губернаторства.—Посланіе Синода.—Рѣчь Государя рабочимъ.—Истинный смыслъ событій 9 января.—Политическія требованія послѣднихъ мѣсяцевъ.—Гарантіи единства власти, народа и территоріи при Самодержавіи.—Гарантіи законности при Самодержавіи.—Гарантіи правъ личности при Самодержавіи.—Челобитная Русскаго Собранія.—Политическая формула истинно-русскихъ людей.—Работы Комитета Министровъ по выполненію указа 12 декабря.—Возрожденіе Сената. *Николая Энгельгарта*	792
16.	Обзоръ внѣшнихъ событій.—Происшествіе въ Сѣверномъ морѣ. *В. А. Теплова*	847
17.	Военное обозрѣніе.—Краткій очеркъ борьбы за обладаніе Квантунскимъ полуостровомъ и крѣпостью Портъ-Артуръ. *П. К—ва*	867
18.	Военно-политическіе отголоски. Стихотворенія *Н. М. Соколова*	884

Digitized by Google

Подписка на 1905 годъ на газету

„ГАЛИЧАНИНЪ“.

Ежедневная русская газета „ГАЛИЧАНИНЪ“, выходящая 25-ый годъ во Львовѣ, въ австрійской Галиціи, посвящена въ первой линіи дѣламъ четырехмилліоннаго русскаго населенія, живущаго въ предѣлахъ Австро-Венгріи, желающаго жить русской жизнью и соблюдать народные и религіозные завѣты своихъ русскихъ предковъ.

„ГАЛИЧАНИНЪ“ освѣщаетъ всякіе вопросы, касающіеся русской народности и церкви въ предѣлахъ австроугорской имперіи, именно же въ Галичинѣ, сѣверо-восточной Венгріи и Буковинѣ, въ которыхъ областяхъ живетъ около четырехъ милліоновъ русскаго населенія.

Въ виду того „ГАЛИЧАНИНЪ“ можетъ быть интереснымъ для всякаго русскаго, желающаго ознакомиться съ положеніемъ и развитіемъ своихъ единоплеменниковъ по-за предѣлами Россіи.

Подписка на „Галичанинъ“ выноситъ въ Россіи: на годъ **14 руб.**, на половину года **7 руб.** и высылается въ городъ Львовъ (Австрія, Галиція) въ редакцію „Галичанина“.

О. А. Марковъ,

редакторъ-издатель.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1905 году,

издаваемый В. В. Комаровымъ.

(Пятидесятый годъ изданія).

Въ 1905 году „Русскій Вѣстникъ“ вступаетъ въ пятидесятый годъ своего изданія. Преемственно изъ года въ годъ въ этомъ журналѣ переходятъ завѣты его мощнаго основателя. „Русскій Вѣстникъ“ стремится объединить духовные и матеріальные интересы всѣхъ слоевъ русскаго народа, выяснить начала мирнаго, плодотворнаго взаимодѣйствія сильной и закономѣрной, общественной самодѣятельности съ предначертаніями власти, чуткой къ нуждамъ и духовнымъ запросамъ народа. Въ числѣ своихъ задачъ „Русскій Вѣстникъ“ считаетъ необходимымъ возможно жизненнѣе опредѣлить русскую національную задачу во всей ея полнотѣ и въ естественной связи съ жизнью славянскихъ народовъ. Пришло время освободить, насколько возможно, русскую созидательную мысль отъ ига искусственно привитыхъ ей предразсудковъ, какъ отвергаемыхъ уже строгою наукою, такъ и непріемлемыхъ русскою дѣйствительностью.

Отдѣлъ беллетристики особенно богатъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Для 1905 года редакція располагаетъ выдающимися произведеніями князя М. Н. Волконскаго, князя Д. П. Голицына, В. И. Крыжановской, Вл. Л. Маркова, Н. И. Мердеръ, Д. И. Стахѣева, Ѳ. Ѳ. Тютчева, І. І. Ясинскаго и др.

Digitized by Google

Въ 1905 году „Русскій Вѣстникъ“ сохранитъ по прежнему свои постоянные отдѣлы, при сотрудничествѣ Н. А. Энгельгарта, В. А. Теплова, М. М. Иванова, Н. Я. Стечькина, Н. М. Соколова, С. А. Короленко. Въ виду военныхъ дѣйствій „Русскій Вѣстникъ“ открываетъ въ 1905 году еще новый—военный отдѣлъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, съ доставкою въ **Москвѣ** и **С.-Петербургѣ**, съ пересылкою и доставкою во всѣ мѣста Россіи **16** р., **за-границу 20**.

Принимается подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ (съ 1 января и съ 1 іюля) **8** руб., на 3 мѣсяца **4** руб. и на 1 мѣсяцъ **1** р. **50** к. съ пересылкою и доставкою.

Книжные магазины пользуются уступкою по **50** коп. съ годового экземпляра. Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136—138.

Digitized by Google

Digitized by Google

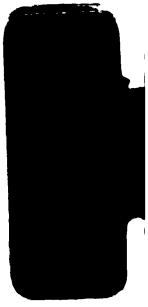
Digitized by Google

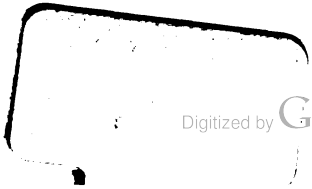
This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

S





Digitized by Google

Widener Library
3 2044 098 421 100

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ВЪ 1905 г.,

издаваемый В. В. Комаровымъ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТИДЕСЯТЫЙ).

«Русскій Вѣстникъ» въ 1905 году будетъ выходить по прежней программѣ, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе **«Русскаго Вѣстника»**, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ: съ доставкою въ **С.-Петербургѣ и Москвѣ** и съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 16 р., а **за границу** 20 р.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ 8 р., на 3 мѣсяца 4 р. съ пересылкою и доставкою.

Книжные магазины пользуются уступкою по 50 коп. съ годового экземпляра.

Подписка на сроки менѣе года принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136.

Digitized by Google

Редакторъ-Издатель *В. В. Комаровъ.*